

Anna Arsenyeva

Исправить все.

Мирриэль.

День 1

Холодно, как же холодно. Все тело ноет, острая боль рвет на части. Таак, уже лучше, раз есть боль — значит... есть жизнь..., что здесь вообще происходит???

Надо попробовать открыть глаза, так напрягаемся и....

Яркий свет обжигает чуть приоткрытый глаз. Нееет, так нельзя, надо по чуть-чуть.....

Что за запах? О, еще один орган чувств проснулся, отлично. Остается вспомнить кто я, где я и что я тут делаю, да еще... как я тут....

Мысли в голове не помещаются... все сознание — это звенящая пустота.

Руки... как будто сталь загоняют под ногти, холодными иглами колют каждый сантиметр плоти, это онемение, скоро пройдет... как же хочется потянуться, расправить плечи, но что-то мешает, не дает. Тяжелыми холодными тисками сжаты запястья... и... и лодыжки тоже.... КАНДАЛЫ....

Надо сделать усилие, открыть глаза, больно... текут слезы, сжимаю зубы до хруста.... Кусаю пересохшие, потрескавшиеся губы... соленые капли остаются на губах... влага.... Наверное кровь... не знаю... надо понять... надо увидеть... надо вспомнить....

Неимоверные усилия, через боль, через страх....

А может не надо??? Пусть все будет как есть? Зачем цепляться за это? К чему терпеть боль? Легче опять провалиться в забытие... там нет боли, там нет оков, твой дух не может быть скован кандалами... там проще... там легче... там нет ничего... только покой, свобода.... Легкость.... Там я могу парить, летать... смотреть на все свысока и не думать... все становится не важно... все теряет смысл....

Нет-нет-нет, прочь.... это не мои мысли, я так не думаю.... Надо открывать глаза и все рассмотреть.... Попробовать...

— Воды...

— Очнулась, зови Ищущую, — голос спокойный, решительный, мужской... хотя нет, скорее молодой мужчина... как же сложно соображать-то...

Из его слов понятно, что я — женщина, уже хоть то-то о себе знаю... и то приятно... Интересно....

— Кого звать-то? — отозвался второй голос, еще более молодой....

Меня окружают мужчины....бrrrrr, куда я попала-то???? И как я выгляжу, интересно, я хоть одета??? Судя по пронизывающему до костей холоду, вряд ли... неловко как-то... Надо открывать глаза... срочно....

Звонко что-то стукнуло, отразившись от стен. Мелодичный звон... на что-то похож, но не могу вспомнить на что...

Опять не туда... надо ловить мысль и думать только ее.... За что бы ухватиться..... ой, не могу, нет не хочу.... Голова кругом идет, теряю сознание....

Что-то происходит... Кажется меня обливают водой....Холодный поток уносит капли крови с губ... куда??? Это связывало меня с реальностью... не надо... и без того холодно, изверги, что ж вы делаете....

Зубы стучат, мокрая одежда противно липнет к телу, остужая его до полного оцепенения... Ну хотя бы понятно, что одежда есть... Непроизвольно сжимаю кулаки и

открываю глаза.... ХММ что ж мне в прошлый раз так по глазам светом ударило-то? Света почти нет... чадит два факела и все... забавно... а в прошлый раз слепило.... Теперь не вижу ничего.... Только тени на стенах....

Ан нет.... Не только на стенах.... Вот одна прямо передо мной стоит.... с ведром.... Так это ты меня облила???? Ненавижу....

Хотя что-то я тороплюсь с выводами... вроде даже мысли в кучу собрались, так и жмутся друг к другу, пытаюсь согреться в мокрой замерзшей голове.... Спасибо тебе, даже не знаю какого ты рода... тень... вроде проясняется в голове... уже не звенит... может еще разочек... я даже не обижусь... можете меня даже окунуть куда-нибудь... я заодно попью.....

— Воды... — неимоверным усилием воли заставляю себя прохрипеть это слово....

— Дракон дери этих остроухих.... Что лопочет??? Кто-нибудь понимает...??? — резкий, отрывистый голос, женский???

Через пару секунд понимаю смысл сказанного.... Неожиданно..... я — эльф, оказывается.... Все интереснее и интереснее....

Начинаю осознавать, что думаю я, не на том языке, на котором говорят стоящие рядом... Прошу воды, а в голове звучит «валендарра»...

— Командир, у нас же тут есть эльф-отступник, затесался после катастрофы... вроде даже маг... как же его... Инар или Энир-как-его-там... выдумают же имена... язык сломать можно, прикажите привести?

«вахта лин» — думает голова.... Не те слова...

— не надо... — я вспоминаю слова...

«Не хочу чтобы меня видели в таком жалком состоянии... тем более вроде как собрат... а я тут в кандалах и мокрая, как курица....» позор.... Почему? Не знаю... я вообще ничего не знаю...

— О, так ты и по-нормальному можешь говорить??? — усмехается женщина.

Теперь она подошла ближе, слабый отблеск факела отражается в наполированных до рези в глазах доспеха... она вся закована в латы.... Ничего себе... А что так можно? Женщина-воин... где я? Кто я? Ну понятно... я — эльф, и судя по тому, что я в кандалах — наверняка что-то натворила... да вот только это была не я... Я вообще ничего не понимаю.....

— Воды, — шепчу на общем языке... губы уже пересохли, внутренности горят, как на огне поджаривается все внутри, надо охладить... нужна вода...

Женщина-воин подносит к моим губам чашку с холодной водой, глотаю, на женщину смотреть боюсь. Смотрю только на тающую с каждым жадным глотком, воду... Холодная влага разливается по всему телу.... Теперь уже не снаружи, как после холодного душа, теперь уже внутри... становится легче шевелить губами, становится проще произносить слова...

Женщина подносит мне вторую чашку. Пью ее с той же жадностью, что и первую... Легче... все... теперь уже не хочу проваливаться в забытие... уже хорошо.... Просто благодать...

— Кара? Что тут у вас? — жадно глотая очередную порцию воды, понимаю, что это еще один женский голос... другой, не такой властный, но.... Что-то мурашки бегут по спине, от его тихого спокойствия, и многообещающей вкрадчивости... Давлюсь водой, испытывая не сравнимое ни с чем чувство паники... Если бы я только могла превратиться в мышь и забиться в какую-нибудь свою норку.... Подальше от этого спокойного голоса... ой, не

нравится мне это все.... Но я не могу даже пошевелиться... теперь я уже вижу, что руки и ноги скованы: цепи от каждой руки и ноги прикреплены к стенам, движения ограничены, все что я могу себе позволить это сесть, не более того... рядом топчутся, мои старые знакомцы — молодые воины... они регулируют натяжение цепей и если вздумаю бунтовать, в секунду смогут меня разложить на полу... даже не приближаясь...

— Она пришла в себя. Пока разговор не клеится, она не очень сильна в общем языке, или придуривается... не понимаю пока, — с изрядной ноткой дружелюбия поясняет вошедшей женщина-воин. — Пока вот только пить попросила...

Пока женщина-воин, Карра, смотрела на вошедшую, я тайком бросила взгляд на нее. Впечатляет... высокая, выше на голову стоящих рядом мужчин, да и в плечах... шире их, коротко стриженные темные волосы (ну не удобно, наверное, шлем на косы надевать...), фигура, да не видно ничего под латами, хотя... нет, под доспехом особо не рассмотришь.... Лица не видно, она спиной ко мне стоит.... А жаль, было бы интересно.... Но вот на ее знакомую, я так и не решилась взглянуть. Не просто страшно, страшно до оторопи.... И так разговаривают, как будто меня здесь нет...

Начинаю стонать, пытаюсь привлечь их внимание...

И тут же испугалась собственной наглости/храбрости/глупости и срочно прикусила язык...

Тут же на меня немного удивленно и очень возмущенно посмотрели две пары глаз: одни глаза были болотно-зеленые и красовались они на утонченном лице незнакомки, а другие темно-карие принадлежали Каре... рассмотреть больше ничего я не успела....

Острая боль пронзила меня: ее источник покоился где-то в груди, а безумная волна холодного огня обожгла все тело, и, докатившись до мозга, погасила возвращающееся сознание.

Пленница.

Небольшое поселение Лоринг затерялось у подножия матери гор Эрстан. Никогда в этих местах не было такого количества людей. Очень редкие охотники доходили до этой деревушки, и иногда, по дороге в Круг огня, останавливались маги. Теперь же в деревушке кипела жизнь, был разбит небольшой военный лагерь, где отдыхали у костра или занимались военной подготовкой, вернувшиеся с дозоров воины. И все благодаря старому форту, который сливался с горой, становился ее неотъемлемой частью. Возведен форт был для защиты поселенцев от атак орков, его грозные стены и башни были различимы из любого окошка поселения, выходящего на гору, но орки давно уже не пытались перебраться через реку и форт был заброшен. Именно там был назначен совет земель, подальше от любопытных глаз. Конечно сами участники совета, не станут заезжать в такое захолустье, но сопровождающие их небольшие отряды должны где-то ночевать и что-то кушать. Небольшой отряд Видящих, сопровождал каждого из архимагов, несколько десятков Ищущих прибыли с главой церкви, простые воины и несколько торговцев. А еще в деревушку бежали простые люди, оставляя свои дома, она спешили укрыться от демонов все чаще появляющихся в округе. Частокол и ворота, запираемые на ночь, были лучшей защитой, чем их простые дома. Проведя некоторое время в Лоринге, беженцы отправлялись дальше, искать новые более безопасные места для жизни, подальше от разломов и выходящих из них демонов. Некоторые оставались. Вступая в ополчение, они брали в руки оружие, чтобы защищать свои семьи, опытные воины обучали рекрутов. Столько постояльцев не могли разместиться на местном постоялом дворе, тут и там были расставлены укрытые легким белым снегом палатки.

Между палатками бегали детишки, с любопытством наблюдавшие за тренировками взрослых и жадно прислушивающиеся к разговорам. Они подбирали палки и тоже сражались между собой. Все было как всегда, детям было не понятно, почему обеспокоены взрослые, почему высланы дополнительные патрули к старому форту, они обижались, что им запретили выходить за ворота деревни. Дети не могли понять, что обычная, нормальная для них жизнь закончилась. Глухой рокот предстоящей войны уже докатывался до этих безмятежных мест.

Всего одна дорога вела в деревню, и на ближайшем перекрестке расходилась в три стороны, одна поворачивала налево к большому тракту до столицы, другая, сворачивая направо, вела к башне магов, третья огибала деревеньку и вела дальше в горы к древнему форту. Зима была ранней и на мягком белом покрывале снега оставались следы десятков ног, людей, пришедших в деревню в последние дни. Дорога к форту, была утоптана вся, снега на ней не осталось, только жидкое грязное месиво, в котором застревали тяжелые сапоги. По этой дороге теперь ходили только вооруженные люди, и зачастую, они не возвращались. Несколько застав по дороге к форту удерживали оборону, не подпуская демонов к Лорингу. Но даже помощь Видящих и Ищущих не играла решающей роли, представителей ордена Нейтралитета не было, как и магов, способных закрыть разломы, демоны появлялись все чаще, и единственное что удавалось людям — это не подпускать их близко к деревне. Основная застава на мосту, ведущему к форту через искусственный ров, была последним рубежом. Что делалось за ней, никто не рассказывал. Все знали только одно, совет земель не состоялся. Все его участники, предположительно погибли. Две разведывательные группы, отправившиеся на место, должны были вернуться только сегодня. Все ожидали возвращения разведки, сохраняя напряженное спокойствие.

На центральной площади, меряя ее шагами, ходила молодая женщина. Легкие кожаные доспехи смотрелись на ее утонченной фигуре, словно, самый дорогой шелк. Курчавые волосы рыжим неуправляемым солнцем выбивались из-под капюшона. Она то и дело бросала тревожные взгляды на ворота. Она ждала. Обе разведывательные группы возглавляли ее друзья. Она не сомневалась, что они вернутся, но ожидание становилось невыносимо. Неизвестность для мастера-шпиона, хуже любых новостей, именно поэтому, она не находила себе места. Когда к воротам подошли разведчики, она обратилась к возглавляющей группу женщине.

— Карра?!!! Карра!!! Ты в порядке? Что там случилось? Что произошло? Где все? — Энель подошла к группе из пяти человек, быстрым шагом ворвавшись на площадь.

— Карра???? Не молчи, скажи же что-нибудь, где ее святейшество? Где послы?

Устало подняв забрало, Карра взглянула на подругу. И, не выдержав ее взгляда, опустила глаза:

— Все погибли, Энель. Все.... Никто не выжил, мы.... Мы не смогли подойти ближе, но.... То, что мы видели.... Выжить было невозможно...

— Карра, но там же были маги. Они могли успеть... — надежда таяла с каждым словом, стоило лишь взглянуть на разведчиков.

Не выжил никто...

Судьба всего королевства решалась на этом собрании, все главы, всех орденов, представители всех земель.... Там были все... Только короля и королевы там не было, вместо них на совет прибыли дипломаты, и все погибли...

Карра отпустила своих людей и угрюмо посмотрела на ожидавшую их шпионку.

— Энель? Что будет с нами теперь? Там были все, все кто готов был идти на

компромисс в решениях, все... Кто мог остановить войну между магами и видящими. Кален со своими разведчиками еще не вернулся? Может быть им повезет... больше... чем нам...

— Они пришли, чуть раньше вас. Я не успела поговорить с ними. Им удалось найти какую-то уцелевшую эльфийку, но кто она такая — не знает никто, в официальных списках из эльфов числился только наследник одного из кланов, он представлял свой народ, но он был один, скорее всего она — шпионка. Надо будет допросить, когда она придет в себя, пока она без сознания, Кален нес ее всю дорогу — стараясь не думать о последствиях произошедшего Энель рассказывала подруге последние новости, что делать дальше... не знал никто.

— Из всех архимагов четырех кругов уцелела шпионка-эльфийка???? Ничего себе... что-то тут не так... Кален что-нибудь сказал?

— Карра, я понимаю, что тебя не радует его находка, — Энель, хитро взглянула на свою подругу, — она просто пленница, но, возможно, она сможет что-то пояснить. Он поместил ее в камеру, сейчас должен вернуться.

Карра сняла шлем и провела пятерней в латной рукавице по взмокшим волосам.

— Не смейся, подруга, и так тяжело... А зная Калена... Как он? На рожон не полез, спасая «девицу»...

— Мы доверили ему возглавить наши войска, а ты сомневаешься в нем? Мы не ошиблись в выборе командора?

— Нет-нет, Энель, он отличный полководец, но... Как и у каждого из нас, там у него погибли друзья, не просто друзья — практически семья... его учитель тоже был там, глава ордена, где он служил, все были там, я боюсь, что он может глупостей наделать, если его боль, совсем затмит его разум... Надо его найти...

— Карра, имей смелость признать, что ты просто хочешь его увидеть, а судьба пленницы — тебя мало тревожит... Он справится...

Они замолчали, каждый погружившись в свои мысли.

— И все-таки, надо его поискать...

— Кого собираешься искать? — нахмутив лоб, к ним подошел молодой мужчина.

Поверх забрызганных дорожной грязью лат была наброшена подбитая мехом накидка, шлема на голове уже не было и морозный горный ветер небрежно трепал светлые волосы, рука небрежно лежала на кинжале притороченном у пояса, с другой стороны пояса висел меч. На крупном лице без труда можно было насчитать десятков мелких шрамов, широкие скулы, волевой подбородок, узкие бледные губы, ничего не выделяло это лицо из толпы, ничего, кроме глаз: яркие голубые глаза пронзительно смотрели, казалось прямо в душу. Благодаря своему росту и сложению он казался горой, рядом с обеими женщинами, тяжелая броня не доставляла ему ни малейшего неудобства, казалось, что он даже не замечает веса своих доспехов.

— Так ты за мной собралась, Ищущая? Вот он я.

— Кален, где она? — встревожилась Энель.

— Все в порядке с остроухой, доставил ее, как была, в местные казематы, она все равно без сознания, никаких хлопот не доставила, ей бы туда только хоть соломы накидать, а то совсем пленница озябнет, того и смотри допрашивать некого будет, холодно там... Все вернулись, кто уходил со мной, — сокрушенно покачал он головой. — А там... Кроме нее — никого мы не нашли... Даже тел не нашли... только демоны одни, мы даже подойти близко не смогли к основному разлому, только вот ее нашли. Она появилась на краю одного

из мелких разломов, не доходя до форта, хотели стрелять, а она идет и кричит что-то, на своем, никто ничего не понял. Потом она упала, просто вот упала и не шевелится.... Тут и демоны начали появляться, и будто мухи на мед, все к ней толпой ринулись... Тут уж пришлось очень быстро принимать решение, я за ней кинулся, что меня заставило, сам не понимаю, не спрашивайте, я ее схватил и бегом оттуда, даром, что она словно пушинка, на плечо закинул и понес. Ну, а что потом случилось.... Не могу я вам пояснить... сам не понимаю... Демоны, что оголтелые лезут из разлома, девица в обмороке на плече валяется, да голову могу дать на отсечение, без сознания она была, мои мне крикнули, что сзади демоны приближаются, я ее с плеча скинул, чтоб отбиться, отбил, вроде раскидал их, глядь, а они уже направление поменяли, я девчонку хочу схватить, а ее нет... Смотрю один из демонов волочет что-то...

— Что я тебе говорила, Энель, коль с горя не убьет, так в спасатели запишется, — Карра уперлась руками в бока. — Все, Кален, хватит.... Расскажешь вечером за кружкой.... Или лучше с начала и с подробностями и под несколько кружек... да чего-нибудь покрепче.

Кален коротко кивнул.

— Тогда до вечера в таверне, дамы, буду вам сказки на ночь рассказывать, а пока пойду, передохну чуток, — он махнул рукой и оправился в свой шатер.

У шатра его ожидали с докладами командиры, остававшиеся в лагере. Выслушав их отчеты и раздав необходимые указания, он смог, наконец, остаться один. Стащив с себя все доспехи, он отдал их полировать мальчонке-оруженосцу, а сам занялся оружием. Полируя и затачивая меч, он пытался отвлечься, от того, что рассказывал, но не мог... картинка за картинкой он видел сцену спасения девушки. Он помнил каждую секунду. Переживая их вновь и вновь, и сомнения одолевали его. В конце концов, он поднялся и отправился в острог, куда сам поместил пленницу. Никакими силами он не мог объяснить, почему его тянет именно туда, он пытался оправдаться тем, что ему жизненно необходима правда, о том, как она там оказалась, что там произошло, но... даже себе он с трудом мог признаться, что ему просто нужно было увидеть ее еще раз. Он боялся ее. Никогда и ничего он не боялся так, как этой непонятной девушки. Он пытался вспомнить, что заставило его в одиночку отправиться к тому разлому, но не мог. Просто в один момент в его мозгу вспыхнула мысль, что ему немедленно нужно оказаться именно там. И он не смог от нее отмахнуться, он не смог бы признаться своим подругам, что он просто бегом бежал к недвижно лежащему телу на самом краю разлома, что он встал как вкопанный, осознав, что перед ним просто юная эльфийка, а не кто-то из участников совета. И тем более он не смог бы описать им то, что случилось потом...

Набросив теплый плащ на широкие плечи, он вышел из палатки. Пытаясь собраться с мыслями, он ходил по лагерю, слушал последние новости, но тревожные мысли не покидали его, перед тем как пленницу допросят Карра и Энель, ему нужно самому убедиться, он должен быть уверен. В чем он хотел удостовериться, что хотел узнать у пленницы? Он хотел быть уверен, что она не сводит его с ума, что это не ее голос он слышал у разлома, что это ему почудилось. Или может быть, он хотел еще раз услышать ее голос у себя в голове? Одно он знал наверняка, ни Карра ни Энель не должны знать, что он может ее слышать. Для Карры — это станет достаточным основанием, для его возвращения в цитадель Видящих. Он спустился в камеру, куда ее поместили. Было холодно, очень холодно, даже ему... Дверь послушно отворили, дежурившие внутри солдаты... Они стучали зубами, кутаясь в теплые плащи. Быстрый осмотр помещения подтвердил опасения Калена, на девушку надели

кандалы и наручники, цепями соединенные со стенами камеры, цепи натянули, буквально распяв бесчувственное тело посреди камеры. Сколько прошло времени с момента, как он ее оставил здесь? Час-два, а Карра уже взяла все в свои руки. Она распорядилась внутренними войсками, все солдаты внутри периметра Лоринга были под ее командованием, и даже уважение к нему, как к полевому командиру, не могло отменить того факта, что здесь командует она. Карра не шутила, она предпочитала перестраховываться, на всякий случай, безопасность не бывает лишней.

— Идите, согрейтесь, пока, я присмотрю, вам пара кружек эля точно не помешает...

— Но, командор, — неуверенно сказал один. — Нам не велено ее оставлять одну. Ищущая, приказала, следить за пленницей...

Кален посмотрел на парня очень прямо, как умеют только Видящие:

— Ты не оставил ее одну, приказ Ищущей, не нарушен. Я остаюсь с пленницей. Или ты думаешь, что в один миг это несчастное существо, на которое вы нацепили железа больше, чем весит она сама, сможет освободиться от всего этого и еще со мной справиться? — он расправил широкие плечи, полностью закрыв входную дверь.

— Нет, командор, Кален, в мыслях не было...

— Вот и славно, ступайте же. И захватите на обратном пути тюфяк хоть какой, она же до утра не доживет в таких условиях.

Она лежала в кандалах посреди комнаты, он неодобрительно покачал головой, все таки Карра перебарщивает с безопасностью, прошел и ослабил все цепи, натягивавшие ее руки и ноги, так что она не могла пошевелиться. Уже через мгновение она свернулась калачиком, стремясь сохранить исчезающие остатки тепла. Он сел рядом с ней на холодный пол. Сняв с плеч плащ, укрыл ее.

— Что ты со мной делаешь? Как ты это делаешь? Почему только я слышу тебя?

Его опасения и надежды подтвердились, в голове звучал чистый голос: «Спасибо. Мне очень холодно. Мне очень больно, но с болью... вы ничего не можете сделать... я не опасна, я не причиню вреда, я... Мне очень страшно и очень холодно...»

— Я не могу тебе помочь. Ты пленница, к тебе масса вопросов. Просто отвечай честно и тебя никто не обидит... Как ты это сделала? Как ты закрыла разлом? Что произошло там, на горе.

На сей раз голос не ответил. Он слышал, как стучат ее зубы, он чувствовал, как коченеют ее руки и ноги, даже не касаясь их...

— Да, что же ты будешь делать, — сердито хлопнул он себя по колену. — Я не могу позволить тебе замерзнуть, даже если ты пленница, я... я и так не смогу никому ничего объяснить... как??? Как ты влезла ко мне в голову? Может ты демон? И теперь тыхватило мой разум? И я должен бороться...??? Но как????

Он укутал ее своим плащом, и сел рядом, взяв ее окоченевшие руки в свои ладони, он стал согревать их дыханием.

Именно так, он делал всю дорогу, от разлома до Лоринга. Путь недалекий, всего несколько часов до моста, но внезапно он понял, что эти несколько часов, в нем что-то изменили, теперь ему уже будет не хватать именно этих ледяных рук, которые нужно согревать своим дыханием. Наваждение какое-то. Тогда, у разлома, он не увидел ничего, просто тело. Сейчас он видел перед собой, тонкие черты лица, у людей таких не бывает, казалось, что она вся просто фарфоровая кукла, очень тонкой работы. Бледная кожа, светлые волосы, чуть ниже плеча, лицо испачкано и исцарапано. Совсем худенькая, почти

прозрачная, словно паутинка, страшно даже прикасаться, немудрено, что он не почувствовал ее веса за весь путь. Его полный комплект доспехов весит больше, чем все это существо. И в то же время, он чувствовал что-то еще, чего не мог выразить словами. Нежный хрупкий эльфийский цветок, лежащий перед ним, хватался за жизнь, пытался удержаться, сжимая почти прозрачные кулачки, так что на ладонях выступала кровь от врезающихся в них ногтей. Она была борцом, она хотела вернуться. Столько желаний жить, он не встречал никогда. Она ни разу не пришла в себя с момента как он ее подобрал, с момента как он ее потерял, когда их нагнали демоны и утащили ее. Он бросился в погоню, благо, они не успели уйти далеко... Ее тянули назад, к разлому, было понятно, что ее просто собираются забрать туда, в их мир, в мир тьмы и демонов. В голове его впервые зазвучал голос: «Спасите, нет, нет, нет.... не отдавайте меня, пожалуйста.... Они не выпустят меня потом... помощи...» из крика голос переходил в шепот и затихал, потом он слышал плач и крики ужаса, все это заняло лишь пару секунд, но казалось, что время замерло, и ее отчаянный, но беззвучный крик повис над миром навсегда. Тогда он бросился за ней, он смог отвлечь демона, тащившего ее за ногу к разлому. Демон бросил свою ношу, чтобы отбить неожиданную атаку. Бой не был затяжным, демоны не были из высших, такие мелкие не представляют опасности для обученных воинов. Стоя над горсткой пепла, оставшейся от демона, Кален прижал к себе обмякшее, легкое тело: «не отпускай меня, прошу!!! Не отдавай меня ИМ», молил голос в его голове.

Он вспомнил, что на тот момент ему на ум не пришло ничего лучше, чем просто хмыкнуть, прижать ее к себе и тихонько прошептать: «Не отдам».

Демоны окружили их, вот огненный демон ярости, собирается их спалить своим огнем, страха не было, совсем... было желание спрятать ее, закрыть собой, спасти, чтобы она уцелела. Внезапно пришло понимание, что ее жизнь важнее, важнее его жизни, жизни его солдат, важнее всего. Она должна была выжить, выжить любой ценой. Он приготовился к смерти, и грозно зарычал, считая, что это последний раз он выпускает воздух из своих легких и может сотрясти землю боевым кличем...

Он видел стену огня, мчащую ему на встречу и вдруг, тело, что он бережно прикрывал собой, обрело собственную волю, освободившись из его медвежьей хватки, она вышла вперед, нет, не вышла, она плыла в воздухе, встала перед ним, как бы закрывая его своим маленьким телом. Первым порывом было оттащить ее подальше от опасности, но потом, он увидел свет, разгорающийся у нее на груди, яркий, синий насыщенный огонь. К ним неслось красно — желтое пламя демона, а ему на встречу вдруг покатила голубая волна. Голубое сияние распространялось во все стороны. Кален приготовился отбить магический удар, в этом и была особенность подобных ему, он может возвращать магу, его заклятия в виде острой боли, настолько сильной, на сколько много энергии было вложено в атакующее заклинание, но поток голубого огня, прошел сквозь него подарив ощущение мягкого домашнего тепла, уюта, даже материнской нежности. Кален остановился, такой магии он никогда не встречал. Когда же голубая волна столкнулась с первым нападавшим, раздался оглушительный предсмертный вой, голубое пламя охватило демона, через мгновение, когда волна отступила от того места где только был демон на земле лежала лишь горстка пепла. Предсмертные вопли страшных порождений немира оглушали его, разрывали в клочья тишину морозного горного воздуха, насыщали все вокруг своим пеплом, которым играл ветер, они оглушали и подавляли, но даже на фоне всей этой кокофонии, он слышал, как кричала она.... Он не мог понять, то ли это крик боли, то ли это крик ярости, он не видел ее

лица, но он видел, что все тело ее окутывал голубой кокон, слепящий глаза. А потом ее тело стало подниматься в воздух, все еще окутанное синим коконом, она парила над землей на высоте верхних крон деревьев, демонов на земле уже не осталось... он мог бежать, но застыл в ожидании того что будет дальше... а дальше... от ее груди прямо к разлому протянулась голубая нить... постепенно она становилась все больше и ярче, превращаясь из нити, в канат, и канат стал расширяться с той стороны где находился Разлом. Внутри голубого сияния закрутились энергетические вихри и окутанный до того золотой каемкой нарушения баланса Разлом, стал смыкаться, закрываться, золотая кайма становилась все светлее, пока не исчезла вовсе.

Ошарашенный увиденным он смотрел на место, откуда только что рвались демоны.... Все было спокойно, демонов не было... не было даже следа от разлома....

Голубое сияние вокруг нее бледнело, она медленно опускалась на землю, кружилась, словно оторвавшийся лист на легком ветерке. Порыв незримого ветра опускал ее медленно и нежно, так укладывают в колыбель укачанного ребенка, воин даже не успел понять, как она оказалась рядом с ним. Вытянув руку, он привлек ее к себе, когда он почувствовал ее дыхание неровное и очень слабое, пришло понимание, что теперь все правильно, все на своих местах, голубое сияние исчезло.

И не было никакой силы у нее, она только сжимала маленькие кулачки и стонала. Не могла она уничтожить армию демонов, нет. В хрупком теле едва теплилась жизнь. Она была без сознания...

Он взял ее на руки и вернулся к своим людям.

— Что мне делать с этим??? Как...мне все объяснить кому-то если я сам ничего не понимаю...

Скрипнула половица за дверью, он аккуратно высвободил ногу, на которой лежала ее голова и встал.

— Я скоро вернусь, мне надо подумать. Я... — он запнулся понимая, что говорит вслух, а в дверь уже стучат.

Он встал и отпер дверь.

— Отлично, тьюфяк не забыли, и я укрыл ее своим плащом, иначе она не дотянет и до утра, не то, что до допроса. Если будет спрашивать Карра... ищущая... Скажите, что если она захочет это оспорить, пусть найдет меня... Пленнице нужен целитель. Я попробую кого-нибудь отыскать.

— Да, командор.

Уложив девушку на принесенную постилку, он подошел к двери, и невероятным усилием воли заставил себя не оглядываться.

Когда он вышел солнце было еще высоко, надо себя в порядок привести что ли и перекусить...

«Из меня никудышный сказочник, но придется что-то придумать.... Не могу же я рассказать мастеру-шпиону и боевой подруге, что слышу голос у себя в голове.... И что это голос нашей пленницы, которая, возможно, виновата, в гибели всех, кто собрался на этих переговорах.... Мне придется что-то придумать.... Энель, конечно, догадается, что это не совсем правда.... Но это будет потом. А пока.... Пусть все будет так....»

Он открыл широкую дверь таверны и погрузился в запахи вкусного жаркого и крепкого эля. До вечерней встречи еще далеко, но поесть-то надо...

Вечер в корчме.

Небольшая двухэтажная постройка в центре поселения служила постоянным двором и харчевней. На втором этаже располагалось около семи комнат для гостей, а первый этаж был отведен под обеденный зал. Около десятка простых столов с такими же простыми скамьями и стульями. На стенах охотничьи трофеи, некоторые даже настоящие. Чадающие свечи под потолком почти не давали света, маленькие лампадки со свечами на каждом столе, чтобы посетители могли хоть что-то рассмотреть. Полумрак и простота. За стойкой молодой человек, сын хозяина, разливает напитки по кубкам и кувшинам. Улыбчивый корчмарь, Жан, вечером как всегда при деле. Его пухлое тело на толстых ногах ловко перемещалось по полному залу, успевая услужить всем, до кого не могли добраться две его дочери. Корчма славилась своим элем. В эти трудные времена, только хозяин всегда был весел и приветлив, такое скопление солдат и беженцев значительно увеличивало его доход, потому он и старался, и подгонял дочерей, выбиваясь из сил, поспевать к каждому клиенту.

Вечер в таверне шел своим чередом: на блюдах над румяными колбасками вился сладкий дымок, кружили голову смешивающиеся в воздухе ароматы разных сортов выпивки.

Энель не любила когда ее тревожат, поэтому Жан аккуратно поставил перед ней кубок, кувшин вина и блюдо с едой и так же тихо испарился. Всем в деревне была известна мастер-шпион, ее стройность, женственность и молодость уже никого не могли ввести в заблуждение, все видели как на стрельбище, она попадала в собственную стрелу, раз за разом расщепляя торчащее из мишени древко, все знали, что под строгим зеленым церковным плащом, у нее два кинжала тончайшей работы, никто не сомневался, что ими она умеет пользоваться так же хорошо, как и луком. Ее боялись. Она была воспитанницей, первой помощницей ее преподобия матери Фелириты. Все знали ее любовь к своей наставнице, все понимали ее скорбь. Поэтому ее предпочитали обходить стороной, не попадаться лишней раз ей на глаза.

На столе перед Энель лежал список участников собрания, она пробегала по нему глаза уже который раз, пытаясь представить, как будет складываться жизнь без всех этих людей:

— Представители знатных домов: теор Максид с женой и старшим сыном, теор Квард с супругой, теор Гвин в сопровождении матушки и сыновей, теор Торвиг — с семейством, теор Наржалвин, теринна Прууви, Канды и Прасы семьями.

— ее Святейшество матушка Фелирита — представительница церкви,

— архимаги,

— Глава Ордена Ищущих, людей, специально обученных для раннего определения магических способностей, которые путешествуют по всему миру, в поисках молодых магов и привозят их в круги магии в зависимости от возможностей, где уже истинные маги обучают молодых, под присмотром Видящих. Командор Лавренсий он был наставником Карры, в те далекие времена, когда она еще проходила обучение.

— Глава ордена Видящих командор Мартин. Призванные контролировать магов, эти люди всегда были охранниками магов как от простых людей, которые боятся магии, так и от самих магов. Годы изнуряющих тренировок (и регулярное употребление галлюциногенов) давали Видящим необыкновенные возможности: они могли не только раньше других определять отступничество, они смотрели в самую глубину твоих мыслей и могли определять кто из магов, сейчас нуждается в поддержке, дабы не оступиться, они же занимались арестами и содержанием уже оступившихся магов. Кроме всего прочего, особо одаренные могли не только распознавать ложь, они могли чувствовать малейшие изменения в поведении собеседников и чувствовать, когда от них что-то скрывают. Этот человек был

близким другом Калена.

— Глава ордена Нейтралитета. Лучшие воины, посвятившие всю свою жизнь служению, они были готовы всегда, но не людские битвы их волновали и не разделы власти, они были хранителями мира от «Немира»

— Представитель эльфов, единственный сын вечного короля Лета.

— Представители гномьего царства (к счастью, королевская семья не покидает подземные замки, на сбор приехали живущие на поверхности дальние родственники).

Список продолжался еще на нескольких листах, но все остальные имена и звания не могли вселить такого трепета, как первые в списке гостей.

С большими сложностями долгими переговорами и взаимными упреками, но было достигнуто соглашение об общей встрече. Общую тревогу вызывали все чаще образующиеся разломы, орден нейтралитета уже просто не справлялся со своими обязанностями, а тут еще и маги восстали и перестали закрывать разломы, сдерживаемые нейтралами. Донесения из башен были тревожные: все больше магов приходили к выводу, что магам в Империи живется лучше и надо бы сделать у нас так же как там, дать магам полную свободу и поставить их руководить всеми. Эльфы так же просили слово на совете. Никто не ожидал, что король Лета откликнется, приглашение ему было послано из чистой формальности, но вместо короля на совет поспешил его сын, с каким-то важным донесением, но что хотел рассказать эльф, так и осталось тайной. И гномы хотели выступить перед всеми как всем известные дельцы и мастера. В то же время необходимо было решить и дела людские касательно замков, границ, вассалов и господ. Это было большой победой, собрать столько разных и зачастую конфликтующих сторон, для обсуждения проблем и решения вопросов, необходимых для процветания и благополучия.

Совет должен был продлиться неделю.

Но, два дня назад, в первый день заседаний, совет Земель был сорван, он был не просто сорван, были уничтожены все представители, приехавшие на него, все до одного. А между тем, в мире еще не знают, что произошло в древнем форте. Еще сегодня утром, они надеялись найти выживших, но вот вернулись Карра и Кален, больше надежд не было. А из башен магов летели вороны, с вестями о восстаниях. В половине башен идут стычки между Видящими и магами... при этом гибнут не только противостоящие стороны, но и мирные жители, которым не удалось вовремя спастись от разбушевавшихся магов или совершенно озверевших Видящих.

Эльфы, оплакав своего единственного наследника, заговорят о злом умысле людей.

Ищущие, не могут выполнять свой долг, взбунтовавшиеся маги нападают на всех, воинам приходится забыть о поисках новых магов и обеспечивать порядок в тех местах, где их застало восстание.

Гномы говорят об опасных дорогах и прекращении торговых отношений, так как ни один караван не может быть в безопасности.

Люди, потеряв своих теоров, подвергаются опасности, те, кто должен обеспечивать порядок, становится разбойником, пока короли решают вопросы наследования земель, плодятся банды; люди забывают о своем долге, братья хватаются за вилы, и идут друг на друга.

Энель уронила голову на руки, то, что должно было все решить, все погубило.... Именно совет стал причиной конца всего, всего, что она, как правая рука преподобной матери, глава шпионской гильдии при церкви, долго планировала, выбирая и кандидатов и место встречи,

планируя все... она всех подвела, она провалила свое главное задание, и теперь.... Все мертвы...

— Ты уже поела, Энель? — Карра стояла рядом с подругой. — Все перечитываешь список в поисках нашей незнакомки.

— Нет, Карра, я уверена, что ее там не было, и быть не могло... Я уже даже и не думала об этом...

— А как ты отнеслась к поступку Калена? Плащ он ей принес... — она возмущенно фыркнула...

— Карра, он прав, если девушка умрет от холода или болезни, мы так ничего и не узнаем. Не стоит так к ней относиться, Карра, ты ревнуешь, но девушка не виновата. Твое отношение к Калену мешает тебе принимать верные решения и толкает на необоснованную жестокость. Не стоит срывать на девочке, думаю, она даже и заговорить-то с ним не имела возможности... не то, что попытаться его соблазнить, дорогая Ищущая...Прими это как есть...Мне кажется, что ты не в силах изменить ситуацию в свою пользу таким сомнительным образом.

— Плохо иметь в подругах, шпионку... ей даже рассказать что-то невозможно... она уже все знает, — Карра опустила на стул... и тяжело вздохнула. — Я правда, очень хочу что-то изменить... Да чтоб его... что еще я должна сделать, чтобы он увидел во мне не только товарища??? Как... я не знаю.... Я могу драться на мечах, могу скакать сутками в седле, я могу чувствовать и уговаривать молодых магов.... Но я совершенно себе не представляю, как вызвать пыл у мужчины.... Энель, ты моя подруга...

— Между прочим, Карра, меня ты к нему тоже приревновала изначально, — Энель заулыбалась, показав белые жемчужины зубов. — Ты даже мне взбучку пыталась устроить... помнишь? Это было лет 15 назад, наверное.

Карра тоже улыбнулась.

— Конечно, я помню... Он только прибыл в круг, такой робкий, еще совсем юный Видящий, это было его первое посещение круга, после обучения, и тут приезжаешь ты с преподобной... Я прямо видела, как блестели у него глаза, когда он смотрел на тебя...

— А оказалось, что смотрел он вовсе не на меня, а жаждал получить аудиенцию у ее преподобия, как молоды мы были тогда, это была моя вторая поездка с преподобной, она только взялась меня обучать, а ты... ты ведь тогда еще была на обучении, как давно это было. Мы ведь тогда чуть не подрались, — Энель взяла подругу за руку и заглянула ей в глаза, — ты не сможешь привязать его насильно, он ценит тебя, как воина, он проводит с тобой ночи, но... разве это все что тебе нужно? К тому же, Карра, он Видящий, и уже довольно давно, ты сама знаешь, что... это значит, ты сама знаешь, как оканчивают они свою жизнь и как тебе кажется, сколько он еще продержится? Он мой друг, Карра, но сколько я не искала, я не нашла ни одного Видящего, который прослужил бы ордену более 17 лет, даже их командоры, доживали до седин, лишь потому, что становились Видящими уже когда были взрослыми, а сколько было Калену, когда он стал Видящим? Сколько ему осталось? Ты уверена в своих желаниях, Карра? Ты уверена, что сможешь вернуть его на их остров, когда придет его час, если вас будет связывать что-то кроме дружбы? Даже с другом будет сложно так поступить, а с возлюбленным? И что ты выберешь тогда? Долг или его? А что будет, если ты выберешь его? Карра, мне кажется, что Кален это понимает лучше тебя, поэтому и держится на расстоянии. А еще, подруга, ты не думала, почему он просил вашего командора взять на совет именно тебя? Ты, безусловно, одна из лучших, но я не думаю, что

это было основной причиной. Я думала об этом, Карра. Он призвал тебя. Он знает, что близок его час и знает, что, что бы ни случилось, тебе он не сможет навредить, даже если все будет совсем плохо. Я прошу тебя, оставь ему его время, не усугубляй, ты же знаешь, чего Видящим стоит каждый их день, а тут еще ты, со своими чувствами. Пожалей его. А твоё отношение к пленнице — Карра — это вообще ужасно, я скажу тебе, что приказала выдать одеяло, и снять цепи, а так же выдать ей сухую и теплую одежду, мы все-таки в горах. Я, безусловно, достаточно жестока, но только с теми, кто этого заслуживает, девочка же не сделала ничего дурного, кроме того, что оказалась не в то время не в том месте.

Жан поставил на стол вторую чашу и испарился. Карра наполнила кубок и осушила его до дна.

— Да, Стрелочка. Ты права. Я забыла обо всем, когда опять его увидела. Но ты во всем права. Я только очень надеюсь, что ты ошиблась, что он не призывал меня. Я не справлюсь с этим, точно не справлюсь, — она еще раз пригубила вино. — А вот и он. Стрелочка, я сегодня последний раз, хотела бы побыть...с ним... я честно, последний, проститься что ли... Надо у него потихоньку разузнать зачем он ходил к пленнице и призвал ли он меня, поможешь?

— Дааа... я слыхала это уже столько раз.... Но препятствовать тебе не стану. Попробую выведать что-нибудь... дорогая подруга, но он Видящий, ты же понимаешь, что с ним такие игры опасны.

— Обо мне судачите, девочки? — Кален подошел к их столику и сел. — Учитывая, что всем нам было непросто в последние пару дней, вы обе просто чудесно выглядите.

Жан появился у стола сразу, командора сложно было не заметить, когда он появлялся, в харчевне сразу становилось тесно. Своих дочерей, корчмарь к Видящему не подпускал, обе были готовы расстаться с честью, лишь за один приветливый взгляд мужчины, в первый день у них чуть до драки не дошло, кто ему вино подносить будет, решили спор просто, Жан всегда обслуживал командора сам. На столе тут же появилось блюдо с колбасками и божественно пахнущие овощи, кубок и еще бутылка вина.

Кален посмотрел на Жану, поблагодарил и улыбнулся только уголками губ. Свара дочерей корчмаря его забавляла, об этом ему поведали его солдаты ставшие свидетелями той ссоры. Кален был признателен хозяину, за верное решение. Еще с влюбленными девицами ему хлопот не хватало. Взяв кубок со стола, воин отпил вина. Несмотря на приветливый тон, его глаза не улыбались, в голосе не было ни нотки радости, скорее это была обычная форма приветствия, не более чем соблюдение этикета.

— Да мы тут вспоминали как познакомились с тобой...тогда еще совсем зеленым Видящим... мне припомнилось какими обожающими глазами ты смотрел на преподобную мать — Энель начала шпионскую игру, пытаюсь вывести Калена на откровенность.

Но он лишь устало мотнул головой.

— Стрелочка, я знаю тебя много лет, не стоит отрабатывать на мне свои техники, я их Чую, ты же знаешь, если у тебя есть вопрос — просто спроси, Энель, я всегда отвечу на столько правдиво, на сколько это будет возможно и прилично.

— Ну что с тобой делать.... Не зря ты все же стал одним из лучших Видящих... мне становится с вами скучно, вы совершенно не хотите играть по моим шпионским правилам, никакой интриги и закулисных войн.

Энель скорчила обиженное лицо и взяла чашу с вином. Кален глянул на нее и улыбнулся, взгляд его потеплел.

— Говори уже мастер-шпион, что ты хотела выведать у меня?

— Зачем ты приходил к пленнице? — напускная игривость тут же исчезла, теперь они говорили о деле.

— Проведать, она все еще без сознания, — он выпил еще глоток, — ей нужен целитель и тепло, я слышал, как стучали ее зубы еще до входа в камеру. Карра, к чему такие цепи? Она не гигант, не дракон, она даже пошевелиться не может с такими оковами? Зачем бессмысленная жестокость?

— Кому-то приходится помнить, что она единственная кто выжил там, и проявлять бдительность.

— Карра, я скорблю, не меньше твоего, но смерть единственного свидетеля, не вернет нам близких, это неразумно...

— Кален, не переживай, я распорядилась чтобы цепи сняли и устроили ей хотя бы что-то похожее на спальное место

Кален склонил голову в знак признательности:

— Она очнулась?

— Нет, это пока без изменений, — Энель опустила глаза.

— Энель, — Кален внимательно всматривался в опущенную голову собеседницы. — Дорогой мой друг, ты опять пытаешься что-то утаить от меня. Ты зачем меня опять испытываешь?

— Ты невыносим. Кален. Как с тобой можно дружить? Ты же не даешь возможности нормально общаться, ты сразу всех выводишь на чистую воду. Это просто бесит меня, никаких тайн...

— Энель, у тебя достаточно тайн, но давайте мы в нашем кругу будем честны между собой. Итак?!

— Один из охранников позвал нас, когда она начала стонать. Карра дала ей напиток, она выпила пару чашек и снова лишилась чувств.

Кален взял чашку, внимательно изучая ее содержимое.

— И? — Кален не отрывался от содержимого своей чаши.

— Это все. Больше не было ничего.

— Почему не позвали меня?

— А зачем? Она в сознании-то пробыла пару минут. Она болтала сперва по-эльфийски, потом на общем попросила воды, допив вторую чашу, вскрикнула и отключилась, — Карра оторвала ножку курицы и поднесла ее к губам.

— Карра, почему мне кажется, что ты пытаешься оправдаться? Что ЕЩЕ произошло?

— Кален, да ты просто.... У меня слов нет, с каких пор ты стал Видеть всю ложь и чувствовать любые тайны? Еще пару дней назад за тобой я такого не замечала. Я спокойно могла недоговаривать что-то и ты не реагировал на это, а сейчас, ты просто... читаешь нас, как открытую книгу — шпионка внимательно изучала напряженное лицо боевого командира, пытаюсь понять, исходящее от него напряжение, которое просто висело в воздухе, как грозовая туча, сгущаясь с каждой минутой.

— Энель, я не могу этого объяснить. Я чувствую... я вижу как ты кусаешь губу изнутри, я вижу как Карра усердно на меня не смотрит, делая вид что отвлеклась на что-то. Я не могу объяснить, но я чувствую, что вы обе пытаетесь что-то скрыть... что-то незначительное, но вы боитесь, — он посмотрел прямо в глаза Энель, немного сощурившись, как будто пытаюсь рассмотреть что-то вдаль. — Вы боитесь, похоже, моей реакции... на ваш поступок или на

ваши домыслы, пока не могу понять. Перестань, Ищущая, пытаться проникнуть в мои мысли, я не владею магией и тебе это известно, ты не сможешь ничего рассмотреть. Это касается арестантки, так ведь? Я не могу понять, почему она вызвала у тебя такую паническую ненависть, эльфийка без сознания не представляет угрозы, а ты просто ненавидишь ее за то, что она выжила? Итак, Карра, что еще ты сделала, за что тебе стыдно? Надеюсь, вода, которую ты дала ей не была отравлена? Нет, ты бы так не поступила, это скорее в духе нашей шпионки. Тебе больше по душе физические воздействия... Карра, — его голос начал звенеть от сдерживаемого напряжения, — я надеюсь, ты не применила силу к бесчувственной девчонке?

— Нет, да нет же... просто водой плеснула, когда я вошла со стражником, она опять отключилась и что-то там бормотала, я просто плеснула на нее водой из ведра, чтобы привести в чувства, — не выдержала Карра. — Уф, сказала, ненавижу что-то таить от Видящих, все равно докопаются, так еще и смешают тебя... Тьфу...

Кален откинулся на спинку стула, прикрыл глаза рукой и улыбнулся. Убрав, руку он посмотрел на собеседниц:

— Вот мы и выяснили кое-что, Карра, не надо так. Но это не все. Энель, что еще тебя тревожит и почему у Карры дрожат руки, когда она на меня смотрит? Почему мне кажется, что один из лучших Ищущих пытается утаить от меня панику? Что еще произошло? Вы говорили обо мне, и?

— Кален, прекрати, остановись, — Энель уже выходила из себя.

Видящие очень редко отличались тактом, когда они Видят ложь, они должны узнать, что за ней скрывается — это их долг, но в такой ситуации, Кален обычно проявлял терпимость и позволял друзьям уходить от ответов. Что-то с ним случилось, он не был таким никогда. Энель с ужасом подумала, что она права, он призвал Карру. Он выбрал ее своим тюремщиком. Она встретилась с ним глазами. Пусть лучше он почувствует ее тревогу, чем то, что он может Увидеть в Карре. Кален смотрел прямо, не отводил взгляда, он просто смотрел. Потом он опустил голову и выпил глоток вина, замолчав на несколько секунд, он осознавал увиденное.

— Нет, Энель, я не призывал Карру. Я думаю, что еще не пришло мое время. Можете больше об этом не разговаривать. Это бессмысленно. Если Карра ничего не чувствует, как могу почувствовать я? Это ее работа в конце концов. Но я буду рад, если она будет меня сопровождать на остров, когда время придет. На этом я считаю тему исчерпанной, — Кален ни разу не позволил голосу дрогнуть, они не должны знать, пока еще не время. Он редко лгал своим подругам, но это была маленькая ложь во спасение, пока он еще справлялся, пока еще его время не пришло, но он хотел, чтобы Карра была рядом, он призвал ее, но не мог в этом признаться подругам, еще рано.

— А теперь я могу вам спокойно рассказать, что произошло, когда мы ее нашли. Чтобы прояснить мою заботу о... девушке... Вы просили длинный подробный рассказ, но все что там произошло, случилось очень быстро. Мы увидели ее, рассмотреть кто это не было возможности. В любом случае я поспешил на помощь, потому что она была едва жива. Демоны пытались ее утащить назад, я отбивался. Демоны все прибывали, они окружили меня с девушкой, она... Я могу только сказать, что это была не магия, или точнее не та магия, к которой мы привыкли, я не чувствовал ничего. Она создала вокруг себя и меня магический щит, но не просто щит, он уничтожал всех демонов, которые к нему приближались, вот так просто... обращал их в пепел. Все это время она была без сознания, я

готовов ставить все что угодно, она не приходила в себя. Когда все демоны были уничтожены, она закрыла разлом!!! ЗАКРЫЛА!!! Я видел это собственными глазами, и не могу этого объяснить, возможно, это была случайность, это необходимо перепроверить, возможно, она — наш единственный шанс, закончить все это.

— Что??? — Энель, чуть не подпрыгнула. — Закрыт разлом? Она закрыла разлом? Как это произошло? Что происходило? Как это выглядело?

— Закрыла разлом? — Карра опешила — закрыла разлом... но... ведь никто еще никогда этого не делал, тем более в одиночку, около десяти магов было необходимо, чтобы заблокировать любой из них и просто запечатать, но не закрыть.

— Вот именно, Карра, вот именно, — Кален потянулся за кубком и с наслаждением отпил из него. — Она сделала это одна, и очень быстро и все это время она даже не приходила в себя. На груди у нее разгорелся голубой огонь, просто из ниоткуда появился, потом это пламя образовало вокруг нее как бы... купол, наверное, и он начал расширяться, сталкиваясь с демонами эта... штука, она просто их уничтожала, а потом ее подняло в воздух и... я не знаю как это рассказать... от ее груди к разлому протянулась голубая нить, потом нить расширилась и внутри нее закрутились вихри и разлом просто исчез... не осталось даже следов того, что он там был. Я не понимаю, что именно я видел, но могу с уверенностью сказать, какие последствия были у этого.... Не осталось ничего, никаких последствий, ничего...

— На груди? Кален, ты сказал на груди у нее источник этого голубого непойми чего?

— Именно, Карра, первые отблески голубого света появились у нее на груди...

— Медальон.... У нее на груди, висит какая-то штука на тонкой цепочке, вроде цветок какой-то, я рассмотрела, пока поливала ее...

— Медальон? Я не заметил.

— Нужно будет присмотреться, быть может, дело не в ней, а именно в этой штуковине, и если ее передать кому-то, более надежному, мы сможем...

— Я понял ход твоих мыслей, Энель. Можно будет попробовать, но потом, сперва нужно будет убедиться, что все именно так, как мы полагаем, т. е. нужно дать ей возможность повторить этот фокус с закрытием разлома, а потом уже принимать решение, а для этого, девочки, нам нужно, чтобы она пришла в себя и окрепла, а значит ей нужен лекарь.

— Мы все поняли, Кален — ответила за двоих Энель. — Но она все еще пленница, пока мы не решили чего-то другого, поэтому надзор я сниму, но не более того, больше никаких уступок, ей еще многое придется нам объяснять.

Все промолчали.

— А теперь, давайте просто поедим и выпьем. Нам не повредит небольшая передышка. Вы оба сегодня только вернулись из походов, вам необходимо слегка расслабиться, — Энель подмигивает подруге.

Бегство.

Спотыкаюсь, подаю, поднимаюсь и продолжаю бежать. Быстрее еще быстрее, нельзя останавливаться. Кровь стучит в висках, словно кузнечный молот, сердце вырывается, но останавливаться нельзя, надо бежать, и не смотреть по сторонам, ни в коем случае не смотреть. В прошлый раз остановка чуть не стоила мне жизни, один взгляд на окружающий мир сковал меня ужасом на несколько секунд. Я не помню от кого бегу, но знаю, что должна бежать. Голубой огонек на груди не дает забыть о... о чем? Я обещала бежать и спастись, я

должна спастись, это важно, я не знаю почему, но это важно.

Они не отстают, они догоняют, я не знаю дороги, просто бегу вперед не сбавляя темпа, не останавливаясь, выкладываясь, прорываться... Уворачиваюсь, от возникшего на пути демона и бегу дальше, бегу... Ноги немеют, становятся ватными, падать нельзя, слабость мне сейчас не поможет, я должна спастись, должна.

Бешеная гонка с препятствиями, сколько я бегу? Я не помню, кажется всю жизнь, и нет конца этой погони, как не было никогда и начала, я бежала всегда... в этом ужасном месте, наполненном демонами, духами, призраками, ночными кошмарами из самых жутких снов, болью тысяч плакальщиков, стенаниями тысяч умерших, страхом, ужасом и безнадежностью.

«Тебе не спастись. Зачем ты бежишь? Остановись! Это не имеет смысла, все вы сюда придете рано или поздно, так или иначе, даже вы, некогда бессмертные эльфы, сейчас приходите сюда все чаще, как и ненавистные вам люди, как и орки, как и гномы, вы все будете здесь, зачем ты бежишь сейчас? Ты не сможешь ничего изменить. Останься, остановись. Ты так устала, Тебе плохо и больно, не беги. Я подарю тебе покой, я подарю облегчение, ты сможешь отдохнуть, не надо больше сопротивляться... Ты же знаешь, что я прав... Ты же знаешь, чего тебе сейчас хочется, тебе хочется отдохнуть...»

Не сбавляя темпа бегу дальше, пытаюсь заглушить звенящие в голове слова демона, этот не первый, прежде меня уже пугали, пытаюсь остановить, теперь вот уговаривают и обещают покой... Да, я хочу отдохнуть, да, я хочу покоя, но я не могу остановиться, я помню, что где-то там... За этим серым смрадным пределом есть солнце, есть трава и ручьи, есть высокие деревья, есть другие... живые.... И я хочу вернуться туда, это не мой мир... мой мир там... там лазурь океанов, там мягкая трава, на которой так приятно вытянуться во весь рост и сорвав сочную травинку пожевать ее глядя на рассвет... я помню... я так делала... и еще рядом со мной был кто-то... кто-то очень близкий, очень важный... очень... Я помню его глаза — они были ярко-голубые, как небеса, он смотрел на меня и улыбался, когда я одевала венки ему на голову, а потом мы окунались в ледяную воду и дурачились, словно дети, брызгая друг друга... и плавали пока не уставали руки... потом мы просто смотрели в небо, лежа на траве близко-близко, так что соприкасались мокрые бока и мы... мечтали... говорили...

Где он? Почему я здесь одна? Он оставил меня? Быть может это просто мне снится?? Это не настоящее, ведь его нет рядом, он бы никогда меня не покинул, мы давали клятву... нерушимую клятву, он не смог бы меня оставить... это нереально...

«Беги, беги, молю тебя беги!!! Я здесь, я с тобой, я не покину тебя, любовь моя. Не сейчас ты должна бежать! Не останавливайся, беги! Я не оставил тебя, я не предал... но я умер... а ты должна бежать, ты должна жить! Ты... только ты их надежда, единственная... беги...»

Почему? Умер?? Я останавливаюсь, ничего не вижу, пелена слез перед глазами... УМЕР???

Мы клялись, что будем вместе до смерти, и в смерти последуем друг за другом, значит, я должна остановиться, я должна остаться с тобой, я должна выполнить свою часть клятвы. Поворачиваюсь лицом к преследователям:

— Я не должна жить без НЕГО... такова наша клятва... Я — должна остаться...

С покорностью опускаю голову, готовясь принять неминуемую смерть, не могу больше бежать, не хочу бежать... Зачем? Он умер, не будет больше для меня солнца, не будет звезд,

не будет небесно-голубых глаз, в которых все это отражается, не будет украденных поцелуев, не будет ничего... все пустое

«НЕТ, Мирриэль, любовь моя, ты должна бежать! Я умер, чтобы спасти тебя, беги... Я не хочу чтобы ты оставалась со мной! Беги, я освобождаю тебя от нашей дурацкой детской клятвы! Беги, спасайся»

«Нет, ты не можешь меня освободить, я не могу жить без тебя, Раир, я твоя и в жизни, и в смерти»

«Мирра, любовь моя, ты не оставляешь мне выбора... Я не хотел этого, но ты так упряма, как всегда, любовь моя... Однажды, когда придет время, я все верну, но теперь... тебе лучше все забыть, Мирра, я буду с тобой, всегда с тобой, но тебе лучше не знать этого. Я все верну тебе, душа моя, когда ты встретишь того, другого, который сможет заставить тебя жить дальше и бежать дальше, когда ты поймешь, что готова освободиться от данной мне клятвы, когда он поймет, что готов принести такую же клятву тебе, когда он станет смыслом твоей жизни, но не раньше, я буду следить, я буду помогать, я буду направлять, но ты не будешь об этом знать. Забудь, любовь моя, забудь все»

Чувствую прикосновение прохладной руки к обожжённому лицу... Вижу голубой огонь на груди.

Что это я стою? Совсем уже сил нет? Бежать, надо бежать... Вот они уже совсем близко, я не хочу останавливаться, надо отрываться, как же хочется жить...

Голубой огонь на груди пульсирует... то сильнее, то слабее, а ну ка... если следовать за более сильными пульсациями, что выйдет... Бегу со всех ног, огонь на груди все ярче, все отчетливее чувствую как дрожит, наполняясь энергией амулет на груди (откуда он у меня?) не важно.... бежать.... Надо бежать.... Главное не останавливаться.... Куда же ты меня ведешь непонятно откуда взявшаяся побрякушка??? Не важно, бежать за пульсирующим голубым светом, бежать со всех ног, спотыкаясь, ловя равновесие, бежать, перепрыгивая заполненные обжигающим пламенем канавы, бежать... шарахаясь от внезапно появляющихся разломов в земле, бежать... сквозь путающихся под ногами духов (интересно что это слово значит и откуда оно у меня в голове?), хороших, которые просто вскрикивают испуганно уступая мне путь и плохих, бросающихся в бесплотной попытке меня задержать своими бестелесными объятиями, бежать... Быстрее, еще быстрее...

Задыхаюсь, вокруг просто кошмар, что творится, как меня угораздило попасть в такую дыру??? Как мне выбраться отсюда??? И есть ли выход???

«Выхода нет!!! Нет выхода, нет выхода для тебя... нигде и никогда....»

Брысь!!! Кыш из моей головы...

Я найду выход... меня ведет эта голубая пульсация... она ведет меня к выходу... бежать за ней... Я все еще могу бежать, это удивляет и дает надежду... Надежда... о чем это я???? Я в мире демонов.... но нет.... Я буду бежать... я буду сопротивляться... я... Я выживу.... Я вернусь из этого мира. Даже если никто никогда до меня этого не делал... я хочу выбраться...

Что это там? На границе моего зрения? Какая-то мерцающая рамка цвета жидкого золота. Откуда в этом демоническом мире золото (что такое золото вообще???)... совсем не понятно.... Кажется именно туда меня и тянет голубая пульсация, да точно, и чем ближе, тем она ярче... хорошо... бегу туда....

Преследователи совсем близко, вот по плечу рванула какая-то когтистая лапа... выворачиваюсь, и бегу, спотыкаясь, дальше... Вот в спину ударил столп пламени...

Побрякушка сверкнула сильнее, вокруг меня будто щит из голубого сияния... бегу дальше... пламя уже не жжет, а сперва было очень больно... нестерпимо больно... а тут вон оно как... Что-то меня бережет... значит надо бежать дальше...

На пути здоровенный демон (еще одно не понятное слово... откуда я знаю, что такое демон и как он должен выглядеть, а может это и не демон вовсе, в голове совсем все запуталось)... да весь в броне, да ревет как сотня труб.... Как же мне мимо него....

А что терять-то? Нечего... набираем скорость, быстрее еще быстрее... он здоровый, но неповоротливый, вон все никак меня глазами отыскать не может... башкой вертеть тяжело... не башка, а башня целая.... И рога, дракон его дери.... Страшно... все поджилки трясутся, но я бегу... набираю скорость, если разогнаться, пока он меня — букашку не разглядел, смогу проскочить у него между ног.... Не ноги — колонны.... Бегу, петляя как заяц... (что такое заяц? Как он петляет? Наверное как я сейчас... хи-хи-хи). Какие-то глупости и несуразности в голове, не отвлекаться, еще быстрее, некогда думать, надо бежать....

УФФФФ, получилось.... Бежим дальше.... Ну давай, мой непонятный, маячок. Ведь меня...

Что???? Прямо в этот, как же называется это штука?.... Проход, выход... прорубь.... Нет, не то.... ПОРТАЛ.... Прямо в этот портал с золотыми краями....??? Ну даже не знаю.... Как-то уже очень страшно... а что там с той стороны???? Не видно же ничего... просто золотистое марево... Нагоняют... прыгать-не прыгать.... Страшно-то как....

Сзади начинают выть преследователи, да как выть... с ног сбивает этот их вой, все трясется вокруг, начинают валиться какие-то камни... откуда.... Сверху что ли.... Ой-ой-ой... что ж делать-то???

Ну... рассуждаем.... Назад — точно нельзя.... Впереди только золотистое марево.... Ах ты... была не была... хуже вряд ли будет.... Пытаюсь шагнуть в портал.... Что-то держит меня за ногу, падаю, начинаю брыкаться, вырывая ногу из очередной когтистой лапы... как же их много-то... и все такие разные.... И все ужасные.... Брррр.... срочно освободиться и в неизвестность золотого марева, все лучше чем это....

Вот же, дыхание дракона, меня уже не только за ногу схватили.... Вон уже к голубому огоньку на груди подбирается когтистая лапища... не могу, нет сил отбиваться, совсем измотала эта гонка... прижимают к земле, душат, давят.... Странно еще, что опять огнем не палят....

Все плохо.... А ведь спасенье было так близко.... В голове какой-то дурацкий рокошущий хохот....

Нет сил... Что это??? Огонечек мой? Ничего себе силища.... Как это ты так???? Вот появился опять кокон и раскидал их всех...

Нет времени думать быстрее туда....

Рывок... Нет ничего... нет ни верха, ни низа пустота, в золотом мареве.... Я бегу??? Нет не похоже... Лечу??? Не знаю... не важно.... А что там сзади??? Вот же.... Опять эти... Не отстают.... Поплыть может попробовать??? Как ураган подхватил... и несет... почему-то не падаю никуда... наоборот... не понимаю... больно.... Горит все тело... когтистые лапы порвали все ноги... и не только ноги... рядом со мной летят капли моей крови... дотрагиваюсь до одной... облизываю палец.... Пить хочется...

Рывок и меня бросает на что то твердое и холодное.... Поднимаюсь, я должна бежать дальше... Что это там впереди... кто-то бежит ко мне????.... Еще один демон, нет я больше не могу.... Кричу... падаю... голубой огонек на груди гаснет и вместе с ним... гаснет

сознание, нет больше боли, нет больше страха... только пустота... и тишина... как хорошо летать выше мира... как спокойно.... Всегда бы так, не надо больше бежать... не надо сопротивляться, не надо ничего... нет ничего... только мягкие облака, только голубая лазурь неба.... Да что ж это опять такое.... Я не хочу назад... там холодно и твердо, и страшно, и все болит....

ОООО, голубой огонек.... Опять????? Опять бешенная гонка????? НННЕЕЕЕЕТТТТ я больше не могу.... Дайте мне передохнуть, так не честно, я только что вырвалась отсюда, зачем мне опять туда.... Нет-нет-нет.... Окружили и меня и человека, который кинулся мне на помощь, спасибо, герой, боюсь, что твоего имени я так и не узнаю... Погибнем мы тут с тобой... Хотя... Там, я смогла отбиться от них, голубой огонечек, миленький, как я это сделала... Какое-то голубое сияние, и они все исчезали в нем... Надо.... Попробуем... Вот, отлично, получилось... а теперь надо... Надо как-то это остановить... откуда там все это лезет из того самого портала золотистого.... Тааак, давай-ка, маячок, еще потрудимся, ты меня привел к этой штуке, значит ты с ней как-то связан... давай-ка мы эту штуку уберем... как??? А я что знаю что ли???? Это ты у меня волшебная побрякушка вот и работай.... Правильно, а меня отпусти пока что.... Тебе же мое сознание не надо? Правда????.... Ну, пожалуйста.....

Вот и чудесно... тогда я отдыхать....

Инариэль

Среди ночи эльф проснулся. Что-то происходило, происходило там, в «немире», там, где нет трав и воды, там где живет вечная память, там где бродят духи, готовые делиться знаниями, там где он чувствовал себя как рыба в воде, там где он был дома.

Он сел в постели, что-то совсем не так... нарушен баланс, он прямо чувствовал, как качается, пытаясь не рухнуть, этот мир. Такого прежде не было. Что там еще натворили эти люди??? Как они могли вмешаться в ход истории?? Странно... может эти недалекие разведчики что-то нашли, и по любимой у людей традиции, уничтожили.... Надо было отправляться с ними, но они отказались от его помощи, гордецы... особенно Ищушая, та вообще отказывалась принимать его помощь, только приятель-гном и поспособствовал, не понимают, что от разломов просто несет древнейшей магией, людям она неподвласна, они не то что исправить ее последствия они ее даже понять не смогут. Так надо разобраться, что случилось, надо бы на место сходить... там много духов с ними можно будет пообщаться, но для этого надо дожидаться возвращения разведчиков, иначе его точно не станут больше терпеть. Пока его услуги благосклонно принимают именно, как целителя, в бой его пока не пускали. Раненых было много, им действительно была нужна помощь, приходилось довольствоваться этим, но это пока. Они еще поймут, что без его боевой магии им не совладать со всеми теми демонами, что сейчас рвутся из разломов, а разломов становится все больше, они открываются повсюду. Демоны пока не отходят от разломов далеко, они еще слишком слабы и питаются силой разломов, но рано или поздно они наберутся сил и тогда люди увидят его истинную мощь. Глупцы! Но придется ждать.

Спать уже не хотелось и Инариэль решил прогуляться, проверить состояние раненных, от него ведь ждут именно этого.

Он долго бродил по лагерю, менял повязки, делал припарки, подносил воду, слушал стоны и не мог понять, что же его так тревожит. Сделав все необходимое, он решил зайти в таверну, там всегда было полно сплетников, можно услышать что-то и возможно ему удастся нащупать хотя бы направление, в котором стоит двигаться, чтобы разобраться в той тревоге,

что охватила его ночью.

Но и там ничего нового, обсуждают стычки с демонами, их становится все больше, оплакивали погибших, пили за здоровье раненных и за храбрость командиров. Все как всегда. Все не то.

Он вернулся в свою палатку. Друг-гном, храпел, укутавшись в плащ, вот кому хорошо.

Он зажег магический огонек и начал читать. Утром вновь забота о раненных, все смотрят косо, эльф-отступник среди них — это удивительно, да еще и за ранеными смотрит, целительством занимается, а ведь все знают, как эльфы ненавидят поработивших и практически уничтоживших их людей. Он привык к этим взглядам, он много путешествовал. Он никогда не считал, что люди достойны уважения, и тем более он никогда даже не думал поселиться в их городах, как делали сломленные и слабые его собраты. Это было оскорблением: эльф-прислужник, эльф-конюх. Он ненавидел людей, но своих сородичей он ненавидел еще больше. Как же можно было сдаться этому отребью? как можно было половине эльфов остаться у них в прислуге, а другой половине довольствоваться тем немногим, что люди им позволили. Жить на отведенной территории, не покидать ее, не участвовать в жизни их мира, вот вам угол и не смейте из него выходить, и так они там и жили, вспоминая о былом могуществе, неимоверно довольные собой, непонимая сколько они потеряли, и чего они лишились. То ли дело он, он ушел из этого угла, когда только в нем проявились магические способности, ведь он был третьим магом в их клане, а три мага для одного клана — это уже слишком много, его не изгнали, лишь предложили перейти в другой клан, но он выбрал другой путь, он стал сам по себе. Он учился у духов, когда однажды понял, как это можно делать. Они стали его наставниками, его друзьями, его семьей. Лучшей семьей, чем та, что была у него в клане. О, если бы он только мог не просыпаться от своих странных снов, но он был жив и ему нужно было есть, пить, одеваться, охотиться. Сколько раз он хотел завершить свой путь, но его друзья всегда говорили, что у него есть миссия, что он должен вернуть величие своему роду, что в этом его судьба, что только он сможет освободить свой народ и вернуть ему бессмертие. И он продолжал жить и учиться. Ему сказали, что однажды, он встретит достойных учеников и вместе с ними они изменят этот мир. Но пока ему не попадались достойные его науки. Он продолжал их искать, он не искал величия для себя, он мечтал о бессмертии для всего народа, веря, что обретя свое бессмертие, эльфы вернут и былое величие, и все станет на свои места, и вновь люди станут прислуживать эльфам и дивиться их высокой культуре, их чудесным песням, их гармонии с природой...

Эти мысли не давали ему покоя, в каждом эльфе он искал дар, истинный дар, такой как у него, но пока поиски были тщетны. В своих странствиях он столкнулся с необычным гномом. Они вместе попали в пару передряг и научились уважать особенности друг друга, несмотря на многовековую неприязнь между их расами, забывшими, что у них один создатель, что они дети зеленого дракона. Впервые у него появился друг во-плоти. Вместе они путешествовали около года, а потом их дороги разошлись.

И вот они встретились здесь. Его друг гном Барри, был отменным бойцом и никогда не бежал от драки, скорее наоборот, он всегда искал драку. Как он оказался в компании Ищущей, Инариэль не знал, не было времени спросить. Самого Инариэля сюда направили духи, сказав, что начинается его истинный путь, и он должен быть здесь, он всегда прислушивался к своим друзьям и потому пришел как раз к моменту, когда все узнали, что разлом внутри старого форта уничтожил весь совет земель. Ищущая, готова была сразу же

выпроводить мага, несмотря на его готовность помогать, люди так боятся магии, если бы Барри не сказал о том, что Инариэль еще и целитель. Его бы точно вежливо попросили, но целителей не хватало, поэтому ему позволили остаться.

И вот он изнывает от скуки здесь, но не теряет надежду попасть на место побоища и все там хорошенько исследовать.

Весь день тревога не покидала его. Но понять ее причину он смог лишь вечером, когда к нему вбежал запыхавшийся солдат:

— Господин целитель, меня прислала госпожа Энель, она просила вас срочно прийти в темницу, там кому-то совсем худо.

— В темницу??? — Инариэль насторожился. Главная шпионка приглашает его в темницу, как бы дверь не заперли за его спиной на волшебные замки.

— Да, там пленница, эльфка, совсем плоха, а ее еще допросить надобно, так она еще и на общем ничего почти не говорит, только по-вашему бормочет, перевести надо будет...

— Эльфийка, — механически поправил Инариэль. — С переводом могу и не помочь, у нас у каждого клана свой язык, но что смогу — сделаю. Что ж идем. Показывай вашу пленницу.

Когда они подошли к острогу, уже совсем стемнело, холодный горный ветер нес холод с вершин прямо в эту злополучную деревушку.

Перед ним отворили дверь темницы и проводили в подвал. Он пришел в ужас когда увидел, как руки и ноги пленницы освобождали от тяжелых цепей.

— Вы ее перепутали с огром??? Вы что двое здоровых ребят боитесь обычной эльфийки?

— Приказ Ищущей, но мы уже их убираем, господин целитель, госпожа Энель приказала.

— Какое милосердие, проявляет ваш тайный канцлер. Просто оторопь берет, — с издевкой усмехнулся Инариэль.

Наконец его впустили в камеру, посреди камеры лежал чей-то плащ, под ним кто-то стонал.

«Надо же, плащ-то людской, не ожидал, значит не все они зверье, и среди них есть сострадающие, — подумал про себя эльф, и тут же себя одернул. — Глупости какие, если бы сострадали, сразу бы привели больную ко мне, а не в оковы и на цепи садили.»

— Ну, что ж, я могу осмотреть больную? Или мне все делать на расстоянии, чтоб у вас не возникло мысли, что я помогу ей бежать?

— Делайте, что надо господин маг, нам велено вам не мешать и доставлять все, что вам потребуется, выполнять все ваши указания, единственное пожелание Ищущей было, чтобы она как можно быстрее пришла в себя, для этого вы здесь.

Он подошел и откинул плащ. Перед ним на полу свернувшись калачиком лежала совсем юная эльфийка. Зубы ее стучали, грозя откусить язык, она стонала.

— Олухи, еще немного и ей уже целитель не поможет, что ж вы ее сразу ко мне не принесли-то. Разведите здесь огонь, а то у меня руки мерзнут и мысли замерзают, от этого холода.

Девушку прикрыли теплым одеялом, посреди камеры развели чадящий костер, который хоть и не мог обогреть все подземелье, но давал достаточно тепла, хотя бы возле себя.

— Откуда она в таком состоянии?

— Нам не велено говорить, господин целитель.

«Ишь ты, странно. Даже уважительно обращается, странно для этого племени»

Всмотревшись в лицо одного из стражей, Инариэль все понял, вчера он вылечил этого солдата, того угораздило попасть под огонь демона. Если бы не целительная магия, он был бы уже мертв и умирал бы он долго и мучительно.

— Мне нужен человек, который сможет принимать хоть какие-то решения. Позови... даже не знаю, сам придумай кого или Ищущую, вы вроде все ее уважаете, или эту вашу госпожу Энель... кого-нибудь, у меня будет много вопросов и от ответов на эти вопросы будет зависеть жизнь этого создания.

— Хорошо, я мигом. Только я дверь запру, вы уж простите, но с меня голову снимут, если я этого не сделаю

— Делай, как должно. И поторопись.

Дверь закрылась за солдатом. Эльф присел на край тюфяка. Девушка уже согрелась, зубы уже не стучали.

Совсем молоденькая, даже по людским годам, грязные растрепанные волосы чуть ниже плеча, видимо когда-то они были светлыми и были заплетены в эльфийские косички, теперь же они были перемазаны сажей.

В них когда-то были полевые цветы... Почему-то он видел именно такую картину, он не любил женщин своего племени, они были унижены и забиты, а те что принадлежали к высшим сословиям, слишком высокомерны и глупы, но почему-то ее он воспринимал совсем по-другому, он видел ее первый раз, но уже представлял ее среди цветов, плетущей венки, или в речке, играющей с волнами, или на охоте с луком, берущей на прицел тонконогую коосулю. Что-то перевернулось у него в душе, звонко лопнула какая-то струна и возникло желание ее немедленно забрать из этих ужасных стен, унести на руках в свою палатку, растолкать гнома и собрав все теплые вещи укутать ее, спрятать, защитить, убереечь и потом сбежать с ней, спрятаться, как умеют только истинные эльфы, так чтобы никто и никогда их не нашел, так чтобы они навсегда остались лишь вдвоем. Он готов был стать ей мужем, братом, возлюбленным, отцом, кем угодно, только не отпускать ее от себя, никогда больше не отпускать, не терять ее из вида, всегда быть рядом. Он прислушался к ее дыханию, стук его сердца мешал, пришлось, сперва, успокоиться самому, прекратить мечтать. Настроение тут же пропало, девушка едва дышала.

Она стонала ели слышно что-то бормотала, он не мог разобрать ни слова. Откинув одеяло, он осмотрел ее магическим зрением, т. к. обычное зрение ничего ему не дало, и замер, увидев раны на ногах, плечах, вся одежда была изорвана в клочья, едва прикрывая хрупкое тело. Раны кровоточили, из многих кровь вырывалась с каждым ударом сердца. Но уже не текла, а застывала прямо на ранах, мгновенно запекаясь. Он хотел дотронуться до ее лба, но почувствовал магическое сопротивление и просто задержал руку над ее лбом. Ему пришлось резко отдергивать ладонь, его обожгло демоническим огнем.

— О, Боги, что с тобой случилось, дитя??? Тут простыми припарками не обойтись.

Он начал читать заклятие снимающее боль и помогающее, быстрее затягиваться ранам. Но стоило ему произнести первые слова, на ее груди блеснул голубой огонь, и его окатило волной боли.

Мотнув головой, он отодвинул остатки легкой туники, чтобы рассмотреть от чего исходит волшебное свечение. На ее груди лежал небольшой медальон, такие дарили по давнему обычаю прежние эльфы своим возлюбленным, когда уходят в опасные походы, простой эльфийский медальон символ чистой любви, но свет от него исходил

необыкновенный.

— Не могу понять, что не так.

«Больно, очень больно. Не трогай, молю!»

Он ошарашено взглянул на девушку, она была без сознания.

— Это ты сказала?

«Молю, не трогай, я не могу сдерживать это долго. Очень больно»

— Я хочу помочь, мне надо остановить кровь, иначе ты умрешь, мне надо залечить твои раны, позволь мне помочь, я не причиню вреда тебе, клянусь, мои помыслы чисты, я хочу помочь.

Он ждал ответа, но не дождался. Голос в его голове больше не звучал.

— Я могу попробовать читать заклинание? Это древняя эльфийская магия, ты же эльф, тебе должно быстро стать легче, наша магия лучше действует на своих детей, чем на людей. Людские маги тебе не помогут уже, а травами и припарками... я боюсь, у тебя уже нет столько времени. Ты позволишь?

«Я буду сдерживать это сколько смогу, только не трогай меня, молю!»

Он начал читать заклинание, когда открылась дверь.

— Господин маг, я нашел в таверне всех, они все хотят присутствовать

— Только не мешайте.

В комнату вошли трое: высокая статная женщина с короткими темными волосами, ее он знал — Ищущая. Рядом с ней стояла хрупкая, словно цветок, рыжеволосая женщина с яркими зелеными глазами, он никогда ее прежде не видел, но видя почтение солдат без труда догадался, что это мастер-шпион Энель. А вот мужчину он видел часто среди солдат на тренировочных полях, он с удовольствием махал мечом, среди раненых, мужчина оказывал посильную помощь в уходе, и у солдатских костров, слушающим и рассказывающим байки, взглянув в глаза мужчине, он внутренне поежился, Видящий. Страх перед ними маги впитывают вместе с магической силой: надзиратели, каратели, убийцы, умеющие использовать способности магов против них самих или наравне с ними. Инариэль пытался вспомнить, что ему известно об этом ордене: Видящие как кровопийцы, не обладают магией, но могут пользоваться чужим даром, к тому же они видят все, ложь, страх, обман, все, что пытаются скрыть от чужих глаз. Мужчина смотрел прямо ему в глаза. Инариэль никогда прежде не сталкивался с Видящими, но теперь, он физически почувствовал, как его дар, перестал быть только его, теперь Видящий мог использовать его, пусть и без такого умения, как сам маг, но его грубого вмешательства вполне хватит, чтобы убить кого-нибудь, даже если сам маг и не будет этого желать.

— Хватит, — спокойно сказал Видящий. — Прекрати трястись, далеко не все, что о нас рассказывают — правда, а теперь займись, пожалуйста, тем ради чего мы все здесь.

Что за странная компания? Что свело этих людей вместе? Совет?

Инариэль отвел взгляд от Видящего, надо было помочь девушке.

Он начал читать заклинание. Все ее тело напряглось, выгибаясь дугой, и она закричала.

Краем глаза он увидел, что стоящий ближе всех Видящий, готов был рвануть к ней, но замер нерешительно, глядя на мага. Женщины стояли спокойно, лишь легкое беспокойство читалось у них в глазах.

Она кричала, так что звенело висящее на стенах железо. Вопль ужаса, не мог сравниться с этим криком отчаяния. Кален смотрел на мага и готов был его убить, прямо здесь, своими руками, даже не доставая кинжала, но посмотрев на него глазами Видящего, он увидел, как

сжимается от боли сердце целителя, как аккуратно он старается плести сложную структуру, как боится он причинить ей боль, а еще он увидел, то чего раньше не видел, он увидел ее тело, она вся была изранена, он увидел кровь, много крови на полу где он сидел рядом с ней.

Вздрогнув, он посмотрел туда же обычным взглядом, на полу не было ничего, на ней не было ни царапины, только изорванная одежда. Сжав кулаки от бессильной злобы на себя, он вернул Видение, чтобы наблюдать.

«Она истекала кровью все время, что мы тащились сюда. Она истекала кровью, пока я пировал с подругами, она умирала, а я даже не догадался, какой же я...»

«Не вини себя, воин. Ты бы не смог мне помочь, а вот он.... Он может. Доверьтесь... у него все получится, уже получается»

Маг как-то странно посмотрел на него, не переставая выводить лечебную структуру заклинания. Она все кричала и кричала.

Яркой огненной вспышкой мелькнули в мозгу чужие мысли:

«Все, я больше не могу, берегись....»

И тут же маг отлетел к стене без видимых на то причин, его согнуло от боли, он захрипел, ловя воздух ртом.

Энель и Карра, бросились к магу, Кален бросился к девушке.

— Стой, не тронь ее, Видящий — захрипел маг. — Ты причинишь ей боль. Ты же Видящий, смотри на нее.

Его все еще гнуло от боли, но он посмотрел в глаза человеку.

Кален остановился. Сдерживая ярость, он вернул Видение. Раны на ее теле стремительно затягивались, кровь перестала запекаться на теле, жар спадал, ей становилось лучше. И только на груди у нее лежал яростно пульсирующий голубым светом медальон, ее сердце билось с тем же ритмом, с каким пульсировал голубой свет.

— Что это???

— Я пока не могу вам ответить, точно. Одно ясно — это очень сильный амулет, который поддерживает в ней жизнь и защищает ее. Без нее умрет амулет, но и она умрет без него.

— Так, вы тут о чем? — вмешалась Карра. — Какой амулет? Что ты видишь, Кален? Не все здесь имеют магическое зрение, может, поделитесь?

— Ей нужен покой и тепло, Ищущая, я, как целитель, настаиваю на этом. Ее жизни ничего больше не угрожает, кроме этих ужасных условий, я бы рекомендовал...

— Я услышала тебя, тепло ей будет обеспечено, но она не выйдет из этой камеры. Если ты окончил, я прикажу впускать тебя по твоему требованию, чтобы ты мог и дальше заниматься ее исцелением, но сейчас, тебе придется отправиться с нами и все рассказать.

— Да, Ищущая, конечно. Только вот боюсь, что мне самому сейчас не дойти никуда... удар такой силы, я не мог заблокировать, тем более, что все мои усилия были сосредоточены на том, чтобы окончить лечебное заклятие для девушки. Ей нужен покой, вода и еда, чтобы она могла поесть, когда придет в себя ваши солдаты справятся с этим?

— Безусловно, — она кивнула солдатам, отдавая приказ без слов и те вытянулись. — Я помогу тебе дойти до таверны, там ты нам все и расскажешь.

— Да уж, вино мне сейчас точно не повредит...

«Прости...»

Кален и маг смотрели друг другу в глаза и понимали, что они оба это слышат.

«По крайней мере, я точно не свихнулся, он тоже это слышит»

«Почему он слышит тебя? У него не может быть этого дара? Не может Видящий быть еще и Слышащим, их вообще уже давно не существует, только я могу слышать духов в этом мире. Что ж здесь происходит?»

Медленно, поддерживая мага, они вышли на улицу, под свет звезд.

— Дайте мне отдышаться, и я смогу идти сам, — маг оперся на стену. — Зовут меня Инариэль, к вашим услугам, господа.

— Не оstri, эльф, я знаю, какой смысл ты вкладываешь в это слово, ты забываешь, что рядом с тобой Видящий, я вижу все твои мысли. Мы не господа тебе, ты не слуга нам, и ты знаешь это, на данный момент мы все равны. Я Кален. Видящий, как ты уже понял. Прекрати трястись, а то у меня сейчас трясогозка начнется, я не могу контролировать твои мысли, только Видеть. Пока ты на нашей стороне, я не причиню тебе вреда, да и наши возможности значительно преувеличивают, запугивая молодых магов, давай ты потом задашь все свои вопросы, я постараюсь тебе ответить. Это Карра — она Ищущая, а это Энель, я думаю, кто она такая, тебе хорошо известно, ее слава бежит впереди нее. Здесь и сейчас нет никаких званий и полномочий, тебе нужна наша помощь, нам твоя, мы нужны друг другу, поэтому я просто Кален, а ты просто Инариэль.

Кален протянул магу руку. Удивленный маг пожал ее.

— Видящий протягивает руку магу-отступнику? Этот мир совсем сошел с ума. Но я понимаю и принимаю твои слова, Кален.

— Теперь, когда улажены формальности, может быть, мы уберемся с улицы? Что-то я совсем замерз в этой яме. А насмотрелся столько, что готов не просыпаться сутки. В голове не укладывается все это сумасшествие.

Кто она?

— О, блаженство, — Кален залпом выпил поднесенную порцию эля.

Они сидели за столом, теперь уже вчетвером, Инариэль оправился от полученного магического удара и тоже с удовольствием пил поднесенные напитки.

— Так, а теперь давайте обсудим, что все-таки там происходило, о чем вы оба говорили, потому что я ничего не поняла, — Кара переводила взгляд с Калена на мага.

— Да, Инариэль, расскажи нам, что такого ты увидел, и почему она так кричала, когда ты ее исцелял и вообще, что ты исцелял, на ней же ни царапины не было? — Энель, тоже посмотрела на мага.

— Я с удовольствием расскажу все, как только пойму... Но чтобы я мог что-то понять мне надо знать что это за девушка, где и при каких обстоятельствах вы ее нашли и что происходило до того момента, как вы вызвали меня, потому как на данный момент, я сам ничего не понимаю, быть может мне не хватает важной информации. То, что я видел, никак не может быть, просто потому что быть не может.

— Я устал уже пересказывать эту историю, поэтому в двух словах: ее нашел мой отряд, когда мы ее увидели, она выбралась из разлома...

— Из разлома???? Она вышла из разлома???? Сама???

— Ты слушать будешь, или перебивать? Это не самое удивительное, поверь мне, Мы бросились на помощь, она единственная, кто выжил, после... образования разлома на том месте где был собран совет земель, ее мы нашли около одно из разломов, ближайшего к главному разлому, мы решили ее привезти сюда и допросить, быть может, она сможет хоть что-то пояснить, о том, что же там все-таки произошло...

— Если, конечно, она не принимала в этом участия, и не она виновата в том, что все

земли остались без основных правителей — встала Кара.

— Кара! Я не могу рассказывать, когда меня постоянно кто-то перебивает. Когда мы уже добрались до нее, нас окружила толпа демонов, прорваться не было никакой возможности. Мы приготовились умереть, и тогда вокруг нее появился странный голубой свет, проходя сквозь нас, он не причинял вреда, но вот столкнувшись с демонами, он их уничтожал, распылял, я ничего подобного никогда не видел, но то, что произошло дальше, вообще не объяснимо... — Кален отпил из кубка, смачивая горло, ему уже надоело пересказывать эту историю. — Она закрыла разлом, то есть не совсем она, она была все это время без сознания, но этот голубой свет он просто... как будто вытянул из разлома энергию и запечатал его, не так как это делают маги, разлом просто исчез, будто его и не было никогда. Девушка в себя так и не пришла, мы доставили ее сюда, так быстро, как только смогли. Вот и вся история. Не знаю, что тебе это даст, по мне так все еще запутаннее становится...

— Из вашего повествования, становится понятно несколько моментов, но каждый из них невероятнее другого. Но быть может, Кален, вы рассказали не все — маг задумался.

— Я рассказал все, — угрожающе глянул на него воин, — ВСЕ, что тебе надо знать.

— Не тхни, что там у тебя на уме, — Кара не могла долго смотреть на то, как маг не спеша пьет вино из своего кубка.

— Я могу поделиться своими мыслями, но боюсь, что это не принесет пользы ни вам, ни вашей пленнице, особенно учитывая ваши. ммм... профессии.

— Говори, — спокойно, но достаточно убедительно сказал Кален. — Что делать с твоими размышлениями, мы уж как-нибудь разберемся.

— Я буду вынужден просить об одной услуге, в случае если одно из моих предположений, верно, я буду вас просить не убивать ее, позвольте мне уйти вместе с ней. Я беру на себя всю ответственность за ее дальнейшее поведение, и, если я не смогу справиться с чем-то, я сам.... Приму необходимые меры.

Кален посмотрел на мага, внимательно изучающе

— Ты сейчас хотел сказать, что она, возможно, демон? И ты просишь нас не убивать демона, чтобы ты мог его изучить? Если она одержима, — Кален сжал в руке кубок так, что побелели пальцы, — мы не сможем отпустить тебя с ней, нам придется ее убить, ты же понимаешь, что у нас и так хватает забот, мы не можем так рисковать.

— Она не причинила вреда никому! Она... — Инариэль понимал, насколько беспомощен он перед этими необычными людьми.

— Это пока что, у нее просто не было возможности. Если она действительно посланник «немира», мы не станем рисковать. Демоны должны быть уничтожены, все, что рвутся сейчас в наше измерение оттуда, в любом случае, — Кара смотрела прямо, она знала свое дело, ей часто приходилось сталкиваться с выходцами оттуда, многие шрамы на ее теле были «подарками» от них, и они все еще ныли, напоминая о себе, когда менялась погода.

— Давайте мы выслушаем предположения нашего нового друга. Инариэль, мы не можем тебе обещать того, о чем ты просишь, но я пообещаю тебе, что остужу пыл моих горячих друзей, мы не станем ничего предпринимать, пока не будем уверены, что совершаем верный поступок. Мы не станем ничего делать, без должного изучения, — Энель угрожающе посмотрела на Кару и Калена, заставляя их замолчать.

— Спасибо. Наверное, на большее мне и не приходится рассчитывать, — понимающе кивнул маг. — Итак, первое мое предположение, что девушка одержима: во время разрыва

масса демонов и духов вырывается в наш мир, вполне можно предположить, что один из них вселился в первое попавшееся тело, в котором еще теплилась жизнь. Против этой теории у меня пока только несколько доводов: во-первых, демоны не уничтожают своих собратьев, впрочем, как и духу не под силу уничтожить воинство демонов, а Кален видел это своими глазами, ну а второй — это ее медальон, она не маг, это я вам могу сказать совершенно точно, у нее нет ни грамма магических способностей, она не сможет даже свечу зажечь силой мысли, но ее медальон.... От него исходит такая мощная энергия, я такого никогда не встречал, это судя по всему какой-то очень древний эльфийский артефакт, замаскированный под обычное украшение, но его мощь... она невыразима. Но демоны не могут быть носителями эльфийской магии, они не могут с ней соприкоснуться, именно поэтому я здесь. Один маг со знанием древней эльфийской магии в борьбе с демонами стоит армии ваших магов, моя магия — это противоположность магии демонов, они взаиморазрушающие элементы, как свет и тьма. Второе мое предположение еще более абсурдно, я даже не могу сказать, возможно ли такое вообще, я никогда не слышал и тем более не видел ничего подобного...

— Говори уже, не тяни. Ненавижу вот такие томительные моменты, — Кара не находила себе места, ей уже хотелось броситься в темницу и убить пленницу, пока этот демон во плоти не очнулся и не исчез, как они умеют это делать.

— Она действительно вышла из разлома, то есть она была по ту сторону физически, в своем теле и вернулась с той стороны. Но этого быть не может, если бы кому-то и удалось попасть туда в собственном теле, не лишившись при этом рассудка, то выйти оттуда — совсем нереальная задача. Даже я, когда путешествую по тому миру в качестве бестелесного духа, с трудом выбираюсь каждый раз — это смертельная опасность и без помощи моих друзей на той стороне, я бы не смог войти и выходить оттуда, они выводят меня, указывая путь, защищая по дороге, отводя опасности и отвлекая демонов. Ни одно живое существо не может выжить там, да еще и вернуться сюда. Это то, что делает эту теорию, лишь теорией, но вот ее ранения... они говорят о правдивости этой возможности. Когда мы боремся с демонами в нашем мире, мы получаем настоящие видимые раны — это нормально. Когда с ними сражается наш дух в том мире, мы получаем раны духовные, не видимые простым глазом. Ее раны они... и то и другое. Я хочу сказать, что она получила физический урон в мире духов и когда она выбралась оттуда, они перестали существовать в нашем мире, они остались там, за гранью, но вред причиняли реальный, а видеть их можно было только магическим зрением, когда мы немного приоткрываем завесу между нашими двумя мирами. То, что я делал, как я ее лечил... Я никогда не делал ничего подобного, это очень древняя магия, я никогда не думал, что смогу ее использовать, она противоречит всему, что мы знаем об устройстве нашего мира. И опять-таки ее медальон, — Инариэль запнулся, посмотрел на Калена, — Она говорила со мной.

Кален чуть заметно кивнул магу, в знак благодарности.

— ЧТО???. Она приходила в себя? — Кара ошарашенно смотрела на мага.

— Нет, она говорила со мной, но... языком мысли, она не приходила в себя. Она просила не трогать ее, говорила, что ей очень больно, а потом предупредила, что ее силы иссякли, и меня откинуло к стене. Она пыталась меня уберечь, от чего-то очень могущественного, чего-то, что она пытается подчинить своей воле, но пока она не пришла в себя она не может этого сделать. Я считаю, что это ее медальон. У меня нет других предположений. Больше мне в голову не приходит никаких объяснений. Быть может, когда я

смогу с ней поговорить, когда она очнется, я смогу еще что-то добавить, но пока что это все.

— Что ж, почему бы и нет, когда весь мир сошел с ума, почему бы из тьмы не вернуться человеку, побывав там в физическом теле? Почему бы не пробудиться древней эльфийской магии... В интересные времена нам выдалось жить, друзья мои, — Энель подняла кубок. — Давайте же выпьем за то, что мы все еще живы. Насколько я понимаю, единственное, что мы можем сейчас делать — это дожидаться, пока наша пленница придет в себя и расскажет нам свою часть истории, а до того момента мы можем заниматься своими обычными делами, пытаясь удержать от разрушения этот разваливающийся на глазах мир.

Она невесело усмехнулась и подняла кубок. Все последовали ее примеру.

Поставив пустой кубок на стол, маг встал:

— Что ж, пожалуй, мне пора проверить своих простых подопечных. Я надеюсь, Энель, что ваше слово, данное мне... не будет нарушено.

— Не сомневайся, Инариэль, ее никто не тронет, пока мы не выясним что к чему. Я тоже пойду, хватит с меня на сегодня, нужно еще просмотреть последние донесения. Доброй ночи, друзья мои.

Они оставили Кару с Каленом оканчивать ужин.

— Кален, ты как? Что-то ты не очень хорошо выглядишь, — Кара попыталась заглянуть ему в глаза.

Он вздрогнул, когда его руки коснулась теплая ладонь. Он аккуратно высвободил руку, не оттолкнул, но и не ответил.

— Устал я что-то. Пойду отдыхать. И тебе тоже надо бы отдохнуть, Кара.

— Так может? — она посмотрела ему прямо в глаза.

Он понимал, он все понимал, но в тот самый момент, когда его руки коснулась теплая и немного грубая ладонь Кары, в мыслях он сжимал в своих ладонях холодеющие тоненькие ладошки и пытался их согреть своим дыханием.

Он улыбнулся, глядя Каре в глаза.

— Я действительно очень устал, Кара. И хотя мне кажется довольно заманчивым твое предложение, пожалуй, сегодня я откажусь, моя милая Кара. Все-таки разведка, стычка, эта непонятная девушка, маг-отступник, владеющий древнейшей магией... Я вымотался и устал. Да и столько всего случилось, в голове не укладывается. Доброй ночи.

— И тебе, — вздохнула воительница. — А я еще выпью. Что-то мне спать совсем не хочется.

Выйдя на улицу, Кален глубоко вдохнул холодный горный воздух. В голове гудело от напряжения.

Признание Видящего.

«Нельзя было так с Карой. Она... зря я ее обидел... Да что ж это эльфийка из головы у меня не выходит, что за наваждение такое. Бред какой-то... горячечный бред. Надо успокоиться и отвлечься, а от лучшего способа отвлечься я только что отказался... может вернуться... Извиниться посидеть с ней еще немного и....»

— О чем задумался, Видящий?

— Тьфу на тебя, Инариэль, нельзя же так подкрадываться...

— Да, я вроде и не подкрадывался, просто мимо проходил и увидел, что ты тут стоишь и стенку подпираешь, решил, может, помощь нужна...

— Ага, точно, я так тебе и поверил. Что хотел?

— Да так, ты мне обещал на вопросы мои ответить...

— Может, давай отложим? Я днем только из разведки вернулся, отдохнуть хочу. Хотя... ладно, пошли к костру, только подальше отсюда, а то...

— Ты не хочешь кого-то встретить? Я не Видящий, но кое-что понимаю... И я вообще удивлен, что ты вышел один...

— Не лезь не в свое дело, маг, не надо.

— Да ты никак мне угрожаешь? А ведь говорил, что мы на одной стороне?

— Так и есть, все, что касается дела, но вот черту не переступай. Идем, вон ребята уже уходят от того костра, там и устроимся, и вдалеке и нет никого поблизости.

— Уж не из-за этой ли черты, которую мне переступать нельзя, ты не рассказал своим...эээ... подругам, что ты тоже ее слышишь?

— Спасибо, кстати, что не сказал им. Это будет наш маленький секрет, пока я не пойму, что со мной происходит, я уж было решил, что схожу с ума. Списал на усталость и чрезмерное употребление варева.

— Вариво? Это ты про что?

— Это я про то, что вы, маги, используете для перехода в мир духов, чтобы видеть свои прекрасные сны, а мы, Видящие, не вдыхаем его испарения, как вы, мы его пьем, ежедневно, иначе, никаких особых способностей, кроме как воинской выучки, мы не имеем.

— Что???? Вы пьете обат??? Вы его пьете? Это же смертельно опасно?

— А ты подумай, маг, ты слышал когда-нибудь о престарелых Видящих? Я тебе отвечу — ты не мог о них слышать, потому что их нет. Все мы умираем задолго до того, как приходит время умирать нашему телу, все мы умираем в муках и зачастую сходим с ума, — Кален смотрел в огонь, играя кинжалом. — Это первое испытание, после окончания обучения. Там в замке нашего ордена, есть подземелье, где остаются все, кому уже больше нельзя показываться, там они и умирают. Молодых водят по этому подземелью, чтобы они понимали, что ждет их в конце... что в конце — они не будут героями, они просто исчезнут, их просто сотрут, словно дорожную пыль с сапог, и вот там они будут доживать свои последние дни. Я видел там многих героев прошлого, а в конце-концов, мне пришлось самому положить конец мукам человека, который был мне очень дорог..., он был мне... братом, нет, даже больше, отцом. Я убил его, чтобы он больше не страдал, он просил меня об этом, но, мне не легче от этого, маг. Вот такую цену каждый из нас добровольно платит, защищая людей от одержимых, защищая магов от них самих, помогая людям, помогая вам, мы... добровольно убиваем себя....

Инариэль смотрел на собеседника широко раскрытыми глазами, никто и никогда среди магов не говорил, о цене, которую платят Видящие за свой дар, никто даже не задумывался как Видящие получают свои способности, никто и никогда не мог себе представить, что они ежедневно пьют яд, чтобы... чтобы защищать???

— Это ужасно, Кален. Я, конечно, не знал этого всего, мне очень жаль, если бы люди больше знали о вас, они бы ценили эти жертвы... да и маги... но вы ведь никогда не рассказываете об этом. Почему, Кален, никто не знает об этом?

— Зачем? Зачем, маг, вам эти знания? Мы не ищем славы, мы делаем свое дело и все... А если правда станет общедоступной, как ты думаешь сколько юношей захотят стать Видящими? А ведь наш век и так совсем короток, нам надо успеть обучить новое поколение, и чтобы они тоже обучили следующих... Нет, маг. Никто не должен об этом знать. Юношам рассказывают об этом, уже после 5–7 лет обучения, когда они уже не могут остановиться, когда их разум уже готов к принятию верного решения, когда они на столько уверены, что

хотят стать Видящими, что цена их уже не страшит, но и тогда выбор есть, можно остаться в замке, можно поступить на службу во дворцы, можно отказаться от первой дозы обата и жить своей жизнью, но никогда и никому они не могут рассказать о посвящении, никто не должен этого знать. Так что, те кто остаются — делают это сознательно, должен сказать, что остаются практически все. Тех, кто решает отказаться... единицы один из тысячи... А знаешь почему, маг?

— Кален, как давно ты употребляешь обат?

Кален не видел ничего и ничего не слышал. Как долго он носил в себе это тайное знание, как долго каждое утро трясущимися руками он тянулся за очередной дозой обата, как долго ему осталось? Успеет ли он? Сможет ли? Каждый день мог стать последним, безумие уже тянулось к нему, пытаясь схватить в свои цепкие костлявые объятия. Сколько он еще сможет сопротивляться, он уже пережил своего брата на несколько лет... Но вот опять ночь и завтра утром, он не сможет встать, если не выпьет глоток жгучей, тягучей жидкости, одурманивающей и причиняющей боль.

— Потому что, Инариэль, без этого ты уже не хочешь жить и лучше пожить 10–15 лет травясь ядом, чем жить без него, и без возможности помогать. Без моего проклятья, я обычный вояка, никому не нужный, один из тысяч, а с ним, я — Видящий, я не могу даже представить жизни без этого яда. Жить без него тебе уже просто невозможно, ты не можешь отказаться от него, ты не можешь прекратить его пить, потому что если ты остановишься — твоя жизнь потеряет все краски, ты будешь жить в сером безмолвии, без цели, без надежды... без обата... Ты будешь существовать. Но перестанешь жить, те кто пытается от этого отказаться, передумывают на 2–3 день, боль невыносима, маг, я тоже пытался... Но в итоге все решают, что лучше умирать медленно, но пожить еще какое-то время, чем прекратить жизнь прямо сейчас. Мы все трусы, Инариэль, все до единого. Никто... слышишь, никто не может перестать быть Видящим. Я не встречал ни одного, кто бы все-таки смог... Все сдаются. Всегда... Навсегда... Возвращаются в орден... и остаются в нем... в подвалах, пока у кого-то из молодых не дрогнет сердце и они не положат конец их страданиям. Вот, что такое наш дар, маг.

— Кален, сколько ты принимаешь обат?

— Давно, очень давно, Инариэль, я один из самых «опытных» оставшихся в живых Видящих. Я вступил в орден, когда мне было около 9 лет, в 15 я прошел посвящение, с тех пор, маг, каждый день, и сейчас мне приходится увеличивать дозу, чтобы продолжать двигаться...

— Кален, я могу помочь, я могу, облегчить боль, я постепенно смогу вывести яд, наверное.

— Ты предлагаешь мне все бросить и стать простым воином? Сохранить свою жизнь и рассудок в обмен на сотни других жизней? МММ заманчиво, очень... Но, нет... у меня есть долг, я не могу оставить сейчас Энель, Кару, тебя, всех этих людей, которые смотрят на меня с почтением и уважают меня, как командира, я не могу, произвести такой обмен, хотя... если бы ты встретился мне еще лет 10 назад, а лучше 15... я бы согласился, без раздумий, но сейчас, долг для меня превыше всего, пусть Создатель присмотрит за мной.

— Ты не упомянул ее, осознанно? Или..

— Кого?

— Пленницу, надо бы ей хоть заочно имя придумать, а то все пленница и пленница...

— А она-то тут при чем???

— Ты спас ее, ты принес ее сюда, ты согрел ее своим плащом, это же был твой плащ?

— Как ты догадался, что спас ее именно я? Я не говорил тебе про это?

— Потому что ты ее слышишь, она звала на помощь именно тебя, потому что только ты мог ее услышать, только ты со своим... обостренным... чувством долга, мог ринуться спасать незнакомку, зовущую тебя на помощь у тебя в голове. Только ты мог сражаться с демонами прямо у разлома, только у тебя были достаточно безумные глаза, когда я ее исцелял, ты же хотел меня убить? Что остановило? Я благодарен, ты не подумай, мне просто интересно... и еще интересно какие все же способности вы получаете, принимая обат? Ты можешь управлять моей магией?

— Да, я слышу ее. Да это я спас ее, а потом она спасла меня, а потом она закрыла разлом, а потом... я пожалел, что я не обычный человек, потому что однажды я исчезну, не сказав ни слова, я не хочу причинять боль, слишком много этой боли, я могу ее терпеть, но не хочу причинять. Я...да, я хотел кинуться на тебя и голыми руками оторвать тебе голову, потому что не могу слышать как она кричит от боли, я думал, что это ты причиняешь ей боль, но потом я Увидел, все понял и остановился... О, Создатель, зачем я все это рассказываю тебе? Пообещай, что ни слова, из того что я сейчас тебе наболтал, ты не расскажешь никому и никогда.

— Я даю тебе слово. Никто не услышит от меня твоей истории, пока ты... сможешь возражать. Но потом, позволь мне рассказать кое-что (опуская, конечно ваш обряд посвящения) моему другу, он пишет удивительные романы, я думаю, ты станешь отличным героем для одной из его книг...

— Если наш мир не канет во тьму, после всех этих потрясений, что ж... буду героем хотя бы книжным. Позволяю. Ты спрашивал, на что мы меняем свою жизнь? Я отвечу тебе: по-разному, на каждого обат действует по-своему, да мы можем видеть когда нам пытаются лгать и недоговаривать, в любом состоянии, это просто становится частью тебя, ты ничего не можешь с этим сделать... А ты представь, как это ужасно, когда ты видишь, что близкие тебе люди, пытаются тебе лгать... это страшное умение, мне приходилось убивать моих друзей потому, что я знал то, что они пытались скрыть. Ах, да... про прочие способности... нет, Инариэль, я не могу управлять твоей магией. Я могу только остановить ее или вернуть тебе боль, равную энергии затраченной на заклинание, если заклинание направлено против меня. Не более того, но это тоже причиняет страшную боль, то, что для тебя сила, для меня — бушующий водопад, ты пытался когда-нибудь зачерпнуть воды из водопада, стоя прямо под ним? Очень похожие ощущения.

— Вся твоя жизнь, Кален — это сплошной поток боли, как вы это выдерживаете?

— Недолго... — Кален невесело усмехнулся, — совсем недолго, когда нет сил терпеть ты сходишь с ума... Но мне еще нельзя, я еще не окончил свои дела здесь, мне надо продержаться еще, еще хотя бы... пока мы не разберемся со всем этим... а потом, я уйду, я должен буду уйти. Кстати, ты знаешь, почему здесь Кара? Нет, ты не можешь этого знать, вторую часть их миссии не знает никто. Я тебе скажу, они не только ищут магов, они же наблюдают за Видящими и когда тем пора «исчезать» они им помогают, это вторая скрытая часть их обязанностей. Я призвал ее, чтобы она следила за мной, только ей этого не говори, я не смог ей признаться... для чего...

— Она не знает?

— Пока еще нет, я пока еще держусь, но я решил перестраховаться... А теперь она хочет...

— Она влюблена, Кален. Быть может тебе стоит порадовать ее, да и тебе... в жизни достается не так много радости...

— Я думал об этом, но пока я не смог принять решения.

— Кален, если ей придется тебя убить, она не сможет этого сделать... ты же понимаешь это?

— Ей не придется. Ищущие не убивают нас, пока мы не опасны для окружающих. Они отвозят нас в нашу цитадель, на остров, когда приходит время, но пока время не пришло, они не видят причин, вмешиваться. То есть они вообще ничего не видят, до момента, когда становится уже все равно, когда для нас пути назад уже нет. Вот когда она повезет меня в замок ордена, возможно тогда... но не теперь... я еще не готов.

— Ты не сможешь к этому быть готов. Это...

— Не надо, Инариэль, — опустив голову, прошептал Кален. — Не надо. Я и так слишком откровенен с тобой, видимо, мне нужно было выговориться, видимо я очень устал, или может быть, ты прав, я хочу, чтобы, когда придет время, ты подстраховал Кару, если вдруг, это время придет... слишком быстро. Я надеюсь на тебя, друг.

— Кален, мы только сегодня познакомились, и ты уже доверяешь мне свою жизнь. Я, конечно, польщен, но почему?

— Ни один из магов круга, не сможет помочь Каре, я их просто скручу их же магией, а вот твоя магия... она другая и я даже не уверен, смогу ли я ей противостоять. Я видел плетение, вокруг пленницы, ты прав, надо ее хоть как-то назвать; это было чудесно и не похоже ни на что... к тому же... Я не знаю... мне пора, скоро мне станет плохо... я должен вернуться к себе и побыть один. Помни, никому ни слова, пока... пока я жив!

Он встал и двинулся нетвердой походкой к своей палатке. Глядя ему вслед Инариэль уже не видел могучего воина, убийцу и надзирателя, он видел человека, отдавшего свою жизнь в услужение другим людям, видел человека, сделавшего нелегкий выбор и несущий тяжкое бремя этого выбора на своих могучих плечах, но бремя становится все тяжелее, и даже такой гигант сгибается под этой ношей. Сделав несколько шагов от костра Кален остановился, расправил плечи и бодро зашагал на встречу идущему в обход лагеря патрулю.

«Какая силища в этом человеке, просто нечеловеческая. Секунду назад он был сгорбленным стариком, едва волочащим ноги, но стоило появиться солдатам и он тут же стал их командиром: молодым, бодрым, живым и здоровым да еще и перешучивается с ними... сколько же сил он прикладывает для того чтобы скрывать все и от всех...»

День 2.

Ух, ты... надо же, оказывается просыпаться иногда даже приятно. Ничего не болит, даже не холодно, как в прошлый раз. Так ногами пошевелить могу, руками тоже, откроем-ка глаза... ООО!!! Отлично! Все вижу, никакой боли.

Вспоминаем, что это было. Было двое солдат, потом меня облили водой, потом появились две женщины, дали мне напиток и кажется на этом все... По-моим воспоминаниям мне около 30 минут от роду, а что было до этого??? А, какая разница, главное, я жива и практически здорова. Поесть бы чего-нибудь, интересно мои тюремщики догадались, что я могу захотеть перекусить?

Садимся, осматриваемся. Вот и вода в чашке, уже хорошо. Ой, ну вы молодцы, ребяташки, я вас не знаю, но уже люблю... едааа, прямо вот здесь а пахнет-то как.... Съела бы прямо с тарелкой. Холодная, ну это ничего, все равно. ООО!!! Опять хорошо, я сажу и

уплетаю за обе щеки вкуснейшие в моей жизни жареные с луком колбаски и овощи, тюфяк, мягонький, тепленький и даже одеяло, тоже тепленькое... Готова, всю оставшуюся жизнь, быть вашей узницей, только кормить и поить не забывайте.

Поели, можно и размяться чуток, а то что-то все затекло. Встаю, хожу по небольшой камере, хорошо, но что-то вы меня разочаровываете, а где окошко, сейчас что день или ночь? Хотя, к демонам подробности зима или лето? Ну, судя по тому, как мне холодно все-таки зима. Каменная кладка вокруг, голые серые стены.

А это что? Одежда какая-то! Вот отлично. Быстро скидываю с себя лохмотья переодеваюсь. Плотные серые штаны, грубая рубаха, подбитый теплым мехом жилет. О плащик кто-то оставил, замечательно. Плащ, похоже, принадлежал кому-то очень большому, я в него раза четыре завернуться могу целиком, но так даже теплее. Укутываюсь в плащ.

Сознание куда-то уплыло.... Опять????!!!!

Я это не я... я это понимаю, но мне очень больно, прямо как мне при прошлом пробуждении, тот я который не я терпит и улыбается. На меня (ну на неменя) смотрят с восхищением, уважением и почтением, а чего это немне так больно... не понятно...

Фууу, я снова я.

Что со мной происходит?

Отлично, поели, попили... сейчас бы еще... ммм чего же мне больше хочется... прогуляться? Да ну, там, наверное, холодно, может вина... наверное... надо только вспомнить что это такое... и тогда уже определяюсь.

Приоткрылось смотровое окошко. Привет вам, два человеческих глаза, вы не знаете, что такое вино???

Смотровое окошко закрывается, вот же... а только беседа начала налаживаться.... Ну ладненько... посмотрим что у нас тут еще есть... А ничего тут нету, ничегошеньки... стены одни и остатки костра посреди коморки.... Скучно-то как....

Скрипнула дверь, вошел солдат, подошел... Просит ему руки подать, показывает, что придется надеть на меня железки... ну ладно, надо так надо... Протягиваю руки, щелкают замки... Тяжелые железяки.

Меня куда-то ведут, рассматриваю все с любопытством, первый раз на прогулке все-таки... До места назначения мы добрались быстро, меня просто вывели из подвала и сопроводили в одну из небольших комнат. Вот и все заточение, обычный подвал в деревенском доме, скорее всего дом старосты, все-таки великоват для простого крестьянина. Никаких украшений, ничего совсем, только лампадка в руках моего сопровождающего, заботливо им оставленная около лестницы в подвал.

Мой сопровождающий открывает дверь, заводит меня в комнату, там двое. О, старые знакомые... приветик, женщина-гора и зеленоглазка... С прошлого раза что-то позабыла ваши имена...

Готова улыбаться до ушей и кинуться их обнимать... но на мне же железяки... не удобно, ладно, так обойдемся, без объятий.

Эй, мужлан, это грубо, что сказать нельзя было по-нормальному: Встань тут на колени. Зачем древком топора и под колени?

— Кто ты? — заговорила чернявая.

Молчу. Хмм, я бы тебе, конечно, ответила, если бы знала, что тебе сказать... Ты, кстати, не в курсе что такое вино?

— Что ты делала на совете?

Опускаю глаза, рассматривая пол. Где-где я что-то делала??? Мне бы вспомнить кто я, а ты мне такие вопросы задаешь.

— Как тебя зовут? — вступила в разговор со мной зеленоглазка.

Симпатичная, вроде даже не такая сердитая, как чернявая, и чего я ее в прошлый раз так испугалась?

— Это бессмысленно, она ничего не говорит, ну что нам пытаться ее что ли?

Нет, не надо меня пытаться, что-то мне это слово не нравится... Я бы с вами поговорила.... Вот пытаюсь вспомнить как это делается... Сейчас... еще чуток...

— Кара, мы не станем ее пытаться. Девочка, как нам тебя называть?

Ой, она мне нравится все больше и больше...

— Я... я не помню, — уфффф, получилось. Ура я сказала это вслух, а что, даже неплохо вышло, и голос у меня вроде приятный... что-то зеленоглазка расстроилась, ой-ой-ой, я что-то не то сказала...

— Это ты устроила все? — бросается ко мне чернявенькая... Кара... точно ее так называли.

Отчаянно мотаю головой, что бы там ни было, я ничего не устраивала...

— нет... не... я... я не... помню...

— Солдат, нам тут помощь Видящего нужна, пусть глянет, врет она или действительно ничего не помнит... Позови командора.

— Сию минуту, госпожа, Энель.

Вот и познакомились: чернявенькая — Кара, зеленоглазка — Энель, а сейчас еще некто Видящий пожалует, ну и имечко, доложу я вам, а может это он и будет меня... пытаться....??? Что-то как-то я не хочу, чтобы этот солдат его нашел...

Молчание затягивается. Рассматриваю женщин. Кара — высокая, статная, плечи широкие, бедра округлые, симпатичное лицо: несколько мелких шрамов на брови один, на щеке еще один. Глаза карие большие, красивые. Немного жестокое выражение в них, но есть ощущение, что это напускное, она не такая, просто видимо сейчас такой момент. Она хочет внушить мне страх, почти получилось, вот только я тебя раскусила. Высокая. Я, пожалуй, своей макушкой ей и до носа не дотянусь, даже если на цыпочки встану. Волосы коротко пострижены, черные, аккуратно убраны со лба. Тонкая туника с длинным рукавом, закрывает все, по самый подбородок (тоже мне пуританка... запомнить это слово и потом вспомнить, что оно значит), сверху жилет на меху, укороченные штаны для верховой езды, коричневые, аккуратно заправлены в высокие сапоги. Не пыталась бы быть такой злокой — была бы очень симпатичной. Энель — эта моего роста, стройная, очень красивое лицо, черты тонкие, аристократка видимо (а это еще что такое?). Глаза зеленые, такие... с хитринкой... не знаю, как еще их обозначить, высокий лоб, волосы рыжие, яркие, блестят словно золото, выбиваются из под капюшона. На ней тоже туника и жилет и тоже укороченные брюки (что-то вы все одинаково одеваетесь, интересно этот видящий тоже в таких явится?) у вас тут сборище любителей верховой езды? Где платья? Украшения? Тиары? Туфли? (вот как много слов я знаю). И сверху дорожный плащ с капюшоном, который наброшен на голову и из-под которого выбиваются рыжие пряди, а да, это я уже видела. Очень-очень привлекательная особа, но что-то в ней такое есть... если Кара пытается казаться злокой, не являясь таковой, то эта наоборот, кажется вся такая белая и пушистая, а на самом деле... тут не угадаешь, уж очень она таинственная какая-то, может тоже по долгу службы.

Что-то я заскучала, никто мне ничего не рассказывает, не спрашивает, хотя, что с меня возьмешь, даже имени своего не помню.

Дверь открылась. Вернулся солдат. Ой, что это я напряглась, словно пружина на взведенном арбалете (ой, как интересно ничего не помнить...). За солдатом слегка пригнув голову, чтобы не стукнуться о косяк двери, вошел мужчина. Вот это даааа, какой он огромный.

— Энель, Кара, я смотрю, вы без меня начали? — голос мягкий, но строгий.

Совсем они меня сбивают, как может у такого великана быть такой голос? Таким голосом только баллады о любви вечной петь, а он тут какие-то строгие нотки еще в него подмешивает. Брр аж оторопь берет, тоже наверняка не так чтобы прост. Высокий широкоплечий, светловолосый... Руки огромные, такими задушить — нечего делать. Да уж, ему я даже до подбородка в прыжке не достану... наверное... хотя... если постараться... А глаза у него какие. Мурашки бегут по спине. Ярко голубые, пронзительные, но холодные, словно лед, того и смотри, замерзнешь насмерть, если не оторвешься... Что-то не так... Почему он так смотрит на меня, словно... обвиняет в чем-то...

— Кален, мы позвали тебя сразу. Ты ничего не пропустил, ну кроме того, что она сказала, что ничего не помнит, — Энель спокойна, она верит в него, верит, что он во всем разберется.

Очень приятно, оказывается Видящий — это не имя (а что тогда? Прозвище?) А зовут этого голубоглазого гиганта Кален. Смотрит на меня, ну что ж, я приму твой вызов и тоже поиграю с тобой в гляделки, красавчик. Смотрю прямо ему в глаза. Он смотрит на меня, я на него, ничего не происходит, совсем, начинаю сама развлекаться и решаю даже не мигать, а то совсем скучно... Сейчас зевать начну...

— Кален?

Молчит красавчик, смотрит на меня и молчит, да я уже победила тебя раз 10, ты все время моргаешь, а я — нет... Хотя ты ему язык покажи, нет, не буду, не вежливо как-то...

— Я не понимаю, Энель. Как тебя зовут? — ко мне обращается.

— Я... не помню... — уже знакомая фраза, уже лучше получилось.

— Кален?

— Ничего не понимаю. Энель, ну-ка соври мне что-нибудь.

— Кален, я не могу просто взять тебе и соврать.

— Ага, вот и попалась, — он улыбается.

— Нет, — лицо Энель побледнело.

— Тебя чувствую, каждую жилку чувствую, каждую букву, а ее... Я не могу вам помочь, дамы, я ничего не вижу, вообще ничего, совсем. Никогда такого не было. Правда тоже дает свой отзвук, а тут вообще ничего... пустота, словно она и не думает ничего, словно ее нет вовсе..

Конечно, сейчас же, не думаю... Тоже мне... я как раз сейчас тебя рассматривала, должна тебе заметить — ты очень симпатичный, светлые волосы, красивое лицо, скулы широковаты, но для мужчины, ты просто эталон красоты, даже мелкая сеточка морщин вокруг глаз не портит твое лицо, а шрам над губой — он просто восхитителен, интересно, когда ты улыбаешься, глаза остаются такими же печальными? Глаза, это просто что-то неопишное, голубые, яркие, пронизывающие, кажется, еще чуть-чуть и ты меня насквозь увидишь. Так, прекрати ты в меня так всматриваться, я сейчас со стыда сгорю. Глаза... голубые глаза... Такие... Стоп! Сознание, оставайся со мной... Почему глаза? Почему

именно его глаза, чуть не отправили меня в мир грез? Быть может, я его знаю? Или не его???

А глаза... такие глаза как у него...

— Как нам называть тебя? — спрашивает спокойно, хотя я чувствую, что он в замешательстве.

— не... знаю... ничего... не помню...

Ого, это вся я сказала? Делаю успехи.

— Что ты делала на месте, где собирался совет? Что это такое у тебя на груди?

Молчу, что я могу им сказать. Начинаю говорить медленно, стараясь подобрать слова.

— Я ничего не помню. Мое первое воспоминание связано с вами, когда вы меня из ведра полили, до этого момента я не помню вообще ничего. Ничегошеньки. Да я даже значения слов не могу вспомнить, а вы у меня какие-то подробности выпрашиваете...

— Ничего, говоришь, — Кара хватает меня за железки сковавшие руки и тянет к окну.

— И этого ты тоже не помнишь????

Указывает куда-то вдаль. Смотрю. Замираю. По всему телу начинает бить дрожь. Там вдали вижу скалы, в одной из них словно отрезало кусок, края этого куска светятся золотым маревом. Застываю. Всю напускную веселость снимает как рукой.

— Что это???

— Вот и нам хотелось бы узнать что это, но ты не отвечаешь, а ты единственная кто был там, когда это случилось, и выжил.

— Единственная???

— глаза наполняются слезами. — Единственная????

Это не правильно, что-то не так. Там был кто-то... кто-то еще... он там был... должен был быть... Острая боль пронзает тело, не могу держаться на ногах, падаю. Боль... Почему так больно? В глазах темнеет, неясные тени вокруг меня. Я шла за кем-то, кем-то очень важным для меня... Он запретили мне ходить за ним, но я все равно пошла, тайком... Потом что-то случилось... Было очень больно... Руки были связаны, боль в кистях, помню жесткие веревки врезающиеся в кожу до крови... Они что-то говорили эти тени... жертва... а потом мрак и запах гари...

— Единственная, — повторяю снова и снова, все тише и тише, стараясь догнать разлетающиеся мысли. — Я не могу ничего вспомнить. Совсем ничего. Я пытаюсь, я хочу вам помочь, но я ничего не помню, совсем ничего. Я была не одна... там был другой... ему было очень больно... так же как мне... но я не помню его... только его боль... Там были тени, я не видела их, они говорили о жертве, потом боль... темно и что-то горит... Это все. Я даже себя не помню...

Я говорю, а боль все усиливается. Мне больно, меня рвут на куски, боль внутри, она разрывает меня... голова, она вот-вот взорвется... Я хочу обхватить себя за голову, но руки скованы, сильно бьюсь головой о наручники, боль не проходит, она нарастает она становится все сильнее, я уже могу ее увидеть... золотое марево... разрываемое на части тело... голубые глаза... я не могу остановиться, я должна бежать... ничего не могу понять, но меня душат рыдания, мне все сложнее дышать... не хватает воздуха, запах гари, запредельный страх... нужно жить, я должна вырваться... боль, страх, страдание...

Меня дергают за сковывающие руки железки вырывая из пучины боли, это совсем другая боль, она физическая, а та, она только у меня в голове... ее нет...

— Ты пойдешь со мной туда, посмотрим на месте что ты помнишь, и там уже решим, что с тобой делать, ты пойдешь, как пленница, я не собираюсь тебя освободить, — Кара говорит уверенно, она видит неодобрительный взгляд друзей, но я понимаю, что она не

отступит.

Это верная смерть, хочу закричать я, но вместо этого ловлю взгляды... замолкаю... Кален смотрит на меня, холод в его глазах леденит душу, колючий взгляд, он не сомневается в моей вине, он уверен, что я виновата, как больно вдруг стало, и Энель тоже смотрит на меня как на преступницу. Какая резкая перемена, стоило только посмотреть в окно... ведь еще минуту назад меня ни в чем не обвиняли...

Да что ж я вам всем сделала-то, хоть бы пояснили что ли. Ну, угораздило меня выжить, так что я теперь назначена ответственной за все?

— Я согласна. Ведь иначе... мне не жить? Я правильно все понимаю?

— Именно, или ты идешь туда со мной. Или ты умрешь прямо здесь и сейчас.

— Я пойду. Я постараюсь помочь!

Меня ведут, нет, не ведут, тащат по коридору, длинноногая Кара шагает размашисто, я едва за ней поспеваю.

Выходим на улицу. Холодно.

Из глаз вот-вот покатятся слезы, свет бьет по глазам, солнечный яркий день, белый снег лежит мохнатой шапкой на склонах гор, по своим делам ходят люди, вдалеке слышится звон мечей и радостные возгласы, только серая туча висит над горой, люди занимаются своими делами... чего я реву, дура? Собраться надо. Слезами горю не поможешь, надо действовать, надо доказать свою невиновность, но как...??? Решу по дороге, все равно изменить что-то не в моих силах. Итак, идем. На центральной площади много народа, очень много, но стоит нам появиться, как все откладывает свои неотложные дела и смотрят на меня, смотрят с ненавистью, расступаются, кричат что-то неприятное вслед, что и их родных я тоже погубила на той горе????

Подходим к какому-то мужчине, щупленький, страшненький и в каком-то грязном балахоне, видимо когда-то балахон был зеленым, сейчас грязно коричневый... хммм на Энель был плащ такого же цвета, да, вот и символ там такой же был: расправивший крылья белый дракон, интересно, это кто еще? Он смотрит на меня с нескрываемым презрением. Но обращается не ко мне, а к Каре.

— Ищущая, вы готовы сопроводить преступницу в столицу для казни?

О, уже даже не удивил, противный хорек, казнь... Да что ж они все меня убить-то хотят? Что за несправедливость такая. Только человек в себя пришел, как его уже быстрее к смерти заочно приговаривают. Что за мир такой? Жестокий, беспощадный, ужасный.

— Нет, отец Мартин, мы не в столицу направляемся. Сперва, нам нужно сходить туда, где было собрание, осмотреться. Дело в том, что она не помнит ничего. Возможно, она вспомнит что-то на месте, и поможет разобраться нам.

— То есть вы желаете ей не безболезненной смерти, а хотите, чтобы она помучалась и была сожрана демонами, которые заполонили все в тех местах? Что же, Ищущая, в изобретательности вам не откажешь, это точно.

Демоны???? Что??? Что такое демоны? И почему меня тащат туда где эти демоны все заполонили. Час от часу не легче. Может выбрать казнь??? Все-таки быстро и почти безболезненно, да и дорога займет какое-то время, поживу....

Нет, это малодушие, я не хочу умирать, я хочу всем доказать, что я не виновата ни в чем. Я хочу, чтобы меня перестали обвинять в том, чего я не только не делала, чего я даже не помню... Я хочу увидеть тепло в их глазах, в голубых глазах и улыбку на губах, улыбку, которая согреет сердце.

Ну, вот, что-то меня понесло... слушай, давай, что там они говорят.

— Отец Мартин, мы вернемся, и если она так ничего и не вспомнит, мы доставим ее столицу, как вы и настаиваете, но сейчас, мы выдвигаемся. Идем, — она дернула меня за цепь опутывающую руки.

Я послушно поплелась за ней. Я вижу много раненых, кто-то стоял, кто-то лежал, около кого-то хлопотали целители, многие стонали, кто-то ужасно кричал. Было очень страшно. И холодно.

— Кара, — окрикнул кто-то мою сопровождающую.

— О, демоны, только не он, — выругалась Кара тихонько, — принесла же его нелегкая...

— Добрый день, Ищущая. На прогулку собрались? Быть может, представите мне свою спутницу?

— Иди своей дорогой, гном.

Я внимательно посмотрела на появившегося рядом невысокого человека. Гном. Хмм, ну чему я удивляюсь, если я эльф, почему бы не быть и гному? Интересный персонаж: роста невысокого, плечистый, ручки здоровые, ноги кривые, борода густая и рыжая, в ней заплетены несколько косичек, и стог рыжего сена на голове, одет в легкую броню, из-за спины виден арбалет, в сумке на боку болты к нему. Лицо... мне нравятся такие лица... очень доброе и открытое, глаза смешливые, кажется, вот-вот засмеется, и совсем не боится Кары, и даже кажется, посмеивается над ней. Очень приятный тип, вот бы все были такими... И даже смерти мне не пожелал... пока... Все равно спасибо...

— Барри, иди своей дорогой, мне не до тебя.

— Я не могу, Ищущая, пойти своей дорогой, поскольку меня и моего друга, Энель попросила сопроводить вас вместе с вашей спутницей туда, куда вы направляетесь... Так что вам навязали наше общество...

— А твой друг случайно не маг-отступник?

— Именно так, всегда восхищался вашим умом и обаянием...

Да он точно над ней смеется... Бессмертный что ли???

— Вы же не забыли о нас, Кара? — к ним подошел еще один человек.

Он быстро окинул меня взглядом и вдруг улыбнулся.

— Я очень рад, что тебе уже лучше, хотя мне кажется, что ты уже не рада, что я вылечил тебя.

— Вы меня лечили? А чем я была больна? Это связано с тем, что мне все время больно? Что со мной?

Я склонила голову в знак признательности. Его внешность меня поразила еще больше, чем гнома. Он был эльфом. Высокий, стройный, статный. Очень тонкие черты лица, длинный прямой нос, тонкие губы, красивые фиалковые глаза, немного раскосые и очень мило удлиненные уши (интересно, а у меня тоже такие милые ушки?). Кончики ушей торчат из гладко причесанных волос, которые серебристым водопадом падают на плечи, их удерживает золотистый ободок на голове. Одет в серые штаны и длинный серый плащ. Очень, мило, и он тоже не желает моей смерти, он даже лечил меня.

Улыбка пропала с его лица, я испугалась, что опять сказала или сделала что-то не то. Но он смотрел не на меня, он уже повернулся к Каре и что-то очень недовольно ей шептал, указывая на меня.

— Не бойся его. Инариэль, мне все уши прожужжал, рассказывая, какая ты

особенная, — гном появился рядом. — Даже у меня, в общем — то неплохого оратора, не хватило бы красноречия чтобы его прервать. Он не даст тебя в обиду, да и я тоже постараюсь, чтобы твоя миленькая головка, случайно не рассталась с твоими чудесными плечиками.

Он подмигнул.

— Хочешь хлебнуть из фляги, что-то вид у тебя совсем перепуганный? Запугали тебя эти... тюремщики? Не переживай, это они потому что сами не могут ничего понять, поэтому и бросаются на всех. Тебя как звать-то?

— Я не знаю. Я не помню, ничего не помню.

Гном внимательно на меня посмотрел.

— Вот как. Это может слегка усложнить нашу задачу. Как же тебя к ужину-то звать??? — он расхохотался. — Ты эльфийка, симпатичная, молоденькая, Будешь — Кид. Не возражаешь?

Я улыбнулась ему в ответ

— Нет, не возражаю, мне все равно.

— Вот и славно, Кид, ну-ка присядь, а то я флягу тебе к губам поднести не могу...

Я присела, он быстро глянул, как Кара ругается с его другом и быстренько приложил к моим губам свою флягу. Горло обожгло что-то очень терпкое...

— Мой личный рецепт, отличная настойка, тебе точно не повредит, — он подмигнул и дал мне хлебнуть еще раз.

По телу разливается жидкий огонь, горло разрывает от крепости. Настроение начало подниматься. С такой компанией не страшно и к демонам. Я уже развеселилась. Пропал страх.

— Ты несносный гном, Барри!! Что ты сделал с моей арестанткой?

— Карра, душечка, ты девочку на смерть ведешь, так дай ей хоть выпить перед этим, что ты за женщина? Никакого сострадания? Ты что? Ты же такая милая, ласковая и красивая? Посмотри ты на этот эльфийский цветок... разве она способна совершить все то, что вы ей приписываете? Кстати, я назвал ее Кид. Она все равно не помнит своего имени.

Кара была очень зла, но противиться обаянию гнома было просто невозможно.

— Ладно, идем, — Карра дергает меня за цепь.

— Ты как? — обратился ко мне эльф.

Я решила, что с ним лучше быть поестественнее и почестнее.

— Мне очень страшно. Я ничего не понимаю. Мне все время больно, особенно когда я пытаюсь что-то вспомнить. Я ничего не знаю, а каждый человек, которого мы встретили, хотел меня убить. Я в растерянности. Я умру там? Кто-то сказал, что там демоны? Что такое демоны? Зачем меня туда ведут?

— Кид, ведь Барри тебя так назвал? Давай я сперва попробуй уговорить Кару снять с тебя цепи, а потом мы сможем поболтать, пока будем продвигаться к месту.

Выходим за ворота. Идем по утоптанной до грязи тропинке. Впереди неприступным бастионом стоят горы. Серые склоны поросли редким кустарником, теперь все припорошено снежком, упирающиеся в небо пики, слепят белым блеском. Обходим деревеньку, идем к горе. Кара меня тащит, Инариэль пытается с ней о чем-то говорить, но она лишь отмахивается от него и злобно что-то шепчет себе под нос про его мягкость и необдуманность поступков. Барри что-то мне рассказывает, но я не слушаю, или не слышу в голове противный звон, в глазах темнеет. Я хочу посмотреть по сторонам, но каждое

движение гулкой болью разносится по всему телу. Едва могу переставлять ноги. Сжимаю зубы, сдерживая стоны. Впереди небольшой деревянный мостик, перекинутый через неглубокий овраг. Тут и там на белом снегу следы крови, их уже припорошило снегом, но на белом покрывале, яркие пятна отчетливо выделяются. Меня бьет дрожь, это не холод, это страх, неконтролируемый ужас. Из тумана воспоминаний всплывают смутные картинки: камень в темном помещении, вокруг голоса: «жертва, жертва... Тебе не спастись...» А потом яркий свет и чей-то приказ: «Беги!!». Вот и мост. Острая резкая боль валит меня с ног. Карра останавливается, ждет пока я поднимусь, что-то мне говорит... ничего не слышу, в голове туман...

Что произошло дальше, я не поняла. Что-то где ухнуло, потом бабахнуло, и вдруг мы полетели с моста, который переходили в этот момент. Кара крепко держала мою цепь, а вот Барри и эльф остались наверху. Рядом с нами на застывшей ледяной поляне вдруг что-то зашевелилось и из черной грязной лужи появились какие-то лапы, а за ними и голова. Сердце ушло в пятки, Кара уже поднималась, и вытаскивала меч, бросив мою цепь. Я забываю о боли, начинаю озираться по сторонам в поисках какого-нибудь убежища, и мой взгляд падает на валяющийся неподалеку арбалет, а потом я увидела еще две черные закипающие лужи! Ох, ты ж дракон меня заberi! Кара точно не успеет с ними справиться, она вон еще с тем не сражается, а на белом снегу появляются еще несколько булькающих черных луж, что происходит дальше я уже видела, оттуда нечисть какая-то ползет, по одной нечисти из каждой лужи. Так арбалет. Я видела арбалет. Надо его достать. Я бросилась в сторону оружия. Надо же, какая удача, в паре шагах от арбалета валяется сумка с болтами — очень удачно...

Подхватываю оружие. Ну, и что теперь. У меня есть арбалет, а как им пользоваться я даже не представляю. Но я же кинулась к нему, значит, раньше я знала такие штуки, мне нужно довериться своей мышечной памяти. Как? Да запросто, закрываем глаза. Так вот так, а потом болт кладем вот сюда. Можно открывать глаза. У меня в руках заряженный арбалет, а дальше-то что? в паре шагов от меня ползет какая-то мерзкая тварь, похожая на... фуууу... придет же такое в голову, ладно, стреляем. Гулко звякнуло и направленный мною болт вошел прямо в красный глаз противной массы ползущей ко мне, масса взвыла и откатилась назад, но не исчезла... а жаль, я так надеялась... ладно как там я что делала, так, потом вот так... это хорошо еще что арбалет валялся, лук бы мне точно не помог, руки-то все еще стянуты цепью, но надо поспешить, перезарядить арбалет, дело не быстрое и не легкое, особенно когда на руках цепи, хорошо еще, что эти твари не слишком шустрые, а то бы точно не успела... Ладно, думать потом, сейчас целюсь и стреляю. Болт попался какой-то необычный, угодив в тварь, он рванул ярким белым огнем и тварь застыла, замороженная. ООо!! Отлично!!! Так осматриваемся, Кара в плачевном положении ее окружили три твари, она отбивается, но долго точно не протянет, может пусть все так и будет, я выберусь наверх и мы сбежим с улыбочивым эльфом и болтливый гномом, а что будет с ней... кого волнует, она меня казнить собиралась...

Глаза... голубые глаза они смотрят на меня так нежно, с таким обожанием, губы улыбаются мне...

Что это было? Видение? Я тут собиралась всем доказывать, что я не виновата, и вот, в первый же момент, когда мне представился шанс сделать хоть что-то хорошее и правильное, я собираюсь сбежать, нет уж. Так не пойдет. Я докажу всем что я не виновата. Я докажу Калену, Энель, Каре и всем остальным, я всем докажу. Да и она не заслуживает такой

смерти. Так что не медли, давай! Вводим, заряжаем, целимся и спускаем. Минус один. Повторим. Дзинь. Итак, остался один. В этот момент Кара взмахнула мечом, и все окончилось, последний демон упал. Ну вот и славно.

Кара уже подбежала ко мне, и направила на меня меч:

— Немедленно брось оружие! Ты слышишь меня, эй! Брось арбалет!

— Что? Я спасла тебе жизнь!

— Я сказала: положи арбалет, ты под арестом, я не позволю тебе разгуливать с оружием.

— Слушай, Кара. Я знаю, что тебе не понравится то, что я тебе сейчас скажу, но мне все равно. Я не помню ничего, все вы обвиняете меня в чем-то чего я не только не помню, я даже не понимаю о чем вы все говорите! Я не помню НИЧЕГО! Я готова помогать, всеми силами! Я не сбежала, когда мне представилась такая возможность, я предпочла остаться и прикрыть тебя. Зачем мне спасать тебя, а не бросаться убежать? Ты не находишь, что это немного странное поведение для бесчеловечно жестокого человека, которым вы меня видите? Человека, которого вы все обвиняете во всех смертных грехах и уже признали виновным и приговариваете к смерти? Итак, я готова тебе помогать, всем вам, но, ты тащишь меня в место, где полно демонов и не хочешь давать мне оружие? Что я смогу там сделать? Что я смогу тебе доказать, если меня там убьет первый же выросший на пути демон? Чего ты добьешься? Так может, мы прекратим пререкания, и ты освободишь меня? Сними с меня эти кандалы и позволь мне продолжить путь вооруженной. И будем считать, что ты мне не должна ничего. Договорились?

Я сама не понимала, как я отважилась все это сказать Каре, да еще и требовать чего-то, как у меня это получилось? Ведь это была не я. Я другая. Я не такая смелая.

Я смотрела в ее лицо, ловила малейшие перемены. Сначала она нахмурилась, потом на ее лице появилось удивление и к концу моей гневной тирады — Кара вдруг заулыбалась.

— Удивила, Кид. Не очень-то тебе подходит это имечко. Слишком... слащавое.... Аж приторное... даром, что его тебе гном-бард придумал. Потом мы это изменим, а пока, потерпи. Но, ты права, мы идем в опасное место и то, что болты полетели не в меня, а в них, пожалуй, дорогого стоит. Спасибо, ты вроде как спасла меня. В долгу не останусь. Стреляешь, кстати неплохо, — Кара уже освободила мне руки. — Кто-то учил?

— Да не помню я. Я увидела арбалет, схватила его и поняла, что не имею ни малейшего представления, что с ним делать. Решила, понадеяться на то, что руки все сделают сами, закрыла глаза и зарядила его. Ну, а дальше ты уже сама видела.

— Да, видела, — Кара кивнула. — Значит, ты достаточно долго тренировалась с арбалетом, я могу так, не думая, крутить мечом, даже не понимая, что я делаю, иногда это очень помогает. А с луком? Сможешь?

— У меня руки были скованы, лук бы мне точно не помог и тебе, кстати, тоже. Но я думала об этом, наверное, смогу, надо попробовать. Я же вроде как эльф, а эльфы слывят хорошими лучниками.

— Ну, да. Ладно, давай возвращаться к нашим более удачливым друзьям, оставшимся на мосту.

Дорога в форт.

На мосту бой только закончился, останки около дюжины демонов валялись то тут, то там.

Барри, нежно похлопал свой арбалет, перед тем как забросить его за спину:

— О, девочки вернулись? Отлежались, лежебоки, пока мы тут подрались немного. Смотри-ка, девочка, ты тоже арбалетом обзавелась? И тебе даже руки освободили? Ну, Кара, скажу честно, не ожидал от тебя такого... Порадовала ты меня. Инариэль, друг мой, твоя магия, как обычно, была очаровательно губительна, ты каждый раз что-то новенькое придумываешь. Очень я тебе скажу зрелищно, хоть в балагане выступай с такими номерами: распыление демона в один миг. Класс!!!

Эльф подошел к освобожденной пленнице.

— Ты как? Все хорошо? Я очень испугался, когда ты упала. Не поранилась? — тревога в голосе неподдельная и глаза о том же говорят.

— Я в порядке. Спасибо, Инариэль, кажется.

— Да, это мое имя, конечно не полное, но людям так проще, я уже привык, что они меня так зовут. А вот Барри тебе совсем какую-то кличку дал, а не имя, не находишь?

— Ну, выбирать мне не приходилось... Он первый, кто придумал, как меня называть... Я согласилась.

— Вот и я говорю, что ей это не подходит, — встряла Кара. — По дороге вместе подумаем, нам надо выдвигаться, тут скоро развилка, там придется решать каким путем отправляться. Есть возможность прорываться с основными силами, там и солдаты Калена будут, но и сопротивление ожидается серьезное, но есть и другой путь, через старые гномьи шахты, но что там, не знает никто, разведчики Энель не вернулись.

Кален, что-то кольнуло в груди, вспомнились холодные льдинки голубых глаз. Не хочу снова этого видеть, больно, я готова видеть это в любых глазах, но только не в его голубых, это неправильно.

— Кара, я бы предпочла обходной путь, быть может, мы сможем помочь разведчикам, если конечно, тебя интересует мое мнение.

Кара смотрит на меня изучающе, кивает.

— Хорошо, я тебе все-таки жизнью обязана, сделаем, на сей раз, по-твоему, хотя кажется мне, что не спасение разведчиков истинная причина, — она хмурит брови. — Вы с нами, господа хорошие? Прогулка обещает быть опасной.

— Конечно, красотка, мы с вами. Барри еще не убегал ни от одной веселенькой прогулки, да и надоело мне по лагерю шататься, словно медведь зимой, надо бы размяться слегка и поупражняться. Так ведь, Инариэль?

— Конечно, Барри, кроме того, я не могу оставить мою подопечную, вдруг ей потребуется моя помощь. Идемте же. Кара, ты не станешь возражать, если мы пойдем чуть впереди вас с Барри, мне хотелось бы немного поболтать с... Кид, ужасное прозвище... давай-ка лучше вернемся к нашим истокам и назовем тебя... хотя бы Лариэль? Пока ты не вспомнишь свое имя. Я постараюсь тебе помочь вспомнить, твое прошлое, я с радостью буду отвечать на все твои вопросы, если таковые у тебя есть.

Сияющие радостью, просто лучащиеся фиалковые глаза. Смотрит на меня с восхищением. Улыбаюсь ему в ответ.

— Так, эльфы, вы же не знаете куда идти, так что давайте мы с Барри пойдем авангардом, мы все-таки бывалые воины, а вы за нами. Только без глупостей, Инариэль, на тебе защита нашей, как ты там ее назвал?

— Лариэль, Кара, я назвал ее Лариэль. И не думай ничего плохого, я буду ее защищать и не сбегу с ней. Я даю тебе слово.

Продолжаем путь. Как-то все очень быстро меняется, не успеваю понимать, что происходит. Вроде времени прошло всего ничего, а отношение ко мне уже три раза как поменялось, от снисхождения к ненависти, всеобщей ненависти, потом — отстраннено-покровительственно, а сейчас... вроде как все вдруг стали моими друзьями, даже Кара. Надо все-таки узнать, в чем тут дело. Впереди, шагах в двадцати, аккуратно продвигаясь вперед идут Кара и Барри. Отличная возможность немного поболтать.

— Инариэль, я не понимаю ничего. Что здесь происходит? Меня в чем-то обвиняют, а я даже не понимаю что к чему. Я ничего не знаю ни о людях, ни об их проблемах, ни о демонах, меня как будто бросили в воду с лодки посреди бурной реки и смотрят, смогу ли я выплыть.

«Ее только что чуть не убили, а она пытается в происходящем разобраться. Удивительная девочка. А вот медальончик что-то не светится, интересно, как он работает. Ну, может, увидим еще. Ну, девочка, молодец. Со скованными руками сделала так, что сама Ищущая теперь у нее в долгу.»

Инариэль смотрит на меня с сочувствием и улыбается, он все время улыбается, когда смотрит на меня.

— Это придется долго рассказывать. Постараюсь изложить все предельно коротко. Начну, пожалуй, с начала. Началось все с недовольства магов. Видишь ли, есть определенные правила, по которым, все маги должны жить в башнях магов, там за ними присматривают Видящие. Так как маги используют силу, черпаемую в другом мире, для краткости его называют «немир» населен он демонами и духами и вся магия в нашем мире берет начало именно там... Так вот из-за постоянного контакта с «немиром» маги постоянно находятся в опасности, что какой-то чересчур ретивый или сильный демон решит завладеть телом мага, для того чтобы проникнуть в наш мир, и Видящие, следят за тем, чтобы этого не происходило. И в случае, если предотвратить одержимость не удастся, они убивают одержимого мага. Таким образом Видящие — это как бы сторожа магов, которые контролируют нашу силу.

— Ты же маг, Инариэль? Ты тоже живешь в этой... башне?

— Нет, я отступник, за такими как я Видящие охотятся, и если не удастся призвать нас к жизни в круге, они нас убивают... слишком велика вероятность, что мы станем одержимыми и доставим массу проблем. В другие времена, наш brave Кален, должен был бы меня убить, но сейчас, все изменилось и я получил неприкосновенность, но я так думаю, что мне это позволили, поскольку сейчас сам Кален присматривает за мной, и вздумай я уйти, даже не знаю, скорее всего, он бы исполнил свой долг. Но я не об этом сейчас. Так вот маги восстали против надзора. Они обратили свою магию против Видящих. Надо тебе сказать, что Видящие могут блокировать магию, направленную против них, конечно не всегда, один Видящий может противостоять 2–3 магам, но, если нападающих больше, шансы сокращаются. Начались убийства. Увещевания главных чародеев кругов не были услышаны рядовыми магами. Маги убивают Видящих, и вырываются из башен, становясь отступниками. Видящие преследуют магов и убивают их. И все бы ничего, но магия такая штука, что она не имеет узкой направленности, если я вызываю морозную бурю, то она будет причинять вред не только моему противнику, но и всему что находится рядом: зданиям, обычным людям, посевам, лесам, всему и радиус, и сила ее действия будут напрямую зависеть от моих способностей... А теперь представь, что несколько магов разных школ отбиваются от Видящих: тут тебе и огненные смерчи, и торнадо, и снежные бури, и громы с молниями, и

землетрясения. Все вместе. Из-за таких стычек гибнут целые деревни, начинают нервничать теоры — правители земель. Они обращаются за помощью к королю и церкви. Да, по канонам нашей церкви магия призвана служить людям, а не люди магии, поэтому это уже дело церкви, забыл отметить что Видящие — это воспитанники церкви, в основной своей массе чрезвычайно верующие люди, их вера помогает им проходить весь их курс обучения, должен тебе заметить довольно жестокий курс. Получается, что теперь уже необходимо встречаться и договариваться всем заинтересованным лицам: маги, Видящие, церковь, король, теоры. Но это еще не полный список. Есть еще орден Ищущих, к которому и принадлежит наша Кара. Они занимаются тем, что ищут магов по всему миру, и совсем молодыми приводят их в круги, где опытные наставники и занимаются их обучением. У них тоже есть своя роль в кругах: если Видящие замечают, что маг не способен справляться со своей силой или слишком слаб, чтобы противостоять демонам, пытающимся завладеть его телом, то Ищущие лишают мага его способностей. Этот ритуал называется Упокоение. Я не знаю его подробностей, но знаю, что после этого маги лишаются не только своей силы, но и всех чувств и эмоций и даже разума, они становятся как бы живыми куклами, они могут делать что-то, но не могут принимать самостоятельные решения, они словно малые дети. Поэтому орден Ищущих тоже должен принимать участие в переговорах, к ним у магов не меньше претензий, чем к Видящим. А еще начинают открываться разломы. Их становится все больше. Разлом — это как бы проход между нашим миром и «немиром». Именно к такому разлому мы сейчас и идем. Из этого разлома начинают ползти демоны, мстительные духи, призраки и много чего еще. Обычно, обнаружением и сдерживание разломов занимается орден Нейтралитета. Это их долг, их служба, они уничтожают демонов и блокируют разлом, не давая ему разрастаться. Когда там становится более менее безопасно призывают магов, и они запечатывают разлом. Выглядит это так, будто в дверной проем вставляют дверь, открыть которую можно только с нашей стороны. Поэтому восстание магов касается и этого ордена. Я еще не утомил тебя?

— Нет, Инариэль, но я пока не могу понять, при чем тут я? И почему именно этот разлом я должна увидеть, и почему именно здесь столько народу собралось и где этот ваш орден нейтралитета, когда он нужен здесь?

— Давай я продолжу. Стычки между магами и Видящими продолжались, и география пострадавших территорий расширялась очень быстро. Дороги перестали быть безопасными, а это уже напрямую затрагивает интересы лучших торговцев — гномов. Волна неконтролируемой магии докатилась до лесов эльфов, и в прошлом, великие маги и воители, не смогли найти достаточно сил, чтобы противостоять этой напасти. Путем долгих согласований и переговоров, было принято решение провести общее собрание всех заинтересованных лиц: Церковь, Видящие, Маги, Ищущие, Нейтралы, эльфы, гномы, короли и теоры. Место было выбрано самое удаленное от всех напастей, так как должны были присутствовать все главы орденов, все высшие представители, так сказать весь цвет общества, и было необходимо обеспечить их безопасность. Еще некоторое время пришлось потратить на поиски подходящего места, именно там, куда мы сейчас направляемся, ранее находился неприступный форт, он и был местом проведения совета. Были выставлены дозоры, на случай атак магов или еще кого-нибудь: в одном из этих дозоров была Кара, в другом был Кален, третий возглавляла Энель. Все предусмотрели, все собрались и через несколько минут после того как неприступная крепость впустила в себя все участников переговоров...

— Именно в этом месте появился разлом?

— Да. Но образовался не один разлом, их появилось сразу около десятка, но все очень близко от основного. Все участники переговоров, погибли. Ни одному из дозоров не удалось обнаружить выживших...

— Никого, кроме меня?

— Тебя привез Кален, он нашел тебя совсем близко от разлома, не от главного разлома, от соседнего. Но... ты — единственная уцелела в этом месте. Кален, Кара и Энель не знают, как тебе удалось выжить, они склонны считать, что ты одержима демоном и поэтому ты не погибла. Но есть еще кое-что... Дело в том, что, когда Кален тебя подобрал, ты уже была без сознания и, находясь в бессознательном состоянии ты... закрыла этот мелкий разлом. Ты не просто поставила дверь, как делают наши маги, ты уничтожила даже следы существования этого разлома, от него не осталось ничего, ты не дверь поставила, ты возвела стену, теперь это место ничем не отличается от окружающих его мест, ты сделала невозможное. В одиночку и без сознания. Именно поэтому тебя не убили сразу, а приказали мне тебя вылечить, они надеялись, что ты сможешь им рассказать, что там произошло, как ты выжила и как ты закрыла этот разлом, но ты потеряла память, тогда они приняли решение, отвести тебя к разлому...

— И посмотреть, что я буду делать... И если я смогу закрыть разлом — значит я справилась и меня можно оставлять в живых, чтобы я помогла закрыть все остальные разломы.

— Именно так, надежда, только на тебя, для запечатывания разлома требуется почти полная башня магов, а это 10–20 магов в зависимости от их силы, и заклинание, которым они закрывают разломы очень сложное, на его построение уходит несколько дней, сейчас нет столько времени и таких сил нет нигде, классический способ не сработает. Если ты сможешь повторить закрытие разлома — ты станешь героем для всего нашего мира. Ты спасешь нас от уничтожения.

— Но, я... даже представления не имею, как я это сделала в прошлый раз, я же была без сознания.

— Быть может, — он улыбнулся. — У тебя это выйдет, как с арбалетом? Ты закроешь глаза, и все пойдет само собой? Я на это очень надеюсь, потому что иначе... Иначе, я постараюсь вытащить тебя оттуда, Барри нам поможет, но... вероятность что нам это удастся — ничтожно мала. И даже если мы сбежим, нас никогда не перестанут преследовать, даже если Кален и Кара потеряют след или сознательно решат нас отпустить, рано или поздно другие нас найдут...

— И убьют...

— Кроме этого, не стоит забывать, что мир рушится на глазах. Орден Нейтралитета не справляется, у них слишком мало воинов для такого количества разломов, они просто не успевают везде, а их работу никто не делает, демоны будут набираться сил и расходиться все дальше от разломов, уничтожая все на своем пути. По мере того как они будут набираться сил здесь, грань будет все тоньше, все больше будет разломов, все больше будет демонов, все меньше шансов от них спрятаться.

— Теперь я понимаю ненависть людей. Теперь я все понимаю. Я должна закрыть этот разлом, я должна это сделать, потому что я

В глазах темнеет: «Ты их единственная надежда» сказал мне кто-то.

Опять боль врывается в мою голову. Опять перед глазами тьма и где-то на пределах

восприятия слышу голоса.

— Эй, голубки, эльфийского рода — окрикнула Кара. — Там впереди парочка монстров. Готовьтесь прорываться!

Инариэль достал посох из-за плеч и что-то забормотал. Его руки окутывает свет, он направляет энергию в посох, усиливая заклинание.

Я перехватываю арбалет в боевую позицию, продвигаюсь вперед, осторожно укрываясь за камнями и деревьями.

На небольшой полянке идет бой: люди сражаются с несколькими десятками демонов разных мастей и размеров. Сердце мое колотится, боюсь, что его стук будет слышен так далеко, что выдаст мое укрытие. Люди проигрывают, Кара с мечом наперевес кинулась на выручку окруженным солдатам, Барри пускал свои смертельные болты в демонов, прикрывая Кару со спины и поддерживая отступление небольшой группы людей, помогая им объединить усилия, для общей атаки. Что же мне делать? Я не могу стрелять так здорово, как Барри, я боюсь попасть в своих. Сердце колотится, нарастает паника, начинает что-то жечь мне грудь. Это не демонический огонь, на груди трепещет кулон тонкой работы, веточка какого-то растения, она приобретает цвет, становится голубой, голубое сияние нарастает и пульсирует. Некогда смотреть на это. Вон меч валяется, выронил кто-то из солдат, видимо уже павший, ему не поможет, а мне пригодится, подбегаю к мечу. А я знаю, как с ним управляться? Нет, не знаю, ладно, как-нибудь справлюсь, хоть своих не задену, как из арбалета. Бегу к отступающим, один из них падает к нему уже спешит огненный демон, с диким криком бросаюсь наперерез наступающему. Теперь между упавшим солдатом и демоном стою я. И что дальше-то? Что удивительно, страха нет, есть гнев, есть ненависть и еще что-то... долг... я должна помочь ему, иначе, как я смогу помочь им всем, пусть это будет первым камешком в моем здании спасения мира. Закрываю глаза: вижу перед собой усмехающиеся добрые голубые глаза, какой-то голос шепчет мне какие-то слова, не могу разобрать, но это не важно, я знаю, он просто направляет меня. Начинает пульсировать голубым светом рука, сжимающая меч. Слышу, как кричит Кара, она на кого-то ругается. Не важно. Демон совсем близко. Красные буркалы глаз, на движущейся стене огня. Смотрю в них и понимаю, его мысли, он не понимает, что это за травинка на его пути, да еще и меч сжимает. Я поднимаю меч и бросаюсь на него. Рублю, крошу, кожу обжигают горящие искры, летящие от него, но мой клинок, тоже уже пульсирует странным голубым светом, и рвет стену огня, словно проливной дождь, тушит слабый огонек костра. Демон исчезает. Оглядываюсь. Солдату уже помогли подняться, и он снова в строю. Отлично. Ну-ка кто там следующий? Бросаюсь в гущу событий, мне это даже нравится. Странный шепот подсказывает и направляет. Вправо, рубануть, уклониться от нападения сзади, обернуться, еще раз рубануть, теперь просто пригнись и шаг назад. Выполняю все его команды. А неплохо так у меня получается. Удар еще удар, ну где тут еще желающие отведают моего голубого клинка? Смотрю по сторонам. Ко мне бегут Кара и Инариэль, солдаты тут и там помогают своим раненым. Смотрю на свой меч, он больше не пульсирует, сияние уже не ярко-голубое, а едва заметное и пропадает совсем, амулет на груди уже не жжет, просто побрякушка, красивого голубого цвета и тоже бледнеет с каждым моментом. Пытаюсь вернуть в норму дыхание. Как Кара это делает? У меня сейчас сердце выпрыгнет от напряжения, а она вон подбежала ко мне и орет что-то, только я ничего не слышу, в ушах пока только звенит моя собственная кровь, видимо это и называется боевой яростью.

— Тебя куда понесло? Ты совсем одурела? Тебя же чуть не порвали? Что я потом

рассказывала бы нашим? Да они меня бы даже слушать не стали!!!! А ты куда смотрел? Маг ушастый? Лопухнулся? Куда ты ее отпустил? Где твои зенки проклятые были, когда она за мечом рванула? Ты за ней должен был присматривать, ладно еще из арбалета болты пускать, но за меч хвататься и прямо на демона переть???? Ты о чем думала-то вообще?

— Кара, не кричи. Я не думала. Я сама не знаю, зачем я это сделала. Оправдать мои действия может только одно, Кара, — я смотрю прямо на нее. — Я должна была так поступить! Это мой долг. Ты же знаешь, что такое долг, Кара? Именно он сейчас заставляет тебя орать на Инариэля, ты должна доставить меня на место, но, Кара, если я не буду делать всего того, что подсказывает мне мое подсознание, я не смогу вам ничем помочь. Я должна его слушать. Я поняла это когда, заряжала арбалет. Если я буду следовать этой нити, которая меня ведет, я все буду делать правильно, так как надо. Наверное, не мне, но всем остальным. Поэтому прекрати орать будь добра.

Хочу развернуться и уйти с гордым видом, вот так тебе и надо, тоже мне курица-наседка. Но понимаю, что ноги не слушаются, подкашиваются, смотрю как медленно, медленно... меедлееенноооо на встречу моему лицу плывет земля.... Голубые глаза... полные любви и нежности... век бы в них смотрела... меня кто-то подхватывает и тут же меня пронзает острая боль, я понимаю, что эта боль сейчас сквозь меня ударит по тому, кто хочет меня удержать, пытаюсь ее заблокировать, но не получается. Слышу, как кричу, потом слышу, как вскрикивает кто-то еще, кажется Инариэль, меня уже никто не поддерживает, но я падаю так же медленно, мне не больно... просто хочется еще хоть минутку посмотреть в эти глаза...

Инариэль подскочил к падающей девушке, и попытался ее подхватить, но стоило ему прикоснуться к ней, как яркий столп голубого света рванул ему на встречу, отбросив его на несколько шагов от падающей девушки. Инариэль вскрикнул и отступил еще на пару шагов.

— Что это? — Барри, подбежал к другу. — Эй. Ты как?

— Со мной все в порядке, друг. Это... я не знаю, что это. Оно меня просто отбросило, стукнув разрядом молнии... Но свет был такой же когда она дралась с демонами, таким светом был наполнен ее меч. Это ее амулет. Он ее защищает...

— От тебя?

— Похоже, что от всего. Как она там?

— Да что ей станется, лежит себе спокойненько, отдыхает, после того как тебя откинула.

— Вы только не трогайте ее. Чтоб она еще кого-нибудь не оглушила.

Открываю глаза. Осматриваюсь. Вокруг меня стоят все: Барри, Кара, Инариэль и несколько солдат. Стоят и смотрят на меня. Тоже мне экспонат нашли, чего пялитесь-то? Ну, шлепнулась я и что?

— Эй, ты, опасная спутница, ты как? — это Кара, как всегда острит...

— Нормально, вроде. Чего вы на меня так смотрите? Может руку кто подаст?

Кара складывает руки на груди.

— Ну уж нет, после того, как ты швырнула в своего дружка-мага молнию, когда он пытался тебе помочь, как-то мне совсем не хочется тебе помогать.

— Я сделала что??? Инариэль?

— Все со мной нормально, не волнуйся. Давай руку, — он протягивает мне руку.

Аккуратно дотрагиваюсь до его руки, вспышка боли рождается в руке и моментально перелетает в мозг, но я не выпускаю эту боль из своего тела, это только моя боль. Опираюсь

на руку Инариэля, встаю, все это время в голове гулко пульсирует боль. Отпускаю руку. Боль проходит. Так же стремительно, как она родилась, она исчезла. Вот тебе на... Мой незримый хранитель против того чтобы я прикасалась к кому-то и наказывает меня за это? Так ну-ка проверим, может это такая реакция именно на Инариэля? Подхожу к Каре, хлопаю ее по плечу, каждое прикосновение, отдает болью... Значит это действует на всех. Ну и как с этим жить?

— Чего хотела, ходячая опасность? — повернулась Кара.

— Давайте двигаться дальше, если ваши разведчики в похожей передрыге, им наша помощь точно не повредит.

— Аааа, ну пошли. Выдвигаемся! В том же порядке, в каком шли сюда. Мы с Барри впереди, вы позади, шагов 20–30 держать расстояние. Если что, мы предупредим. И больше, не высовывайся, пожалуйста, пока совсем худо не будет, ладно?

Форт.

Продолжаем путь. Идем сначала молча, потом я не выдерживаю.

— Инариэль, ты... это... прости, я не знаю, что это и похоже не могу это контролировать, когда без сознания.

— Я так и подумал, что это твой хранитель так работает, просто он еще не научился различать друзей и врагов и поэтому бьет по всем, чтобы тебе никто не мог причинить вреда, когда ты не можешь о себе позаботиться сама. Все нормально. Хорошо иметь такого хранителя... И ты вообще молодец, но знаешь, что удивительно, ты когда помчалась спасать того человека, я попробовал на тебя защитное заклятие накинуть, оно не сработало, похоже, что когда появляется это голубое сияние, на тебя нельзя воздействовать магией, ты становишься совершенно невосприимчива, ты будто пропускаешь ее сквозь себя, тогда как я смог тебя исцелить, ведь тогда это голубое сияние тоже было. Хм, странно. Мне надо над этим еще подумать.

— Инариэль, а что это за кулон у меня на груди? Я видела, как ты смотришь на него, он же что-то значит так?

— Ты состоишь из одних загадок, — он опять улыбнулся. — Да, я знаю, что это за кулон. Но по всем моим представлениям, он никак не может обладать той силой, которой он обладает. Это обычная безделушка. В старые времена, в очень старые времена, когда эльфы еще были самой могущественно расой, отправляясь в дальние края на долгое время, влюбленные, обменивались такими кулонами, считалось, что в такие моменты приносилась древняя клятва вечной любви. Это смерть-трава, символ того, что они обещают друг другу быть вместе навек, а в то время это означало вечность, ведь эльфы были бессмертны, сами они не умирали, их могли убить, но не было ни болезней, ни старости и давалось обещание следовать друг за другом даже в смерть. Говорили, что когда кто-то из возлюбленных погибал, второй сразу же знал об этом, потому что кулон начинал причинять нестерпимую боль, клятва должна была быть исполнена. И если собственных сил оставшегося в живых не хватало, для исполнения своей части клятвы, кулон делал это за них, он их убивал, чтобы дух возлюбленного не был одинок, чтобы клятва была исполнена. Это очень древняя легенда. Сейчас такие клятвы никто не приносит, а кулоны, стали просто украшением.

— Инариэль? А что если мой кулон — не простое украшение? Что если это именно то, о чем ты мне рассказал?

— Этого не может быть. Это слишком древняя магия, ее уже никто не помнит, даже я

не знаю тех заклинаний, я лишь слышал о нем, слышал эту легенду, это было очень сложное заклятие, на прочтение которого уходило много времени, должно было быть соблюдено очень много необходимых условий. Нет, в наше время повторить это заклятие никто бы не смог. Это точно!

Голубые глаза, полные любви и нежности... Свет луны отражается в бриллиантах росы на зеленой траве. Лунная дорожка на темной воде. Едва различимый шепот. Мне на грудь ложится кулон, и кто-то застегивает замочек на цепочке, держащей кулон. «Всегда вместе» шепчу я, повторяя слова за неизвестным голосом... А потом тот же голос мне кричит «Беги. Ты их единственная надежда! Молю, не останавливайся! Я с тобой...» он говорил что-то еще, но я уже не могу вспомнить... Раир, Раирнаил... Огнем горит все внутри, сейчас расплаволюсь, как же больно... Понимаю, что я кричу, только когда вижу испуганные взгляды своих спутников.

— Лариэль, Лариэль, ты слышишь меня? — Инариэль пытается до меня достучаться.

— Уже слышу, Инариэль, да. Слышу.

— Лариэль, что с тобой?

— Я не знаю... Очень больно. Будто у меня в голове что-то взрывается. Отрывки каких-то событий, словно вулкан. Связи нет... просто обрывки другой жизни... не моей... или моей... я не знаю... Уже прошло. Я уже в порядке.

Продвигались не спеша, несколько раз приходилось вступать в схватки с демонами, но людей больше не встречали. Живых. Только следы схваток и кровь на снегу. А вот и вход в пещеры. Идем медленно, темно. Инариэль зажег магический огонь, чтобы осветить путь. Два демона на пути, одного срубает Кара, по другому, одновременно попадает болт из арбалета Барри и бьет магическим светом Инариэль. Мне не приходится вмешиваться. Я пытаюсь найти ответ, что же такое мой медальон. Может ли он быть частью древнего эльфийского ритуала, или же это просто безделушка, которая внезапно стала жить своей жизнью. Но ответа нет, никакого. Вопрос так и повисает в воздухе. По дороге натыкаемся на останки двух человек, Кара говорит, что это разведчики Энель, но это не весь отряд, надо идти дальше. Идем. Я уже вооружилась, спасенный солдат с благодарностью отдал мне свой меч и сказал, что будет моим должником. Это не было приятно, я спасла ему жизнь, потому что я должна была это сделать, так же как должна была спасти Кару, так же как должна была выбраться из того разлома, так же как сейчас я должна их всех спасти, кто дал мне такое задание? Ведь я самая обычная... или нет? Почему я всегда на грани потери сознания вижу голубые глаза, я знаю, что эти глаза смотрят на меня, всегда смотрят, но чьи это глаза, я не имею понятия. Почему для меня это так важно? Почему я должна жертвовать собой и своей жизнью ради спасения этого мира? А если я не хочу? Если я хочу обычной жизни, если я хочу сбежать с Инариэлем, спрятаться где-нибудь подальше, чтобы нас не нашли Видящие и Ищущие, и просто жить... Охотиться, сидеть у костра, петь, готовить еду, собирать цветы? Почему я должна жертвовать всем этим? Ради других? Впереди слышны звуки битвы. Не остается ни капли сомнений, бегу вперед вместе с Карой и Барри, Инариэль сзади уже окутан волшебным сиянием, плетет заклятье. Выбегаем на небольшой выступ. Пятеро людей отбиваются от кучи демонов, встречаем, атакую демонов с тыла. Я больше не думаю ни о чем, я здесь, чтобы помочь этим людям. Душераздирающие вопли погибающих демонов, меня уже не впечатляют, меч уже не становится голубым, видимо знает, что это так... несерьезная схватка, разберусь и без моей изматывающей магии, непонятного происхождения. Справляемся достаточно быстро, всего-то делов: два огненных демона, с

десяток призраков, парочка еще каких-то монстров. Инариэль успел мне о них рассказать кое-что. Все это я уже видела, поэтому все просто. Солдаты спасены. Благодарят меня и Кару. Кара говорит, что это мое решение пройти пещерами, и попытаться их спасти. Благодарят меня еще раз. Вот как оно все повернулось-то. Я выходила из подвала арестанткой, приговоренной к смерти, а вот уже больше десятка человек обязаны мне жизнью. Что же похоже я этого и добивалась, когда хотела доказать свою невиновность. Но что если я виновна? Ведь именно у меня на груди висит непонятный кулон, обладающий неконтролируемой силой чудовищной мощности? Что если они все правы? И это действительно я уничтожила весь их совет и вызвала такую волну, которая способна уничтожить весь мир? Кто я тогда? Лгунья? Но я же не помню ничего. Мне нужно вспомнить. Тогда я буду уверена.

Надо двигаться дальше. Подходим. Впереди разрушенные стены, остатки массивных ворот и сторожевых башен. Повсюду изуродованные людские останки. Некоторые обгорели до костей, на некоторых сохраняются части кожи и даже одежды. Не выдерживаю ужасающего зрелища и еще более ужасающего запаха, отбегаю в сторону, меня выворачивает, в ушах звенит пустота. На глазах стоят слезы, вытираю их перепачканной в чьей-то крови ладонью, размазываю кровь по щекам. В нос ударяет запах железа, опять рвет. Не могу сделать ни шага. Рядом стоит Барри, что-то говорит, ничего не слышу, рыдания душат меня изнутри, готова упасть на колени, и молить о прощении, даже не знаю за что, невыносимо. Еще одна волна дурноты. Барри протягивает мне флягу, отпиваю его варево, уже не так дерет горло. Уже лучше, еще плоточек и смогу идти вперед. Вокруг все ужаснее, мои спутники о чем-то говорят, но я не слышу, я только в ужасе осматриваюсь: на каждом шагу во всем своем ужасе предстают различные картины смерти, вот кто-то пытался кого-то укрыть своим телом, они так и замерли, уже навсегда, их кости почернели, обуглились, но позы сохранились, как в ужасном танце, каждый танцор замер в своей позе, в той позе, в какой его настигла смерть. Вот кто-то пытался бежать, но, видимо, сбежать от этого было невозможно. Вот стоит воин, он не повернулся спиной к опасности, он встретил смерть, как и положено лицом к лицу и сжимая в руках бесполезный, но поднятый для атаки меч. Вечная тебе память неизвестный солдат. Не могу больше сдерживать рыдания. Падаю на колени, закрывая лицо руками, меня трясет нервная дрожь. Запах крепкой настойки, Барри опять протягивает мне фляжку. Пью. Смотрю на Кару, она молчит. Она сильнее меня, она не плачет, она лишь жует губы в ненависти к тому, кто это все сделал. Инариэль тоже не показывает эмоций. Проходя мимо очередной застывшей в огне статуи что-то колдует, огонь опутывающий статую исчезает, статуя больше не горит, теперь останки можно будет придать земле. Он старается помогать всем. Теперь все молчат, никто не говорит ни слова, все думают каждый о своем. Кара злится, Инариэль — скорбит, Барри — я не знаю, что он делает, нянчится со мной, то и дело подсовывая мне флягу. Он тоже так скорбит — понимаю я, все мы — это всего лишь суть самой скорби. Продвигаемся очень медленно, вот подошли к воротам. Тут нас нагнал авангард основных войск. Я не вижу ничего, меня, как магнитом тянет внутрь, там должен быть разлом с его золотым маревом. Здесь нет демонов. Почему?

— Инариэль!!!! — я кричу, потому что не слышу себя.

— Лариэль? Что случилось? Ты что так кричала? — он подбегает, он встревожен.

Смотрит на меня и вдруг понимает, что я не слышу его. Он шевелит губами, но я не слышу звуков. Я оглохла. Не слышу ни слова. Он берет меня за руку. Яркая вспышка боли, вырывает меня из тумана скорби. Я мгновенно понимаю, что если я не соберусь сейчас, то

мой дорогой друг, опять получит от меня магический удар, разгоняю печаль по углам сознания, ментально создаю магический барьер внутри своего мозга, запираю там, пронизывающую боль, это только моя боль.

— Лариэль? Теперь ты слышишь?

— Да, спасибо. Как ты догадался?

— Догадался о чем, Лариэль? — внимательно заглядывает мне в глаза.

Он ничего не понял, он сделал это случайно, неосознанно. Улыбаюсь ему. Надежный барьер запирает боль внутри меня, я могу прикоснуться к нему. Беру его за руку и крепко пожимаю.

— Что надо взять меня за руку? — говорю вслух, но думаю о том, что именно мое желание оградить его от боли, которую я могу причинить, заставило меня вернуться, взять себя в руки.

Он улыбается, он не почувствовал лукавства, как хорошо, что он не Видящий.

— Ты так кричала, я испугался, что ты в беде, это первое что пришло мне в голову, когда я тебя увидел. Пойдем, там подтянулись остальные силы, надо бы с ними всеми поговорить.

Выходим. Ряды воинов стоят в жутком дворе. Впереди стоят мои тюремщики все вместе: Кара, Энель, Кален и еще Барри с ними. Инариэль все еще держит меня за руку и ведет туда. На секунду мои глаза встречаются с глазами Калена. Секундное замешательство дает мне возможность увидеть удивление в его глазах, когда он смотрит на Инариэля, ведущего меня за руку, но потом он берет себя в руки, удивления больше нет. Энель смотрит на меня тепло.

— Кара рассказала нам, вкратце, что случилось с вами по дороге. Мы не смели ожидать от тебя такой... самоотверженности, я благодарю тебя, за спасение моих людей.

— Что-то здесь не так, — прерываю ее на полуслове, мне надоело слушать слова благодарности. Даже от Энель. Не сейчас, сейчас не время, я чувствую что-то плохое, но не могу понять, что. — Инариэль, что здесь не так? Ты чувствуешь что-нибудь?

— Нет, ничего особенного, кроме смерти.

— Нет, это не то. Что-то не так. Что? Что же не так? Что меня мучает? Мне надо осмотреться.

Никого не зову, но все идут следом за мной. Внимательно всматриваются в каждую глыбу, Кара и Кален достали мечи. Энель наложила стрелу на тетиву, придвинула ближе ножны с кинжалами. Барри что-то бормочет и заряжает арбалет.

— Лариэль, посмотри на меня, пожалуйста — это голос Инариэля.

Оглядываюсь, смотрю ему в глаза. Все мои последователи резко останавливаются, смотрят на меня широко раскрытыми глазами. Что опять не так?

— Лариэль? Ты в порядке?

— Да, в полном. Что не так? Что вы на меня так уставились?

— Лариэль, твои глаза... Они стали голубыми, и они излучают тот самый свет, который обычно исходит из твоего медальона. Я не знаю, что это значит, но раз ты говоришь, что все в порядке, значит так и есть. Тем более что опасности пока никакой нет...

— Вот... Именно! Где демоны??? Здесь разлом, самый крупный разлом из-за которого меня все хотят убить, но демонов нет? Где они? Ты говорил, что они не могут уходить далеко от разлома? Где, демоны?

— Она права, — заговорил Кален. — Мы видим только останки людей, но следов битвы

нет, этих людей убили не демоны.

— Их убила волна, Кален, когда открывался разлом, из него хлынула волна энергии «немира» она была настолько мощной, что убила всех вокруг до самых ворот и даже еще чуть дальше.

— Тогда, наша эльфийка, задает верный вопрос. Где демоны?

— Они не успели выйти. Их заперли, там. Кто-то очень могущественный пожертвовал своей жизнью, пытаясь остановить это, когда оно началось, но не смог, его.... Отвлекли... и единственное, что он успел сделать, это запечатать эту дверь, вложив туда всю свою энергию... и умереть, первым.... Первым... во имя всех...

Ноги подкосились, накатывает волна боли, это не та боль, которую я могу сдерживать, это другое. Что-то могущественное, что-то призванное убивать, это я чувствую... чувствую демонов, вот что это! Каждый раз, когда мы приближались к опасности, на меня накатывала такая волна, вот и сейчас. Меня уносит поток воспоминаний, боль пробуждает воспоминания! Голубые глаза, смотрят нежно и печально... Тихий шепот: «Ты должна жить!». До этого было что-то еще. Мне было очень тоскливо, я грустила на берегу ручья. Она сказала, что может меня привести к нему, тайно, чтобы я не печалилась, чтобы я не грустила. Она сказала, что мы не должны расставаться, я должна идти за ним... Клятва... Я пошла за ней... Она вела меня... Крик отчаяния: «Нет, только не ее!». Кто-то хочет меня спасти, снять веревки с моих запястий, но они крепко меня держат, ему не пробиться... он не сможет... «Прости»... Яркая вспышка ослепляет, я свободна... «Беги! Молю тебя, не останавливайся! Я всегда буду с тобой! Я-умер, но ты должна жить!»

Кричу.

— Нет, нет, это не я.... Не я....только не я.... Пожалуйста, не я... Я не могла... нет... голубые глаза....

Демоны и дух.

Маг не успел предупредить Калена, когда тот бросился подхватывать падающую девушку. Но к удивлению мага, воин подхватил ее и аккуратно уложил на пол, даже не поморщившись.

— Кален, ты ничего не почувствовал? — изумленно спросил маг, глядя на пульсирующий голубой огонь у нее на груди.

— Нет, я ничего не почувствовал, а вы-то чего замерли?

Кален стоял над девушкой и смотрел на своих спутников.

— Кален, когда Инаризель попробовал ее поддержать, она ударила его молнией, его отбросило на несколько шагов, хоть особого вреда и не причинило, но от нее отбросило, — пояснила Кара.

— Я решил, что, когда она впадает в свой магический ступор, ее мерцающий защитник, не позволяет к ней никому прикасаться, защищая ее. Видимо, для тебя он делает исключение.

К девушке подошел Барри, открывая на ходу флягу, он наклонился и попытался приподнять ей голову, чтобы дать напиток, но стоило ему коснуться ее волос, как голубая волна отбросила его назад. Поднимаясь на ноги, гном сам глотнул из фляги:

— Вот, примерно, так. Держи, избранный, дай ей попить, моя настойка здорово ей помогала всю дорогу, — он протянул флягу Калену.

— Видимо, ты сделал неверный вывод, маг. Когда я добрался до нее, она уже была без

чувств, я нес ее всю дорогу. И со мной ничего не происходило.

Кара и Энель посмотрели на него с изумлением, ведь им он ничего такого не рассказывал.

— Кален, а кто-нибудь из твоих людей подходил к девушке? Пока вы ее несли, кто-нибудь брал ее на руки вместо тебя?

Кален почесал подбородок.

— Нет, она и не весит-то ничего, так что я тащил ее сам.

— А те, кто ее сковывал и помещал в подвал, они к ней прикасались?

— Отнес ее я сам. И уложил. Дальше там заправляла Кара, я не знаю.

— Кара?

— Они не трогали ее. Просто застегнули кандалы и все, девушку они не трогали.

В это время воин уже склонился над девушкой и приподнял ее голову, чтобы влить немного настойки, но остановился.

— Инариэль, подойди-ка сюда. Она что-то бормочет по-эльфийски, мне кажется. Попробуешь разобрать?

Маг в ту же секунду оказался рядом и склонился над губами девушки, стараясь не касаться ее, прислушался. Проходили долгие мгновения.

— Это невозможно!! — наконец поднялся с колен маг. — Этого просто не может быть.

— Это мы уже поняли, Инариэль. Что именно невозможно? Чего не может быть? — Энель стояла рядом, внимательно изучая мага и лежащую на полу девушку.

— Она говорит на забытом языке. Она говорит на языке древних. Я... я не могу понять всего... единственное, что она повторяет чаще другого это слова: «голубые глаза, голубые глаза полны нежностью и любовью», а еще она говорит, что она должна всем доказать, что она невиновна. К сожалению, я больше не смогу ничего разобрать, мои познания этого могущественного языка очень скудны, я знаю лишь некоторые заклинания на нем, но они не могут быть переведены на современные языки. А она, она на нем говорит... Но это же... Это значит... что... если она знает древний язык... она могла...

— Что ты там бормочешь? — Кален сидел на полу, положив голову девушки себе на колени.

Инариэль повернулся к нему.

— Кален, какого цвета у тебя глаза?

— Станный вопрос, я не по тем делам, мой друг, — замахал руками Кален.

— Да, нет же...

— У него голубые глаза, Инариэль, — ответила за командора Кара.

— Ты уверена?

Она улыбнулась и нежно посмотрела на сидящего на полу человека, человека за которого она готова была умирать тысячи раз, человека с которым она мечтала жить, человека, которого она потеряла, в ту самую минуту, когда маг перевел бормотание девушки на полу, в ту самую минуту, она поняла, о чьих голубых глазах грезит девушка. Она все поняла и простилась со своей мечтой, потому что теперь ее долгом было оберегать свою соперницу, разлучницу, потому что она была единственной надеждой их мира, и собственная жизнь Кары в сравнении с жизнью юной эльфийки не стоила ничего.

— Я совершенно уверена в этом, маг. И я поняла, к чему ты клонишь.

Инариэль улыбнулся.

— Очень сомневаюсь, Ищущая, что ты поняла все верно. Она говорит не о Видящем

если это тебя волнует. Но, цвет глаз, роднит его с тем, о ком она говорит, с тем... кому она принесла клятву... Почему-то она помнит только цвет его глаз, и больше ничего. Это невозможно!!!

— Хватит говорить загадками. О чем ты догадался? — Кален уже с трудом сдерживал гнев.

— Когда мы шли сюда, она спросила, что за амулет у нее на груди. Я рассказал ей древнюю легенду, по которой, древние эльфы, оставляя своих возлюбленных, отправляясь на войну или еще в какой далекий поход обменивались такими медальонами, принося при этом клятву вечной любви и верности и готовности следовать друг за другом в жизни и в смерти, по этой легенде, если умирал один из принесших клятву, другой тоже должен был умереть, иначе медальон мучал непокорного страшной болью и, в конце концов, убивал. Но эти клятвы уже давно никто не приносит, их слова давно забыты. Но она говорит на древнем языке, а значит, она могла связать себя с кем-то голубоглазым подобной клятвой. Остается вопрос: то ли это он ее удерживает на краю пропасти, чтобы не последовать за ней, то ли это она пытается вырваться из хватки этой клятвы и не последовать за возлюбленным.

Кален посмотрел на девушку. Ворот был расстегнут, и он видел мечущийся голубой огонь у нее на груди. У него перехватило дыхание. Он отвел взгляд от медальона и посмотрел на ее шею. Там словно птица в клетке билась в жилах ее кровь. Он видел каждый удар ее сердца. Дыхание опять перехватило, он с трудом мог сдержаться, чтобы не припасть губами к ее шее, чтобы не покрыть ее поцелуями. Картинки у него в голове становились все ярче. Дыхание уже давно сбилось, сердце колотилось, вырываясь из груди, глаза застилал туман. Его долго учили самоконтролю, для того чтобы успокоиться ему пришлось вспоминать все уроки. Выполнив несколько раз самые успокаивающие разум упражнения, он глубоко вдохнул. Наконец, он мог отвести от нее взгляд. Теперь он был спокоен, теперь можно говорить:

— Теперь ты спросил, кто из них мертв? Я тебе точно могу сказать, что она жива, я чувствую, как бьется ее сердце, я даже вижу это. Слушай, а что если, мы снимем с нее этот медальон? Она освободится от своей клятвы?

«О, брат ты мой, Видящий, да ты готов пойти на все, чтобы оставить ее при себе. Только вот, я постараюсь тебе помешать, даже если ты и похож на него, я буду лучше, я смогу добиться ее. Ты всего лишь человек, а я... я наследник древнейшей расы, я знаю гораздо больше твоего... и в таинствах искушения в том числе. Ты всего лишь жалкий человек, а я маг, ты сам сказал, что не сможешь защититься от моей магии, кажется, нам выпадет случай это проверить. Девчонка не достанется тебе, она эльфийка, она выберет меня. Я смогу сделать так. Если ни сама, то я смогу ее заставить, я знаю как это сделать. Тебе не видать ее. Она будет моей!»

— Я не могу тебе сказать, Видящий, что произойдет, если снять медальон. В легендах об этом не говорится. Но я уже тебе говорил, что ее сердце бьется в унисон с этим магическим светом, и они не могут быть разделены. Ты готов рискнуть ее жизнью, пытаешься снять побрякушку? — Инариэль уже говорил не с другом, он бросал вызов сопернику.

— Нет, — честно ответил Кален, тень пробежала по его лицу, тень презрения и ненависти. Как может этот ничтожный отступник, как смеет он так разговаривать с Видящим. Как смеет он останавливать его, когда желаемое... так близко... Только протяни руку и она твоя.

И в этот момент она открыла глаза.

— Кален? — она смотрела на него снизу вверх. Бледные губы шевельнулись, складывая его имя.

«О, Создатель, дай мне сил — взмолился несчастный Видящий. — Дай мне сил сдержаться»

А поток бурных фантазий уносил его в страну наслаждений, туда где не было демонов, туда где не было разломов, там где он не был связан долгом и абатом, там где был небольшой дом, там где была обычная жизнь, там где он мог ее целовать, потому что она была его, только его... возлюбленной.

Он отчаянно тряхнул головой, пока день в видение не стал клониться к вечеру, это было бы невыносимо...

Он помог ей встать...

«Как заставить себя не обнять, не сжать в объятиях, не прижимать, не ласкать, не искать губами губы, не... О, Создатель!»

Она стояла совсем рядом.

«Протяни руку и она будет в твоих объятиях, просто возьми ее за талию, разверни к себе и ты сможешь насладиться вкусом ее губ, ты сможешь расстегнуть, хотя зачем тебе расстегивать, ты сможешь просто сорвать с нее все, и насладиться всем, зачем же ждать? Ты так долго искал этого, так возьми же это прямо сейчас!»

Он зачаровано потянулся к ней. Его глаза взглянули в ее глаза. Ее глаза вспыхнули голубым огнем.

— Кален!!!! — она отпрыгнула от него. — Стой демон, не смей!

Все застыли. Никто не понимал, о чем она говорит, пока пелена с их глаз не спала, и они не увидели то, что видела она: к ним подкралась двое демонов: обнаженная женщина с длинными черными волосами, стояла за спиной Калена, нашептывая что-то ему на ухо. А за спиной мага стоял огромный мужчина в латных доспехах и шептал что-то тому. Глаза обоих светились магическим огнем, выдавая демонов. Такой же огонь горел в глазах их жертв.

Энель вскинула лук, звякнул взведенный арбалет Барри, Карра потихоньку вытаскивала свой меч.

— Замрите, смертные, — сказала демон Калена. — Глупая девчонка, все испортила! Как ты нас увидела? Как ты смогла развеять завесу? А вы? Вы мешаете нам играть. Мы поспорили, кто из нас сильнее Я — желание, или Он — гордыня, а вы пытаетесь остановить наши игрушки, вам это не под силу. Не шевелитесь глупцы, одно неверное движение и наши игрушки сами себя убьют.

При этих словах Кален вытащил из ножен кинжал и приставил к своему горлу, а на пальцах Инариэля блеснул волшебный всепожирающий огонь.

Она стояла посреди этого, и не знала, что ей делать. Она посмотрела на одного демона, затем на другого... И вдруг засмеялась...

— Вы все рассчитали, ничтожества, все до последнего шага? — шевелились ее губы, но голос был не ее. — Вы хотели поймать ее в эту ловушку, заставить выбирать. Она не сможет сделать выбор и станет легкой добычей. Но вы кое-что упустили из вида!!! Вы забыли, что есть еще и я!!!!

Она раскинула руки и голубые нити вырвавшись из ее пальцев, схватили обоих демонов одновременно, и как только голубые нити соприкоснулись с демонами, Кален и Инариэль пришли в себя. Одним движением Кален вывернулся из хватки демона и вонзил кинжал тому в глаз. Инариэль же сразу перенаправил заклятие, которое должно было убить его, на демона

его державшего. Яркие голубые нити все еще были видны в комнате. Глаза ее все еще излучали голубой свет.

— Вы, спасены. Мысли, что посетили вас, были внушены демонами, вы не должны себя корить за них, — двигались ее губы, но голос был мужской, чистый, звенящий, но мужской. — Я не хотел появляться перед вами, но мне не оставили выбора. Твои познания велики, мой юный друг, твой пылкий ум, выручает тебя всегда, но... она не должна знать правды! Не смей ей рассказывать о клятве, не смей нарушать то, что я создал! Она не готова, пока, она не сможет еще жить с этим. Я освободил ее от клятвы, я отправил ее назад из мира теней, это я вывел ее, это я пытался спасти всех.

— Она шептала, что она не могла этого сделать? О чем она говорила? — Кален уже вернулся в норму.

— Моя бедная, Мирриэль, это ее имя. И прекратите ей выдумывать всякие прозвища. Нет, не она отвлекла меня, но с ее помощью. Она была жертвой, назначенной, для окончательного слияния миров, когда я увидел кто на жертвенном камне, я бросился к ней, я должен был ее спасти. Я умер, но она... она успела получить силу двух миров, она стала вместилищем открывающим и закрывающим, созидающим и уничтожающим. Но она не хотела покидать меня, она сидела у моего тела, и не хотела уходить, я заставил ее бежать, но, когда она вспоминала обо мне она всегда останавливалась, это было слишком опасно, она должна была выжить и я... сделал единственное, что мне оставалось.... Я стер ее память, чтобы она могла жить дальше... и исполнять свой долг... Но я не могу оставить ее, нас связывает клятва, пока она не сможет освободиться от своей части клятвы, я должен быть с ней. И я стал тем светом, что вы видите, не овладел ею, я не вселился в нее, я вселился в безделушку у нее на шее, я рядом, но я не властен над ней, так что она не одержима. Когда она сможет жить без меня, тогда клятва отпустит ее, и я отпущу ее тоже. Когда кто-то сможет снять с нее смерть-траву, я обрету покой. До тех пор, я буду с ней. Оберегать, вести, любить.

— Жертва... это слово я тоже слышал от нее. Она вспоминает. Она сказала. Что видит картинки из прошлого, но они туманные и расплывчатые и она не понимает их и не всегда помнит, только голубые глаза. Это твои глаза она помнит? Древняя клятва, на забытом языке, как ты смог? — Инариэль пытался вспомнить все ее слова в бреду.

— Это необъяснимо, но это я не смог вырвать из ее памяти. Ты прав, мой друг, глаза Видящего, напоминают ей мои. Для нее, когда она без сознания, он — это я. Мой юный друг, ты многого не можешь еще постичь. То, что ты считал утерянным, таковым не является. Еще есть потомки древних, способные на такую магию, они потеряли бессмертие, но не память. Все узнаете вы в свое время. А пока, должны вы знать одно — без нее надежды нет.

— Кто ты? — спросила Энель.

— Я — дух. Я — друг. Я — покровитель. Больше пока вам не надо знать. Или тебя, мастер-шпион, интересует, кем я был? Пока я вам не открою этого. Время еще не пришло. Мне жаль, что я не смог все остановить, но не дать им принести ее в жертву было важнее, гораздо важнее. Едва ее кровь коснулась бы алтаря, два мира слились бы в один и все мои попытки вас спасти были бы тщетны, потому что спасти было бы уже просто нечего. Я надеюсь, вы все понимаете, всю тяжесть выбора, который мне пришлось сделать. И всю тяжесть ноши, что легла на ее хрупкие плечи. Вы все нужны ей, сейчас и чем дальше, тем больше вы будете ей нужны. К моему сожалению, вам всем придется делать нелегкий выбор

так или иначе, но вам придется выбирать. Нет, Энель, я не знаю, кто хотел слить два мира, я не успел его увидеть, но она найдет его, и, с вашей помощью, одолеет. А сейчас мне пора уходить. И еще, не причиняйте ей боль лишней раз, она связана двумя мирами, ваши прикосновения к ней здесь, вызывают у нее острую боль, потому что вы прикасаетесь и к другому миру тоже. То, что ты, юный маг, назвал защитной реакцией, это ее боль, которую она не может сдержать, когда ее сознание ей не принадлежит, та боль что она выплескивает на вас — лишь капля в море той боли, что она сдерживает в себе, чтобы вас не погубить. Помните мои слова, она ничего не должна знать!

Раирнаил.

— Раирнаил, ты не можешь все бросить и уйти сейчас. Раир, это безответственно, — пожилой эльф, пытался удержать сына.

— Отец, я так больше не могу. Я должен уйти на время. Это невыносимо. Я хочу побыть один, я хочу просто... Я не могу, отец, не могу просто взять и жениться, я ее даже не видел, я...

— Раир, ты наследник, это твой долг. Древний род не должен прерваться из-за того, что ты не согласен с выбором невесты. Ты последний наследник древних, она тоже из древнего рода!

— Я пойду к морю, отец. Я вернусь. Я просто, хочу в последний раз побыть собой, отец. Поохотится в свое удовольствие, побыть частью того мира, к которому я принадлежу, быть может... я не знаю, отец, я должен идти.

Я понимаю волнение отца. Но его решение меня просто взять и женить, даже ради продолжения нашего рода. Я не могу просто так с этим смириться, я хочу, хотя бы раз в жизни, действительно влюбиться, не по расчету, для улучшения крови. Какая глупость эти браки по расчету. Я молод, я хочу посмотреть на море, я хочу увидеть закаты и рассветы на берегу, всю мою жизнь меня опекали и оберегали, берегли мою кровь. Но чего стоит моя кровь, если я не могу быть свободным, как те самые древние, наследником которых я являюсь. Я смотрю на отца, но он не понимает. Для него это бунт. Принц крови не желает просто продолжить род, не желает стать племенным быком... Он не сможет меня понять.

— Я вернусь, отец, обязательно вернусь. Просто дай мне несколько месяцев, я вернусь, и все будет так, как хочешь ты. Мне нужно время, чтобы смириться с моей судьбой.

Забрасываю дорожную сумку на спину коня, верный лук уже приторочен к седлу. Колчан полон стрел, меч на поясе. Легкие кожаные доспехи без отличительных знаков королевской семьи, я не хочу, чтобы меня узнавали все лесные патрули, я хочу на время перестать быть принцем, я хочу быть просто путешественником. Я легко поднимаюсь в седло.

— До свидания, отец.

Старик провожает меня взглядом, я знаю это. Его длинными седыми волосами играет ветер, золотой обруч, символ королевской власти, придерживает волосы. Белая мантия, древний посох магов, переходящий из поколения в поколение, следующим этот посох, буду держать я. Вот моя жизнь, она остается у меня за спиной, а я бегу от нее, я не хочу такой жизни. Я хочу свободы. Свободы во всем: делах, словах, мнениях. Да я последний наследник крови древних, я хранитель знаний, я владею древней магией, но все, что я могу сделать с этим знанием — это передать его своим детям, никогда не применяя, чтобы и они прожили точно такую же жизнь. Зачем мы храним эти знания, если никогда ими не пользуемся? Кому они нужны? Ответов на эти вопросы нет ни у меня, ни у моего отца. Так что прочь отсюда,

прочь из этой тюрьмы духа, последний глоток свободы, перед вечным заточением.

Густой лес вокруг меня живет своей жизнью. Поют незримые птицы, то и дело на обочинах появляются звери. Они нас не боятся, каждый зверь в лесу знает, что эльфы — хранители не станут убивать без нужды. Мы все еще живем в гармонии с природой, но остаемся ли мы детьми Равновесия? Такова ли была наша изначальная роль, отведенная великим Зеленым драконом своим детям? Просто отсиживаться в своих лесах и смотреть, как рушится мир? Разве для этого мы были созданы? Нет, я не могу в это верить, должно быть что-то еще. Широкая хорошо утоптанная тропа ведет от стоянки одного клана к другому, но я не хочу входить на стоянки, я хочу быть подальше от своих братьев. Сворачиваю в чащу, чуть заметная тропка, именно она мне и нужна, она ведет к морю. Когда-то давно, мать и отец возили меня еще совсем маленького туда, я даже помню небольшую хижину, на берегу лесного озера в нескольких часах езды от океана. Когда матушка была жива, отец был совсем другим. Ее смерть все изменила, а я стал пленником, заложником своего имени, своей родословной. Пришпориваю коня, стараясь убежать от невеселых мыслей. Чувствую, как устает подо мной конь, надо бы его взбодрить. К демонам запреты отца на использование древней магии, собираю энергию жизни из вековых деревьев, в лесу много энергии жизни, не нужно искать, просто знай, как использовать. Вливаю ее живительный поток в коня, придавая ему сил, освежая его. Я не хочу добираться долго, хочу быстрее в ту хижину, хочу вспомнить времена, когда я был маленьким, хочу добрых воспоминаний. Вижу одну из застав между кланами, здесь меня еще узнают, слишком близко к дому. Быстрее, верный конь. Лети словно ветер, я дам тебе его энергию, ты станешь ветром. Два дня пути по густому лесу на юго-запад, и я буду на месте. Главное потом не ошибиться и найти именно ту тропку, совсем незаметную в высокой траве. Там нет постоянных стоянок кланов, слишком близко к морю, все стараются держаться под защитной тенью леса, прятаться в нем, подальше от ненавистных людей, подальше от их проблем, подальше от своего прошлого. Там я смогу побыть один, наверняка, приведу мысли в порядок и вернусь, как и обещал отцу.

Начинает темнеть, в лесу быстро наступают сумерки. Нужно искать место для привала.

Серебристый ручей пересекает мою дорогу. Спускаюсь с коня, беру его под уздцы, целую в теплую морду.

— Пойдем, дружок, пока можно отдохнуть, напиться воды.

Берег ручья — отличное место для привала. Спутываю ноги коню, отпускаю его лакомиться свежей зеленой травой. Сам с удовольствием устраиваюсь на берегу. На том берегу редко кто-то бывает, там чаща, дорог нет, ничего нет, глухомань, темный лес, как называют эти места в кланах. Говорят, что там живут только Изгнанники, те кто не нашел своего места ни в одном из кланов. Кочевники, бродяги, не признающие никакой власти, кроме сил природы. Может быть так и нужно? Может быть они свободны, так как не могу быть свободен я? Дети Равновесия... Смешно просто. Мы даже между собой договориться не можем, древнейшая раса, забыла о своей роли в мире... Дети Равновесия, потерянные дети... Не получается убежать от мыслей, они быстрее. Сидя на берегу лесного ручья бросаю в него камушки, смотрю, как быстро они уходят на дно, прозрачная холодная вода, навсегда принимает их в свои объятия, чтобы никогда уже не отпустить. Так и я... эта женитьба... для меня это тот же ручей, а я тот же камень, а отец, бросает меня легкой рукой, просто так, ради развлечения. И противиться я не могу.

Вздрагиваю, осознавая, что рядом кто-то есть. На противоположном берегу ручья стоит

девушка. Внимательно смотрит на меня. На ней нет никакой брони, поверх тонкой рубашки наброшена легкая охотничья куртка светло коричневого цвета, такие же штаны, заправлены в высокие сапоги. За плечами длинный лук, на поясе кинжал и колчан. Светлые волосы убраны с тонкого молодого лица, сплетены в тонкие косички. Большие глаза смотрят на меня с любопытством, без тени опаски, без сомнения, без почтения. На лице нет знаков какого-либо клана, она Изгнанница, поэтому и ручей не переходит, Изгнанникам нет места на этом берегу. Я рассматриваю ее, она рассматривает меня. Никто не нарушает тишину вечернего леса, только мелодично поет ручей. Потом она улыбается мне, снимает колчан и лук, кладет на траву, отстегивает кинжал, показывает пустые руки, говоря, что не причинит мне вреда. Смешно... Она мне показывает, чтобы я не опасался ее. Такое хрупкое и нежное создание... Я улыбаюсь этим мыслям. Она подходит к самому берегу, я тоже иду ей на встречу. Теперь нас разделяет только ручей, шириной в три моих широких шага.

— Заблудился? Дорогу указать?

Тихий мелодичный голос, не смеется, действительно хочет просто помочь. Странно, об Изгнанниках говорят много, но в основном, что они просто дикари, свирепые и опасные. Опять ложь. Почему вокруг нас столько лжи?

— Нет, я не заблудился, просто путешествую.

Она удивленно приподнимает светлую бровь.

— Путешествуешь? Один? Для клановых эльфов — это странно. Вы предпочитаете ходить... с кем-то, не по одному. Есть хочешь? У меня тут лагерь неподалеку, а ты даже огонь не развел... Плохая идея, устраивать привал без огня, тут глушь рядом, там звери совсем не такие, они... настоящие...

Она с трудом подбирает слова на общем языке, видно, что не часто ей приходится с кем-то общаться.

— Ты предлагаешь мне ночлег? В своем лагере? А остальные члены твоего клана не будут против моего присутствия?

Она смеется мне в ответ, озорные огоньки блестят в ярких глазах цвета морской волны.

— У меня нет клана. Нет никого. В лагере только я. Это мое любимое место для привала по дороге к морю. Так, что стоянка у меня освоенная. Тебе, клановец, будет со мной безопаснее ночевать, здесь нет ваших застав, нет разговаривающих со зверями, здесь все по-другому. Но если ты меня опасаясь, я не настаиваю. Дело твое. Я просто буду присматривать за тобой этой ночью.

Я опять улыбаюсь, я наследник древней магии, а какая-то девчонка предлагает мне свою защиту. Она подбирает оставленное оружие и собирается уходить.

— Подожди, — окрикиваю я ее. — Я с удовольствием приму твое предложение, я очень буду рад... такой интересной компании. Я тоже держу путь к морю, быть может, мы сможем проделать путь вместе, если ты меня не боишься?

Она залиvisto звонко смеется.

— Чего тебя бояться-то? Ты не черный медведь, даже не волк. Ты просто уставший путник, — она склоняет голову на бок. — Запутавшийся путник, заплутавший. Идем. Я вижу у тебя ко мне много вопросов. Никогда не видел Диких?

— Нет, — честно отвечаю я.

Подзываю коня, снимаю путы с его ног и перехожу ручей. Холодная кристальная вода, заливается в сапоги, холодит кожу. Она ждет меня на берегу.

— Зачем коня спутывал? Не говоришь с ним?

— Ты, похоже, тоже не часто встречаешь эльфов из кланов? — вопросом на вопрос отвечаю я.

Она пожимает плечами.

— Сюда редко кто-то заходит. Слишком близко к нашим лесам. Вы нас боитесь. Мы вас недолюбливаем. Все просто. Идем.

— Меня Раирнаил зовут, — представляюсь я.

Она смотрит на меня. Кивает головой. Мое имя, имя наследного принца ничего не значит для нее, это просто имя.

— Мирриэль, так меня называл отец. Ваши Дикаркой называют, ты не думай, я не обижаюсь на вас, это даже забавно, — она бодро шагает, находя только ей понятные ориентиры в непроходимой чаще, — А вот и моя стоянка.

Небольшая полянка, ярко горит костер, а я и не заметил его с той стороны. Небольшой навес от ветра и дождя, под ним лежит теплый плащ.

— Тут холодно по ночам, даже костер не всегда помогает, — она поворачивает ароматное мясо над костром. — Так зачем ты идешь к морю, Раир? Решил построить корабль и уплыть в страну вечного лета?

Я улыбаюсь, какая наивность. Мы уже давно не мореплаватели, все эти знания были утеряны, вместе с бессмертием. Но, похоже, что она этого не знает.

— Нет, просто... решил вспомнить старые времена, мы когда-то давно бывали в хижине на берегу, я тогда был совсем маленьким, захотелось освежить те воспоминания.

— Скучаешь о ком-то? Я тоже по отцу скучаю, но... он в стране вечного лета, там ему лучше. Он так боялся оставлять меня одну... Но я справилась, думаю, он гордится мною, я не подвела его.

Внимательно на нее смотрю. Она еще совсем молодая, юная эльфийка ведет кочевую жизнь в темном лесу, в сгущающемся сумраке ее бледная кожа отликает серебром. Она поворачивается, почувствовав мой взгляд.

— Ты странный, Раир. Не такой, как твои собратья. Не могу понять почему, но твои голубые глаза все время грустят, почему? Что терзает тебя? Раз уж мы пойдем к морю вместе, почему бы нам не узнать друг друга получше?

— Ты очень внимательна, Мирриэль. Мне грустно, потому что я не могу понять нашей цели, я не могу понять, почему мы древнейшая раса дети зеленого дракона Равновесия, ничего не предпринимает, чтобы это равновесие восстановить. Ты, наверное, ничего об этом не знаешь, ведь у вас в глуши, нет политической борьбы, вы не посылаете воронов, не знаете последних событий, а между тем, миру грозит опасность...

— Я знаю, — спокойно говорит она. — Поэтому и иду к морю. Там могила отца. Он сказал, что когда мир начнет рушиться я должна идти к его могиле. Там я найду ответ.

— Что? Ты идешь спрашивать совета у покойного отца?

— Он сказал, что это очень важно, — она снимает с огня жареного зайца и протягивает мне половину, — Сказал, чтобы я поспешила к его могиле, когда почувствую нарушение равновесия. Вот я иду.

— Ты почувствовала нарушение равновесия? Как такое может быть?

Она смотрит на меня удивленно. Длинные черные ресницы часто хлопают.

— А ты разве не чувствуешь?

— Я просто знаю, что в мире людей назревает большая война и на нас это тоже скажется, поэтому мы говорим о нарушении равновесия...

— Нет, это ерунда. Люди здесь ни при чем. Равновесие между мирами покачнулось. Сила в темном мире, пришла в движение. Разве ты не видишь вырывающиеся в наш мир потоки энергии смерти? Ты же видишь энергию жизни, почему ее противоположность не замечаешь?

Я едва не подавился куском мяса. Эта дикарка рассуждала об энергиях, она не могла этого всего знать, это древнее знание, доступное только... прямым наследникам. Чувствую, как волосы шевелятся у меня на голове. Первое же создание, которое я встретил в пути, оказалось... носителем древней крови, да еще и не такой как моя... крови, которая может без обучения и наставников, просто чувствовать все то, чему меня учили десятки лет, всю мою жизнь лучшие учителя, маги-наставники, а она вот так просто об этом говорит. Призываю энергию жизни, чтобы посмотреть на мою собеседницу через призму энергии. Голубое сияние окутывает все вокруг, но такой энергии, как у нее я еще не видел. Чистейший источник на столько сильной энергии, что из голубого цвета, цвет ее энергии становился почти белым и бил по глазам сильнее слепящего солнца. Зажмуриваюсь, это невыносимо. Что это? Как такое может быть? Слышу, что моя спутница что-то бормочет себе под нос, понимаю, что она говорит на древнейшем языке, не просто говорит, она на нем ругается, наши ученые онемели бы от такого святотатства.

— Ты знаешь древний язык? — несмело спрашиваю я.

— Древний? — она улыбается. — Не знаю. А если ты про тот язык, на котором я только что ругалась, так мы с отцом только на нем и разговаривали. Я общий хуже знаю, чем этот. Но он не древний, просто... им никто не пользуется.

Эта девушка полна тайн. Сплошные сюрпризы. Все чему меня учили, все это время, она разрушила за полчаса знакомства. Древние тайны энергии, древний язык, носителей которого не осталось, тот самый язык, на котором говорили древние предки, заточившие Красного дракона. И вот передо мной сидит над огнем юная девушка, которая ругается на древнем языке и знает, что я вижу энергию жизни. Кто она? Кем был ее отец? Что она там говорила, про потоки энергии смерти? Ничего такого наши маги мне не говорили, да и сам я ничего не чувствовал. Качаю головой. Мы слепцы. Все мы. Вот ответ на все вопросы, не надо браков по расчету и воронов, надо просто уметь чувствовать.

— Ты говорила об энергии смерти?

Она запросто пожимает плечами. Маленькие зубки в это время отрывают еще кусочек зайчатины, на подбородке остается капелька сока, никаких манер, но очень... по-настоящему.

— Да, вы там в своих кланах, совсем забыли обо всем. Хуже людей стали, — она с досадой качает головой.

— Ты хочешь сказать, что все Изгнанники, ну, все, кто живет по эту сторону леса, все это знают и чувствуют?

Она пожала плечами.

— Нет, не все. Здесь тоже много потерявшихся. Но мой отец мог и научил меня. Хочешь, я научу тебя? Это не сложно...

О, Боги, кто она? Не сложно... Десятки часов тренировок... цена первого взгляда на энергию, а она говорит... не сложно. Она подходит ко мне, протягивает руку, улыбается.

— Идем, покажу.

Я беру ее за руку. Рука холодная, просто ледяная и такая тонкая, кажется прозрачная. Я думал, что она отпустит мою руку, но она так и не выпустила мои пальцы из своей ладошки.

Такого не было никогда. Никто не смеет прикасаться к королевскому отпрыску, и тем более вот так тянуть его за руку куда-то в темноту леса.

— Здесь, — говорит она, опускаясь на влажную траву. — Садись рядом, а лучше ложись.

Она тянет меня за собой, усаживая на траву, потом мягким толчком в грудь опрокидывает на спину. Это уже просто... наглость? Но не для нее, да, для моих подданных, такое поведение было бы непростительно, но не для нее, она Дикарка. Я хочу подняться, но ледяная ладошка твердо прижимает меня к земле. Она просто лежит у меня на груди, где-то около сердца.

— Не дергайся! Лежи спокойно. Закрывай глаза. На... — она протягивает мне сочную травинку. — Мне это всегда помогает. Хочешь — жуй, не хочешь — выплюнь. Просто слейся с природой, просто стань ее частью, забудь, что ты — это ты. Думай только о том, что ты часть природы. Она начнет с тобой говорить, ты почувствуешь ее боль, когда ей больно, ты сможешь узнать, почему ей больно. Растворись в ней.

Я лежу на влажной траве, прохладная роса холодит спину. На груди лежит прохладная ладонь странной девушки. Похоже, она меня так просто не отпустит. Закрываю глаза, подчиняясь ее приказу. Ничего не происходит. Неподалеку журчит ручей. Где-то завыл волк, созывая своих братьев. Ухнула сова, отправляясь на охоту. Так проходит некоторое время. Пытаюсь слиться с природой, но я не знаю, как это делается. Тихо совсем рядом с моим ухом звучит тихий шепот девушки:

— Не думай. Ничего не делай. Просто позволь себе быть тем, кто ты есть, позволь себе стать тем, кем ты никогда не был, позволь себе свободу, отпусти себя.

Ее дыхание щекочет меня. Хочется вырваться из ее нежной хватки. Что значит позволь себе? Я принц крови... как могу я себе позволять, для меня есть только долг. Но что-то изменяется, ведь она права, я так хотел свободы, но никогда не знал что это... Глубокое темное небо над головой, белые точки звезд мерцают на нем. Бесконечность... жизни. Гулкий водопад ощущений обрушивается на меня, я слышу, как трескается реальность, слышу радостный вой демонов, вырывающихся на свободу, слышу стоны умирающих, нет не слышу, не правильное слово, я не могу этого слышать это происходит слишком далеко от этой поляны в темном лесу. Я чувствую это, потому что я часть этого всего, я часть разрываемого пространства, часть искривляемой чьей-то злой волей реальности. Меня бьет озноб, я чувствую боль. Я знаю, что чаши весов равновесия не стоят больше неподвижно. Что-то происходит, что-то ужасное. В ужасе открываю глаза. Надо мной, закрывая небо, склонилось лицо девушки. Она лежит на животе, ее рука все еще лежит у меня на груди, и она внимательно изучает мое лицо.

— Ну как? — спрашивает она у меня. — Понимаешь теперь, о чем я?

— Что это было?

— Ты увидел, что происходит на самом деле. Люди тут не при чем. Никто не виноват из живущих. Это... Это древнее зло... Это надо остановить. Поэтому отец и сказал мне спешить к нему на могилу. Пока ты слушал природу, я говорила с отцом. Это ты... тебя я должна была не пропустить, ты, мое поручение от отца. Я должна тебя научить, направить на верный путь. Должна сделать так, чтобы ты захотел все это остановить. Ты же принц? Ты сможешь все изменить.

Она смотрит на меня лучистыми, в ночи, совсем темными глазами. Она говорит так спокойно, так уверенно.

— Как ты узнала, кто я?

Она улыбается.

— Отец мне сказал. Он сказал, что только ты сможешь все это остановить, изменить все. Я не поняла некоторых его наставлений, я даже не поняла кому они тебе или мне. Но он сказал, что жертва не должна быть принесена, ни капли жертвенной крови не должны обагрить черный камень, иначе пути назад не будет. Я не понимаю, о чем он. Но он никогда не ошибается. Так что, я поневоле становлюсь твоей спутницей.

Она убирает свою холодную ладонь с моей груди.

— Пойдем, а то ты совсем замерзнешь.

Так я познакомился с Мирриэль. Так она стала моей спутницей, но тогда в начале пути, ни я, ни она не знали, к чему нас приведет этот путь.

Мы провели ночь за разговорами. Она рассказывала мне о себе, об отце, об их жизни в лесу, и я понял, что ее отец был таким же наследником древних, как и мой отец, только он выбрал свободу, выбрал путь Равновесия, он всегда помнил о предназначении и учил свою дочь этому. Она не могла управлять энергией жизни, но умела чувствовать, отец говорил ей, что, когда и, если будет нужно, умение придет к ней само. Она рассказывала мне древние легенды, о которых забыли наши старики. Она рассказала, что после великой битвы, выжившие эльфы, которые помогали, принесшим себя в жертву, разделились. Одни решили, что случившееся делает их особенными и теперь они вправе стать королями и управлять всеми остальными эльфами, другие же сказали, что главное — это Равновесие и их долг за ним наблюдать и поддерживать. Так одни стали королями, как мои предки, а другие стали Отшельниками, как предки Мирриэль. Долгие годы Отшельники поддерживали Равновесие, но теперь, их осталось слишком мало, теперь пришло время мне и моим потомкам вспомнить о предназначении, поэтому мы с ней и встретились. Поэтому мы и продолжили наш путь вместе.

Больше я не спешил. Я нашел то, ради чего я покинул свой клан. Я нашел свободу рядом с ней, я нашел познание, и чем больше я проводил с ней времени, тем больше убеждался, что нашел я и еще кое-что... то, на что не смел рассчитывать, то чего страстно жаждал и смертельно боялся. Я нашел любовь. Теперь мое возвращение в клан уже не имело смысла, я не смогу жениться на другой, не смогу смотреть в другие глаза, не смогу заставить себя улыбаться другой женщине, кем бы она не была. Я не мог вернуться. Но и Мирре я сказать не мог ничего, она упрямо не желала меня слушать, она уходила от разговоров о чувствах, она едва ли не убегала, когда я хотел ей признаться. Она боялась еще больше меня. Ее упрямство... заставляло меня злиться, но я не мог долго на нее обижаться, она была воплощением мечты. Легкая, стройная, словно лань, ее глубокие глаза, такого же цвета как бескрайняя гладь океана, завораживали меня, я тонул в них. Только наши ночные прогулки и вслушивания в тишину были теми редкими мгновеньями, когда она находилась совсем близко, так близко, что я слышал стук ее сердца. Иногда я хитрил и вместо того, чтобы послушно лежать на траве, я приподнимался и смотрел на нее, смотрел, как вздымается ее грудь с каждым вздохом, смотрел, как трепещут ресницы, иногда я даже брал ее за руку, она не сопротивлялась, но на большее я не мог решиться, я мог лишь наблюдать за этим чудесным видением, посланным мне самим провидением. Когда мы добрались до хижины и расположились там, уже вечерело, но ее было не остановить, она взяла меня за руку, и мы пошли на побережье. Закат на море был чудесен. Яркий диск солнца тонул в волнах, оставляя на них красную дорожку. Мы сидели и смотрели, как замороженные. Когда солнце

совсем спряталось, Мирра встала.

— Я знаю тут одну, тропу, она ведет на небольшую песчаную косу. Ты когда-нибудь плавал в море, Раир?

— Нет, никогда.

— И я никогда, но я очень хочу поплавать в соленой воде. Пойдешь со мной, а то мне немного страшно.

Я с готовностью встал рядом с ней и взял ее руку в свою. Она повела меня, тропка петляла между стволами поваленных деревьев, пней и кустарников. Когда лес окончился, мы оказались на открытой полосе песка, морской ветер, обдал нас холодом и брызгами. Она поежилась, но ее упрямство... она не собиралась отступать. Сбросив сапоги, она легко стянула с себя штаны, одним движением она осталась лишь в легкой тунике. Будто опомнившись, она повернулась ко мне.

— Отвернись, принц. Ты хоть и принц, но не все, что ты видишь, тебе принадлежит по праву. Так что...

Она пыталась скрыть свое замешательство, но я послушно отвернулся. Я не собирался отставать от нее, поэтому тоже стал раздеваться. Когда я подходил к берегу, то видел валяющуюся неподалеку небрежно сброшенную тунику. Было уже темно, рассмотреть что-то было сложно, не может быть стеснений в такой темноте, но она... стеснялась, не понимая, что тем самым лишь подогревает мой интерес, лишь раззадоривает меня, еще больше. Когда прохладная вода коснулась моих ног, я уже знал, что не выйду из нее, если мне не удастся сорвать поцелуй с ее холодных нежных губ. Она тоже знала это. Она ждала меня. Темные воды скрывали ее обнаженную грудь. Но она не отстранилась, когда я протянул под водой руку и сжал ее пальцы в своей ладони. Она просто ждала, когда я подойду.

— Мирриэль, я... — я хотел посмотреть ей в глаза, но она прятала от меня взгляд. — Мирриэль, я хотел сказать...

И вдруг она засмеялась, вырвала свои пальцы и нырнула в темную пучину, я только увидел блеснувшее белизной обнаженное тело. Она всплыла на некотором расстоянии от меня. И тряхнув мокрыми волосами, прокричала на весь берег.

— Принц! Я думала, ты хотел чего-то другого, а не разговоров, но раз ты хочешь только говорить...

— Нет, не... — она дразнила, она играла, она сводила меня с ума, я забывал все...

— Так говорить или нет, принц? Если нет, то сперва тебе придется меня словить... Свой первый шанс ты уже упустил, глупец!

И она быстрой рыбкой исчезла под водой. Мы плавали, гонялись друг за другом, я понимал, что теперь это лишь игра, я поддавался, я шел на уступки, давая ей выскальзывать в последний момент, она смеялась, она радовалась как ребенок. Я был счастлив, поддаваться ей, я знал, что сейчас это лучший вариант, я должен загладить свою вину, должен заставить ее забыть о моей нерешительности. Выскользнув от меня в очередной раз, она легла спиной на черную воду.

— Принц, твоя нерасторопность, послужит нам плохую службу, мы так замерзнем.

Она не видела, как я аккуратно всплыл около нее, когда она окончила фразу мои руки уже обвивали ее талию, притягивали к моему телу, ее алебастровую фигуру.

— Я не дам тебе замерзнуть.

Я больше не был принцем, я забыл о чести, забыл о родословной, теперь я был просто влюбленным мужчиной, рядом с которым плавал предмет его вождения.

Я обнял ее, прижимая к себе одной рукой, другой, я убирал с ее лица, прилипшие мокрые пряди волос. Я видел, как горят ее глаза, я видел, как приоткрылись ее губы в ожидании поцелуя. Ее руки оплели мою шею. Сердце готово было выскочить из груди, когда я наклонился к ее губам. Не было в моей жизни ничего слаще, чем этот поцелуй. Черные волны разбивались о наши сплетенные тела, неся свои воды к песчаной косе, а мы застыли словно изваяние. Мои темные волосы лежали на ее белоснежных плечах, тело леденело в прохладе воды, но я был не в силах оторваться от нее, я не мог остановиться, я чувствовал, как дрожь пробегает по ее спине, она была уже совсем холодная, нужно было выходить из воды, мы рисковали действительно замерзнуть. Но оторваться от нее... невозможно... Она сама выскользнула из моих объятий.

— Ты совсем меня не греешь, принц...

— Перестань меня так называть, только не для тебя... Для тебя я просто Раир, просто сведенный тобой с ума безумец... Идем, на сушу...

— Никуда я с тобой не пойду, ты не хороший, ты меня морозишь, Раир...

Она ныряет, пытаюсь улизнуть от меня. Но я легко перехватываю в воде ее тонкую лодыжку и тяну ее к себе, переворачиваю на спину и беру на руки.

— Хватит, играть, Мирра, ты замерзла...

Она корчит обиженное лицо, смешно надувает губки. Я не могу смотреть на это, но ее упрямство. Есть только один способ ее переспорить, теперь я им буду пользоваться чаще... Я останавливаю ее гневную тираду, прикрывая ее губы своими. Вот так, никаких споров. Выношу ее на берег. Холодный порыв ветра срывает с нас капли морской влаги, заставляя ежиться от холода. Ставлю ее на ноги.

— Теперь выводите нас отсюда, пока мы еще не превратились в соленые статуи льда.

— Не командуй тут, принц.

Ох, какая же она... несносная. Я хлопаю ее раскрытой ладонью чуть ниже поясницы, чтобы не забывалась. Она игриво вскрикивает и бросается на меня с кулаками. Отступаю от ее натиска, но она налетает на меня и валит на песок. Острые песчинки липнут к мокрой спине, неприятно ее покалывая, но это уже не важно. Она не просто меня повалила, она садится мне на живот и начинает стучать своими детскими кулаками мне в грудь. Холодные ноги сжимают мое тело. Ловлю ее руки, останавливаю. Так не может больше продолжаться. Отпускаю ее руки, притягивая ее лицо к своему, целую. Я хочу что-то сказать, но разве слова можно сложить, когда ее руки ласкают мою грудь. Еще один холодный порыв ветра, остужает ее пыл, она вскакивает, подбегает к брошенным вещам и, быстро надев рубашку, кричит мне:

— А теперь давай греться, догоняй, принц...

И пускается вверх по склону. Ничего не остается, как опять ее ловить. Невыносимая девчонка... Даю ей вскарабкаться чуть повыше, чтобы без зазрения совести смотреть как тонкая ткань прилипает к ее ягодицам, чтобы угадывать при каждом ее шаге мелькающую такую манящую неизвестность... Нагоняю ее уже в лесу, когда столетние стволы скрывают нас от порывов колючего ветра. Нет, конечно, я мог бы поймать ее раньше, но зачем? Ведь она не хочет убежать, она хочет быть поймана. Такая пробежка не может сбить дыхание, но дышу я с трудом... Останавливаю ее, обхватив за талию, приподнимаю в воздух, ставлю на ноги и резко поворачиваю лицом к себе. Жадно ловлю ее губы, приподнимая подбородок. Прижимаю к себе ее холодное тело. Чувствую, как твердые соски из-под промокшей ткани, прижимаются к моей груди, она прижимается ко мне. Руки ласкают мои бедра. Кажется,

просто поцелуй ее уже не устроит... Вещи брошены на мягкий ковер листвы, мягко укладываю ее на это подобие постели, что нам еще нужно, да ничего... нам уже ничего не надо, мне нужны только ее тихие вздохи, когда мои руки касаются ее груди, мне нужны только ее горящие безумным огнем глаза, мне нужно только ее прохладное тело и острые ногти, впивающиеся мне в спину. Она лежит передо мной, влажная ткань прилипает к телу, я люблюсь ею несколько секунд, но моя упрямица не хочет любований, ее рука тянется к тому, что она хочет. Я не сомневался, Мирра, ничуть... Но не стоит так спешить, убираю ее руку, перехватываю вторую, которая стремиться занять место первой... Не спеши... Все будет, милая, только сначала... Я держу одной рукой ее руки у нее над головой, не позволяя ей своевольничать, а другой рукой аккуратно, отодвигая влажную ткань, приподнимаю ее, освобождая ее ноги, ее живот... Она пытается вырваться, ну что же ты такая торопливая?

— Прекрати брыкаться, иначе я тебя отпущу... Ты же не хочешь, чтобы я отпускал тебя, правда?

Она отрицательно мотает головой.

— Вот и умница, — целую соленую щеку. — А теперь дай мне это снять. Да? Согласна? Мокрая рубашка будет немного мешать...

Она кивает головой. Стаскиваю с нее рубашку. На куче одежды передо мной лежит воплощение моей мечты. Склоняюсь над ней, целую ее шею, нежно дотрагиваюсь до темных сосков пальцами, ее тело выгибается подо мной дугой, подставляя мне всю грудь, стоны срываются с губ. Но она держится, пальцы впиваются мне в плечи. Умница, девочка, держись, так надо. Прикасаюсь языком к уже практически каменным соскам, еще один стон, еще одна попытка ее тела дотянуться до моего, изгибаясь. Нет, милая это еще не все... Пока губы ласкают ее грудь, рука опускается, по нежной коже живота, все ниже, дотрагиваюсь до ее бедра, да, я знаю, все правильно, твои стоны, лишь подтверждение тому... Ее ногти рвут кожу у меня на плечах. Моя рука осторожно раздвигает ее ноги, пальцы касаются теплой, горячей, горячей середины. Уже не тихий стон, уже перекрывая шум ветра в листве, она забрасывает ноги мне на спину, прижимая меня к себе... вот такого поворота даже я не ожидал, а ее руки уже перестали терзать мои плечи... она не хочет больше ждать, да и я что-то переоценил свои возможности, если сейчас я не завладею ею, желание просто разорвет меня. Ее прохладная ладонь сжимается на моем стержне и дрожащая рука направляет его... Меня уже трясет от желания, почувствовав тепло ее плоти остановиться уже невозможно. Пытаюсь сдерживаться, чтобы не причинить ей боли, аккуратно, по возможности медленно... Теперь ветер уносит уже наш общий стон. Нет, я больше не могу так... я хочу... всего и сразу... Разум уже не подчиняется мне, бедра сами делают резкое движение вперед, она вскрикивает и изгибается так, что на земле остаются только ее бедра и макушка. Несколько секунд затишья, когда я чувствую, как бьется ее тело в моих руках, а топом она подхватывает мой темп, и ее бедра двигаются мне на встречу. Так долго продолжаться не может, слишком долгим было ожидание, слишком манящими были игры, я замираю на пике наслаждения, и ощущаю конвульсии наслаждения, в которых бьется ее тело. Нежно припадаю губами к ее шее, покрываю поцелуями лицо. Она отпускает меня, расслабляя бедра, опускает ноги. Я ложусь рядом с ней, но не могу остановиться, ласкаю ее живот, содрогающееся при каждом моем прикосновении тело. Она открывает глаза и смотрит на меня.

— Принц, мне кажется, мы заигрались. Это... не правильно... Прекрати на меня так смотреть своими нежными голубыми глазами, раздеть ты меня не можешь, я и так голая...

Я целую ее, улыбаюсь.

— Дикарка, я не жалею ни о чем. Это были лучшие моменты в моей жизни. А ты?

— А я думаю, что тебе придется потом меня оставить, тебе нужно будет вернуться к своему народу, вернуться и принять на себя бразды правления, ты единственный кто может все изменить и все исправить, а что останется мне? Лишь воспоминания? Боюсь, что ты разобьешь мое сердце, Раир.

Я смотрю на нее, она что серьезно? Она серьезно думает, что я смогу вернуться? Без нее?

— Мирриэль, я не оставлю тебя, никогда. Ты моя жизнь. Без тебя я не вернусь. Ты будешь моей королевой?

Она приподнялась на локте, изучая мое лицо.

— Ты серьезно? Ты хочешь, чтобы я стала королевой? Жила в клане? Боюсь — это невозможно, твой клан не примет дикарку. Это запрещено вашими законами.

— Мирра, любовь моя, я все-таки принц, а через некоторое время стану королем. Как ты думаешь, кто вводит те или иные законы?

Я подмигиваю ей. Но она не улыбается.

— Принц, я не смогу жить в клане. Я дитя природы, Раир. Я не могу... Это... невозможно. А ты должен будешь вернуться, Раир, мы обречены...

Она прячет лицо у меня на груди, я глажу ее волосы, вдыхаю запах соленого моря, впервые за всю свою жизнь, я не сомневаюсь, я уверен, в том, чего хочу.

— Мирра, — я заглядываю ей в глаза. — Я не оставлю тебя никогда. Я тебе обещаю. Я буду с тобой, всегда. Если ты не можешь жить в клане, значит я буду жить с тобой, там, где нам будет хорошо вместе. Я буду руководить кланом, приезжать туда при необходимости, или назначу регента, но поверь, я не променяю ни одной минуты с тобой, на всю жизнь без тебя. Мирра, ты моя любовь, ты моя жизнь...

— Красиво говоришь, принц. Но это лишь слова. Тем более ты говоришь их, когда к тебе прижимается мое обнаженное тело, скольким дамам ты обещал то же самое, Раир?

— Никогда и никому, я не говорил таких слов, упрямица. Хорошо, тебе мало простых слов? Вставай. Одевайся, идем, я хочу кое-что тебе показать.

Мы встаем, одеваемся, возвращаемся в хижину. Я помню. Когда-то давно, мать здесь оставила две цепочки с кулонами смерть-травы. Она рассказывала, что когда-то этими кулонами древние приносили клятву, она сокрушалась, что они с отцом так и не решились на это, кулоны так и остались в этой хижине. Нахожу старую шкатулку, две одинаковые цепочки, с одинаковыми кулонами. Достаяю их и показываю моей упрямице.

— Ты знаешь, что это?

— Это смерть-трава. Да я знаю, назначение этих кулонов.

Глаза ее округляются от ужаса.

— Принц, ты сошел с ума? Ты знаешь меня всего несколько дней и готов мне приносить клятву на смерть-траве? После одной... ночи??? Ты точно не в своем уме.

— Мирра, я точно знаю, чего я хочу, я уверен в своем выборе, я знаю, что это всего лишь цепочки и значения они имеют только для нас, в них нет древней магии, это просто безделушки. Но я хочу, чтобы ты была так же уверена в моих словах, как я уверен в своем решении, никогда с тобой не расставаться, упрямица. Итак, ты готова надеть этот кулон, как знак моей вечной к тебе любви? Ты готова одеть такой же кулон на меня, Мирра?

Она молча берет безделицу. Смотрит на меня.

— Раир, даже без этих, кулонов, я никогда не смогу забыть твои нежные голубые глаза, ты смотришь на меня с такой любовью, с такой страстью... Я никогда не смогу этого забыть, Раир.

Я одеваю ей на шею цепочку и стоя у нее за спиной шепчу на самое ухо на древнем языке:

— Всегда вместе, любовь моя. Всегда.

Она повторяет за мной слова и застегивает цепочку на моей шее.

Это были безумные дни и бессонные ночи. Три месяца мы прожили в старой хижине. Они пролетели словно миг. Мы охотились, гуляли по лесу, она плела венки и одевала их на мою голову, приговаривая, что такая корона больше пристала эльфу, чем все золото и драгоценные камни. Она продолжала меня учить, наставлять, рассказывать о своих умениях и талантах, это было днем. Ночами же мы не знали покоя, она засыпала у меня на плече, и я просыпался, когда светлые волосы щекотали мне нос. Так не бывает, не может быть такого безмятежного, безграничного счастья. И оно закончилось. Прошло лето, и уже осень подходила к середине, когда однажды утром я не увидел мою упрямыцу рядом со мной в постели. Когда я ее нашел, она была уже собрана в дорогу.

— Тебе пора, Раир. Ты должен вернуться. Скоро, придет твое время, скоро от тебя будет зависеть все. Ты должен вернуться в свой клан.

— Может быть хотя бы позавтракаем? — я попытался ее обнять, но она легкой тенью выскользнула из моих рук.

— Нет, поедим по дороге. Мы должны спешить, — она не играла, не смеялась, в глазах строгость и решительность. — Я уже все приготовила, Раир. Идем, пожалуйста, не останавливай меня, я не хочу с тобой расставаться, но твое дело важнее нас, ты должен спасти всех, Раир. Потом, ты сможешь вернуться, если захочешь. Я буду ждать тебя там, у ручья, где мы встретились впервые. Всегда буду ждать, Раир, даже если ты не вернешься, через месяц, через год, через десятки лет, Раир, буду каждый день ждать тебя у ручья. Не говори ничего, от этого только больнее.

Она повернулась ко мне спиной и уверенно зашагала, направляясь в лесную чащу. Мне ничего не остается, как следовать за ней. Пытаясь понять, что смогло так быстро изменить мою любимую, ищу объяснения в природе, сейчас я могу это делать без подготовки, это уже просто. Я слышу отклики далекой битвы. Я вижу, как открываются двери в мир демонов, как все больше разрывается завеса между мирами. Да я должен спешить. Я вижу, как какие-то люди собираются на большой совет. Я не знаю их, но по их одеждам, я понимаю, что это первые лица двух государств. Я знаю, что сейчас уже летят вороны в разных направлениях, они хлопают крыльями, отталкиваясь от ветра, разнося вести о встрече. Я вижу, как такой ворон прилетает к моему отцу. На этот совет должен ехать я, а не отец, он не сможет им ничего объяснить, не сможет их убедить, он не помнит, что значит быть сильным, он забыл, что значит быть свободным, а я научился этому всему за последние месяцы, научился у нее, у моей возлюбленной, которая сейчас идет впереди. Я понял наше предназначение, я перестал быть потерянным, я стал истинным сыном Равновесия. И сейчас, мой час. Я должен, вернуть равновесие и остановить все это. Теперь долг не пугает меня, я знаю, что, когда я вернусь, я найду у ручья мою Дикарку, и мы будем вместе, мы будем восстанавливать Равновесие, всеми способами, нам доступными. Я улыбаюсь сам себе. Мы еще не простились. У нас впереди еще больше дня пути, но у меня уже щемит сердце, когда я представляю, что покину ее. Долг, теперь я знаю, в чем заключается мой долг, теперь я

знаю, свое предназначение.

Близость скорой разлуки гнетет нас обоих, мы почти не говорим, просто молча идем рядом, держась за руки. Нет слов, способных передать наши эмоции, нет нужды давать обещания и в чем-то друг друга уверять, мы оба знаем, что должны сделать, должны исполнить свое предназначение. Вот уже слышен хрустальный звон ручья. Мы останавливаемся прямо на его берегу.

— Мирра, я вернусь. Я приду за тобой, я...

— Перестань, принц. Я знаю. И ты, и я, мы оба знаем, что сейчас ты должен уйти. Слова ничего не изменят, Раир. Ты должен идти. Уходи, пока я еще могу тебя отпустить...

Она обнимает меня и целует. Я обнимаю ее в ответ.

— У тебя холодные руки, Раир. Обычно они у тебя теплые, а сейчас холодные...

— Мое сердце застывает, от мысли, что я расстанусь с тобой, любовь моя. Но когда я вернусь, когда я смогу снова тебя обнять, все станет по прежнему. Ты только помни, что я всегда буду с тобой, даже когда меня не будет рядом, мой дух будет искать твой в стране снов, будет рядом с твоим. Я не оставлю тебя, моя упряmica. Мы всегда сможем встретиться там, в нашей хижине недалеко от океана в наших снах, в наших воспоминаниях. Я люблю тебя, Мирра, ничто не сможет этого изменить.

— И я тоже люблю тебя, Раир. А теперь уходи, не хочу долгих прощаний, не могу больше. Я буду тебя ждать. Иди, дитя Равновесия, исполняй предначертанное.

Я еще раз прижимаюсь к ее губам. Заглядываю в ее бездонные глаза. По бледным щекам катятся слезы, она сжимает мои пальцы, словно утопающий, хватающийся за соломинку, она не может разжать пальцы. Я касаюсь губами ее пальцев. Дрожащие тонкие пальчики разжимаются, отпуская меня. Я должен идти. Как же это тяжело. Перехожу через ручей, не выдерживаю и оглядываюсь. Она сидит на берегу и провожает меня взглядом. Слезы блестят в лучах заходящего солнца. Но я знаю, она ничего больше не скажет. Нет таких слов. Теперь я это знаю. Таких слов не может быть. Я отворачиваюсь и вскакиваю в седло, еще немного и я не смогу вернуться в клан, я забуду обо всем, только бы больше не видеть слез на ее глазах. Подгоняю коня, чтобы увеличить расстояние, чтобы не проявить малодушия, чтобы не вернуться... Сердце разрывается от боли, нет, оно уже разорвано, часть моего сердца осталась там, у ручья, и смогу я его вернуть, только когда снова ее увижу.

Отца предупредили о моем возвращении, ведь я проезжал несколько постов. Он ждет меня.

— Раирнаил, ты вернулся! Это замечательно. Мне как раз нужно отправиться на совет земель, люди опять что-то затеяли, надо там присутствовать.

— Нет, отец, на совет поеду я. За это время кое-что произошло, отец, меня многому научили, теперь я точно знаю, что и как нужно делать и люди здесь ни при чем, отец. Я знаю, что разрывается реальность, что Равновесие нарушено, что в наш мир хочет вернуться Красный дракон. Прости, отец, но ты не способен, этого остановить. Это мой долг, мое предназначение.

Отец удивленно смотрит на меня.

— Сын мой, ты изменился.

— Да, отец. Больше, чем ты, можешь себе представить. Я знаю, для чего мы хранили древние знания, пришло время, отец, их использовать. Пришло время древней магии, пришло время возвращения Древних.

— Сын мой, твоя невеста прибудет завтра в наш клан, вместе со всей семьей, перед

твоим отъездом, мы должны...

Я улыбаюсь, подхожу к нему, обнимаю за дряблые плечи.

— Нет, отец. Моя возлюбленная, не прибудет завтра. Она ждет меня в лесах. Я не могу пойти на брак, запланированный тобой, отец, потому что, — я показываю ему цепочку с кулоном смерть-травы. — У меня уже есть жена, отец. И клятва, которую мы принесли — нерушима. Ты же знаешь Древний обычай. Никто не может приступить клятву на смерть-траве, клятву, принесенную на Древнем языке, принесенную не живущим, а самому Зеленому Дракону. Я должен отправляться на совет Земель, отец. А после моего возвращения, мы с тобой решим, как нам быть дальше. Я не могу отказаться от моей жены, отец, или клану придется ее принять или мне придется покинуть клан, это сложное решение, отец, но других возможностей просто нет.

Отец смотрит на меня как на умалишенного. В чем-то он, безусловно, прав. Только вот ни его осуждающий взгляд, ни его разочарование уже ничего не изменят. Все уже решено, решено Равновесием, решено самой природой, решено Зеленым драконом.

Через день я отправляюсь в путь. Отец, не проронил ни слова за все это время. Что же по возвращению меня ожидает сложный разговор. Но сейчас не до этого. Я отправляюсь на совет земель, чтобы восстановить Равновесие, чтобы открыть людям и прочим, суть всего происходящего, чтобы все исправить. Зброшенный форт в снежных горах. Отличное место, главное очень близко к месту, которое стало полем решающей битвы в Великой войны, рядом с местом гибели Белого дракона. Там, где все закончилось, там же все и начнется вновь.

Массивные непреступные стены форта высечены прямо в скале, весь форт — часть скалы. В окрестностях я видел несколько людских патрулей, Видящие, Ищущие, маги, гномы, верховная жрица их церкви, церкви Белого дракона — здесь все, мое видение не обмануло меня, это именно то место и время, чтобы всем объяснить происходящее. Ворота форта закрываются, все присутствующие занимают места в главном круглом зале, рассаживаются за большим столом белого камня.

Едва я занимаю свое место, как мироздание начинает раскачиваться. Уже привычным переходом становлюсь частью природы и вижу, как здесь и сейчас открывается дверь в мир духов. Все эти люди — обречены. Открытие двери освобождает огромное количество энергии смерти, волна просто уничтожит их всех. На местах. Они даже понять не успеют. Собираю энергию жизни, чтобы противопоставить ее силе, открывающей дверь, вот он момент использования древней магии, как же удивятся людские маги, когда это все увидят... Начинаю гасить поток смерти. Люди еще не понимают, что происходит, воины хватаются за мечи, кто-то пытается убежать. Если я не справлюсь, им это не поможет, будет уничтожен и весь форт и все в округе. Чтобы видеть, насколько успешно мое воздействие смотрю, как учила меня Мирра, слушаю природу. Все хорошо, дверь закрывается, но на границе моего сознания всплывает картина, от которой по спине бегут мурашки. Черный камень в какой-то пещере, возле него стоят вооруженные люди, они чего-то ждут. Рядом с ними уже открыта дверь в мир демонов, какие-то неясные тени маячат в этом проходе, тоже чего-то ожидают. Черный камень... Отец Мирры, что-то говорил о жертве, ни одна капля жертвенной крови не должна упасть на черный камень. Они ждут жертву. Это происходит сейчас, происходит где-то там... Я должен их остановить, я не могу допустить жертвоприношения, иначе спасения не будет. Но все эти люди, в этом форте? Я могу пройти туда, через двери мира демонов, войти в открывающуюся здесь и выйти в открытую там. Но

эти люди? Смогу ли я закрыть за собой портал или открыть его так чтобы им не навредить. Пока я судорожно решаю вопрос, я вижу жертву. К жертвенному камню два гиганта тащат светловолосого эльфа. Жертву бросают на камень, привязывают руки и один из воинов достает черный изогнутый кинжал. Он хватает эльфа за волосы и поднимает его голову, открывая шею для удара. Не прошло даже мгновения, как я узнал жертву... Это была она, моя упрямица, моя любовь, моя жизнь. Боль пронзает меня. Сдерживание портала высасывает слишком много сил, но теперь уже не важно. Что будет с этими людьми, если я не спасу ее, погибнут все... Разрывая ткань реальности я рвусь туда, к жертвенному камню, через мир демонов, я знаю, что я не выживу после этого, но это тоже уже не важно... Ни одной капли жертвенной крови не должно попасть на черный камень... Откуда ее отец знал, кем он был? Не важно... жизнь оставляет мое тело, но я выхожу из мира духов в темной пещере. Вокруг нее осталось всего пятеро противников, но у меня нет сил, я не могу сражаться, держась за мерцающую рамку портала, я чувствую, как меня наполняет другая энергия, не жизни, я чувствую, как по моему телу разливается золотом энергия смерти, вот что я смогу сделать. Я кричу от боли, понимая, что это конец моей жизни, но я должен спасти ее, я пропускаю сквозь себя смертельную энергию, уничтожаю всех врагов, они просто рассыпаются в прах, рассыпаются веревки, сжимающие ее запястья. Невыносимая боль, я смотрю на жертвенный камень, она смотрит на меня, в ее глазах, в таких необычных, таких ярких глазах, стоят слезы, она бросается ко мне. Падает на колени возле меня. Кладет мою голову себе на колени.

— Раир, нет. Раир... Любимый...

Ее слезы падают мне на лицо. Губы касаются моих уже холодеющих щек. Упрямица... беги... я должен это сказать, она должна бежать, так же как пришел сюда я... через мир демонов, другого выхода нет, вот сзади появляются все новые воины, они доведут дело до конца, они снова скрутят тебя, любовь моя, беги...

— Беги, Мирра, беги, любовь моя...

Я кашляю кровью, у меня больше нет сил, я умираю...

— Беги, молю тебя, ты — единственная надежда...

Я смотрю в ее глаза цвета морской волны, последний раз... как я люблю тебя, беги же... дай мне увидеть, что ты спасена. Но она не уходит, она тащит меня с собой, туда в мир демонов. Умница моя, еще не хватало, чтобы они моей кровью воспользовались. А теперь, любовь моя, оставь меня... Я буду с тобой всегда, как и обещал... но сейчас ты не должна плакать у моего тела, милая, ты должна бежать. Глаза заволакивает темная пелена. Я уже не вижу ее, только слышу, как она меня зовет, сжимаю ее пальцы слабеющей рукой...

— Беги... молю... люблю...

Моя упрямица, моя Дикарка, моя жизнь, моя любовь... Ночной океан, холодные брызги соленых волн... ленивая луна и твое белоснежное тело прижимается ко мне... беги... я ухожу в страну вечного лета... беги... Я буду с тобой...

Разлом.

Открываю глаза. Все здесь, стоят и смотрят на меня. Уже устаю от таких просмотров. Стоим посреди разрушенного форта и разглядываем друг друга. Разве не глупо? Мы сюда вроде по делу пришли?

— Я тоже рада всех видеть, спасибо, что спросили. Может, уже делом займемся, или вы еще меня не со всех сторон рассмотрели? Мы вроде как тут что-то делали? Тут вроде решается вопрос моей жизни или смерти? Эй, вы чего это?

— Мы немного отвлеклись, Лариэль... — начал Инариэль и смолк.

— Лариэль? Это кто? — спросил Кален, нахмутив брови.

— Это я. Инариэль придумал, а что есть еще какие-нибудь предложения?

— Есть, у меня одно, — спокойно оттачивая стрелу, говорит Энель. — Мне кажется, тебе подойдет имя... Мирриэль, и сократить можно: Мирра. И никому не придется ломать язык. Как тебе?

— О, Боги! Я согласна, на все, вы только между собой, наконец, договоритесь!

— Возражения есть? — уточнила Энель. — Нет, вот и отлично. Итак, Мирра, мы тут искали ответ на вопрос где же все демоны. Как ты видишь, двоих мы... нашли, — она указала глазами на две кучки пепла. — Дело за малым, найти остальных. Есть предположения?

— Да мне пришло кое-что в голову, пока я отдыхала, надо найти сам разлом. Выдвигаемся?

Странные они какие-то все. Никто мне в глаза не смотрит. Все как будто своим снаряжением занимаются. Ей-богу странные. Даже Барри не шутит.

Ходим по залам. Видимо, до трагедии, здесь было очень красиво, величественно и безопасно, но сейчас везде завалы, обрушившиеся перекрытия, стены. Несколько раз натыкаемся на тупики, приходится возвращаться и искать обходные пути. Прогулка не из приятных, сердце сжимается от боли, когда глаза выхватывают из полумрака очередной человеческий скелет. Сколько же их здесь было? Проходит достаточно много времени, пока авангард из Калена, Кары и Барри возвращается и докладывает, что нашли искомое. Идем за ними. Огромный полукруглый зал, с балконами и скамьями, посреди зала (там видимо стоял круглый стол, за которым и собрался совет) срезан кусок скалы, словно его отрезали огромным ножом, и края этого среза мерцают золотистым светом. Я уже такое видела вроде бы. Не помню. Ах, да, вспомнила, мне Кара это в окно показывала. Так и что же мы имеем? Этот разлом не впускает демонов, но... я их чувствую, значит, они здесь, прямо за этой... что это такое? Загородка? Как бы это назвать? А разве это важно? Важно другое, как это исправить? От этого зависит моя жизнь, мне надо доказать моим... даже не знаю, как их теперь называть, вроде уже не тюремщики, но и друзьями их называть еще рано... Спутникам, точно, мне надо доказать моим спутникам, что я постараюсь, приложу все усилия для того чтобы все исправить. Подхожу к золотистому мареву, чем я ближе, тем сильнее вибрация, странно, вроде бы больше ни на кого эта штука так не реагирует. Мысль появляется сама собой, словно мне ее кто-то шепнул, сама бы не додумалась.

— Зовите сюда солдат, мне кажется, что надо открыть этот разлом.

Кален вышел, вместе с Энель, они отправились за своими людьми.

— Что ты задумала? — спросил Инариэль. — Поделишься мыслями? К чему нам готовиться?

— Я хочу открыть разлом. Ты говорил, что я могу их закрывать, но мне кажется, что так же как разлом питает энергией демонов, демоны питают разлом. Значит, для того чтобы его закрыть, мне нужно убить всех демонов, которых этот разлом призвал, тогда я смогу его закрыть, я боюсь, что такой большой разлом может поддерживать или очень много демонов или демон какой-то необычайной силы. Нам потребуется поддержка, любая, которую мы сможем найти. Я не хочу рисковать жизнями людей, я думаю, надо их расставить по балконам, пусть стреляют.

— Солдаты Калена, не останутся в стороне, их помощь тоже будет не лишней, — сказал Барри.

— Я знаю это, но мне хотелось бы сохранить жизни, и так в этом месте было достаточно смертей.

Мне никто не ответил. Я быстро осматриваю будущее поле боя. Вернулись Кален и Энель с людьми. Лучников расставили по балконами, раздав указания.

— Мои солдаты готовы к схватке, Мирра, — Кален достал из ножен свой меч. Он опасается смотреть на меня. — Я тоже готов.

— Кален, — я стою совсем рядом, сделав шаг вперед, опускаю руку на навершие его меча. — Я бы не хотела... Я хочу... — я пытаюсь заглянуть ему в глаза, но он не поднимал их, глядя только себе под ноги. — Кален! Почему ты не смотришь на меня? Почему все отводят глаза? Что случилось, когда вы убили тех двух демонов?

Он поднял глаза, такие небесно-голубые такие печальные, такие настороженно-отстраненные.

— Нам надо одержать победу, Мирра. Здесь и сейчас. Тогда мы сможем продолжать тебя защищать. Если ты потерпишь неудачу, для нас все будет потеряно, понимаешь? Это непросто всем нам, признавать, что сейчас все зависит не от нашего искусства владения мечами, луками, арбалетами, магией, а от одной молодой эльфийки, что в ее руках, не просто наши жизни, наше будущее. Мы долго обучались, мы посвятили этому жизни, а в итоге, мы зависим от тебя.

Я смотрю в его глаза. Сколько печали, сколько тоски, сколько... разбитых мечтаний в них. Чего я требую от этих людей? Куда я могу их вести? Каждый из них в десятки раз храбрее меня, более подготовлен, более опытен. Какое право я имею призывать их к чему-то?

— Кален, я хотела бы по возможности избежать человеческих жертв. Пожалуйста, попроси своих солдат быть осторожнее, беречь себя.

— Мы не станем прятаться, мы будем биться, как в последний раз, Мирра, из последних сил, каждый из нас, будет стараться дать тебе время, чтобы выполнить то, что должно. Мы солдаты, Мирра, мы призваны защищать и сейчас мы будем защищать тебя. Это наш долг: каждого, из моих солдат и мой.

— Кален, береги себя, пожалуйста, — я отвожу взгляд и отступаю от него.

— Не тревожься за меня, — прошептал он. — Лучше себя береги. Покажем этим демонам, братья, пусть для кого-то этот бой и станет последним, но мы дорого возьмем с них за каждую жизнь — крикнул он, обращаясь уже к своим солдатам.

Подхожу к Энель и прошу ее, беречь своих подчиненных. На что Энель лишь улыбнулась и пообещала обойтись без лишнего риска. Барри мне тоже улыбнулся и сказал,

что вечером нужно обязательно встретиться в таверне и выпить за знакомство. Инариэль. Что я могу сказать ему? Он здесь по собственной воле, это не его война. Взгляд его фиалковых глаз мне не приходится долго искать, он с удовольствием встречается со мной глазами и тонкие губы уже привычно улыбаются.

— Береги себя, не лезь на рожон, я бы попросила тебя встать на балконе, вместе с лучниками, но ты не слушаешь? Я тревожусь за всех вас. Мне очень тяжело принимать от вас такие... жертвы и я бы хотела их избежать, если бы только я была уверена, что смогу справиться с этим сама, я бы вас всех попросила уйти.

— Никто из нас не ушел бы, даже если бы ты очень просила, — он опять улыбнулся. — Мы здесь не только ради тебя, каждый из нас пришел сюда, веря, что возможно именно его лук, арбалетный болт, меч или заклинание, станет решающим и склонит чашу весов в сторону нашей победы и твоей победы. Что именно мы примем участие в исправлении катастрофы, которая охватила наш мир. Мы станем частью истории, даже если мы здесь погибнем, главное, чтобы мы не погибли зря. Каждый из нас, верит в тебя. И тебе надо бы сделать то же самое.

— Я не смогу простить себе ни одного убитого, ведь если кто-то умрет, он умрет из-за меня. Как я смогу потом с этим жить? Даже идя сюда, я чувствовала, что в какой-то мере я виновата в том, что здесь произошло, все эти люди умерли из-за меня. Я не знаю как, я не помню ничего, но мои ощущения кричат именно об этом, я не могу отмахнуться от этого. Закрывая глаза, теряя сознание, я чувствую их боль, она живет внутри меня, все они были принесены в жертву, чтобы я могла выжить. Зачем, Инариэль? Почему? Я же самая обычная, я не маг, не великий воин... Почему они должны были умереть за меня?

Инариэль молчал. Он отвел глаза, перестал улыбаться и просто молчал несколько секунд.

— Знаешь, Мирра, ничего не происходит по ошибке. Ты можешь пока этого не понимать, но ты действительно — особенная. Для всех нас ты — воплощение надежды. Когда я смотрю в твои глаза, я вижу такой чистый свет, я вижу любовь и ответственность, а еще я вижу будущее, когда все это закончится, у нас будет будущее, у всех нас. Мы сможем возделывать поля, строить дома, находить возлюбленных, создавать семьи, растить детей и не опасаться, что однажды ночью все это рухнет из-за внезапно возникшего разлома. Ты должна идти до конца и помнить, что ни одна жертва не станет напрасной, если мы победим, если ты победишь. Если это принесет нам мир. Быть может именно тебе суждено исправить все ошибки, совершенные до тебя...

— А если я наделаю еще больше ошибок, и все встанет еще хуже?

— Мы будем знать, что мы попытались. Ты не можешь сделать хуже. Ты... в тебе столько добра, столько нежности ко всему, столько всего... Ты послана творить добро и установить его вечные права в этом мире, Мирра. — Мы справимся, Мирра. Ты справишься, а мы все будем тебе помогать, мы все будем рядом. Кара и Кален с их мечами, Энель с ее луком, Барри с арбалетом, я с моими знаниями, ты только глянь, разве кто-то сможет устоять против нас? Тебе не стоит больше бояться. Когда мы вместе, нас никому не одолеть, даже если сюда ворвутся все демоны с той стороны, поверь, мы справимся все вместе.

Он меня не убедил, но я должна попробовать.

— Инариэль, пожалуйста, следи за ранеными, и лечи их, думай об обычных людях — обязательно, пожалуйста, помогай им, даже в ущерб боевой магии. Хорошо?

Он кивнул. Говорить он больше ничего не собирался, пора было готовиться к бою.

Кара уже стоит рядом со мной.

— Готова? — коротко спрашиваю я.

— Я готова, Мирра. Готова, как всегда. Мы с Каленом вдвоем будем присматривать за тобой. Не знаю, как там работает это все с закрытием, но было бы здорово, чтобы это получилось. Очень хочется вечером посидеть в таверне и выпить и выспаться в своей палатке, а не на этом проклятом ветру где-нибудь на перевале. Тебе ничего не грозит, рядом с тобой лучшие воины наших земель, так что просто делай свое дело.

— Кара, я прошу тебя не рисковать...

— Ха, милочка, если я перестану рисковать — я перестану существовать, вся моя жизнь — это сплошной риск. Мы готовы. Начинай.

Еще раз смотрю на людей вокруг, все на своих позициях, все готовы, у лучников стрелы на тетиве, арбалеты заряжены болтами, воины заняли пока оборонительные позиции. Кара и Кален стоят по бокам, я слышу их дыхание. Кара держит меч на изготовку, Кален же спокойно осматривает свой меч, он расслаблен, ни один мускул не дрогнет на непроницаемом лице. Почувствовав мой взгляд, он обернулся. В грустных глазах запрыгали мелкие бесы, он изнывал в ожидании битвы, он жаждал этой битвы. Его бледные губы сложились в улыбку и он совсем по-мальчишески подмигнул, давай мол, заждались все уже.

— Приготовьтесь, — пытаюсь командовать я. Тонкий звенящий голос, никак не может сравниться с командным рыком Кары или Калена, да и все уже были готовы, но я должна была их предупредить, еще раз. — Поехали...

Первый бой.

Подхожу к золотистому мареву. Я знаю, что стоит мне его коснуться и тонкая грань, созданная, неизвестной жертвой рухнет. Но только так я смогу уничтожить этот разлом навсегда, только так я смогу доказать свою непричастность и остаться в живых (хотя что-то мне подсказывает, что ни один из моих спутников уже не считает меня виноватой, интересный поворот событий всего-то за день). Подхожу к разлому. На груди начинает разгораться голубое сияние, мой хранитель проснулся. Протягиваю руку к золотому мареву. Чувствую колебания, исходящие от пелены, ловлю их, настраиваюсь на такую же частоту и начинаю усиливать. Как я это делаю? Откуда я знаю, как это делается? Понятия не имею. Не важно, чувствую, как истончается завеса, с каждым новым колебанием она все тоньше, а я ее раскачиваю, как маятник, с каждым колебанием увеличивая силу. Туда-сюда, туда-сюда. Слышу треск, так лопается переспелое яблоко, ударяясь о землю. Понимаю, что это и есть разрушение преграды, отскакиваю от преграды, отступаю к своим защитникам.

— Сейчас, — кричу со всей силы.

И как только застывает эхо моего крика, преграда рушится. Все не так страшно, как можно было подумать. Пяток злобных духов. Два демона: огненного я уже видела, Инариэль назвал его демоном Гнева, что ж похоже на правду, в гневе ты будто горишь, самые слабые из демонов, по словам мага, гнев ослепляет и лишает разума, с ними расправиться проще простого. С другим демоном я еще не сталкивалась, но по рассказам поняла, что это демон отчаяния. Странное представление об отчаянии: костлявая женщина в безразмерном балахоне с капюшоном, закрывающим глаза. ОО, летает, и выпускает ледяной конус.... Ужас какой, ну да, отчаяние — это и есть холод. Все правильно. Главное не попасть под этот замораживающий луч. Надо бегать и уворачиваться, Барри сработал на славу, демон отчаяния словил болт прямо в капюшон, повержен. Демона гнева встретили сразу два лучших воина, ему было не устоять, в считанные минуты Кара и Кален уже опять стояли

рядом со мной. На лицах, перепачканных сажей, довольные улыбки.

— Мирра, ты обещала хорошую схватку, а это что такое??? Мы даже разогреться не успели, даже счет не смогли открыть? Один демон на двоих. Давай настоящее веселье, — Кара размахивает мечом, Кален смеется, как мальчишка.

Это их жизнь, они так расслабляются? Понимаю, что это еще только начало и у них еще будет масса возможностей открыть свой счет. Блестящая работа лучников: призраки были повержены, еще даже не успев до конца сформироваться.

— Вторая волна, приготовьтесь, — напряжение, исходящее от разлома нарастает, сейчас уже не до смеха.

Все подобралось, перестали перешучиваться и смеяться. Стрелы на тетиве, мечи и щиты на изготовке. Чувствую, что тут все будет сложнее, уж слишком сильное идет напряжение, уши закладывает. Из ниоткуда, рядом со мной появляется что-то на длинных ногах и с зазубренными передними конечностями. Испугать не успеваю, из тела монстра выходит меч Калена, разрывая, уже не призрачную плоть. Таких монстров еще штук шесть успеваю насчитать, звонко звенят спускаемые лучниками стрелы, слышу победные крики воинов, вижу вспышки магии Инариэля. Пока ничего такого, с чем бы не сталкивались эти люди раньше, с чем бы они не справились без меня все идет нормально. Видимо мой бой еще впереди. Кроме того, появилось еще что-то, но я не могу рассмотреть, мое внимание приковано к разлому, там есть еще что-то.... Что-то очень большое, очень мощное, очень злобное. А вот и оно. Здоровенная туша ростом в три раза выше человека, а может и больше, на голове рога, морда с острыми торчащими зубами, с чем сравнить даже не знаю. Но хуже всего, то что, этот монстр с головы до ног закован в броню, только вот броня не обычная, судя по всему магическая, скорее всего, видеть ее могу я, Инариэль и Кален. Так и есть, болты и стрелы просто отскакивают от этого зверя, не причиняя никакого вреда.

— Кара, не подходи к нему! Кален, командуй воинам на этого монстра не лезть, потопчет он их. Инариэль, это наш враг. Помоги мне.

Кален орет команды, отмахиваясь от каких-то мелких неприятностей. Первая магическая вспышка ударила в грудь чудовища, но вреда не причинила, только привлекла его внимание. Плохо, очень плохо. Магия здесь тоже бессильна. Что же мне делать? Голубое сияние закипает на моем мече. Отлично, но вот проблема, я же ему едва до бедра достаю, так я его не смогу победить, хотя... Надо действовать, думать потом буду. Бросаюсь на чудовище, тихо, бесшумно, не к чему мне привлекать его внимание сразу. Голубой клинок входит ему под колено, легко, словно нож в мягкое масло. Зверь ревет, обращает внимание на меня, забывая о маге. Лягается, я отлетаю от него. Воздух выбивает из легких ударом о землю. Нет времени отдышаться, вскакиваю, хоть меч не потеряла... воительница тоже мне... воительница... ага... Чудище прет на меня, опустив голову для удара рогами, вот этого я уже точно не переживу, надо бежать... Бегу, слышу сзади лязг железа, оборачиваюсь. Это Кален, безумец, отвлекает монстра на себя. Что он делает? Пытаюсь вернуться к монстру, помочь Калену, но тянет меня к разлому, что еще за напасть? Не могу сопротивляться. Подхожу к разлому, дотрагиваюсь рукой до золотистой рамки, вижу, как через мою руку на золотой обод разлома перебираются голубые искры, а потом, собравшись в верхней точке яркий голубой свет бьет монстру прямо в спину. Зверь ревет и очередной мощный удар Калена достигает цели, он попал по руке монстра, та повисла безвольной плетью. Отлично... я каким-то образом сняла с него защитную магию. Еще не все, кое-где магический щит все еще виден, но постепенно он бледнеет. Вот же....

— Очередная волна, — кричу я, в надежде, что мне удастся перекричать весь этот гомон сотни глоток людей и десятков монстров.

Появляются очередные проблемы, отлетаю от разлома. Магический щит монстра тут же вспыхивает с новой силой, и меч Калена, занесенный для удара способного перерубить монстру ногу, просто отбрасывает. Какая жалость... Теперь все понятно, пока я передаю свою энергию этому разлому, монстр лишается своей защиты, видимо моя энергия нарушает подпитку монстра. Нужно назад, к разлому, нужно помочь Калену с этим монстром, без меня он не справится. Пробираюсь, на пути пара призраков, мешаются, придется быстренько разобраться, голубое лезвие рассекает духов, слышу рядом крик Кары «Девять. Кален, тебе меня не догнать уже! Иду к тебе!». Понимаю, что она только что убила что-то за моей спиной. Спасибо! Вот он разлом, одну руку на него, в другую беру взведенный арбалет, мало ли придется защищаться, так хоть как то... Чем дольше держу руку на разломе, тем сильнее становится голубое сияние, и вот голубые лучи бьют не только в здорового монстра, но и рассеиваются по всему залу, щупальцами тянутся к каждому демону. Краем глаза пытаюсь следить за Большой проблемой, Кален и Кара работает слаженно, словно специально тренировались. Бьет один, уклоняется, удар с другой стороны, не дают монстру опомниться, дзинь, бах, дзинь, бах. Но рогатый все еще стоит, то и дело отбиваясь от атак людей. Магического щита почти не осталось, только верхняя часть туловища и голова все еще защищены. Так, а ну-ка надавим энергией, отдадим побольше, что получится? Вижу, как к дерущимся, подбегает Энель, а ты еще куда?? Что-то кричит Калену над ухом. Тот кивает и кричит что-то Каре. Та тоже кивает. Люди, что вы там задумали? Вижу как Кален бросает свой меч на землю. И что теперь? Ой, мамочки, ну ка еще энергии добавим, поняла я вашу задумку. Энель вытаскивает кинжалы. Сейчас Кален ее попробует закинуть на монстра. Так и есть. Кален подхватывает лучницу. Еще энергии, чтобы снять защиту монстра до конца, у Энель будет только одна попытка. Открываю все возможные потоки, выпуская из себя силу. Хватаюсь за разлом двумя руками, увеличивая отдачу энергии. Голова кружиться, слабею, но щит монстра исчезает в тот момент, когда Энель, подброшенная Каленом, вонзает кинжал в плечо монстра. Не очень удачная позиция для решающего удара, но она повисает на одном кинжале, а другой вонзает выше и подтягивается, вот мастерство-то! Монстр ревет и пытается сбросить ее, но Кара отвлекает его на себя, нанося удар за ударом по ногам, да и Кален уже снова вооружен, он тоже вступает в схватку. Вижу все, но глаза уже не мои, я становлюсь легким духом, парящим над происходящим. Нет, я должна еще продержаться, я должна дать им время для решающего удара. Вот Энель уже добралась до шеи монстра. Вот оба ее кинжала вонзаются в огромную шею, и резким движением она разрывает плоть. Ее окатил фонтан черной крови, монстр начинает падать, бессильно взмахивая руками, легким перышком Энель спрыгивает с падающего монстра. Все. Закончилось. Монстр мертв. Слышу, как рядом кто-то шепчет что-то. Открываю глаза. Кален. Глаза все еще полны боевого азарта, но что-то не так, не шепчет, похоже, он кричит что-то. Но я слышу лишь неразборчивый шепоток. Ничего не понимаю. Он держит меня, не давая упасть. Забросил мою руку себе на плечо и что-то кричит. Не старайся, я все равно не слышу тебя. Что-то не так... Моя миссия еще не окончена. Я должна закрыть разлом. Я должна закончить это все. Снимаю свою руку с широкого надежного плеча, падаю на колени. Надо встать... не могу... значит поползу. Кален пытается меня остановить. Злобно на него рычу, не мешай, и так сил нет, еще и с тобой, медведь, бороться... Ползу к разлому. Чувствую его вибрации. Как там я его открывала? Усиливала его темп, а если моя сила будет работать не в унисон с твоей, а в

противовес? Что получится? Надо попробовать. Опираюсь на золото разлома. Берусь за него двумя руками. Остаток сил выпускаю, нарушая равновесное «дыхание» разлома. Его вибрация становится все меньше, мои все сильнее. Еще, еще, еще... получается... Получается... Я дух, я парю над землей, нет, я все еще в том самом зале, но теперь я — дух. Я легче воздуха. Я могу летать. Вот оно, вот то самое место, если направить мою силу туда, разлом будет закрыт. Голубой свет моей сущности ударяет в разлом. Вижу как медленно, нехотя смыкаются разошедшиеся при разломе скалы, я их соединяю? Нет, я просто убираю то, что не принадлежит этому миру, я просто стираю разлом из этого мира. Меня окружает голубой свет, он тянется к разлому и как лечебная магия заставляет стягиваться края раны, так и я сращиваю реальность. Последние усилия. От разлома остается только тонкая золотистая линия... Еще чуть-чуть... Слышу грохот, за пределами этой реальности, разлом исчез. Я сделала это, теперь надо отдохнуть. Моя волшебная суть исчезает, голубое сияние больше меня не поддерживает в воздухе, я больше не дух, я человек и я падаю... Умру ли я когда ударюсь о землю? Не знаю... Нет сил сопротивляться... просто падаю... что-то хватает меня в воздухе... я не ударилась, меня словили...

— Я держу тебя, все закончилось, ты молодец, ты справилась, ты...

Заканчивай, что ты там хотел сказать? Мне же интересно... Открываю глаза, меня держит на руках Кален, голубые глаза полны нежности....

Можно отдышать, он не отдаст меня им. Он обещал...

Знакомство с Рыдгаром.

— Что значит она ушла? Рыдгар, ты хочешь мне сказать, что жертва не была принесена? — руки женщины вцепились в подлокотники трона.

— Госпожа, этот эльф... он спас ее, он ее освободил и помог выбраться, — огромное зеленокожее создание замерло перед тронem, склонив колени и голову.

— Эльф... проклятые дети Равновесия, вечно лезут, вечно смешивают все карты и мешают осуществлению планов. То же самое было и в прошлый раз, но тогда они были сильны, сейчас же это просто кучка сломленных никчемных созданий, и все равно лезут! Надо было их перебить...

— Мы пытались, госпожа, в прошлый раз... они были слишком сильны... мы уничтожили почти всех древних, но некоторым удалось уцелеть...

— Да, знаю я, знаю... И что самое ужасное, если бы они не уцелели, я бы не могла больше ничего сделать, мне нужны они... живые... Только кровь детей Равновесия может разрушить, то что они же создали...

Женщина нахмурила безукоризненно красивые брови.

— Равновесие... Никуда от него не деться...

Она встала. Кроваво-красное платье нежно зашуршало когда она сделала шаг.

— Но твоя ошибка... Задание было проще-простого. Я нашла и привела к вам девчонку, вам всего-то нужно было ее заколоть в нужное время, в нужном месте и я смогла бы, наконец избавиться от этих ненавистных стен моей темницы. Я смогла бы опять вдыхать воздух, а не эту дурацкую смесь дыма, пыли и гари. Тебе этого не понять, несчастный. О, как я хочу вновь увидеть свет того светила, вернуться в тот мир. А ведь план был идеален... какая жалость... прямо тоску нагоняет...

Ее гибкая фигура, была туго обтянута дорогой тканью, расшитой золотом. Покатые плечи были обнажены, платье держалось лишь застежкой на шее, выполненной в форме летящего дракона. Длинные красивые ноги появлялись в глубоком разрезе платья. Пышная

грудь вздымалась и опускалась, лишь слегка прикрытая красной тканью глубокого, доходящего почти до самого сокровенного декольте, казалось, сделай она одно неловкое движение и все ее прелести предстанут во всей своей красе. Но ее это ничуть не смущало, она красовалась перед своим слугой, она дразнила его. Она поставила руки на крутые бедра, где оканчивалась волна черных, как вороново крыло волос. Яркие зеленые глаза смотрели прямо на коленопреклоненного орка, ярко-красные губы скривила презрительная усмешка:

— Какая жалость, что здесь можешь находиться только ты, Рыдгар. Ни одного витязя... в моем окружении, а ведь когда-то... мужчины отдавали жизни лишь за одну возможность меня увидеть... Но, это я отвлеклась. Что же... часть моего гениального плана провалилась из-за вас, олухи, придется опять что-то думать, я не собираюсь из-за этой вашей оплошности лишаться возможности вернуться.

Она задумалась и подошла к высокому стрельчатому окну. За окном живописно извергался вулкан, раскидывая в разные стороны лаву и демонов гнева. Все небо затянуто черными тучами, впрочем, как и всегда в «немире», серость и запустение — это обычные пейзажи. Только шайки демонов и духов мечутся, в поисках развлечений или добычи. Как всегда... Сотни лет она смотрит из этого окна и сотни лет ничего не меняется... как же это уже надоело... Даже победив Белого и Зеленого Драконов, она все равно проиграла... Жертва эльфов, их древняя магия и сила, которой наделил людей Белый дракон, победа была так близка, но вот она здесь... в заточении и все что она могла пока делать, это слегка качать весы Равновесия, нарушая его... Но сейчас она могла совершить невозможное, слить два мира в один, выпустить всех демонов, затопить тот мир болью, гневом, кровью... Всего то нужна была кровь одного из потомков Древних эльфов, одного из выживших вечных... Как сложно было найти эту девчонку... Их осталось так мало... Но она справилась, она нашла ее, она привела к ней Рыдгара, она отдала ее в руки своих могучих детей... Кто же мог подумать, что там найдется еще один потомок Древних, какое совпадение...

— Рыдгар, как этот эльф попал в тайную пещеру черного камня? Твои воины должны были там все охранять? Как он смог мне помешать?

— Госпожа, он пришел через нашу дверь, не могу сказать, откуда, но он вышел из мира демонов, уничтожил отряд, который должен был окончить жертвоприношение и ушел с жертвой тем же путем.

— Один эльф, пройдя через мир демонов, уничтожил отряд избранных воинов? Он должен был умереть едва, вышел из разлома... Не мог же он...

— Да, госпожа, он умирал. Когда жертва, вернулась с ним в разлом. Это видели подоспевшие на шум воины. Они не смогли последовать за ними, дверь закрылась, едва они в нее ступили.

— Как странно... Неужели Древние возрождаются? Это плохо... Проклятье! Наши двери все еще открыты?

— Да, госпожа, и открываются новые, но...

— Еще «но»??? — глаза полыхнули злым огнем.

— Простите, госпожа, я не успел вам доложить. Девушка...

— Жертва?

— Да, госпожа, она не только выжила. Мы почти уже закончили ритуал, когда ее спасли и вырвали из наших рук...

— Ритуал был почти закончен, значит, теперь она принадлежит обоим мирам и этому и тому, и обладает силой, она получила в собственное пользование, то чего добивалась я, у нее

в руках власть над двумя мирами, и значит, теперь она может закрывать мои двери? Это ты хотел мне сказать? На счет жертвы я бы не тревожилась, она не справится с магией такой силы, и уж точно она не сможет ей управлять, то чем могу управлять я, неподвластно больше никому.

— Да, госпожа. Пока она закрыла лишь две двери...

— Что же, придется идти другим путем... Пока открыты двери мы должны призвать верных нам, придется остановить ее в том мире, остановить, но не убивать, Рыдгар, это важно. Нужно, чтобы она была жива, но не могла пользоваться, своим даром, если она уже смогла закрыть двери, значит... есть возможность, что после смерти... она сможет передать свой дар кому-нибудь из оставшихся Древних, а нам потом придется его разыскивать, лучше уж следить за девчонкой и взять ее под контроль. И раз моя магия пока бессильна... полагаться придется на грубую силу... Орден Нейтралитета, я так понимаю, занят не на шутку, о них можешь ничего не говорить, они все уже мертвы, просто пока еще не знают об этом... Что с Видящими?

— Наши шпионы работают хорошо, госпожа, все кто находился в цитадели, готовы вам служить, пока не попали под наше влияние, те, что путешествуют, но орден можно считать уничтожен, никто не принимает молодежь. Продолжателей ордена не будет, а верных вам для наших целей должно хватить.

— А что с магами?

— Они так же под нашим влиянием, после уничтожения архимагов, их желание свободы, как вы и предсказывали, стало еще сильнее, некоторые сопротивляются, но для этих целей у нас в запасе есть Имперцы, они закончат, то, что мы начали, маги больше не будут представлять угрозы, госпожа.

— Всегда любила Имперцев. Какие у них мужчины... — она облизала пухлые ярко красные губы. — Жаль, что они не обладают вашими способностями, Рыдгар, перемещаться между мирами.

— Госпожа, я тоже не могу перемещать сюда своих людей. Только я сам могу предстать перед вами во плоти. Я — шаман. Только шаманы могут.

— Да я знаю, Рыдгар. Но мне нужна энергия. Ты же понимаешь, что я не могу взаимодействовать с вашим миром, не получая его энергии жизни. Пока искала и уговаривала упущенную вами жертву, я совсем истоцилась, очень сложно создавать свои образы в другом мире, изматывает... Рыдгар, а сможешь ли ты переместить сюда одного-двух обычных человек?

— Это сложно, госпожа! Придется приносить много жертв, — орк склонил голову. — И они не смогут тут пробыть долго. Несколько часов, после этого они умрут.

— Мне все равно, пары часов хватит. Надоело мне получать остатки энергии от ваших жертв... Хочу свежей, сильной энергии жизни. Лучше бы, конечно эльфов... но я согласна на все...

— Да, госпожа.

— Ах, да, еще отравите нашим обатом первых отпрысков всех, ну или почти всех знатных родов, скажем так... две трети семей входящих в совет Империи, должны быть уверены, что жизни их наследников завися только от моего благоволения. Что еще? Ах да, что там с Ищущими?

— Госпожа, они не попадают под влияние нашего обата, они устойчивы к нему.

— Значит просто всех убить, пусть умрут вместе со своими древними секретами. И

продолжайте набег, я открою пару подземных дверей, чтобы гномам было чем заняться, и они не высовывались из своих пещер. Ах, да... совсем забыла... это их увлечение... Церковь... с ними что?

— После гибели их главы на совете, можно считать эту змею обезглавленной, сейчас они займутся поиском кандидатов на ее место. Потом будут решать, кто из них достоин этой чести. На ближайшее время они не опасны.

— Хорошо... очень хорошо. Чем дольше ожидание, тем слаще будет исполнение желаний... Иди за жертвами... я жду в своих покоях...

Она вышла из зала, призывно покачивая бедрами. Что же, похоже, ее план провалился из-за неизвестно откуда взявшегося эльфа. Хотя с другой стороны... появилась возможность еще немного понаблюдать за жалкими попытками всего мира противостоять ее могуществу. Нет больше Драконов-защитников. Оба пали в битве с ней. Теперь никто не сможет ее остановить. Остатки их могущества все еще дают о себе знать в эльфах и людях, но, чтобы противостоять ей, этим расам придется объединиться, а это невозможно... слишком они ненавидят друг друга, она усмехнулась, проходя длинными темными залами своей тюрьмы. Да еще и мало будет союза между эльфами и людьми, нужен союз между определенным эльфом и определенным человеком, который вообще невозможен. Древний эльф, должен вступить в союз с одним из ближайших последователей Белого дракона, церкви, а церковь презирает эльфов... Нет, это не станет ей помехой, конечно наследницу Древних надо найти и следить за ней... удобнее всего было бы послать шпиона, который бы втерся к ней в доверие... Но где его найти... нельзя же посылать орка, из него будет никудышный шпион, скорее всего его убьет первый же патруль людей, эльфов или гномов, не важно... ее детей боятся и предпочитают сразу уничтожать... Но есть еще имперцы... есть покорные Видящие, но их быстро вычислят... Лишь бы девчонка не нашла подходящего окружения... Если она просто будет бродить от разлома к разлому и закрывать их... это мелочи... Надо еще раз все обдумать... а то вот такой неожиданно появившийся эльф, может опять все испортить...

Орк встал с колен, и с благоговением посмотрел на трон, вырезанный в виде красного дракона. Венчала трон голова дракона, поручи были вырезаны в виде могучих лап, и длинный хвост с жалом, обвивал весь трон.

— Как прикажете, госпожа.

Шаман, сотворил заклятие и переместился из темных залов немира в свой клан, разбивший лагерь в бескрайних степях. Придя в себя, после перемещения, он вышел к воинам:

— Эй, убийцы, нам тут работа предстоит, госпоже угодно получить двух жертв, желательно эльфов. Так что выдвигаемся, не стоит заставлять ее ждать. А то не сносить нам голов, клянусь своим лабрисом.

Древняя рукопись.

В холодный уже почти зимний вечер в таверне было тепло. Древний камин в углу потрескивал дровами и давал не только дым, но и достаточно тепла, чтобы обогреть помещение. Пел менестрель, звенели соединяющиеся кубки, вкусно пахло готовой, расставленной по столам едой. За столом в дальнем углу сидели двое. Полумрак в этой части общей комнаты, разбавляли только свечи на одиноко стоящем столе. Этот стол хозяин специально оставлял для таких гостей, когда в лагере находились все трое: Командор, шпионка и Ищущая, столик всегда оставлялся для них, подальше от простых посетителей, не

многие солдаты решались употреблять горячительные напитки под пристальными взглядами своих командиров, а это вводила хозяина в убытки, поэтому, для высоких гостей он оставлял столик в самом углу. В последнее время, к уже привычным людям стали присоединяться эльф-отступник и гном-бард. Странная это была компания, но они никогда не скупилась. Жан так и не подпускал своих дочерей к Видящему и бегать приходилось ему самому.

Три дня назад эта странная компания вернулась из древнего форта, потом солдаты, побывавшие там, рассказывали, как какая-то эльфийка прямо у всех на глазах испарила разлом. Им не верили сперва, но потом эту же историю, стали рассказывать их командиры. У людей появилась надежда. Все хотели знать кто она, эта чудесная спасительница, самые смелые осторожно расспрашивали Ищущую или Видящего, но те лишь грозно сверкали глазами и говорили, что спасительница, пока не может предстать перед публикой, по причине недуга. Жан слышал, что командор нес ее на руках из самого форта, а она была без чувств, верить в это он не собирался, не тот это человек, чтобы Видящий носил девицу на руках... немыслимо... а потом зеваки на площади стали свидетелями ссоры между отцом Мартином и всей странной компанией. Это корчмарь видел своими глазами: отец Мартин намеревался войти в дом местного целителя, но дорогу ему преградил эльф-отступник, рядом с которым уже через мгновение появился гном. Солдаты, увидавшиеся надвигающуюся бурю, и возможное, смертоубийство позвали Ищущую, она отвечала за порядок в поселении, она должна была знать. Зеваки довольно потирали руки, ожидая, что сейчас и эльф и гном получают от воительницы на орехи, но, к всеобщему удивлению, она встала на их сторону, обратившись против отца Мартина. Отец Мартин кричал, что преступница должна быть казнена, что это святотатство, говорить, что она закрывает разломы, лишь Создатель способен на такие деяния. Отец Мартин шумел, вокруг собиралась толпа. Но когда на шум появилась шпионка и тоже встала рядом с гномом, толпа перестала бесноваться, похоже драки не будет... Отец Мартин бушевал, призывая Видящего, чтобы он подтвердил правомерность его притязаний. Бедный отец Мартин, он не мог подумать, что на его призыв откликнется Командор. Подойдя к домику лекаря, командор встал между беснующимся представителем церкви и его оппонентами. Одним взглядом он всем приказал замолчать. В повисшей тишине, его слова звучали как гром: Никто не объявлял девушку десницей Создателя, но многие видели, что она сделала. Она не может быть казнена по прихоти церкви. Если церковь что-то не устраивает, первым с мечом в руках защищать право девушки на жизнь будет он, Видящий, собственноручно. Вторым доказывать невиновность девушки вызвался эльф, а за ним свое слово сказала и мастер-шпион, гном и Ищущая тоже не остались в стороне. Но церкви было достаточно уже и первого аргумента. Командор спокойно стоял в центре толпы, играя кинжалом. Злобно крича, что будет требовать изгнания Калена из ордена за святотатство, отец Мартин удалился.

И вот уже несколько часов эльф маг-отступник сидел в компании Видящего, Жан не мог поверить своим глазам, но они пили и ели за одним столом, злейшие, непримиримые враги, сидят за одним столом и мирно беседуют, попивая отменный эль.

— Прошло уже три дня, Инариэль, а наша героиня так и не пришла в себя. Все: и солдаты, которые оставались в лагере, и простые крестьяне хотят узнать благодаря кому они получили эту передышку. Те, кто был там уже такие легенды рассказывают, что скоро все решат будто она последний выживший архимаг. Энель проходу не дают, так же как мне и Каре, но всех интересует, кто смог закрыть разлом, а нам и сказать-то им нечего. Она не приходит в себя.

— Я не могу ускорить этот процесс, Видящий. Я не понимаю, как это работает, но видимо, для закрытия разлома она использует свою жизненную силу, и потом ей просто нужно время, чтобы восстановиться, пока ее энергии хватает лишь на поддержание жизни, нужно время. И, раз уж мы заговорили о ней, я хотел бы... прояснить ситуацию...

— Если ты опять про демонов, то я не хочу об этом говорить... Дух нам все пояснил... У меня нет причин не верить ему...

— Я не об этом хотел поговорить...

Кален напрягся, но постарался не подавать вида.

— Да? О чем же тогда?

Инариэль взял кубок и задумался.

— Ну, что же ты молчишь, хотел поговорить и молчишь?

— Кален, признай, что те два духа выбрали нас не просто так. И ты и я... Мы оба что-то чувствуем к ней, мы оба хотим... одного... вернее одну...но, по словам духа, ей нужен только один, я не хочу быть твоим соперником, боюсь, что для меня это плохо кончится, поэтому если... — он посмотрел на воина и внутренне поежился, да уж это точно, он не хочет становиться на пути у этого человека, и если для этого придется уступить ему девушку... ну что же, наверное, так должно быть, тем более, что Видящий заранее в более выгодном положении, он может дотрагиваться до нее не боясь получить разряд молнии. — Я чувствую себя полным дураком. Поэтому скажу быстро: если ты..

— Остановись, — глаза Видящего впились в лицо собеседника. — Я уже говорил тебе, что я не могу позволить себе такую роскошь, как мечты об обычной жизни. Я должен признать, что хотел бы этого, но... Ты сможешь ей дать больше, чем я. Никто не знает сколько мне осталось, я не хочу чтобы меня вспоминали безумным полководцем, поэтому я должен буду уйти раньше, я не хочу, чтобы мой... уход повлиял на кого-то и что-то изменил... Я буду ей другом и поддержкой, все оставшееся мне время, но... — он прочистил горло. — Я не допущу... ничего такого... ну, другого... ты понимаешь, о чем я...

— Вы оба болваны. Стою вас слушаю и ушам не верю, — Барри придвинул стул к их столику. — Не кипятитесь, вы уж слишком были увлечены своими глупыми мыслями, чтобы заметить мое появление. Не перебивай меня, человек, я слушал тут твой бред, а ты послушай меня. Ни ты, мой друг эльф, ни ты, человек, ничего здесь не решаете, вот ровным счетом ничего. И ошибка ваша, в том, что вы забыли спросить еще одно заинтересованное в вашей дискуссии лицо... Вы не услышали главного, что сказал ее хранитель, правда не напрямую, но между строк читаемо. Он сказал, что выбирать будет она, а он будет ее направлять и помогать, так что эти ваши взаимные уступки... сущая глупость. Вы должны понимать, что станете соперниками, так или иначе, и вот когда она свой выбор сделает, важно вам тогда будет проявить благоразумие и не поубивать друг друга или не напасть вместе на того, кого она выберет. Так что, мальчики, расслабьтесь, та, что может решить ваш спор, пока что в себя не приходила. Пейте и наслаждайтесь. Сомневаюсь, что это затишье продлится долго. Ваш пыл вам в бою пригодится, а не здесь...

Гном отхлебнул из кубка и вытер бороду.

— Ты... - закипая от гнева Кален даже встал со стула.

— Несносный гном, я знаю, наша общая подружка Кара только так меня и называет. Вот же... Стоило о ней вспомнить, как она собственной персоной...

— Кален, есть дело.

— Присаживайся, Кара, — ни о каком приватном разговоре с магом больше и речи не

могло идти, что не могло не порадовать воина, и Кален, с готовностью, подвинул стул для Кары.

— Я читала древние кодексы, и хотела бы кое-что обсудить с вами всеми, Энель я тоже позвала, она сейчас подойдет, я нашла кое-что интересное.

— Отлично, так может, пойдём в командный пункт?

— Нет, то, что я нашла так или иначе коснется всех здесь находящихся, поэтому обсуждать предлагаю здесь. Да и выпить можно было бы. Ждем Энель, и я расскажу все. А вы о чем сплетничали?

— Расшаркивались друг перед другом за внушенные демонами мысли и слова, — быстро ответил Барри. — Ты же видела, что они уже готовы были вцепиться друг дружке в глаза в тот момент... Только вот о чем они думали ни один не признается. На чем демоны сыграли-то? На извечной ненависти магов и Видящих надо полагать? — и гном хитро подмигнул обоим мужчинам, делая вид, что отпивает из кубка.

— Заждались? Кара ты тут уже всех собрала, как я вижу. Что за тайное собрание у нас сегодня? — Энель тоже уже стояла у столика.

— Меня больше интересует другой вопрос: Кара, с каких пор ты начала интересоваться древними текстами? — поморщился Кален.

— Это уже не важно, — немного смутившись, ответила Кара. — Важно, что я нашла. Кален, ты помнишь историю основания твоего ордена?

— Смутно, это было не так интересно, как воинское дело...

— Кроме того, готова поспорить, ты частенько не являлся на уроки по истории ордена... — легко толкнула его в бок Энель.

— Не смущай меня.

— Да вы дадите мне сказать или так и будете болтать? В одном из древних манускриптов рассказывается о том, как некий древний орден претерпел изменения необходимые к тому времени и разделился на 3 ордена: Видящих, Ищущих и Нейтралов. Все мы изначально были одним целым, а было это...

— В годы последнего затмения. Когда армии орков ринулись в наш мир, и всем народам пришлось объединяться против этой напасти, — вставила Энель.

— Это была черная война, в которой погибли бессмертные эльфы, унеся с собой величие нашего рода и тайны древней магии, — добавил Инариэль.

— На той войне пали лучшие, и только жертва Создателя дала нам силы объединиться и одержать победу над орками, и изгнать Красного дракона из нашего мира, и в это время появилась церковь и они начали нести свет Создателя всем живущим, — Энель цитировала Великую книгу церкви. — Мы все это знаем, Кара, а к чему это экскурс в историю?

— А к тому, дорогая моя, подруга, что церковь появилась несколько позже и возглавила то, что оставалось от объединяющей силы, точнее она стала приемником именно того ордена. Перед появлением церкви, последние могущественные воины объединились и взяли на себя роль защитников перед лицом ступающей тьмы. Но самое интересное не это. Читая этот документ, я поняла, что все, что описано там, происходит сейчас здесь с нами, — Кара достала древний документ и положила его на стол. — Смотрите: «Когда вернется тьма, и двери будут распахиваться все чаще, не устоит ни одна сила, Алая вернется, этого не остановить. С ее возвращением, мир погрузится во мрак. Настанет время соединения и придет час расплаты. И будет Избран один из Древних, и обретет он силу, но будет слаб, пока не познает себя. Только наследник Древних сумеет сплотить народы, неся в себе зерно

Равновесия. В это время сложных решений, Хранители, должны возродиться, ибо только то, что было разъединено, сможет вернуть миру его лик. Рядом с Избранным, будут Последние, и малое их число не станет помехой, для начала их большого дела. Они объединят и поведут большое войско, против возродившегося зла, красная тень будет повержена, если рядом с Избранным будут: тот, кто видит; тот, кто ищет; тот, кто знает; тот, кого нет и быть не может; тот, кто не смог выбрать. С их помощью обретут утерянное, те кто утерьял; и познают, жаждущие знаний, и придет мир. Даже зеленые узреют свет и примут его. Без Хранителей. Избранный будет повержен, и его поражение станет концом всего».

— Кара, где ты это нашла? — Энель удивленно приподняла бровь. — в Великой книги нет ничего такого.

— Ты удивишься, Энель, но этот документ выпал из Великой книги, хранящейся в местном книгохранилище. А вместе с ним был еще один документ, рекомендующий не включать сведения о Хранителях в Великую книгу, и рекомендация уничтожить данный документ, как «наследие темного времени». Но он не был уничтожен, и я сегодня нашла его. Какие мысли есть у вас?

— Я не понимаю ничего. Какие-то двери, какое-то что-то там алое, какие-то последние, мне это не говорит ни о чем, — потер лоб Кален.

— Двери — это разломы, это понятно, — заговорил Инариэль. — И будет он слаб — это про нашу Мирру, она Избранный. То, что было разъединено — это скорее всего именно про распавшийся на разные ветви орден: тот что может видеть — это ты Кален, Видящий, тот что ищет — это ты Кара, тот что не смог выбрать, если подходить рационально и мыслить логично, то — это скорее всего про представителя ордена Нейтралитета, а вот про знающего... я не знаю таких орденов...

— Инариэль, это про тебя. Это ты у нас общаешься с древними духами, и обладаешь потрясающими познаниями во многих областях, разве не так?

— Но там сказано, что рядом с избранным должны быть последние. Из всех нас, только Инариэль может считаться последним. И я, и Кара, лишь представители своих орденов, мы не последние, мы одни из многих. И у нас нет никого из Нейтралов. Очень уж похоже на древнюю... но беспочвенную панику... Да и что такое алое без чего должен остаться мир?

— Мы можем не понимать всего. Попадись этот документ кому-то годом, даже месяцами раньше, никто бы не воспринял его всерьез, но сейчас... Сейчас мы видим, как все чаще появляются разломы — двери в мир Демонов, и появилась Мирра, просто как снег на голову свалилась, вместе со своим другом-духом. Быть может, потом мы сможем понять и все остальное? Но сейчас мы должны использовать этот древний документ и руководствоваться им. Мы должны возродить древний орден, — Кара уже повышала голос. — У нас нет другого выхода, мы должны взять ответственность на себя, и нам же придется принимать решения. Если мы этого не сделаем — Миру доставят в столицу и казнят, как преступницу, не разбираясь. Мы должны стать высшим органом, который будет принимать все решения. Военный трибунал. Нам нужно сделать, так чтобы к нам прислушивались, чтобы именно наши решения становились единственно верными. Нам нужен авторитет и уважение и союзники.

— Кара, мы не можем этого сделать. Это противоречит всем законам. Мы не можем ссылаться на этот документ, он ничего не значит. Никто не даст нам заполучить такую власть. Единственное что мы можем пока делать, это попробовать, найти доказательства того, о чем говорится в этом документе и попытаться спасти Мирру, укрыть ее от жаждущей

жертвы церкви. Когда действительно появится эта красная тень, тогда можно будет о чем-то говорить. А сейчас... это просто кусок древнего предсказания, не более того...

— Пока что, мы можем действовать скрытно, заключать союзы, искать соратников и тихо делать свое дело, — гном посмотрел на сидящих за столом людей. — У нас для этого есть все: Энель — была правой рукой ее святейшества, пока не избрана новая главная жрица — ты можешь взять на себя решение кое-каких вопросов, Кара и Кален, после гибели глав орденов на совете, стали старшими в своих орденах, по крайней мере, здесь и сейчас, я знаю про ваши цитадели и оставшихся там глав, но здесь, вы старшие представители и можете действовать от лица своего ордена. Инариэль у нас вообще сам по себе, ему не надо никого спрашивать. Я тоже птица вольная. Хотя про гномов в документе-то ни слова, ни полслова. Я считаю, что предложение Кары — отличная мысль. Только мы видели, на что способна Мирра, только мы понимаем, что без нее у нас шансов... нет... Но она всего лишь слабая девочка, вон уже три дня без сознания, после одного разлома, а вот наша помощь, ей будет очень кстати: шпионы у нас есть, командующий войсками тоже в наличии, нам бы дипломата какого-нибудь, да со знанием дела. Вы и станете тайным советом, тайной возрожденной организации. Мирра занимается своим делом, расширяя наше влияние и авторитет, показывая на своем примере, чем мы занимаемся, а вы — своим, ее только направлять надо будет. Как вам мое предложение? Создаем тайное общество, которое будет оставаться тайным, пока не придет его время?

— Вы меня совсем запутали. Чем заниматься будет наше тайное общество? И какова роль каждого из нас? — Кален был совсем не в восторге от происходящего.

Энель пригубила из кубка и улыбнулась.

— Мы совсем сошли с ума. О чем мы тут говорим? Кого мы слушаем? Гнома?? Ради чего и ради кого мы готовы рисковать всем? Ради Мирры, которая непонятно откуда появилась и вообще не понятно, что из себя представляет? Кому мы поверили?? Неизвестному духу, якобы пытавшемуся всех спасти? Хотя идея тайного общества мне нравится, я точно сразу найду, где применить мои таланты, но это же... противоречит всему, чему мы служили до сих пор...

— А ты оглянись вокруг. Маги и Видящие уничтожают друг друга вместе со всем, что им попадает под горячую руку. Никто не может бороться с разломами и демонами, выходящими из них. Нейтралы не справляются, да и без магов толку от них немного. Мы должны защищать жизнь! Это наше основное призвание, все наши действия должны быть направлены на это. Разве не в этом смысл нашего служения Церкви, Орденам? Мы должны служить людям! Так давайте же сделаем то, что должно!

— Кара, успокойся, — Кален смотрел на подругу и не узнавал ее. — Я согласен, мы не можем сидеть в стороне и ждать приказов от кого-то. Но тайное общество????

— Ладно, вы... наземники. Пусть будет нетайное, просто объявите себя... главными и действуйте, и не надо никаких манускриптов... Делайте, что обычно, просто с большими полномочиями... Как с вами людьми сложно-то. Я берусь бродить с девочкой по разломам и помогать ей с демонами, все равно — это лучшее, что я могу. Проблема только в том, что... прикасаться к ней после закрытия никто не может, кроме Калена. Не разбивать же лагерь вокруг нее??? да и без Инариэля с его припарками и снадобьями, нам в походах не справиться. Вот и формируется отряд, небольшой и мобильный... не армией же расхаживать по городам и весям... Ну, что? Как думаете?

— Ерунда какая-то... — махнул рукой Кален.

— Кален, Энель, мы все были в растерянности, после срыва совета. А это — это решение, которое мы искали. Разве нет?

— Это так. Решено. Не стоит никому знать про манускрипт, просто говорим, об образовании нового союза ради сохранения жизни, предлагаем всем желающим присоединиться к нашей борьбе и налаживаем отношения со знатью, дабы нас воспринимали всерьез. Нужны представители при обоих дворах. Я буду представителем церкви в ордене, Кален — будет представлять Видящих, Кара — Ищущих, нам нужен представитель от магов и, желательно, Нейтралов. Таким образом мы будем тем самым советом, который не состоялся, а еще представители правителей. Название есть — Хранители, нужен символ, чтобы его узнавали. Проще всего объединить символы всех орденов в одном: Щит — нейтралов, Меч — Ищущих и Сокола — Видящих. Пусть будет щит с соколом, а за ним меч. Как вам? И есть у меня один человек на должность дипломата, она отлично справится. Ну что же дамы и господа, теперь мы не представители разных орденов, теперь мы новый орден Хранителей. Я разошлю письма, извещу всех о сложившейся ситуации и принятом нами решении. Теперь нам остается только доказать всем, что это не просто название, что мы готовы действовать и будем действовать. Кален, на тебе подготовка наших войск, и все военные операции, нам нужны преданные и хорошо обученные люди и в этом тебе будет помогать Кара. На мне разведка. Барри, тебе нужно будет наладить наши отношения с твоими братьями торговцами, нам понадобится и вооружение, и доспехи в большом количестве, а лучше, гномьих, я не знаю. Инариэль, честно говоря, я даже не знаю твоих возможностей, скорее всего ты станешь постоянным спутником Мирры, ей придется много путешествовать, а мне кажется, что у вас хорошо складываются взаимоотношения, ей будет нужна помощь. И сегодня же вызову сюда свою знакомую, она будет налаживать наши контакты со знатью. Все согласны? — Энель, посмотрела на сидящую за столом разномастную компанию.

— С этим-то все понятно, — пробурчал в бороду гном. — Да вот только наша главная надежда все еще в себя не пришла.

Учителя.

Открываю глаза и вижу над собой яркое, голубое небо. Солнце разливает свой свет и дарит тепло. Дует теплый легкий ветерок. До головокружения вдыхаю запах свежей зеленой травы. Оглядываюсь. Я лежу на мягком ковре сочной травы. Встаю, чтобы осмотреться, хотя очень не хочется, но понимаю, что это необходимо, потому, что я совершенно растеряна и не знаю, где нахожусь. Помню ведь я совсем другое. Помню развалины старой крепости, помню, как открывала разлом, чтобы потом его запечатать, помню, как Энель запрыгивала на монстра и ее кинжалы рвали его плоть. Помню запах его крови, помню, как отдавала свою жизнь, медленно по капле вливая ее в энергию разлома, ослабляя его, чтобы помочь Энель. Помню, как теряла сознание, помню, как Кален бросился мне на помощь. А вот больше ничего не помню. И как мои воспоминания можно связать с тем, что я вижу сейчас? Может быть мне все приснилось? Нет никаких разломов?! Кара, Энель, Барри — все они просто мне приснились??? И Кален???? И Инариэль??? Это был кошмарный сон, ведь сейчас надо мной яркое небо, никаких серых туч разломов, никаких тебе демонов, никаких тебе проблем, живи и радуйся.

Стою, оглядываясь по сторонам. Безбрежный зеленый океан вокруг. Ветерок катит нежную гладь зеленых волн. Вдали видна могучая зеленая стена леса. Может прогуляться по этому океану травы. Я не узнаю этого места... Хотя, чему тут удивляться, я и себя-то помню

только с того момента как Кара меня водой облила. А может быть она меня не обливала? Может быть то, что было — не настоящее?? А настоящая я здесь и сейчас? Иду по высокой траве. Только возникает несколько вопросов: что это за место, как я здесь оказалась и почему я тут одна, где население этого удивительного места? Ничего... я разберусь, вот сейчас осмотрюсь и разберусь. Дотрагиваюсь до травы, веду по ней рукой, наслаждаюсь ощущением, ростки приятно щекочут раскрытую ладонь. Как бы мне хотелось, чтобы тот мир был сном, а этот реальностью... Хотелось бы??? И что?? А что если — это сон, а там реальность, и пока я тут наслаждаюсь ощущениями, там пытаюсь меня защитить, сражаются мои спутники? Что если из-за моей минутной слабости кто-то из них будет ранен или погибнет?? Надо срочно определяться с реальностью. Щипаю себя плечо. Больно... Значит — это реально... Но вот... что-то не так... Глаза Калена, когда он смотрел на меня, это не может присниться. А Инариэль, и его нежная улыбка??? А Кара с ее твердолобой правдивостью?? А Энель с ее таинственными взглядами??? А Барри с его чудесной настойкой и вечно смеющимися хитрыми глазами и яркой копной рыжих волос?? Неужели такое может присниться??? Оглядываюсь. Вокруг ни души, только порхают бабочки с крыльями всех цветов радуги. Надо сходить к лесу, если мне это снится, я или не доберусь туда, или окажусь там, словно по волшебству. Иду... собираю по пути цветы (как же они пахнут!!! Просто волшебство!!!), плету венки на ходу. Лес медленно приближается. Какой-то уж слишком правдоподобный сон. А если мне все приснилось? Что тогда? Тогда все хорошо... Я могу спокойно жить дальше, только вот что-то колит в груди, когда думаю, что больше не увижу наяву ни Калена, ни Инариэля... Я буду их искать в этом мире, ведь не зря же они приснились, они должны существовать на самом деле. Слезы начинают щипать глаза. Вот еще, не хватало разреветься. Чтобы прервать поток грустных мыслей, перехожу на бег. Бегу к лесу. У меня из-под ног разлетаются бабочки, трава хлещет по ногам. Какая свобода... Ускоряюсь, пытаюсь обогнать ветер. Он быстрее, но я стараюсь не отставать. Становится труднее дышать, притормаживаю, останавливаюсь, чтобы отдышаться. Все по-настоящему. Лес уже недалеко, еще немного, и буду на месте. Красота-то какая...

Иду медленнее, мне незачем спешить, все тихо, весело играет моими волосами ветерок, а весь остальной мир будто замер. И тишина... Уже отчетливо видны величественные деревья, подпирающие своими верхушками небеса. Виден густой кустарник, усыпанный разноцветными цветами. Можно залюбоваться. Останавливаюсь... люблюсь, когда еще я такое увижу...

Мысли возвращают меня в мой кошмар. Да, мне это приснилось. Осматриваю себя, нет никаких ранений, нет даже ссадин. На мне белоснежная туника, тончайшей работы (как она может быть белой, если я в сражении принимала участие?), зеленые узкие штаны, мягкие и удобные и сидят отлично, на ногах легкие кожаные сапоги. Красивый пояс, расшит камнями, их сложный узор складывается в прекрасные цветы. Очень красиво. Дотрагиваюсь до волос. Чистые, мягкие. Две тонкие косички, убирая волосы от лица, сзади сплетаются в одну, остальные волосы распущены. Чудесные ощущения. Перевожу взгляд на лес, раскинувшийся теперь вширь уже от горизонта до горизонта, и вижу, что на опушке кто-то стоит. Ну вот, а я боялась, что я здесь совсем одна... вот же есть кто-то...

Направляюсь к стоящему на опушке человеку. Рассматриваю его по дороге. На нем длинный светлый плащ, нет, скорее это балахон мага, серебряный с каким-то очень тонким рисунком. Стоит расслаблено, смотрит на меня изучающе, заинтересовано. Длинные светлые волосы, обрамляют утонченное лицо, он горделиво выпрямляет спину, хотя и

опирается на посох. Подхожу еще ближе. Это не человек, это — эльф. Молодое лицо, ни одной морщинки, светлый, чистый лик. Смотрит на меня доброжелательно, но на встречу не идет, но и не торопит, просто смотрит на меня. Подхожу к нему и останавливаюсь в нескольких шагах от него. Как бы разговор начать. Я ведь даже не помню, как положено, обращаться к собеседнику в таких случаях. Изучаем друг друга некоторое время. Лицо у него действительно молодое, а вот в глазах читается многовековая мудрость и волосы у него не светлые, а седые.

— Насмотрелась? — начинает он разговор. Его голос звучит словно песня горного ручья, такой же тихий, такой же мелодичный...

— Простите, я была не учтива...

Он смеется в ответ.

— Ты заставила себя ждать. Но тебе это простительно. Налюбовалась красотами?

— Здесь чудесно. Но где мы?

— У меня нет ответов на твои вопросы, Избранная. Честно скажу, мы удивлены, выбором провидения, но не нам его осуждать, мы здесь лишь для того, чтобы ты смогла справиться с тем, что ты получила, не нарушая равновесия в мире и без смертельных последствий для себя.

— Так это сон?

Старик посмотрел на меня и хитро улыбнулся.

— А тебе бы хотелось, чтобы сном было твоё сражение с монстром и данная тебе возможность закрывать разломы? И твои соратники тоже должны тогда быть сном? Ты бы это хотела? Чтобы они были сном? Все??? Ты уверена в своих желаниях?

— Я... нет... я не уверена... но здесь так тихо, так красиво, так хорошо... так...

— Спокойно??? А как же еще здесь должно быть??? Это мир вечного лета...

— Я не понимаю, о чем вы говорите...

Он посмотрел на меня внимательнее...

— Не удивительно. Твоя память чиста, там лишь воспоминания нескольких прошедших дней и все... ни детства, ни юности, ни древних историй нашего рода. Ничего... Но я не стану тебе ничего объяснять, мы здесь не для этого.

— А для чего тогда?

— А ты нетерпелива, Избранная. Именно это и может стать причиной твоей гибели. То чем ты владеешь... нет, не так... то, чем тебя наделили, не терпит такого отношения. Все должно быть плавно, спешка не принесет пользы никому. Ты уже едва не погибла, когда закрыла свою первую дверь сама. В первый раз, мы сделали это за тебя, мы не можем вмешиваться, но это был исключительный случай... равновесие должно быть соблюдено, а ты сейчас единственный шанс его соблюсти, нам пришлось вмешаться. Больше такого не повторится. Но ты здесь именно для того чтобы научиться не спешить и использовать свой дар, хотя многие назвали бы это проклятием, но не нам об этом судить. Я должен научить тебя закрывать двери, распахнутые не тобой, без особого ущерба для тебя. Хотя, я должен признать, это всегда опасно, всегда требует... определенной жертвы... Я научу тебя использовать другую энергию для закрытия дверей, не твою жизненную силу... Если ты будешь закрывать двери своей жизненной силой, боюсь, до решающей битвы ты просто не доживешь. И это будет концом всего... Давай-ка присядем, разговор будет долгим.

— Почему я избранная, кем я избрана. И что все это вообще значит?

Эльф недовольно нахмурился.

— Я же уже сказал тебе, что у меня нет ответов на твои вопросы. Ты не слушаешь меня? Он сел прямо на траву и похлопал рядом с собой.

— Садись, Избранная. Вместо тебя должен был быть другой, его не пришлось бы обучать, нам бы не пришлось вмешиваться, он все знал, но ты... — старик пригладил волосы. — Ндааа, во истину, мы лишь предполагаем, случай все расставляет на свои места. Итак, давай я начну свой урок...

— Кто должен был быть вместо меня? Будут еще и другие учителя?

— Да, будут. Я научу тебя лишь управлять энергией, все остальное будут делать другие, у каждого из нас, свои навыки, которыми мы должны с тобой поделиться. И запомни, пожалуйста, привести тебя сюда — было непросто, впрочем, как и удерживать тебя здесь. Поэтому слушай внимательно и запоминай, а еще лучше сразу попробуй делать, то чему тебя будут учить. Времени немного, а научить тебя надо многому. Итак, мой урок начнется с того, что я расскажу тебе, что закрывать двери, действительно можно только энергией созидания, ты нашла эту энергию в себе, твоя жизненная сила — это и есть энергия созидания, энергия жизни. Но это не единственный источник энергии созидания. Посмотри вокруг. Что ты видишь?

— Трава, лес...

— Правильно. Трава растет, она пробивает почву, стремясь к солнцу, и использует она при этом энергию созидания. Ведь до того, как появился этот росток, был сгусток энергии, заставивший этот росток расти — это и есть энергия созидания, все, что окружает нас — это неиссякаемый источник энергии созидания. Трава, деревья, солнце, ветер, вода — в основе всего этого энергия созидания. Всю эту энергию, ты можешь черпать из этих источников. Ни трава, ни воздух, ни солнце — не потеряют ничего, если ты научишься это делать правильно, и ты больше не будешь падать в обморок, после закрытия двери, потому что будешь использовать не ту энергию, которую потом придется восстанавливать в беспомощности...

— Я поняла, ответов от тебя я не дождусь.... Только нравоучения...

Учитель посмотрел на меня очень внимательно. Сначала он хмурился, но потом лицо его прояснилось, и он улыбнулся.

— Ты очень молода. В тебе есть то, чего нет уже ни у кого из нас — азарт и интерес ко всему. Твой пылкий ум пытается найти ответы во всем, даже там, где быть их не может, а потеря памяти, лишь усиливает твоё стремление к познанию. Видимо поэтому ты и была избрана. Но даже ты не сможешь все сделать в одиночку, тебе потребуется помощь, ты ее будешь находить в совершенно невероятных местах, рядом с тобой будут очень разные люди и не только люди. Я не дам тебе ответов, не потому что я старый вредный эльф, а потому, что твои поиски ответов будут вести тебя в твоей борьбе. Получи ты все сейчас, и ты просто не выполнишь свое предназначение. Я не могу дать тебе ответ, но могу дать совет: береги тех, кто тебе будет помогать, и не переставай искать ответы даже тогда, когда все вспомнишь. Твой враг знает все, ты же напротив, не знаешь ничего, но ты будешь узнавать и возможно ты узнаешь что-то, что сделает тебя сильнее, но главное — идти вперед, в этом твоя сила, не потеряй ее. А теперь, я хотел бы продолжить свой урок. Ты готова?

— Готова, выбора у меня, как я понимаю, все равно нет?

Он сокрушенно покачал головой.

— У тебя есть выбор: ты можешь попытаться все исправить, а можешь просто сдаться. И сейчас я должен знать, готова ли ты сражаться? Если ты выберешь другой путь, мне нет смысла учить тебя... Ты готова дать мне ответ?

Я закрываю глаза. Пытаюсь думать о том, что мне это не нужно, что я не хотела быть избранной, что я не могу всех спасти, меня бы кто-нибудь спас, меня сделали какой-то избранной даже не спросив меня... и пока я так думаю я вспоминаю допрос у Кары: осуждающий взгляд Энель, полный скрываемой ненависти взгляд Кары, и холодные пустые глаза Калена... Разве этого я хочу? Разве не это я получу, если сдамся, если я их всех подведу? Но хочу ли я этого сама? Не ради кого-то, а для себя? Ответ пришел ко мне видением. Я видела пир, Энель и Кара болтали с кубками в руках, на Энель было шикарное платье темно-зеленого цвета, подчеркивающее красоту ее глаз, даже на Каре было платье!!!! Они приветливо мне помахали, приглашая присоединиться к ним, я уже сделала шаг им навстречу, когда мои глаза закрыла чья-то теплая рука, а другая теплая ладонь легла на мою талию, настойчиво, но нежно призывая меня остановиться: Ты уверена, что хочешь к ним? Может быть, ты все-таки предпочтешь мою компанию? — зашептал на ухо мне мужской голос. Там я знала, чей это голос и, конечно, я выбрала его... Но стоило мне открыть глаза, я уже не смогла вспомнить его тембр, интонации, даже звучание... Но в нем было столько тепла, столько любви, что у меня по спине пробежали мурашки. В этот момент я уже знала ответ на вопрос старца, я готова была сразиться с армией демонов, лишь для того, чтобы однажды услышать этот шепот.

Старец смотрит на меня в ожидании ответа, я должна сделать свой первый выбор сейчас.

— Я готова сразиться и умереть, если потребуется, хотя мне этого совсем не хочется...

— Это удивительное место, здесь прошлое, настоящее и будущее встречаются. Видимо, ты увидела в будущем что-то, что вдохновило тебя... или кого-то... — эльф улыбнулся. — Могу сказать тебе точно только одно, все, что ты увидела, может случиться, но только если ты пойдешь по правильной дороге. Первый шаг ты уже сделала. А теперь я расскажу тебе, о том, как использовать твой дар и не погибнуть... Для начала я напому... научу тебя видеть окружающую тебя энергию созидания. Для того чтобы использовать ее тебе необходимо не просто понять, а принять, что ты не являешься чем-то особенным, ты всего лишь часть огромного мира. Такая же часть как каждая травинка, каждый лист на дереве, каждая букашка в траве, каждый порыв ветра. Закрой глаза и теперь представь себе горный ручей, ты видишь его? Хорошо. Теперь услышь, как он журчит. А теперь представь себя каплей в этом ручье, ты всего лишь капелька влаги, быстрый поток несет тебя и тысячи тысяч таких же, как ты капелек в неведомую вам даль. Ты не можешь знать, что случится с тобой, быть может, именно ты окажешься на камне и высохнешь под лучами солнца, или именно тобой утолит свою жажду зверь, пришедший на водопой, но не это важно сейчас, важно, что ты часть целого, и пусть без тебя это целое существовать и не перестанет. А вот ты, без этого целого, перестанешь быть его частью, ты перестанешь быть совсем. Ты понимаешь, что я пытаюсь тебе сказать?

— Да, учитель, я понимаю.

— Замечательно. Ты часть природы, неотделимая ее часть. Всегда помни об этом. Твое единение с природой будет тебе полезно. Продолжим. Как часть чего-то, ты обладаешь всей силой целого, ведь если внимательно присмотреться к ручью, то весь его поток состоит из маленьких капелек, но вместе — это горный ручей. Ты можешь использовать мощь целого, являясь его частью. Что ты чувствуешь сейчас, когда ты понимаешь, что, являясь частью, обладаешь всей мощью целого?

— Я чувствую себя... я не знаю... я будто парю, как будто какая-то сила поднимает

меня над почвой, и я лечу. Мне стало очень легко.

— Странно, учитывая, что просил тебя представлять горный ручей. Ты должна чувствовать мощь, наполняющую тебя, силу внутри себя. Быть может ты еще более особенная, чем даже мы могли себе представить... Но я продолжу. Быть может — это просто... твоё измененное потерей памяти восприятие так работает. Главное, чтобы у тебя получилось увидеть энергию созидания и воспользоваться ей. Итак ты часть. ммм воздуха. Теперь открой глаза и смотри. Что ты видишь?

Я послушно распахиваю глаза. Вокруг все немного меняется, я же часть всего этого... Все должно измениться, наверное, я вижу себя в каждой травинке, вижу свою тень в порыве ветра, вижу отражение себя в каждом листике на кустарнике, вижу себя в стволах деревьев. Я, я, я... Я везде и повсюду. Потом смотрю на себя: частью меня становится трава, деревья, вижу ветер, который становится частью меня, это он гонит кровь по моему телу, это ветви деревьев становятся моими пальцами, это зелень травы угадывается в моих волосах, я часть этого, и я всецело вмещаю все это в себе. Хочу заговорить, рассказать учителю, вместо слов слышу щебетание птиц. Я везде и повсюду и весь мир во мне. Удивляюсь такому повороту событий, ведь об этом учитель не говорил, он говорил, что я часть мира, но что мир — часть меня.... Так и должно быть?

— Не спеши разговаривать. Рассматривай все и постарайся теперь увидеть энергию созидания, которая наполняет весь этот мир. Ты трава — вспомни, как энергия пробудила тебя ото сна и заставила расти. Ты ветер — вспомни, как энергия заставляет тебя мчаться вперед. Ты — воздух, вспомни, что энергия наполняющая тебя — жизненно необходима всему живому. Постарайся увидеть энергию во всем. Ты сразу узнаешь, что видишь, это сила жизни, энергия будет отливать голубым цветом неба, все будет окутано голубой дымкой, на что бы ты не посмотрела.

Пытаюсь представить. Смотрю, сперва на себя. Да меня окружает ореол, но он не голубой, скорее белый, перевожу взгляд дальше и вижу, что все остается таким же, но вот травинка, частью которой я являюсь покрывается голубой дымкой, дерево, частью которого я вижу себя тоже становится голубым, теряются все остальные краски и цвета, весь мир наполняется голубым сиянием. Оно повсюду, даже дыхание перехватывает. Все это голубое, словно небеса.... Я вижу каждую часть себя, я вижу, как голубой поток толкает сквозь землю очередную травинку, вижу, как голубое море пробуждает бутоны, я вдыхаю и выдыхаю голубой пар, оно повсюду.

— Судя по тому, как ты удивилась, у тебя получилось, не отвлекайся, продолжай. А теперь, ты как часть целого, можешь попробовать направить всю эту разрозненную силу, на что-то одно. Пробуй, я увижу.

Смотрю, что бы такого сделать, чтобы учитель увидел. Вижу бабочку, она попала в сети к пауку. Надо ей помочь. Я часть этого целого, все эти разнонаправленные голубые потоки.... собираю их, словно цветы в букет, сплетаю вместе, тку из них холст, это уже не дымка, это уже голубое полотно, плотное, кажется, что можно до него дотронуться. Ловлю пролетающий мимо порыв ветра, становлюсь его частью, он становится частью меня, меняю его направление и вплетаю в него свое голубое творение, усиливая его. Я-ветер налетаю на паутину, чувствую ее липкую упругость, сила, что я вложила в ветер такова, что паутинка разрывается от одного моего прикосновения и беспомощными липкими нитями свисает с ветвей, бабочка свободна, мой ветер подхватывает ее и могучим порывом освобождает спутанные крылья.

— Ты все сделала правильно. Сила этой энергии не может быть направлено на причинение вреда живым существам, кем бы они ни были. Только сила во имя жизни. Только спасение. Только жизнь. Убивать сила жизни может только, смешиваясь с другими энергиями, но тебе это неподвластно. Это именно то, что сделали мы, спасая тебя у твоего первого разлома, уничтожили смешением энергий окруживших тебя демонов. Возвращайся, Избранная.

Возвращайся? Рассказал бы еще как... Ну да ладно. Закрываю глаза. Ощущение, что я часть чего-то огромного и сильного не пропадает, пропадает ощущение, что это огромное и сильное — часть меня. Открываю глаза. Я больше не вижу голубого сияния. Стоп. Попробуем вернуть. Вспоминаю, что часть мира — это я. А весь мир — это часть меня. Голубое мерцание возвращается. Отпускаю эти мысли. Не вкладываю в них энергии, не думаю об этом. Мир приобретает свой обычный вид.

— Ты быстро учишься, Избранная. На удивление, я не ожидал такой прыти, не у всех это выходит даже спустя многие часы тренировок, а ты вот так легко, уже через несколько минут, все сделала. Замечательно. В реальности это будет немного сложнее, но та легкость, с которой ты справилась здесь, я уверен, что несколько часов практики в реальности и ты сможешь использовать окружающую энергию жизни так же просто, как дышать. Кроме того, ты должна запомнить кое-что еще, здесь, в этом идеальном мире, все просто: ты видишь, потому что ты можешь, но там... Тебе будет нужно точно знать, зачем ты призываешь энергию жизни, для чего ты хочешь ее использовать, для каждого твоего поступка должен быть мотив и чем сильнее будет мотивировка, тем больше ты сможешь получить от этого бесконечного источника силы созидания. Мне больше нечему тебя учить. Мой урок ты усвоила быстро и отлично. Теперь ты знаешь, что для закрытия двери, тебе лишь нужно призвать энергию созидания и она все сделает, проходя через тебя, не причиняя вреда тебе. Равновесие не будет больше страдать. Концентрация и направление энергии будут требовать от тебя много сил, но это будет просто физическая усталость, больше ты не будешь использовать свою жизненную энергию. Ведь каждый раз, используя свою энергию, ты расстаешься с ней, она больше не может к тебе вернуться. Запомни это. Использование твоих внутренних ресурсов приводит к истощению, сперва ты просто теряешь сознание, но, если ты будешь продолжать, — он покачал головой. — Твое тело не сможет восстанавливаться, истощение станет заметно невооруженным глазом, и исправить этого уже нельзя. Прощай, Избранная, быть может, мы еще встретимся, но гораздо позже. Ты должна справиться, теперь. Я верю в тебя.

— Спасибо, за чудесную науку, — говорю вслед уходящему в чащу леса старцу. Он поднимает на прощание руку, не оборачиваясь, и я вижу, как он становится порывом ветра, растворяясь в нем.

Ну и что делать дальше, где мне искать следующего учителя??? Сажу на траве и решаю еще раз попробовать увидеть энергию созидания. Все получается быстро. Стоит только мне сосредоточиться на мысли, что я часть целого и я же целое, состоящее из всех частей, все возвращается. Некоторое время забавляюсь, летая, став частью ветра, рассматривая этот чудесный мир с высоты птичьего полета. Смотрю на себя на опушке, вижу, что рядом кто-то есть, отпускаю ветер и возвращаюсь. Оглядываюсь. Рядом со мной стоит молодая эльфийка, хотя определить возраст эльфа и очень сложно только по его внешности, но в ее волосах еще нет россыпи седины, а значит, она еще не достигла зрелого возраста, она улыбается мне.

— Привет, Избранная! Тебе понравился первый урок как я вижу? Надеюсь, моя наука

тебе тоже понравится.

— Ты тоже не будешь отвечать на мои вопросы?

Она смеется, отрицательно качая головой. Светлые волосы мягкими волнами повторяют движения ее головы. Яркие серые глаза, смотрят озорно. Она молода, чуть старше меня, стройная гибкая фигура, охотничий наряд, мягкие сапоги, никаких излишеств, прямо дочка лесника на охоте. В руках у нее лук, за спиной арбалет.

— Нет, никто из нас не будет. Я научу тебя жертвенности и умению принимать жертвы, ну и еще кое-чему. Скорее всего, тебе придется делать выбор, сложный выбор. Выбор жертвы — всегда сложный. Здесь ты должна помнить о том, что как бы не складывались обстоятельства, ты должна выжить. Только ты можешь запереть двери. Только твоя жизнь — бесценна. Но у всякого дара есть обратная сторона. Каждый раз, принося кого-то в жертву, ты должна помнить, о последствиях. Каждый пожертвовавший собой ради тебя и твоего дела, навсегда останется с тобой. До тех пор, пока ты не закроешь все двери, ты будешь поддерживать существование их духов своей энергией жизни. Они будут отбирать ее часть, ослабляя тебя, делая тебя уязвимой.

— Ради меня? Жертвовать жизнью? Но я не готова принимать такие жертвы...

— Значит, тебе придется приносить в жертву себя, — пожимает она плечами. — Это и будет твоим выбором. Если ты готова жертвовать кем-то, они будут отбирать у тебя часть энергии, если же ты готова рискнуть собой, ради спасения жизней, значит, твоя энергия будет возрастать с каждой спасенной тобой жизнью, но риск, что ты не сможешь справиться в одиночку, что ты можешь погибнуть и, следовательно, погубить весь остальной мир, очень велик. Этот выбор тебе придется делать часто, таково твое предназначение. С этим разобрались. Теперь, я расскажу тебе о твоих врагах, точнее о их солдатах, своего главного врага ты должна будешь узнать сама. Демоны. С ними ты уже сталкивалась, демон — это всего лишь отражение человеческих потребностей и мыслей. Все, о чем могут люди думать, находит отражение в немире. Демоны гнева, демоны отчаяния, демоны желаний, демоны гордыни, демоны праздности, и многие другие, которым нет названия, так или иначе ты столкнешься со всеми. Но ты должна знать, что есть не только демоны, демоны — лишь отражение преобразенных плохих мыслей людей. Есть и другие. Их называют духами. Духи — это добрые мысли, побуждения людей. Духи сострадания, духи познания, духи милосердия, духи мудрости. Их ты тоже встретишь. Кроме них, тебе предстоит встретить орков, без них никуда. Есть еще и другие создания немира, когда соприкасаются два мира и грань между ними истончается, возможны разные... неприятности... ожившие мертвецы, например. Одержимые — тоже не редкость. Я расскажу тебе обо всем.

Потом она рассказывала мне как выглядят те или иные противники, рассказывала об их слабых и сильных сторонах, она рассказывала мне о великих битвах прошлого и о героях тех битв. Она рассказывала мне так много, но с таким упоением, было видно, что она воин просто до самого своего основания. Потом она сняла арбалет и рассказала мне все о его устройстве, научила заряжать, стрелять, целиться, чистить, разбирать и собирать, рассказала все, о том какие бывают арбалеты, и чем отличаются, рассказала, как подобрать оружие под себя. Потом все то же самое она повторила про луки и стрелы. Затем подошла пора парных кинжалов. О них она тоже мне все рассказала. Затем она поведала о ведении боя с мечом и щитом. Критично осмотрев меня, она все же рассказала о двуручном мече.

— Забавно было стрелять за тебя, когда ты столкнулась с первым демоном, да и мечом я с удовольствием поработала вместо тебя, но так не может продолжаться, этими действиями

я нарушаю и без того шаткое равновесие, так что тебе придется научиться этому всему в реальности, приобрести необходимые навыки. Я не могу обучить тебя всему, тебе придется много тренироваться, чтобы ты смогла стать мастером. Но ты должна помнить, что твое оружие — это часть тебя, такая же как рука, нога или голова. Ты должна с умом выбирать что-то под себя и заботиться о своем вооружении, чтобы оно никогда не подводило тебя. Сейчас у тебя нет никаких навыков, — она смотрела на меня с улыбкой. — Ты знаешь, я уверена, что твои друзья, с удовольствием обучат тебя каждый своему мастерству. Слушай их, учись. Наука никогда не будет лишней, ты должна стать отменным воином, если ты решила жертвовать собой, а не другими. Когда я начинала, я была немного старше тебя, когда пришло мое время... уходить... я была легендой. Я уверена, ты справишься. Я отдала тебе все знания, которые должна была отдать. Мне пора уходить.

Она повернулась ко мне спиной, но замерла в нерешительности, потом обернулась.

— Я добавлю кое-что от себя. Хотя я и не должна этого делать. Твое горячее сердце обретет, то ради чего ты и будешь продолжать жертвовать собой. Но... как бы не сложилось, даже если ты сможешь всех одолеть и вернуть мир, ты должна знать... — вдруг она опустила глаза, голос ее стал тихим, она была расстроена. — ты... ты должна будешь уйти, когда придет твое время, как бы тебе не хотелось остаться, как бы ты не пыталась удержаться, что бы тебя не держало... ты должна будешь уйти и оставить все... Это будет твой последний выбор между самопожертвованием и принесением в жертву кого-то... Я сделала свой выбор... Я ушла... Такова наша судьба. Мы — герои. Мы не можем жить долго и счастливо, мы должны свершить нам предначертанное дело и... уйти... Мне очень жаль...

— Что значит уйти? Что значит оставить? О чем ты?

Она смотрела на меня уже без улыбки. Глаза ее были полны безграничной тоски.

— Я больше не могу сказать тебе, — она сделала, несколько решительных шагов в мою сторону и обняла меня за плечи.

Я почувствовала, как она положила что-то мне за пояс.

— Ты поймешь, кому и когда это отдать. Отдай, пожалуйста. Он не должен больше страдать. Скажи, что я буду его ждать здесь, столько, сколько потребуется... Пусть не торопится, я дождусь...

Ясное до этого небо вдруг затянуло тучами, ударил гром. Она с грустью посмотрела на небо. И совсем невесело улыбнулась.

— Серчают.... Я не должна была тебе этого говорить... Но другого шанса у меня просто не будет....

Мою собеседницу окутывал серый туман...

— Скажи ему... что я его люблю... всегда любила.... Всегда буду любить.... Но он должен жить дальше....

Последние ее слова я уже едва различала. Она пропадала в тумане...

Кем она была? Она сказала, что она стала легендой, вряд ли в нашей истории много легендарных молодых особ со светлыми волосами, нужно будет узнать у Инариэля, про нее и постараться выполнить ее поручение. Я засунула руку за пояс, и достала то, что она просила передать неизвестному кому-то. Это было самое простенькое колечко, местами оно было потерто, с него слез налет былой красоты. Видимо, его носили, не снимая, долгое время: внутренняя часть его была отполирована до блеска. Странно... Я вспомнила ее слова: «Я — ушла. Он не должен страдать». Она говорила о своем возлюбленном, ушла... наверное, это значит — умерла. И теперь она ждет его здесь...

— Это, конечно, не мое дело.... Но ты только подумай, сколько боли и страдания принесет это послание тому, кому оно предназначено?

Я не заметила, как из серого тумана, в котором пропала моя предыдущая собеседница, появилась фигура в темном сером плаще, лицо незнакомца было скрыто капюшоном.

— Он уже пережил ее смерть несколько раз... сможет ли он перенести еще одно напоминание? Или возможно он уже научился жить без нее, а ты своим посланием лишь разбередишь старую, уже зарубцевавшуюся рану, а что если, переданные ему слова, толкнут его на последний, решающий шаг и он решит прийти к ней быстрее, чем ему суждено? Равновесие будет нарушено... Твоими словами... Ты готова пойти на такой риск? Подумай об этом. Я не стану забирать эту безделушку, лишая тебя возможности выполнить поручение, пусть это станет еще одним непростым решением, которое тебе будет нужно принять. Моя же часть обучения — это смерть. Я расскажу тебе о магии смерти, ты сможешь ее использовать, находясь рядом с открытой дверью, чтобы уничтожать врагов. Но цена моей магии велика... Пропуская через себя энергию смерти, ты приближаешься к тому самому краю, от которого все стараются быть подальше. Часть энергии смерти будет оставаться с тобой и когда энергии смерти в тебе станет больше, чем энергии жизни, ты умрешь, просто умрешь, без всяких на то причин, в тот же самый миг.

— Может быть, тогда и не стоит мне об этом знать вообще???

Я спрятала колечко за пояс. Капюшон смотрел на меня.

— Стоит. Ты сможешь использовать это знание, в крайнем случае, когда другого выхода просто не будет. И опять-таки вспоминаем про жертвенность, ты же избрала путь самопожертвования? Вот я и научу тебя заниматься самопожертвованием очень продуктивно. С очень высоким результатом.

Мне показалось, что он недобро засмеялся.

— Моя задача очень проста. Ты уже умеешь видеть и управлять энергией жизни. Все то же самое ты можешь проделывать и с энергией смерти, но только рядом с открытой дверью в мир смерти, как вы их называете «разломом». По сути, разлом — это дверь в мир смерти и отчуждения. Ты видела цвет разлома — это и есть энергия смерти. Находясь рядом с дверью, ты можешь черпать из нее энергию, поверь, ее там очень много. Для этого ты лишь должна понять, что ты принадлежишь смерти, так же, как и жизни. Продолжение твоей жизни, началось со смерти. Ты часть обоих миров, а значит, можешь управлять обеими энергиями. Ты смертна, и твое понимание того, что ты часть мира смерти, станет для тебя источником энергии смерти. Собрав ее, сконцентрировавшись, ты можешь направить ее на своих врагов. Тебя поразит ее мощь. Какая бы армия не стояла перед тобой, если ты направишь на них энергию смерти — они все умрут. Очень быстро. Как они будут умирать — решать тебе. Ты можешь создать вокруг них безвоздушное пространство, и они задохнутся, ты можешь просто вытянуть из них жизнь... Вариантов масса, все зависит лишь от твоей изобретательности. Но когда дело будет сделано, ты должна вернуть энергию туда, откуда ты ее черпала, для этого тебе придется пропустить ее через себя и часть этой энергии, как я уже говорил, останется в тебе. Теперь представь, что все твое существование — это просто весы. Одна часть — жизнь, другая — смерть. Использование энергии жизни, не продлевает тебе жизнь, потому что это уже предопределено, а вот использование энергии смерти, приближает твой неизбежный конец, нарушая то хрупкое равновесие, что есть у тебя внутри. С каждым разом ты все больше будешь принадлежать миру смерти и придет момент, когда ты не сможешь вернуться в мир жизни. Есть и еще одна опасность: используя энергию

смерти, ты становишься другой, каждое использование этой энергии — это шаг в бездну, ты можешь выбраться, если повезет, а можешь... отринуть жизнь и стать тем, для кого энергия смерти — единственная энергия, ты можешь стать демоном. Энергия смерти — это большая сила, будь осторожна, используя ее. Сейчас мы не станем практиковаться, ты, Избранная, быстро все схватываешь, поэтому. Когда придет время, ты вспомнишь мои слова и сможешь все сделать правильно. Ах, да. Магия смерти, действует не только на живых, на демонов и духов она действует точно так же. Так что будь то армии людей, орков или демонов ты справишься с ними с легкостью, никто не сможет тебя остановить! Пользуйся с умом этим даром!

Больше капюшон не произнес ни слова, он повернулся спиной и шагнул в туман.

Небо прояснилось. Туман исчез. Стало светло.

О чем это капюшон говорил: Продолжение твоей жизни, началось со смерти? Что бы это значило?

Я ждала достаточно долго, но больше никто не появлялся. Солнце уходило на закат, прошел день. Вечерняя прохлада окутывала этот мир, закрывались цветы, пряча, нежные лепестки от вечерней прохлады, исчезли красавицы-бабочки, мир готовился ко сну. Меня тоже клонит в сон, похоже, мне надо возвращаться в свой мир, к моим соратникам, к моим проблемам. Я многое узнала, но вопросов появилось еще больше, чем ответов на них. С каждым днем вопросов все больше, в каком бы мире я не находилась. Мне надо искать ответы, сказал первый наставник, так я стану сильнее. Сильнее чем кто или что? Никто мне не ответил, но я сама узнаю. Со временем, я все узнаю. Пора. Прощай чудесный мир. Меня ждет моя война.

Кален и Инариэль.

После разговора в таверне, Кален вышел на вечерний смотр войск и тренировку. Побродив по лагерю, который постепенно из временного лагеря беженцев превращался в военный лагерь, он направился к домику целителя, к все еще бесчувственной девушке. Намереваясь продолжить разговор с магом, чтобы окончательно поставить точку. Точку... Он не может позволить себе такой роскоши, тем более, он этого просто не достоин, он простой воин, его дело убивать, он не умеет любить, не умеет быть любимым, он даже не может себе представить, что такое когда-нибудь может случиться. Это глупо. Это будет отвлекать от дела. То ли дело эльф... Маг-отступник, знающий их обычаи, обряды, песни, стихи, ведь всем известно, что нет более романтических возлюбленных, чем эльфы, с ними не может сравниться никто. Да и вообще все это глупости. Отношения??? Зачем они??? Есть физическая потребность, для ее удовлетворения нет нужды заводить какие-то там отношения... достаточно пары монет, серебряных; ну, а если хочется чего-то особенного — то придется раскошелиться на золотой. Но оно того стоит. А есть еще Кара, с ней вообще все просто, она ждет его всегда.

С такими мыслями он открыл скрипучую дверь маленького домика. Внутри никого не было, лишь слабо колыхнулся огонек свечи. Кален замер в нерешительности, он шел сюда, чтобы поговорить с эльфом, но эльфа тут нет... только эльфийка. Он бросил быстрый взгляд на девушку. Слабый свет свечи горел у ее кровати. Бледные ее губы были плотно сжаты во сне, казалось, что она крепко сжала зубы, чтобы не проронить ни слова. Очень светлая кожа, практически не отличалась по цвету от белой подушки, нет даже намека на румянец на щеках. В нескольких местах наложены повязки, все-таки ей тоже досталось в последней схватке. Три дня без сознания... Может быть она и вовсе не придет в себя больше никогда?

Так и умрет, тихо во сне, станет сном для всех, кто успел с ней познакомиться. Будет просто еще одной жертвой в этом жестоком мире. Для нее так было бы, наверное, даже лучше. Он подошел к ее постели, поправил одеяло. И наклонился, чтобы послушать дыхание, не увидев, дышит ли она. Дыхание было таким легким, неглубоким, что грудь не вздымалась и не опускалась, но она дышала. Она жила. Он взял ее руку, упавшую с постели, положил ее на одеяло. Какие же у нее холодные руки. Он проверил теплое ли у нее одеяло, все было в порядке, но руки ее были просто ледяными. Он нашел в углу еще одно одеяло, чтобы укрыть ее и обратил внимание, что хрупкие ладошки сжались в маленькие кулачки. Непроизвольно он улыбнулся. Сколько должно быть силы, чтобы так бороться за свою жизнь, да еще и пытаться спасти всех остальных, но эти кулачки... просто смешно... Он взял ее руки в свои, и как когда-то в темном подвале, подул на них, согревая своим дыханием. Кулачки разжались, у него в ладони лежали маленькие хрупкие ладошки. Он нежно сжал их в своих больших теплых руках, отогревая каждый маленький пальчик. Из сжатого кулачка ему на ладонь что-то выпало. Он присмотрелся: маленькое колечко, такое дарят любимым при помолвке, видимо в походе делали предложение колечко-то совсем простое, но носили его долго, не снимали. Странно, колечко явно не с ее руки, велико. Откуда взялось? Быть может это подарок того... духа, который ее бережет, он аккуратно вложил колечко ей в ладошку и сжал кулачок.

— Кален? Что ты тут делаешь?

— Инариэль, да я тут пытаюсь отогреть твою подопечную, она же холодная вся, руки вон как лед.

— Серьезно? Дай-ка, посмотрю, — маг откинул одеяло и дотронулся до плеча девушки, предварительно создав вокруг себя магический щит, уловив взгляд воина маг лишь пожал плечами. — Это от тебя она не защищается, а вот всем остальным... приходится быть осторожными с ней. Да нет, я не чувствую. Дай-ка руки посмотрю.

Кален послушно отдал маленькие ручки в руки целителя.

— Странно, ты говоришь холодные, но я этого не чувствую. Ну-ка возьми меня за руку, может это у тебя воображение разыгралось?

Кален дотронулся до руки мага. Она ему показалась чуть теплее, но все равно холодной, о чем он и сказал магу.

— Похоже, друг мой, это у тебя жар.

— Я в порядке. Нормально себя чувствую. Может просто после упражнений с новобранцами, слегка разгорячился.

— Ну что же, вполне возможно.

— Инариэль, как она?

— Я думаю, что все нормально будет, я даю ей укрепляющие отвары. Она уже глотает, так что в ближайшее время. Я думаю, очнется. А ты чего-то хотел?

Кален вспомнил свои мысли, когда он шел сюда. Посмотрел на нее и решил, ничего не говорить магу. Зачем? Нужно просто к ней относиться, как к обычному рядовому члену группы. Все пройдет: и головокружение, и легкость, и дыхание перестанет сбиваться, и кровь перестанет стучать в висках. Нужно на воздух, что-то не хватает воздуха...

— Нет, ничего не хотел, просто шел мимо... решил глянуть как наша спасительница... Я пойду, ты... зови, когда она очнется. И это... Я когда ее руки грел, у нее в кулаке колечко какое-то...

— Что? Кален, у нее в руках ничего не было, когда я поил ее последний раз. Давай-ка

вместе посмотрим.

Маг наклонился над девушкой и разжал кулачок. Увидев колечко, он был удивлен не меньше Калена.

— Готов поклясться, что еще час назад этой безделушки тут не было... Кален? Ты решил меня разыграть? Это твоих рук дело???

— Я??? Да как ты мог подумать? Я сам хотел понять, что это такое. Когда я вошел ее ладони были раскрыты, потом она сжала кулачки, и когда я грел ее, руки разжались, и я увидел это...

— Странно. Это не девушка, а сплошная загадка. Ладно, раз уж ты здесь, помоги мне ее напоить. Приподними и посади. Тебя она не бьет электричеством, а то мне приходится сначала себя щитом прикрывать, навешивать кучу заклинаний, чтобы ее напоить лекарством, и то не всегда получается.

Кален с готовностью сел на постель, он легко приподнял ее голову и, оперев ее спину на свои руки, усадил девушку. Блеснул голубым светом медальон на ее груди. Пока маг ее поил, Кален, как замороженный смотрел на голубой огонек.

— Ну, вот и все, можешь ее укладывать. А с тобой это делать гораздо удобнее и безопаснее.

— Обращайся, я всегда помогу. Мне не сложно.

Он протянул руку пытаясь дотронуться до медальона. Сперва начало покалывать руку. Вспомнив, что кроме всего прочего он еще может и противостоять магии, Кален использовал свою силу, покалывание прошло, но, когда его пальцы коснулись хрупкой вещицы, он понял о какой боли говорили его спутники, его пронзило, словно тысячей иголок. Он мог бы обратить ее магию против нее, но... ему не хотелось причинять ей боль, он просто убрал руку от медальона. Боль прошла, он посмотрел ей в лицо, теперь уже было отчетливо видно, как она сжимает зубы, пытаясь что-то сдержать, то ли крик, то ли стон. Он дотронулся до ее волос, убирая, выбившиеся пряди с лица. Холодная кожа, она все холодная... Так хочется согреть... поделиться своим теплом... Все, пора уходить, пока еще можно просто уйти, пока еще не поздно.

Кален встал с постели, уложив девушку. Маг стоял и внимательно наблюдал за ним.

— Ну и как? Почувствовал боль?

— Да, когда дотронулся до медальона, даже мои тренировки не могли мне помочь ее стерпеть, можно было бы направить эту магию против нее же, но я не хочу.

— Понятно. Кален, я хотел еще кое-что спросить... ты слышишь ее? Сейчас?

— Нет, больше не слышал ни разу. Последний раз тогда, когда ты вылечил ее.

— Значит она просто перестала говорить, я думал, что может быть она перестала говорить со мной... Но раз ты тоже не слышишь, значит... она просто утратила эту возможность... Что же, спасибо за помощь. Если сможешь, завтра помочь мне ее напоить лекарством, буду признателен.

— Зови.

Кален вышел из палатки. Глубоко вдохнул свежее дыхание вечерних гор. Следом за ним вышел маг.

— Еще кое-что...

— Да?

— Ты видел, что происходило с Карой, когда я перевел слова Мирры про голубые глаза?

— Ну, она выглядела расстроенной.

— Какой же ты чурбан, друг мой. Не обижайся. Она испугалась, что не сможет поспорить с Миррой за тебя, что ей придется сдаться без боя, ведь Мирра — надежда нашего мира, а Кара всего лишь один из воинов.

— Ты к чему ведешь?

— Она любит тебя. Но она была готова пожертвовать даже своей любовью, ради общего блага. Я думаю, тебе стоит... тем более, что... как я понял... ты не претендуешь...

— Ты, сводник, ты знаешь это, эльф? Ты пытаешься мне сказать, что я должен сходить к Каре?

— Ну, да. Успокоить ее что ли...

— Я подумаю. Но не могу тебе обещать. Доброй ночи.

Кален повернулся спиной к собеседнику и направился в свою палатку. Жажда новой порции обата, уже давала о себе знать. Нужно было возвращаться.

Утром Инариэль нашел Калена на тренировочном поле, тот проводил занятия с ополчением. Некоторое время маг следил за обучением. Потом решил все-таки подойти.

— Тебе нужна моя помощь, маг? Нужно поить нашу больную твоими зельями?

— Нет, Кален. Сегодня утром она пришла в себя. Как ни в чем не бывало. Только удивилась, что прошло три дня, и потребовала вернуть ей кольцо, что ты нашел. Сказала, что дала обещание и собирается его сдержать. Больше ничего я от нее не добился. Сказала, что с ней все в порядке, и она собирается посвятить свободное время военной подготовке. Сказала, что ей это необходимо. Так что, я думаю, скоро она появится тут. Уговорить ее еще подлечиться я не смог, — эльф улыбнулся. — Она такая упрямая.

Кален тоже улыбнулся.

— Что же, это отличные новости. Ребята смогут, наконец, убедиться, что она — не миф. Тренировки — это отлично, ей на пользу пойдет. Предупреди Энель и Кару. Может они тоже захотят принять участие в тренировке.

Маг кивнул и ушел.

Кален был с утра полон сил, несколько часов назад обат огнем разливался по его крови и теперь энергию было сложно сдержать. Кален с удовольствием, сжал в руках свой двуручный меч. Время потренироваться. Он бросил вызов, один из его побратимов, Видящих, с удовольствием согласился размяться. Часто зазвенели мечи, сталкиваясь друг с другом, начался смертельный танец поединка.

День 6.

Открыв глаза, я обнаружила себя в полумраке маленького домика, рядом стоит Инариэль. Я даже не знала плакать мне от огорчения или прыгать от радости, что все-таки — это реально, все это.

— О, девочка, ты пришла в себя? Отлично. Не спеши вставать, ты еще слаба, нужно еще набираться силы.

— Инариэль, — я улыбнулась ему. — Сколько я тут провалялась?

— Три дня, мы вынесли тебя из форта... хотя я кривлю душой, тебя нес Кален, больше никто не мог до тебя дотронуться. На свежем воздухе уже сделали носилки и принесли тебя сюда, три дня я тебя отпаиваю...

— Три дня???? А там прошел всего один день...

Я посмотрела на себя. Конечно, никакого пояса на мне нет... одна рубаха...

— Инариэль! Где кольцо??? Ты видел кольцо, такое простенькое колечко?

— Да, я еще удивился, откуда оно взялось, когда тебя принесли, ничего такого у тебя не

было.

— Не важно, откуда, важно, что ты должен мне его отдать. Я дала обещание. И собираюсь сдержать данное слово.

Я протянула раскрытую ладонь, эльф положил мне в руку кольцо.

— Да, пожалуйста.

— Я так много хочу у тебя узнать, Инариэль, у меня столько вопросов. Но я пока не знаю с чего лучше начать... ты мне только скажи, ты же знаешь всех легендарных героев?

— Да, всех. Они потому и зовутся легендарными, что о них слагаются легенды известные всем. Но что за вопрос?

— Мне нужно, чтобы ты мне рассказал, все наши, эльфийские легенды, а еще я хочу знать была ли среди легенд женщина со светлыми волосами и серыми глазами. Это очень важно, Инариэль, правда. Очень-очень. Она... похоже она из эльфов, но я не уверена, я чем-то на нее похожа... Ты вспоминай пока... а я хочу одеться, мне не терпится пойти поупражняться с оружием, я должна выбрать свое, которое станет продолжением меня, мне надо много упражняться. Я выбрала путь... я не стану жертвовать кем-то... я сама стану жертвой...

— Что??? Что ты там бормочешь???

— Мне надо бежать, Инариэль, выйди, пожалуйста. Дай мне одеться. Инариэль, я хочу знать все, все, что знаешь ты... Я понимаю, это очень много, придумай, как мне это все рассказать... так чтобы это не заняло всю жизнь... Хорошо??

— Подожди одеваться, сейчас воды принесу, а то ты даже умыться толком ни разу не смогла... Если хочешь можно и... могу принести емкость, чтобы ты могла целиком вымыться.

— О, Инариэль, это было бы просто чудесно. Знаешь ли, постоянно падать, потеть и не иметь возможности помыться — это ужасно.

Фиалковые глаза Инариэля блеснули, эльф мягко улыбнулся.

— Тогда подожди, подогреть воду я и магией сумею. Жди.

Уже через несколько минут в маленькой комнате стоит большая бадья наполненная водой, Инариэль колдует и над водой появляется пар.

— Вот и готово. Наслаждайся. Я на улице буду.

Какое же блаженство, опустить изнуренное тело в теплую, обжигающую воду, неприятно щиплет недавние ссадины, но это пустяки по сравнению с возможностью, наконец смыть с себя грязь... Еще немного, и она просто стала бы второй кожей, противно. Нежусь в теплой воде, какая прелесть, как здорово иметь в друзьях мага... Но интересно где это я, что это за домик. Радует, конечно, что я уже не в подвале, но все эти стремительные перемены уже просто пугают. Выхожу из теплой еще воды, вытираю остатки воды с тела, жесткое полотно царапает кожу.

Я быстро одеваюсь. Чистая одежда. На еще теплое тело ложится грубая ткань рубахи, ткань брюк плотно облегает мои ноги и бедра, высокие сапоги, меховой жилет, теплый плащ. Все сидит отлично. Чувствую себя комфортно, уютно. Красоваться особо не чем, но все добротное, теплое, чистое. Просто замечательно. Расчесываю волосы, связываю их кожаным шнурком сзади, чтобы не мешали. Накидываю на влажные волосы капюшон и выхожу. Да, так и должно быть. Я должна спешить. Энергия созидания, надо практиковаться, оружие, выбрать свое, найти учителя и тренироваться, энергия смерти... нет... с этим я спешить не стану... как он там сказал... только после использования я буду

пропускать ее через себя, значит потренироваться хотя бы просто ее находить и видеть можно... Что еще??? История... Инариэль наверняка меня уже не услышал... надо повторите свою просьбу. Не болтать лишнего, просто внимательно все слушать... Раз ее возлюбленный еще жив, значит это было не так давно, надо сказать Инариэлю, чтобы начинал с последних недавних событий... И что еще, ах, да... сама моя миссия, я должна подготовиться и отправляться к ближайшему разлому, их много... этих дверей. Надо спешить... Нет времени думать, буду думать по дороге...

Выхожу из домика. Инариэль стоит рядом.

— Инариэль, а что это за дом?

— Ну, я же вроде целитель, вот мне и отвели помещение, а я решил, что тебе оно нужнее, чем мне, я с Барри в палатке могу ночевать, а тебе тепло нужно, да и комфорта чуть побольше, ты все-таки — всеобщая героиня.

— Ну, спасибо, тебе. У меня просьба есть, ты пожалуйста, подумай, вспомни все истории... только... давай начнем с самого близкого прошлого, вспомни героев их... поступки, мне надо так многому у них научиться, я совсем не умею быть героем... Давай, мы с тобой за обедом встретимся и ты мне расскажешь, что вспомнишь, и так, постепенно, я восполню всю потерянную память, очень плохо, ничего не помнить. У меня столько вопросов...

— Мирра, ты сегодня только в себя пришла!!!??? С тобой все нормально??? Что-то ты очень суетишься.

Смотрит на меня обеспокоенно. Я улыбаюсь ему. Беру его руку в свои (какие у него холодные руки), удерживаю плотиной воли поток боли, не даю ему прорваться и хлынуть на мага.

— Инариэль, у меня все отлично. Я просто не могу терять время. Я не знаю почему, я просто знаю, что должна спешить, иначе, будет поздно, понимаешь? Мне надо очень много сделать и узнать. Спасибо тебе, большое, — он такой хороший, смотрит на меня и ничего не понимает, — До обеда! Я найду тебя.

Отворачиваюсь от мага и направляюсь к воротам. Надо найти какое-нибудь спокойное место, где много источников энергии созидания, чтобы проще было ее находить. Смотрю по сторонам. Впервые на меня не обращают внимания, могу рассмотреть людей, постройки, местность. Встречный патруль просто проходит мимо, принимают или за беженку, или у них не вызывают подозрения, те кто уже находится в деревне. Теперь я легко могу смешаться с толпой, рядом со мной нет Карры, на мне нет цепей. Теперь я просто одна из многих ищущих укрытия в стенах этой деревеньки. Слышу, как призывно кричат торговцы, зазывая покупателей. От двухэтажного строения в центре идет умопомрачительный запах еды. Проглатываю слюну, как-то я не подумала, что три дня без сознания — это серьезное испытание для желудка. Надо было сперва покушать, но я постараюсь недолго. Просто попробую разочек другой увидеть энергию жизни и назад. По улицам бегают дети. Несколько женщин что-то оживленно обсуждают. Мужчин почти не видно, все заняты, никто не мается без дела.

У ворот стоит патруль, шесть человек в полных доспехах, вооружены, собраны. Когда я подхожу к воротам, один из них повелительным жестом останавливает меня.

— Куда идешь? За ворота беженцам нельзя. Приказ, никого не выпускать без разрешения Ищущей. Иди назад, там опасно, демоны совсем близко уже подбираются, вчера двоих на самой развилке видели. Так что, ради своей безопасности, иди назад.

Что тут будешь делать? К Карре не хочу идти, понятия не имею где ее искать. Одну меня эти сторожа не выпустят.

— И вам доброго дня, — улыбаюсь я. — Быть может, вы позволите мне пройти, я недалеко. Буду у вас на виду, просто там столько шума, а мне хочется немного побыть одной.

Солдат, видимо старший в этом патруле, отрицательно качает головой.

— Нет, приказ — есть приказ. Никаких исключений, выпускаем только вооруженные патрули.

Понимаю их. Нарушить прямой приказ Карры — это безумие.

Отхожу в сторону, придется попробовать здесь. Закрываю глаза, пытаюсь настроиться на ощущение единства с миром. Ничего не получается. В этом мире будет сложнее увидеть силу созидания, так сказал мой учитель, а мне нужно, научиться это делать быстро, чтобы все стало просто. Сосредотачиваюсь еще раз, представляю, как это должно быть. Ничего не происходит. Морозный ветер холодит спину, хочу стать его частью, но ничего не происходит. Этот мир не дает мне быть его частью. Что-то не так. Я не учитываю чего-то важного, что-то ускользает от меня, что-то меня удерживает. Занятия по концентрации внимания не помогают. Лишь несколько раз мне удалось увидеть отблески энергии, но очень слабые и я не успеваю их собрать, даже задержать ощущение не получается. Плохо. Так дело не пойдет. Значит, тренировка с энергией откладывается. Надо что-то еще. Как там учитель говорил, ты должна знать, зачем ты взываешь к этой силе. Зачем? Сама не знаю, тренируюсь просто. Но так ничего не выходит, может быть я потом найду как это делать правильно. Опять я сдаюсь в самом начале, но холодный ветер уже не дает стоять на месте. Нужно идти.

Разворачиваюсь, иду назад. Брожу по улочкам. На торговой площади громко обсуждают что-то происходящее в военном лагере, спорят о чем-то. Военный лагерь, наверное, там надо искать Карру или Калена, чтобы получить разрешение на выход. Несколько человек отходят от спорщиков, собираются посмотреть сами на происходящее у военных. Отличная возможность узнать, где находится этот самый военный лагерь, деревенька небольшая, но я совершенно не представляю, что и где тут находится. Следую за спешащими людьми. На самой окраине, деревушки раскинулось обширное поле, видимо летом на нем выращивают что-то, но сейчас зима, земля пустовала, именно ее и облюбовали под лагерь военные. Кругом расставлены палатки, а прямо у стены оставлена большая, шагов в сто площадка для тренировок. Вокруг этого места толпится, наверное, весь город, включая женщин и детей.

Подхожу ближе, спрашиваю у широкоплечего мужчины, что там происходит.

— Рыцарский турнир, — смеется мужчина. — Командор сегодня с утра в отличном настроении, уже третий соперник от него уходит побежденным. Сейчас вот четвертый вызвался. Похоже, все хотят его сломить, но он не воин — скала. Он сказал, что сегодня покажет нам, что такое выдержка и стойкость, вот стоим, смотрим. Как он это делает? Он же двуручником своим машет, словно это не огромный меч, а пушинка какая...

— А с кем дерется-то? Я не вижу ничего...

— А ты, девонька, давай впереди меня становись, все увидишь, и мне не помешаешь. А так он со своими старыми вояками рубится. Мы-то им пока — не соперники. Все бывалые бойцы... Но как он их... Эххх, были бы все такими бойцами, мы бы этих демонов...легко разогнали.

Он уступает мне место, пропуская ближе к центру круга. Становлюсь и замираю. В

центре круга кружатся двое. Пока серьезной схватки нет, проверяют оборону редкими ударами. Один с мечом и щитом и Кален со своим огромным мечом. Наблюдаю затаив дыхание, рывок противника наталкивается на защиту Калена, наступление не удалось, и воин делает шаг назад, когда в атаку переходит командор. Его меч быстро наносит несколько коротких ударов, перед решающим броском, простым мечом такой не остановить подключается щит. Завораживающе. Да, владению мечом, у него учиться — будет одно удовольствие, вот только двуручник я не подниму. Но какое потрясающее зрелище. Удар, еще удар, кажется, что Кален пропустил нападение соперника, но он изворачивается, уходит от колющего удара, обходит противника, пока тот еще не успел остановить свое движение и легким ударом эфеса под колено, валит противника на землю. Двуручник упирается в грудь побежденного врага. Напряженную тишину разрывает гром радостных криков, кто-то уже собирает ставки. Понимаю, что смотрела не на технику боя, отвлеклась. Что меня отвлекло? Сияющие счастьем восхитительно голубые глаза командора. Голубые... сияющие... да вот же оно... вот она энергия созидания, смотрю по сторонам, и понимаю, что вижу ее повсюду, вижу голубую энергию исходящую от каждого участника этого круга. Вижу голубую энергию в ветре, вижу ее везде... Как же это... удивительно... Смотрю, как улыбаясь, Кален протягивает руку поверженному сопернику, и тот со смехом ее принимает. Они радуются, как дети... Все радуются вокруг. Серые небеса затянуты, над всем этим нависает беда, а они радуются и смеются??? Они сошли с ума??? Или это и есть ответ? Вот и тренировка. Учитель сказал, нужен мотив для каждого поступка, нужна цель — вот чего мне не хватало, когда я пыталась сама взывать к энергии жизни... А цель проста — я хочу, чтобы эти люди были в безопасности, я хочу, чтобы глаза Калена всегда так сияли, я хочу, чтобы все закончилось, весь этот ужас, я должна его остановить!

Кален смеется, и приглашает очередного желающего сразиться с ним. Неожиданно из толпы выходит Кара.

— Ищущая, Кара, ты хочешь размяться или ты пришла прекратить мое веселье?

— Кален, ты же выбирай себе равного противника, не стоит тратить время на такие легкие поединки, — Кара тоже улыбается и, достав меч из ножен, отбрасывает их в сторону. — Готов?

— О, господа, вас ждет интересное зрелище, — так же улыбается Кален. — Я, пожалуй, внесу интригу, и уравнию наши шансы...

— О, Спасибо, командор! Тогда давай уже порадуем наших солдат отменным зрелищем. Что ты тут учебные бои устраиваешь? Так не интересно. Давай так: не калечить друг друга, но до первой крови! Идет?

Он аккуратно передает свой меч, оруженосцу, тот протягивает ему обычный легкий меч. Покрутив его пару раз в руке, привыкая к его легкости, Кален поднимает руку.

— Договорились! Пусть будет до первой крови! Дай мне немного времени, Кара. Ты все-таки сегодня уже не первая, кто хочет со мной сразиться.

Он кладет меч на землю и снимает уже изрядно мокрую тунику, подставляя холодному ветру свою обнаженную спину. У меня в груди замирает сердце. Как же он... красив... не могу даже заставить себя дышать, забываю обо всем на свете... Нет ничего больше... Есть только этот обнаженный по пояс мужчина, все остальное просто не существует... Очарованно, рассматриваю его тело... Я вижу каждую мышцу, каждое их сокращение, когда он примеряется к мечу, вижу энергию жизни текущую по его крови... что это??? Всматриваюсь... не обычным зрением, другим, которым вижу энергии... по его идеальному

телу бегут золотые вспышки... энергия смерти??? Как такое может быть? Не могу понять, не верю своим глазам!!! О таком мои наставники мне не говорили. Как же это??? Не могу больше просто любоваться поединком, я должна найти ее источник, источник этой энергии смерти, откуда она в нем?? В это время меня толкает в бок сосед по кругу:

— Ты! Слышишь, что говорю? Ты на кого ставишь?

— Что??? — не понимаю я.

— На кого ставишь? На Видящего или на Ищущую?

— Я не буду ставить, — отмахиваюсь от него.

Вот же... сбил... Начнем еще раз... Возвращаю видение энергии, я часть всего... Вздрагиваю от этой мысли: ведь если я часть всего... значит я часть его тоже... Значит это я ветер, который остужает пот, выступающий у него на груди, значит это я те капли пота, что выступают у него на теле, значит это я... Ой-ой-ой... нет... не туда... хотя... если я часть его... значит я знаю, откуда в его теле энергия смерти... я должна стать им... Позволяю течь себе, ведь я его кровь... Память... как это оказалось здесь... надо найти причину... Я его кровь, я его память... я его знание... закрываю глаза, я не могу видеть что-то его, пока не перестану смотреть своими глазами. Палатка командора. Уже рассветает. Командор открывает глаза. Холод по всему телу, бьет дрожь, да так что дрожат руки. Я вижу его глазами, как из черной коробки достается какой-то кристалл, и еще что-то. Дрожащие руки превращают кристалл в крошку, пересыпают в пузырек с какой-то жидкостью, перемешивают и подносят ко рту. Хочу кричать, что этого нельзя делать, что это его убивает, но он выпивает, он не слышит меня, ведь я всего лишь его кровь. Меня обжигает ледяной огонь. немеют конечности, затуманивается разум, боль отступает, теперь это уже другая боль. Жидкий огонь в крови разливается золотыми каплями энергии смерти. В ужасе обрываю свое видение. Кален с Карой все еще сражаются. Смотрю на него обычным зрением и вновь не могу отвести взгляда, как должно быть чудесно, когда эти руки тебя обнимают... сводит живот от одной мысли об этом... Но нет, не сейчас... наверное никогда... я должна ему помочь, я должна его излечить... я должна уничтожить эту энергию смерти в нем... Собираю энергию жизни из воздуха, из всего окружающего и медленным потоком начинаю вливать в него, я вижу каждую золотую искру, добравшись до нее, я окутываю ее голубым сиянием и гашу, поглощаю, она исчезает, растворившись в энергии жизни, которую я отдаю ему. Вот так. Так будет правильно. Все золотые капли повержены, больше не осталось ни грамма. Но он сам... сам травит себя этим... почему??? Нужно найти причину и устранить ее. Опять становлюсь частью его крови, его капелькой, ищу причину, я же кровь, я могу найти причину. Меня носит по всему его телу, везде ищу скрытую угрозу. Но ее нет. В его теле ничего не требует этого, это внешнее воздействие. Значит, пока он сам не сможет справиться с этим, я не могу ему помочь. Очень печально. Становлюсь собой и наблюдаю за сражением. Чарующее зрелище, клинки сшибаются в воздухе, разлетаются в разные стороны, снова сталкиваются, прямые удары, удары с поворотом, режущие, колющие, обманные выпады. Никто не сдается. Кара наступает, Кален отбивается и сам переходит в наступление. И все-таки — он совершенство, вот только... сколько шрамов на его теле. Плечи, руки, спина, грудь, везде шрамы. Одни мелкие и незаметные другие глубокие, вот один из шрамов красным рубцом пересекает его спину: он начинается от правой лопатки, и прячется под поясом слева. Кален поворачивается во время схватки ко мне лицом азарт в глазах, на лице улыбка. А на шее еще один шрам. На груди след от колющей раны, совсем рядом с сердцем, но уже старый шрам. Красивый живот тоже разрезают следы от ран. Это ужасно!!! Сколько

раз он был на волосок от смерти, ведь каждая эта рана могла стать смертельной, но он выжил. Вот на плече рубец от ожога, видимо, магическая атака достигла своей цели. Бедный командор! Я должна остановить все это, чтобы больше его жизни никогда ничего не угрожало. Схватка продолжается, а я все люблю, я не могу оторвать от него глаз.

— Да уж, прекрасное зрелище, — рядом со мной оказывается Энель. — Только вот я не могу понять, созерцание чего тебя больше захватывает их поединок или все-таки обнаженный торс Калена?

— Энель, — выдыхаю я, отводя глаза от Калена. И бессовестно вру — конечно, поединок.

Энель смеется.

— Ты так на него смотришь, что только слепой этого не заметит. Но, чтобы это заметил наш командор, тебе мало просто будет буравить его взглядом, он очень толстокожий, его этим не проймешь. Так что придется постараться. У Кары так ничего и не вышло.

— Кара...??? Она...

— Нет, они не вместе, если ты хотела об этом спросить. Но она очень этого хотела бы.

— Понятно... Я... не...

— Ты не будешь вмешиваться? Серьезно??? Ты меня удивляешь. Я думала, что кому-кому, а тебе не привыкать идти против обстоятельств, пытаюсь добиться своего. Но это дело твое... Кара, конечно, моя подруга, но она не понимает, что Калену нужна не она. Я не знаю, кого он ищет, но явно, не Кару. И знаешь, что самое удивительное, я верю, что каждый из них найдет именно то, что ему нужно, когда они перестанут мешать друг другу. А сейчас пора оканчивать этот фарс, никто из них не станет поддаваться другому. Поэтому их лучше остановить, пока они в пылу борьбы не убили друг друга.

Энель сделала несколько шагов вперед, но сражающиеся не обратили на нее никакого внимания. Тогда она достала кинжалы, скрытые полами плаща и одним рывком, оказалась между сражающимися, два кинжала встретили сталь двух мечей.

— Стоп, друзья мои! Мы уже давно слышали просьбы наших воинов и поселенцев представить нашу героиню, и сейчас, по-моему, самое подходящее время. Ваш поединок привлек внимание всего поселения. И она тоже здесь, — Легким движением головы Энель указывает на меня.

Пока Энель говорила, Кален одевался, Кара подождала пока он оденется и легким движением рассклала ткань на плече, на белой ткани появилось несколько капель крови.

— Вот и все! Первая кровь! Победа за мной!

— Кара! — Энель сердито смотрела на подругу. — Как ты могла?

Кален же лишь рассмеялся. Он поклонился Каре.

— Спасибо, Ищущая, за еще один урок! Мне не стоило расслабляться, удара можно ожидать в любой момент. Тем более от друзей и в спину. Ты победила.

Энель все еще осуждающе смотрела на Кару.

— Итак, друзья, все вы спрашивали нас, о том, кто смог закрыть разлом, я с удовольствием представляю вам нашу героиню. Мирриэль, — Кален подошел ко мне и взял за руку. — Больше не надо прятаться.

Он протянул руку и скинул капюшон с моего лица.

— Ничего не бойся, — шепнул он мне, наклонившись. — Никто больше никогда не посмеет тебя обидеть. Я буду твоим щитом. Ты мне веришь?

Я ничего не могла ответить, я смотрела в его сияющие глаза, я растворялась в них. Я

ничего не боялась, когда он был рядом, когда он держал меня за руку. От него пахло потом, и еще... несколько капель крови примешивали запах железа к его запаху. Я смотрела на него и не могла оторваться.

— Хватит на меня так смотреть, ты так дырку во мне сделаешь, — он шутливо мне подмигнул, улыбаясь. — Идем.

Он вытянул меня на центр площадки, окруженной со всех сторон людьми.

— Итак, люди. Вот она, Мирриэль. Воплощение всех наших надежд. Героиня, способная закрывать разломы.

На некоторое время над площадкой повисла напряженная тишина, которую потом разорвали в клочья приветственные крики.

— Ты смотри, они даже не обратили внимания на то, что ты — эльф. Им все равно к какой расе принадлежит способный их спасти, — Энель подтолкнула меня в бок. — Ну, поприветствуй их. Ты же их герой! Они ждали этого три дня. Не разочаруй их.

Я подняла руку, в приветственном жесте и тут на меня нахлынула волна энергии созидания, она просто захлестнула меня, подминая под себя. Я едва устояла на ногах, такого я никак не могла ожидать. Кален поддержал меня за локоть.

— Что случилось? Ты оступилась?

— Нет, я... потом объясню... я не была готова к такому...

— Инариэль сказал, что ты хочешь поупражняться. Боюсь, что общие занятия тебе не помогут, тут нужны индивидуальные тренировки. Сейчас это не получится точно, после нашего представления, люди сами разгорячились, самое время для тренировок. Вечером у нас совет в моей палатке, подходи, там и определимся с твоим обучением, — он мне улыбался, его горячая рука все еще держала мой локоть. — Идет?

Я смогла только кивнуть.

— Только можно я сейчас пойду, я под таким напором долго не выстою...

Он улыбнулся и кивнул.

— Друзья. Нашей спасительнице еще не очень хорошо, так что давайте мы ее отпустим.

Толпа продолжает восторженно греметь, но расступается, пропуская меня.

Обед с Инариэлем.

Надо все-таки поесть. Инариэль обещал со мной пообедать. Нужно его найти.

Большой шатер неподалеку от стены. Туда входят и выходят раненные воины, видимо лазарет. Инариэль — целитель, наверное, он там, помогает раненым. Направляюсь к шатру. Тяжелый запах окружает это место, очень много крови, сладковатый запах смерти витает в воздухе. Тошнотворный запах. В самом шатре этот запах смешивается с насыщенными запахами целебных припарок, высушенных трав. Тут и там видны женщины, ухаживающие за ранеными, некоторые из числа беженцев, другие, судя по одежде, служительницы церкви. Стоны слышны на каждом шагу, кому-то перевязывают руку, кому-то дают зелья. Видимо, из магов здесь только Инариэль, все остальные обычные знахари. Мага не станут просить о помощи, там где могут справиться припарки и травы, его надо искать рядом с самыми тяжело ранеными. Сколько же тут раненых? По моим подсчетам человек тридцать. Окидываю взглядом пространство, вижу в дальнем углу склоненную над кем-то фигуру в сером плаще, наверняка это маг. Инариэль склонился около солдата, он дает ему какое-то снадобье. Стою в сторонке не мешаю. Смотрю на солдата другими глазами, вижу рану, понимаю, что он теряет много крови. Инариэль ему помог, как смог, но его магии недостаточно, чтобы спасти солдату жизнь, обычные залечивающие раны заклятия тут не

помогут, слишком глубокая рана, слишком сильное повреждение, если я не вмешаюсь, солдат умрет. Наряду с энергией жизни тут и там, блесит золото смерти, некоторые воины окутаны золотым маревом, им уже не смогу помочь даже я. Солдат, рядом с которым сидит Инариэль, еще сопротивляется, у него еще есть надежда, мелкие искорки золота над ним, и в нем, я легко смогу убрать, как и из крови Калена. Собираю энергию жизни, направляю на его рану, получив новый заряд энергии, тело солдата реагирует быстро, ускоряя его регенерацию, энергии много, а я тренируюсь и человека спасаю. Проходит некоторое время, вижу, как энергия жизни затягивает его рану, как останавливается кровотечение, как меркнет золото в его теле, теперь он точно поправится. Инариэль смотрит, как на его глазах затягивается рана и ничего не понимает. Смотрит на меня, я вижу его энергию. В нем чистая энергия жизни, такой я у людей не видела, такую я видела у ветра, слишком яркая, слишком сильная.

— Мирра? Это ты сделала?

— Да, Инариэль. Мне нужно тренироваться. Пойдем. Я все расскажу тебе за обедом. Мне очень нужен твой совет.

— Конечно, идем.

Мы выходим на улицу. Понимаю, что в животе от голода все переворачивается.

— Пойдем, перекусим. Я ужасно голодная.

— Так, Мирра. Мы идем кушать. У тебя есть время в паре слов рассказать мне, что с тобой происходит. Я весь внимание...

— Я... — на секунду задумываюсь, потом решаю, что если я не буду откровенна, то не получу ответов, в которых так отчаянно нуждаюсь. — Инариэль, я... кое-что увидела, объяснить это я не в силах, может быть, ты сможешь мне помочь. Но, сперва, тогда мне надо рассказать, что было со мной, за последние три дня, чтобы ты понял, откуда я узнала.

— Я слушаю тебя.

Мы заходим в таверну. То самое двухэтажное здание в центре поселения, от которого еще утром исходил удивительно аппетитный запах. В помещении темно, чадят свечи под самым потолком, на столиках стоят лучины, освещая лишь сам столик. Полумрак и удивительные запахи. После лазарета — это просто праздник. Инариэль решительно направляется к отдельно стоящему столику, недалеко от пылающего камина. Очень быстро к нам подходит молодая девушка, каштановые волосы, светлая кожа, карие глаза, на губах приветливая улыбка.

— Господин маг, добрый день. Чего изволите?

Инариэль едва на нее взглянул.

— Здравствуй, Кэтти. Сегодня отец тебе позволил к нам подойти? А ну, да, с нами же нет командора, — он улыбается девушки, на щеках которой расцветает румянец. — Принеси нам ваших отменных колбасок, что-нибудь на твое усмотрение к ним и вина, неси сразу кувшин, чтобы нам не звать тебя лишний раз.

Девушка поклонилась и ушла в сторону небольшой двери, видимо ведущей на кухню. Посетителей еще не много, нам быстро приносят еду. Пахнет просто... чудесно. Я с удовольствием приступаю к еде, пока Инариэль разливает вино по кубкам. Когда недовольное бурчание у меня в животе перестает заглушать для меня все остальные звуки, я решаю, что теперь можно и выпить, и поговорить, наконец-то для меня будет решен вопрос, что такое вино. С наслаждением отпиваю из кубка пурпурную терпкую и с то же время сладковатую жидкость.

— Так вот, я должна была пройти обучение, чтобы я могла восстановить равновесие, меня учили пользоваться моей силой. Там все просто, я думаю, что как маг ты должен знать, что есть два вида энергии: энергия жизни и энергия смерти...

— Что??? Мирра??? Откуда ты знаешь это??? Это... эти виды энергии, это же больше чем магия, это... это возможность изменять саму материю мироздания... Я долго искал эти знания, но похоже, что их унесли с собой бессмертные... Ты хочешь сказать, что ты овладела... ты можешь подчинять себе энергию жизни???

— И смерти тоже, только пока не пробовала, но, наверняка, могу... это очень опасно... поэтому мне дали это умение, чтобы использовать его только в самом крайнем случае...

— Вот как ты вылечила того солдата? Энергия жизни???

— Именно, очень приятно говорить с тобой, ты понимаешь все с полуслова... Итак, да, меня научили использовать энергии жизни и смерти и дали базовые военные навыки. Их было трое. Первый, был старец-эльф в сером балахоне, он учил меня управляться с энергией жизни. Второй была... девушка, сегодня утром, я просила тебя вспомнить недавних героев, нет у меня сил, играть в эти игры, спрошу прямо: среди недавних героев была светловолосая женщина с серыми глазами?

Инариэль смотрел на меня с удивлением.

— Ты видела там ее?

— Да, она была второй. Она учила меня обращаться с оружием и сказала, что я должна выбрать свое оружие, но для этого мне надо тренироваться. Итак, судя по тому, как широко ты раскрыл свои удивительные глаза, ты понял, о ком я говорю?

— Да, я понял. Последняя война, около 5 лет назад, в наш мир хлынули орды нежити и прочих ужасных тварей, они прорывались из пещер из любых трещин и очень скоро уничтожали все в округе. Ее имя Элрина. Она не принадлежала к какому-либо из орденов, она была одним из вольных эльфов. Когда она впервые столкнулась с нежитью и смогла победить, решила примкнуть к войскам прошлого короля Эртина. Она была рядовым воином, лучницей, если точнее. Путешествуя, с основными силами она познакомилась с Астером, тогда он был лишь одним из сержантов. В одной из битв, практически все войско короля Эртина, было уничтожено, выжило всего несколько человек. Элрина и Астер смогли восстановить военную мощь, они смогли убедить объединиться эльфов и гномов с людьми, создав мощнейшую армию, они были теми двумя, кто смог остановить беду. Пока они путешествовали, стало известно, что Астер внебрачный сын короля Эртина. Элрина вела войска в бой вместе с королем. Это она возвела его на трон, но через две луны, после того как улеглись все волнения, после того, как наступил мир и Астер был коронован, мы узнали, что во время одной из битв она была ранена, моровой стрелой, все это время отравляла медленно ее убивала, и в один день она просто исчезла, оставив короля, больше ее никто не видел. Все считали, что она отправилась искать исцеления, но раз ты ее видела... значит...

— Да, Инариэль, она покинула короля, чтобы он не видел ее смерти. Она его любила и любит до сих пор. Это кольцо, что ты нашел у меня... Это ее кольцо, она просила вернуть его, ее возлюбленному, и просить его жить дальше... Теперь это задание становится практически невыполнимо, но... я обещала, я попробую. И еще она мне сказала, что герои не живут долго и счастливо, никогда. И я должна быть к этому готова. Она была второй. Третьим был странный человек в капюшоне и плаще. Он рассказал мне об энергии смерти и предупредил о цене, которую придется платить за ее использование.

— Мирра, ты понимаешь, что это значит?

— Да, я понимаю. Я принадлежу обоим мирам и могу управлять любой из энергий, обращая ее на свою пользу, но вот только пока, кроме исцеления раны у солдата, никакой пользы от этого знания я не вижу. А теперь вернемся к Калену. Когда я смотрела на него, когда я видела его энергию, я увидела у него в крови наряду с энергией жизни, частицы энергии смерти. Я испугалась и решила, что должна выяснить их источник. Я не буду тебе рассказывать, что и как я делала, но я видела, как он разбивает какой-то кристалл и смешивает его с чем-то, а потом он пьет эту смесь. Меня испугала та боль, которую он испытывает, пока не выпьет этого средства, но именно после того как он пьет это... в его теле появляется энергия смерти... Я еще не все понимаю, но я знаю, что энергия смерти в человеке — убивает его, долго, мучительно, но верно... Я хотела избавить его от этого, я думала, что он болен и пьет лекарство, но я не нашла никаких признаков болезни, он совершенно здоров, значит он пьет это... Зачем? Что это, Инариэль?

Инариэль сидел молча, глядя на меня.

— Ты понимаешь все гораздо лучше меня. Ты видишь энергии, мне это недоступно, ты можешь ими управлять, я — не могу. Что касается Видящего, — он тяжело вздохнул. — Их орден получает свою силу, благодарю употреблению обата, сильного вещества, которое активизирует магические способности Видящих, благодаря ему они могут останавливать и перенаправлять магию, направленную на них. Но обат — это яд. Они убивают себя, чтобы выполнять свой долг.

Инариэль опустил голову, глядя в тарелку, в которой уже остыла еда.

— А он может отказаться от этого? Инариэль?

— Нет, Мирра. Никогда и никто не смог отказаться от обата без последствий. Отказ от обата — ведет к сумасшествию. Они теряли рассудок от боли. Их жизнь превращается в постоянную пытку. Боль, которую они испытывают, никто не может этого представить, но поверь мне, Мирра, даже наш здоровяк Кален, не сможет ее выносить, ничто ему не поможет. Он будет умирать в агонии, нам нельзя просить его об этом, ты же не хочешь ему такой судьбы?

— Нет, конечно, не хочу. Инариэль, сколько? Сколько... он еще...

— Никто не знает. Даже он сам. Поэтому здесь Кара. Она присматривает за ним. Когда она поймет, что его время пришло, то должна будет вернуть его в цитадель Видящих или... убить... он может стать опасен для окружающих, если боль сведет его с ума.

— Это истинное назначение ордена Ищущих, они следят за Видящими, и помогают тем исчезнуть, когда приходит время?

— Да, скорее всего, именно так. Мирра, мы тут не можем ничего сделать.

— Это не так, Инариэль. Я могу ему помочь. Когда я увидела в его крови эти частицы, я их... уничтожила. Я направила на них большой поток энергии жизни, и... они растворились в этой энергии. Я думаю, что... смогу ему помочь справиться с этим, но только если он сам сможет отказаться от приема этого... как ты там его назвал? Обата... тогда я смогу.

— Мирра, не терзай себя этим. Ты сможешь уничтожить следы энергии смерти, но можешь ли ты спасти его от боли? Он не хочет потерять свою силу, свою способность, как не хотят маги расставаться со своими способностями, это часть его... неотъемлемая... мы можем только...

— Наблюдать и ждать. Ты это хотел сказать?

Инариэль промолчал.

— Теперь, Мирра, расскажи мне где ты была, где проходило твое обучение?

Я кивнула, больше говорить было не о чем. Кален... Долг для него превыше всего. Я должна была теперь просто принять это.

Я долго рассказывала Инариэлю, о том месте, где оказалась, где проходила обучение.

— А теперь, Инариэль, я хочу понять, что это за мир? Расскажи мне.

— Рассказ получится долгим, Мирра. Но я начну с самого начала. Итак...

Мы не понимаем много, истоки скрыты от нас, но у эльфов есть старые легенды о трех драконах. В пустоте бесконечности летал Зеленый дракон Равновесия. Увидел он наш мир и так ему полюбился этот осколок в пустоте, что решил он создать на нем жизнь, чтобы было кому радоваться вместе с ним красоте и совершенству. Первыми были созданы гордые эльфы, наделил он их пониманием красоты и подарил бесконечно долгую жизнь и назвал их своими детьми — детьми Равновесия. Эльфы получили в дар великую магию, частичку сущности зеленого дракона. Этим мудрым бессмертным народом заселил дракон леса, если же бессмертный эльф все-таки погибал, то душа его отправлялась в мир вечного лета, рядом с престолом самого Зеленого дракона. Но эльфы не могли жить в прекрасных горных пещерах, добывать и обрабатывать металлы, поэтому дракон создал гномов. Гномам не было даровано бессмертие, они умирали, но для душ своих детей Зеленый дракон создал иной мир, мир покоя и света, в котором духи могли наблюдать за своими потомками в ожидании воссоединения с ними. Так и жили в мире и согласии две первые расы. Не было войн между ними, болезни были редки, царило Равновесие в Эстэрие. Каждый занимался своим делом, и собирались два народа вместе, чтобы почтить своего создателя. Эльфы слагали стихи, прославляющие его мудрость и силу, а гномы украшали его изваяния красивыми камнями. Однажды Красный дракон увидел это, и захотел он тоже, чтобы его почитали и приносили подношения, захотел он создать своих детей. Зеленый дракон понимал, что чем многообразнее будет жизнь, тем лучше будет, и не стал противиться желаниям Красного дракона. Однако, просил он красного дракона поселить своих детей отдельно от его. Красный дракон согласился, и создал Орков, могучих, свободных, свирепых, и поселил их на бескрайних равнинах, что отделяла от остальных земель быстрая река Эрния. Они стали воинами и добывали славу в боях между собой, во имя великого Красного дракона. Красный дракон упивался видом своих созданий и наслаждался их почитанием. Погибшие орки, обретали покой в том же мире, что и гномы. Тогда мир покоя и света стал обретать другой вид. Гордыня погибших орков окрасила мир духов в серые цвета, и стали появляться там демоны, неуспокоенные духи, желающие вернуться, ради отмщения и хаоса, появлялись духи гордыни, гнева, зависти, глупости. Зеленый дракон был расстроен этим, но не мог великий дракон Равновесия уничтожить расу орков, лишь за то, что их создатель наделял их такими качествами. Доброта его творений, приобретала свой вес в сравнении с агрессивностью орков. Шли века. Драконов продолжали почитать. Эльфы и гномы, даже не знали о новой расе. Но Красный дракон рассказывал своим детям об огромном мире, за рекой, где живут в лесах бессмертные высокомерные эльфы, владеющие магией, и о чудесах подземных кузниц гномов. Печалился Зеленый дракон и не мог решить, как ему сохранить равновесие, если однажды вырвутся орки из-за реки и пойдут войной на его детей. Тогда появился Белый дракон. Он сказал, что сможет создать существ, которые помогут поддержать равновесие. Которые будут достаточно сильны и агрессивны, чтобы сражаться с орками, но при этом смогут понимать красоту прекрасного, созданного эльфами и гномами. Послушал его Зеленый дракон и согласился. Так на далеком острове Гриэн, появились люди. Людской век был недолог, но люди, движимые жаждой познания, стремились вперед, учились, рождались

и умирали. Умирая, люди переносились в Мир духов, как и орки и гномы, и духи их отражали стремления живых людей, появились духи мудрости, сострадания, милосердия, но вместе с ними появлялись и другие духи, неведомые прежде: отчаяние, праздность. Так заселялись миры и не соприкасались они никогда, пока Красный дракон не решил, что дети его лучше прочих и должны остальные существа им поклоняться, как они поклоняются ему. Впервые Красный дракон нарушил непроницаемость завесы между мирами и через истонченную завесу горести обрушились на Эстерию: голод, боль, болезни, раздоры и самые сильные духи могли проходить через открытые двери миров. Воспротивился Зеленый дракон таким переменам и в страшной схватке, не смог он противостоять Красному дракону, и был повержен. Начался темный век. Больше не было равновесия. Все больше погибало гномов, все больше рождалось у них ненависти к бессмертным братьям. Эльфы оплакивали своего творца. Гибель Зеленого дракона привела к страшным последствиям. Настало время больших перемен. Покачнулось мироздание, проснулся древний вулкан, и огненные потоки устремились к острову Гриэн. Жажда жизни в людях была сильнее страха перед неизвестностью морского путешествия, построили они корабли и отправились искать счастья в других землях. Эльфы, поглощенные своей скорбью, не обратили внимания на новых соседей, люди налаживали торговлю и с эльфами, и с гномами, строили города, занимались земледелием и животноводством. И пришло время, когда сила людей так возросла, что ни эльфы, ни гномы уже не могли им противостоять. Подземные мастера продолжали торговлю, их изделия высоко ценились среди людей, а эльфы, в попытках восстановить равновесие, делились своими знаниями с людьми, обучали их магии, но магия бессмертных была слишком сложна для людей, не было в их груди магии, как и гномы люди были лишены этого дара. Понимая, что им никогда не сравниться с эльфами, люди стали ненавидеть своих учителей, завидовать им. И эльфы отвернулись от своих нерадивых учеников, они перестали покидать свои леса, предоставив людей и гномов их судьбе. Через некоторое время из-за сильной засухи, когда погибали посевы и пересыхали реки, великая река Эрния, так обмелела, что оркам не составило труда ее перейти и началось их победное шествие по всем землям. Первыми от набегов пострадали люди, но, захватив несколько городов, орки не насытили свою жажду крови. Их вел их творец — Красный дракон и никто не мог устоять против них, они двинулись дальше, уничтожая и убивая. Это и было великой войной, многие годы оркам никто не мог противостоять. Лишенные магии люди ничего не могли поделать с могуществом Красного дракона, поля сражений были залиты кровью. И тогда, сошел на землю Белый дракон, чтобы защитить ее. Он смог объединить все народы против общей угрозы. Люди, эльфы и гномы, встали в одном строю. Но даже совместная их армия могла дрогнуть перед драконом. Чтобы избежать поражения Белый дракон вызвал на поединок Красного. Небо потемнело, могучие крылья драконов закрывали светило, раскаты битвы доносились с небес до обеих войск. Долгой была битва, но Красный дракон, был сильнее, и тяжело раненный Белый дракон отступил к своим войскам. Уже умирая, он призвал эльфов и поведал им древнее заклятие, позволяющее пленить такое могущественное существо, но и цена этого заклятья была велика: эльфы должны были пожертвовать своим бессмертием. Уже гремели барабаны наступающей армии орков, эльфы сделали сложный выбор. Десять могущественнейших из них объединили свои силы, и приступили к заклинанию, черпая силу в крови белого дракона. После того, как силу этой магии, магии крови, узрели живущие — всем стало понятно, что такая магия слишком могущественна и ее необходимо ограничить, или же вовсе запретить. Когда заклинание было закончено,

Красный дракон был заточен в мире духов. Все эльфы стоявшие в кругу были мертвы. Их родичи, утратив бессмертие, а вместе с ним была потеряна и могущественная магия, требовавшая бессмертия. Лишь несколько молодых эльфов, стоявших рядом с кругом и, оберегавших его от нападения, выжили. В их крови осталась капля силы Белого дракона, наравне с толикой силы оставшейся от Зеленого дракона, они стали последними носителями древнейшей магии, но кем они были, и что с ними стало, никто не знает. Их имена не сохранились в истории, для всех они стали просто Древними. Перед тем, как закрылись глаза дракона, он просил людей, эльфов и гномов не забывать этот урок и соблюдать Равновесие. Вдохновленные словами Создателя своего люди, а вместе с ними эльфы и гномы смогли остановить атаку орков и оттеснить их назад, за реку, освободив все земли. И тогда пошел дождь и шел он несколько лун, река восстановила свои воды и заперла оставшихся в живых орков, отрезав их от остального мира на их территории. Но какой ценой это было достигнуто! Домой не вернулся каждый третий ушедший. Долго горели погребальные костры, и весь мир окутывал траур. Эльфы так и не смогли оправиться от постигшей их участи. Они потеряли своего Творца, они пожертвовали своим бессмертием и единственное, что им осталось — это снисхождение от людей и гномов, гордый народ был сломлен. Но в той битве, эльфы впервые узнали силу союза. То, что привело к падению наш народ, стало причиной возвышения людей, ибо всю свою мощь Белый дракон обратил в доступную для людей силу, она и стала основой людской магии. Люди используют именно эту магию. Магия людей... изначально это — часть смерти. Люди не забыли Белого дракона. Назвав его Создателем, они продолжают поклоняться ему по сей день, не забыли и Красного дракона, а вот о Зеленом драконе уже никто и не вспоминает.

— Я еще не утомил тебя своим рассказом? — Инариэль улыбнулся.

— Нет, что ты, продолжай. Мне очень интересно. А откуда взялись ордена? Церковь? Маги среди людей?

— Ордена? Ну что же давай расскажу тебе и об этом. Существует несколько версий происхождения орденов, первая состоит в том, что ордена были сформированы церковью и стали выполнять функции ею назначенные. Другая же версия более интересна и правдоподобна:

Во времена великой войны Белым драконом был создан орден Хранителей. В него вошли самые славные воины, они первыми встречали опасность на поле брани. Некоторые из Хранителей всецело посвятили себя служению Белому дракону, их он одарил необычными способностями, одни могли видеть ложь, и так находили предателей; другие умели различать в людях способности к магии, когда те еще не проявляли себя; третьи же были отчаянными бойцами, дракон укрепил их дух, чтобы могли они бороться с демонами. Так в одном ордене находят свои корни все три: Видящие, Ищущие и Нейтралы. Орден Хранителей существовал до конца смутных времен, когда же орки были изгнаны за реку, и военная мощь ордена не имела уже такого большого значения, на смену Хранителям пришла церковь, как объединяющая сила в мирное время. Была написана Великая книга, и служители церкви стали распространять по всему миру слово Создателя. Тогда орден Хранителей и распался на три ордена, Видящие и Ищущие остались в подчинении церкви их называли карающей дланью церкви. Нейтралы же никому не подчиняются, выполняя свою роль, ведь их задача — это борьба с демонами и к мирским делам они непричастны.

— Эта версия, мне нравится больше, и я тебе скажу почему, Мирра. Вчера вечером, в таверне за столом сидели все мы: я, Кален, Кара, Барри и Энель. Мы вспоминали

понесенные нами утраты и думали, как их восполнить. Сейчас никому нет дела до того, как живут обычные люди, и никто еще не смог понять, насколько велика угроза, нависшая над всеми нами. Пока что разломы открываются только недалеко отсюда, но представители ордена Нейтралитета уже не справляются, и маги уже не спешат закрывать двери в мир духов. Но это должен кто-то делать. Обсудив все это, мы решили воссоздать древний орден Хранителей. Мы станем новыми Хранителями. У нас есть представитель церкви — Энель есть Ищущий — Карра, есть Видящий, я буду помогать с изучением новых, неизвестных до сей поры монстров и артефактов, у нас есть купец, способный наладить торговые связи с лучшими мастерами среди гномов, а главное, Мирра, у нас есть ты. Ты — способная закрывать Разломы, ты умеющая управлять энергиями. Нам не хватает представителя ордена Нейтралитета, ну и конечно, мы не сможем обойтись без представителя магов, но это можно будет исправить, пока мы будем путешествовать, обязательно наткнемся и на того и на другого, — он отпил из кубка и улыбнулся. — Ты понимаешь, насколько ты важна для нас всех?

Я только кивнула головой. Важна... Еще пару дней назад меня казнить хотели, а теперь я — важна.

— Теперь я расскажу тебе о магии. Наша магия, эльфийская, она была сродни твоего владения энергиями, но людская магия — другая. Они черпают силу из мира духов, каждый их маг, так или иначе, связан с той силой. Они не могут ею управлять полностью, они могут лишь придавать ей форму, понятную им самим.

— Постой, Инариэль, ты хочешь сказать, что в отличие от эльфийской магии, которая черпает силу в энергии жизни и созидания, магия людей — это плод энергии смерти?

— Скорее всего, Мирра. Я не вижу энергии, мне сложно судить об этом. Возможно, когда ты столкнешься с магами-людьми, ты сможешь мне что-то рассказать. Но они говорят, что черпают силу в стихиях, поэтому все маги принадлежат к одному из четырех кругов: Огонь, Вода, Воздух или Земля. В круги юных магов доставляют Ищущие, там неопитов учат использовать свой дар. После обучения молодых магов распределяли по башням, где они продолжают обучаться и несут пользу людям. Башен много, Мирра, ведь не известно в каком месте откроется следующая дверь, а маги должны прибыть туда быстро. Обычно в одной башне живет около двадцати магов, разных стихий. Учитывая, откуда маги черпают энергию, за ними нужно присматривать, чтобы какой-нибудь демон не завладел их телом. Для этого при каждой башне есть Видящие. Стоит заметить, что обычные люди недолюбливают и боятся магов, даже целителей. Видящие оберегают магов от обычных людей и наоборот. Они, как барьер, между теми, кто владеет магией и боится ее. Но Видящие, как ты знаешь, приобретают силу дорогой ценой, поэтому за ними присматривают Ищущие, подчиняющиеся напрямую преподобной матери, главе церкви.

За беседой мы не заметили, как наступил вечер. В таверне стали собираться люди. Пришли Кара и Энель. Они сели за наш столик и с удовольствием слушали рассказы мага-отступника. Калена не было. На душе у меня было тревожно, я беспокоилась за него, я должна была ему сказать, что все понимаю. Подошел Барри. Он тоже начал рассказывать свои истории. Всем было весело, а у меня на душе скреблись кошки. Я не выдержала и встала из-за стола.

— Я пойду, сегодня был долгий день, я устала, хочу отдохнуть.

Все пожелали мне доброй ночи, и я вышла. Следом за мной вышла Энель.

— Мирра, что происходит?

— Ты о чем, Энель?

Она смотрит на меня своими удивительно пронизательными зелеными глазами, потом нерешительно качает головой.

— Я подумала, что... Просто видишь ли, после утреннего представления, буквально через час, Кален становится чернее тучи, только что молнии не метал глазами. Накричал на кого-то и заперся у себя. Я пыталась с ним поговорить, но он лишь накричал на меня. Мирра, он никогда не кричал ни на кого. Я думала это связано с тобой...

— Мне нечего тебе сказать, Энель. Но я... попробую с ним поговорить... Он сказал, что вечером у вас совет, сказал, чтобы я пришла, чтобы обсудить мою военную подготовку. Так что у меня есть отличный повод к нему заглянуть. И вы подходите, чуть попозже.

Шпионка посмотрела на меня, едва улыбнулась и кивнула.

Новые силы.

Я направилась к палатке командора. Света не было. Но когда я подошла, услышала голос Калена.

— Уходи, Энель. Я не собираюсь ничего с тобой обсуждать.

Я промолчала. Что я могу ему сказать? Как я могу ему помочь? Я уже хотела уходить, но вспомнила, что он сам меня позвал, правда это было днем, до того, как ему стало плохо. Я должна с ним поговорить. Я решительно подошла ко входу и вошла внутрь. Тут же моей шеи коснулось холодное лезвие.

— Я же сказал, не заходить, оставь меня в покое, Энель. Завтра я буду в порядке, но не сейчас. Или ты хочешь проверить меня...

Лезвие прижалось сильнее. Я не шевелилась. Если раньше за ним такого не водилось, значит, я виновата в его состоянии, я должна пострадать от его гнева, никто другой, потому что... скорее всего именно то, что я уничтожила те капли энергии смерти в его крови, стало причиной его вспышки гнева...

— Что ты молчишь, шпионка, сказать нечего?

Он чиркнул кремнем и шатер осветил тусклый свет лампы. Меч все еще был у моей шеи, я уже чувствовала, как теплая капелька крови катится из-под острого лезвия, вниз к моей ключице. Тогда он повернулся, приподняв светильник... Он увидел меня и замер, я почувствовала, как дрогнула его рука, меч царапнул кожу у меня на шее.

— Мирра??? Создатель!!! Ты что тут делаешь, я же мог...

Он увидел каплю крови на шее.

— Я ранил тебя...

— Кален, это ерунда, это просто царапина. Я хотела...

Я видела, как напрягаются мышцы на его руках, видела, как он сжимает кулаки, видела, что он едва сдерживается, чтобы не бросится ко мне, видела, как дрожат его руки.

— Кален, ты сам сказал мне прийти вечером. Я пришла. Ты говорил о совете и о моем обучении, помнишь? Мне все еще необходим наставник, если вы хотите воссоздать орден Хранителей. А я ваш единственный шанс закрывать разломы, мне необходимо учиться. Ты понимаешь меня?

Я изучаю его энергию. И прихожу в ужас, то, что я уничтожила утром, не только вернулось, теперь это уже не несколько точек, это повсюду. Инариэль был прав, я не могу ему помочь так, от этого ему только хуже. Я должна это остановить.

— Кален. Инариэль мне все рассказал. Я должна извиниться, по незнанию я причинила тебе боль. Я считала, что смогу помочь тебе так, но... видимо сделала только хуже. Ты не

виноват в том, что с тобой происходит, только я виновата в этом. Я пришла сказать, что если бы я только знала, какой выбор тебе пришлось делать... я бы никогда, ты слышишь меня, никогда не сделала того, что я сделала. Это моя вина. Ты можешь злиться, но только на меня. Я... я хотела сказать тебе... что я уважаю твой выбор, я никогда больше... не позволю себе ничего подобного, я не стану больше причинять тебе боль... Это все, что я хотела сказать. Опустит меч, Кален. Там уже ждут совета Энель и Кара. Это нужно нам всем, ты же понимаешь?

Голубые его глаза смотрели на меня, в них горел совершенно безумный огонь, я видела, как искры магии смерти разлетаются в стороны от его тела. Ему было очень больно из-за меня. Я должна что-то сделать с этим. Я должна ему помочь. Решение приходит само, я не знаю как, я не понимаю даже сути того что происходит, но безумный огонь, сдерживаемая боль. Это понимаю, я чувствую то же самое. Он все еще стоит в нерешительности смотрит на меня, а я уверенно подхожу к его постели, я знаю, что стоит под ней, я видела, как именно оттуда он доставал черную шкатулку. Он все еще не понимает, что происходит, когда я достаю ее, вынимаю из нее кристалл и измельчаю его в ступке.

— Мирра... Что ты делаешь? Оставь это! Откуда ты знаешь???

Я не отвечаю, я вспоминаю, что делает он, и четко повторяю его действия. Смешав порошок с жидкостью в бутылочке, протягиваю ему.

— Кален, я не знала, я не хотела причинять боли. Я думала, что помогаю. Твоя боль... это я по незнанию... я...

Как же ему объяснить, как рассказать, то, что понятно магам, но недоступно людям.

— Я знаю, что тебе сейчас нужно именно это, Кален, я вижу это. Пожалуйста, прости меня. Пей и ничего не бойся, я не оставлю тебя, я не испугаюсь, я уже все это видела, я уже готова ко всему, Кален. Я виновата, перед тобой, пожалуйста... Я больше не могу этого выносить... не могу видеть боль и холод в твоих глазах.

— Мирра, как ты... — дрожащая рука протягивается к флакону. — Этого никто не знает, того что ты сейчас сделала, тебе никто не мог этого рассказать.

Он подносит флакон к губам и выпивает одним глотком. Я вижу, как по его телу пробегает дрожь, вижу, как затуманивается сознание, я не могу сказать, о чем он думал до этого, но я видела, как ему больно. Выпив снадобье, он буквально меняется на глазах. Я вижу, как боль эмоциональная сменяется болью физической и эта, новая боль притупляет ту другую. Я подхожу к нему и беру его за руку. Он сжимает зубы, до хруста суставов сжимает руки. Я беру его руку и держу в своих.

— Командор, я...

Я не знаю, что ему сказать. Я не могу ему помочь. Его начинает трясти, я помогаю ему лечь в постель. Сажусь рядом с ним, но понимаю, что он меня еще не видит, что он еще ничего не осознает, его сознание все еще затуманено. Я не нахожу ничего лучше, чем просто сидеть рядом с ним и гладить его светлые волосы, или нежно поглаживать по плечу. Я не могу его оставить сейчас. С чего я вдруг решила, что мои действия помогут ему? Как я была самонадеянна. Я ничего не понимаю в этом мире, а уже хочу вершить свой суд. В полузабытьи он кричит что-то, он вырывается, пытаюсь встать с постели, он рвется кого-то спасти, рвется кому-то помогать. Я не знаю, что делать. Я никак не могла такого ожидать. Я видела только сам процесс, но я не знала, что следует за ним. Я боюсь его, понимаю, что если он просто чуть сильнее меня отбросит, я не смогу устоять, я упаду, хорошо если он меня не убьет одним махом. Чуть светится маленький огонек в лампе, по стенам палатке

расплываются тени. В горячке на постели мечется здоровенный мужчина, способный убить меня одной рукой. Но я не уйду, меня держит рядом с ним ответственность, долг... или что-то еще, я не знаю, но уйти я не могу. Он начинает разговаривать в бреду. Сжимая зубы, он говорит, что не сдастся, что им не сломить его, что Создатель на его стороне. У него бред, или это воспоминания? Так продолжается еще несколько минут. Потом он открывает глаза. В них уже нет того безумного огня, сейчас это его обычные глаза, голубые, как небо, ясные, понимающие. Он вернулся, но увидев меня рядом, резко сел в постели.

— Мирра??? Что ты тут делаешь?

— Я так рада, что ты вернулся, Кален.

— Ты не должна была тут находиться, я не мог... этого сделать при тебе...

— Кален, ты ничего не делал, я все сделала сама. Я все объясню. Постараюсь. Ты как?

— Я кричал? Бредил? Что я говорил?

— А разве это важно? Все прошло, командор. Теперь мы можем провести совет?

— Да, я сейчас приду в себя, но тебе придется многое мне объяснить, Мирра.

Я киваю, оставляю его и выхожу из палатки. На свежем воздухе мне становится легче. Я ничего не понимаю. Надо сходить позвать Кару и Энель. Им тоже стоит узнать о моих новых способностях, может быть смогут придумать какие-то применения моим навыкам, они лучше ориентируются в этом мире. К палатке Калена возвращаемся уже втроем. Сам командор встречает нас у входа, жестом приглашает зайти.

— Простите, за мое поведение. Я не могу... понять, что произошло со мной...

— Я могу пояснить кое-что, наверное.... - встречаю я. — Я должна вам рассказать, что происходило со мной, пока я была без сознания, последние три дня.

Пытаюсь кратко и доступно рассказать несведущим в магии людям об энергиях. Потом рассказываю, что я сделала, пытаюсь помочь Калену. Смотрю за реакцией моих слушателей, широко распахиваются глаза командора, Энель смотрит очень настороженно, Кара совсем не понимает, о чем речь, слушает рассеянно.

— И только когда Инариэль рассказал мне... о цене, которую платят Видящие за свой дар, я поняла в чем дело, и когда ты, Энель, сказала, что Кален сам не свой, я поняла, что причиной тому хоть и неосознанно, стала я, точнее мое стремление помочь... Прости меня, Кален. Я никак не могла подумать...

— Теперь ты из просто опасной спутницы, превращаешься в опасную, наделенную непонятной силой и совершенно бестолковую, — резюмировала Карра.

Кален смотрит на меня потирая подбородок, Энель просто пытается осознать происходящее.

— Не извиняйся передо мной, Мирра, ничего необычного со мной не произошло, ты лишь сократила время моего нормального состояния, и мне жаль, что тебе пришлось присутствовать при моей... слабости... Забудь об этом и больше, не надо мне помогать без моего ведома, это может плохо кончиться, — Кален смотрит на меня с легкой усмешкой, он не злится, я вижу это в его глазах, он просто, не ожидал такого поворота, но сейчас он снова стал собой: уверенный в себе, сильный, волевой мужчина, да, еще... очень привлекательный мужчина, от его взгляда у меня сводит живот.

— Теперь чтобы я поняла, — Энель смотрит на меня. — Ты обладаешь древнейшей магией эльфов, которая не просто видоизменяет применяемую силу, ты можешь эту силу создавать? Я не могу себе представить этого. Как это работает, Мирра? Ты можешь показать?

— Пока что я могу вам показать лишь исцеление, больше я еще не тренировалась. Идемте в лазарет, покажу, мне это ничего не стоит, — пожимаю плечами.

Выходим из палатки Калена, я накидываю капюшон на голову, не надо мне лишнего внимания. По пути к лазарету встречаем патруль, солдаты приветствуют своих командиров, резко ударяя себя в грудь около сердца, правой рукой. Кален перебросился несколькими словами с патрульными, отдавая распоряжения. Идем дальше. Опять в нос бьет сладкий с привкусом железа, запах смерти. Стоически заставляю себя идти дальше. Хотя очень хочется бежать из этого места. У входа дежурит одна из послушниц церкви.

— Доброй ночи, господа. Что привело таких высоких гостей в нашу обитель скорби?

— Сколько солдат сейчас под вашим присмотром? — Кален не обращает внимания на восхищенные взгляды, привык, наверное, надеюсь, когда я на него смотрю я не так выгляжу... И вообще надо с этим что-то делать, это же не правильно. Я словно лед на солнце таю, глядя на него... Дурацкие какие-то образы в голову лезут, надо это все прекращать. Так кому тут из солдат хуже всего?

— Сейчас у нас около двадцати раненых, из них четверо серьезно, маг уже приходил к ним, что смог — сделал, остальное в руках Создателя. Все остальные поправятся в ближайшее время, — рассказывает, запинаясь и краснея, послушница. — Все четверо были в дозоре у форта, сегодня их принесли. Говорят, там все сложнее обстановка. Демонов все больше, они становятся все сильнее.

Я не слушаю ее, мне не нужно, чтобы меня вели к самому безнадежному, я уже сама знаю, кому тут не дотянуть до утра без моей помощи. Клубящийся золотой пар выдыхает с каждым вздохом, молодой парень в дальнем углу комнаты. Я быстро направляюсь к нему. Смотрю на него. Ожидая моих спутников. Совсем молодой, не видно в нем ни выучки, ни стойкости солдатской, видимо, из ополчения, вполне возможно, что это была его первая встреча с демонами, теперь она может стать последней. Глубокая сквозная рана с разорванными краями в области плеча, такие могут остаться после удара демона похожего на саранчу, не помню его названия. Вижу остатки магии Инариэля, он остановил кровь, но сама рана, с ней он не может справиться, так же как не может он срастить разорванные ткани, сосуды, поврежденные кости, даже маги не всемогущи, а я? В полумраке лазарета вижу, что мои спутники стоят рядом и смотрят, можно приступать. В этом месте много энергии смерти, но сразу за стенами этого шатра бьет ключом жизнь, там неиссякаемый для меня источник. Собираю, притягиваю к себе голубые потоки. Аккуратно, направляю их на раненого солдата, словно голубой нитью сшиваю каждый разорванный, уничтоженный или поврежденный участок, сращиваю края страшной раны, шрамы останутся, конечно, но теперь ему будет нужен просто отдых и восстановление. Я сделала свое дело. От ужасной раны в плече остались лишь свежие красные шрамы. Последним шагом, уничтожаю уже начавшую в нем образовываться энергию смерти, вывожу ее из его тела. Дыхание солдата успокаивается. Он перестает стонать, грудь вздымается и опускается равномерно, он спит, просто спит. Улыбаюсь, радуясь, что смогла помочь. Бурная река энергии жизни, все еще здесь, а помощь нужна не только этому солдату. Нахожу все источники, рассадники энергии смерти, теперь мне уже не надо подходить к каждому отдельно, теперь я просто исправляю все, все сразу. Теплый поток льется через меня на каждого, нуждающегося в излечении. Я поворачиваюсь вокруг себя, раздавая живительную энергию всем находящимся внутри. Я могу помочь всем, зачем же мне останавливаться на одном. Еще несколько сложных ран, у кого-то ожоги, у кого-то сильное обморожение, кто-то просто не удержался на ногах и, упав,

сломал ногу, куча мелких ранений, мне все равно: будь то смертельное ранение или просто царапина, для меня — это ничего не значит, я все могу. Все пространство лазарета заливает отпущенная мной энергия жизни, видеть которую могу только я, она излечивает, исцеляет, согревает и охлаждает, дает каждому то, что нужно именно ему. Все, я закончила. Отпускаю голубой поток энергии. Меня словно пушистым одеялом укрывает слабость, слишком много энергии я призвала, сейчас, когда ее не стало, меня бросило на холодные камни реальности, пытаюсь не унесться с этим потоком, а удержаться. Вот что еще забыл мне сказать учитель, ничего не проходит бесследно, призвал слишком много энергии, готовься сопротивляться этому, чтобы не стать ее частью безвозвратно. Сбивает с ног, как тогда на поле, когда энергия сотен людей была направлена на меня. Сознание не затуманено, но слабость во всем теле, сложно переходить от состояния я — энергия, к состоянию я — существо. Теплая рука меня поддерживает, как и тогда аккуратно, за локоть.

— Мирра, — смотрит на меня Кален, его взгляд завораживает.

Теперь, когда рядом с ним стоит Энель и Карра, а меня все еще кружит водоворот энергии, я вижу энергию всех их, могу сказать, что энергетические потоки разных людей различаются по цвету. Энергия Калена, хоть и имеет вкрапления энергии смерти, но все равно ярче, чем у женщин рядом с ним. Самая насыщенно темная энергия у Карры, Энель как бы посередине между ними, ее энергия правильного голубого цвета, на несколько оттенков темнее природной энергии, но нормальная для человека. Интересно, нужно будет попытаться определить, от чего это зависит.

— Мирра, ты как?

Я чувствую, что уже теряю связь с бранным телом, надо вернуться. Остановить поток видений энергии. Закрываю глаза, отпускаю потоки, цепляясь за руку, удерживающую меня.

— Уже все, — я разжимаю пальцы, сжимавшие руку командора, для связи с реальностью, отпускаю его ладонь. — Я уже в порядке.

— Что с тобой происходило, после того как ты исцелила этого воина? — задает мне вопрос Энель.

— Я решила, что спасение жизни — это не просто демонстрация моих способностей, эти воины пострадали из-за меня в какой-то степени, помощь была нужна всем, я не могла помочь только одному и лишь для того, чтобы вам показать, как это работает. Сестра, — обратилась я к послушнице, — все находящиеся здесь, здоровы. С ними все будет хорошо, даже с самыми тяжело ранеными. Если вдруг, будут другие раненные, которым не сможет помочь Инариэль, зовите меня, я всегда с удовольствием, окажу любую помощь.

Послушница не верит моим словам, она подходит к воину, у которого по моим воспоминаниям были тяжелые ожоги на животе и груди, отбросив одеяло, она замирает, не веря своим глазам, от ожогов не осталось следов, только свежие рубцы. Воина уже не бьет озноб, он спокойно ровно дышит во сне.

— Длань Создателя! — она бросается ко мне. — Ты его посланница, ты послана нам во спасение!

В порыве она пытается схватить меня за руку и припасть к ней губами, ее останавливает командор.

— Сестра, не стоит сейчас ее трогать. У нее есть некоторые особенности, а учитывая, сколько сил она потратила на исцеление всех ваших больных, боюсь, совладать с ними сейчас она не сможет.

Я ему очень благодарна, действительно, я себя сейчас не могу контролировать, да и

вообще... руки мне целовать — это уже точно перебор...

— Мирра, как ты сделала это? — все еще не верит своим глазам Кара.

— Я же говорю, что я могу управлять энергиями, правда, пока еще мне нужно тренироваться, научиться правильно все делать. Мне еще многому надо научиться...

— Предлагаю вернуться к Калену в палатку и обсудить все, — рассуждает Энель. — После такого... я бы хотела все обсудить и принять определенные решения. Новые способности Мирры, могут сделать ее не просто героиней закрывающей разломы, она может стать воплощением Создателя в рядах Хранителей, это облегчит нашу задачу, по завоеванию доверия и укреплению наших позиций во всех сферах.

Возвращаемся в палатку. На свежем воздухе мне становится легче, потоки энергии больше не кружат меня. Теперь я снова не часть энергетического потока, а самостоятельное существо. Вот только что-то не так... Ощущение надвигающейся беды заставляет меня застыть на месте, вслушиваясь в далекие завывания ветра. Отголосок далекой... далекого нарушения равновесия... внезапно оглушает меня, я не знала, что я могу такое ощущать, но я чувствую, как разрывается реальность, как открывается новый разлом, как из него вырываются новые демоны, жаждущие крови, мести, разрушений.

Теплая рука обнимает меня за талию, прижимая к еще более горячему телу, вырывая из ужасного видения.

— Мирра, да что с тобой опять? Ты так и будешь падать на землю в любой момент времени? Теперь-то что? Я едва успел тебя удержать от падения

Ясные голубые глаза, не могу понять где эти глаза, в моем видение или вот сейчас смотрят на меня... С трудом осознанию, что это Кален, он смотрит на меня.

— Мне кажется, что ты рано встала с постели, уже третий раз за день я тебя ловлю, а учитывая, что больше никто к тебе не может прикасаться... ты бы уже несколько раз разбила себе лоб... Хотя ты же умеешь исцелять, это для тебя не беда...

Встаю на ноги, все еще опираясь на его руку, улыбаться не могу, внутри все еще все дрожит, от увиденного ужаса.

— Я не могу исцелять себя... свою энергию я не вижу... только других, не себя. Открылся еще один разлом, кажется в горах, в одной из гномьих шахт. Я видела там кирки... надо предупредить гномов, но я не смогу объяснить где... нужно сказать, чтобы они были осторожны...

— Ты видишь, как открываются разломы? Мирра, ты полна новых неожиданных талантов! — и без того большие глаза Энель становятся от удивления еще больше.

— Это не остановится, пока я не начну с этим бороться. Я должна... приступить как можно быстрее. Мне нужна ваша помощь.

— Давай так, героиня ты наша, сейчас мы тебя отводим спать, завтра утром, приходи на тренировочное поле, я буду там. Завтра у меня утром вроде как никаких срочных дел нет, так что смогу до обеда с тобой позаниматься основами. Потом подберем тебе подходящее оружие и уже дальше, будешь заниматься с ним. А теперь тебе, пора отдохнуть, идем, — Кален поддерживает меня и направляется к домику целителя.

Энель и Кара отправляются ждать его возле его палатки.

В темноте небольшой комнаты, ярко зажигается лучина. Командор опускает меня на постель. В голове у меня все еще гремит колокол разрываемой реальности. Меня бросает в дрожь, все внутри трепещет, крупная дрожь охватывает тело.

— Ты уж извини, раздевать тебя я не стану, боюсь... как бы... ты чего не подумала, тебя

знобит, так что одежда тебе не повредит, — аккуратно уложив меня в постель, мужчина поправляет одеяло, плотнее укрывая мое содрогающееся тело.

Его теплые руки удерживают меня, не давая вырваться из теплого кокона. Я слышу его голос, но не могу понять его слов. Тепло его рук согревает меня, возвращает меня из кошмаров. Он возится со мной, словно с ребенком, а ведь это я должна всех защищать, всем помогать... Какой стыд... Засыпаю с осознанием своей полной беспомощности.

Тренировки.

Утро разбудило меня ярким солнечным лучом, игриво расположившимся на моем носу. Я была одна в моей маленькой комнатке. Два теплых одеяла валялись небрежно сброшенные на полу у кровати. Пока я пыталась вспомнить, чем вчера закончился вечер, желудок напомнил, что пора бы перекусить. Вот беда, у меня-то нет ни одной монетки, придется опять к кому-то в сотрапезники напрашиваться. Как же это надоело, вечно я от кого-то завишу, от чьего-то мнения, от чьих-то умений, от чьей-то щедрости... Противно, надо себе жалование какое-нибудь попросить, как спасительнице всего сущего. А то как-то... странно. Всех спасаю, а сама даже за завтрак не могу заплатить. Ладно, там командор вечером говорил искать его, вот и займемся.

Выхожу на яркий солнечный свет. Солнышко еще совсем низко, утро еще раннее, может там и нет еще никого, может все мои... соратники спят еще, прогуляюсь, проверю.

Вопреки моим ожиданиям, на тренировочном поле кипела жизнь. Сходились и расходились разбитые на пары воины, между сражающимися, проходили инструктора, направляя и поправляя. В центре всей этой суеты, сложив на груди руки, стоял командор, словно скала посреди океана. Он тоже кого-то поправлял, к кому-то подходил, но все чаще подходили к нему. Перекидываясь то с тем то с другим парой слов, он то улыбался каким-то неслышимым шуткам, то хмурил брови, когда замечал ошибки. Я наблюдала издали. Нужно что-то делать с моим трепетом, перед этим человеком. Нужно научиться никак не реагировать на его присутствие, он просто человек, да очень... Нет-нет, просто человек. Стараюсь успокоить невольно начавшее колотиться сердце, когда его взгляд пересекается с моим, и он улыбается мне, а у меня подкашиваются ноги. Делаю глубокий вдох и иду к нему на встречу. Он спокойно проходит между рядами воинов, встречая меня на окраине поля.

— Ты рано, я жду еще возвращения последнего патруля, мне важен их доклад. Так что придется немного подождать. Будешь смотреть на тренировки или предпочтешь заняться чем-нибудь другим?

Глухое урчание в моем животе выдает то, в чем я не могу признаться. Командор изучил меня своим пронзительным взглядом и неожиданно засмеялся.

— Прости, Мирра, мы все такие дураки, совсем забыли, что несмотря на всю твою необыкновенность у тебя есть обычные потребности. Это наше упущение. Давай так. Ты говори хозяину таверны, что один из нас покроет ему все расходы, можешь сказать, что я беру это на себя, чтобы он уже был уверен, и иди, покушай, только не передай, чтобы могла двигаться нормально. А как поешь, возвращайся, я думаю, мои люди вернуться с минуты на минуту, и я смогу уделить время тебе.

Киваю в знак благодарности, язык присох к горлу, сказать ничего не могу, особенно когда он вот так на меня смотрит. Сердце стучит где-то не то в ушах, не то в пятках, но точно не там, где ему положено стучать. Иду по узеньким улочкам, уступая место на дороге бегающим стайкам детей. По дороге захожу в лазарет. Возле большого шатра уже нет того смрадного запаха, что был вчера. У входа сидит женщина. Интересуюсь у нее состоянием

раненных.

— А вы что же не знаете? Сегодня ночью случилось чудо. Все были излечены. Даже те, кому Создатель, не мог помочь, она спасла их всех. Сегодня утром все отправились на свои обычные посты, вернулись к своим семьям, вы бы видели, как рыдали их жены, как радовались их дети. Это чудо. Но вот только никто не знает, кто это был. Она пришла с командором, на голове ее был капюшон, но это была женщина, сестра-сиделка уверена в этом. Наверное, она магичка из башни Огня, это ведь ближайшая башня к нам, но никакой магии сестра Изольда не увидела, совсем ничего. Раны просто затянулись, и солдаты просто спали. Магичке стало плохо, видимо ей это тоже непросто далось, и командор увел ее. Вот такие чудеса творит Создатель, во имя детей своих.

Я слушаю и киваю головой. Все так и было, я была в капюшоне, увидеть мою силу непосвященные не могут, так что проще всего объясняет происходящее странствующий могущественный маг. Все правильно, главное, что у всех все хорошо. Благодарю словоохотливую собеседницу за исчерпывающую информацию и направляюсь к таверне. Солнечный свет пробивается в полумрак помещения через небольшие окна, но лишь сгущает тьму внутри. Я сажусь за первый попавшийся столик. В таверне пусто, еще слишком рано для большинства посетителей, утренняя прохлада еще не развеяна слабым огнем камина, поэтому снимать капюшон я не собираюсь. Приходится некоторое время ожидать, пока ко мне подойдет молодая девушка, дочка хозяина, как я уже знаю. Даже в полумраке таверны я вижу следы недавних рыданий на ее лице.

— Что угодно?

— У вас случилось что-то? — участливо интересуюсь я.

— Ой, не обращаете внимания. Это от радости. Мой дядюшка был ранен в последнем дозоре, целители сказали, что помочь ему уже не могут, мы уже вечером сходили с ним проститься, мы сами видели эту ужасную рану у него на плече. Матушка рыдала всю ночь, и мы вместе с ней, а утром, с час назад, дядюшка, в таверну пришел, сам, здоровехонек. Матушка, как его живого увидела, так и упала. Папаня на радостях лучшего вина достал. Сидим не можем поверить. А рассказывает дядюшка, что ночью к нему приходила посланница самого Создателя, что он чувствовал тепло ее лечебных прикосновений, снимающих боль. Сам поверить не может, но говорит, утром просыпается, а на плече только шрам и нет больше ничего. Вот такое у нас счастье. У нас свежей еды еще нет, только вчерашняя, так что вы уж простите, но зато батюшка сказал, первые пять посетителей сегодня бесплатно. Так что радуйтесь вместе с нами, счастье-то какое. Дядюшка говорит, сам командор эту спасительницу привел в лазарет. Нужно будет вечером у него узнать, кто она, отблагодарить, хотя батюшка нас с сестрой к нему не подпускает. А вы видели нашего командора? Какой красавец-мужчина! Такой... ой, услышит меня батюшка, на неделю запрет, но вы же женщина, не выдадите меня, правда?

Я пытаюсь сдержать улыбку. Похоже Кален так действует на всех женщин, от обычной девчонки-крестьянки, до самой Кары. Умопомрачительно. Кажется и я попала под его чары, это все объяснило бы... Но вот только мне совсем не это надо, то есть мне это совсем не надо... мне сейчас о спасении мира думать надо... Девушка не уходит, и я уверяю ее что сохраню ее тайну.

— Моя знакомая живет недалеко от заведения старухи Марго. С девочками тамошними общается, они все просто в восторге от командора. Вот бы, хоть разочек...

Я не понимаю кто такая Марго, где ее дом и что у нее за девочки, хотя догадки кое-

какие есть... но что-то мне как-то нехорошо от таких догадок... От таких догадок во мне вспыхивает стыд, по-моему даже корни моих волос краснеют, вот уж не хочу я знать таких подробностей... Лучше бы ты не болтала, дорогая, а поесть мне принесла, а то я сейчас от голода и злости тебя съем. Из дальней комнаты выходит хозяин.

— Ой, что-то я тут вас заговорила, вы, наверное, кушать хотите? Я мигом все принесу, — засуетилась девушка, увидев отца, и заговорщицки приложила палец к своим пухлым губам.

Ко мне подходит Жан, кажется так его вчера называли между делом Кара и Энель.

— О, госпожа! Вы вчера проводили вечер в кругу госпожи Кары и госпожи Энель, быть может вы знаете кто сотворил это чудо, о котором с утра говорит весь Лоринг? Кто вернул наших воинов, кто вылечил их? Господин маг, сегодня еще не заходил, и командора еще не было, а я так хочу первым отблагодарить этого добрейшего человека. Эту могущественную чародейку! Может быть вам известно ее имя?

— Известно, — я даже не собираюсь отпираться. — Ее зовут Мирриэль.

— Так это о ней говорят, что она разломы закрывает? Так? А еще говорят она эльфийка... — Жан замирает, пытаюсь заглянуть мне под капюшон.

Я не даю ему этого сделать и еще ниже опускаю голову. Вот еще его успокаивай потом. Нет уж, я тут поесть хочу. В это время в зал входит, чуть покачиваясь, тот самый молодой воин, страшную рваную рану которого я ночью залечила.

— Жан, брат мой! Поставь гостье выпивку за мое чудесное исцеление, — говорит он звонким, немного хмельным голосом и замирает на полуслове, всматриваясь в полумрак помещения.

Начинается, вот хотела же этого избежать, ну что мне делать? Не могу же я сбежать так и не поев... Солдат быстрым шагом приближается к столику за которым я сижу. Встав на одно колено, он прикладывает правую руку к груди, в жесте почтения.

— Госпожа, моя. Почему моя спасительница прячет свое дивное лицо под капюшоном? Вы опасаетесь кого-то в этом проклятом демонами месте? Мое имя Антоний, госпожа, моя жизнь, принадлежит вам, ибо без вас ее бы не было. Я не знаю вашего имени, но готов служить вам.

Принимать подобные клятвы сидя, наверное, не учтиво. Встаю и сбрасываю капюшон.

— Я не знаю, Антоний, как ты узнал меня. Имя мое Мирриэль. Я слышала твою клятву и прошу тебя лишь о том, чтобы посвятил ты себя служению не мне лично, но моему делу, новый орден берет начало в Лоринге, орден Хранителей. Я часть этого ордена, как и командор Кален, как и Кара, как и Энель, как и маг Инариэль. Все мы Хранители. Будь же и ты Хранителем. Больше благодарности мне не нужно.

— Да, госпожа! Я вернусь к командору с такой просьбой, как только моя счастливая родня отпустит меня. А сейчас, брат, неси лучшее вино, зови сестру, племянника и племянниц, я хочу, чтобы мы все вместе отблагодарили мою спасительницу!

— Это вы? Вы спасли моего братца????!! О, госпожа, Мирриэль, вы всегда будете почетным гостем в моей таверне, все для вас бесплатно! Жизнь моего братца бесценна для меня, я буду счастлив вас кормить и поить в любое время, когда вы пожелаете того! Жена, дети! Сюда идите!!

С кухни выбегает заплаканная женщина, все еще вытирая лицо передником.

— Жена, вот она, госпожа Мирриэль, спасительница Антония! Это она! Антоний узнал ее.

Женщина и обе девушки опять начинают рыдать, сквозь слезы выкрикивая слова вечной благодарности. Голова кругом от этого всего, в животе все настойчивее урчит. Ох, поесть бы дали, наконец. Не успеваю об этом подумать, как на столе передо мной появляются два дымящихся блюда: одно с золотистыми обжаренными овощами, а другое с аппетитно пахнущей дичью. Как бы слюну проглотить и не подавиться!!! Рядом становится кувшин с вином и три кубка. Напротив меня устраиваются Жан и Антоний. Жан наполняет кубки.

— Моя благодарность, не знает границ, госпожа.

— Перестаньте, Жан. Зовите меня просто Мирра, как и все мои друзья, — слово само слетело с моих губ, я как-то уже перестала задумываться над тем, кто теперь рядом со мной, сомнений уже не было, это были друзья.

— Мирра! За ваше здоровье! Сегодня вечером жду вас к себе! Я буду всех угощать! Надеюсь, вы почтите мое заведение своим присутствием.

— Спасибо, Жан. Я обязательно приду, но мне бы не хотелось привлекать к себе лишнего внимания, если вы понимаете. Я думаю, что вам будет лучше прилюдно благодарить не меня лично, а наш орден Хранителей, в общем, и его мудрых основателей: Кару, Энель и Калена. Так будет лучше, поверьте мне, Жан. Если бы не эти люди, я бы не смогла никому помочь, скорее всего, меня бы уже казнили, поэтому я воспользуюсь вашей признательностью, чтобы выразить и свою благодарность этим отважным, справедливым и мудрым людям. У вас это получится гораздо лучше, чем у меня.

Глаза Жана и Антония округляются по мере моего повествования. Но возражать и расспрашивать они больше ничего не стали, лишь выпили со мной по кубку вина и оставили меня в одиночестве наслаждаться удивительно пахнущей едой. Ох, как же замечательно! Кажется, теперь я могу даже и не просить ни у кого денег, как минимум на еду, как удачно иногда я спасаю людей. Надо чаще их спасать, так можно вообще без денег обходиться. Когда я уже съедаю половину вкуснейшей дичи, дверь таверны открывается и входит Кален. Ну, конечно, а как же еще... Только я начала наслаждаться жизнью кому-то обязательно надо все испортить.

— Вот ты где? Я же сказал тебе не переедать, ты что не слышала меня? Что там у тебя? О, дичь, вино? Ты решила воспользоваться моей щедростью на полную катушку? Боюсь, я не рассчитывал на такую расточительность с твоей стороны, — он не сердится на самом деле, он просто меня подначивает, смеется. Он улыбается и глаза блестят ярко, игриво. Он заигрывает со мной?

От удивления не могу ничего сказать, сижу и глупо хлопаю ресницами. Это смешит его еще больше, он уже не просто улыбается, он хохочет. На шум из задней комнаты выходит Жан.

— О, командор! Присаживайтесь. Вас я тоже сегодня угощаю, за счет заведения.

— Что значит тоже, Жан?

— О, наша скромная госпожа, вам еще не рассказала? Сегодня ночью она сотворила чудо. Один из тех солдат, что она вылечила — мой брат. Теперь госпожа, Мирра, почетный и всегда желанный гость в моем заведении, я ее должник, поэтому для нее все за счет заведения!

Кален едва не подавился, отпитым вином.

— Ничего себе! Мирра, а ты быстро налаживаешь связи, как я посмотрю! Даже успешнее чем Энель, — Кален опять рассмеялся. — Я потрясен!

Второй раз Кален едва не онемел, когда в зале появился Антоний, и, как и положено,

приложив кулак к груди, попросил сделать его членом ордена Хранителей, обещая служить верой правдой и не щадить ради доброго дела, своей жизни.

— Мирра, ты уже начала вербовать людей? Как у тебя это получается? Как ты можешь внушать людям такое почтение, так их вдохновлять? Профессиональные вербовщики скоро будут напрашиваться к тебе в ученики. Антоний, отдохайте несколько дней, проведите их с семьей, потому жду вас на учебном поле, скажем через два дня на рассвете, будем продолжать тренировки. Теперь с тобой, Мирра. Давай я помогу тебе расправиться с этой птицей и этим чудесным напитком, и мы пойдем учиться. Или ты уже передумала?

Я отрицательно покачала головой, ответить я не могла, нежнейшее мясо, в этот момент таяло у меня во рту. Кален опять улыбнулся и подмигнул мне. Это надо останавливать... а то мы так можем далеко зайти... надо ему как-то намекнуть, что я... А что я? Что из-за того, что я спасительница мира, мне что влюбляться не позволено??? Глупости, вот и влюблюсь. Надо только решить в кого... от Калена мурашки по коже бегут и ноги подкашиваются, когда он смотрит на меня, а с Инариэлем так просто, так легко, словно... мы одно целое. Ой, что-то я не о том опять, это все вино виновато, совсем мысли какие-то неправильные в голову лезут. Так прекращаем думать совсем, а то я так сейчас додумаюсь.... Просто наслаждаюсь едой в замечательной компании, или компанией наслаждаемся, а еда это уже так... второстепенно, ой... все стоп. Надо на свежий воздух. Как раз все уже доели пора уходить от благодарного хозяина.

Выходим на улицу, после полумрака помещения солнце режет глаза, яркий белый снег слепит, отражая солнечные лучи.

— Погода отличная! Давай мы с тобой просто пройдемся. Я хочу проверить посты вокруг поселения, а заодно сможем и поговорить. Перед началом тренировок все-таки надо решить, каким оружием ты хочешь сражаться, — Кален направляется к воротам, стараясь принаровить свои широкие шаги к моим, чтобы мне не приходилось за ним бежать.

Он искоса смотрит на меня и улыбается. Что за напасть?

— Стоп, — решаюсь я сказать вслух. — Кален, я хочу просто кое-что уяснить для себя, можно пару вопросов?

— Давай, только не так громко, особенно если ты планируешь спрашивать что-нибудь секретное!

Я и не заметила, как сорвалась на крик, ох, как же тяжело-то. Облизываю внезапно пересохшие губы.

— Кален, ты...

Он смеется

— Да, я Кален. Это и был твой вопрос?

— Не перебивай. Вот, придумала. Расскажи мне сам о Видящих, все, что считаешь нужным, все что я должна знать...

А я пока подумаю, как бы сформулировать свой вопрос...

— Мирра, мне кажется Инариэль рассказал тебе достаточно, — его голос теряет веселость, глаза внезапно омрачаются тоской. — Если есть вопросы, спрашивай, я не стану еще раз все повторять, ты и так знаешь, больше, чем тебе положено знать, и не говоришь, откуда у тебя такие знания.

— Ладно, вашу страшную тайну я знаю, — я замолкаю, получив ледяной взгляд, он словно демон Отчаяния заморозил меня, вот опять я все порчу. — Я хотела спросить о другом, — пытаюсь я выкрутиться, — вы же как бы воспитанники церкви? Кален, у тебя есть

семья?

Это я выпалила просто в попытке прервать неловкий момент. Кален не улыбнулся, он отвел глаза, продолжил вышагивать вперед к воротам.

— Да, Мирра, если ты имеешь ввиду мать, отца, братьев и сестер, это все у меня... было. Когда Видящего забирают из дома, его семья прощается с ним, мы не можем вернуться в свою семью, наша цитадель на острове — становится нашим единственным домом, наши братья по оружию, единственной семьей. Нам запрещено встречаться с родными... Я больше не видел свою маленькую сестренку, когда меня забрали, ей было всего два года, она любила пугаться у меня под ногами, когда я играл с мечом... Это было так давно... Она теперь иногда мне пишет, но я никогда не отвечаю, а если и пишу в ответ, то только что у меня все нормально, и я гордо выполняю свой долг, прославляя наш род.

Он тяжело вздохнул, сложил руки за спиной и зашагал еще медленнее. Мы уже прошли ворота и направились вокруг поселения.

— Во сколько тебя забрали, Кален?

— Рано, я был еще ребенком, но я не мог представить себе другой жизни. Я мечтал быть Видящим, сколько себя помню, — он невесело усмехается. — Я уже в пять знал свое предназначение, Мирра, все было решено.

— Ты же был совсем ребенком? Как они могли забрать тебя? Это же...

— Бесчеловечно? Нет, Мирра, это правильно, в таком возрасте еще просто отречься от всего, просто представлять свою жизнь сплошным героическим подвигом, просто давать обеты...

— Например, — не выдерживаю я.

— Ну, многие братья решают посвятить себя служению Создателю целиком и дают обеты безбрачия или воздержания, хотя даже без обетов, это просто часть нашей жизни...

— А ты??? — вот как удачно он об этом заговорил...

— Что я??? Мирра! — в его голосе начинают звучать стальные нотки. — Ты хочешь узнать давал ли я обет безбрачия?

— Или воздержания....

— Нет, Мирра, я не приносил таких обетов, а теперь давай мы сменим тему, мне неловко говорить с тобой... на такие темы, ты все-таки...

— Кто???

— О, Создатель! Мирра, ты очень привлекательная юная особа, но твои вопросы наталкивают меня на мысль, неприемлемую для меня, — он останавливается и смотрит на меня сверху вниз, потом теплая ладонь прикасается к моему лицу, приподнимая мой подбородок, чтобы взглянуть мне в глаза.

Наши взгляды встречаются, у меня внутри все начинает трепетать, я так надеюсь, что он не просто поговорить хочет, но его глаза... говорят об обратном. Ничего не будет, только очередная отповедь, будто я заигравшийся ребенок, причинивший неудобство взрослым. Мороз по коже от таких взглядов. Кровь стынет в жилах, останавливается сердце.

— Давай я тебе поясню кое-что, чтобы больше у тебя не возникало... таких... опасных мыслей. Мирра, Видящие не герои, мы не можем создавать собственные семьи, мы... Мирра, нас с детства учат только военному делу, мы не умеем, мы не способны любить, я даже не понимаю значения этого слова! Ты очень красивая молодая, чрезвычайно привлекательная, необычная, ты... прекрасна, Мирра, но... я хочу тебя предостеречь: твоя страсть НИКОГДА, ты слышишь, Мирра? НИКОГДА, не должна быть направлена на меня. Я не смогу тебе

ответить, Мирриэль, НИКОГДА. Я не могу себе позволить таких слабостей, понимаешь? Я воин, я убийца, я кошмар магов, но я не могу быть возлюбленным... это не для меня, Мирра. А все что мне надо от женщин... Мирра, я не хочу... так с тобой поступать... Это не честно будет, по отношению к тебе... ты... ты достойна лучшего, большего, пожалуйста, не... придумывай себе ничего мы друзья, я буду твоим наставником, но не более того, Мирра. Пусть все остается так, как есть, не усложняй... Запомни, Мирра — никогда!

— Я поняла, — покорно киваю, а что мне остается, если он так непреклонен.

Как быстро весь мир для меня сомкнулся в одном слове, как будто закрылась единственная дверь, ведущая к выходу. НИКОГДА. Какое простое слово, а как хочется разреветься, здесь и сейчас, разреветься и убежать. Никогда. Холодные тиски сжимают сердце, холодеют ноги, наворачиваются слезы. Никогда. Одно слово... Почему меня это так расстраивает, я сама не понимаю, но знаю, что это неправильно... так не должно быть. Не могу даже поднять на него глаза, просто иду вперед. Мир рухнул, утягивая меня за собой в беспросветную тьму. Никогда...

Несколько минут мы идем молча, слушаем, как у нас под ногами скрепит снег. Внутри меня закипает злость. Это не честно, я не могу сдать даже твое НИКОГДА, ничего не может изменить. Это не все, Кален. Ты Видящий, ты умеешь видеть ложь других, потому что для тебя она противоестественна, ты не можешь лгать. Я вижу, что ты лжешь. Ты боишься, почему-то ты боишься меня? Так же как я боюсь тебя. Почему? Что с нами не так? Друзья говоришь? Хорошо, пока пусть будет так! Молчание затягивается, любованье сомнительными красотами мира на пороге разрушения, ничуть не радует, но мы молчим по дороге к первому посту.

Вот уже и застава, недалеко от стены поселения разбит лагерь. Мне не дано понять, зачем командующему войсками лично проверять заставы, видимо, от избытка свободного времени и энтузиазма. Нас заметили, или возможно сработали разведчики, но, когда мы подходим к лагерю, нас встречают пятеро вооруженных мужчин. Короткий доклад на их участке все спокойно, никаких происшествий, демоны не приближались. Короткий кивок от командующего и пожелания такого же спокойного дежурства. Идем дальше.

— Итак, раз уж мы разобрались в наших... небольших проблемах, давай начнем с теории боя, — Кален смотрит на меня оценивающе, — С большим мечом — тебе не справиться, обычный облегченный одноручный — еще может быть, но скорее всего, судя по твоим... возможностям, больше всего из холодного оружия тебе подойдет кинжал. Лук и арбалет — это на твой выбор, в этом я не смогу тебе помочь, Энель будет тренировать тебя в стрельбе, если захочешь, конечно. Для меня кинжал — не является основным оружием, но основы я смогу тебе припадать. При владении любым оружием главное — это физическая подготовка. Эту обязанность я взял на себя. Так что теперь каждое твое утро будет начинаться с утомительных упражнений. Не надейся на поблажки, на тебя возложено слишком много надежд, ты должна быть способна выдерживать серьезные нагрузки, так что буду гонять до седьмого пота. Физическая подготовка и основы рукопашного боя. Никогда не знаешь, когда это может пригодиться. Когда вернемся в лагерь, начнем первую тренировку, ну, а пока мы с тобой прогуливаемся, расскажу тебе о ножах. Часто кинжалы недооценивают, хотя в руках мастера — это опаснейший вид оружия. Ты же видела, как владеет кинжалами наша Энель, ты видела, как она своими ножами смогла остановить наш поединок с Карой, причем ни я, ни Кара, не поддавались, она действительно нас остановила. Мы с Карой, оба знаем уровень ее мастерства и предпочитаем с ней не спорить, когда она

достаёт кинжал. Кинжалы используются для фехтовального поединка, для боя против других видов оружия, для неожиданного уничтожения противника, но кроме того, ножи можно метать. Конечно, ты не станешь метать свой боевой кинжал. Для этого лучше обзавестись специальными ножами, так с одним видом оружия, ты можешь уничтожать противников, как на расстоянии, так и при близком столкновении. Обычно, в поединке различают два вида захвата ножа: основной хват, при котором лезвие направлено от большого пальца и обратный хват, при котором лезвие направлено от мизинца. При обратном хвате ножа, острая часть лезвия (при ноже с односторонней заточкой) обычно направлено в сторону от предплечья. Существует и особая форма скрытого держания ножа, являющаяся вариантом обратного хвата. В этом случае, нож прижимается лезвием к тыльной части предплечья, — говоря все это, он достал свой кинжал, висевший у пояса, и продемонстрировал каждый из перечисленных способов, потом отдал кинжал мне и потребовал повторить движения и назвать их, удовлетворенно хмыкнул и продолжил. — Ножевой бой включает в себя: проникающие уколы, режущие удары, удары рукояткой ножа, захваты ножом. При стандартном захвате ножа в основном используются уколы по направлению снизу-вверх, вперед, сверху-вперед, сбоку (изнутри-наружу и снаружи-вовнутрь) и укол назад, а также режущие удары сверху-вниз, по диагонали и сбоку.

Мы остановились. Командор показал мне все, о чем говорил, и попросил повторить, исправляя мои движения, направляя и корректируя. Такой строгий, такой серьезный и такой нудный... Брр..

— Мирра, ты вообще слушаешь меня?

— Да, конечно, — что это он, почувствовал что-то, да не может быть, он не может меня Видеть.

— Понятно. Значит так, оканчиваем обход и идем в зал. Мы тут зал для собраний, оборудовали для тренировок в помещении, как раз для новичков, так что подберу тебе что-нибудь по руке, а то мой кинжал для тебя великоват и тяжеловат и там и потренируемся. А теперь идем дальше, нам еще четыре поста, если не будем медлить, быстро окончим.

Некоторое время просто молча идем рядом.

— Кален, у меня столько вопросов, пока мы гуляем, может, ты меня немного просветишь. Инариэль рассказывает мне историю, но мне же интересно и нынешнее положение вещей, кто, куда, зачем, почему. Ну, там политика всякая, мне же придется по городам и весям странствовать, надо бы и обычаи изучить, чтобы не попасть впросак. А ты много путешествуешь, много знаешь. Поделись опытом.

— Отличная идея. Энель, конечно с этим бы лучше справилась, но общую ситуацию могу обрисовать. Я думаю, что о Темном времени эльф тебе рассказал, так вот после окончания войны, эльфы вернулись в свои леса, гномы в свои горы, а людям осталась вся остальная земля. Оставшиеся в живых герои войны разошлись по своим родным местам, образовав около десяти небольших княжеств. Имена самых прославленных полководцев, которые смогли не только выжить, но и сохранить жизни многим своим людям — Иренд и Айран. В людях все еще живо было воспоминания о войне, поэтому они постепенно приходили под защиту оставшихся в живых полководцев и их дружин. Так образовались два государства: Иренд со столицей в городе Мирк, и Айран со столицей в Вертини. Мирк расположен на берегу Тихого залива, в самом заливе есть несколько островов, один из них был отдан Видящим, другой разделили Ищущие и Нейтралы. На каждом острове есть свои поселения, свои крестьяне, все цитадели совершенно самодостаточны и по сути, являются

маленькими государствами внутри страны. Наши Командоры подчиняются напрямую преподобной матери, которая согласовывает действия церкви и правителей. После войны, магов стали опасаться, и церковь, чтобы успокоить людей, призвала всех магов пользоваться своим даром, только на благо общества, а, чтобы это контролировать и обучать магов, были созданы круги магов и башни, — в это время мы подошли к еще одной заставе, выслушав короткий доклад, Кален удовлетворенно кивнул, и мы продолжили свой путь. — Следить за магами должны были Видящие так они стали тем, кто они есть сейчас. Тогда же появилась необходимость и в ордене Кары, магов нужно было контролировать, а, следовательно, они должны были быть как-то локализованы, Ищущие, начали приводить новых магов для обучения в круги. Оба ордена перешли под руководство Церкви. Нейтралы продолжали выполнять свои обязанности, никому не подчиняясь. Иренд и Айран были практически братьями, поэтому два государства никогда не воевали между собой, память героических предков сплотила людей на многие века. И по сей день, многие из нас считают нашу землю единой, просто у нас два правителя, ну и немного различаются нравы и обычаи. Так в Мирке аристократы очень любят яркие вызывающие одежды. Ах, да, про нынешних правителей на данный момент королевой Айрана является Миранда, она вдовствующая королева, у нее есть брат принц Фредерик, очень толковый полководец, отличный воин, пользуется уважением среди подчиненных и аристократов, единственный его недостаток, он очень падок на женщин, скорее всего он станет следующим правителем Айрана. В Иренде сейчас властвует еще один отличный воин — Астер, один из великих героев последней войны, в которой погиб его отец. Потребовалось некоторое время для признания Астера законным королем, ведь он был рожден бастардом. Но к концу войны, его уже знали и любили все, он прошел по всем дорогам, многие люди были обязаны ему жизнью, другого короля народ бы уже не признал. Я тоже обязан ему жизнью. Мы были друзьями, во времена войны сражались плечом к плечу, конечно, когда он стал королем, я уже не мог запросто выпить с ним эля, да и исчезновение Элрины... он очень тяжело его переживал, мне кажется, он до сих пор не оправился. В отличие от королевы Миранды, любительницы пышных приемов, балов и веселого времяпрепровождения, Астер не публичная личность, он не приглашает гостей без особой надобности, предпочитает проводить время со своими воинами в тренировках или на охоте. О поведении при дворе тебе лучше уточнять у Карры или Энель, они все-таки в этом более сведущи, чем я. Мое знание этикета заканчивается на вежливом приветствии и мягком отказе от танцев, — он смущенно пригладил свои растрепанные ветром волосы.

— Ты не умеешь танцевать? — улыбаюсь я.

— Не люблю. Я лучше обращаюсь с мечом и щитом, чем с дамой в шелках. Несколько моих неудачных попыток закончились... плачевно. В лучшем случае — это были оттоптаннные ноги и негодующие взгляды.

— А в худшем?

— Ой, Мирра, не хочу вспоминать, — его щеки покрыл легкий румянец. — Да и вообще, мы тут не обо мне говорили...

— Командор, я готова быть вашей наставницей в этом нелегком искусстве. Не могу сказать, что я знаю фигуры, принятые для танцев при дворе, но не наступать партнерше на ноги я точно научу. Я все-таки эльф, у меня это в крови, — я делаю легкий реверанс и подмигиваю ему.

— Нет уж, Мирра, не стоит. Когда эту науку попробовала мне преподать Кара, закончилось все схваткой на мечах, после моего очередного... конфуза... Так что лучше я

останусь собой и буду отказываться от танцев, — лед в его глазах растаял, он улыбался мне, очень искренне. — Но в любом случае, спасибо.

Он тоже отвесил мне поклон в ответ. Это рассмешило меня. Мы стоим у частокола, у подножия гор, где-то рядом бродят демоны из другого мира, вокруг снег и кустарник, а мы ведем беседы про танцы, этикет и вежливо делаем реверансы и поклоны. Посмотрев на меня, командор тоже не удержался и засмеялся. Так мы смеялись, глядя друг на друга несколько минут.

— Все, хватит, Мирра. Я уже забыл, когда мог вот так запросто с кем-то хохотать над мелочами.

Я почувствовала горечь в его голосе, совершенно не отдавая себе отчета, в своих действиях прикоснулась к его руке.

— Командор, ты всегда можешь обращаться ко мне, если захочется посмеяться и подурачиться. Я совершенно не знаю этикета, поэтому могу позволить себе смеяться над всем и со всеми.

Его теплая ладонь накрыла мою руку, мне показалось, что руки его дрогнули, но, возможно, мне показалось.

— Спасибо, Мирра, но обычно я так не поступаю. Я не могу себе позволить быть легкомысленным. Солдаты должны видеть во мне лидера, а не шута.

— Ты не шут, я сама испепелю энергией смерти того, кто подумает такое о тебе, Кален. Теперь уже он смотрел мне в глаза, все еще держа мою руку в своей жесткой горячей ладони. Мягкая улыбка появилась у него на губах. Потом он потрепал меня по плечу и отвернулся.

— Я иногда забываю, какая ты... необычная, Мирриэль. Но мы отвлеклись, давай я продолжу свой рассказ. С Империей все сложнее. На территории, где сейчас расположилась империя, после войны было около восьми отдельных княжеств. Образовывались они, так же, как и наши, но те территории полюбились магам. Через несколько лет начались захватнические войны. Ни Ирэнд, ни Айран не вмешивались во внутренние дела тех княжеств, к тому моменту, они были уже достаточно могущественны, чтобы противостоять даже совокупным набегам со стороны объединенных княжеств на свои территории. Так постепенно все восемь княжеств объединились под руководством одного достаточно сильного монарха и получили свое название — Империя. На территории империи пренебрегли заветами церкви, их магов никто не контролировал, нет у них ни кругов, ни башен магов. Постепенно маги пришли к выводу, что они смогут управлять империей лучше простых воинов и политиков. Восстание магов в Империи привело к перевороту. Император вместе со всей семьей был казнен, власть перешла к магистру-императору, самому могущественному магу, возглавлявшему восстание. Наместниками магистра на местах так же стали маги, единым органом управления стал совет магов. Ничем не сдерживаемое высокомерие магов привело к развитию рабства на территории Империи. Все, кто не обладает магическим даром в достаточной мере, не являются полноценными членами общества. Основная цель знати — устроить такой союз своих детей, чтобы усилить их магические способности, зачастую вопреки всем прочим факторам.

Мы подошли к очередному посту. Все так же, как и на предыдущих. Приветствия, доклад, удовлетворенный кивок командора, пожелания спокойного дежурства и прощание. Как ему не надоедает эта монотонность? Видящие известны своей выдержкой, но не до такой же степени... Я бы так точно не смогла... Так он еще и каждого солдата по имени

помнит... Кому-то даже передает слова матерей и жен. Как это у него получается?

— Видящим и Ищущим запрещено появляться на территории Империи, так же как имперским магам не рады в наших краях. Единственный орден, имеющий доступ к любым территориям — это Нейтралитет. Разломы — наша общая беда. Нейтралов везде и все встречают, как лучших друзей. Но однажды, одолеваемые гордыней маги империи, предприняли попытку напасть на границы Иренда. Постоянной армии у них нет, но каждая семья считает своим долгом содержать некоторое количество наемников, для защиты своих владений. Их наемники неплохие воины, но им далеко до наших солдат. Наши шпионы сработали отлично. Все видящие, воины и маги были собраны в отряды и встали лагерем на пути наступающих войск империи. Бой был жестоким, длился он несколько дней без остановок. Равнины стали красными от крови, пролитой противостоящими сторонами. Но никто не мог одержать верх. Было решено прекратить кровопролитие и подписать мирное соглашение. Все пункты этого соглашения выполняются и по сей день. У меня были опасения, что империя попытается воспользоваться сложившейся теперь у нас трудной ситуацией и с разломами, и с уничтожением совета, но люди Энель докладывают, что пока имперцам не до нас. Их магистр-император скончался несколько лет назад при странных обстоятельствах, сейчас на престоле сидит совсем маленький его наследник, старший сын императора исчез еще до смерти отца, лет пятнадцать назад, ему было не больше десяти лет, никто не знает где он и что с ним. У них нет лидера, никто не сможет объединить вечно дерущихся между собой магов. С этой стороны опасность нам пока не угрожает.

— А как умер их магистр?

— Это странная история, Мирра. Имперцы очень скрытны, особенно, что касается их правящих семей. Наш человек смог выяснить только, что накануне его смерти, двор в ужасе шептался о одержимости императора. После этого случая при юном императоре неусыпно дежурят несколько сильнейших магов. Ты знала, что можно излечить одержимого?

— Можно? Тогда зачем вы их убиваете?

— Это очень сложно. Для исцеления одного мага от одержимости, другой маг должен отправить свой дух в мир Демонов и найти того самого демона, который захватил одержимого и победить его. Если демон будет уничтожен, одержимость пройдет. Но маг, отправляющийся на выручку, так же может стать одержимым, тогда придется или отправлять третьего их спасать, или убивать обоих. Мы предпочитаем обходиться меньшими жертвами. Это... меньшее из двух зол. Ведь одержимый не бездействует, пока его пытаются исцелить, он может убить многих, многих людей, пока его спаситель будет делать все необходимое. Но есть другая опасность, исходящая из империи. Наши маги, могут попасть под влияние имперских и возжелать таких же привилегий и свобод. Уже несколько башен восстали. Но это ты и так знаешь. Боюсь, что корень проблем кроется именно там. Круг Воздуха ближе других находится к границам империи. После гибели архимага на совете, ни один ворон, отправленный Энель туда, не вернулся. Я думаю, что башня захвачена повстанцами. Из круга Земли, пропало несколько десятков молодых магов, он второй по удаленности от границы. Да что говорить, даже в башне Огня, которая находится в нескольких днях пути отсюда, недалеко от вулкана, даже оттуда пришли вести об исчезновении послушников, наставников и адептов. Скоро нам придется заниматься и этим, Мирра. Ослепленные ненавистью, мои братья Видящие, представляют не меньшую, едва ли не большую угрозу, чем рвущиеся к свободе и власти маги. Я думаю, что в твоих странствиях тебе придется столкнуться и с теми и с другими. Я постараюсь помочь тебе, —

он неожиданно улыбнулся. — Справиться с моими братьями, хотя мне и больно об этом думать. Многих я знаю лично, но... сейчас они выбрали не ту сторону. Я...

Он замолчал и шел, глядя себе под ноги, пока мы не дошли до очередной заставы. Когда мы отходили, я не выдержала.

— Ты недоговорил что-то, Кален. Что ты хотел сказать?

— Я не могу просить тебя об этом. Это будет подвергать тебя дополнительной опасности. Я не смею просить тебя идти на такой риск. Так что не стоит об этом...

— Говори, командор. Мне решать, когда мне стоит подвергать себя опасности, когда нет, говори, что хотел, — видимо дремлющая до поры гордыня эльфийской крови все-таки иногда просыпается во мне, в самые неожиданные моменты.

— Я хотел просить, не убивать моих братьев без веских на то причин, я уверен, что смогу переубедить многих из них, если только они будут живы, встать под знамена Хранителей. Тебе ведь известно, что Видящие отличные воины. Каждый из моих братьев стоит трех десятков обычных воинов и сотни ополченцев. Если бы только ты...

— Я поняла твою просьбу. Я не собираюсь крушить все на своем пути и оставлять горы трупов, конечно, если у меня будет выбор, и мне дадут возможность, я не стану убивать ни Видящих, ни магов. Есть куда более важные вещи сейчас, чем личная неприязнь. Просто они об этом еще не знают. Тебе не стоило даже просить об этом, Видящий, я буду стремиться сохранить каждую жизнь, на своем пути.

— Чем больше я тебя узнаю, Мирра, тем больше ты меня удивляешь.

Я лишь пожимаю плечами. Я сама с трудом понимаю, что происходит у меня в голове, куда тут кому-то еще разобраться. Но уверенность в том, что именно так я и буду поступать вне всяких сомнений. Я не знаю, о чем еще с ним говорить, неловкое молчание, когда каждый думает о своем. Опять вспоминаю жесткое «Никогда». Ощущение, что бросает из одной крайности в другую, из ледящего холода в обжигающее пламя, а потом назад. Так и с ума сойти не долго, ни я, ни ты, не можем ничего понять, естественное притяжение наталкивается на противоестественное сопротивление. Нет, не надо сейчас об этом думать. Так только хуже будет. Лучше оставить все как есть, он прав. Так будет правильнее. Мне скоро придется уходить, а он останется здесь, не надо, чтобы нас что-то связывало, к тому же, передо мной будет весь мир, кто знает, что я там увижу, кого я там встречу. Становится чуть легче. Пусть будет так. Ты сам так решил. Вздыхаю, пытаюсь сродниться с этой мыслью. До самого возвращения в поселение мы больше не перекинулись и парой слов. Все было сказано.

— Итак, идем, в кузницу. Подберем тебе клинок по руке.

Это не вопрос, это руководство к действию. Я киваю в ответ, оставляя всю печаль и грусть, там за воротами Лоринга. Наставник, вот он кто. Просто друг и наставник. Легко шагаю за ним. В кузнеце я еще не была. Небольшое приземистое здание, рядом с конюшней, оттуда слышен грохот молота. Обычная деревенская кузница, самый обычный кузнец приземистый лысоватый мужчина в грязном переднике.

— Командор, рад вас приветствовать. Чем могу?

— Здравствуй, Кирт, мне бы вот для барышни кинжал подобрать, для тренировок. Без изысков, но хороший, ты же понимаешь, что она не один может сломать, пока толком научится с ним обращаться.

Мужчина кивает и улыбается мне.

— Новая девочка? — он ехидно подмигивает Калену.

Смерив его грозным взглядом Кален спокойно ответил.

— Ты, Кирт, из кузницы совсем не выходишь? Это Мирриэль, та, что закрывает разломы. Мне выпала честь ее учить. Так что не болтай лишнего, а то передумаю и к торговцам пойду, у них то, небось, тоже найдется что-то ей подходящее.

— Простите, госпожа. Заработался я, действительно. Для вас найдется боевой ножик, и для метания пару ножей подберу, коли желаете...

— Желаю, — отвечаю уже я сама.

Через несколько минут у меня в руке уютно лежит небольшой простой кинжал. Достаточно удобно. Кален стоит в стороне глядя как я выбираю из нескольких, которые нашел кузнец у себя.

— А вот и метательные ножи, всего два. Но для тренировок должно хватить, — протягивает мне мастер ножи. Даже не ножи, а просто оточенные куски металла.

Беру один в руку. «Мирриэль, чтобы проверить, как сбалансирован нож нужно в то место, где рукоятка начинается от лезвия, поставить указательный палец, скажем, правой руки, а указательный палец левой руки слегка удерживает нож в горизонтальном положении у жала. При отпускании пальца левой руки рукоятка ножа, как бы задержавшись, ровно и безусловно должна потянуть нож к земле. Если рукоятка ножа будет значительно тяжелее лезвия, то нож тут же упадет на землю в сторону рукоятки. Поэтому такую рукоятку просто необходимо облегчить. Ты запомнила, девочка? Молодец!» Кто и когда мне это говорил? Откуда эти воспоминания? Примеряюсь к ножу, делаю, как кто-то когда-то меня учил, нахожу его достаточно хорошо сбалансированным. Подбрасываю нож, ловлю его, осматриваю лезвие, пробую заточку ногтем. Мужчины обсуждают цену и с интересом наблюдают за моими действиями. На дальней стене кузницы висит старая мишень. Не задумываясь ни секунды, уверенным, спокойным движением отправляю нож в полет. Когда нож втыкается в самый центр мишени, кузнец удивленно выдыхает...

— Давно ножи метаете, миледи? — неуверенно спрашивает он.

— Это первый раз, который я помню, — честно отвечаю я.

— А второй сможешь туда же отправить? — командор удивлен, но считает это случайностью.

Улыбаюсь, на сей раз беру нож за лезвие, а не за рукоять и второй нож втыкается в мишень рядом с первым. Кузнец, чуть не приседает от удивления. Кален более сдержан в проявлении эмоций.

— Хорошо, давай еще раз, — спокойно командует он.

Подхожу к мишени, достаю оба ножа. Становлюсь на исходную позицию. Два броска — вполне достаточно, я уже запомнила последовательность действий, силу броска. Уверенно закрываю глаза и быстро один за другим посылаю ножи в мишень, не открывая глаз. Быстро осматриваю результат броска, ножи вошли в мишень так же близко друг к другу, как и в первый раз. Кален смотрит на мои броски и задумчиво потирает подбородок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Значит, раньше ты это делала и очень даже хорошо. Хмм, это упрощает нам задачу. Возможно, ты и техникой ножевого боя владеешь, просто не помнишь. Идем. Проверим.

Кален расплачивается с кузнецом, отдает мне оружие, и мы направляемся в сторону тренировочного поля.

— Ты же не хотел на поле меня обучать?

— Я передумал, судя по твоим броскам, с новичками тебе делать нечего. Так что идем.

Подберу тебе кого-нибудь из ополченцев для тренировки.

— Нет, — начинаю упрямыться я. — Я хочу с тобой драться.

— Что? — удивленно приподнимает он бровь. — Со мной? Не боишься?

— Уже нет, — принимаю я вызов. — Если от кого я и приму взбучку, как должное, так это от лучших бойцов, тебя, Энель или Кары, все остальные проигрыши будут унижительны для меня.

Кален останавливается. Внимательно изучает мое лицо.

— Ничего не понимаю. В тебе как будто два разных человека, один милый, добрый и покладистый, другой гордый, упрямый и решительный. Сложно угадать, кто из них сейчас ответит.

— Я — эльфийка, а эльфы все гордецы. Ты не знал этого, эрдан?

— Я не понимаю, что ты сказала, Мирра?

— Эрдан — человек, на древнем языке, — я гордо вскидываю голову и прохожу мимо остолбеневшего командора. — Не бойся, эрдан, я не стану унижать тебя перед твоими солдатами своей победой.

— ЧТО? Ты совсем ума лишилась? Ты нож первый раз в руках держишь и уже мне бросаешь вызов?

Я поворачиваюсь к нему лицом. Если не поднимать голову, то получается, что смотрю я ему прямо в место, соединения шеи с плечами, но меня не смущает это. Необычайное чувство легкости, даже немного кружится голова от переполняющей меня уверенности в своих силах, от наполняющего меня негодования. Как может этот смертный сомневаться в моей силе? Что его жизнь в сравнении с бессмертием моих предков? Я впитывала все знания древних, каждый день, я знаю, все, что знали они. Я вместилище их знаний, я — эйтилин (источник).

— Так ты идешь, эрдан? Или сила древних лишила тебя языка и смелости?

— Идем, — пожимает он плечами.

На поле тренируются солдаты. Но я их уже не вижу. Меня переполняет необъяснимая энергия, внутри меня клокочет, в поисках выхода боевая ярость, перед глазами появляется алая пелена.

Я вижу стройные ряды эльфов с их длинными луками. За лучниками, стоят мечники. Все как на подбор, высокие, стройные, красивые. Закат солнца золотит их блестящие доспехи. Я вижу лагерь накануне этого построения, вижу, как играючи легко и непринужденно один из эльфов побеждает в дружеской схватке людского воина. Люди и эльфы вместе. У них один лагерь, одна война, один враг. Эльф-победитель помогает встать человеку. Тот предлагает сразиться на ножах, эльф смеется и соглашается. Я вижу схватку. Теперь я понимаю, что это, это урок для меня. Схватка длится недолго, легкий, подвижный эльф обходит человека сзади и приставляет острый нож к его горлу. Человек поднимает руки. Эльф смеется, снимая блестящий шлем. Теперь я вижу лицо. Это женщина. У нее светлые длинные волосы, тонкие губы, большие глаза цвета морской волны... Я будто смотрю на свое отражение в озере. Теперь она смотрит на меня и улыбается. «Кинжал — верный выбор, девочка. Я была лучшим мастером этого вида оружия, а ты, ты мой потомок, ты тоже станешь лучшей. Но гордыня — не благодетель, она не красит тебя, гванти (красавица)».

Видение исчезает. Встряхиваю головой освобождая мысли от остатков видения, прихожу в себя. Мы стоим у дальнего края поля. Воины продолжают свои тренировки, не

обращают на нас внимания. Кто-то из командиров, разговаривает с Каленом. Тот смотрит на меня немного взволновано, немного сердито. Что я ему наговорила? Что на меня нашло? Говорили моими губами, моим голосом, но это была не я. Я бы такого никогда не сказала, тем более ему... Что-то со мной не так, нужно будет спросить Инариэля, что он по этому поводу думает. Тем временем Кален сбрасывает свой теплый плащ, оставаясь только в натальной рубаше, легко отстегивает ножны с кинжалом от ремня, отбросив все лишнее в сторону. Он кивает своему собеседнику и подходит ко мне.

— Еще не передумала? Или все же найти тебе равного соперника?

Я сбрасываю свой плащ, перехватываю кинжал поудобнее, и улыбаюсь ему.

— Я не понимаю, что со мной творилось, но я не отступлю. У меня еще много секретов, командор.

— Я уже не эрдан? Просто командор?

— Я не понимаю, о чем ты. Что значит эрдан?

— Ты сводишь меня с ума, Мирра. Ты сама так назвала меня несколько минут назад. Ты и это уже забыла?

— Я помню, кажется, но это была не я, Кален, — я растерянно дотрагиваюсь до своего лба, словно желая убедиться, что у меня нет жара. — Это была не я. Ладно... давай потом в этом разберемся, а сейчас, попробуй меня достать.

Он улыбается, качая головой.

— Ты просто... сплошная загадка, Мирриэль. Ну что же, приступим.

Он спокойно перешел в наступление. Я начинаю потихоньку отступать, не увеличивая, но и не сокращая дистанцию. Слежу за его движениями. Оцениваю, как он держит нож, как быстро он передвигается, насколько стремительны могут быть его движения. Теперь он не Кален, теперь он враг. И я его изучаю. Я быстрее, легче, подвижнее. Но у него годы тренировок, правда, как он сам сказал кинжал — не его вид оружия. А у меня? Стремительный выпад в мою сторону, я заметила движение в самом начале, мне не составило труда увернуться от колющего удара в корпус. На секунду передо мной незащищенное плечо, с победной улыбкой, разрезаю рубашку на его плече, аккуратно, чтобы не задеть кожу, не поцарапать, ведь бой только начался, так будет не интересно. Отступаю назад. Предоставляю ему действовать дальше. Он даже не заметил, что я его задела. Улыбаюсь еще шире, я стану лучшей. Кален понимает, что преимущество в скорости на моей стороне. Больше никаких резких выпадов, он тоже ждет, ждет моих действий.

— Мирра, мы так и будем кружить друг напротив друга? Или все-таки вступим в бой?

— Командор, я уже начала свой бой. Твой правый рукав, командор, — я начинаю весело смеяться, наверное, такое пьянящее чувство есть у всех во время схватки.

Он глянул на рукав и довольно хмыкнул. Легкий кивок одобрения в мою сторону. Призыв действовать дальше. Опять начинаем кружить друг напротив друга. Несколько раз он проверяет мою защиту, я легко отбиваюсь или просто ухожу от атак. Несколько раз наши ножи встречаются, когда я пытаюсь пробить его защиту. В силовом противостоянии у меня нет шансов, я стараюсь как можно быстрее уйти, как только слышу звон сошедшихся клинков. Измотать этого медведя я точно не смогу, в этом ему не откажешь, вынослив. Надо как-то по-другому. Начинаю быстро менять темп, конечно, ни один из моих ударов не достигнет цели, но его будет держать в напряжении, пусть не расслабляется. Атаки по корпусу, чередую с атаками по рукам, лицу, ногам, заставляя его все время отбиваться. То быстрее, то медленнее. Он улыбается. Он доволен? Или он смеется надо мной? Провоцирую

его атаку раскрыв свой правый бок, конечно, он видит мою ошибку и тут же пытается ею воспользоваться, а мне только этого и надо. Он наклоняется вперед при атаке, а я вместо того чтобы увеличивать дистанцию, пропускаю его руку совсем близко к своему телу, а сама всем телом подаюсь вперед и оказываюсь у незащищенной груди командора, но и он не промах, как смог, не понимаю, но он просто ушел от моего удара кувыркнувшись в сторону. Облизываю пересохшие губы. Командор уже не играет со мной. Легкой победы, на которую он рассчитывал, не случилось. Теперь нужно серьезнее отнестись к поединку. Он тоже меняет интенсивность ударов, их направление и глубину выпадов. Несколько раз я не успеваю сделать достаточно быстрые движения: на бедре и в нескольких местах на руках, появляются порезы.

— Мирра, может хватит? Я уже ранил тебя, пора останавливаться.

— Нет, — рычу я. — Нет, еще не пора. С такими ранами я могу еще день вокруг тебя кружить.

— Мирра, мы тренируемся, это просто тренировка...

— Не для меня, командор. Не для меня. Счет должен сравняться.

Наши переключки вызывают интерес, вокруг нас начинает собираться народ. Но это не важно. Я должна сравнять счет. Всего-то четыре-пять порезов на теле этого атлета и все... и можно будет заканчивать этот поединок. Он быстро атакует, ухажу от атаки и быстрым движением оставляю на его рукаве кровавый след, рассекая кожу. Еще три царапины. Перехожу в атаку, но в последний момент перебрасываю кинжал в другую руку и, сделав разворот, уходя от его ножа, оставляю разрез на плече. Еще немного... дышать уже становится трудно, пот катится по спине холодными каплями. Командор переходит в наступление, я не ухажу, жду его. Легко улыбнувшись, проскальзываю у него под рукой и оказываюсь у него за спиной. Подпрыгиваю и ухватив Калена за волосы вынуждаю его запрокидывать голову. Вот только погнавшись за зрелищностью, я совсем забыла о силе своего соперника... Он хватает меня за шею обеими руками и, перебросив через плечо, бросает меня спиной на землю, перед собой. Одним махом он оказывается на мне, прижимая мои руки к земле, своими коленями.

— Хватит теперь? — его локоть упирается мне в шею.

Мне не хватает воздуха, но я этого так не оставлю. Руки он мне держит, а ноги? Ноги свободны... Ноги свободны и на нем нет даже кольчуги, как подло с моей стороны... Надо заставить его отклониться... Хотя бы нарушить его равновесие и освободить горло и руки... Наношу несколько чувствительных ударов по широкой спине, чуть пониже ребер. Очень неудобно, была бы человек, точно бы не смогла такого сделать... Но есть и плюс... он этого тоже не ожидал... Мои руки свободны, подхватив кинжал сажусь и приставляю его к шее командора, часто и тяжело дыша. Он кивает головой, что принял свое поражение. Но мне этого мало, он меня в грязи выкачал, толкаю его в широкую грудь, опрокидывая на спину. Теперь уже я оказалась сверху. Но его это не испугало, он лежит на спине и улыбается мне. Конечно, мне не под силу удержать его руки, одной рукой он забирает у меня из руки кинжал, а другой, нежно обняв меня за талию, валит на землю. Но я успела... успела его еще раз оцарапать... Он встает на ноги и протягивает руку мне.

— Молодец, Мирра. Для первого раза... просто чудесно, ты не только меня достала несколько раз, ты смогла меня повалить... не многим это удавалось

— Перестань, ты поддавался, не дрался в полную силу, — я принимаю его руку, и он помогает мне встать.

А потом он наклоняется к моему уху и шепчет, согревая щеку своим горячим дыханием.
— Это было даже приятно. Тебе приятно проигрывать.

Он подмигивает мне. Что? Опять? А как же НИКОГДА??? Совсем запутал... Наро радостно нас приветствует. Вижу Энель, которая стоит в первых рядах, она задумчиво смотрит на меня, едва заметным движением руки убирая свой кинжал. Интересно, кого она собиралась защищать? Меня или его? А вот и Кара. Стоит, сложив руки на груди. Она не собиралась вмешиваться, она просто смотрела.

— Я ранил тебя, Мирра. Пойдем к Инариэлю, пусть обработает тебе царапины, а то ведь после нашего валяния по земле, ты вся грязная.

— Сам не лучше!

— Согласен! Такой же грязный. Сейчас бы искупаться в реке... — он мечтательно закрывает глаза.

— Да уж... надо попросить Инариэля опять наполнить мне ванну и воду подогреть.

— Хорошо тебе, меня в лучшем случае ждет бочка холодной воды.

— Могу поделиться, — игриво подмигиваю я.

— Ты опять начинаешь? Мы же, вроде договорились?

— Ладно-ладно, — примирительно поднимаю руки. — Молчу, я просто пытаюсь быть вежливой.

Инариэль как обычно в лазарете, там еще несколько раненых, вернувшихся с дозора уже сегодня. Увидев нас, перепачканных и поцарапанных, он оставляет своего подопечного.

— Что случилось? Вы в драку ввязались?

— Нет, Инариэль, мы тренировались, — отвечает Кален. — Мирра неплохо управляется с кинжалом, даже двумя руками, молодец. Видишь, даже задела меня несколько раз.

Он гордо демонстрирует царапины.

— Ладно, она тебя поцарапала, а ты зачем ее поранил? Просто дети, никакой серьезности... На нее же не действует обычная магия, ей придется исцеляться естественным путем.

— Не сердись, Инариэль. Все быстро пройдет. Ты мне сейчас только промой раны, ладно?

— Отличная мысль, Мирра. Ты только забываешь, что я не могу к тебе прикасаться. Так что, кто поранил, тот пускай и промывает тебе раны и перевязывает, вот вам вода и материал для перевязки, а я пойду своими делами заниматься. Без меня справитесь.

Он ставит перед Каленом воду с заваренными в ней залечивающими травами и кладет кусок материи. Командор без долгих разговоров усаживает меня на табурет и спокойно начинает обрабатывать рану на руке. От тепла его рук, по телу бежит дрожь. Ничего нет в этих простых действиях предосудительного, но меня бросает то в жар, то в холод. Надо успокоиться, взять себя в руки. Все же уже решили. Командор тем временем уже разобрался с царапинами на руках и повернул меня боком к себе, чтобы обработать рану на бедре. Горячая ладонь ложится мне на ногу, придерживая, чтобы я не дергалась. Ох, как же обжигает каждое его прикосновение, как замирает сердце, как забывается все на свете. Закрываю глаза, позволяю себе насладиться этими мгновениями.

— Ну вот и все. Можешь идти. Завтра утром, пробежка. Вокруг лагеря. Так что тепло не одевайся, не хватало еще чтобы ты простыла. Тогда эльф меня точно взглядом своим осуждающим убьет. На сегодня все, отдыхай.

Он разворачивается и уходит из лазарета. Все, прошло. Слабости больше нет. Сажу на

табурете, взываю к энергии жизни, рассматриваю раненых. Ничего сложного, тут много не потребуется. Отделяю необходимую часть энергии, направляю ее на солдат. Солдаты не спят, как те ночью, эти видят своими глазами, как их раны затягиваются. Несколько изумленных возгласов.

— Мирра, опять ты?

— Ты не рад, Инариэль? Я освободила тебя от всех дел... Теперь мы можем поболтать...

— Ты так меня скоро вообще освободишь от моей должности лекаря. Кому буду нужен я со своей слабенькой магией и припарками, если у тебя это занимает считанные минуты?

— Не сердись, Инар, я хотела помочь... Честно-честно. Ты мне вот что скажи, что такое «гванти»?

— Гванти — это красавица, на древнем языке. А где ты это услышала?

— В очередном своем воспоминании. Ладно, а что такое «эрдан»?

— Эрдан, Мирра, я надеюсь ты никого так не назвала здесь... Полное слово Эрландан — это значит человек, на древнем языке. А эрдан — это как бы пренебрежительное обращение к людям, этим словом уже давно никто не пользуется.

— Да??? А я вот, оказывается, пользуюсь.... Неудобно-то как...

— Кому ты это сказала?

— Калену...

— Радует, что не Энель... Она разобралась бы в таких тонкостях....Ладно, мою работу ты всю сделала, идем, расскажешь, что там у вас сегодня было.

Конечно, он не отказал мне в ванне. К вечеру я была чистая, красивая, причесанная и совершенно довольная. Вечером в таверне, как и обещал Жан, всех угощали. Было много эля, много вкусной еды, много разговоров, много песен. Когда места в таверне стало мало, все отправились к кострам. Барри и Инариэль сопровождали меня. У одного из костров мы услышали удивительную музыку, пройти мимо мы просто не могли, какого же было наше удивление, когда мы увидели у костра Кару и Энель, в руках которой лютня выводила нежные, печальные трели. Мы тихонько остановились, прислушиваясь к мелодии. А потом запел Барри. Энель на секунду перестала играть, но сильный голос гнома очень точно повторял ее мелодию, она улыбнулась и продолжила играть. Мы сели рядом с ними. Когда окончилась песня, все дружно похвалили исполнителей. А Инариэль попросил лютню. Взяв ее в руки, он нежно прикоснулся к инструменту, словно знакомясь с ним. А потом тонкие пальцы эльфа легко запорхали по струнам, веселая мелодия зазвенела над лагерем. Немного прислушавшись, я вспомнила слова и теперь уже подпевала я. Это была эльфийская песня о нерешительном юноше, который никак не мог признаться девушке в любви, а она никак не понимала его намеков. Закончилось все хорошо, они поженились, когда он смог преодолеть свою робость. На веселые звуки песни к нашему костру подошли люди, все хотели продолжения. Инариэль передал лютню Энель, и она тоже заиграла что-то веселое. Инариэль протянул мне руку, приглашая на танец, я не стала упрямиться, настроение было отличное, сдержав обычный поток боли, не давая ему выплеснуться на мага, я подала ему руку, и мы легко закружились вокруг костра. Следом за нами к кругу присоединилось еще несколько пар. Все смеялись, веселились. Даже Барри пригласил Кару танцевать. Чтобы на это посмотреть мы с Инариэлем даже остановились. Это было очень забавно, высокая, стройная Кара и массивный гном, который ей едва до груди достает. Но при всем этом, танцевал гном достаточно сносно. Легкая прохладная рука Инариэля легла мне на талию,

увлекая меня на очередной круг.

За всем этим, скрываясь в тени, наблюдал Кален. Его привлек к этому веселому костру чистый звонкий голос, хрусталем отзывавшийся в ночной тишине. Командор заслушался этим пением, он знал, что так петь может только эльф, а способных эльфов в Лоринге было всего двое, он увидел их обоих у костра. Она пела веселую песенку, в то время как Инариэль пожирал ее глазами. Холодный пот выступил на спине командора, рука крепче сжалась на рукоятке кинжала. Он видел, как она кружится в танце с эльфом. Видел, как эльф все ближе прижимает ее к себе. Он слышал ее радостный смех. Он не мог там появиться. Он проклинал себя за все то, что сказал ей сегодня. Он ненавидел себя за слово «никогда», но тогда это казалось таким правильным. А вот сейчас он готов был отрезать себе язык за это слово. Нет, он все сделал правильно. Это всего лишь зов плоти. Это все пройдет. Надо сходить к Марго. Почему же так мрачно на душе? Почему их танец с эльфом отозвался таким болезненным ощущением в груди? Все это ерунда. Все пройдет. За своими новыми ощущениями командор даже не заметил, как наступило его время боли. Едва сдерживая стоны, он зашел к себе в палатку и, приняв обат, упал в свою холодную постель. Обжигающий огонь, разливающийся по телу, не мог его согреть так, как сегодня согревали его ее яркие зелено-голубые глаза. Волны огня не могли сравниться с холодной волной, которой пробежали мурашки по его телу, от каждого ее прикосновения. Как она повалила его и оседлала... Если бы он не сбросил ее, то скрывать охватившее его страстное желание стало бы просто невозможно. Теперь даже боль от обата, была более терпима, чем понимание, что им действительно никогда не быть вместе. Он забылся тревожным сном, до утра оставалось лишь несколько часов.

Упрямица.

День за днем прошла неделя. Теперь с ней ножевым боем занималась Энель, она же тренировала ее в стрельбе. Кара взяла на себя физическую подготовку Мирриэль. Командору остались только утренние пробежки и возможность подурачиться в парном поединке. Кален встал рано. Утренняя доза обата, не причиняла такой боли как вечерняя. Едва открыв глаза, он снова вспомнил первые тренировки. Горячая волна воспоминаний снова захлестнула его. Едва боль отступила, и он смог встать, он взял свой двуручный меч и отправился на поле для тренировок. Однако, когда он подходил к полю, то услышал характерный звук ударов железа по дереву. Кто-то его опередил и уже занимался. Странно, обычно ополченцы не проявляют такой прыти. Может быть, кто-то из его братьев или Ищущих. Он подошел чуть ближе и остановился, пытаясь рассмотреть взглядом Видящего человека занимающегося на стенде. Обычно в такие минуты человек не контролирует свои мысли и проще простого узнать его состояние и даже увидеть мысли, которые сейчас овладевают его сознанием. Но не в этот раз. Слух не мог обманывать, но объяснение тому, что он не видит человека, было только одно — там была она. Он сделал несколько глубоких вдохов, но решил сразу не подходить, а посмотреть, что она делает. Понаблюдать за ней. У одного из чучел действительно была она. В одной руке меч, в другой кинжал. Она наносила удары по кукле, отрабатывая одну связку, раз за разом. Он видел, как прилипает к ее телу мокрая ткань. Она занималась уже довольно давно. Он продолжал тихо любоваться ею. Когда рука начала дрожать от тяжести меча, она отложила холодное оружие. Взяв длинный лук, она отошла на стрелковую дистанцию, и, натянув тетиву до самого уха, пустила стрелу. Стрела ударила почти в самый центр мишени. Она достала еще одну и отправила ее в полет. Стрела за стрелой, она выпустила весь колчан. Спокойно она подошла к мишеням и, достав все стрелы, она вернулась на исходную

позицию и снова начала стрелять. Без суеты, без эмоций, словно зачарованная, она чередовала стрельбу и упражнения с холодным оружием. Он подошел ближе, но она не обращала внимания на окружающий мир. Она не видела ничего, для нее существовали только мишени и чучела. Наблюдая за ее тренировкой, он проникался все большим уважением к ней. Самоотверженно, она полностью отдала себя тренировке. Он вспоминал себя, когда-то он так же по полночи тренировался в цитадели, стремясь стать лучшим, стремясь быть впереди всех, днями и ночами он доводил до автоматизма все связки и движения. Сбивал в кровь руки, совершенствуя технику рукопашного боя. Стремление к совершенству вот что тогда толкало его вперед, и вот... он достиг всего... но вместо удовлетворения, он чувствовал только разочарование и горечь. Он стал лучшим среди Видящих, но потерял возможность быть просто человеком, он посвятил себя служению, вопреки здравому смыслу. Он стал лучшим и потерял все остальное. А сейчас, он смотрит как она делает тоже самое, совершает те же ошибки во имя спасения чужих жизней, забывая о своей. И он вынужден ей помогать в этом, вынужден направлять ее именно на такой путь. Он сжал зубы. Если бы только он мог сделать это все вместо нее, взять ее бремя на себя, пройти ее дорогу, позволяя ей выбирать, позволяя ей просто жить, с какой радостью и облегчением он сделал бы это. Но так не может случиться, его дело лишь наставлять и обучать ее, все остальное ей придется делать самой. Она опять взялась за меч. Нужно было ее останавливать. Отбросив свои дурные мысли, он заставил себя улыбнуться и направился к ней.

— Ты, сегодня рано встала, Мирриэль.

— Командор, — она обернулась на звук его голоса. — Я сегодня не ложились. Но я не устала. Я готова к пробежке.

Бездонные глаза смотрели прямо на него, как хотелось утонуть в этой пучине, забыть обо всем, забыться. Никогда больше не вспоминать кто он, кто она, что творится вокруг, наплевать на ответственность и долг... Забыть... но это невозможно. Его дело обучить ее, увеличить ее шанс на выживание.

— Я наблюдал за тобой. Отлично стреляла. Да и с мечом неплохо управлялась. Сейчас пробежимся немного и продолжишь. Согласна?

Он подошел совсем близко, протянул руку к ее мечу. Она спокойно передала ему оружие. Он осмотрел меч, которым она упражнялась, вся рукоять была испачкана кровью. Он неодобрительно покачал головой и взял ее руку, чтобы осмотреть. Вся маленькая ладонь покрылась кровавыми мозолями, некоторые из них лопнули, что и оставило следы на рукоятке меча. Что они делают? Как можно так поступать с этим ребенком? Она же просто жертва случая. Как же так? Почему такой милой девочке досталась такая непростая судьба, как так сложились звезды, что от нее зависит выживание всего мира. Он наклонился, поднимая холодный чистый снег, чтобы протереть ее руки, остудить их. Когда холодный снег коснулся ее ладони, она вздрогнула и зашипела.

— Мирра, так нельзя. Теперь тебе несколько дней придется ждать, пока затянются эти мозоли. Ты не сможешь упражняться, будет больно держать меч в руках. Тренировки не должны доводить до такого.

— Все в порядке, командор, я немного передохну и смогу продолжить. Вот как раз во время пробежки и передохну.

Он неодобрительно покачал головой.

— Больше не делай так. Идем ко мне. Я промою твои раны и наложу повязки, а заодно

подберем тебе кольчугу. Начнем бегать с нагрузкой. Конечно полный доспех для тебя — непосильная ноша. Но вот кольчужная рубашка — в самый раз. Идем.

Он взял ее за руку и потащил за собой в свою палатку. Там нашлась и вода, и чистая ткань. Обработав раны, он аккуратно наложил повязки. Кольчугу он нашел еще вчера вечером, она стала мала его оруженосцу, а продать ее все не доходили руки, вот и валялась без дела. Он помог ей одеть тяжелую кольчужную рубашку, она была укорочена, лишь едва прикрывала бедра, для бега — лучше и не придумаешь. Поправляя тяжелую обновку у нее на плечах, он случайно прикоснулся к нежной щеке. Он хотел бросить взгляд на нее украдкой, но стоило ему глянуть в ее сторону, как он тут же попал под ее пристальный взор. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, чуть приоткрытые губы, кажется, что на них застыли какие-то так и не сказанные слова. Длинные пушистые ресницы, легкий румянец на бледных щеках, удивленно приподнятая бровь. Воплощение нежности... Несмелым движением он поправляет выбившийся локон, закладывает его за удлиненное ушко. Грубая ладонь в порыве нежности дотрагивается до нежной щеки, замирает сердце, останавливается дыхание. Она смотрит прямо в глаза, не отводит взгляд ни на мгновение. Так они стояли несколько бесконечно долгих секунд. Его ладонь прижималась к ее щеке, глаза смотрят в глаза. Без слов. Никто не мог произнести ни звука. Слова были не нужны. Все, что было сказано раньше, теряло смысл, исчезало в темноте прошлого. Одно неловкое движение, и вся подготовка Видящего не может помочь ему, он понимает, что должен убирать руку, что должен прекратить это, должен все вернуть к слову Никогда, но не может, это выше его сил. Ее забинтованная ладонь ложится на его руку, прижимая ее к щеке, и она закрывает глаза, просто прижимаясь к его ладони. Это просто невыносимо. Другой рукой он привлекает ее к себе, обнимая за плечи. Ее лицо прячется у него на груди. Он прижимается лицом к ее волосам, они щекочут его нос, наполняя воздух вокруг ароматом полевых цветов.

— Мирриэль, — выдыхает он, все сильнее прижимая ее к себе.

Снаружи скрипнул снег под тяжелыми сапогами.

— Командор, вы на месте?

Легкой испуганной ланью она отстраняется от него, делая несколько шагов назад. Дав ей время на это, он ответил.

— Да, Вейт, заходи.

В палатку входит один из Видящих. Увидев хрупкую фигуру в нескольких шагах от командора, солдат смущенно откашливается.

— Простите, командор, если я не вовремя. Я могу зайти потом, я не знал, что вы не один.

— Все в порядке, Вейт, мы собирались на пробежку, вот подбирали подходящую нагрузку для нашей героини, — он натянуто улыбается, все еще задыхаясь от ее минутной близости.

— Последние сообщения, Кален, все более тревожны. Демоны становятся все сильнее, мы не можем больше дежурить у разломов, это становится слишком опасно. Их там слишком много, мы можем потерять всех людей.

— Я понял, Вейт. Нужно...

— Нужно идти туда и закрыть разломы. Так ведь, Кален? Ты одел на меня эту штуку, мне нужно тренироваться, закрытие разломов ничем не хуже обычной тренировки, идем туда, за сегодня я смогу закрыть несколько разломов. Разве не в этом мое предназначение? Вдвоем мы конечно не управимся со всеми демонами, но я так понимаю, там ваши люди

есть. Справимся. Ну а туда, бегом, как и планировали.

— Мирра, ты себе руки до кровавых мозолей сегодня стерла, ты сейчас ни стрелять, ни кинжалом работать не сможешь и демоны — это не тренировка — это настоящий бой.

В ее глазах читается решимость, ничего с ней не поделаешь, если не пойти с ней, она пойдет сама. Вейт стоит у входа в нерешительности, никак он не мог ожидать такого поворота разговора. Махнув рукой, Кален начинает одевать свою кольчугу. Упрямица, с ней бессмысленно спорить. Да и права она. Кроме нее некому.

— Вейт, ты оставайся в лагере. Я помню месторасположение всех разломов. До ближайшего несколько часов неспешного хода. Бегом управимся в два раза быстрее, — он со звоном загоняет меч в ножны. Ну что же, героиня, вперед. Будешь отставать говори, сброшу темп.

Она звонко смеется.

— Командор! Ты забываешься. Я — эльф. Это ты не отставай.

Легкой тенью она выскользывает из под полога палатки.

— Кален, — останавливает его Вейт, — Я Видел все. Я Видел твои чувства... Ты не можешь этого допустить. Ты же знаешь, что потом не сможешь ее отпустить...

— Да, друг, я знаю, — Кален кладет руку на плечо друга. — Но я не могу ничего с собой поделать, это сильнее меня, Вейт, это сильнее даже обата... Я держусь, но я знаю, что ее надо держать на расстоянии, вот окончим ее тренировки, и она уйдет, Вейт, и все встанет на свои места.

— Кален, друг мой, боюсь, что это уже не поможет тебе. Твоя аура, она изменилась, я Видел такое лишь несколько раз, Кален, если это не прекратить немедленно, для тебя не будет пути назад. Единственная дорога — в подземелье цитадели. Она сведет тебя с ума, Кален. Остановись!

— Не могу, Вейт. И если совсем уж честно, друг мой, не хочу. Каждый миг с ней, Вейт, стоит всей моей жизни без нее. Раньше я не представлял жизни без обата, теперь... теперь я не представляю жизни без нее, Вейт. Мне пора. Она ждет меня.

Он похлопал друга по плечу и вышел на яркий свет. Вейт прав. Его даром было видеть именно ауру человека, он был единственным в своем роде. Изменения в ауре, это уже неисправимо. Аура изменяется, когда приходит время Видящему уходить. Скоро это изменение почувствует Кара. Надо успеть отправить Мирру в поход, до того, как Кара увезет его. Нельзя чтобы она это все увидела.

Она ждет его у ворот. Стража так и не выпускает ее одну. За плечом у нее лук и колчан, на поясе кинжал. Она готова к схватке. Она весело ему кивает.

— Я заждалась тебя, учитель. Там твоим людям помощь нужна, а ты тут прохлаждаешься. Давай, веди меня.

Кивнув патрулю, Кален от ворот переходит на бег. Она догоняет его и легко держится рядом с ним, не снижая темпа. Его тяжелые следы остаются на снегу, рядом с едва заметными следами его спутницы, если бы не кольчуга, она совсем не оставляла бы следов, недаром эльфов называют легконогими. Он улыбается, вспоминая, как эта легконогая его скинула с себя, но его улыбку скрывает шлем. Опыняющая свобода, свежий морозный воздух, белая скатерть на равнине. На мосту их не останавливают, командора сложно с кем-то спутать. Их пропускают без вопросов. Она легко его обгоняет, забегает вперед и бежит перед ним спиной, дразня его.

— Может, ты скажешь мне, куда мы направляемся, командор, пока ты туда доберешься,

я уже закрою все разломы. Устроим пир с твоими воинами, пока будем тебя дожидаться.

— Следи за дыханием, нетерпеливая, успеем.

— За дыханием, командор? Это как? — она оказывается совсем рядом с ним, и бежит, удерживая его темп.

— Не болтай.

Она смеется и вырывается вперед. Оторвавшись на несколько десятков шагов, она начинает петь веселую песенку и пританцовывать.

— Почему тебя не было с нами у костра неделю назад? Там были песни, веселье и танцы. Даже Кара и Энель были там, а уж Энель куда как серьезнее тебя. Ах да, я забыла, ты не умеешь танцевать.

Она опять весело смеется.

— Ты зря не пришел. Я бы тебя научила, и больше ты бы не считался медведем на балу, все дамы с радостью шли бы с тобой танцевать, не боясь, что ты оттопчешь им ноги...

Она оборвала фразу и резко остановилась. Веселая улыбка пропала с ее лица, она напряглась. Когда он подбежал к ней, она лишь приложила свой палец к его губам, призывая к тишине. Голубой огонек сверкнул под ее кольчугой. Она сжала зубы.

— Рядом демоны. Я... когда они рядом, я чувствую... это очень больно, — она закрывает глаза на несколько секунд. — Нашла. Идем.

Она уверенно шагает, ведомая сверхъестественным чувством. Большой камень ограничивает видимость, она уверенно шагает дальше. Кален пытается восстановить в памяти расположение ближайших разломов, но на карте это место точно не было отмечено. Но она не сомневается. Быстрый шаг сменяется осторожной поступью. Она оборачивается к нему и показывает рукой чуть вперед и вправо. Он аккуратно подходит к ней, и, укрывшись за грудой камней, осторожно выглядывает в указанном направлении. Там несколько призраков и разлом. Она снимает с плеча лук. Накладывает стрелу на тетиву, но перевязанные руки не дают хорошо держать лук и целиться, она злобно шипит и сдирает с рук ткань. Освободившись от перевязок, она вскидывает лук и пускает первую стрелу. Один из призраков, нелепо охает и исчезает, трое оставшихся осматриваются в поисках неожиданного врага. Звонко срывается с тетивы вторая стрела, но призраки уже пришли в движение, стрела проходит сквозь призрак, останавливая его, но не уничтожая. Из укрытия выходит Кален с мечом. Увидев цель, призраки мчатся к нему. Он улыбается, ожидая их приближения. Еще одна стрела выводит очередного призрака из схватки, за спиной командор слышит приглушенные ругательства, бросив быстрый взгляд, он понимает, что начали кровоточить ее раны и кровь мешает крепко сжимать лук. Она откладывает лук, но он приказывает ей оставаться в укрытии, не высовываться. Два быстрых удара и оба призрака исчезают.

— Вторая волна, — кричит она, подбирая лук и накладывая очередную стрелу.

Демон отчаяния только успел издать свой душераздирающий вопль, когда в него вонзилась стрела. Из разлома появились какие-то паукоподобные существа. Кален слышал, как она уже в голос ругается, но на эльфийском, слов он не понимал, но выражения она явно не выбирала. Ему стало смешно, как и любая женщина, она наверняка боится пауков, даже маленьких, а эти монстры, наверное, вызывают у нее просто ужас. Размером с крупную собаку, с мохнатыми лапами, с жуткими глазищами, рассыпанными по всей морде и с жвалами покрытыми зеленой слизью. Она все еще ругается, но вот одна за другой три стрелы влетели в морду первому, приблизившемуся пауку. Несколькими движениями

командор обрубил четыре из восьми лап другому. Паукообразный упал на спину и громко засвистел. Еще трое пауков продолжают наступление. Один плюнул в воина липкой паутиной, но, по счастливой случайности, попал лишь в ногу. Липкая сеть на несколько секунд обездвижила ногу командора, но он разрезал паутину кинжалом и освободился. При первой же возможности он с силой вогнал свой меч в спину наступающего монстра, проткнув того насквозь. Еще один паук разинул пасть, чтобы засвистеть, и тут же получив стрелу, прямо в пасть, так и завалился на спину. Последнего Кален просто разрубил надвое, когда тот направился к лучнице, мимо воина. Добив все еще бьющегося безлапого свистуна, Кален подошел к ней.

— Ты как? Держишься.

— Андорнадуил вашил мас!

— Мираа, ты говоришь по-эльфийски. Я не понимаю.

— А, прости... Забыла... Ох ты ж жуть какая... До сих пор от страха трясусь, знаешь как я их боюсь? Не смейся, меня чуть не вывернуло от омерзения... Ладно, надо закрыть эту дыру... слушай, а ты точно их всех... добил... А то если эта тварь двинется, когда я буду идти, я точно со страха умру на месте....

— Я всех добил, не волнуйся.

— Жалко, что их нельзя раздавить, так же как их мелких собратьев. Брр... мерзость...

Она подходит к разлому, вокруг нее появляется голубое сияние и она протягивает руку к разлому. Реальность искривляется, и разлом исчезает. На этот раз все быстро и четко.

— Первый готов, командор. Чем не тренировка? — она опять поежилась, проходя мимо мохнатых монстров. — Гадость же....

— Да уж, отличная тренировка, главное приближено к реальным условиям. Кстати, ты молодец, этого разлома мои люди не нашли.

Она кивает, очень серьезно.

— Он совсем недавно появился. Сколько их в округе, о которых вы знаете?

— Около десяти, которые под охраной, еще несколько просто разведаны. Я знаю точно о семнадцати.

— Отлично, работы на весь день. Ты со мной? Давай сделаем нашу жизнь безопаснее? Хотя бы здесь в горах наведем порядок. А то я в путь отправлюсь, а вас тут демоны будут одолевать.

А вас тут демоны будут одолевать... Она уже смирилась с этой необходимостью, она уже приняла мысль о скором уходе из-под защиты Лоринга, в неизвестность, в паутину дорог... Так и должно быть, именно так, она должна уйти, а он должен остаться и предав все дела Вейту, уйти с Карой в последний путь, он должен вернуться в их цитадель. Его время пришло... Но не сейчас, об этом нужно будет подумать потом, когда отряд Хранителей отправится в путь.

Сперва, решили увеличить свой отряд и отправились к охраняемому разлому. Там было достаточно тихо, видимо недавно окончился очередной бой, солдаты отдыхали неподалеку от разлома. Когда они смогли рассмотреть, кто к ним приближается, то встали чтобы приветствовать командора. Она быстро подошла к разлому.

— Он неактивен сейчас. Воины убили всех демонов этого разлома, если так будет и с остальными, то мы справимся быстрее, чем я могла думать. Сейчас закрою.

Голубое сияние, луч света направляется в разлом, стирая его следы в реальном мире. Она быстро осматривает солдат своими неестественно голубыми глазами. Раненые с

удивлением смотрят на исчезающие раны. Уже через несколько минут весь отряд в полной боевой готовности отправляется дальше.

За день они успели закрыть семь из семнадцати разломов, и еще три новых. Воины с удовольствием шли за ними. Некоторых отправляли в поселение, с вестями и на отдых, да и не нужен большой отряд для такого дела. Она наотрез отказалась возвращаться в Лоринг, пока не закроет все разломы. Заночевать решили в одном из лагерей, разбитых недалеко от разлома, теперь уже закрытого. Вечером развели костер, пожарили какую-то птицу, разделили ее на всех. Солдаты рассказывали о своих схватках, о семьях, вспоминали жен и детей, радовались скорому возвращению домой. Это были обычные люди, молча, не понимая, недоумевая, не перебивая, их слушали Видящие. Чувства обычных людей были им недоступны, они служили всю жизнь, цитадель была их домом, такие же, как они были братьями, семьей. Молодые Видящие недоуменно пожимали плечами, тихонько между собой посмеиваясь над людьми, более опытные, не говорили ничего, они даже не смотрели на людей, молча рассматривая переливы костра. Командор стоял рядом с костром, когда начался этот разговор, после первого же рассказа он бросил печальный взгляд на сидящую у костра эльфийку, она не заметила этого. Потом он встретил понимающий взгляд старого товарища по ордену, боль в их глазах, говорила без слов. Все Видящие, прошедшие долгий путь, начинали понимать, что они потеряли, но лишь тогда, когда встречали, что-то, что очень хотели удержать, но не могли, так же как теперь и он не мог удержать, не мог смириться, не мог остановиться.

— Мирра, ты не спала всю прошлую ночь, иди-ка отдыхать. Завтра еще много битв, много разломов.

Она улыбнулась ему, приподняв голову.

— Хорошо, командор. Если вы настаиваете.

Она встала и сделала шаг от костра.

— Твоя палатка там, давай проведу. Я проверил, одеяло есть, ты сможешь хорошо отдохнуть. Доброй ночи, — командор откинул полог палатки и протянул ей зажженную лучину.

Она послушно вошла в полумрак, озаренный единственной лучиной. Прислушиваясь, она понимала, что он стоит здесь, совсем рядом с ее палаткой, он не решается ни войти, ни уйти. Она уже хотела выйти и пригласить его, когда услышала скрип снега под удаляющимися шагами. Он так и не решился. Она огорчилась, но мягкие лапы сна уже обнимали ее, она уже не могла противиться и, потянувшись, она сладко зевнула и потушила лучину.

Утром, он нашел ее у костра, она уже с кем-то смеялась, над очередной шуткой. С кем-то обсуждала способы приготовления завтрака, а еще один робкий юноша, выслушивал от нее наставления о том, как завоевать любовь какой-то девушки. Увидев Калена она приветливо махнула ему рукой и сказала своему ученику в делах амурных:

— Главное, не веди себя, как командор, ему-то это идет, а вот ты с таким... достоинством не сможешь себя вести, только посмешищем станешь. Лучшая тактика, мой юный друг, это честность. Не стоит надеяться на нашу женскую смекалку, если она нужна тебе так и скажи ей, честно и открыто, расскажи, что ты чувствуешь, о чем ты думаешь, как ты не можешь сомкнуть глаза без нее. Скажи ей правду... Все станет проще. Быть может, ты зря печалишься, и она тоже испытывает к тебе что-то, просто ждет от тебя первого шага.

Все время пока она говорила это, она смотрела не на юношу, а в голубые глаза

Видящего, стоящего совсем рядом. Она говорила не юноше, она пошла на хитрость и сказала, все, что хотела сказать, но так, чтобы и у него, и у нее оставались пути к отступлению. Он понимал, что все это было сказано только для него, но легче от этого не становилось. С каждым днем ему становилось все хуже, нужно было спешить. Боль становилась все сильнее, обаяние действовало все меньше, ее близость сводила с ума, недоступное блаженство. Он не мог ее не видеть, и не мог быть рядом. Он не смел к ней прикоснуться и жаждал этого больше всего на свете. Он растерянно отвернулся от нее, обратившись к одному из Видящих с обсуждением предстоящих передвижений.

После легкого завтрака, их небольшой отряд отправился завершать начатые дела. Теперь все было проще, мелкие разломы поддерживали мелких же демонов. В отряде было двое новичков Видящих, путешествующих вместе со своими наставниками, и еще один опытный Видящий, равный Калену мастерством. И пятеро обычных солдат. Для таких сил не составляло труда справиться с мелкими демонами. За второй день мы закрыли все разломы в окрестностях Лоринга. Теперь жителям деревни и штабу Хранителей ничего не угрожало. Можно было возвращаться. После закрытия последнего разлома, было решено сделать еще один привал с ночевкой и уже утром выдвигаться в Лоринг.

Разбили лагерь, поставили палатки для ночлега и, разбившись на пары, отправились на охоту, всем хотелось отпраздновать такую быструю и чистую победу, хоть и маленькую, но все же победу. Кален вызвался сопровождать Мирриэль. Они углублялись в редкий лесок, у подножия горы. Неторопливым шагом они шли по мягкому снегу. Они опять были только вдвоем, наверное, больше такого шанса им не выпадет. Им так много надо было сказать друг другу, но никто не решался сказать первое слово. Они шли в тишине. Солнце уже пряталось за вершиной горы, мир погружался в сумерки. Они не выслеживали зверя, они просто шли подальше от всех, от людей, от Видящих, от друзей и врагов. Несколько часов уединения, даже без слов, даже без надежды, просто им было нужно это время. Едва заметная тропа вывела их на небольшую поляну, усыпанную белым снегом. Они застыли в нерешительности, было кощунством оставлять свои следы на этом белом покрывале. Они стояли так близко, друг к другу, что слышали дыхание.

— Командор, — она прикоснулась к его руке, — скорее всего, мне придется отправляться в свой путь, когда мы вернемся в лагерь. Наверняка Энель уже придумала мне задание и скорее всего даже не одно.

— Скорее всего, Мирра, так и будет. Ты стала хорошим воином, отлично справляешься с луком и кинжалами. Мы научили тебя основам, мастерство придет с практикой, как это ни печально, но тебе придется много практиковаться.

— Кален, это все, что ты хочешь мне сказать?

Она стояла лицом к нему, заглядывая ему в глаза. Она все еще сжимала его руку в своей ладони.

— Это действительно все, командор? Больше у тебя нет никаких слов для меня?

Сколько слов у него было. Сколько было невысказанных опасений, сколько было надежд, сколько было мечтаний и желаний. Но он лишь смотрел ей в глаза и молчал.

— Мирра, я хочу только напомнить тебе одно слово. Для тебя и меня в этом слове заключается весь мир, Мирриэль. Ты помнишь это слово?

— Никогда... Но это неправильно, Кален. Так не может быть. Ты не понимаешь...

— Нет, это ты не понимаешь, только так, Мирра, никак иначе. Мой долг, я не могу рисковать выполнением своих обязанностей. Я Видящий, я должен делать свое дело, под

моим началом тысячи людей, их жизни зависят от моих решений, ты понимаешь? Это мой долг, я не могу им пренебрегать. А твои чувства, они будут меня отвлекать, Мирра, я не смогу сосредотачиваться на важных делах, я буду думать только о тебе, я не могу себе этого позволить. Никогда.

Он держал ее за плечи, сжимая их стальной хваткой. Бездонные глаза.

— Хорошо, Кален. Пусть будет так. Но...

Она прикоснулась холодной ладонью к его щеке.

— Но, пусть это будет чуточку позже? Несколько минут, Кален, они ничего не изменят для тебя, а мне они дадут что-то очень для меня важное, командор. Забудь это слово на несколько минут... всего несколько минут... всего один поцелуй...

Ее рука нежно гладила его лицо, изумительные глаза молили о пощаде, молили о милости, всего несколько минут. Запах ее тела затуманивал разум, бурный поток сдерживаемых долгое время эмоций разламывал плотину, выстроенную командором... Несколько минут... один поцелуй... Его рука отпустила ее плечо, дотронулась до нежной кожи шеи. В голубых глазах вспыхнул огонь страсти. Он привлек ее к себе. Глаза смотрят в глаза, останавливается сердце, замирает в груди. Она приподнимается на кончики пальцев, чтобы дотянуться до его губ. Одной рукой он все еще держит ее за шею, а другая рука обнимает ее за талию, привлекая все ближе. Жар, исходящий от его тела, обжигает ее через одежду. Его губы, такие горячие, так жадные, такие страстные прикасаются к ее губам. Земля уходит у нее из-под ног. Он приподнимает ее, одной рукой, чтобы ей не приходилось стоять на цыпочках. Ее руки ложатся на его широкие плечи. Как обезумевший от жажды путник припадает к источнику, так же они не в силах были оторваться друг от друга. Он ставит ее на землю, его рука приглаживает ее волосы, другой рукой он все еще прижимает ее к себе, боясь отпустить, боясь потерять, боясь, что это сон... Время замерло в тот момент, когда их губы слились в поцелуе, замер вечерний лес, ни шороха, ни звука, даже гуляка ветер не нарушал этой неестественной тишины.

— Мирриэль, — шепчет он, отрываясь от ее губ.

Он прижимает ее к себе, страсть ищет выхода и он припадает губами к ее щеке, покрывает лицо поцелуями. Горячие губы прикасаются к шее, оставляя на ней огненные отпечатки губ. Она запрокидывает голову, позволяя ему продолжать, и в звенящей тишине вечернего леса, легкий вздох слетает с ее губ. Он прикасается губами к ее губам, заглушая тихие стоны своими поцелуями.

— Нам пора остановиться, — тихо шепчет он, все еще обнимая ее. — Я боюсь, что еще немного, и я уже не смогу сдержаться, я и так уже держусь только на силе воле, и единственное что меня удерживает это холод снега, Мирриэль. Это совсем плохо закончится. Я молю тебя, не мучай меня больше.

Яркие глаза пожирают ее. Он едва сдерживается, и она это понимает.

— Кален, я... образно сказал про несколько минут, я не ограничиваю тебя во времени... я ни в чем тебя не ограничиваю. Я... хочу... быть с тобой, Кален... Я...

Он прикладывает палец к ее губам, смотрит ей в глаза, но его голубые глаза уже не искрятся страстью, в них только боль, сильная всепожирающая боль...

— Не надо, Мирриэль. Все закончилось. Теперь для нас есть только одно слово — НИКОГДА. Больше никаких слов.

Он отстраняется от нее, все еще удерживая палец на ее губах.

— Хорошо, Кален. Я понимаю тебя, и я уверена, что твоя верность нашему делу и

твоему долгу дорого стоит. Я уважаю твой выбор. У меня тоже есть долг и я надеюсь, что смогу остаться верна ему, так же как ты делаешь это сейчас, если однажды такой выбор встанет передо мной. Я даю тебе слово, что больше никогда я не прикаснусь к твоим губам, и вообще постараюсь сохранять дистанцию между нами, чтобы не причинять тебе боль. Только неминуемая смерть может заставить меня нарушить это обещание. Я поцелую тебя, командор, только перед своей смертью, я хочу помнить эти мгновения, когда умру. Больше никогда. Надеюсь, что время, поможет тебе... и мне... мы будем исцеляться в разлуке. Береги себя. Я вернусь, и я не хочу вернуться на твою могилу, даже если я не могу быть рядом с тобой, я хочу знать, что ты жив и здоров. Так устроит?

— Вполне. Только... не забудь об этом...

Хочу быть рядом с тобой, кричало сердце, но холодный голос разума, заглушал его крик, не давая ему сорваться с губ.

Она отворачивается, чтобы уйти. Он ловит ее за локоть.

— Мирриэль, я буду, рад, если ты будешь помнить эти минуты. Я их тоже не забуду... никогда...

Он опустил глаза, чтобы она не заметила в них блеск слез. Для него никогда... очень скоро окончится, окончится сырой камерой в подземелье Видящих, он очень надеялся, что среди всех кошмаров, которые будут его окружать в безумии, найдется место и этим мгновениям, способным принести покой и счастье. Только об этом он истово молился Создателю, на обратной дороге. Просил оставить ему эти воспоминания, эти мгновения.

Ночь прошла спокойно, утром они вернулись в Лоринг и уже вечером он узнал об окончательном решении. Небольшой отряд Хранителей, отправляется в путь на рассвете.

У Энель нашлось задание в близлежащих землях, было бы неплохо заключить договор на поставку лошадей. И если удастся наладить с ними связь, у Хранителей больше не будет проблем с провизией и тягловой силой.

Инариэль и Барри, тут же отправляются паковать вещи. Кара сомневалась.

— Кара, я... прошу тебя остаться здесь.

— Что???

— Не пойми меня неправильно, но мне кажется, что твой долг, требует твоего присутствия именно здесь, — Мирра сделала ударение на слове «долг».

— Ты все больше меня удивляешь, для человека, который несколько дней назад не мог связать два слова, ты очень много знаешь.

Мирра улыбнулась ее ответному выделению слова «знаешь».

— Я быстро учусь, Кара. Очень быстро. Выдвигаемся завтра на рассвете.

Мирра встала из-за стола и отправилась спать. Опустошенность в душе, помогла сгладить принесенная Барри фляга настойки. Две ночевки в полевом лагере делали перспективу отдыха в небольшой, но теплой комнатке на постели с теплым одеялом чрезвычайно заманчивой. Она умылась холодной водой, тревожить Инариэля уже не хотелось, да и мягкая постель была такой манящей. Едва ее голову коснулась подушки, она уснула крепким сном, измученного человека.

По возвращению в Лоринг, Кален выслушал все доклады, отдал текущие распоряжения и остался один. Все произошедшее терзало его, он не находил себе места, так много нужно было сказать ей, а смог он сказать только то, что считал правильным. Вейт зашел к другу без предупреждения. Командор в это время сидел на стуле и смотрел в одну точку, пытаясь хотя бы сформулировать, все то, что хотел ей сказать, хотя бы в мыслях, все ей объяснить, все

рассказать.

— Кален, я слышал, что завтра они отправляются.

— Да, я тоже слышал. Не удивлен, она решила, что ей пора уходить, еще в горах, когда мы закрывали разломы, спасая наших людей. А если ей что-то приходит в голову, переубедить ее... невозможно.

Вейт подошел к другу и сел рядом с ним.

— Что ты будешь делать?

— Закончу тут все, передам дела тебе и уйду. Мне кажется другого выхода, у меня уже нет. Попрошу Кару сопроводить меня до цитадели... и останусь там.

— Кален, — Вейт внимательно посмотрел на друга. — Что происходит с тобой? Сейчас, когда я смотрю на тебя, я не могу понять, что я вижу, друг. Да изменения в ауре есть, но это не то... это не те изменения, которые происходят, когда приходит наше время. Это что-то совсем другое. Ты перестал принимать обат?

— Что? Нет, Вейт, не перестал. Я же не хочу все испортить и вынудить Кару меня убить. Нет, друг, я принимаю обат, как и раньше, но ты прав в одном... что-то изменилось. Он больше не действует на меня как прежде. Больше нет облегчения, Вейт, никогда нет. Сколько бы я не принял, мои кошмары не отступают. Точнее уходят кошмары из прошлой жизни, но не из этой, Вейт. Сейчас для меня самый страшный кошмар, одновременно и самое приятное воспоминание... И он неотступно со мной, всегда. Нежность поцелуя и неизбежность разлуки в одно мгновение. Желание удержать и решительные слова отрицания. Это... невыносимо, Вейт.

— Кален, ты знаешь, мне сейчас в голову пришла одна мысль. Ты расстался с ней, ты ее отпустил, потому что считал, что близок твой... уход, но если это не так, друг мой? Что если ты станешь первым бывшим Видящим? Если обат уже не приносит облегчения, то ты сможешь от него отказаться, ты сможешь измениться. А потом, когда она вернется, ты сможешь ей все рассказать, ты сможешь быть с ней. Твой кошмар, обернется счастьем. Я не знаю никого, Кален, кто бы сказал, что обат перестал приносить облегчение, мы поэтому и не можем перестать его принимать, но если ты испытываешь боль, даже принимая его, то он тебе не нужен. Никто с этим не сможет справиться, друг мой, кроме тебя, более выносливых и решительных людей, чем ты, я не встречал никогда. У тебя получится, особенно, если ты будешь помнить о том, какая награда ждет тебя за это, если ты будешь помнить о ней, Кален.

— Ты всерьез думаешь, что у меня получится?

— Я почти уверен, командор. В любом случае, ты должен попробовать, сдавать позиции — это не похоже на тебя. Ты всегда использовал даже малейшие шансы, и всегда выигрывал, Кален. Лучшего командующего, чем ты, нам никогда не найти, ты нужен Хранителям, но я думаю, что есть кое-кто, кому ты нужен не как командующий, кому ты просто нужен, вопреки всем законам. И она нужна тебе так же... Я достаточно хорошо тебя знаю, друг мой, так вот, то что я вижу... это не пройдет, Кален, это настоящее, это именно то, чего ждет и боится каждый человек. И ты это нашел. Не упusti это, иначе все твои кошмары, станут лишь слабым отблеском, на фоне боли этой потери. Дерись за нее, сражайся, твой враг — просто минерал, ты побеждал и куда более опасных врагов. Кроме того, чем ты рискуешь? Безумие так или иначе настигнет тебя, только в случае если ты решишь отказаться от обата, возможно, ты сможешь миновать этой участи, остаться и командующим и стать человеком. Твои навыки и умения — это то, что уже неотъемлемо, даже если ты потеряешь возможности Видящего, это не изменит твоего статуса командора, люди любят и уважают

тебя не за то, что ты Видящий, а за то, что ты — это ты. В рядах Хранителей, друг мой, вполне достаточно других Видящих, и, хотя ты и являешься сильнейшим из нас, мы не станем роптать на твой выбор в пользу жизни, ты же знаешь. Быть может, твой пример вдохновит и других и наше проклятие... будет найдена возможность его снимать, все благодаря тебе. А сейчас, тебе надо поговорить с ней. И все ей рассказать, чтобы она понимала, что ты собираешься делать, быть может, она решит остаться и поддерживать тебя, тогда вообще не будет проблем.

Вейт хлопнул друга по плечу и вышел. Стать бывшим Видящим. Действительно, только таким способом он сможет продолжать выполнять свои обязанности командора и быть с ней. Только в этом его шанс избежать возвращения в цитадель и медленного умирания в муках. Почему он раньше не мог этого понять? Что мешало? Мешал страх боли, мешала многолетняя история, в которой никто и никогда не смог сделать ничего подобного. Но сейчас пишется новая история. Раньше и разломы никто не мог закрывать как она, все изменяется. Это действительно единственный выход. Иметь возможность быть с ней, за такой шанс надо побороться, оно того стоит. Он представил, с каким удовольствием он будет ее обнимать, с каким наслаждением он будет прикасаться к ее губам, когда не будет больше над ним висеть угроза безумия и смерти. Он сможет позволить себе даже больше, чем сейчас смеет подумать. Ничего больше не будет угрожать их счастью, они смогут быть вместе навсегда. Он решительно встал и вышел в ночь, направляясь к таверне. Но в таверне ее уже не было, за столом сидел только гном.

— Барри, где Мирра? Я с ней поговорить хотел.

— Ну, это у тебя уже вряд ли получится, командор. Она уже несколько часов назад спать пошла. Так что только если утром, перед отходом.

— Я не могу ждать до утра. Это срочно.

Гном пожал могучими плечами.

— Кален, ты ей что-то сказал, или сделал что-то не то? У нее глаза на мокром месте весь вечер были, сомневаюсь, что такие эмоции могли вызвать героические подвиги, которые вы совершали, и я знаю только одного человека, способного довести эту девочку до слез...

— Именно, Барри. Именно это я и должен исправить, я должен ей сказать.

— Тогда вперед, разбуди ее и скажи все, что должен.

Кален кивнул и вышел из таверны. И направился к домику целителя, в ее комнату. В маленьком окошке не было света, она точно спала, но он все равно решительно открыл дверь и тихо вошел в комнатку. Несколько секунд глаза привыкали к темноте, он разглядел стул, стоящий возле ее кровати и тихо опустился на него, стараясь не шуметь. Вот уже в неровном свете луны он может различить не только очертания, теперь он видит все почти так же четко, как при свете дня. Он протягивает руку, чтобы дотронуться до нее, чтобы разбудить, чтобы сказать, что все его слова были глупостью... В комнатке жарко... она раскрывается и забрасывает длинную ногу на одеяло. Кален смотрит на нее и понимает, что теперь не сможет до нее дотронуться, она совершенно обнаженная. Кровь командора закипает, он уже забывает, зачем пришел... Теперь единственная мысль это не потревожить ее, сидеть тихо-тихо и наблюдать, любоваться, созерцать... Его взгляд упирается в маленькие пальчики на ногах. Как хотелось бы припасть и целовать их, она во сне двигает пальцами, сжимая и разжимая их. Белоснежная, ровная, гладкая кожа, словно бархатная или шелковая, или атласная... мысли путаются в голове, непреодолимое желание прикоснуться, почувствовать,

какая же она все-таки. Очень аккуратно, тыльной стороной ладони они прикасаются к ее лодыжке, проводит рукой до колена и замирает. Она начинает ворочаться и разговаривать во сне:

— Никогда... Почему... Кален...

Острая боль пронзает сердце воина. Она даже во сне думает о нем, думает о его словах.

— Обними меня, Кален... твои руки... они такие теплые...

Он убирает руку с ее ноги, нет больше нельзя... Если она еще раз попросит, он действительно не выдержит и не просто ее обнимет, он готов был уже расстаться со всей своей одеждой и доказать ей что у него не только руки теплые. Кровь молотом стучит в висках. Сердце заходится в судорожном ритме. Жар желания сжигает его. Но он не может так с ней поступить, а что если у него ничего не выйдет, что если он сейчас ей расскажет, о том, что собирается стать простым человеком, а потом не сможет, не выдержит, что тогда? Нет, сначала он все сделает, а потом уже расскажет ей, что только ради нее он смог это сделать. Но отказать себе в удовольствии просто ее созерцать... он не может... Жадный горячий взгляд поднимается выше по ее точенному бедру, задерживается на упругих ягодицах, ох, как же хочется сейчас же все это тело покрыть поцелуями, прижать к себе, почувствовать его манящую прохладу, рядом с пышущим огнем его телом. Он вспоминает, как во время боя оказался на ней, в этот момент желание захлестнуло его с такой силой, что он едва смог сдержать себя и не повторить тот момент сейчас. Кровь уже не колотится в мозгу, обнаженное желанное тело вызывает естественную реакцию молодого мужского организма. Едва сдерживая стоны возбуждения, облизывая пересохшие губы почти сухим языком, он продолжает ласкать ее тело взглядом. Тонкая талия, да, его руки помнят, как прикасались к ней, одной рукой он может обхватить ее тонкий стан, и приподнять, чтобы удобнее было ее целовать. Нежная рука прикрывает обнаженную грудь, такие хрупкие плечи, такие тонкие руки, такие нежные длинные пальцы. Словно повинувшись его мысленным желаниям, она отбрасывает руку, открывая его жадному взгляду нежную грудь. О, Создатель... Невыносимая приятная мука... Нежный темно розовый сосок наливается и твердеет на маленькой упругой груди прямо под его пристальным взглядом. Как же хочется прильнуть губами к этому маленькому нежному блаженству. Но нет, не сейчас, сейчас он не может себе этого позволить, сейчас он еще не достоин этого. Это будет, все это будет, но потом. Воображение рисует, как это все будет происходить и картинка получается настолько впечатляющей и живой, что вызывает бурю эмоций. Он кусает свою ладонь, чтобы сдержать стоны. Но нежность берет верх над страстью, он аккуратно укрывает ее упавшим одеялом. Естественная слабость охватывает его, он нежно касается ее волос рукой.

— Мирриэль, — шепчет он. — Я сделаю все, что в моих силах и даже больше, для того, чтобы однажды, сказать тебе, что можно забыть слово «никогда», что больше это слово не для нас, что наше слово теперь «навсегда», рядом с тобой, вместе... навсегда, жизнь моя.

Он склонился к ее голове, вдыхая аромат полевых цветов. Он не решился даже поцеловать ее. Сегодня он неожиданно получил больше, чем смел надеяться... Какой стыд... Какое наслаждение... Он выходит из маленькой комнаты, темная ночь сохранит его секрет, от посторонних. Добравшись до своей палатки, забывая даже о том, что вечерняя доза обата еще не была принята, в сладкой истоме засыпает, все еще ощущая запах полевых цветов.

Как планировалось, маленький отряд выдвинулся еще до рассвета. Отличная ожидалась пешая прогулка.

— Ты спешишь, по-моему, — сказала неуверенно Энель.

— Время не ждет. Со мной уже все в порядке. Я постараюсь выполнить твоё задание, Энель. Кара, я прошу тебя... присматривать за... — она так и не смогла выдавить из себя его имя, но надеялась, что Карра поймет, кто нуждается в присмотре — порядком тут. Мы вернемся с добрыми вестями. Не обещаю, что скоро... но вернемся.

Мирра отвернулась от них. Путь Хранителей начинался. Только вот... так хотелось увидеть его еще раз, перед походом, но его не было.

Кален смотрел, как она уходит, смотрел со сторожевой вышки. Он видел все. Он не мог не проститься хотя бы так... на расстоянии. После своих ночных походов, он боялся к ней приближаться, опасаясь реакции своего тела на её близость. А теперь она уходила, а он так и не смог ей сказать главного, она так и уходила с мыслью, что единственное слово для них — Никогда. Боль сковывала все его тело. Вернувшись к себе, он выпил обат, и вскоре боль физическая отступила, но боль другая... навалилась на него всей своей тяжестью, придавливая его к земле, не давая расправить плечи и выйти к солдатам. Он долго с ней боролся, и как обычно, одержал победу. Когда он появился перед строем, никто не мог бы сказать, что сердце этого человека разбито, а душа изорвана в клочья, что он простился с той, ради которой жил, для того чтобы выполнять свой долг. Но надежда была жива, он не собирался откладывать на долгий срок свое стремление стать обычным человеком, стать бывшим Видящим. И когда все получится, тогда... тогда у них будет будущее.

Первая дорога.

Долгие дни пути, мы коротали за разговорами. Оба мои спутника с удовольствием рассказывали мне истории и легенды. Когда мы добрались до первого поселения в срединных землях, мои познания в истории были достаточно обширны, чтобы я могла составить себе представление о том, что нас ждет. В этом городе нас нагнал ворон от Энель. Она писала о том, что получила сообщение от одной из представительниц церкви, что та готова поговорить с нами, и, возможно даже принять нашу сторону, и выступить в мою, точнее в нашу защиту перед церковью, если мы окажем посильную помощь в их беде. Они застряли в маленьком поселении с большой группой беженцев, их окружили воюющие друг с другом маги и Видящие. Прорвать у них не хватало сил, они просили о помощи. Деревенька была всего лишь в дне пути от нашего основного маршрута. Так что это не должно было нас задержать надолго. Мы остановились на привал в нескольких часах ходу от места указанного, как основное поселение беженцев. Вдалеке слышались звуки боя, но мы не спешили врываться в чужую схватку, нам и наших будет достаточно. За дружеской беседой, мы подготавливали к бою оружие и заклинания несколько глотков холодной воды из походной фляги освежили меня, но уверенности так и не придали. Стараясь скрыть охватывающую меня дрожь, я пыталась не думать о том, что мне, возможно предстоит схватка с собратьями Калена. Меня забавляла мысль, что беженцы рассчитывают на помощь троих путников, имея в резервах несколько десятков человек, это было данью уважения, наверное, или может быть проверкой. Даже не знаю, о чем лучше сейчас не думать: о предстоящей схватке или о том, что осталось у меня в лагере. За время в пути я научилась прятать свою боль подальше от внимательных глаз моих спутников. И пусть я все еще засыпала и просыпалась с горьким вкусом того единственного поцелуя на губах, и пусть я думала о нем, чаще чем мне бы того хотелось, но я смогла это скрыть. Это оставалось только моей болью, ну, возможно, еще и его, но об этом точно никто не должен знать. Барри хоть и не расстался со своим арбалетом, но решил, что тяжеловооруженный воин нам в компании нужен больше, чем арбалетчик, и прихватил свой боевой топор и полные доспехи, вместе с огромным щитом. Так что теперь у нас был тяжелый пехотинец, один маг, и я — немного лучница, немного метательница ножей, немного боец на ножах, всего по чуть-чуть, и ничего толком, не слишком большая сила. На которую возлагались большие надежды. И мы должны были прорваться.

С легкостью человека, осознающего тщетность своего бытия, мы отправились на верную смерть. Солнце слепило меня, отражаясь от острия боевого топора шагающего впереди гнома. Два мага, противостояли трем Видящим. Мы удобно расположились поодаль и, я, наблюдала за схваткой. Я впервые видела Видящих в деле. Вокруг них бушевало волшебное пламя, не причиняя им вреда. Они просто шли, сквозь пламя не замечая его. Пламя пожирало деревья и кустарник, но они лишь обходили очаги и пылающие деревья. Летящие в них магические стрелы не причиняли никакого вреда трем мужчинам в белых одеждах. Атаки магов слабели. Один из магов — молоденькая девушка в красных одеждах круга огня, через силу творила огненный шар, издав истошный вопль, она вложила в этот удар всю оставшуюся силу, и едва с ее рук сорвался огромный огненный шар, она упала на

колени бессильно задыхаясь и сплевывая сгустки крови, но ее попытка не увенчалась успехом, Видящий, в которого она метила, даже не приостановился, столп огня бессильно рассыпался сотней искр, так и не достигнув цели, лишь слегка задымился край его белой одежды. Второй маг, судя по всему принадлежал к кругу воздуха, подбежал к подруге, и пытался помочь ей подняться, когда над ним вознесся меч Видящего. Несчастный ничего не мог сделать, он лишь попытался отсрочить неминуемую гибель и подставил свой посох, парируя грозный удар, защищая себя и подругу. Мне показалось, что я слышу звон меча, рассекающего воздух. Словно гром прогремел в моей голове, когда посох разлетелся на две части, оставив дрожащего от страха мага, без последней надежды. Он не успел сотворить щит. Инариэль просил меня не вмешиваться до поры, но смотреть на это я больше не могла.

— Эй, — крикнула я, покидая свое убежище и делая шаг на пылающую поляну. — Остановись!

Видящие среагировали мгновенно. Быстро изменив направление движения, двое направились в мою сторону. Вальяжно, ничего не опасаясь.

— Еще одна, — злобно процедил сквозь зубы один из них.

И чего меня дернуло-то? Я привлекла их внимание, а вот что делать дальше, я как-то не успела подумать. Надо как-то успокоить их всех. Я примирительно подняла лук.

— Я не маг, и не враг вам, Видящие. Я друг Калена.

Имя отозвалось набатом в моей внезапно пустой голове, похолодели и вспотели ладони. Но я произвела впечатление. Имя командора, было им знакомо, я с удовольствием отметила, что занесенный для очередного удара по магам меч, задержался в верхней точке.

Я не видела их глаз, они были скрыты шлемами, но я увидела секундное замешательство.

— У меня послание от него, — поспешила я воспользоваться секундной паузой, чтобы не потерять их внимания.

— Сейчас выслушаем, вот закончим с этими двумя, и ты нам все расскажешь, а если ты соврала, — грозно произнес, все еще нависающий над магами воин. — Отправишься за ними.

Я слышала сталь в его голосе, я знала, что он не шутит. Меня охватила паника. Но отступить было некуда, мальчишка-маг смотрел на меня глазами полными слез, его губы дрожали, он беззвучно молил о помощи, беспомощно прижимая к себе бесчувственную девушку, стараясь закрыть ее своим тощим телом.

И тогда, ровные ряды эльфов в полном облачении встали у меня перед глазами. Не было ненависти, не было больше страха. Я перехватила лук в боевое положение и натянула тетеву до самого уха. Тихий звон готовой сорваться стрелы заглушил для меня все остальные звуки.

— Я сказала — остановись, эрдан! Я посланник твоего командора и говорю от его имени. Мой приказ — его приказ. Не повиновение командору карается, по вашей традиции. Смертью. Мечи в ножны, Видящие. Иначе, мне придется сделать то, чего я обещала избегать, когда Кален отправил меня в путь. Я обещала говорить с его братьями по ордену, а не убивать их бездумно, вот я и говорю, пока. Или вы слушаете, или мне придется доложить Калену, что вы не захотели меня слушать. Назовите свои имена, чтобы я могла сказать ему, кто из братьев, первыми ослушался его прямого приказа, чтобы мы могли потом написать их на ваших могилах и вычеркнуть эти, запятнанные предательством, имена из памяти навсегда.

Теперь меня охватывала ярость. Сквозь красную пелену я почувствовала, как рядом со

мною возник, издав грозный клич, гном. Его боевой топор недвусмысленно намекал на намерение своего хозяина пустить его в дело.

— Надеюсь, ты знаешь, что творишь? — тихо прошептал совсем рядом с моим ухом Инариэль, и тоже встал рядом.

Он не стал медлить, уже через мгновение я увидела, как магический щит прикрыл магов. Второй мерцающий купол отделил нашу троицу от группы Видящих. Его магия не была направлена на Видящих и потому сработала безотказно.

Видящие замерли, оценивая внезапно осложнившуюся ситуацию. Секундное колебание и один из Видящих, поднял свой меч над головой.

— Мое имя Кирк. Я знаю командора лично. Он был одним из моих учителей на тренировочных боях. Мы делили с ним хлеб, я не пойду против него. Но если ты солгала.

Он не закончил предложение, лишь сняв шлем взглянул мне в глаза. Слова были не нужны, я поняла, что он намеревался сделать, если я обману его. Второй Видящий, тоже снял шлем и спрятал меч в ножны.

— Я не пойду против прямого приказа командора.

Оставался один, все еще стоящий над магами.

— Откуда нам знать, что ты не лжешь. Командор был на собрании земель, я слышал, там никто не выжил.

— Никто, — спокойно подтвердила я, все еще слушая песню стрелы на тугой тетиве. — Кроме меня. Калена не было в форте, когда, все случилось, его задачей была организация патрулирования округа форта. Теперь он с Карой в Лоринге организуют лагерь для беженцев. Разломов все больше, все больше демонов угрожает этим землям. Нас отправили разведывать дорогу, и искать верных людей. И мы нашли вас. Всех вас, включая магов. Пришло время забыть вражду и объединить усилия перед общей угрозой. Если демоны ворвутся в наш мир, погибнут все. Эти двое не одержимы, вам незачем их убивать. Они не представляют опасности.

— Сейчас, — рыкнул Видящий. — Но что будет через день? Неделю? Они все опасны, включая твоего дружка эльфа.

— Не тебе это решать, Видящий! Твой долг — уничтожить одержимых, а не изводить магов. Или ты забыл ради чего тебе были даны твои силы? Или ты забыл ради чего ты принес в жертву свою жизнь, обрекая себя на неминуемую смерть, ежедневно принимая яд, разрушающий твой разум?

Я увидела, как на лицах Видящих, отразилось крайнее удивление. Никто не знал о их тайне.

— Разве ты сделал это чтобы нести смерть? Или ты хотел оберегать жизнь? Опустить меч. Спрячь его в ножны. Здесь нет врагов. Братья Калена — мои братья. Каждый меч нужен нам, и не только меч, но и посох и лук, все способные держать оружие, должны сомкнуть ряды, иначе нам не выстоять. Опустить оружие, и я покажу тебе дорожную грамоту, подписанную от лица Ищущих — Карой, от лица Видящих — Каленом, а от лица церкви ее подписала — Энель. Темные времена требуют сложных решений. Эти трое собирают под новым стягом Хранителей, всех желающих и способных помочь общему делу. Сложи оружие.

Последние слова я говорила уже спокойно, отступила ярость, исчезли эльфы из моей головы, я снова была собой, и меня снова охватила слабость. словно такие приливы ярости откатываясь, прибрежной волной, уносят с собой мои силы.

Он колебался, но мои слова были услышаны. Прошло еще несколько секунд, прежде,

чем он принял решение и с гулким звоном отправил свой меч в ножны. Я опустила лук, вернув стрелу в колчан.

— Показывай бумаги, эльфийка, — сказал он, подойдя к нашей троице.

Я достала из-за пояса грамоту и протянула ему. Он быстро пробежал глазами по бумаге и внимательно рассмотрев подписи удовлетворенно кивнул и вернул ее мне.

— Что намерена делать с этими? — небрежно кивнул он в сторону магов.

— Для начала, хочу им помочь.

— Помочь? — он презрительно хмыкнул. — Девчонка — не жилец, она всю силу вложила в последнюю атаку, глупая. Чему их только учат? Будто не знают, что на Видящих не действует их магия.

— Действует, — спокойно возразила я ему. — Но не при таком раскладе. Ты слишком опытный для двух учеников, а вот, магистр, смог бы ослабить тебя.

Он снял шлем, и я увидела еще молодое лицо, ему едва было за тридцать.

— У меня были хорошие учителя, — сказал он. — Мое имя Зард.

— Понятно, — кивнула я. — А теперь, я бы хотела оказать помощь этим молодым людям, а вам, наверное, нужно позаботиться о павших.

Я только сейчас увидела, что на поляне лежит несколько трупов в балахонах и два тела в белых одеждах, видимо, молодых магов все-таки сопровождал кто-то из наставников и он успел захватить с собой несколько преследователей. Оценив ситуацию, я добавила.

— О всех павших, а не только о ваших братьях. Нужно подготовить их к последнему пути. Когда девочка придет в себя, она поможет нам с погребальным костром.

Видящих недовольно поморщился, но спорить не стал. Он отвернулся от меня и направился к своим соратникам. Барри, засунув свой топор за пояс, вызвался им помочь. Меня это вполне устраивало. Гном присмотрит за ними, а мне нужно оказать помощь магам.

Когда напряженная ситуация разрядилась, Инариэль перестал поддерживать защищающий барьер и теперь он вместе со мной спешил к несчастным молодым людям. Парень все еще не верил в чудесное избавление, его трясло от пережитого ужаса. Едва я подошла он тихо прошептал.

— Спасибо вам, но она умирает. Ей уже не помочь. Лина... она...

Я ободряюще улыбнулась ему. Инариэль молча помог ему подняться, освобождая мне место рядом с девушкой. Я закрыла глаза и открыв их увидела слабо тлеющую энергию жизни в девушке, я еще могла ей помочь, я могла ее вернуть. Я улыбнулась. Вот и мое первое чудо при посторонних, но без этого, не обойтись, да и заслужить их доверие, будет не лишним. Голубой океан вокруг. Лишь золотистые нити энергии смерти окутывали погибающие в огне деревья. Что-то еще привлекло мое внимание, но я не смогла понять, что. Сейчас мне нужно было вернуть девочку, а потом уже разберусь почему у меня похолодело все внутри, что было не так. Я свободно собрала энергию жизни и пропуская ее через себя, чтобы облегчить восприятие, направила поток на девчонку. Прошло всего несколько минут и моя помощь стала очевидна. Лицо девочки вновь обрело краску, на нем проступили веселые веснушки, губы порозовели, а дыхание стало ровным и глубоким, она глубоко вздохнула и открыла большие зеленые глаза. И удивленно ойкнув, начала готовить магический удар, но тут вмешался ее друг, бросившийся к ней с объятиями.

— Лина!

— Снар, — она со смехом ответила на его объятия.

— Лина, я так рад!

— Что тут случилось? Эти люди убили Видящих? Они спасли нас?

— Спасли. Да, спасли, Лина.

Но тут за ее спиной раздался басистый голос Зарда, который ничем не выдал своего удивления, хотя на его глазах только что вернулась к жизни та, которую он едва не убил.

— Все готово. Пусть девчонка поджигает.

Девочка взвизгнула и повернувшись к нему лицом, запустила магическую стрелу.

— Нет, — выкрикнул ее друг, но сделать ничего не успел.

Он не успел, а я должна была успеть. Я все еще чувствовала энергию жизни, все еще управляла ею, и я увидела энергию заклинания. Это была золотистая энергия смерти, люди черпают свою силу не в этом мире, и не от источников энергии, они, как и Видящие получают свой дар дорогой ценой, ценой связи с миром демонов, откуда и черпают энергию. Поэтому они и становятся одержимыми, каждое заклинание, даже самое простое, делает их плоть уязвимой, в такой момент, демону легко овладеть ими. Осознание этого меня напугало. Но теперь было не до испугов. Я видела полет стрелы, но я была быстрее, быстрее мысли, я соткала плотный кокон энергии жизни вокруг Зарда, он должен был погасить энергию смерти, даже если эта стрела долетит, но я не дала ей долететь. Но узнала я это только открыв глаза. Все замерло, вокруг меня. Неподвижно стоял Зард, наблюдая как растворяется в воздухе, магическая стрела. Удивленно наблюдала за исчезновением своей магии девочка, а еще я увидела отблеск щита Инариэля, он тоже прикрыл Видящего. А парнишка уже схватил свою подругу за руки и крепко держал ее. Все это заняло меньше одного мига, Барри даже моргнуть не успел, как все закончилось. Видящий так и стоял, рассматривая пустоту перед собой, потом мотнул головой и нахмурился.

— Она в меня пальнула? Или мне показалось?

— Не важно, — примирительно заговорила я. — Все обошлось. Просто я не успела ей объяснить, что все уже улажено.

— Как ты это сделала? — он внимательно смотрел на меня.

— Скажем так, — смутилась я. — Я могу кое-что, чего другие не могут.

Он пристально всматривался в меня, пытаюсь, видимо, использовать свой дар и определить лгу я или говорю правду. Потом озадаченно моргнул несколько раз.

— Ничего не понимаю.

— Ты не можешь меня Видеть, как и Кален. На меня не действует магия. Я не маг, но могу кое-что, но это кое-что совсем другой уровень, этого не может никто. Не пытайся понять. Просто поверь.

— Как ты говоришь тебя зовут?

— Мирриэль, мое имя. Мирра.

— Мирриэль. Спасибо. Ты спасла меня, я бы не успел защититься, она могла меня убить.

— Я бы не дала тебе умереть, — улыбнулась я ему. — Пока в человеке теплится хоть капля жизни, я могу его вернуть.

Он не стал больше ничего говорить, лишь указал на погребальный костер, общий для магов и Видящих.

Удостоверившись, что все уладилось я постаралась сосредоточиться на том, что мне показалось неправильным. Я снова призвала энергию жизни и стала внимательно осматриваться. Все было так же. Энергия жизни была ключом от окружающего нас леса, энергия смерти холодила меня, окутывая умирающие деревья. Все вроде как обычно, но

потом, я взглянула на погребальный костер и замерла. То, что я увидела, меня поразило. Наряду с золотистой энергией смерти, окутавшей тела покойных Видящих, я увидела непривычный для меня красный цвет. У них не осталось голубой энергии жизни, но в них осталась красная энергия. Она не уходила и не нарастала, она просто была.

Я отозвала Инариэля в сторону, чтобы не волновать наших новых знакомых и задала мучающий меня вопрос:

— Инариэль, я ничего не понимаю. Когда мы с тобой разговаривали по поводу энергий, я сказала, что есть две энергии — жизнь и смерть.

— Да, Мирра. Так и есть.

— Тогда что я вижу? У этих внутри есть третий вид энергии — она красного цвета.

— Что? Этого не может быть. Есть всего два вида энергии. Третьей быть не может — это нарушение баланса.

Барри оказался рядом с нами и почесал бороду.

— Красная говоришь. Знаю я кое-что... Но вот по поводу энергий — это я не в курсе, а вот, что может вытягивать постепенно из человека жизнь и при этом иметь красный цвет — это я знаю. У меня к тебе вопрос, мой друг маг, помнишь ли ты тот древний документ, который нам зачитывала в таверне Ищущая? Что там говорилось, напомни-ка мне?

— И красная тень будет повержена, если рядом с избранным...

— Что? Опять Избранный, — возмутилась уже я. Мои друзья смотрели на меня, не понимая моего недовольства. — Инариэль, помнишь, я рассказывала тебе про мое не совсем обычное обучение. Так вот все трое моих наставников, называли меня Избранной и никак иначе.

— А Кара-то наша интересную бумажку, оказывается. Вот теперь у нас уже определился Избранный, хотя кто это, мы и так догадывались. Да и с красной тенью все стало понятнее. Плохи наши дела, друзья, если это то, о чем я думаю, то крайне скверные у нас дела.

Мы уже позабыли о том, что совсем рядом с нами стоят друзья тех, о ком мы говорим.

— Не тяни, Барри, рассказывай, что знаешь, — не выдержал Инариэль.

— Так вот, есть один минерал... Цвета он красного, очень красивый и должен вам заметить свойства его такие же, как у обата, что используют маги в своих ритуалах, да вот только сила его такова, что превосходит обат в десятки раз. Мы его так и назвали красный обат. Ой, обрадовались маги, когда мы его нашли, заказ крупный сделали, да вот только отказались они от этой идеи, тоже очень скоро. Один из наших, кто занимался добычей этого минерала, через неделю отправился к каменным предкам, а когда его по нашему обычаю сжигали, как любого, кто умер с киркой в руках, дым от тела шел... красный... За ним отправились еще двое, которые тоже этот минерал трогали. И это прошу вас учесть, что обат на нас совсем никак не действует. Ну а маг, который первый изучал эту красную пакость, тот умом двинулся, решил, что с такой силищей ему ничего не страшно, вызвал демона, а тот его и... схарчил, наверное. Не нашли мы тела того мага. Нашли только остатки красного минерала на полу, ни мага, ни демона... минерал тот уже никто руками не трогал, поняли мы что он смерть несет. Да только беды на том не закончились, даже те, кто не трогал минерал, но был при его разработке, начали болеть. А один из заболевших, решил, что кровопускание — лучшее лекарство. Он себе руку режет, значит, чтоб кровь пустить, а крови-то и нету, а вместо жил значит у него, тот самый минерал, красного цвета, он ножом ведет по руке, а звук такой, будто по камню водит. Вот так мы и узнали, как умерли наши

рудокобы. Их этот минерал и погубил, вместо мяса и жил в человеке — только камень остается. Все, кто тогда в той шахте работал, умерли и месяца не прошло. Вот я и думаю, не то ли наша девочка увидела в этих несчастных.

— Все может быть, мой бородатый друг. Но что же это тогда делается? Ведь если все, что написано было в том послание, правда, то выходит наш Кален — последний Видящий, а Кара — последняя Ищущая. И не хватает нам только нейтрала последнего... которые разбросаны в бесплотных попытках сдержать демонов у разломов, которые некому запечатать. И где нам теперь его искать этого последнего-то? И что случилось с остальными представителями их орденов?

— Братья мои, о чем вы тут речь ведете-то? Я же ни полслова не понимаю.

— Это мы тебе потом расскажем, беженцы-то в беде серьезной, коль такое дело, надо выручать их срочно, как бы поздно не стало. Пойдемте, решим, что с этими делать, да двигать надо, — гном размеренным шагом направился к погребальному костру.

Все выжившие стояли у разгорающегося костра. Видящие приклонили колени, возложив руки на упертые в землю мечи, склонили головы и молились. Маги стояли тесно прижимаясь друг к другу.

Я воспользовалась моментом и осмотрела энергии присутствующих. Все пятеро лучились голубой энергией жизни, никакого намека на красноту в них, я не увидела. Я вздохнула с облегчением. Как бы мы не спешили, но не отдать дань почтения павшим, мы не могли. Магический огонь быстро охватил всех павших и его волшебный жар позволил очень быстро завершить погребальный обряд. Когда Видящие окончили свою молитву, мы всех пригласили разделить с нами пищу. Нужно было решить, что делать дальше и узнать откуда ждать беды.

За столом все забыли о недавней вражде. Маги смело передавали флягу со свежей водой Видящим, а те добродушно улыбаясь, делили свои запасы с магами. Когда все утолили жажду, я заговорила.

— Зард, скажи, кто дал приказ уничтожать магов?

Зард сосредоточился.

— Приказ пришел из цитадели, его принес один из павших воинов.

— То есть, вы трое не были в цитадели? А те двое пришли оттуда?

— Мы на задании были, недалеко круг магов был, пошли разговоры, что там что-то неладное, вот нас и отправили проверить, мы ближе всех были.

— Как давно каждый из вас был в цитадели?

— Ну, я так уже месяцев пять в пути, — спокойно сказал Зарт.

— А мы ушли три месяца назад, уже возвращаться пора, но что-то все время задерживает.

Я начала понимать, что заражение, скорее всего как-то связано я цитаделью Видящих.

— Так, я хочу вас всех предупредить, я пока еще не все понимаю, но очень настоятельно рекомендую всем воздерживаться даже от поверхностного контакта с минералом красного цвета, обладающего свойствами обата. Вы понимаете, о чем я? Этот минерал смертельно опасен.

— Красный минерал? — Зард нахмурился. — А от него глаза красными не становятся случайно?

— Возможно, — пожала я плечами. — Главное запомните — никаких контактов с этим веществом.

Видящие кивнули.

— Мирра, мы тут с ребятами подумали, — заговорил Зарт. — Мы в Лоринг отправимся, раз Кален там, мы с радостью присоединимся к его команде. Наши мечи лишними точно не будут.

Я удовлетворенно кивнула.

— Сама хотела вам это предложить, но вы меня опередили. Ну, а вы, молодежь, куда отправитесь? В Лоринге вам тоже будут рады. Там боевых магов почти нет, несколько целителей только, а вам там будет безопаснее, хоть и рядом с Видящими, да с теми, кто помнит свой долг и строго его блюдет.

Молодые маги быстро перекинулись тихими словами и заговорил Снар.

— Если Зарт, и остальные не станут возражать, мы бы с удовольствием отправились в это относительно безопасное место. Нас ведь из кругов, чуть не силой уводили, всех и старых, и молодых. Появились какие-то незнакомцы несколько дней гостили, а потом, у нас пропал глава круга.

— А у нас он не пропал, — заговорила Лина. — Он, после разговоров с этими чужаками стал каким-то другим. До этого он был добрый и хороший, а тут словно подменили. Собрал всех и сказал, что мы должны освободиться от власти Видящих, что мы сами можем о себе позаботиться. И приказал всем идти за этим странным человеком. Мы боялись, но потом я ночью увидела, как старшие убили Видящего, который был в нашем круге. Я рассказала другим. Все испугались. Несколько человек сказали, что это неправильно, но после этого их никто больше не видел. Мы были напуганы и пошли за этим человеком.

— Здесь в лесах мы и встретились с Линой, — закончил Снар. — Нас отправили в дозор с одним из этих странных, четверо учеников и он. И тут нас и застал отряд Зарта. Те сразу начали атаковать, ну и нам ничего не оставалось, как отбиваться. Простите нас. Мы не хотели ничего дурного. Мы сбежать хотели.

— Понятно, — коротко кивнула я. — А лагерь где? Из которого вы вышли?

Снар лишь пожал плечами. Лина отрицательно покачала головой.

— Мы были очень напуганы, мы не сможем точно место сказать. Где-то в лесу. Мы сегодня уже третий день в пути были. Ни откуда, ни куда нас ведут, мы не знали.

— Ладно, найдем мы этот лагерь. Ну так что, Зарт, возьмешь этих заблудших под свою опеку? Смотри, вернусь в лагерь, все узнаю, — шутливо я погрозила ему пальцем.

Зарт рассмеялся и согласился сопровождать молодых магов в Лоринг. Посидев еще немного, перед дорогой, мы распрощались. У нас была одна цель, а у этих случайно спасенных нами людей — совсем другая.

Все что мы видели дальше, повторяло первую картину, только спасать там уже было некого, выжившие уже покинули места битв, и мы заставляли лишь последствия страшных битв магов против Видящих, их схватки уничтожали все вокруг. Было таких мест немало. Мы видели ледяны столбы посреди зеленого леса, созданные магией, видели негасимый огонь, видели разоренное поселение, все дома в котором пострадали от пожаров, и видели много смертей вокруг. То тут, то там лежали останки тел, разоренные телеги с поклажей превращались в заграждения, разрушение и смерть царили здесь.

Так мы и продвигались от одного места битвы к другому. До момента, пока посреди дороги мы не увидели отливающий золотом разлом. Вот теперь все встало на свои места, демоны и открытая дверь, вот почему не могли выйти из поселения беженцы. Это было моей работой, никто кроме меня не сможет тут пройти и сделать дорогу безопасной. Я понимала,

что без таких воинов как Кара, Энель или Кален, нам будет сложно, но так или иначе, разлом должен быть закрыт. Несколько минут мы просто наблюдали, вроде как ничего сложного, низшие демоны, пара саранчей и призраков. Справимся. Инариэль по дороге уже начал строить структуру нового заклинания против демонов, он сказал, что сможет этим уничтожить новую волну, если все так, то нам нужно сразить только тех, что сейчас преграждают мне путь к разлому. Осматриваюсь в поисках источника энергии жизни, сейчас ну совсем не время закрывать разлом своей жизненной силой, некогда отдыхать. Источников много. Я уже очень быстро могу переключаться и собирать энергию, да и Разломы закрывать я уже научилась... Распределили с Барри кто кого атакует, Инариэль занят, ему нужно еще немного времени, чтобы окончить построение сложной формы. Ждем еще немного, чтобы потом не пришлось его торопить. Маг кивает, что готов, я спускаю одну за другой длинные стрелы. Все четко, будто всю жизнь только тем и занимаюсь, что по демонам стреляю. Даже смешно вспоминать какой ужас у меня вызвал первый демон, которого я увидела. Сейчас все проще, это просто враг, враг, который должен быть повержен. Одна за другой взвиваются стрелы, точно находя слабые места (спасибо тебе за науку, мой второй наставник). Барри работает так же четко. Этот гном, словно кусок скалы в своих доспехах, его никто достать не может, а он то и дело наносит сокрушительны удары мощным топором. Все. Первая волна уничтожена, никто даже не успел приблизиться ко мне или Инариэлю, похоже они даже не поняли, что произошло. Дальнобойное оружие — это здорово, главное хорошо целиться. Чувствую приближение второй волны, кричу об этом Инариэлю. С его рук слетают разноцветные искры, начинают кружить у разлома и как только появляется демон, искры его окружают и... испаряют. Классное заклинание, жаль только что долгое, получается что мы с Барри вдвоем должны уложить всех первых, чтобы Инариэль смог уложить вторую волну. Можно отдыхать. Наблюдая за разноцветными вспышками. Красотища-то... Все, вспышки затихли. Смотрю на разлом, третьей волны не будет, я это уже вижу. Подхожу к нему. Так, тут пока спокойно, можно попробовать увидеть и собрать энергию смерти, страшно, первый раз все-таки. Закрываю глаза. Сосредотачиваюсь на золотом потоке энергии. Открываю глаза и чуть не падаю. Меня просто сбивает волной энергии исходящей от разлома. Да уж. Эту не придется собирать по крупицам, как энергию жизни, эта так и рвется в наш мир. Страшно. Вместо теплых прикосновений голубого сияния энергии жизни, все вокруг заполняет леденящее дыхание и мерзкий смрад энергии смерти. Ну и запах... тысячи разлагающихся трупов, наверное, не так воняют... да еще и запах паленого мяса... брррр, кошмар. И эту энергию я должна пропустить через себя??? Нет уж, извольте... только если решу, что это последний шанс. Закрываю глаза, переключаясь на другой вид энергии, тело окутывает приятное тепло, пахнет полевыми цветами, вот это совсем другое дело. Сплетаю тонкие нити энергии, направляю их на разлом, вижу, как это работает. Инариэль прав, я меняю саму материю мироздания. Энергия жизни словно сплетает паутину на разломе, как будто я плету полотно, только вместо нитей у меня голубой сияющий поток энергии. Штопаю разлом, вижу, как изменяется ткань мироздания, как исчезает из нашего мира это чуждое пятно. Все. Его больше нет. Отпускаю энергию с благодарностью всему миру, частью которого я стала. В обморок я не упала. Не было даже слабости. Уже точно знаю сколько нужно энергии, для какого действия. Избыток энергии так же плох как недостаток.

Устранив последнее препятствие, направились к лагерю беженцев.

До поселения дошли быстро, передовые отряды приветствовали нас громкими криками

радости. Они уже и надеяться не смели, что кто-то сможет к ним прорваться. Нужно искать эту преподобную мать, обещавшую мне протекцию перед церковью. Где ее найти мне указал первый же встречный.

— Мать Жаклин? Так она, это... с ранеными.

Лазарет нашли тоже быстро. Пожилая женщина подняла голову и изучающе осмотрела нас.

— Видимо, ты и есть та, которую называют единственной надеждой?

— Называют меня по-разному. В том числе и так. А зовут меня Мирра.

— Мирра? Что же, не могу сказать, что я не удивлена. Не так я себе представляла воплощение последней надежды, совсем не так. Но раз уж ты смогла сюда добраться, значит, молва не лжет. Ты действительно можешь закрывать разломы?

— Могу, раз я здесь. Вы писали, что можете оказать нам некоторую помощь. Я хотела бы знать, о какой помощи вы говорили. Ведь церковь до сих пор винит меня в том, что произошло на собрании земель, будь их воля, они бы меня уже точно казнили, чтобы отомстить за то, что я выжила.

— Церковь оплакивает свою главу. Их ожесточение понятно. К тому же, вы представляете новую силу, с которой прежде никто не имел дела, страх перед всем новым свойственен даже нам, людям церковным. Ведь ваша сила очень велика, Мирра, а что станет с миром, если вы решите обернуть ее не во благо, а во вред? Ведь никто не сможет вам противостоять. Раз вы можете закрывать разломы, быть может, вы можете их и открывать? Тогда вы угроза.

— Нет, уж. Этого вы можете не опасаться, — я вспомнила ощущения от созерцания энергии смерти, меня даже передернуло от омерзения. — Я делаю то, что должна. Никто кроме меня сейчас не может закрыть разломы. Мое дело — спасти как можно больше людей, и постараться, вернуть мир в его обычное состояние. Не знаю, что у меня получится, но цель моя именно в этом. Итак, какова будет ваша помощь?

Она смотрела на меня глубоким пронизательным взглядом. Долго смотрела. Так долго, что я успела рассмотреть каждую морщинку на ее лице. Я не опускала глаз, мне нечего было стыдиться. Рядом то и дело проходили люди и благодарили меня.

— На данный момент, в церковных рядах нет единства. Ваш шанс на признание — это посеять долю сомнения, разобщить церковь еще больше, возможно даже расколоть ее на два лагеря, один из которых будет оказывать вам поддержку. Я могу договориться о встрече для вас в столице. Там вы сможете хотя бы высказаться, и вас выслушают. Мое имя будет для вас защитой. Вы придете от меня и сможете поговорить с представителями церкви без опаски, что вас схватят и казнят на площади.

— Что же, это уже немало. Я вас благодарю. К сожалению, мой путь лежит дальше, и мы не сможем вас сопроводить в Лоринг, но я настоятельно вам рекомендую отправиться именно туда. Там, пока что, безопасно. А у нас еще есть дела здесь. Если могу еще чем-то помочь, буду рада.

— Нам не хватает целебных трав, а выходить за границы селения мы боимся, если бы вы смогли доставить немного...

— Сколько у вас раненных?

— Около двадцати человек с разными ранами, некоторые очень плохи, им дорогу не пережить.

— Я не пойду собирать травы, вы уж простите, но я в этом плохо разбираюсь, но помочь

я вам могу. Кто у вас тут самый безнадежный?

Мой ответ явно не порадовал служительницу церкви, но она подвела меня воину, лицо которого было обожжено огнем, так, что на нем не было живого места, и из раны в животе просто выливалась кровь.

Я стала ветром, призывая энергию жизни. Почему-то именно сейчас я вспомнила как Кален упражнялся, как его глаза тогда светились этой энергией, ноги подкосились, я отогнала ведение, стараясь сосредоточиться на больном. Раны были серьезными, но для энергии жизни нет ничего невозможного. Легким ветром я коснулась его лица, для меня это была всего лишь рябь на тихом озере, вот ветер затихает и рябь исчезает, поверхность воды вновь чистая и гладкая. Смотрю на его лицо, шрамы не исчезли, но его лицо вновь покрывает кожа, сквозь обугленную ткань уже не видны белые кости. Улыбаюсь, так гораздо лучше. Перевожу поток энергии на рану в животе, латаю ткань мироздания, создавая новую материю, сращиваю разорванные мечом края раны, восстанавливаю поврежденные сосуды, кровь перестает вытекать из несчастного, рана затягивается, на месте где она была остается только шрам, прямо как с разломами, словно и не было ничего. Отпускаю энергию, смотрю на преподобную.

Она не может поверить своим глазам.

— Ему нужен покой, чтобы восстановилась кровь. Он много ее потерял, а я не умею создавать что-то из ничего, я не могу вернуть ему кровь, но теперь он поправится. Я могу исцелить всех раненных, чтобы вы спокойно отправились в путь.

— Дитя мое, как ты это сделала? Это не магия, ведь маги не могут исцелять такие раны, как же тогда?

Ну что я могу ей сказать? Рассказывать о существовании энергий — это долго, да и не нужно.

— Считайте, что это чудо. Такое же, как закрытие разломов. Мне больше нечего добавить.

Подхожу к следующему раненому. Быстро заживляю его раны, причем он сидит и смотрит, как у него прямо на глазах затягивается его рана на бедре. Глаза у него не просто удивленные, я даже не знаю таких слов, чтобы описать его состояние. Вот несколько минут назад он истекал кровью и не мог пошевелить ногой, а сейчас готов пуститься в пляс. Он подходит ко мне, прикладывает кулак к груди.

— Клянусь в верности, какому бы ордену вы не служили, я стану его последователем.

— Я не... — начинаю говорить, но меня перебивает Барри.

— Воин, она принадлежит к новому ордену, Хранителей, если твоя клятва так же верна как твоя рука, отправляйся с остальными беженцами в наше поселение, найди там командора Калена, или Ищущую Кару, они с удовольствием примут новобранцев.

— Пусть будет так. Я не знаю ничего об этом новом ордене, но я обязан вам жизнью, и с радостью сложу свою голову за ваше дело.

Он еще раз ударяет рукой по груди и уходит, помогать остальным собираться в путь.

— Барри, а ты молодец, так у нас скоро соберется целая армия последователей, если каждый кому мы помогает будет становится нашим воином, скоро в Лоринге не останется места, придется искать местечко попросторнее....

— О, сестренка, верь старому проходимцу гному. Но нам нужны не только воины, нам нужны глаза и уши, шпионы и информаторы, а еще бы парочку менестрелей, что слагали о нас песни. Все больше людей будет о нас говорить, все больше добровольцев захотят встать

под наше знамя, мы будем приобретать вес, и, возможно, однажды, наша слава затмит все существующие ныне ордена. Мы — Хранители мира.

— Что-то тебя занесло в какие-то дебри, друг мой, — я качаю головой.

— Ты лечи больных, вечером поговорим, за кружечкой моей любимой настойки.

Качаю головой, но улыбаюсь. На него нельзя сердиться долго, он такой милый. Перехожу к следующему солдату. Помогаю ему. За небольшой промежуток времени ставлю на ноги всех раненных. Мне это совсем не сложно. Наоборот, направляя энергию жизни, я тоже заряжаюсь от нее, мне становится очень легко на душе, без меня эти люди, скорее всего, погибли бы, значит, я искупаю свою вину, вину за то, что я выжила, я выжила не зря, я могу им помочь. И я буду им помогать. Рядом со мной стоит мать Жаклин, с каждым солдатом, поставленным мною на ноги лицо ее просветляется, оно уже сияет счастьем.

— Дитя мое, да ты просто чудо Создателя, ты послана им к нам как утешение. Нет у меня больше сомнений — ты не просто надежда, ты его перст, он ведет тебя, он говорит с нами, говорит твоим голосом ты вестница его...

— Мать Жаклин. Успокойтесь, это не так. Я эльфийка, для вашего Создателя я — богомерзкое создание, вы же даже в услужение в церковь эльфов не принимаете. Не надо давать мне очередные титулы и звания, я и с этими-то не очень-то справляюсь. Вы просили помощи, я вам ее оказала. Считайте это магией, вы ведь верите, что маги должны помогать людям и в этом их предназначение? Так вот пусть это будет магией. Это не будет расходиться с вашими убеждениями. Всем так будет проще.

— Дитя мое, весть моя сегодня же долетит до столицы, тебя будут там ожидать.

— Благодарю вас, мать Жаклин. С рассветом, отправляйтесь в путь, здесь оставаться опасно. Доброго вам пути.

Пока мы пробирались к костру, нас приветствовали люди, гремели кулаки о доспехи, все выражали нам свою признательность.

— Наш гарнизон в горах пополнится большим количеством новобранцев, Мирра, ты их впечатлила, теперь дети будут мечтать стать Хранителем, с такого момента, как начнут ходить...

Инариэль был спокоен и весел.

— Нам это пойдет на пользу, я не знаю, что ждет нас впереди, но хорошо обученная армия накануне крупной войны, еще никому не мешала. А мне все больше кажется, что крупной войны нам не миновать.

Рассевшись у костра, мы перекусили. За едой гном рассказал мне о древнем документе, найденном Карой. Точно текста он, конечно, не вспомнил, но главная мысль была понятна.

— Итак, я — избранная, которая слабая и гонимая... — это смешно, меня никто не гонит...

— Тебя никто не признает, многие все еще считают тебя преступницей, помнишь?

— ААа, ты об этом, ну тогда, да. С красным мы вроде уже тоже разобрались, а вот зеленое — это что? Орки??? Других мыслей у меня просто нет. Да уж... никак не могла подумать, что обо мне будет говорить какое-то древнее пророчество... Не хочу больше об этом думать. Надо отдыхать. Завтра нужно добраться до этого... погонщика, и с ним переговорить. Хорошо если удастся его так же просто убедить как мать Жаклин. Доброй ночи, друзья.

Я завернулась в теплую накидку, и закрыла глаза. Но вместо темноты я увидела голубые глаза, и закипающую в них страсть, я почувствовала, как горячие губы нетерпеливо рвутся к

моим губам, как сильные руки сжимают меня в объятиях... О, это просто, муки, если бы это было так же просто излечить, как ожоги или ранения... Если бы я могла хотя бы не думать об этом, не вспоминать. Ведь уже прошло столько времени, а меня до сих пор пробивает холодный пот, стоит мне закрыть глаза, я вижу его... Это надо прекратить. Он сделал выбор, я не в праве... Почему так? Почему всегда приходится выбирать? По щеке тихо скатилась одинокая слеза, никто не должен этого знать, это слабость, я не могу себе позволить быть слабой. Все, спать, завтра выдвигаемся.

В лагере.

Медленно тянулись дни. Беспокойные ночи, были еще хуже, чем однообразие дней. Не спасали ни дополнительные дозы обата, ни выпивка, ни веселая болтовня Кары и Энель. Не спасали и физические тренировки, они лишь притупляли острую тоску пронизывающую сердце, выворачивающую на изнанку душу. Стоило опуститься ночью на затихающий лагерь, и Кален готов был выть волком, бежать, не разбирая дороги, но боль преследовала его, от нее нельзя было убежать, она была внутри. Совсем другая боль, не та к которой он уже привык. Такой боли он еще не знал, никогда. Как не знал он и такой страсти. Лишь только он переставал контролировать свои мысли, они уносили его на заснеженную опушку, он снова видел ее бирюзовые глаза, такие яркие, такие зовущие, он чувствовал запах ее волос. И снова, он искал ее губы, нет, не искал, он впивался в них своими губами, он прижимал к себе хрупкое тело, он не мог ее отпустить, но так боялся сжать слишком сильно. Ее холодные губы, нежная шея и тихий стон... Это было хуже ночных кошмаров, он не находил себе места. Он метался по палатке как раненый зверь, и не видел выхода. Он видел только ее...

Вот и сегодня уже сгущались сумерки, скоро опять начнется его мука. Он сидел в таверне, пытаясь погасить огонь, сжигавший его изнутри, большими дозами крепкого эля. Он знал, что это не поможет, только ощущения станут еще ближе к реальности. Он не мог признаться даже себе, что он хотел, чтобы так было. Это было единственное, что ему осталось и ни за что на свете, он бы не согласился потерять воспоминания о лесной поляне и маленькой комнатке в домике целителя. Как обычно незаметно, рядом появилась Энель.

— Кален, да что с тобой в последнее время? На тебя смотреть больно.

Он тряхнул головой, отгоняя видение, и постарался улыбнуться.

— Все в порядке, Стрелочка, просто... дурные мысли

— И я даже знаю о ком эти мысли. Кален, я не обладаю твоим даром Видеть, но то что происходит с тобой... для этого не надо быть Видящим. Я не знаю, что у тебя с ней произошло. Я могу лишь догадываться. И мои догадки очень просты, командор. Ты — влюблен.

— Энель, — Кален возмущенно прервал ее.

— Не спорь со мной, старый друг. Если ты расскажешь, что тебя мучает и почему, быть может, я смогу помочь?

Он невесело хмыкнул.

— Нет, Стрелочка, если у тебя нет средства лишаящего человека всех чувств, эмоций и воспоминаний, то ты не сможешь мне ничем помочь. Только если попросить Кару Упокоить меня, как мага, но я не маг, сомневаюсь, что и этот способ сработает.

— Добрый совет, Кален, иногда лучше любых лекарств.

— Стрелочка, что ты можешь об этом знать? Ты же сама никогда и никого не любила? — он внимательно всматривается в ее лицо, но она никак не реагирует на это спорное замечание, видимо, время еще не пришло.

— Кален, я все-таки еще и менестрель. Я знаю о любви много, но ты прав, самой мне не приходилось испытывать подобных терзаний, — она хитро на него посмотрела, пытаясь скрыть нестерпимую боль за легким лукавством, она боялась, что он почувтсвует, увидит, но он не обратил внимания на ее слова и она поспешно сменила тему. — Но ты уже не отрицаешь, что терзает тебя именно это.

— Не отрицаю. С тобой — это не имеет смысла.

— Так что произошло? Она... не приняла твое признание? Отвергла? Или сказала, что любит другого? Хотя чтобы она не сказала — это ложь...

— Нет, Энель, все гораздо хуже. Это я все испортил. Я сделал выбор. Я выбрал — долг. Я сказал, что нам никогда не быть вместе.

— Ты что сделал? — ее глаза округлились, она так надеялась больше никогда не вспоминать, но его слова растревожили старую рану. — Ты любишь женщину, грезишь о ней и в то же время... Ты выбираешь долг??? Ты совсем сошел с ума, старый друг?

— У меня не было другого выбора, Энель. Я не могу причинить ей боль... лучше пускай все закончится вот так... в самом начале... но я буду знать, что она сможет потом меня забыть, она... не будет страдать, когда придет мое время... ты же понимаешь, о чем я говорю...

— Я все знаю, Кален. Но ты... ты просто... болван... Никак от тебя такого не ожидала. Как тебе пришло в голову ставить на чашу весов долг и любовь??? Это же совершенно разные вещи.

— Энель. Если бы я выбрал любовь, я захотел бы продлить свое время, быть с ней дольше, для этого, мне пришлось бы отказаться от обата, потому, что иначе мое время никак не продлить. Ты же знаешь, что случается с Видящими отказывающимися от обата, я стану бесполезен для нашего дела. Да и ей я тоже стану противен. Зачем мне это? Я не хочу видеть в ее глазах сострадание, я хочу запомнить ту страсть, что я увидел однажды. Именно это воспоминание, гложет меня... Ты права, Стрелочка, я отказался как последний глупец, от всего ради того, чтобы получить ничто...

— Да, уж, командор. Твоя жизнь сложна. Я не вижу другого решения этой проблемы. Ты должен отказаться от обата, ты сильный, Кален, ты сможешь.

— Ты переоцениваешь мои возможности, Стрелочка. Я уже попробовал, Вейт порекомендовал мне то же самое, так что ты не первая. Сразу после ее ухода, на следующий день я перестал принимать обат, я выдержал два дня, все... после этого боль стала невыносима, и я сдался. Боль, которую я глушу обатом, нельзя просто перетерпеть. Она невыносима...

— А та боль, которую ты сейчас глушишь элем??? Она слабее???

— Нет, она... другая...

— Кален, ты мой друг. Послушай меня. Сейчас я скажу тебе одну страшную вещь. Возьми деньги и сходи к лучшим девицам, проведи ночь или две, или три с одной, двумя, тремя разными дамами, не важно, сколько их будет, важно чтобы они были лучшими. Если и после этого тебе не станет легче, и ты не сможешь выбросить из головы, единственный поцелуй, то тебе придется отказаться от обата. Иначе эта боль убьет тебя быстрее, чем обат.

— Ты отправляешь меня в дом терпимости? Энель? Это твой совет?

— Да, Кален. Подобное нужно лечить подобным. Могу даже денег подкинуть и особу нужную порекомендовать.

— Фу, Энель. Ты такая...

— Честная??? — она улыбнулась, если бы кто-то тогда смог дать ей такой же совет, быт может тогда все сложилось бы иначе. — Дружище, кто же тебе еще правду вот так в глаза скажет? Поверь мне, Кален. Ты можешь не ходить в дом терпимости, тебе это не поможет. Тебе нужна уже не просто какая-то женщина. Тебе нужна уже совершенно определенная женщина. И другая, теперь уже не сможет ее заменить. Ты, друг мой, влюблен. Это уже не лечится. Так что кончай ныть и жалеть себя, и избавляйся от привычки глушить боль обатом... и вы будете жить долго и счастливо.

— Помнится мне, с таким же рвением ты сводила меня с Карой. Что изменилось?

— Ты изменился, — совершенно серьезно ответила Энель. — Ты, Кален, изменился. Тогда с Карой, вам просто нужно было, чтобы рядом был хоть кто-то, сейчас тебе не нужен никто, только вот ты еще сам этого не понял, а тебе не нужен никто, только она.

— Я не достоин ее, Энель. Я...

— Не смей меня, глупец, помнишь тот день, когда она испытала на тебе свои новые силы? Знаешь, Кален, что я слышала в ее холодных словах? Я слышала едва сдерживаемые рыдания. Я не понимаю, как ты этого не услышал. Сказать тебе, что я почувствовала стоя рядом с ней в тот вечер? Я была уверена, что она с готовностью бросится на меч, только бы не причинять тебе боль. Кален, она любит тебя, так же, как и ты ее. Не нужно говорить о достоинстве, любовь выше этого. Ты сделал не правильный выбор, друг мой. Хочешь в этом убедиться, вперед, ищи утешения в объятиях другой. Но для меня, и так все предельно ясно.

— Я не дурак, Энель. Точнее, дурак, конечно, но не на столько. Говоришь дом терпимости — мой последний шанс?

Она молча кивнула.

— Будь по-твоему!

— Вот и молодец! Вперед... тебя ждет разочарование, но ты его не бойся... — она засмеялась.

Кален вышел из таверны. В чем-то она определенно права, подобное лечится подобным. Он уверенно направился в тихий неприметный домик с большим количеством комнат и отличной выпивкой. Он понимал, что Энель права, и он не сможет найти там утешение, но он надеялся, что мастерство местных девиц, сможет доставить ему удовольствие, и заглушить боль.

На пороге его встретила матрона.

— О, командор, давно вас не видели. Очень рады. Какое у вас сегодня настроение? Чего бы вам хотелось?

— Всего самого лучшего, мне нужны твои лучшие мастерицы, Марго, — он сел на диван в гостевой комнате.

— Особый случай? Понимаю. Лучших у меня не много, человек пять могу назвать, одна из них вам точно понравится, командор, они стоят того что я прошу за них, — щебетала Марго подавая ему кубок.

— Зови всех, я хочу посмотреть.

— Ваше желание, командор, для меня — закон. Бетти, Марта, Кита, Кира, Мия, сюда.

По одной появились полуобнаженные девушки. Они сразу обступили Калена, рассказывая, что они умеют, и какое удовольствие его ждет. Одна наполняла кубок, другая уже снимала с его плеч плащ, третья уже устроилась у него на колене, расстегивая ворот. Нежные руки, ласкали его плечи, мелодичными трелями звучали голоса. Боль забила в угол и смотрела оттуда на все происходящее ненавидящими глазами. Ему стало смешно, от

этого. Ему пришло на ум, что Энель все-таки ошиблась. То, что преследовала его последние дни — это не любовь, это просто похоть, страсть, которую он не смог удовлетворить в маленькой комнатке. Теперь ему станет легче.

— Командор, вы определились?

Какие-то губы уже ласкали его шею, чьи-то руки уже стягивали широкий пояс...

— Они все просто прелесть, Марго. Взял бы всех, но боюсь, в твоих комнатках, мы такой компанией не сможем повеселиться. Беру эту, — он ухватил за руку молодую эльфийку, которая уже норовила забраться ему в штаны — и эту, — он прихватил девушку, ласкавшую его шею, уж больно нежные были губы.

— Отличный выбор, командор. Вы не пожалеете.

— Еще бы, если я пожалею, я просто не расплачусь с тобой, Марго, ты же меня знаешь.

Девушки влекли его в одну из дальних комнат. Там его повалили на широкую кровать. Эльфийка освободилась от легкой туники, лишь за ними закрылась дверь, и уже через мгновение она была на нем, освобождая его тело от оков одежды. Ее нежные умелые руки уже ласкали его твердеющую плоть. Он уже жалел о том, что пришел сюда, когда обнаженная эльфийка прикоснулась к его губам. Ее прикосновение, было совсем не таким, как то, неловкое, неумелое и даже немного стыдливое касание на опушке леса. Губы, которые сейчас его ласкали, они были мягкими и теплыми, а ему хотелось, чтобы это были холодные бледные губы, робко искавшие его поцелуя. Перед его внутренним взором на белоснежной маленькой груди твердел темно-розовый сосок, а перед глазами были большие округлые груди с крупными коричневыми сосками. Тонкая талия, в полумраке темной комнатки в воображении, в реальности превращалась в смуглый крепкий стан. Все было не так. Вторая девушка, сдвинула эльфийку с его уже обнаженного тела, и теперь они вместе ласкали его, по очереди прикасаясь губами и языками к охваченной желанием плоти. Девушки старались, как могли, но все их умения и старания не могли сравниться с той мимолетной бурей страсти, которая стала его наваждением. Он представлял ее, она была каждой из них, но они не были ею. Они не могли даже приблизиться к ней, что бы они не делали. Его охватывало отчаяние, чтобы они не делали, как бы они его не ублажали, никакие их ухищрения не могли сравниться с ее наивной робостью. И теперь, когда его ублажали две девицы, перед глазами он видел только ее глаза цвета морской волны. Она смотрела на него с таким сожалением, с таким сочувствием. Она говорила ему что прощает, что все понимает. Он слышал ее шепот, такой же тихий, как тогда, когда она звала его во сне. Она шептала что-то еще, но он не мог разобрать. Он не слышал сладострастных стонов девиц, которые по очереди взбирались на него и скакали, словно лучшие всадники, он уже не видел их гибких тел, извивающихся возле него. Он не видел ничего, и ничего не слышал, и ничего не чувствовал, только боль. Он очнулся, когда холодные губы коснулись его губ. Не было рядом никого, никто не целовал его в губы. Девицы уже собирались, весело хихикая, судя по всему, они провели время гораздо лучше, чем он. Он встал со смятой постели. Видимо, его тело все делало без участия его мозга, девицы выглядели довольными. Он ничего не помнил, только океан ее глаз.

Выйдя из комнаты, он расплатился с Марго.

— Командор, — окликнула его матрона.

Он не отозвался. Она засеменила за ним и взяла его под руку.

— Кален, мальчик мой, что случилось с тобой? На тебе лица нет. Эти поганки плохо отработали?

Кален похлопал ее по пухлой руке.

— Нет, Марго, девушки чудесные. Я... не очень помню... но видимо, мне все понравилось.

Она остановила его и дотронулась пухлой ладонью до его лба.

— Ты не заболел ли, мальчик мой? Ты не помнишь? Да ты всегда был самым требовательным клиентом, если девочка тебе нравилась, она автоматически становилась фавориткой. А сейчас ты не помнишь?

Она заглядывала ему в глаза, в поисках ответа.

— Так, мальчик мой, идем-ка, я не смогу тебя порадовать, как мои девочки, но вот напоить, я тебя точно смогу. И ты мне все расскажешь.

— Марго, я...

— Не смей мне отказывать. В моем доме ты никогда не знал отказа ни в чем, так вот, сделай милость.

Он слабо улыбнулся и кивнул, слова матроны были правдой, он никогда не знал отказа в этом доме.

Она усадила его в глубокое кресло, наполнила кубок, лучшим элем и уселась напротив.

— Рассказывай, мальчик мой, что гложет тебя? Я знаю совсем другого мальчика, веселого, крепкого, беззаботного и умелого... а ты — не он. Постой-ка. Молчи. Я все поняла, — она хлопнула себя по лбу. — Ты, мой мальчик, пришел к моим девочкам, чтобы перестать думать о какой-то особенной девочке?

— Это что написано у меня на лбу?

— Надо было сразу сказать, — она протянула ему назад деньги. — Бери, не обижай меня отказом. Это не поможет тебе, мальчик мой. Ни одна из моих девочек не поможет тебе. Я долго знаю тебя, Кален, здесь ты проводил много времени, в старые времена, одна из моих девочек учила тебя. Я стара, мальчик мой, и многое повидала на своем веку. Сказать я могу тебе только одно, это тебе не поможет забыться. Из своего опыта знаю, ни один мужчина мне не нужен, потому что никто не сможет сравниться с моим покойным мужем. Я однажды сделала ту же ошибку, что сейчас делаешь ты. Я попыталась забыться в объятиях другого, и знаешь что, — она достала трубку и закурила. — Никогда в моей жизни я больше не испытала такого разочарования. Я не видела, того кто был рядом со мной, я видела только своего покойного мужа. Мы резвились в постели, а его тень стояла рядом и смотрела на меня с такой любовью, что я готова была разрыдаться прямо под скачущим на мне мужиком. Послушай меня, мой мальчик, только она теперь сможет тебя насытить, только ее поцелуи и ласки, какими бы они не были, будут приносить тебе радость. Только засыпая с ней, ты будешь понимать, что все правильно.

— Марго, но я не могу... я Видящий, мне...

— Я все знаю, мой мальчик, мой покойный муж, был одним из вас. Я знаю про обат, я знаю про боль. Я знаю все. Он умирал на моих руках и что бы там не говорили ваши старейшины, он не был безумен, он был счастлив. И я была счастлива рядом с ним. Всегда... рядом с ним... — она выпустила сизый дым, и опять затянулась. — Не лишай себя и ее счастья. Не делай этой глупости. Если ты нашел ту, что затмевает моих девочек, не отпускай ее. Сколько бы ни прошло времени, сколько бы тебе ни осталось, — она тяжело вздохнула. — Я желаю тебе провести это время с ней. Такого счастья, поверь мне, ты больше ни в чем не найдешь. А теперь, я скажу тебе еще кое-что. Я не пушу больше тебя на порог моего заведения. Любовь — опасная штука, глядя на тебя, мои девочки подумают, что они

многое теряют, а при их работе — это опасные мысли. Я... мальчик мой, я хочу погулять на твоей свадьбе. Не торопи события, пускай это сладкая нега будет только после того, как ты назовешь ее женой. Даже не перед людьми, но перед Создателем, перед собой ты должен понять и сродниться с мыслью, что она единственная и тогда... ты познаешь такое блаженство, которое не смогут тебе доставить все мои девочки вместе.

Она похлопала его по плечу.

— Это тяжкая ноша, мой мальчик, но ты самый сильный из всех мужчин, которых я видела на своем веку, ты сможешь нести и эту ношу и ту, что тебе на нее указала. Кто она? Не хочешь мне рассказать? Вспоминай о ней, делись, тебе станет легче, когда ты сможешь спокойно признать, что она — то единственное, что тебе надо, тогда пройдет твоя боль.

— Она... особенная.

Матрона улыбнулась, показав желтые зубы.

— В этом, мой мальчик, я не сомневаюсь. Только особенная девочка, может довести моего любимого клиента до такого состояния. Скажешь мне ее имя?

— Мирриэль. Ее зовут Мирра.

— Мирра??? Это не та ли Мирра, что закрывает разломы?

— Да, Марго, это она.

— Дело плохо. Я видела ее пару раз в компании с коротышкой гномом и долговязым эльфом.

— Это Барри и Инариэль. Они сопровождают ее. Почему дело плохо?

— Хороша она, твоя эльфийка. Заполучи я ее к себе, отбоя бы не было от желающих. Не сверкай на меня грозными очами. Правду я говорю. Не просто будет тебе ее завоевать, но ты же знатный вояка, — она хохотнула. — Выдюжишь.

Он грустно покачал головой.

— Уже, наверное, нет. Больше никогда... Я сказал ей это, я сказал ей, что единственное слово, которое может нас связывать, Марго, это слово Никогда. Я упустил свой шанс, Марго. Она сама просила меня о поцелуе, такого поцелуя у меня не было в жизни. И после этого я сказал ей, что нам никогда не быть вместе. Вот такой я баран...

— Ай-ай-ай... Мальчик мой, что же ты сделал... Горда она, твоя эльфка, видела я ее взгляд, таким на колени ставят. Значит, она послушала тебя? Отпустила, стало быть?

— Я сказал, что выбрал свой долг, она сказала, что понимает и принимает мой выбор. И ушла вершить великие дела с Барри и Инариэлем. Я даже не смог выйти с ней проститься, я боялся, что просто не смогу ее отпустить, что я просто задушу ее в объятиях, или буду ползать на коленях перед ней, умоляя простить меня.

— Ты этого не сделаешь, она этого не примет. Если она любит тебя, в чем я не сомневаюсь, она... она знает истинную причину?

— Нет, я так и не смог ей сказать, только если она сама догадается.

— Мой мальчик, у тебя теперь только один выход, показать ей, на что ты способен ради ее любви.

— Отказаться от обата? Сегодня все решили свести меня с ума.

— Именно, мальчик мой. Отказаться от этого яда. Этим ты покажешь ей на сколько она дорога тебе, ну а если она не поймет этого... Боюсь, больше ничем ты не сможешь вымолить ее прощения. Гордячка она. Я много таких видела. Теперь она будет бояться попадаться тебе на глаза, будет тебя избегать, вот видишь, одно твое слово, и она отправилась в дальний поход с двумя компаньонами. Кстати, эльф-то этот, на нее тоже виды имеет. Знал ты об

этом?

— Да, я знаю. Мы... разговаривали с ним об этом... Он сказал, что не будет мне соперником, если я решусь, а я ответил, что меня это не интересует и я не допущу... ничего такого... О, Создатель, какой же я дурак... — он в отчаянии спрятал лицо в своих ладонях...

— Тише, мальчик мой, нельзя исправить только смерть, все остальное поправимо... Тебя уже крутит от боли. Ты иди, Кален. Если захочешь еще со мной поболтать, заходи, но к девицам, я тебя больше не допущу. Так и знай.

Она проводила его до двери. Холодный ветерок легким порывом растрепал его волосы. На лбу уже выступала испарина, попытки сдержать боль, давались непросто. Но вместо того, чтобы пойти к себе, он направился к Каре. У нее горел свет, он тихо постучал.

— Заходи, кому там не спиться?

— Кара, это я. — Он перешагнул через порог, в комнате сидела и Энель. — Не помешаю вам?

— Садись, давай, конечно, не мешаешь. Что это от тебя духами несет? Откуда это ты?

— Последовал доброму совету одного друга, — он посмотрел на Энель.

— И как? — тут же оживилась шпионка. — Сработало?

— Смотря что, ты под этим понимаешь, Стрелочка. Но я принял решение, почему и пришел к тебе Кара. Я... решил отказаться от обата. Совсем. Я больше не буду Видящим, и очень велик риск того, что я просто сойду с ума, Кара, ты должна меня контролировать, я не хочу, чтобы мои попытки... привели к катастрофе. Вейт будет тебе помогать, вы вдвоем сможете меня контролировать. Ты должна будешь проверять за мной каждое решение, чтобы я не мог... наделать глупостей из-за боли, я прошу тебя, Кара. Только ты сможешь мне помочь, если, вдруг, что-то пойдет не так. И еще, если... если все будет плохо... я прошу, только не в лагере, не на глазах у моих людей...

— Что??? Кален, ты о чем? Откуда такие мысли? — Кара тряхнула его за плечо.

— Кара, не обманывай себя. Ты же давно уже поняла, почему... — Энель смотрела на подругу, — ведь я права? Ты все поняла?

— Это правда, Кален? Ты готов сделать это ради нее??

— Да, Кара, — он посмотрел в глаза подруге. — Я готов пойти на этот риск, ради нее. Ради того, Кара, чтобы быть достойным ее.

— О, Создатель. Воистину, любовь делает из нас идиотов!!!! Поэтому, я никогда не влюблюсь, если даже такой рассудительный человек, как ты, творит глупости — Кара села за стол и опустила голову. — Хорошо, Кален, я все поняла. Я выполню твою просьбу. Я стану твоей тенью, до того момента, пока ты не поймешь, что тебе это уже не надо. Я не оставлю тебя в беде, друг, и если хочешь знать... я верю, что у тебя все получится...

Объездчик и город.

Утром мы распрощались с укладывающими свои пожитки беженцами, и отправились своей дорогой.

Дорога была спокойной, никто на нас не нападал, пришлось отбиться от стаи волков, но по сравнению с разломами и демонами, это просто охота, это было несложно. Найти деревню объездчика тоже не составило труда. Нас встретил патруль, оборона поселения была на высоком уровне. Здесь не было горящих домов и трупов. Тихая мирная деревушка. Увидев большую конюшню, мы поняли, что пришли на место. Рядом с домом в огороде возилась женщина. Вежливо поприветствовав ее, мы вошли в дом.

Пожилой мужчина с густыми усами, свисающими почти до груди поднял на нас глаза,

оторвавшись от изучения какого-то документа.

Осмотрев нас, он заключил:

— На беженцев вы не похожи, так что хотели уважаемые?

— Мы не беженцы. В этом вы правы. А пришли мы просить вас о сотрудничестве. Ваша слава, как лучшего объездчика, далеко разлетелась. Нам нужны лошади.

Объездчик хмыкнул.

— Сейчас всем нужны лошади. Лестью плату я не беру, да и лошадей не дам. Не спокойно нынче на дорогах, никто не проведет табун, волки нападают ни с того ни с сего, озверели совсем, а отдавать лошадей на сожрание волкам я не намерен. Вы, я вижу, воинственно настроены, ребяташки, вот и изведите эту нечисть, а пока за волками по лесам местным будете гоняться, заодно присмотритесь к народу, разбойничает кто-то в округе, а нам все не попадается, может вы их отыщете, а там и про лошадей поговорим. Вам сколько надо-то лошадок? Откуда сами-то будете, какой орден представляете, что не церковники сразу вижу, Ищущие что ли?

— Нет, мы... Хранители. Лошадей мы всех забрали бы, что объезжены и обучены. Окрестности мы осмотрим, конечно, но мы бы и так это сделали, нужно ведь знать где лагерь разбиваешь, судя по вашим укреплениям вы это понимаете. Охотиться мы любим, но не по заказу. А разбойников, коли встретим, изведем, но специально гоняться за ними не станем, не наше это дело. А тебе добрый совет дам: собирай людей и вместе с лошадьми и поклажей в Лоринг веди. Путь до Лоринга спокоен, мы только его очистили, а там безопасно, пока. Вы оборону устроили — это хорошо, но против демонов вряд ли выстоять сможете, их не удержит частокол и угрожающий вид воинов. Я чту традиции гостеприимства и понимаю, что должна отплатить за твое согласие на сотрудничество, услуга за услугу, но нас дорога ждет, долго задержаться не сможем — спокойно ответила я.

— Хранители значит? Не слышал я о хранителях с тех самых пор, как мой прадед мне сказки рассказывал. Значит, возрождаете древний орден? Это хорошо. Прадед мне о них много говорил, коли их традиций будете придерживаться — выйдет толк. Слова твои я услышал, хранительница. Я передам их собранию, и мы примем решение. Если будет решено принять твое предложение, я примкну к вашим рядам, буду сам творить историю, может и обо мне потом сложат сказания. Буду ваших лошадей объезжать, да жену с дочкой в безопасности пристрою.

Я уверенно киваю и протягиваю ему руку. Он пожимает мою ладонь.

— Договорились. Пусть ваше решение будет верным.

Выходим на улицу.

— Ну, что, друзья, давайте осмотрим окрестности. Дело того стоит. И табун приведем, да еще и объездчика. Я думаю, Энель и не рассчитывала на такую удачу. Инариэль, ты ей ворона отправлял?

— Сегодня вечером отправлю. Все сделаю, Мирра.

Отлично. Идем охотиться, по крайней мере, волки и разбойники — не демоны.

Несколько дней бродим по дорогам и лесам. Уничтожаем стаи волков и шайки разбойников, которые попадают на пути. Работа не сложная, но времени отнимает массу. Селян расспрашиваем о разломах, в ближайшей округе говорят о трех, надо наведаться везде, советуем собираться в путь, ведь если объездчик Данел оставит укрепления, с ним уйдут все воины и они останутся беззащитными.

Большие переходы, несколько стычек в день, мы уже устали, вымотались, но работа еще

не окончена. Находим поле недавнего боя. Несколько мертвых тел, осматриваем внимательно. Мало ли какую информацию можно получить уже от безмолвных тел. Письмо на теле одного из Видящих, о какой-то жиле, Барри, говорит, что знает, где тут могут быть разработки, надо и туда наведаться, что если это тот самый красный обат? Надо разведать. День идет за днем, скучать нам некогда, так в схватках и зачистках проходит неделя. Находим вход в гномьи шахты, удивительные они мастера, даже шахты у них такие, что залюбоваться можно. В шахтах натыкаемся на засаду, там засели какие-то разбойники, приходится их проучить, все покойные заражены этой красной энергией. В одной из шахт находим красные кристаллы. Барри в ужасе, это оно. Нужно немедленно перекрывать доступ в шахту, чтобы эта дрянь не распространилась по всей округе. Кроме злосчастных кристаллов, находим разлом, прямо в шахте. Закрываем его. Обычные будни спасателей мира. Нет, забыла, не спасателей, Хранителей. Плохо только одно, даже усталость и постоянное напряжение, не могут заставить меня не думать о Калене. Что только не приходило мне в голову. И, вернувшись, просто при всех броситься ему на шею и сказать, как я люблю его. И дождавшись темноты, подождать пока он уснет, проникнуть к нему в палатку, и застать его врасплох, чтобы он не сопротивлялся. Были даже мысль вызвать у него ревность, но что-то она мне не очень понравилась. Каждый день, ложась отдыхать, я придумывала новый гениальный план, который при свете дня оказывался сущей глупостью. Одно я поняла наверняка, я не сдамся. Мне все равно, что он там выбрал, а я просто не могу без него.

Только один раз меня посетила идея вообще больше никогда не встречаться с ним и постараться все забыть, но как только она пришла мне в голову, меня начало знобить, будто ледяной ветер дует только на меня. Я представила себе весь ужас такого исхода и окончательно поняла, что это не вариант. Да, я благородно поступила, отправившись в этот поход, я дала ему время все обдумать, и себе тоже... я все обдумала, мне нужен только он. А теперь, дело техники, объяснить толстокожему Видящему, что мне начихать, с высокой колокольни, на все его проблемы, что я готова быть рядом с ним всегда, до последнего вздоха моего или его, не важно, сколько пройдет времени, важно только то, что я больше не буду так страдать.

Стоило мне принять решение, боль утихла, ее сменило ожидание встречи. Нетерпение. Теперь воспоминания о нашем поцелуе не были кошмаром, это было самым чудесным сном, самым сладким, который иногда имел продолжения, самые разные, но всегда, очень приятные. Я больше не мучилась. Теперь я хотела вернуться. Хотела все ему высказать, хотела наброситься на него с кулаками, за то, что он наделал тогда, хотела снова прижиматься к нему всем телом. Хотела быть рядом с ним. Мне потребовалось для этого всего пара недель и сотни километров пути. Интересно, а он что думает? Или может он уже забыл? Ну, уж нет, так просто он от меня не отделается. Я ему напомню, все напомню.

Возвращаясь с докладом к объездчику, мне уже не терпелось отправиться в обратный путь. Но... на последнем дневном переходе, нас догнал ворон от Энель. Она писала, что в столице меня уже ждут на встречу те самые представители церкви, о которых говорила мать Жаклин. И нам следует сразу после окончания сделки с объездчиком, отправляться туда.

Несколько недель, если все будет хорошо, путь займет несколько недель, а если по пути оказывать посильную помощь всем встречным-поперечным так и на несколько месяцев может затянуться, вон тут мы волков две недели гоняем. Так я ничего не смогу добиться. Но ничего не сделаешь. Придётся, нам с тобой Кален отложить нашу встречу и долгий разговор.

Объездчик несказанно рад новостям, говорит, что освобождение дорог от бандитов стало для него приятной неожиданностью и он с удовольствием, предлагает свои услуги нашему ордену. В знак полного согласия выдает нам лошадей, отлично, теперь путь до столицы займет не две-три недели, а всего лишь около десяти дней. Вот и замечательно. Только Барри не доволен, гномы не ладят с лошадьми, но несколько часов тренировки и лошадка смиряется с мыслью, что ее наездником будет гном.

Прощаемся с объездчиком. Он собирается выдвигаться в сторону нашего убежища уже через пару дней, как только будут упакованы последние вещи, у ворот уже собрался лагерь желающих отправиться в путешествие вместе с воинами. Тут все дела мы окончили, закрыли все разломы, о которых узнали, разобрались с разбойниками. Вот мы какие молодцы. Выдвигаемся дальше.

Дорога утомительная. То и дело откликаемся на призывы о помощи, все расспрашиваем о разломах, не хочется оставлять опасность у себя за спиной, дело надо делать хорошо, или не делать вообще. Мы делаем хорошо. Все больше людей говорят о новом ордене, все больше приверженцев мы встречаем в пути, все больше желающих стать Хранителями, направляем в наш лагерь. Хорошо работает агентурная сеть Энель. Скоро нас будут знать все и повсюду. Уже сейчас нас встречают приветливее, чем в начале пути, с готовностью предлагают пищу и ночлег. Все чаще ловлю на себе заинтересованные мужские взгляды, они меня злят, я не хочу, чтобы на меня смотрели так. Хоть ты на лбу пиши: «Собственность Калена». Злюсь на него. Почему он так со мной поступил? Как он мог? Вон тут через одного только свисни и они с радостью скрасят мое одиночество, но нет... они мне не нужны, мне нужен только он. Сны становятся все более... ммм... подробные и красочные... понимаю, что я очень скучаю, очень хочу оказаться прямо сейчас рядом с ним. Заставляю себя не преувеличивать и продолжать путь, а не поворачивать коня и галопом мчаться туда. С оружием уже отлично управляюсь, окончательно решила, что щит и меч мне не подходит, продолжение меня — кинжалы. Тренируюсь, оказывается Барри и с этим оружием неплохо умеет обращаться. У меня теперь есть с кем тренироваться.

От постоянной скачки ужасно болят ноги и... не только ноги. Слазишь с седла и понимаешь, что уже это — счастье.

Сколько же их этих разломов? Уже с два десятка я закрыла. Один не смогла, уж слишком были сильны демоны даже первого призыва, ели унесли ноги. Дорога до столицы, как мы не спешили, заняла две недели, даже верхом. Боюсь представить, сколько бы мы добирались пешком. Но это не та столица, в которой можно встретиться с интересующим меня королем. А я так надеялась закончить заодно и это дело.

Нас встречает человек Энель.

— Я ждал вас. Там небезопасно. В городе много Ищущих и Видящих они могут представлять угрозу для вас. Я бы рекомендовал вам надеть капюшоны и сначала разведать обстановку. Неузнанными вам будет проще покинуть город. Вы уверены в необходимости этой встречи? Это опасная затея.

Он меня спрашивает, уверена ли я? Какой кошмар, конечно, я не уверена, вообще не представляю, зачем мы сюда приехали. Я вон несколько недель определялась, что мне делать со своей любовью, так тут я хотя бы знаю, что найду, что потеряю, а тут переговоры какие-то... Ужас, Нет, я не уверена.

— Да, конечно, эти переговоры необходимы, они помогут нам укрепить наши позиции, — говорит мой голос...

Какой ужас, у меня раздвоение личности. Одна ни в чем не уверена и всего боится, другая все знает лучше всех и готова идти на любой риск для укрепления наших позиций.

Надвигаем капюшоны глубоко на глаза. Прячем под плащами пояса с вышивкой нашего символа, символа Хранителей. Энель постаралась, уже все знают нашу символику и в одной из деревушек благодарные жители подарили нам эти пояса. Сейчас лучше не привлекать к себе внимание, оружие прячем по сумкам, не дело с арбалетами по улицам расхаживать, а вот кинжалы мои я оставляю на поясе, их не видно, пока не достанешь и еще метательный нож за голенищем сапога. Место конечно не самое удобное, но бывают разные ситуации, иной раз как подарку радуешься. Лошадей отводим на конюшню, оставляем на попечение сына харчевника. Раскладываем сумки в своих комнатах. Вечером можно будет вымыться, а то я вся пыльная с дороги. Но это вечером, там вон шум какой-то на улице.

Нахожу Инариэля и Барри уже за столом внизу.

— Что там происходит?

— Да мы пока еще не знаем, давай поедим, а потом двинемся дальше, Мирра. Ты в последнее время какая-то напряженная, как тетива натянутая. Все в порядке?

— Да, просто все тело от этих скачек болит...

— Знаю я, что тебе болит, девочка, — хохочет Барри и шлепает меня по... тому самому месту, которое болит...

Шиплю на него змеей, угрожаю придушить во сне. Они смеются надо мной, я тоже начинаю смеяться. За время нашего путешествия, мы стали одной семьей, подтрунивать и шлепать членов семьи не возбраняется.

— Ладно, пойду, прогуляюсь, осмотрюсь, я все-таки первый раз в таком большом городе. Из того времени что я помню...

— Тебе составить компанию, — Инариэль готов встать из-за стола и пойти со мной.

— Нет, я буду осторожна, постараюсь не попасть ни в какую дурную историю. Наслаждайтесь, друзья мои, отличной едой.

— Мы тебе оставим! И еды, и выпивки!

Улыбаюсь им. Машу рукой и выхожу за порог. Не успеваю сделать пары шагов, как у моих ног в мостовую втыкается стрела. По инерции тянусь за кинжалами, отступаю в укрытие, осматриваюсь, нет, никто не атакует, к оперению стрелы привязана записка. Вот так дела. Интересный способ доставлять почту. Срываю бумагу, читаю корявые буквы:

«Хранители, вы в опасности. Прошу о встрече. Если готовы поговорить, приходите на закате на пристань, стрелу с собой возьми! Друг.»

Отлично. Вот и погуляла. Надвигаю капюшон еще глубже, стрелу прячу под плащом. Надо узнать, что это за друг. До заката еще далеко, пока что посмотрю, что там за собрание на площади. Стараюсь не выделяться, хотя получается это плохо, все горожане щеголяют в разноцветных нарядах, кто-то в шляпах с перьями, кто-то в масках, таких, что лиц не видно. И тут я... в плаще с которого походную грязь уже ничем не вывести и в надвинутом на глаза капюшоне... точно... сама неприметность... Ну, с другой стороны, путник, какой приехал столицу посмотреть. Плащ точно не сниму, там кинжалы. Горожане шарахаются от меня в ужасе. Мне уже смешно. Хочется снять капюшон с гордостью расправить свой пояс с гербом Хранителей, чтобы они знали, что это я... я спасаю их, я закрываю разломы, это мне вы обязаны возможностью носить свои немислимые наряды. Душу в себе этот безумный порыв гордости, гордыня не красит тебя, сказал мне мой предок, с этим еще надо поработать... Остаюсь тенью в капюшоне. На площади стоит помост, выступает женщина в церковном

наряде рядом с ней еще две молоденькие послушницы. Интересно, подойду, послушаю.

— Жители города нашего, не верьте словам неверных. Не может быть гласом Создателя богомерзкая эльфка, не может она быть перстом его...

Ооо, так это про меня, вот же... Никогда я о себе такого не говорила, что я глас там чей-то или перст... Недовольно качаю головой, совсем все запутали и перевертали...

— Разломы эти — это двери в обитель его. Но испытывает нас Создатель, охраняют те врата демоны, лишь чистые душой и сильные верой могут пройти сквозь них, чтобы воссоединиться с Создателем нашим в вечном его чертоге...

Вот как??? А я все думала, что это такое... Теперь понятно... Бабуля, ты бы перестала чушь молоть, с Создателем любой воссоединиться, кто к разлому подойдет, не важно демонам будет его вера и чистота... им энергия жизни нужна, чтобы здесь обитать, так что... быстренько в жертву принесут, самим себе... Недобро ухмыляюсь, а ну, кто поверит этой бабуле и пойдет с чистым сердцем к разлому... Всех не спасу, надо эту ложь остановить... Но как это сделать, да еще так чтобы не раскрыть себя «богомерзкую эльфку».

Пока размышляю на площадь, чеканя шаг, выходит около двух десятков Видящих в тяжелых доспехах. Вот это я попала! Все конец моим хорошим делам. Я на этой грядке цветной, словно пугало... точно по мою душу, незаметно, проверяю, как выходят кинжалы из ножен. Так просто я не дамся. Парочку ребят с собой в дорожку прихвачу, путь-то, поди, не близкий. Но они меня не замечают. Осматривают горожан. Вспоминаю слова Калена, о том, что он не Видит меня, вообще не Видит. Так я для них просто онемевшая от чего-нибудь простолюдинка, которая даже думать не может... Ух ты, как удобно... Вроде на виду, а они со своим даром меня не Видят. Смешно...

Тем временем их командир отделяется от отряда и подходит к женщине на помосте. Высокий, поджарый мужчина, лет около пятидесяти, каштановые волосы до плеч, смотрит ястребом... можешь в мою сторону даже не кидать гневные взгляды... ничего-то ты не увидишь... Прячу самодовольную ухмылку, а то как бы не пришла им мысль, стереть ее с моего лица более радикально...

— Вот и верные слуги церкви и народа. Орден Видящих, всегда был мечом церкви, и основой ее...

— Замолкни, — грубо он прерывает речь женщины. — Мы служили вам, мы отдавали свои жизни за вас и веру вашу, а что теперь? Теперь нас окрестили еретиками, теперь нас преследуют так же, как когда-то мы преследовали одержимых магов. Это ваша благодарность? Для этого мы свои жизни клали? Я скажу тебе, старуха, нет, не для этого. Маги начали войну. Наше дело их усмирить, мы делаем свою работу, то ради чего мы годами проходим обучение. Не стойте на нашем пути. Маги, если вы слышите меня, трепещите, ибо больше мы не рука церкви несущая меч правосудия, мы кулак, который уже никому не подчиняется, мы найдем всех вас и каждого из вас, магия будет уничтожена, это наше слово.

Ну хоть кто-то остановил этот поток глупостей. Моя благодарность, Видящий. Хотя... твои слова мне как-то тоже не по душе... Инариэль тоже маг и, судя по твоим словам — его тоже убить надо???

— Но, командор, как же так? Ведь сейчас большую опасность представляют Хранители, а не маги... это Хранители заражают ересью умы жителей нашей страны...

Командор бьет ее раскрытой ладонью по лицу. Я судорожно сжимаю рукоятки своих кинжалов под плащом, как он посмел? Да пусть она не права, и глупости мелет, но ударить пожилую женщину... ничего себе порядке у Калена в ордене...

— Хранители — это просто кучка самодовольных, чванливых вельмож, они не представляют угрозы для нас. И с этого момента, ты, старая, больше не будешь указывать нам цель, мы сами ее выберем. Мы уходим из города. Надо ловить магов.

Ну, вот... такими нас видят Видящие, интересно. А они кого-нибудь из Хранителей, вообще видели, с чего вдруг мы вельможи??? У нас только Энель и бывала при дворе, наверное, судя по манерам... Внутри меня начинает закипать негодование, сама не замечаю, как перехожу на уровень энергии и в ужасе отшатываюсь... Я не могу поверить своим глазам, все они заражены, все Видящие заражены красным обатом... Вот почему Кален станет последним Видящим... по коже бегут мурашки по спине катиться холодный пот. Они все... уже мертвы... только еще не знают об этом... Какой...поворот-то... смотрю на представителей церкви, нет, с ними все нормально, обычная энергия жизни, смотрю на горожан, тоже все как обычно. А эти... Перепроверяю себя, смотрю еще раз. Да, точно, все заражены, в разной степени, но заражены все. Как гром среди ясного неба приходит мысль: Видящие пьют обат, чтобы использовать свои возможности, а что если этим его просто подмешали, что если их отравили???? Их обманули!!! Кто, мог это сделать и зачем? Над этим надо подумать... Краем глаза вижу, как командор, достает кинжал и намеревается убить представительницу церкви, ну нет, на это я уже не могу смотреть спокойно... Броситься на него? Нет, нельзя привлекать к себе внимание, надо все сделать тихо. Барри не один час тренировал меня метать нож, убить им, конечно, не получится, но мне этого и не надо, мне нужно остановить его руку, заставить выпустить кинжал. Аккуратно достаю метательный нож из-за голенища и быстро, пока никто не обратил на меня внимания, отправляю его в полет. Внимательно смотрю на быстрый полет, никто не увидел меня? Слышу, как падает его кинжал и крик ужаса служителей церкви, переходит в яростный рык Видящего:

— Кто посмел????

Из руки Видящего торчит мой нож... Жалко-то как... ножик-то пропал... Но, хоть эту выжившую из ума спасла. Вот это занимательная вышла прогулка...

И что теперь, бежать? Только внимание привлеку, просто стоять на месте, тоже не самая лучшая идея, рано или поздно один из них догадается, что просто не может меня видеть, лишнее внимание... Вот попала я... Ну и кто меня за руку-то тянул? Я пыталась найти хоть какой-то выход кроме прямого столкновения, когда в подмости вонзилась стрела с запиской. Видящий сорвал бумажку, быстро и прочитал надпись вслух:

— «Ты спросил: Кто? Мой ответ — Враг. Жду тебя у ворот» Что это? Молись своему Создателю, мне не до тебя, хотя так и хотелось бы это закончить, — он еще раз замахнулся на женщину, она закричала, закрывая лицо руками.

Видящий сплюнул на землю, вырвал из своего тела мой нож и бросил его на помост.

— Живи, рухлядь. Недолго тебе осталось!

Он развернулся, ровным строем, чеканя каждый шаг, все Видящие покинули площадь, следуя за своим командором. Они направились к городским воротам. На площади все еще было множество зевак, когда я решила подобрать свой нож. На помосте все еще сидела несчастная женщина, прижимая руки к лицу. Я подошла к помосту и любовно, подбирая верный нож, учтиво поинтересовалась:

— Вы как? Все нормально?

— Дитя, это ты спасла меня? Ты остановила руку этого безумца?

Я подумала, что вопрос еще в том, кто из них больший безумец, но, улыбнувшись,

ответила:

— Не могла же я ему позволить вас убить или покалечить на глазах у толпы.

— Твоя доброта, дитя, могла стоить тебе жизни.

Тоже мне новость... обычный день Хранителя. Она взяла меня за руку и заговорила, уже для оставшихся зрителей:

— Вот она, истинная любовь Создателя, в простых людях, в вере их. Вот десница Создателя, а не в Хранителях.

Внезапно меня охватывает странное ощущение, такое уже было однажды, когда я вызвала Калена на поединок. Во мне просыпается дремлющая гордость первого народа, гордость бессмертных эльфов. Снова я слышу слова, о Источнике, я не понимаю этого, но это и не важно. Мои древние предки пожертвовали своим бессмертием ради спасения всего сущего, а потомки тех людей считают эльфов богомерзкими. Жалкие людишки, они забыли, что свою последнюю силу их Белый дракон отдал эльфам, а не своим твореньям, даже их Создатель, признал превосходство нашей расы над людьми. Охватившее меня негодование, вызывает помутнение рассудка. И тут я решила сыграть свою пьесу.

— Матушка, я вас слушала и понять не могу, вы Хранителей-то за что не любите? Вы хоть одного из них видели? Говорили с ними? Знаете, к чему стремятся они?

— Нет, дитя, не видела я их и речей их не слушала, но точно тебе говорю, неверные они, убийцу Преподобной они защищают, а ведь эльфка она...

— Да, точно... богомерзкая... я помню, я слышала. Только вот ведь, матушка, казус какой, я ведь тоже не человек, — я сбрасываю капюшон с головы. — Я ведь тоже эльфка, матушка, как вы изволили заметить — богомерзкая.

Я начинаю смеяться, наблюдая за замешательством на помосте и в толпе. Вместе со мной над их замешательством смеются бессмертные эльфы, живущие в моем сознании. Народ ждет продолжения, пусть будет так!

— Что теперь вы скажите, матушка? Еще недавно была я десницей? А сейчас? Когда я скинула капюшон? Изменилось что-то, матушка? И стала я эльфкой богомерзкой? Только вот дело в том, матушка, что когда бросала я свой ножик, не смотрела я на то, к какой расе принадлежите вы, и что говорите вы о народе моем, я убийство несправедливое остановить хотела. Это и было моей целью.

Публика начинает волноваться, наблюдая за происходящим, подтягиваются все новые зрители, накал страстей? Это я вам запросто обеспечу! Мои гордые предки дружно ждут продолжения. Матушка поднялась, опираясь на руки послушниц. Слова замирали у нее на губах, она не знала, что ответить и тут я нанесла последний удар.

— Только вот, матушка, и это еще не все, — я распахиваю плащ и расправляю пояс, с вышитым гербом Хранителей. — Вам сегодня в двойне повезло, матушка! Мало того, что я эльфка богомерзкая, я еще и состою в ордене Хранителей, Матушка. Так что теперь вашу жизнь спас Хранитель-эльф. Ну, и напоследок я добавлю, но только для вас, матушка, с глубоким почтением, — я наклоняюсь к ее уху и шепчу. — Это я выжила на совете, это я закрываю разломы, это я, та, кого вы так боитесь и хотите казнить за несовершенные преступления. Я спасла вам жизнь, моими ножом, а не ваш Создатель пустыми речами. И для всех: я могу подтвердить, что разломы — это путь к Создателю, только не прямой, а через желудок демонов или через огонь, или через холод, смотря, кому вы попадетесь. На мой взгляд, есть куда более простые способы свести счеты с жизнью. Все остальное я не стану пояснять, я вас предупредила, а вы, предупредите других, останавливайте эту ложь.

Она может стоять многим жизни. А по поводу Хранителей, вы видели, что делают Хранители. Наша цель — сохранение жизни, любой, жизни всякого живого существа. Мне кажется, или мои поступки стоят тысяч пустых слов проповедников, не ведающих, что творят. Итак, вот я — Хранитель. И вот представители церкви, желающие мне смерти, даже после того как моей рукой спасена их жизнь. К кому же вы прислушаетесь? Слова или дела убедят вас, друзья мои?

Ой, что-то я уже... заговариваюсь, пора отсюда уходить. Предки в моем воображении самодовольно улыбаются, одобряя мои поступки. В толпе начинают выкрикивать «Хранители»... Я аккуратно засовываю нож за голенище сапога.

— Берегите себя, матушка. Не верьте словам пустым, смотрите по делам людским.

Накидываю на голову капюшон, хотя смысла в этом уже нет никакого, но я не хочу, чтобы проступивший румянец на моих бледных щеках, кто-то увидел. Необъяснимый приступ гордыни спадает, теперь я снова обычный эльф, без мании величия. Все больше нарядных людей скандирует название нашего ордена. Вот это представление я устроила, будет, о чем поговорить зевакам. О нас и так говорят. Теперь хоть по делу будут говорить.

Вполне довольная собой, отправляюсь на постоянный двор, нужно перекусить, помыться, привести себя в порядок. А то эта бесконечная гонка, как же мне болит все на свете. Как хочется упасть, наконец, на мягкую кровать и положить голову на подушку, а не на скрученный мешок. И погреться под одеялом, а не у костра. Надо чаще останавливаться на постоянных дворах. О, да...

Захожу в зал, мои друзья все еще тут, сидят за столом. Сбрасываю капюшон. Киваю своим, говорю, что скоро вернусь, и поднимаюсь в комнату. Оставляю свои кинжалы и плащ. Спускаюсь к столу.

— Мирра, ты же девочка, почему я никогда не видел тебя в платье? — бородатый гном уже изрядно пьян, и как обычно в такие моменты его тянет на лирику.

— Барри, я не ношу платья, потому что боюсь в них запутаться, когда буду останавливать очередного демона или свихнувшегося мага, или Видящего, или разбойника, да мало ли с кем нам еще предстоит столкнуться...

— Но, Мирра, здесь мы в безопасности, порадовала бы ты меня...

Я смеюсь и делаю реверанс.

— Нет уж, мой друг, я предпочитаю быть всегда готова. И нет сейчас безопасных мест. Я тут кое-что услышала, кое-что увидела, но сначала, дайте мне поесть, потом все расскажу.

Отличная жареная свинина, с пряностями и картофелем, когда же это мы ели так в последний раз? Дня четыре назад, потом наспех перекусывали сухарями и неслись дальше. Мы должны были сюда успеть, поэтому и торопились, но с кем же у нас назначена встреча, если мнение церкви я уже услышала, что ждет нас дальше, такой же «теплый» прием? Ужасно болит голова... Не хочу больше думать, а скоро закат, нужно встретиться с неизвестным другом, он меня выручил, там на площади. Сама себе улыбаюсь. Даже не представляю, как бы я выкрутилась, если бы не эта его шутка с посланием на стреле. Надо отблагодарить. Мои друзья терпеливо ждут, пока я наемся и начну свой рассказ.

— Вот и отлично, всегда бы так, — делаю глоток отличного вина. — Итак, когда я вышла отсюда прямо передо мной в землю воткнулась стрела с запиской...

Они внимательно меня слушают, я стараюсь ничего не пропускать, рассказываю, как могу подробно, когда рассказываю о проповеди на площади, в таверну забегает мальчик, он тащит за собой мужчину в цветастом наряде.

— Папа, папа, вот она, — это она спасла нашу бабушку. — Я проследил за ней, когда она ушла, я знал, что ты захочешь ее отблагодарить.

— Простите, моего сына. Он не ошибся, это вы Хранитель, которому мы обязаны жизнью моей матери? Она сегодня вела проповедь на площади, когда ее хотели убить.

— Ваш сын не ошибся. Я была сегодня на площади и действительно помешала убийству.

— Я не могу выразить вам словами мою признательность. Моя мать, она иногда говорит очень... не правильные вещи, просто она уже стара и больна, но в церкви она находит успокоение, я не хотел ее сегодня отпускать... но меня вызвали по долгу службы. Я вам очень признателен, Хранитель. Она всего лишь пожилая женщина, она никому не желает зла. Но я... чувствую свою вину перед... вами. Вот, — он кладет на стол шелковый расшитый кошель с деньгами. — Это не только деньги, я торговец. Все торговцы города, знают мой кошель, в любой лавке вам дадут значительную скидку, на любой товар, стоит вам показать мой кошель. Ну, а у меня вы сможете выбрать платья по своему вкусу, совершенно бесплатно. Хотя, я даже не уверен, нужны ли вам платья, но если вы решите... я всегда к вашим услугам.

Он рассказал, как найти его лавку, и еще сто раз меня благодарил. После чего с поклонами распрощался и вышел на улицу вместе с сыном.

— Итак, Мирра, твой день был очень интересным. Ты умудрилась спасти от смерти какую-то пожилую даму, рассказать всему городу кто мы такие, что еще мы не знаем?

— Я не успела рассказать, они меня перебили. Ну, а из того, что я не успела, хмм, ах, да... Убить старушку хотел командор Видящих, мне пришлось метнуть нож ему в руку, чтобы он прилюдно не зарезал бедняжку, а потом я увидела кое-что, что решает вопрос о том, почему наш Кален становится последним Видящим, все Видящие, которых я сегодня встретила, были отравлены красным обатом, все, до единого.

— Что??? — а один голос закричали мои друзья. — Мирра, дорогая, а ты не можешь как-нибудь менее шокирующе прогуливаться?

— Так получилось, — улыбнулась я самой милой своей улыбкой, отпив еще вина. — Зато у нас стало одним вопросом меньше, но возник еще десяток других: как они отравились добровольно или их принудили, если их принуждали, то кто и зачем, и, пожалуй, главные вопросы — куда они направились, что они собираются делать, и как их остановить? Вот у меня такие вопросы появились внезапно, ну, а кроме того, меня волнует, как пройдет встреча, назначенная матерью Жаклин и стоит ли нам идти туда во всеоружии. А да, еще я планирую вечером прогуляться на пристань, чтобы отблагодарить неизвестного друга, который помог мне выпутаться из сложной ситуации.

Инариэль застонал и закатил глаза.

— Мирра, с твоим умением находить неприятности на свою очаровательную... головку, быть может, не надо ходить на встречу неизвестно с кем, неизвестно куда и неизвестно зачем.

— Ну, Инариэль, зачем, как раз известно, я хочу его отблагодарить, кем бы он не был. А все остальное... Ведь это и есть приключения? Это и есть наша судьба.

— Тогда, мы пойдем с тобой, — заключил Барри. — Мы тоже хотим приключений, правда, маг?

Инариэль согласно кивнул.

— Няньки, — буркнула я, вставая из-за стола, допила вино. — Пойду наслаждаться теплой ванной. Когда буду готова, спущусь.

Какое блаженство! Если ты всегда можешь себе позволить вот так понежиться в теплой воде, ощутить запах ароматной пены на своем теле, вымыть волосы, ты никогда не поймешь этого состояния совершенного блаженства. Только когда ты лишаешься такой возможности, начинаешь ценить такие вещи и вспоминать такие моменты с нежностью. Я блаженно потягивалась в теплой воде, вдыхая щекочущий запах чистоты и свежести... А может, наведаться к этому торговцу за платьем? Не для Барри, конечно, но вот Калена я точно смогу поразить. Встаю и критично себя осматриваю, вроде ничего: ноги длинные, талия есть, бедра тоже на месте, да и грудь в наличии... Я, в общем-то, ничего... упаковать меня в платье красивое... Он не устоит... Точно, после встречи с неизвестным другом, схожу к торговцу выберу что-нибудь, не зря же я старушку спасала, надо воспользоваться случаем. А еще к оружейнику зайти, а то мои кинжалы, мне не по руке, я их с одного из бандитов в гномьей шахте сняла, после того, как купленный Каленом кинжал сломался в чьей-то голове. Да и метательное оружие, посмотреть. А может еще что-нибудь. И доспех какой-нибудь, у меня конечно есть моя магическая способность причинять боль, когда ко мне подходят слишком близко, но этого мало, от стрел она не спасет, тяжелый доспех я точно не смогу носить, а вот что-нибудь легкое... Надо посмотреть. Деньги у нас есть теперь. За спасение своих жизней люди отдают последние гроши, а спасаем мы многих, иногда целые поселения... Довольно улыбаюсь. Деньги для того, чтобы их тратить, так что пойду сегодня за покупками, только бы нашлось что-то моего размера... Не типичный я все-таки воин, низенькая, худенькая... Вздыхаю... Расчесываю волосы у зеркала. Они у меня светлые (когда чистые), цвета пшеничного поля, плету тонкие косички, убирая волосы с лица, собирая косички в тугий пучок сзади, чтобы не мешали целиться и драться, нужно всегда быть начеку. От меня пахнет розовым мылом. Отличный запах, гораздо лучше, чем смесь лошадиного и моего пота с пылью и кровью. Одеваю чистую одежду, жена харчевника позаботилась, даже почти угадала с размером, видимо, одежда ее сына, но мне и так хорошо, главное ее кровью не заляпать, а то не удобно будет. Узкие бриджи для верховой езды, высокие сапоги, нож привычно ложится за голенище, на всякий случай. Все я готова. Спускаюсь.

Инариэль и Барри тут же встают и направляются ко мне.

— Скоро закат. Идем? — Инариэль склоняется к моей голове и жадно втягивает исходящий от меня запах. — Мирра, ты чудесно пахнешь, сейчас...

— Отличное замечание, Инариэль, особенно впечатляет «сейчас».

— Это не обычный для тебя запах, поэтому я и заметил...

— Точно, а обычно от меня несет лошадиным потом и навозом... Спасибо, друг!

— Вечно ты... придираешься, Мирра, я хотел... как лучше...

Я смеюсь и беру его под руку. Мне все еще больно дотрагиваться до всех. Каждое прикосновение оставляет ощущение тысяч уколов по всему телу, но я уже давно научилась блокировать свою боль, не давая ей перейти на того, к кому я прикоснулась. Только с Каленом не так. Его прикосновения не вызывают боли, только... головокружение... но думаю, что дело не столько в моем амулете, сколько в моем отношении к Калену. Как же я соскучилась...

— Идемте. Я еще хотела к оружейнику зайти, хочу посмотреть.

Скрываться уже не имело смысла, мы оставили плащи и с удовольствием ощущали на себе теплый ветерок. Найти оружейную лавку не составило труда, прямо над дверью красовались два перекрещенных меча. Стоило нам переступить порог, как около нас

появился низкорослый мужчина.

— Что интересует вас? Красивый кинжал для дамы? широкий меч для горного мастера или может быть лук и стрелы для господина эльфа? У нас огромный выбор и декоративного и боевого оружия, хотя боевое оружие не очень красиво, — он изобразил огорчение.

— Я хотела бы поговорить с самим мастером.

— Но мастер не сможет вам ничего... предложить, а вот я знаю все о его работах.

— Мне нужен мастер, — настаиваю я. — Я не могу обсуждать вооружение с тем, кто ничего не понимает в его назначении.

— Что там, Перт?

— Господа хотят с вами поговорить мастер Слин. Я говорю, что вы не обслуживаете покупателей, но они настаивают.

Я не выдерживаю его глупости и указывая ему на вышитую эмблему на своем поясе повышаю голос:

— Мы — Хранители, нам не нужно декоративное оружие, и лучше, чем мастер сделавший оружие, мне никто не сможет рассказать о его боевых качествах достоинствах и недостатках. От этого оружия будет зависеть не только наша жизнь, но и жизнь тех, кто доверяет нам. Так что мастер Слин, я хотела бы говорить с вами.

Из дальней двери выходит рослый широкоплечий седовласый мужчина, вытирая мускулистые руки о грязную тряпку. Волосы его стянуты ремнем, покрасневшее лицо покрыто потом.

— А вот и вы. Я надеялся, что вы зайдете ко мне, — он добродушно нам улыбается. — Ты свободен, Перт, закрой лавку и можешь идти. На сегодня хватит. С Хранителями тебе не о чем говорить — это не те люди, которым можно всучить дорогие и бесполезные побрякушки, они пришли посмотреть на настоящее оружие. Я был сегодня на площади, — обращается он уже ко мне. — Должен заметить, что бросок был отличный, но вот сам кинжал... — он недовольно цокает языком, — я могу предложить лучше, гораздо лучше. Да и кинжалы ваши, слишком уж велики для вас.

Видя, мое замешательство он смеется.

— Нет-нет, для обычных граждан, они не были заметны, но я же мастер. Я сразу заметил по вашим движениям, что вы не просто путник, ну и когда вы доставали нож из сапога я увидел, как с обеих сторон приподнялся ваш плащ, сразу понял, что это парные кинжалы. Отличный выбор для такой хрупкой особы как вы, должен заметить. Но я могу предложить кое-что лучше, и что не будет так... бросаться в глаза. Идемте, здесь вы ничего стоящего не увидите, это для горожан, которые оружием просто хвастаются и даже не знают с какой стороны к нему подойти. Кстати, благодаря вашему... ммм... представлению, у меня сегодня раскупили все побрякушки в виде метательного оружия, вы мне принесли отличную прибыль.

Он довольно потирает руки и ведет нас в дальнюю комнату. Прямо там находится кузница, горит жаркий огонь в печи, лежит несколько заготовок на новые метательные ножи.

— Это моя... рабочая... так сказать обстановка. То, что я хочу вам показать вот здесь, — он отпирает ключом еще одну дверь.

Мы входим в небольшое помещение, где на стеллажах аккуратно лежат и висят все возможные виды оружия. Тут есть двуручные мечи, если такой упереть в пол, то он будет больше меня, для великанов что ли? Есть щиты и одноручные мечи в больших количествах,

сабли, шпаги, кинжалы и еще много разного оружия, названия которого я даже не знаю. Видя мой взгляд, он улыбается.

— Нет-нет, этого я вам тоже не стану предлагать, но если вам что-то нравится, вы можете все рассмотреть, потрогать, примериться к весу, все что вашей душе угодно. Долго я вас ждал, есть у меня одна вещица, специально для вас, миледи...

— Меня зовут Мирра, так меня и называйте мастер.

— Как скажите, Мирра. Так вот, сделал я ее для моей дочери, когда она была еще маленькой, надеялся, что когда она вырастет — сможет оценить работу своего старика, но... она совершенно равнодушна к оружию, — он расстроено пожал плечами. — На ее день рождения, когда я хотел отдать ей подарок, она накричала на меня и потребовала себе новое платье, сказав, что это ее совсем не интересует. Но я знал, что однажды, найдется та, что сможет оценить мою работу.

Он бережно достал какую-то шкатулку и поставил ее на стол под яркий свет. Еще одним ключом он открыл шкатулку. На красном бархате лежало что-то похожее на перчатку, но без пальцев, или на удлиненные наручи, только в единственном числе. Отличала вещицу тонкая работа, но без излишков украшений, просто потрясающая тонкая работа истинного мастера.

— Я не понимаю, это наручи? Как это вещица может быть оружием? — спросила я.

Он широко улыбнулся.

— Это, Мирра, язык бога смерти, катар, или как его еще называют джаматхар. Только я его усовершенствовал. Обычный катар напоминает собой кинжал, у которого нет рукоятки, держать его надо сжимая в кулаке ручку которая идет поперек лезвия... Сложно объяснить... Но этот катар, я делал для дочери. Его не надо держать в руке.

Он бережно извлек вещицу.

— Давайте я вам покажу. Одевается он вот так. От костяшек твоих пальцев почти до локтя, как латная перчатка, почти. Вот так. Плотно прилегает к руке и не скользит? Как раз по твоей ручке, — радовался мастер. — Когда надеваете, надо помнить, что ваша ладонь должна находиться между этими рукоятками, только не сжимай кулак, пока я не закреплю и не отойду — он надел мне на руку эту штуку.

Словно плотная перчатка она охватила мою руку, а ровно по центру ладони прошла рукоять с выемками для сжатых в кулак пальцев. Довольно улыбнувшись, он сделал шаг назад.

— А теперь, Мирра, видишь вот этот маленький рычажок на боку твоего указательного пальца? Ты можешь его толкнуть большим пальцем? А потом сожми руку в кулак, крепко сжав рукоять.

Я щелкнула маленьким замком, сжала кулак и замерла. В тот момент как сомкнулись на рукояти мои пальцы, с тыльной стороны моей ладони, как раз над костяшками пальцев, плавно выскользнуло лезвие, длинной чуть меньше чем от ладони до локтя. Ширина у основания была как раз как моя ладонь, и превращалось в тонкое острие. Стоило мне разжать кулак и лезвие скрылось в «перчатке».

— Ого, — я еще раз сжала кулак, послушный механизм вытолкнул лезвие. — Восхитительно!!!

Мастер довольно потирал руки.

— Рычажок, не дает лезвию появляться, пока этого не требуется, когда вы случайно сжимаете руку или держите поводья, да и вообще это полезно для безопасности. Пока он направлен параллельно вашему пальцу, лезвие не появится, но, если вы отщелкните его

вверх и сожмете кулак, вот и оружие.

— Этот, катар, он как будто продолжение моей руки, продолжение меня. Это просто чудо. И его действительно не надо прятать, никому и в голову не придет, что эта латная перчатка тонкой работы, может в одно мгновение превращаться грозное оружие, — сказать, что я была очарована этой смертельной игрушкой, не сказать ничего. Я не хотела больше с ней расставаться. Я опустила рычажок одним движением большого пальца и сжала кулак, ничего не произошло.

— Я знал, знал, что он вам понравится, Мирра.

— Что вы хотите за него, мастер?

Он смотрел на меня как на безумную.

— Ничего, я же сказал, это подарок. Подарок настоящему ценителю. Я лишь прошу, чтобы это оружие использовалось только во благо, на доброе дело. Я верю в орден Хранителей, я видел ваши дела, а еще больше слышал о них. Я хочу хоть так, быть одним из тех, благодаря кому вернется мир на нашу землю. Я рад, что вы оценили эту вещицу. Теперь давайте дальше вас вооружать. Покажите мне ваши кинжалы.

Я достала кинжалы и протянула ему.

— Фууу, какая грубая работа. Хотели, чтобы напоминало гномью, но это... ужасная подделка. Они слишком велики для ваших тонких ладоней и тяжелы. Это совсем не то оружие, которого вы достойны. Вот, — он снял с одного из стеллажей два кинжала. — Это парные кинжалы. Они всегда работают вместе, один защищает, другой наносит решающий удар. Я назвал их «Близнецы». Возьмите их, и вы поймете, чем плохи ваши кинжалы.

Я взяла один из кинжалов. Рукоять выполнена в виде сплетающихся между собой змей, две головы змей, смотрящие в разные стороны, образовывали гарду. Лезвие, несколько раз плавно изгибаясь, повторяло очертания тела змеи. Легкий кинжал лег в мою ладонь, будто по ней и был сделан.

— У кинжалов не должно быть длинного лезвия и слишком большой гарды, это оружие ближнего боя, оно должно быть удобно и незаметно. Как тебе? Нравится? Вот, возьми второй.

Я стояла, вооружившись двумя клинками, и понимала, что это именно то, что мне нужно. Это и было продолжением меня, именно эта пара кинжалов. Они ждали меня, они звали меня. И теперь они спокойно и надежно лежали в моих ладонях. Мы нашли друг друга.

— Лезвия обоюдоострые, плавный изгиб помогает легче разрезать... ммм... все, что им обычно приходится разрезать, наносит больше повреждений, да и достать такой клинок проще, чем обычный с плоским лезвием. Тебе нравятся, Хранительница?

— Да ты просто клад, мастер. У меня такое чувство, что эти кинжалы ждали именно меня.

— Все возможно, все возможно. Оружие часто само выбирает себе хозяина, оружие — это не просто сталь, у него есть душа, когда я сделал эту пару, я сам не понимал, почему я сделал их такими маленькими, ведь они только ребенку и подойду, а вот теперь, я понимаю, я знал, что однажды они найдут хозяйку. И они привели тебя сюда. Ты слышала их зов?

— Раньше нет, но теперь... теперь, я слышу...

— Это твое оружие, Мирра. А вот и ножны для этих красавиц, — он протянул мне пару простых ножен, вложив в них клинки, я решила больше с ними не расставаться. — И еще кое-что. Метательный кинжал. Я думаю одного тебе мало. Вот набор, смотри. Это наплечные ножны, не знаю, можешь ли ты метать ножи обеими руками, но дам тебе пару, в

каждом наплечнике два кинжала. Вот это надевается на предплечье, не очень удобное положение в бою, но будь у тебя такие ножны сегодня, тебе не пришлось бы наклониться, чтобы вытащить нож из сапога, там один нож. Предлагаю взять одну такую игрушку, второе предплечье у тебя все равно уже занято, — он довольно смеется. — Конечно пара ножен для крепления на ноге, по два ножа, по одному с каждой стороны. Даже не знаю... стоит ли... но есть у меня еще одна чисто кхм... дамская штука для крепления на бедре. Ножичек там конечно небольшой, но место крепления подразумевает, что твой противник будет уж очень близко... хмм... зато такую штучку можно спрятать под любым платьем и никто ничего не заподозрит. Итак, теперь ножи: 4 на ноги, 4 на плечи, один на предплечье и один на. хмм... бедро. Десяток. У меня готовых есть двадцать... сколько возьмешь?

— Все, это же метательные ножи, пусть запас будет. Мы тут еще пару дней проведем, было бы неплохо еще столько же увезти с собой. Сможешь, мастер?

— Смогу, это дело не хитрое, ты сперва, на сами ножи посмотри, — и он протянул мне совершенно черный нож с лезвием в виде лепестка, и простой обмоткой на ручке. — Лезвие метательного ножа должно быть утяжелено, так нож наверняка будет лететь лезвием вперед, а если учесть, как ты метнула свой плохонький ножичек, эти в твоих руках, будут смертельным оружием. Лезвие тоже обоюдоострое, так что аккуратно, носить только в ножнах, хотя, что это я тебя учу, как ребенка... Вот, пожалуй, и все, что я хотел предложить тебе, Хранительница. Может быть, у тебя есть еще какие-то пожелания?

— Спасибо, мастер. Я и так уже ходячая оружейная лавка, — улыбнулась я. — Инариэль, деньги у тебя, рассчитайся с мастером за мое оружие, пожалуйста.

— Может быть, что-то для ваших спутников? Но я затрудняюсь сказать, каким оружием пользуется ваш друг-эльф. Не вижу никаких признаков, ни мозолей от мечей, ни ножен для кинжалов, поэтому боюсь обидеть неверным предположением...

— Мне ничего не надо, мастер. Мое оружие — моя голова.

— Маг, — стукнул себя по лбу мастер — для вас у меня точно ничего не будет. Ну, а уважаемому гному могу предложить последние модели арбалетов, я вижу, что именно этот вид оружия вы предпочитаете...

— Благодарю, мастер, я своего друга не променяю ни на что. Хоть в этом походе я и выполняю роль тяжелой пехоты, но с арбалетом все равно не расстанусь. Топор у меня отличный, еще дедовский, да и щит отличной работы, еще не раз мне послужит. Так что, мастер, я уже нашел свое оружие. Только если болтов прикупить надо.

— Это, пожалуйста. Вот несколько ящиков, берите сколько нужно. Платить за них не нужно. Я с лихвой сегодня заработал. За дополнительными ножами, заходите завтра, после обеда, сделаю пару десятков. И вообще, всегда рад вам услужить.

Надев на себя все то, что мы купили (ну кроме набедренного кинжала), я повернулась к своим спутникам.

— Ну, что скажите, мальчики?

— Да ты, Мирра. Просто богиня смерти во плоти... — одобрительно крикнул Барри.

Инариэль промолчал. Он смотрел на меня своими фиалковыми глазами с нескрываемым восхищением и капелькой грусти, будто жалел, что мне приходится это все делать, а он не может меня просто поставить на пьедестал, нарядить в платье, дать в руки арфу вместо кинжалов и боготворить. Я уже давно поняла, что он влюблен, но ответить на его чувства я не могла, в моем сердце было только одно место и оно уже было занято... Надо с ним как-то поговорить... Потом...

Снимаю с себя вооружение, не хорошо идти на встречу с другом в таком виде. Оставляю только катар, парные кинжалы и ножи в сапогах. Все остальное аккуратно складываю и прошу доставить на постоянный двор.

Когда мы вышли из оружейной лавки солнце уже почти скрылось. Нужно было идти на встречу с неизвестным другом. Мы вышли на пристань, и я замерла, пораженная удивительным видом. Впервые я видела море. Волны с тихим шелестом накатывали на берег, катая на своих гребнях белую пену. Над водой носятся птицы, иногда они спускаются к воде и взлетают, унося в когтях рыб. Медленно красный диск солнца уходит в воду, кажется, что вода вот-вот закипит от горячего прикосновения. Легкий бриз ласкает мою кожу, иногда ветерок доносит мелкие брызги соленой воды. Я смотрю на это и понимаю, что невозможно совместить эти переживания и ощущения с моими обычными днями, наполненными демонами, кровью, убийствами и битвами. Здесь так неправдоподобно тихо и хорошо. Как бы я хотела чтобы рядом со мной сейчас был Кален, мы бы сидели у воды, пили вино, он бы глупо шутил, как всегда смущаясь, а я бы любовалась закатом и нежно трепала его по волосам, а потом мы бы целовались, не так как тогда на опушке, не в спешке, мы бы куда не спешили, поцелуи были долгими и нежными...

— Все-таки пришли... Это хорошо, — прерывает мои мысли женский голос.

Из тени какого-то здания к нам подходит эльфийка. Яркие рыжие коротко подстриженные волосы, хотя подстриженные — это сильно сказано, скорее ее кинжалом стригли, смуглая кожа, озорные зеленые глаза. Обычный эльф, выросший в городе, хамоватый, глуповатый, запуганный. Неприятные ощущения, понимаю теперь, почему Инариэль недолюбливает наших городских соплеменников.

— Ну, ты вообще не думаешь, что ли? Ты что сегодня на площади вытворяла? Если бы не я... эти уроды тебя бы наверняка сцапали... На кой тебе сдалась эта старуха?

Да уж... вот это... напор...

— Меня Джеки, друзья кличут. Ну а для богатеев я просто бандитка рыжая, — она хихикает и похрюкивает...

Пытаюсь не обращать внимания на столь пренебрежительное отношение.

— Меня зовут Мирра, это Инариэль и Барри, — представляю я своих спутников. — Спасибо тебе за помощь. Ты, действительно, очень помогла.

— Не говори со мной так, будто я тоже из этих...

— Из кого этих?

— Богатеев-аристократов... ненавижу их. Вечно они грабят простой люд. Они грабят людей, а я граблю их, а потом раздаю людям.

— Так ты значит у нас благородный разбойник? — хихикает Барри.

— Слышь, гном, я никому не позволю смеяться надо мной!

Не успеваю моргнуть глазом, как в руках Джеки оказывается лук, тетива уже до уха натянута и стрела смотрит прямо Барри в грудь.

— Стоп! Так не пойдет. Джеки, убери оружие. Мы не враги тебе, ты сама сказала, что мы друзья.

Она не опускает лук, но тетиву ослабила. Уже лучше.

— Отлично, теперь еще раз, начнем сначала. Джеки, мы не умеем говорить на твоём языке, он нам не привычен, поэтому, с твоего позволения, мы будем говорить так, как привыкли. Барри не хотел тебя обидеть, просто за время нашего путешествия мы очень сблизились, немного пошутить над спутниками, стало делом привычным и нормальным, это,

знаешь ли, помогает расслабиться. Теперь давай ты уберешь лук, и скажешь, о чем ты хотела с нами поговорить.

Она убирает лук за спину.

— Так это... я хочу вам помогать, но только при условии, что мы будем бить этих аристократов.

— Нет, Джеки. Мы не ведем войну против аристократии, наш враг совсем другой — в основном, это демоны, и люди, попавшие под воздействие темных сил, они могут принадлежать к любому классу, и любой расе, наше дело... спасти мир от гибели, а не устроить восстание. Как видишь, наши цели, не совпадают, но мы будем рады, твоей помощи... в качестве... скажем, шпиона... Ты можешь делиться с нами информацией, как я понимаю, ты не в одиночку тут... работаешь... нам будет полезна любая информация. Как тебе мое предложение?

— Договорились, мне так даже лучше. Так вы это... предупредите своих, которые тут работают, что я буду подкидывать им информацию. И не глупи тут больше, в другой раз, могу и не помочь.

На этом разговор был окончен, и она исчезла в сгущающемся сумраке.

— Какая неприятная особа, — пробурчал Барри.

— Все не так плохо, Барри, теперь у Энель, есть еще один агент. Малоприятный, но я думаю, она будет полезна. Вечер проходит спокойно, предлагаю вернуться в свои комнаты и выспаться.

Но разойтись по комнатам нам не дали. У входа в постоялый двор нас уже ожидал посыльный с приглашением на вечернюю встречу в доме какого-то барона. Немного расспросив посыльного, мы узнали, что именно на эту встречу мы и должны были приехать. Именно в доме барона нас ожидал разговор со знакомыми матери Жаклин. Делать нечего. Двигаемся следом за посыльным, ему было велено нас привести. Да, не так я себе представляла свое появление на какой-то вечеринке какого-то барона. Огромный дом, светится разноцветными огнями, по парку возле дома прогуливаются нарядно одетые дамы с кавалерами. Шелест шелка и мягкое звучание раскрываемых вееров. Нас ведут к входу. Чувствую себя... не в своей тарелке. Все эти убранства и наряды, рядом с ними мои чистые, но чужие вещи, смотрятся просто... жалко. Ндааа, надо было за платьем до этого сходить, принарядиться что ли... В таком обществе мне еще не приходилось находиться. В огромной гостиной сходятся две широкие лестницы. Посыльный исчезает. И что дальше? С кем тут мы должны встретиться? Хотя с другой стороны... мы Хранители, и то, что делаем мы, этим людям даже в кошмарах не снилось, а для нас это обычный день. Гордо расправляю плечи, высоко поднимаю голову, демонстративно закладываю большие пальцы за расшитый пояс, подчеркивая свое отношение к ордену Хранителей. Слышу за спиной шепот:

— Это они. Точно — это Хранители. Что делают эти еретики в нашем обществе???

Шепот нарастает, похоже, нам тут не рады. Как бы до драки не дошло, проверяю, как выходят из ножен «близнецы». Бедный Барри, без арбалета ему совсем неуютно под этими пристальными взглядами и осуждающими возгласами. Осматриваю публику. Не похоже, что кто-то здесь владеет оружием, опасности не представляют, так... поболтают и перестанут. Опираюсь спиной на одну из массивных белых колонн. Барри, тоже сообразил, что кроме неодобрительного шепота нам ничего не угрожает и отправился за выпивкой, Инариэль пошел осматривать помещение. То ли художественный интерес, то ли хочет знать пути отхода, на всякий случай.

Ко мне подходит юноша и очень резким тоном заговаривает со мной:

— Эй, эльфка, что это ты тут стоишь без дела, неси напитки, видишь, дамы скучают.

Смотрю на него, пока спокойно, но понимаю, что урезонить может и не получится.

— Я не из местной прислуги. Идите своей дорогой, сквайр.

— Что, да как ты посмела? Я сын графа.

— Приношу мои извинения, сын графа. Не смогла рассмотреть ваши регалии, — сжимаю я зубы.

Он внимательно присматривается ко мне.

— А, так ты из этих... еретиков... как вы там себя назвали... Охранники??? Умнее ничего не придумали?

— Хранители, — поправляю я его. — У вас ко мне какое-то дело, сын графа?

— Да, хочу посмотреть на сколько вы хорошие вояки, что-то мне кажется, что я смогу тебя победить, даже не вынимая меч из ножен... А потом ты как побежденная будешь согревать мне постель, пока не надоешь мне.

Он наклоняется, пытаюсь заглянуть мне за ворот, хорошо, что я не в платье. Закипая от гнева, легким движением большого пальца перевожу катар в боевое положение и подношу пока еще не сжатую в кулак руку к его шее...

— Уйди, сын графа, пока еще можешь, — зло шепчу ему на ухо. — Уходи. Это твой последний шанс.

— А ты с норовом, мне это нравится в женщинах. Я люблю покорять и наказывать непослушных эльфиек, ты будешь лобзать мои ноги...

Я уже не слышу его болтовню, медленно, наслаждаясь каждым моментом, сжимаю руку в кулак.

— Остановись, Хранительница, — властный женский голос. — Я прошу, обойтись без кровопролития в моем доме, на моем вечере.

Да что ж такое? Все веселье мне испортила, а так хотелось посмотреть, как удивиться сын графа, когда катар пронзит его горло насквозь, как он будет смотреть на алые пузырьки своей крови, медленно падая к моим ногам. Какая чудесная картина. Может наплевать на ее приказы? Я жажду его крови.

— Хранительница, — голос теряет властные нотки, — я прошу вас! Я обещаю, Джаспер понесет наказание, за оскорбление, но не нужно его убивать. Он совсем... глуп... Его... глупость непростительна...

Я все еще держу катар у шеи обидчика. Что это ты так обомлел?

— Джаспер, — с криком к моему обидчику бросается полный мужчина. — Сынок, немедля проси прощения у Хранительницы. О, благородная госпожа, прости моего сына. Что бы не сказал он тебе, я клянусь тебе Создателем, что больше он никогда ничего подобного не скажет, я запру его в подвале дома, до тех пор, пока он не научится себя пристойно вести... Молю тебя...

Чего это они все так переполошились? Смотрю на катар, лезвия еще не видно, это не могло их напугать. Так что же?

— Мирра!!! — это уже Инариэль, он очень спокойно идет в мою сторону. — Мирра, отпусти его. Мирра, ты слышишь меня? Пожалуйста, отпусти его.

Ставлю катар в безопасное положение и с силой бью наглеца раскрытой ладонью по лицу. Нет, я не отпущу тебя безнаказанно. Жестокая улыбка играет на моих губах, в момент, когда моя рука касается лица сына графа, не сдерживаю, а отпускаю свою боль,

выплескиваю ее прямо на него. Боль, которую я уже привыкла терпеть, боль от нарушения баланса, боль от соприкосновения реальности и мира демонов, боль, носителем которой я являюсь, для многих нестерпима. Краткий миг прикосновения. Этого хватило, чтобы сын графа упал к моим ногам, хватая воздух, который из него вышиб мой удар боли, гримаса ужаса перекашивает его лицо, из носа идет кровь, слезы катятся из глаз. Наклоняюсь к нему и тихо говорю:

— Заметь, сын графа, это ты у моих ног, а я еще даже не дотронулась до оружия, хотя мне и очень этого хотелось... — выпрямляюсь и говорю уже громко: — Приношу мои извинения, благородным господам и дамам. Этот юноша, хотел узреть мощь Хранителей, я ему ее показала. Есть еще желающие усомниться или затащить меня в постель?

Рядом уже стоит Инариэль.

— Мирра, не надо, — тихо шепчет он, его фиалковые глаза встревожены.

Граф оттаскивает своего отпрыска от моих ног. В зале полным людей, висит гробовая тишина, все смотрят на меня. Я улыбаюсь. Оскорбление смыто кровью, как и положено. Теперь можно успокоиться.

— Ты чего так переполошился, Инариэль?

— Мирра, ты себя со стороны не видела! Ты выглядела просто как мстительная богиня. Из твоих глаз просто сыпались искры, тебя окружало какое-то неестественное сияние... А лицо, Мирра, ты не видела своего лица, это просто маска смерти какая-то, это была не ты, я такого еще не видел ни разу, а ведь мы уже давно путешествуем... Ты не только их напугала, Мирра, ты меня напугала, я такого никогда не видел.

— Древние, — шепчу я, — все время забываю с тобой об этом поговорить. Я вижу древних, вижу предков, и когда они появляются..., я полностью подчиняюсь их воле..., я не могу им сопротивляться...

Разговор пришлось прекратить, к нам подходила, та самая женщина, которая назвалась хозяйкой вечера.

— Я благодарю тебя, Хранительница, за то, что ты сохранила жизнь Джасперу. Впечатляющее зрелище, должна я заметить, теперь только и будет разговоров о вашем могуществе... Мое имя Касандра, мать Жаклин, говорила, что вы необычные... люди... но я никак не могла предположить, что на столько необычные. Научите меня этому трюку? Я тоже женщина, такой впечатляющий способ самозащиты может мне пригодиться, — она улыбнулась, показав белоснежный жемчуг зубов.

— Меня зовут Мирра. Боюсь, мой способ, вам не подойдет, Касандра. Хотя все просто: он испытал ту боль, которую испытываю я каждый раз, когда кто-то пытается ко мне прикоснуться. Боль от соприкосновения с миром демонов.

Она подняла изумленно бровь.

— В таком случае, я буду осторожна рядом с вами, чтобы не причинять вам боли, Мирра.

— Я привыкла к этому, Касандра.

Она смотрела на меня все более удивленно. Миндалевидные глаза на смуглом лице изучали меня, пытаюсь понять, говорю я серьезно или шучу.

— Я думаю, нам стоит немного прогуляться по саду, чтобы мои гости смогли прийти в себя.

Я согласно киваю. Инариэль растворяется в толпе гостей, а хозяйка идет в сад, приглашая меня следовать за ней.

— То, что вы сейчас сделали, с одной стороны немного осложнит мое представление ваших интересов при дворе королевы, с другой стороны, вы продемонстрировали свою решительность и силу, а еще и милосердие, и справедливость, теперь, я очень сомневаясь, что кто-то захочет быть вашим врагом...

— Мать Жаклин говорила не о дворе, а о церкви.

Она мило мне улыбается.

— Вы не понимаете? Действительно? Церковь — это еще один орган управления, а идет управление из дворца. Что скажет двор, то и будет делать церковь. К тому же сегодня на площади, вы помогли одной женщине, об этом судачит весь город и просто ульем гудит собор, теперь, вы друг церкви, если того пожелает двор. Возможно, это конец ваших проблем... но... есть вероятность, что двор сочтет вас слишком... могущественным... соперником... или побоится что вы, можете стать таковым, не лично вы, Мирра, ваш орден... Тогда возможны... осложнения... но я буду пытаться все это сгладить и сделать так, чтобы говорили о Хранителях, лишь самое хорошее. Теперь, я буду вашими глазами и ушами при дворе, но самое главное, Мирра, я стану вашим языком. Вы можете не сомневаться в моей преданности. А теперь, если позволите, я бы хотела вернуться к моим гостям.

Она делает реверанс и удаляется.

Возвращаюсь в дом. Никакого недовольного шепота, дамы делают мне реверансы, мужчины почтительно склоняют головы. Вот так. А всего-то и надо было поставить на место одного выскочку. Нахожу своих друзей и сообщаю о намерении покинуть этот прием.

— Все дела уже сделаны на сегодня. Вы как хотите, а я пойду к мягкому тюфяку, взбитой подушке и теплomu одеялу.

— Сама доберешься? Или тебя сопроводить, мы с магом решили прогуляться по... значным местам..

— Конечно, доберусь, развлекайтесь.

Выхожу на улицу. Лавки еще работают, может все-таки зайти выбрать себе платье. Да, так и сделаю, лишним не будет. Только надо что-то... не знаю, посмотрю... я ничего не понимаю в платьях... Нахожу лавку, свет горит, дверь открыта, они что тут вообще спать не ложатся?

Захожу, мелодично звякает колокольчик над дверью. За прилавком тот самый мужчина, что сто раз меня благодарил днем.

— Вы пришли!! Как я рад!!! Я понимаю, вам несподручно будет со мной... выбирать что-то... сейчас я жену и дочь позову... они вам помогут...

Он убегает куда-то, через несколько секунд входит моложавая женщина в простом платье и девушка.

— Добрый вечер. Мы вам так признательны за бабушку, — заговаривает девушка. — Меня зовут Марта, я помогу вам определиться с выбором, а это моя мама, она сможет сразу же подогнать платье по вашим меркам. Для начала, скажите, что бы вы хотели?

— Я, честно говоря, даже не представляю. Это будет мое первое платье, я даже не уверена, смогу ли его когда-нибудь надеть. Я не часто бываю на приемах и балах... совсем не бываю... но... вдруг придется, а у меня уже и платье есть...

Девушка загадочно улыбается.

— Вам же не для этого нужно платье? Правда? Есть кто-то, кому вы хотите в нем показаться?

Я смущенно киваю. Как все просто оказывается, даже девушка, которая видит меня в

первый раз сразу все понимает... Надо научиться... как-то не показывать этого что ли...

Девушка с мамой переглядываются и улыбаются.

— Вы не смущайтесь, просто я вам по секрету скажу, что влюблена и сразу увидела такой же блеск в ваших глазах. Так, чтобы выбрать правильное платье, мне нужно узнать больше... о... том какие вас связывают отношения...

— На данный момент — никакие. Когда я отправлялась в это путешествие... мы поссорились... — совершенно честно ответила я.

— Значит, вам нужно вернуть его внимание и сделать так, чтобы он уже больше никогда не захотел с вами ссориться, — девушка закусилла нижнюю губу. — Знаю. Сейчас принесу, а вы пока что заходите сюда и раздевайтесь, будем мерить.

Я зашла в небольшую комнатку, сняла с себя всю одежду и приготовилась к ожиданию, но ждать долго не пришлось, дверь отворилась, и в комнату вошли мои одевальщицы.

— Так. Я могу вам предложить вот это золотистое, оно расшито камнями и когда он увидит вас в нем, то будет просто ослеплен вашей красотой.

— Нет, — сразу говорю я. — Оно слишком... большое... мне нужно что-то что я смогу увезти с собой сейчас положив в мешок и надеть при случае...

Девушка улыбается

— Конечно, какая же я не догадливая. Тогда вариантов остается только два, — она откладывает в сторону все платья с огромными многоярусными юбками. — Вот это нежного серого цвета, но на мой взгляд, для того чтобы вернуть мужчину, оно не очень подходит, уж слишком... скромное: длинный рукав скроет ваши чудесные плечи, ворот до самого подбородка не даст ему любоваться вашими ключицами и спрячет чудесную ямочку между грудей, да и простой прямой покроем, не сможет подчеркнуть вашу талию и шикарные бедра, а длина впол, скроет от его взгляда ваши стройные ножки. Вам так не кажется? Нам нужно что-то более откровенное, манящее... И у нас есть такое платье!

Она откладывает в сторону серебристо-дымчатое платье и в руках у нее остается что-то цвета морской волны под ярким солнцем. Изумрудно-голубое. Она подходит ко мне.

— Давайте, примеряем. Поднимайте руки.

Я поднимаю руки, и по моей коже струится нежный шелк, словно легкий ветерок охлаждает мое тело. Девушка что-то поправляет. А ее мать в это время ставит напротив меня огромное зеркало.

Это не я. Из зеркала на меня смотрит... кто-то, но это точно не я. Нежное платье лежит на моей фигуре, как влитое подчеркивая все изгибы тела. Совершенство в простоте. Тонкая белая нижняя рубашка из нежного шелка, а поверх нее наброшена тончайшая ткань, изумрудно-голубая с тончайшим рисунком из золота. Открытыми остаются и покатые плечи, и руки. Игривая ажурная завязка на нижней рубашке может регулировать глубину выреза: затяни чуть потуже и аккуратные мягкие складочки скроют грудь почти до ключиц, но стоит немного распустить тонкий шнурок и всеобщему обозрению предстанет ложбинка между грудей, и под легкой тканью без сборок легко будет угадываться ее очертания, будоража фантазию. Сзади цветная часть платья скрывает даже туфли, регулируется шнуровкой на уровне талии, а спереди, аккуратно огибая грудь, прикрытую лишь нижней рубашкой (оказывается у меня потрясающая грудь), поддерживая ее и делая фигуру еще более утонченной, шнуровка начинается под грудью и заканчивается там, где выступают тазовые косточки. При каждом движении из-под бирюзы верхней юбки мелькает белизна нижней, добавляя нежности и загадочности.

— Вот это то, что надо! Правда?! Он не сможет устоять. Единственным его желанием когда он увидит вас в этом, будет увести в укромное место, покрыть все обнаженные платьем участки вашего тела поцелуями, а потом снять это платье с вас. Я думаю, после этого он уже никогда не захочет вас отпустить и уж тем более забудет с вами ссориться. А вот и перчатки к этому платью, — и она одевает мне на руки нежные перчатки, чуть выше локтя. — Поверьте, когда вы проведете рукой в этой перчатке по его телу, ну или хотя бы лицу, он не сможет забыть это прикосновение, все мысли выскочат из его головы, и он сможет думать только о вас. Мам? Скажи что-нибудь, ведь я права, да?

— Вы уж простите мою дочь. У нее в голове только любовь. Но в одном она права, безусловно, это платье... Вы просто неотразимы в нем. Оно очень подчеркивает вашу чудесную фигуру и цвет глаз, оно просто создано под ваши глаза. Вы — само очарование.

Отворилась дверь и вошла та самая пожилая женщина-проповедница.

— Дозвольте и мне взглянуть. Сын сказал, что вы тут наряжаете мою спасительницу, я не могла этого пропустить.

Она посмотрела на меня и на глазах ее выступили слезы.

— Ты прости меня, дитя, за глупые мои речи. Не ведала я, что обманывают нас в церкви, говоря гадости про Хранителей. Не могла я подумать, что остались еще среди вашего народа те, чьи сердца не ожесточены против людей. Моя внучка и невестка, молодцы, платье тебе очень идет. Позволь и мне тебя отблагодарить.

Она подошла ко мне.

— Негоже в таком платье и с такой прической, — она распустила тугой узел косичек у меня на голове, расплела все косички, расчесала волосы. — Мягкие у тебя волосы, но не послушные, говорят старцы, что по волосам характер можно увидеть. Вот и ты, видать, такая, как твои волосы. Мягкая, но упрямая. А волос у тебя красивый, как будешь это платье одевать, ты волосы-то не убирай, пусть они распущенными будут, уж очень ты хороша. А на память тебе, вот, заколка с камнями, ты когда капюшон-то свой сняла на площади я только глаза твои необыкновенные и запомнила, вот и заколку им под стать нашла, для тебя. Вот так одну прядку подколешь и все. Глаз от тебя не оторвать, дитя.

Старушка аккуратно закрепила прядь моих волос. И заплакала.

— Не надо плакать, бабушка. Спасибо вам на добром слове. Вы уж больше не рассказывайте, что разломы — это путь к Создателю, много людей погибнуть может, а я не могу спасти всех. Вы уж лучше говорите, чтоб береглись этих разломов, да обходили их дальними дорогами. А еще лучше, говорите, чтоб рассказывали вам, где разломы видели, мне проще их потом искать и закрывать будет. Вот и станете вы помогать Хранителям, информацию эту передавайте нашим людям, они будут заходить к вам, а потом и мне передадут. Вот и польза всем будет.

— Конечно, красавица. Все сделаю, как говоришь ты. Не верю я больше церковникам, а вот Хранителям — верю.

— Вот и замечательно, — я улыбаюсь. — Это бесподобное платье. Но это слишком дорогой подарок, я не могу такой принять.

— Что ты, что ты... — замахала на меня руками жена хозяина. — Не дорогой вовсе, за дела твои добрые, так совсем малый. Я сейчас метки сделаю, а то уж очень ты... стройная, ушить немного надо, тут и там... Ты завтра заходи, я его тебе отдам или могу на двор постоянный прислать, где остановились вы с друзьями.

— Я найду завтра, спасибо. Я никак не могла представить такой красоты, которую вы

мне подарили. И я еще обычной одежды у вас купила бы, походной, а то у меня своих вещей и нет, чем люди помогли в том и хожу.

— Соберу я тебе все, что найду на твою стройную фигурку. Завтра с платьем и заберешь.

Переодеваюсь в обычную одежду, прощаюсь с женщинами. Теперь я могу спокойно идти отдыхать. День окончен.

Рыдгар.

В полумраке тронного зала Рыдгар ожидал появления госпожи. Они оправдали ее ожидания, двое были доставлены в ее покои. Сейчас оттуда доносились предсмертные вопли второго из них. Первый был слишком слаб, перемещение между мирами лишило его рассудка, госпожа не стала с ним возиться и просто насытилась его энергией жизни. А вот второй... второго она использовала... как хотела, но его время было на исходе, теперь он тоже станет лишь пищей для продолжения ее существования. Рыдгар устал. Перенести двух человек в эти покои было очень сложным делом, жертвенный алтарь обагрили кровью десятков жертв, чтобы угодить ей, но они все сделали, чтобы она была довольна. Они все еще помнили ее прошлое могущество, из века в век, передавались тайные знания перемещения между мирами, чтобы они могли помогать своей богине, находящейся в изгнании, чтобы они могли продлевать ее жизнь и однажды... Она встанет во главе их победоносной армии, она поведет их в бой... Он знал все древние легенды о ней. Он верил, что она сможет уничтожить заклятие, запиравшее ее в этом замке и вернуться в своем прошлом облике в мир. Сейчас она лишь слабая женщина, но прежде она была красной драконицей. Тень от ее крыльев закрывала города. Она была могучей, беспощадной, она была прародительницей их клана. Она давала им первый огонь, она обучала их первых воинов и шаманов. Он был ее потомком. Чтить предков — таков закон орков. Они чтили ее и тогда, когда она была с ними в том мире и вела их на первые битвы с проклятыми эльфами, они остались верны ей, когда могучее заклятие древних отправило ее сюда, лишив возможности перевоплощаться. Она подсказала им способ перемещаться между мирами, чтобы поддерживать в ней жизнь и выполнять ее приказы. Однажды, она вернется, он надеялся, что именно он, Рыдгар, будет вести их воинов в битву, а великий красный дракон будет парить в облаках над их воинами, возвещая возвращение орков. Будут повержены все враги. Остроухие будут гореть в своих лесах, гномы перестанут вгрызаться в горные породы, уродуя величие природы своими кирками в вечном стремлении наживы, а люди.... Будут просто стерты с лица земли, вместе со всеми их городами и поселениями. Все должно принадлежать только оркам. Они древнейшая раса, они потомки драконов. Справедливость восторжествует. Эти сладкие мысли так захватили его, что он не заметил появления госпожи.

— Рыдгар!

Он встrepенулся и опустился на колени. Свежая энергия жизни так и кипела в госпоже. На щеках появился румянец, чего он никогда не видел прежде, от нее просто веяло силой.

— Рыдгар, каковы новости? О жертве, она интересуется меня в первую очередь.

— Она все еще жива, госпожа. Она путешествует в компании мага и гнома, закрывает ваши двери и уничтожает ваших слуг. Мы потеряли несколько десятков магов, Видящих и верных разбойников, которые поставляли красный обат Видящим. Жила сейчас недоступна. Мы ищем новую жилу, чтобы процесс не остановился. Но проклятые гномы, засевшие в горах, не сдаются. Нам приходится искать только там, где их нет.

— Жива значит. Это может означать только одно, древние передали ей свои знания. Как они это сделали? Было бы интересно узнать. Она мешает нам. Что еще нам известно о ней?

— Шпионы докладывают, что она обладает каким-то волшебным амулетом, никто не может к ней прикоснуться, его поражает удар молнии или охватывает приступ сильнейшей боли.

— Интересно... этот амулет... я хотела бы взглянуть на него.

— Это невозможно, госпожа. Никто не может коснуться его.

— Но она мешает нам. Ее надо... нейтрализовать...

— Она сильна, госпожа, и отважна. Она управляет энергией жизни.

— Управляет? Совсем плохо, — женщина подошла к орку очень близко. — Встань, Рыдгар.

Орк послушно поднялся с колен. Он был выше ее на голову. Она нежно провела ладонью по его клыкам.

— Рыдгар. Если она сохраняет равновесие — мы не можем ее убить. Значит, нам нужно сделать так, чтобы она сдалась, чтобы она не могла нам противостоять. Тогда, это перестанет быть проблемой и больше нам никто не сможет помешать. Вам нужно узнать, что держит ее в вашем мире, должно быть что-то ради чего она борется, что поддерживает в ней жизнь и дает власть над энергией жизни. Ведь, если разобраться, энергия смерти в ней, должна была уже ее уничтожить, но она еще жива, значит, есть какой-то внешний источник энергии жизни. Очень мощный, из которого она черпает эту энергию. Вы должны найти этот источник. Узнать все, чем дорожит она, и уничтожить это. Связь с вашим миром будет нарушена и она просто сойдет с ума. Или же мы должны сделать так, чтобы она поверила, будто все потеряно... Нам нужно взять ее в плен, запереть, пытаться, сделать так, чтобы она сама нам рассказала об источнике своей силы... Не убивать. Нарушение равновесия погубит и ваш и этот мир, вместе со всем, что в них находится. Пока она источник равновесия, убивать ее нельзя. А вот когда все будет сделано, когда она сдастся, тогда можно будет смотреть, как она умирает в муках сама. Ты понимаешь, Рыдгар, мы должны довести ее до отчаяния. Я не хочу рисковать вами, мои любимые дети, пусть все сделают имперцы, они мастера пыток, у них она долго не продержится. К тому же, один из моих опытов все-таки увенчался успехом, жаль что с их императором не сработало, но... с одним все получилось, так что я его туда и отправлю.

— Но, госпожа, ее амулет? Как им пытаться ее, если они не смогут к ней прикоснуться, как им наносить ей увечья, если она владеет энергией жизни и сможет восстанавливаться после любых травм?

Она положила руку на его широкую грудь.

— Не волнуйся, Рыдгар. Я все сделаю. У нее есть амулет, мы сделаем ему противовес. А с энергией жизни все просто... она не может использовать ее для исцеления себя самой. Если бы это было возможно... мне не удалось бы одержать верх над Зеленым драконом... Когда она потеряет связь с реальностью, тогда, Рыдгар, она будет полностью в нашей власти. Отдавай приказ, пусть ее берут. Когда амулет будет готов, я позову тебя, мой воин, — она приподнялась на цыпочки и поцеловала его.

Сион.

Мы выходили из города утром. Мы позволили отдохнуть себе три дня. За это время мы купили все необходимое, отправили послание Энель с одним из ее шпионов, рассказали о

достигнутых договоренностях и обозначили, что выдвигаемся назад в лагерь, но пойдём другой дорогой, чтобы по пути охватить как можно больший район и обезопасить людей и дороги.

Мы выдвигаемся назад. Это была такая волнующая мысль, скоро, всего две-три недели и мы вернёмся в лагерь, наконец-то я смогу поговорить с Каленом. Смогу все ему рассказать и успокоиться. Эта неопределенность — она так утомляет. А что будет, если он уже и думать обо мне забыл? Что если он рассмеется на мои слова, и скажет, что уже все давно решено и мои слова ничего не значат для него? Что тогда я буду делать? Я не знаю. Но, попробовать стоит. В любом случае, я хотя бы буду уверена, а то наше расставание как-то оставило некоторое недопонимание. Что я буду делать? Да то же самое что делаю сейчас, только уже не испытывая эту любовную муку. Может так даже лучше будет. Тогда зачем я рвусь туда? Мы расстались каждый сделал свой выбор... Зачем мне понадобилось это платье??? Ведь он сказал уже все... На что я вообще надеюсь? А может... Что же я делаю? Он последний Видящий, он должен исполнять свой долг, а не со мной в любовь играть. Я не должна ему мешать. Ладно, у меня еще есть некоторое время, чтобы все обдумать и решить.

На выходе из города к нам подходит темноволосая женщина в одежде мага.

— Хранители, — она делает реверанс. — Мое имя Мойра. Я возглавляю оставшихся в живых магов. Мы знаем о ваших намерениях говорить с нами, и приглашаем вас в нашу цитадель. Там мы сможем все обсудить. Мы укрепились в городе Сион. Это неделя пути отсюда. Будем рады вас приветствовать там. А сейчас, мне пора вернуться. Заклинание телепортации очень утомляет.

Она растворяется прямо в воздухе.

— Инариэль? У нас было намерение с ними говорить? — я смотрю на мага.

— Скорее всего, это Энель постаралась. Она считает, что с восставшими можно договориться о сотрудничестве, на приемлемых условиях.

— И что теперь нам делать? — встречает Барри.

— По-моему, не вежливо игнорировать приглашение. Мы должны отправляться в Сион на переговоры, — высказываюсь я.

— Согласен. Помощь магов, будет нам очень кстати. Возможно, если мы сможем договориться с ними, то потом сможем поговорить и с Видящими, если среди них еще остались не зараженные. И тогда, мы сможем сделать то, ради чего собирался совет земель, урегулировать конфликт. И у нас появится шанс объединить все силы, что разобраться с тем, кто стоит за разломами.

— Значит, отправляемся в Сион. Надеюсь, там постоянные дворы не хуже, чем местные, — заключил гном.

Отлично, у меня прибавилось время на раздумья.

Дорога как обычно, отнимает время, мы же не можем просто проехать, приходится отвлекаться на спасение близлежащих поселков, деревень и поселений где-то разбойники разгулялись, где-то мертвецам покоя нет (хотя мертвецов так и не увидели, несколько призраков на сельском кладбище заблудились), где-то звери дикие лютуют. Оказываем всем помощь посильную, мы же Хранители, от нас ждут именно этого. Вечерами у костра продолжаю тренироваться в метании ножей, Барри с удовольствием помогает мне с освоением «близнецов». Наши шуточные стычки уже начинают беспокоить Инариэля, так как все чаще мы возвращаемся оцарапанные и изрядно побитые, но мы не обращаем на него внимания, мы так форму поддерживаем. Я все еще не вижу своей энергии, а значит не могу

излечить себя энергией жизни, наверное, Кален точно так же меня не Видит. Меня как будто нет вовсе. Разломов в этой части страны почти нет, за неделю только об одном услышали, быстренько закрыли и забыли. Видящих на пути не встречаем, магов тоже нет, в основном люди живут обычной жизнью и даже не подозревают об опасности. Правда, все чаще слышим о имперцах. Говорят, что удерживать город магам помогают именно они. Инариэль рассказал мне об империи, дополняя рассказ Калена. Если коротко, то у них всем заправляют маги, все остальные это простолюдины. Никаких ограничений по ее применению, за счет чего их уровень магического мастерства значительно превышает наш. Маги имеют свои армии, в основном наемников, но не это важно, важно, что они отличные бойцы. Что им тут потребовалось — непонятно, у империи с нами договор, они не лезут к нам, мы не суемся к ним. А эти вот... нарушают — непорядок. Поговорив два дня пришли к выводу, что наши маги решили последовать примеру имперских и отвоевать себе те же права и свободы, для чего и пригласили своих визави. Ситуация усложняется. Если все действительно так, мы можем прямиком угодить в капкан. Но поворачивать назад нельзя. Как бы нас за трусов не приняли. Нужно идти до конца, пробовать пойти на контакт. Написали Энель, что задерживаемся, расписали ситуацию. Мне безумно хочется спросить что-нибудь про Калена, но письма пишет и отправляет Инариэль, я не могу себе этого позволить. Информация от Энель поступает обнадеживающая наш посол (откуда взялся?) уже налаживает связи с обоими дворцами и многими знатными родами, влияние нашего ордена растет, еще немного и станем едва ли ни основной силой в двух королевствах, на фоне разгневанных Видящих, исчезнувших Нейтралов и рассеянных по всем землям Ищущих, мы выйдем куда как более солидно. Ряды наши пополняются, приходят и Видящие и маги, не принявшие участие в восстании по тем или иным причинам (нужно будет по возвращении их проверить на отравление красным обатом). Уже начали искать более подходящее место (нужна цитадель, укрепленный замок) для стоянки ордена, в маленьком поселении среди гор, скоро просто не останется места даже для разведения походных костров. Прибывают все новые беженцы, их тоже приходится размещать. Наши воины уже обеспечивают безопасность проходящих караванов купеческих и беженцев. Завертелось колесо экономики. И все такое в этом духе. Из ее слов понимаем, что можем не торопиться, у них и без нас все нормально, а мы способствуем распространению наглядной информации о нашем ордене. Этаким передвижной цирк-шапито, ездим и увлекаем, о том, как мне все уже болит...никто не думает, как всегда...никому нет дела до моих проблем, бедная я несчастная... Из-за наших остановок для оказания помощи продвижение изрядно замедляется и вместо недели дорога до Сиона занимает почти две. Но вот и ворота города. Закрыты, на вышках наблюдатели, на нас направлены стрелы, болты и дротики, видны одежды магов на стенах города. Приступом мы втроем точно не возьмем эту крепость, хорошо, что у нас есть приглашение.

— Что вам путники? Город закрыт, никого не впускаем, — не самым дружелюбным голосом информирует нас невидимый за воротами стражник.

— Нас пригласила Мойра, для переговоров, — отвечаю я, нет смысла скрываться, здесь ждут именно нас.

— Хранители значит? Ну что же, вас велено впустить, уж больше недели вас ожидаем.

Створка ворот открывается, Инариэль шепчет, что сразу за створкой магический щит, для нас его тоже приоткрыли, иначе в город или из города никто не сможет пройти.

Интересно, они, что всех жителей держат тут и не выпускают?

— Заходите. Постоялый двор «Уставший путник» для вас там комнаты держат. В других можете не искать, все занято, гостей много, — доводит до нашего сведения стражник и рассказывает где искать именно этот постоялый двор.

Ворота закрываются у нас за спиной. Если это ловушка, то нам уже не выбраться без боя. На улицах полно солдат в неизвестной мне форме. Красивые рослые мужчины, все как на подбор широкоплечие, смуглые, не улыбкающие, коротко стриженные и вооружены до зубов. Начинаю чувствовать себя пленницей или скорее рабыней, каждый из этих солдат бросает на меня совершенно недвусмысленные взгляды, но не подходят, лишнего себе не позволяют. По дороге понимаем, что на каждую сотню солдат приходится несколько десятков магов, и мужчины, и женщины, ходят, высоко подняв головы, солдаты же при их приближении притихают и не смеют даже смотреть на них, сразу видно кто тут кого боится.

— Я одна чувствую себя мышью в мышеловке?

— Нет, Мирра. Но я чувствую себя агнцем, на пирушке у волков, — обнадеживает меня Барри.

— Инариэль, я так понимаю, что выбраться из этого чудесного города мы не сможем, пока нам не позволят выйти?

— Сложно сказать, возможно, я смогу сделать брешь в их магической защите, все-таки имперцы не так часто сталкиваются с эльфийской магией, чтобы принимать ее особенности в учет при построении заклинаний такого рода. Но это будет совсем не большой промежуток времени, нам нужно будет очень спешить, и остается вопрос что, делать со стражей. Так что, скорее всего, да. Мы в капкане. Если их намерения далеки от добрых... у нас большие неприятности.

— Ну, что же. Давайте расположимся и посмотрим, что и как.

Мы добрались до постоялого двора. Хозяин сам вышел нас встретить, распорядился, чтобы позаботились о наших лошадях, и повел показывать нам комнаты. Нам оставили три комнаты, все три были чистыми и светлыми.

— Если вам что-то потребуется, — бормотал хозяин, — вы только скажите, все будет. Оплаты не надо, за все уплачено, включая еду и выпивку, приказано вас угощать, как самых дорогих гостей.

Я с удовольствием снимаю одежду и смываю с себя дорожную пыль. За эти две недели, я все больше убеждаю себя, что не должна препятствовать или перечить воле Калена. Я должна поддержать его выбор. Решаю больше не думать о нем, просто путешествовать, исполняя свой долг. Острых ощущений в моей жизни и так хватает, не нужно искать еще больше, а любовь с Видящим — это острые ощущения через край. Решаю, что никогда не надену платье. На этом ставлю точку в размышлениях. Спускаясь вниз на ужин решаю проверить местную энергетику и понимаю, что ничего не вижу. Энергии нет никакой. Ни живой, ни мертвой. Города не существует, тут я не смогу никому помочь. Интересный поворот событий. Мои друзья уже за столом, кушают жаркое, присоединяюсь к ним.

— Инариэль, я хочу спросить у тебя. Как может быть, что в этом месте, я вообще не могу видеть энергии, нет ни энергии жизни, ни энергии смерти, я ничего не вижу и не чувствую.

— Быть может, их щит глушит твои способности? Хотя это очень странно, не думаю, что в империи многие знают о возможности управления энергиями. Скорее всего, это случайный побочный эффект.

— А твои способности, Инариэль? Ты можешь тут колдовать?

Он улыбается и дотрагивается до моей руки.

— Мои способности зависят только от меня, их нельзя заглушить, Мирра. Не волнуйся!

Стоп. Что-то не так. Что? Прислушиваюсь к ощущениям. Чего-то не хватает. Чего? Выпиваю кубок крепкого вина. Думаю, чего же мне не хватает. Чего-то незаметного, но чего-то к чему я уже на столько привыкла, что теперь не могу понять, что это... Инариэль болтает с Барри, я молчу и все еще не понимаю чего мне не хватает... Выпиваю еще кубок вина... Резко ставлю кубок на стол и хватаю сидящего рядом Инариэля за руку. Он удивленно смотрит на меня своими фиалковыми глазами.

— Мирра? Что такое? Ты побледнела. Не молчи же ты...

Я бессильно падаю на стул и начинаю истерично смеяться. Из глаз катятся слезы. Я поняла...

— Инариэль, я не знаю, что или кто это делает, но... мой амулет здесь не работает. Я не чувствую боли, когда дотрагиваюсь до тебя, здесь я... вполне обычный человек...

Я смотрю на кулон у себя на груди. Никакого голубого свечения, даже отблеска, простая безделушка.

— Этого не может быть! Ведь это значит... что твой... — Инариэль обрывает себя на полуслове и шепчет что-то про себя. — Мирра, это не для нас ловушка, это ловушка для тебя! Нам надо немедленно отсюда убираться. Ты в опасности. Тот, кто это сделал, знает о твоих способностях, о всех твоих способностях, ты понимаешь? Немедленно идем искать выход из этой западни!

Он не шутит. Он встревожен. Встаем из-за стола и идем обзрывать город, а точнее искать выход из него. Предпочитаем держаться поближе к стенам, но натываемся на усиленные патрули, они нас не трогают, не мешают, но до самого вечера мы так и не смогли найти место, где бы нас никто не видел, и мы могли вырваться. Да и стены здесь в три человеческих роста в самом низком месте и гладкие что даже зацепиться не за что. Когда уже совсем стемнело, вернулись в таверну. Наспех перекусили и договорились утром продолжить осмотр. Но ни на следующий день, ни через три дня мы так и не смогли найти путь к отступлению. Нас никто не тревожил, Мойра не появлялась.

— Это просто идеальная ловушка. Тот, кому ты нужна, Мирра, очень могущественный. Ты посмотри, сколько народу собралось в одном месте, лишь для того, чтобы не дать тебе уйти, — пытался подбодрить меня Барри. — Осознает, что ты важная птица.

— Это не смешно, Барри. — обрывает его Инариэль — Прошло четыре дня, а мы все еще ничего не придумали. Я опасаясь, что в любой момент они могут перестать быть такими доброжелательными и тогда... нам всем придется туго.

Я молчу. Я понимаю, что нахожусь в огромной опасности, если Инариэль прав, но почему-то меня совершенно не заботит моя собственная судьба. Мне страшно за них. Они в опасности из-за меня. Хуже не придумаешь. Мысли о Калене уже не согревают, уже даже не причиняют боль, я запретила себе думать, о том, что могло бы быть. Все так, как есть я не в силах ни на что повлиять. А сейчас в опасности мои друзья, моя семья. Сидим до темноты, Инариэль провожает меня до комнаты, боится за меня. Захожу в комнату и жду, пока за ним закроется дверь его комнаты. Тихонько выскользываю на улицу. Я должна поговорить с Мойрой, должна выторговать свободу для своих друзей, я должна спасти их, этому неведомому врагу нужна я, нужно сделать так, чтобы они не пострадали. Долго хожу по улицам, горожан мы почти не встречали за все время только маги и солдаты. Рядом со мной

появляется тень.

— В церковь иди. Там поговорим.

И тень исчезает.

Вот это приглашение. Но хуже мне уже не будет, так что направляюсь к церкви. В ней никого нет, горят несколько свечей у статуи Создателя. Ну вот, я пришла. Что дальше?

Из темного угла выходит молодой мужчина.

— Ты или безнадежно глупа или бессовестно отважна!

Рассматриваю собеседника. Сразу понимаю, что он — имперец. Не воин — это точно, черный волосы аккуратно уложенными волнами лежат на плечах, темные искрящиеся умом глаза внимательно всматриваются в мое лицо, ухоженная борода аккуратно подчеркивает аристократическое лицо.

— Итак, ты глупа или отважна?

— Тебе-то что?

Он смеется.

— Скорее отважна. Меня зовут Дарк. Я хотел предупредить тебя об опасности, но опоздал. Пока я нашел способ выбраться из-под этого колпака, вы уже вошли в город.

— Ты можешь отсюда уходить?

— Да, могу. Только вот, вывести тебя я не смогу, за тобой такая слежка, что стоит им потерять тебя на несколько минут из виду, они поднимут тревогу и тогда уже не спасется никто, ни твои друзья, ни горожане. У меня немного времени. Скоро они придут сюда.

— Мне не нужно чтобы ты спасал меня, Дарк, выведи моих друзей. Это все, о чем я прошу.

Он смотрит на меня внимательно, одобрительно кивает головой.

— О тебе говорят правду. Ты понимаешь, что ждет тебя? Когда придет лорд Каст, тебя из уютной комнаты бросят в темницу и скорее всего, будут пытаться. Долго, очень долго. У него лучший мастер пыток.

— Мне все равно. Спаси их.

— Отважная маленькая надежда мира, готова умереть ради гнома и эльфа. Жаль, что я не успел узнать тебя лучше. Через два дня, пусть придут сюда. В это же время. Я выведу их. Прощай.

Дарк исчезает в темноте и в ту же минуту открывается дверь и входит отряд солдат, он был прав, они искали меня.

Через два дня. Значит, у меня еще есть немного времени, чтобы провести его с друзьями. Возвращаюсь в свою комнату, ложусь спать, пока засыпаю, приходит мысль, что это мои последние дни и я... хочу, чтобы у моих друзей осталось добрая память обо мне. Хватит искать выход, его нет для меня, а для них я уже все сделала. Эти последние два дня я хочу смеяться, выпивать и радоваться жизни. Пусть будет так.

Прямо с утра, говорю друзьям, что я не хочу сегодня ничего делать, что я хочу просто насладиться бесплатной едой и выпивкой и провести время с ними. Уже к обеду мы сильно пьяны. Шумим, веселимся, Барри рассказывает истории, мы с Инариэлем хохочем, держась за животы. Вечером играем в карты, и выпиваем. Когда время уже было за полночь, Барри пошел спать, его храп был слышен даже в общем зале. Я понимаю, что уже следующим вечером, они будут свободны, они будут в безопасности и мне становится очень легко на душе.

— Инариэль, пойдём-ка прогуляемся, а то у меня совсем туман в голове.

Мы идем по ночному городу к кромке воды. Здесь тоже есть море и оно так же прекрасно, как и тогда на закате. Снимаю сапоги, у меня осталось так мало времени, потому я уже не смогу пройтись босиком по воде. Инариэль смотрит на меня с улыбкой.

— Мирра, ты совсем пьяна?

— Нет, со мной все в порядке, просто подумалось... когда еще я смогу вот так пройтись по воде, или провести целый день с друзьями, дурачась и пьянствуя.

Жаль, что тут нет Калена, я бы все-таки хотела провести последний день с ним. А хотела бы? Ведь будь он тут я бы с ума сошла. Жаль, только, что за всю мою жизнь у меня был только один поцелуй... Поворачиваюсь к Инариэлю, но ведь это поправимо, вот, рядом со мной стоит влюбленный в меня мужчина... Почему бы не подарить ему такие воспоминания? Мне это уже ничего не стоит, скорее всего, я умру уже очень скоро, а он... будет помнить... Я буду жить в его памяти... Лунный диск освещает морскую гладь. Самое время и место...

Я беру его за руку, мы идем молча по кромке воды. Как бы решиться... Вдруг он останавливается и поворачивает меня к себе лицом. Он хочет что-то спросить, но не успевает... Я обвиваю его шею руками и целую. У него совсем другие губы, не такие, как у Калена. Его губы холодные и рука, что обнимает меня за талию, тоже холодная, но такая нежная. Кален сильнее прижимал меня к себе, казалось, что сейчас задушит, а он просто привлекает, нежно аккуратно, словно боясь спугнуть. И не сводит с меня своих удивительных фиалковых глаз. Да именно это я буду вспоминать, когда меня будут пытаться, вспоминать эти два поцелуя, сравнивать этих двух таких разных мужчин, вспоминать о них. Интересно, чьи глаза я увижу перед тем, как мои закроются навек? А может быть не стоит останавливаться на поцелуе? Я же знаю, что у меня впереди только темная камера и пытки... Отпускаю его шею, он все еще обнимает меня за талию, моя рука находит завязку на его тунике и торопливо тянет за один из ее концов, другой рукой я притягиваю его к себе, удерживая за плечо. Его рука начинает ласкать мою спину, другой рукой он тянется завязки на тунике, расстегивает ее, обнажая шею. В один момент он отрывается от моих губ и его прохладные нежные губы касаются моей шеи, он проводит языком, медленно отодвигая мешающую поцелую ткань, он целует мои ключицы, прикасается к ямочке на шее. Он ничего не говорит, он не Кален, он не станет меня отталкивать. Наслаждаюсь его ласками, но понимаю, что я хочу, не только принимать его ласки, я хочу сама его ласкать. Пальцы уже не слушаются меня, не могу возиться с его пуговицами... надоело, повелительным жестом отстраняю его от себя и, схватив его, стаскиваю тунику, обнажая его тело. Мои губы жадно припадают к его шее, руки нежно гладят его грудь, он замирает, на несколько секунд позволяя взять мне инициативу в свои руки. Но когда мои руки касаются его брюк, он останавливает меня.

— Мирра, — дыхание сбивается, он чуть шепчет, я продолжаю ласкать его. — Мирра, мы на берегу моря, это не лучшее место. Давай вернемся в таверну.

Нежные фиалковые глаза смотрят на меня с мольбой.

— Ты хочешь меня остановить? — спрашиваю я, зная ответ.

— О, Боги, Мирра, конечно нет. Я не хочу останавливать тебя, и сам я не хочу останавливаться.

В подтверждение своим словам он срывает тунику с меня и припадает губами к моей груди.

— Пожалуйста, Мирра, давай вернемся, — шепчет он, не отрывая губ от моего тела. —

Сейчас...

Он отстраняется, протягивает мне зажатую в руке скомканную ткань. Я одеваюсь, он тоже. По дороге назад, он обнимает меня за талию, не желая отпускать, боясь, что я убегу, что я передумаю? Нет, Инариэль, я не передумаю. Для меня это последний шанс. Конечно, я была бы совершенно счастлива, если бы сейчас меня держал в объятиях Кален, но выбирать мне не приходится, он сделал выбор за нас обоих. Я скоро умру, никто из вас не будет меня ревновать, вы больше не будете соперниками, вы даже останетесь друзьями и, возможно, будете вместе мстить моим убийцам. У каждого останутся его воспоминания, но у тебя будет чуть больше. У входа в таверну он просто берет меня за руку. Мы очень быстро проходим общий зал и поднимаемся в мою комнату. Дверь за нами закрывается. Инариэль быстрым движением снимает с себя и с меня туники, поднимает на руки и несет на кровать. Нежно уложив меня, он продолжает ласки, словно и не останавливался. Его губы касаются меня с такой нежностью с таким умением, одна его рука лежит у меня под головой, другая придерживает меня за бедро, лаская его, он пока не решается пойти дальше, а я уже не могу ждать. Мои бедра двигаются навстречу его телу, навстречу новым ласкам его руки. Мои руки не слушают меня, я хочу найти завязки на его брюках, но у меня ничего не выходит, я начинаю захлебываться своим стоном, пытаюсь вырваться из его нежной хватки, заставить его действовать дальше. Он смотрит мне в глаза, развязывая мои штаны, но останавливается, когда его рука дотрагивается моего лона, я не могу сдержаться, и шепчу имя... и, с ужасом понимаю, что с моих губ только что слетело не то имя...

— Кален...

Инариэль глубоко вздыхает и встает с постели.

— Нет, Инариэль, я....

— Не надо, Мирра, — я услышал слишком много. Я не хочу просто заменять его. Ты не обо мне сейчас думала, не со мной ты сейчас лежала на постели. Я не хочу так. Когда ты сможешь его забыть, Мирра, я буду рядом. Я всегда буду рядом, и я буду ждать. Я хочу остаться с тобой сейчас, я хочу быть с тобой каждый день и каждую ночь. Но не так. Я понимаю, нужно еще время. Я не хочу тебя торопить.

Он наклоняется, подбирая свою одежду. Потом наклоняется и целует меня в лоб, нежно приглаживая разметавшиеся по постели волосы.

— Я буду ждать, — тихо говорит он, закрывая за собой дверь.

Я хочу крикнуть ему, что он не дождетя, что совсем скоро мое тело будет изуродовано палачом, и я умру, истекая кровью, но кусаю край одеяла и заставляю себя молчать, лишь по щекам бегут слезы. Я должна их спасти, знание того что ждет меня, не поможет им. Кален... Кален... как же так? Я думала, что все уже решила, что я все уже забыла... и вот на тебе... Утыкаюсь лицом в подушку и рыдаю. Я не хочу умирать, я... я... хочу жить!!! Я хочу любить, я хочу чтобы любили меня... я...

Оплакав свою судьбу, я засыпаю, и перед сном, я снова вижу заснеженную поляну и голубые яркие глаза, пылающие страстью, и чувствую ненасытный поцелуй горячих губ.

До обеда я не выходила из своей комнаты, я не знала, как смотреть в глаза Инариэлю. Но я должна привести их в церковь на закате. Сегодня — последний день. Когда я все-таки спускаюсь, Инариэль, ведет себя как обычно, даже виду не подает, что ночью что-то случилось. Он так же улыбается и так же ласково смотрит на меня, в его фиалковых глазах нет даже капли гнева или недовольства. Все как обычно. Барри что-то рассказывает.

— Доброе утро, соня! — улыбается Инариэль.

— И тебе тоже, ты прости, за вчерашнее... — я не хочу вдаваться в подробности, но извиниться надо.

— За что? — эльф удивленно поднимает брови. — Мирра, ты за что прощения просишь-то?

— Ну, за... прогулку у воды и там...

— Прогулку? — Инариэль смеется. — Мирра, о чем ты? Ты вчера явно перебрала с вином. Какая прогулка? Ты вчера уснула прямо здесь за столом, я отнес тебя в комнату и уложил спать, мы не выходили из таверны. Тебе что-то приснилось. Приятно, конечно, что я был в твоём сне, но, раз ты просишь прощения, наверное, сон был не из лучших.

Сон, мне все приснилось... Не было никакой прогулки, не было никаких ласк, ничего не было. Мое подсознание лишь еще раз мне напомнило о Видящем, намекнуло, что все мои решения — не стоят ломаного гроша, что чувства сильнее моей воли.

Хорошо, что это мне лишь приснилось.

Как же я не хочу чтобы заканчивался этот день, пусть он будет чуть-чуть длиннее чем обычно. Но злой рок, гонит время вперед, мне кажется, что назло мне, оно не просто идет, оно бежит, летит. Вот уже закат.

— Пойдемте, прогуляемся, — говорю я. — Я видела тут церквушку, мы там еще не были, давайте осмотрим?

— Отличная идея — прогулка перед сном. — Барри легко подскакивает со стула.

«Для меня, Барри, — это прогулка перед вечным сном, но вы будете спасены».

Идем, болтаем. Солнце уже садится, время пришло. Заходим в церквушку, как только за нами закрывается дверь, от стены отделяется тень.

— Ты вовремя, Хранительница. Это хорошо. Времени мало.

Дарк берет за руки Инариэля и Барри. Их окутывает зеленое сияние магии.

— Что здесь происходит? — возмущается Барри, хватаясь за арбалет.

— Мирра??! Не надо, — Инариэль все понял сразу, он протягивает ко мне руку, в фиалковых глазах застывает мольба.

— Прости меня, Инариэль! Я не могла по-другому. Прощайте, друзья.

Они исчезают в зеленом сиянии. Я даже не знаю, слышали ли они меня. Но разве это важно? Важно, что теперь они в безопасности. Хочется упасть. Но вместо этого я улыбаюсь. Я винула Калена, в том, что он выбрал долг... А ведь сама я сделала то же самое, я сделала то, что была должна сделать, вопреки желанию моих друзей. Как мы с тобой похожи, мой любимый... как жаль, что ты так никогда и не увидишь меня в том платье.

— Отличная сценка, — раздаётся низкий голос у меня за спиной. — Ты их все-таки спасла...

Я хочу повернуться, чтобы встретить свою судьбу лицом к лицу, но не успеваю... Острая боль пронзает висок. И без того мрачные очертания церквушки, меркнут окончательно. Меня окутывает тьма.

Лагерь.

Стук в дверь разбудил Кару среди ночи.

— Что надо?

— Командор кричит, Ищущая, ему совсем худо. С мечом кидается на всех, кто пытается войти.

— Сейчас приду.

Кара сбрасывает одеяло и быстро натягивает штаны. Уже на ходу запахивая меховую

накидку, перед выходом она захватывает меч, вдруг пригодится, и спешит на шум. Возле домика, в котором поселили командора после прибытия очередных беженцев, стоит человек десять. Внутри буянит Кален. Боль с каждым днем становится сильнее, он уже не может себя контролировать. Особенно ночью, когда тело привыкло получать облегчение от очередной дозы обата. Сейчас он опасен даже для себя, не говоря уже о случайных встречных. Пока ей удавалось его успокаивать, боль снимали целебными настойками, но с каждым днем их действие уменьшается. Сколько же он уже мучается три-четыре недели? А сколько он еще продержится? Он не может есть, не может заниматься тренировками солдат, часто он не может даже открыть глаза. Пока никаких серьезных дел нет, она или Вейт вполне могут его заменить, но вот если придется сражаться, солдаты предпочтут видеть в строю своего командора, а не ее, не Вейта. Что тогда делать? Как же это все выматывает.

— Разойтись, — командует Кара зевакам.

Не нужны свидетели. Для солдат он должен оставаться все тем же стальным человеком, каким они всегда его видели. Она подходит к двери.

— Кален, это я, Кара, я вхожу, попытайся меня не убить!

В ответ только звериный рык. Она открывает дверь. При слабом свете свечи она видит Калена, он стоит посреди комнаты. В руках его меч, не его двуручный, а обычная легкая сабля. Он смотрит на Кару совершенно безумными глазами.

— Кара, я больше не могу. Легче умереть, чем терпеть эту боль, Кара. Умоляю, верни мне обат. — он не говорит, он кричит, видимо пытаясь, перекричать свою боль.

Она медленно подходит к нему, стараясь не попасть в зону поражения меча.

— Кален, будь хорошим мальчиком, отдай мне саблю. И мы поговорим, я обещаю.

— Нет, Кара ты опять меня обманешь, как в прошлый раз!

— Я не обманывала тебя, Кален, мы же поговорили тогда.

— Кара, эта боль... ты не можешь понять... меня рвут на куски тысячами крюков, нет такого места на моем теле, которое бы сейчас не рвали... Ты понимаешь? Меня одновременно поливают огнем из горнила и замораживают снежным вихрем... Нет, Кара, ты не можешь этого понять...

Воспользовавшись моментом, Кара быстрым выпадом своего меча обезоружила командора.

— Все, Кален, успокойся. Давай-ка присядем.

Она усадила его на кровать. Села рядом. Взяла его за руку.

— А теперь, дорогой, расскажи мне все. Поделись. Тебе станет легче, милый.

— Кара... — он не может сидеть, не может говорить, он срывается на крик. — Я слышу их всех, всех, Кара, всех до единого... Каждого моего собрата, которого убивали на моих глазах, тогда в круге, когда весь круг захватили одержимые и маги крови, тогда я остался единственным выжившим, из тех, кто попытался помочь им, помочь им справиться. Ты знаешь, Кара, я помню каждое прикосновение к той решетке, за которую я хватался, когда они кричали. Кара, я помню их всех, их имена, их болтовню в столовой за обедом, я помню каждый момент, каждого дня, я помню все, Кара. Обат... это зелье помогает забывать, Кара, помогает... забыть... все... это... не вспоминать...

— Кален, мы знали, что будет сложно. И ты сам принимал решение. Кален, это должно скоро пройти.

— Кара... Карррра, ты не слышишь меня... я вижу их. Каждого из них, всех кто погибал рядом со мной, всех кого я убивал, всех, Карра... я помню каждый взмах моего меча,

который лишал кого-то жизни или наносил увечья, я помню все их предсмертные вопли и проклятия... Кара, когда я соглашался на это я не мог себе представить, сколько всего мне помогает не помнить это зелье. Я не мог себе этого представить, Кара. И еще мне холодно... такое ощущение, что меня морозят изнутри, даже когда я обливаюсь потом, Кара, я мерзну... Я не могу больше этого терпеть...

Она гладит его по руке, усаживает опять рядом с собой.

— Кален, вспомни, ради чего ты пошел на это. Вспомни ее. Вспоминай о ней каждый раз, когда тебе становится хуже, думай о ней постоянно, представляй, как вы будете счастливы вместе, — слова застревают у нее в глотке, она не может уговаривать его вспоминать о другой.

— Кара, она далеко, я даже не знаю... примет ли она мою жертву, будет ли этого достаточно. Энель ничего мне не говорит, ни о том где они, что они делают... Да и вообще, к демонам все, если бы я был нужен ей, разве она ушла бы вот так? Кара, скажи мне... ты бы ушла?

— Я? Кален, я... Я всегда буду рядом с тобой, я буду поддерживать тебя, ты всегда можешь рассчитывать на меня...

— Не заговаривай мне зубы, Кара. Я знаю, давно знаю, что ты любишь меня!! Я всегда это знал, Кара. И я всегда боялся причинить тебе боль, я и так много кому причинял боль, я не хотел, чтобы ты тоже страдала... Но ты все равно страдала, только не потому, что я ответил на твои чувства, а потому, что не отвечал... Я всегда оставался глух к твоим... чувствам и от этого ты страдала. Так скажи мне, Кара, ты, которая любит меня... ты бы ушла, если бы я просил тебя об этом?

— Ты просил меня, Кален. Ни один раз, быть может не такими словами, как ее, но ты просил... Я не могла уйти... я не могла... оставить тебя... я не могла забыть тебя... Но зачем ты говоришь об этом?

— Потому что ты меня любишь, Кара, а она... я сомневаюсь... ты... на тебя я всегда могу положиться... а ее... ее я почти не знаю...она... она словно тень... она есть и ее нет... я не могу сказать что реально, что вымысел... что было, а что я сам домыслил... с ней все так сложно, Кара. Совсем не так... как с тобой... С тобой... просто, понятно... И, Кара, ты здесь, сейчас со мной... а ее нет, я даже не знаю когда она вернется, и когда вернется... будет ли у меня шанс... Я терплю всю эту боль ради неизвестности... Я так больше не могу...

Кален протягивает руку и берет ее за локоть.

— Кален..

— Кара, я... очень замерз...

Она тянется за одеялом и укутывает его плечи. Он перехватывает ее руку и целует ее.

— Кара, я... мне кажется, что я не ради того человека решил все это бросить. Быть может человек, ради которого это все стоило сделать, сейчас... здесь, рядом...

— Кален, тебе очень плохо. Ты бредишь.

— Нет, Кара, я бредил несколько недель назад, когда решил, что мимолетный поцелуй, может стоить этих страданий! Нет, Кара, не может. Этого можешь стоить только ты...

Он притягивает ее к себе и крепко прижимается губами к губам. Кара чувствует жар, исходящий от его тела, чувствует, как сильные руки Калена разрывают на ней одежду. Она хотела что-то сделать, изменить, но потом решила, что не стоит суетиться, пусть все идет, как идет. Ему сейчас одиноко, ему нужен друг, ему нужна поддержка, а еще ему нужно

тепло... тепло ее тела... Она долго ждала этого... с того самого момента как он позвал ее сюда, она надеялась, что позвал он ее именно для этого. Так что она должна как последняя дура, рассказывать ему про другую? Или она может воспользоваться этим моментом и получить, то чего жаждет больше всего? Пусть все остальное будет потом, сейчас есть только его руки, ласкающие ее уже обнаженное тело, есть его тело, жаждущее слиться с ней, есть только они... вдвоем... Больше никого не существует. Резким движением она уложила его на лопатки. Да, она ждала этого и сейчас она будет его согревать, так как умеет только она, до самого утра, пока они оба не упадут потные и обессиленные...

Кара открыла глаза. Сон окончился. Она так хотела, чтобы все было именно так. Когда Кален сказал, что собирается перестать употреблять обат, она начала видеть этот сон. Нет, она не хотела, чтобы он страдал, но знала, что так будет, она уже несколько раз видела последствия такого решения, она знала, что его ждет. Но она ошиблась в нем. В нем не изменилось ничего... Ни единый мускул ни разу не дрогнул на его лице, ни одного стога не услышали от него, ни одного крика. Если бы она не знала, что он перестал пить обат, она бы в жизни не догадалась. Он продолжал вести тренировки, продолжал по вечерам сидеть с новобранцами у костров, слушая их истории. Лишь очень редко она могла заметить, как сжимает он зубы, до хруста, как белеют суставы на руках, с силой сжимая рукоять меча, как впиваются ногти в ладони, оставляя кровавые следы — только по этим признакам она могла понять, что он испытывает боль. И только темные круги под его глазами по утрам, говорили о бессонной ночи. С каждым днем боль его должна была усиливаться, прошло уже пять или шесть недель, значит, боли будут продолжаться еще столько же, к концу этого срока, ему должно стать легче, самыми сложными будут последние две недели. Потом, как говорилось в кодексах Ищущих, яд окончательно покидает тело Видящего, он теряет свои способности, но воспоминания, остаются. Они обречены до конца своих дней слышать во сне крики убитых ими магов и помнить каждый свой день, каждый свой шаг, что становится непосильной ношей для всех и сводит их с ума.

Чудесный сон... Как было бы здорово хоть раз проснуться в его объятьях, но этого ни разу так и не случилось. Он не давал ей надежды тогда и не дает сейчас. Строго дружеские отношения и она была уверена, что случись ему звать кого-то на помощь, он выбрал бы Энель, а не ее, боясь, давать ей пустые надежды. Чем она его так зацепила, эта девчонка? Ведь ничего же в ней нет такого... Просто потерянный ребенок с яркими глазами и бледной кожей. эхе-хей...

Где-то далеко пропела труба, призывая на обучение новобранцев. Нужно отправляться.

Она встала, быстро оделась и вышла на морозный воздух. Когда она подходила к командному пункту, Кален и Энель уже были там, а еще там стояла их посол Жасмина. Кара не могла понять какое удовольствие Жасмина получает от приема бесконечной череды гостей, просителей и прочих знатных и не очень посетителей, но Жасмина легко справлялась со своей работой и ее помощь была неоценима.

— Всем доброго утра, — буркнула Кара. — Какие у нас планы на сегодня?

— Кара, присоединяйся, — не поднимая на нее глаз, сказал Кален.

Он стоял, опираясь на стол руками рассматривал карту королевства.

— У Энель дурные вести.

Кара вопросительно посмотрела на подругу.

— Вороны, Кара. Я послала Инариэлю двух ворон с разницей в неделю, оба они вернулись, не доставив послания. Мои вороны всегда находят адресата, если тот жив, —

Энель запнулась и посмотрела на Калена, но тот даже не оторвался от рассматривания карты. — Когда вернулся первый я отправила второго, но он тоже вернулся. Мои разведчики докладывают лишь о том, о чем мы и так знаем, наша троица отправилась в Сион для разговора с мятежными магами. Их след удалось проследить до ближайшего к городу поселения, там они заночевали, около десяти дней назад. Мой ворон должен был их нагнать через день, но... он вернулся. О самом городе ходят беспокойные разговоры, в город никого не впускают и никого из него не выпускают. Об этом я и предупреждала наших друзей, но ворон, наверное, опоздал. Если они вошли в город, было бы понятнее, если бы вороны вообще не вернулись, можно было подумать, что их просто убили на подлете, но они возвращаются. Я не знаю, что и думать.

— Нам нужно выдвигаться туда, — спокойно сказал Кален. — Если их держат в городе силой, придется идти на штурм, мы должны показать всем и каждому, что весь орден готов выступить единым фронтом за каждого его члена. Нам нужно вернуть Мирру.

От стен палатки отделилась тень, и мужской голос произнес.

— Она не вернется. По крайней мере, сама точно не вернется.

Все находящиеся в командной палатке схватились за оружие.

— Эй, друзья, тише, — смуглый мужчина поднял руки, показывая, что он безоружен. — Я, могу уйти, если мне здесь не рады, но, боюсь, в этом случае у вас будет серьезная нехватка информации...

— Ты кто? Что ты знаешь? Как ты здесь оказался? — засыпала его вопросами Энель.

— Сколько вопросов, ясноглазая. Так с чего вы желаете, чтобы я начал? Мне рассказать вам все о себе или рассказать последние вести о вашей маленькой всеобщей надежде?

Энель собиралась что-то сказать, но Кален остановил ее повелительным жестом.

— Говори, что с Миррой. Почему ты сказал, что она не вернется?

— Мирра, — незнакомец будто пробовал имя на вкус. — Я ведь так и не спросил ее имя. Слишком мало у нас было времени, не успел.

Кален не сводил с него глаз, он смотрел взглядом Видящего, чтобы сразу увидеть ложь, но ничего не видел, перед ними был не человек, а лишь его образ, магическая проекция.

— Перестань меня сверлить взглядом, воин. Я не стану вам лгать. Они попали в ловушку, ваша Мирра и двое ее друзей. Ловушка была создана специально для нее. Гном и эльф были приятным бонусом для устроителя, с их помощью, точнее убивая их у нее на глазах, устроители хотели узнать у нее что-то. Что я не знаю. Встретившись с ней, я сказал, что могу помочь ее друзьям выбраться, она не раздумывая согласилась. Я предупредил, что ждет ее в таком случае, ведь если они не смогут пытать ее друзей, значит, они будут пытать ее...

Кален застонал, сжимая край стола, постепенно его стон боли переходил в яростный рык...

— Тише, друг, стол точно не виноват, — успокоительно проговорил незнакомец. — А если ты хочешь на меня броситься и убить, за то, что я позволил ей остаться, так очередь займи: эльф был первым, а за ним гном, так что ты третьим будешь. После того, как я их вытащил, первым делом гном наставил на меня арбалет, а эльф сверкая глазищами, потребовал вернуть его назад, но было уже поздно, когда мы уходили, они были уже там, мы бы уже не смогли ей помочь. Я многое слышал об их троице, я знал, что решения принимает она, поэтому и разговаривал с ней. У нее был выбор, я ей как мог, объяснил все, не уверен, что она поняла меня верно, но суть того, что если они останутся их убьют первыми — она

уловила точно и приняла решение. Отважная девочка должен я заметить. Надо отдать должное ее спутникам, после первой вспышки гнева, они поняли, что помочь ей своими силами не смогут и вот я здесь, ну... не сам конечно, мы с эльфом и гномом, сейчас в паре дней пути от Сиона, на самом деле. Они сказали мне, что я должен с вами поговорить и все объяснить... Ну, эльф требовал немедленного выдвижения всех сил, чтобы спасти девочку, но мое мнение, если вам интересно, приступом город вам не взять. А вот маленькую группу, пару человек, я смогу переместить в город, а там уже дело техники. Будет, конечно непросто, но там остался верный мне человек, он сможет помочь, по крайней мере, найти ее в казематах, основная сила внутри города, сосредоточена на стенах, в замке, только стража, несколько магов, скорее всего тоже будут там, но это будет проще, чем переть напролом. Только эльфу не говорите, он жаждет крови и чем больше — тем лучше.

— В чьих руках город?

— Имперцы. Там собраны почти все наши силы, способные атаковать или защищаться: маги и наемники. Ваши маги также полностью в их власти и будут подчиняться любому приказу. Зная наших воинов и магов, а я думаю, вы их знаете, удар в лоб — дорого встанет. Итак, мое предложение, вы тут быстренько решаете, кто отправится на выручку девчонки, это должен быть хороший воин, с магами я управлюсь, а вот с нашими наемниками, придется справляться ему. Ну, и я так понимаю, что от эльфа мне не удастся отмахаться, оно и к лучшему, он вроде как целитель, а ей это будет необходимо, если еще будет, кого исцелять...

Он подошел к столу и быстрым движением отметил на карте точку.

— Мы стоим лагерем здесь. Чем быстрее ваш человек появится в этой точке, тем больше шансов, что она еще будет жива. От вас это три недели бешеной скачки, если не загонять лошадей, то четыре. Я очень надеюсь, что она столько продержится, но из империи вызвали лучшего мастера пыток... умереть он ей не даст, но вот кем она будет после его... рук... мне сложно вам сказать... он..

— Хватит, — рявкнул Кален. — Я не хочу больше ничего слышать. Я выдвигаюсь немедленно. Буду через три недели максимум.

— О! Какая страсть, — незнакомец с интересом наблюдал за лицом Калена, не скрывая ухмылки. — Да, у вас с эльфом, похоже, одна беда на двоих. Как будет угодно, мы-то не спешим никуда, мы будем вас ждать. Мое имя Дарк. Если эльф меня не убьет к вашему приезду, буду рад личному знакомству.

Дарк испарился, словно и не было его никогда.

— Кален, это не разумно. Ты не можешь отправляться сам, — запротестовала Кара. — Ты все еще...

— Нет, Кара. Я в порядке. Пока меня не будет, ты принимаешь на себя командование основными силами. С этим ты справишься легко, а я должен быть там, как можно быстрее.

— Кален!!!

— Энель, не надо. Я принял решение.

— Кален, в тебе говорит совсем не рассудок, ты же понимаешь, ты нужен нам здесь.

— Энель, без нее, мы все равно ничего не сможем сделать, ни я, никто другой уже... Все будет бессмысленно. Вы знаете, что... Я не собираюсь пояснять свои действия, там нужен опытный воин, более опытного чем, я... в наших рядах нет, не в обиду тебе Кара, но там будут маги, с этим я справлюсь лучше...

— Кален, ты уже не Видящий, — напомнила Энель.

— Это не так, я все еще могу использовать свои способности, я не знаю почему, но... Ничего не изменилось, кроме... некоторого... неудобства... связанного с отказом от обата... Я могу все то, что мог, принимая его... Да и наездник я лучше, чем Кара, нам надо спешить. Вы представляете, что может сделать палач с человеком за три недели, а с таким, как она? Дорога каждая минута. Не спорьте со мной... Решение принято

Он вышел из палатки и, позвав конюха, приказал готовить двух лучших лошадей.

— Я не очень поняла, что сейчас произошло, видимо я чего-то не знаю... Вы не находите, что я как ваш посол, должна быть в курсе всех происходящих событий?

— Как бы это коротко тебе пояснить... — задумалась Кара.

— Все просто, Жас, наш Кален влюблен в Мирру, это из-за нее он готов на любые риски, поэтому я понимаю, что он просто не может усидеть на месте, когда она в опасности, тем более, что там Инариэль. Он не может допустить, чтобы ее спас эльф... Они... скажем так, соперничают из-за нее.

— Влюблен? Соперничает с эльфом? Энель, что за странная компания у тебя?

Энель смеется.

— Какая уж есть, Жас. Это ты еще не все знаешь... Все гораздо сложнее, чем ты можешь себе представить...

— Ладно, спишем на то, что я человек новый. Но я так понимаю, что мне не стоит распространяться по поводу взаимоотношений командора и... нашей спасительницы?

— Ни в коем случае, Жас, это должно оставаться в тайне. Об этом знает лишь ограниченный круг лиц, и пусть так и будет.

— Хорошо, я поняла.

— На этом, я так понимаю, можно расходиться по своим обычным делам? — спросила Кара.

— Думаю, что до их возвращения, у нас не будет необходимости проводить собрания. Если у них ничего не выйдет, все будет напрасно, так что нам остается только ждать... — Энель поежилась, представляя такую ситуацию. — Надеюсь, у них все получится и они успеют...

На улице Кален уже сел в седло. Его трясло от сдерживаемых эмоций, скачка должна была отрезвить его, убрать красную пелену ярости с глаз. Сейчас ему было не до собственных воспоминаний, сейчас нельзя было медлить. Он не мог допустить, чтобы тот поцелуй так и остался единственным, он не мог представить жизнь без нее. Мог, но лишь, если она будет жива и с ней все будет в порядке, иначе... Что он сделает, если они опоздают? Если они найдут лишь ее бездыханное тело? Что остается? Мечь... он найдет всех и каждого, кто будет причастен к этому, будет долго и мучительно их убивать, а когда все сделает... Нет, они должны успеть, он должен мчаться быстрее ветра. Он успеет. Должен успеть.

Мастер, лорд и Мойра.

Открываю глаза. Как и следовало ожидать, я в какой-то камере, а ни на что другое я и не надеялась. Слабый свет из-под двери. В самой камере темно. Ощупываю себя, вроде пока ничего не поломано, только висок пульсирует болью. Ну да, мне же по нему, кажется, навершием меча стукнули, немудрено. На виске запекшаяся кровь. Болит очень, но это пока единственная травма, что-то мне подсказывает, что она первая, но далеко не последняя... В одну мою лодыжку больно впивается холодное железо, приковали значит, руки свободны, конечно, что я могу сделать-то? Холодно и сыро, мороз пробирает до самых костей, надо бы

согреться, подвигаться. Встаю, цепь, которой я прикована к стене, дает возможность сделать несколько шагов по камере, пытаюсь согреться, получается плохо. Вот и конец мне. Начинаю думать, как бы покончить с собой, чтобы не мучатся... Боюсь, что пыток я не выдержу. Зачем меня пытаться-то? Что я сказать могу? Сложно придумывать ответы на вопросы, которых еще не задали. Ладно, когда зададут, тогда и буду думать, что отвечать. Время идет, никаких звуков, совершенно. Никто за мной не идет. Никто не собирается меня пытаться, может все не так плохо, как я думала? Голова болит. Слабость. Сажусь и опираюсь спиной о стену, кто-то выключает мое сознание.

Открываю глаза. Ничего не изменилось, все та же холодная камера, все тот же слабый свет из-под двери, все так же впивается в ногу металл, все так же болит висок, все так же никаких звуков. Сколько времени я была без чувств? Не знаю. Ноги окоченели, пытаюсь их растирать, каждое движение отдает тупой болью в висок. Какое-то время бодрствую, пытаюсь согреться, потом опять теряю сознание.

Открываю глаза. Ничего не меняется в окружающем меня мире. Похоже, меня решили тут просто заживо похоронить. Надо терять сознание и спокойно умирать пока они не передумали. Закрываю глаза, все равно не видно ничего. Вспоминаю самые приятные моменты своей недолгой жизни. Теперь уже не теряю сознание, а засыпаю.

Совершенно непонятно, зачем меня сюда поместили. Ничего не меняется. Очень хочется пить. Но... не буду же я стучать в дверь, да и не смогу, цепь не позволит к ней подойти. Может так и лучше. Сижу с закрытыми глазами. Ненавижу себя за то, что так просто дала себя поймать, ну хоть друзья в безопасности. Дарк их вывел, а дальше что? Вернуться за мной они не смогут. Втроем им сюда не прорваться, а почему втроем-то? Дарк вроде не обещал никакой другой помощи, только вывести их отсюда. Значит вдвоем. Вообще ничего не выйдет. Ну, предположим, Инариэль отправит ворона в лагерь, пока долетит птица, пока наши соберут войска для такого броска, пока дойдут, сколько это может занять времени? Недели четыре, не меньше точно. А сколько я смогу выжить без воды и еды? Столько точно не протяну. Вода... Влажные каменные стены, поворачиваюсь к стене, облизываю камни, мерзость... но пить-то хочется, хоть немного влаги. Сижу дальше. Шевелиться уже больно. Сколько еще я смогу так просидеть? Даже не знаю. И спасительный сон все не приходит. Сижу не думаю ни о чем. Вспоминаю стычки с демонами, с волками, вспоминаю настойку Барри, вот бы ее сейчас сюда. Вспоминаю посиделки по вечерам у костра. Вспоминаю, как меня учили обращаться с оружием, вспоминаю дурацкое платье. Медленно восстанавливаю каждый день. Радуюсь тому, что было когда-то. Вот это положение, раньше у меня всегда был план. Я даже пыталась себя уговорить, что смогу стойко выдержать все пытки и ничего никому не скажу... К такому я точно не была готова. Еще немного и я начну разговаривать сама с собой, а увижу палача, так ему и спрашивать ничего не придется, я сама на радостях, что есть возможность поговорить, расскажу все, что знаю и в придачу все байки от Барри и Инариэля. Воспоминания о нем вызывают легкую дрожь в пальцах. Вспоминаю свой сон, как целовалась с ним и не только целовалась... Хорошо, что это был лишь сон, а то он бы сейчас с ума там сходил, рвался бы меня спасать... ой-ой-ой... Но он прав был в моем сне, не о нем я думала, не с ним я тогда была... Кален... знаешь, как бы там не сложилось, ты будешь моей последней мыслью. Сколько у меня сейчас времени для размышления. Никогда столько не было. Сижу с закрытыми глазами и думаю... Странными воспоминаниями всплывают прошлые жизни, как тогда какая-то эльфийка говорила, что он лучшая, а я ее потомок и тоже стану лучшей. Разные картинки: охота,

праздники, танцы, приемы, даже балы, сражения, похоронные костры, высокие стены затерянного в неизвестности замка.

Идут минуты, может часы, решаю вести счет, чтобы хоть немного ориентироваться... сбиваюсь после того как по два-три десятка раз загнула пальцы досчитав каждый раз до сотни... Засыпаю.

Ничего не меняется. Можно даже не открывать глаза. Все то же безмолвие. Жалко, что у меня все оружие отобрали, даже ножики метательные. Кому теперь достанется мой катар? Надеюсь, они такого не видели и кто-нибудь умрет, пока они разберутся что к чему... Злорадно улыбаюсь, пересохшие губы трескаются. Облизываю камни... уже не так гадко... влага важнее для организма, чем мои предпочтения... А кому достанутся мои «близнецы»? Отличные парные кинжалы, я их даже обновить толком не успела. Эх, жалость-то. Интересно, а наши вещи, что в комнатах остались они куда денут? А зачем мне это знать? Не все ли равно... Представляю, приходит наша освободительная армия, испепеляет город, и в руинах постоянного двора Кален находит дурацкое платье... Вот уж распереживается, бедненький. Кажется, я начинаю сходить с ума. Опять сижу, считаю. Опять сбиваюсь и засыпаю. Вижу сны из прошлого далекого многовекового.

Да сколько ж можно??? Капли с камней — уже даже приятные... кажется, я уже тут всю стенку вылизала... хи-хи-хи... точно... прощай рассудок. На границе моего восприятия что-то происходит. Лениво открываю глаза, зная, что скорее всего это мне кажется. Ага, точно... кажется, я тут уже, видимо совсем умом тронулась, кажется, что кто-то идет. Ага, точно... кому это может прийти в голову, сюда идти??? Закрываю глаза, не даю своему безумию брать верх. Слышу голоса под дверью.

— Сколько она там уже?

— Сегодня третий день.

— И как?

— Ни звука, милорд. Обычно пленники начинают буянить уже через день, разговаривать сами с собой, звать кого-нибудь, требовать их выпустить, а от этой ни звука. Может она уже того? Померла там? Вы ее ефесом-то сильно приложили, может, и вышибли дух? Что там ей надо? Она ж девка, да еще мелкая совсем.

Уже интересно, значит — это просто пытка такая. Три дня. Значит я выиграла себе, и возможной подмоге, три дня. Вот оно что. Не ожидали? От мелкой девки-то? Прислушиваюсь дальше. Может, еще что узнаю.

— Нет, когда приковывали проверили, с ней все было нормально. Говоришь, ни звука? Что даже не пела?

— Нет, милорд, ни звука, даже цепь не звякала.

— Открывай.

Понимаю, что надо их добить своей стойкостью. Тихонько, придерживаясь за стену, встаю, вы не увидите меня на коленях, даже если я прикована, встречу я вас стоя. Ноги подкашиваются, голова кружится, но я нахожу точку равновесия и остаюсь в ней, заставляю себя открыть глаза, знаю, сейчас ударит свет, но я все равно буду смотреть прямо на вас.

Дверь открывается. В глаза бьет яркий магический свет. Уничтожаю внутри себя порыв закрыть глаза ладонью. Просто щурюсь, восстанавливая зрение.

В дверном проеме стоит мужчина. Стоит и смотрит на меня. Я тоже стою и смотрю на него.

Внезапно он начинает смеяться.

— Не ожидал. Удивила. Даже встала, чтобы меня приветствовать, даже глаза не спрятала. А ты стойкая мне такие нравятся. Плохо, что убивать тебя нельзя, самое жестокое к тебе приказано не применять. Но это я тебе по большому секрету говорю. А было бы интересно посмотреть, как ты выдержишь поджаривание на решетке или колесование, или железная дева... Но... приказ есть приказ... но ты не думай, что если я не могу тебя убить, то мои пытки не причинят тебе боли... еще как причинят... а на случай если я заиграюсь... есть маги, которые смогут тебя вытащить из спасительных для тебя объятий смерти. Ну, а теперь, пока ты еще одета, обещанная тебе встреча с Мойрой, это мой подарок, нужно же тебе дать понять, что ты сюда попала совершенно напрасно. Ваши маги такие мягкотелые, они, видишь ли, целиком и полностью подчиняются теперь нам — имперцам. Наивные, они хотят устроить здесь подобие империи, слабаки. Они просто станут тем орудием, с помощью которого, империя покорит все ваши земли, Империя будет везде. Так что...

Он подходит ко мне и снимает цепь с моей ноги. Но вместо этого надевает на меня ошейник с цепью.

— Теперь ты моя собачка, — он стоит прямо передо мной, наклоняется прямо к моему уху и шепчет. — А ты аппетитная, как только твои бессмысленные переговоры закончатся, я тебя раздену, для начала, я же должен знать с каким материалом мне придется работать, а если ты мне понравишься я тебя даже попользую чуток... перед началом... ты знаешь, я, когда с бабой побалуюсь, у меня настроение хорошее... даже пытаться не так хочется... но только если она себя хорошо ведет и все делает, что приказано... понимаешь?

Он гадко смеется, глядя мне в лицо. Сжимаю кулаки и неожиданно даже для себя бью его коленом, стараясь попасть в пах. Попадаю. Он прекращает смеяться и бьет меня наотмашь по лицу. Я бы конечно упала, но он держит меня за цепь, повисаю в воздухе, начинаю задыхаться.

— Ах, ты... тварь беспородная...

Он бьет меня по лицу еще раз, потом хватает за ворот и впечатывает в стену...

Сколько времени опять прошло??? Открываю глаза. Свет в камере уже не так бьет по глазам. Дверь камеры открыта, на пороге стоит стул, на нем сидит смуглый мужчина, тот самый, которому я в пах попала...

— Очнулась, псина. Это только начало, я тебе обещаю, ты еще будешь скулить и молить, чтобы я тебя поймел...

Он резко натягивает цепь, я не успеваю среагировать и падаю. Он подтягивает меня к себе, наматывая цепь на кулак. Когда мое лицо приближается к его кулаку, он бьет меня еще раз.

— Нравится? Нет? А после окончания твоих переговоров всегда будет только так. Привыкай!

Я не чувствую лица, глаз заплывает, из носа и уха идет кровь. Он встает. Красная пелена ярости застилает глаза, вновь накатывает древняя эльфийская гордыня, теперь очень к месту, будто все мои предки пришли меня поддерживать, они поднимают меня на ноги, говорят, что я должна быть гордой, что я должна идти сама, хвалят за оказанное сопротивление, я точно схожу с ума. Но я не позволю меня тащить. Двигать ногами больно, но я пойду сама. Больше он ничего мне не говорит. Ведет меня длинными запутанными переходами, сначала пытаюсь считать шаги, запоминать повороты, потом понимаю, что это бессмысленно. Просто иду за ним, стараясь не отставать. Бесчисленное множество поворотов, лестниц и переходов, приводит нас в тронный зал.

— Обещанная аудиенция, — он открывает высокую дверь с красивым рисунком.

Он втаскивает меня на середину огромного зала. На троне сидит Имперец из властвующих магов, волосы черные длинные, аккуратно собраны золотым обручем на голове. Мускулистый, как все имперцы, высокий, глаза узкие почти черные. Рядом с тронном стоит молодой мужчина, очень похожий на того, что сидит на троне, то ли брат, то ли сын.

— Итак, это и есть предмет наших поисков? — мужчина с трона смотрит на меня. — Не впечатляет, совсем. А ты что скажешь, мастер?

— Три дня пытки тишиной и ни слова, ни звука, лорд Каст.

— Три дня? Хмм, — он пытается рассмотреть меня лучше. — Ты зачем ее по лицу ударил? Да еще до крови? Сейчас же запачкает тут все...

— Так, лорд Каст, она меня ударила, коленом... я и не сдержался...

Мужчина смотрит на меня еще внимательнее.

— Не сдержался он... какой ты после этого мастер? Ударила? После трех дней тишины? Видимо, я ошибся в ней. Но лицо надо подправить, не надо нашим новым союзникам, показывать, для чего они привели нам эту рыбку.

Он машет рукой и рядом со мной появляется имперский маг.

— Подлечи, чтоб нормальной была, быстро.

Маг быстро меня исцеляет. Мужчина с трона подходит ко мне с платком.

— Я бы тебе кровь вытер, да боюсь на колено напороться, так что ты уж сама.

Беру платок, вытираю кровь с лица и шеи. Пытаюсь понять, зачем они это все устроили. Молодой мужчина у трона. Смотрит на меня с сочувствием. Нет и намека на издевку. Ему действительно меня жаль. Что мне толку от жалости.

— Перед тем, как ты сможешь поговорить с Мойрой, я хочу кое-что у тебя спросить. Кто помог твоим друзьям? Это был кто-то из имперцев?

Вижу, как встревожился молодой мужчина у трона, он смотрит на меня и едва заметно качает головой. Значит, он знает, кто мне помог и просит его не выдавать.

— Нет, — отвечаю я. — Со мной был маг, он сам нашел выход.

Я захожусь в кашле, в горле пересохло, говорить больно. Лорд Каст делает жест, и мальчик одетый лишь в одну набедренную повязку, подносит мне воду. На шее мальчика видны отметины от ошейника, он не слуга, он раб.

— Тогда почему ты не ушла с ними?

— Я должна была уйти с ними, но в последний момент передумала. Ведь у меня была назначена встреча. Я решила подождать Мойру еще пару дней. Потом они бы за мной вернулись.

— Она лжет, милорд. В портале я видел троих, а с ней было двое.

Мужчина недовольно приподнимает бровь.

— Ты лжешь мне? У тебя впереди длинная череда пыток, я все равно узнаю правду, облегчи свою участь, скажи ее сама.

Молодой человек у трона уже нервничает.

— Да, там было трое, один из местных жителей, попросил его вывести отсюда. Я не спрашивала его имени и звания. Мы стараемся помогать всем, кто просит о помощи, поэтому мы согласились.

— Помогать всем? А кто теперь поможет тебе? В здешних казематах, даже я заблужусь, и никогда не найду нужную дверь. Кто будет спасать тебя? И будет ли? Или твои друзья и спасенный незнакомец стоили этого? Стоили они твоих будущих мук и смерти?

— Да, — твердо отвечаю я. — Каждая жизнь бесценна, и, если я смогла поменять свою жизнь на три, значит, обмен был выгодным.

Теперь мужчина смотрит на меня удивленно.

— Ты совсем безумна. Кто же соглашается менять свою жизнь на три никому не нужных жизни?

— Тот, кто знает, что такое ценность жизни, — я стою, пытаюсь гордо выпрямиться, поднять голову. — Вы ведь, лорд Каст, тоже знаете, что иногда одна жизнь может быть дороже сотен? Только для вас это жизни определенных людей, а для меня — это жизнь любого живого существа, человека, эльфа, гнома, не важно... — мои неведомые предки нашептывают мне слова, я лишь повторяю их.

Вижу как багровеет его лицо... Ой, кажется, я что-то не то сказала... В два прыжка он стоит около меня..

— Что ты знаешь?

— О чем? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Что ты знаешь о моем сыне?

Удивленно моргаю ресницами.

— Я ничего не знаю о вашем сыне, я даже не знала, что у вас есть сын, лорд Каст.

— Тогда почему ты сказала, что я тоже знаю ценность одной жизни?

— Я говорила, лорд Каст, о вашей жизни. Ведь вы, как любой нормальный имперец заботитесь только о себе. Разве не так?

— Нет!! — внезапно кричит он. — Не только о себе.

Он задыхается от гнева, а я не понимаю ничего. Продолжаю хлопать ресницами, кажется, я наступила на какую-то большую мозоль, спасибо, предки.

— Я понимаю, мастер, почему ты разбил ей лицо, — выдыхает лорд. — Я тоже едва сдержался.

— Отец, — заговорил молодой человек. — А что если она говорит правду? Что если она ничего не знает о моей болезни. И говорила совсем не обо мне.

— Замолчи, сын.

А, вот теперь все встало на свои места. Сын болен и лорд готов на любые жертвы, чтобы его спасти. Говорить начинаю раньше, чем успеваю обдумать слова.

— Я могу попробовать ему помочь. Я могу вылечить вашего сына, лорд Каст.

Молодой человек смотрит на меня удивленно, он не может поверить своим ушам. Он не одинок, его отец тоже, да о чем речь, я сама не могу поверить, что я предлагаю излечить сына человека захватившего меня в плен и отдавшего в руки палачу.

— Что ты сказала?

— Я могу попробовать вылечить вашего сына. Но для этого мне нужно будет выйти с ним за пределы города. Там, где я смогу, воспользоваться своими силами. Поверьте, лорд, я могу сделать такое, чего не могут даже лучшие целители.

Он смотрит на меня.

— Ты считаешь меня глупцом? Ты решила сыграть на моем горе и вынудить меня дать тебе шанс воспользоваться своими силами?

— Я хочу воспользоваться ими во благо вашего сына.

— Ты... даешь мне ложную надежду, мой сын неизлечимо болен, никто не сможет ему помочь.

— Пока я не увижу причину болезни, я не смогу вам сказать... Есть кое-что, чего я не

смогу сделать, пока, наверное, я еще никогда не пробовала... Но это единственное чего я не могу.

— Ты лжешь, я вырву твой лживый язык, ты... ты хочешь вынудить меня нарушить приказ и выпустить тебя из города? Никогда.

Я улыбаюсь.

— Видите, лорд Каст, даже ценность жизни вашего сына, для вас меньше, чем страх не подчиниться приказу. А для меня жизнь превыше всего. Я нарушу любой приказ, любой запрет, только бы спасти жизнь. Вот какая между нами разница, лорд Каст. Но я очень сомневаюсь, что вы сможете это понять, ведь вы — раб. Такой же раб, как мальчик, подносивший мне воду. Вы просто игрушка в чужих руках, вы ничтожество лорд Каст. Просто вы не в набедренной повязке, но мыслите вы точно так же. Рабское мышление не дает вам рискнуть, даже ради жизни сына... Этого я уже не могу изменить, даже если применю все свои навыки.

Время останавливается. Я вижу, как пятна ярости выступают на лице лорда, вижу, как он заносит руку для удара, понимаю, что в очередной раз сказала лишнего, но уже не сожалею, погибать так хоть с правдой на устах. Внутренне сжимаюсь, готовясь принимать удар. И вижу, как сын лорда, оказывается рядом с ним и хватает отца за руку, не давая ударить меня.

— Нет, отец. Не смей. Мне тяжело это говорить, отец, но она говорит правду. Твое служение затмевает твой разум. Ты совсем не тот человек, который носил на руках мою мать, ты не тот человек, который учил меня обращаться с мечом, ты не тот человек, который был рядом со мной, когда я рос. Этого, нового человека я не знаю.

Молодой человек встает рядом со мной.

— Спасибо, тебе, отважная. Никто не смеет сказать что-то поперек моему отцу. Но я знаю, что ты права, будь моя воля, я бы немедленно освободил тебя, даже если бы ты не смогла меня излечить, я все равно был бы горд тем, что знаю тебя.

— Зев, отойди от нее.

— Я не могу спасти тебя сейчас, — говорит мне сын лорда, опустив голову.

Я улыбаюсь ему.

— Ты уже спас меня. Спас, показав, что не все имперцы плохи, теперь есть надежда. Это знание стоило всего того, что я пережила, и будет стоить, того что мне еще предстоит... Спасибо тебе, за надежду.

— Достаточно, — громогласно провозглашает лорд. — Зев, ты понесешь наказание, за твой поступок, а сейчас, пусть говорит с Мойрой, я не желаю больше видеть эту... эльфийку, никогда...

Из-за колонны выступает Мойра.

— Я тут, милорд.

— Как давно ты здесь?

— Я вошла вместе с пленницей. Я все слышала и видела, милорд, если вас это интересует.

— Уже не важно. С тобой я разберусь позже.

Мойра подходит ко мне.

— Ты пришла сюда, чтобы говорить со мной, даже подозревая, что здесь может ждать ловушка, почему?

— Я думала, что ты уже поняла это. Я должна была попытаться, ради спасения жизни.

Мы создали орден Хранителей, чтобы объединить все силы, против одной, общей угрозы. Сейчас, перед лицом, этой опасности, не имеют значения ваши стычки с Видящими, с церковью ваши заявления прав на независимость. Не имеет значение ничего другого, потому что, если мы не сможем остановить надвигающуюся беду, не будет ничего. Весь мир канет во тьму. И там уже будет безразлично, на какой стороне ты был, все будут мертвы. После устранения угрозы, можно будет все обсудить, найти решение, устраивающее всех, но сейчас мы должны быть все вместе. Мне тяжело говорить, стоя перед тобой в ошейнике. Но еще мне тяжелее смотреть на тебя, Мойра. Мой ошейник рано или поздно, так или иначе, будет снят, а твой?

Я замолкаю, говорить действительно больно. Мойра не смотрит на меня, она опускает глаза, отворачивается.

— Имперцы, обещали нам, что у нас будет возможность спокойно жить, так как мы считаем нужным, без постоянного контроля Видящих, вне кругов... Они обещали нам свободу, а что может предложить орден Хранителей? Вернуться в круги и опять стать пленниками собственных способностей?

Я качаю головой.

— Имперцы предложили вам ошейник с дорогими камнями и золотую цепь. Мы предлагаем сотрудничество.

— Хватит! Уводи ее мастер. Она твоя. Не слушай эту девчонку, Мойра. Вы наши братья и сестры. Только свобода, только чистая магия и величие.

— Лорд, что будет с ней?

— Почему тебя это волнует, Мойра? Я отвечу тебе. Она будет страдать и умрет за вашу свободу!

Мастер, меня утаскивает, окончания разговора я уже не слышу. Я сделала все, что могла. Все остальное уже не зависит от меня. Теперь мне остается только ждать. Ждать освобождающего прикосновения смерти.

Длинная череда призрачных предков стоит у меня перед глазами, все они одобрительно кивают головами, все они восхваляют мою мудрость и спокойствие. О чем они? Какая мудрость? Меня тут сейчас запытают до смерти. Помогли бы что ли? Вижу вновь ту эльфийку, которая похожа на меня как две капли воды: Источник, Мирриэль, он не даст тебе умереть, ты дитя равновесия, тебя нельзя убить.

Обрадовала... отличная перспектива — вечные муки...

Во власти мастера.

Мне опять не дали умереть. Уже который раз, я сбилась со счета. Он действительно мастер, ни одна пытка не повторяется дважды. Каждый день меня ждут новые истязания. Мои крики им уже надоели, они одевают мне специальную маску, чтобы я не могла кричать. Как он и обещал, сперва он просто меня раздел, ощупал, определяя видимо мою выносливость, а потом началось... Одежду мне так и не вернули и каждый раз, перед тем как начинать он спрашивал готова ли я выполнять все его желания, несколько раз он раздевался, демонстрируя от чего я отказываюсь... но я отказывалась, всегда отказывалась, его это очень злит... Он может просто меня насиловать, но ему это не интересно, он хочет, чтобы я его просила это делать... Мне не давали спать несколько дней, наверное, я не могу сказать точно, для меня это было вечностью. Меня обливали ледяной водой, привязав к металлической дыбе, когда все тело промерзает до костей, и потом нет возможности даже

пошевелиться, правда, потом он развел под дыбой огонь и слегка меня поджарил, кажется, тогда я умерла в первый раз. Мне загоняли раскаленные иглы под ногти, потом, правда, ногти просто вырвали... Перед этим он долго мне рассказывал, как все будет и говорил, что я могу это избежать, мне только нужно все сделать правильно, он гладил мое тело, он был настойчив, он говорил, что я красивая и он хочет меня такой, пока его пытки еще не зашли слишком далеко, он говорил, что хочет чтобы я могла его ласкать, а ведь без ногтей это будет очень больно делать, он почти уговаривал меня, я видела похоть в его глазах, видела, как торчат его штаны, когда он гладил мои бедра, он уже даже забрался на меня, показывая как он это сделает, он обещал даже не делать мне больно без нужды... я отказывалась... наверное поэтому он сделал это со мной. Потом было хуже, в один день он убил меня раз пять или шесть, он топил меня, а когда меня приводили в себя, я видела на своем теле следы его семени... Он запирали меня с голодными крысами и они кусали меня, рвали на куски, кажется, тогда я тоже умирала. Он долго сдерживался, но когда пришел черед ломать мне кости, он решил, что лучше, я не буду делать так как он хочет, но он получит то чего он хочет... Это длилось весь день, тогда он впервые закрыл мне рот... После этого у меня был день передышки... он получил желаемое и не приходил. В тот день, я наслаждалась своими воспоминаниями. И после этого, я поняла, что больше не вынесу. Я готова была рассказать ему все, но все, что его интересовало — это какой-то источник, я не понимала о чем он говорит, я не могла ответить на его вопрос. Он просто наслаждался моими муками, он возбуждался от этого... Ему понравилось. Он решил, что будет ломать мне только те кости, которые не помешают ему потом... меня... насиловать... И ломал пальцы, приговаривая. Что они все равно мне не нужны, ведь я не хочу ласкать его. Потом он просто ломал руки, потом ноги... Иногда он просто меня избивал, ломая ребра, иногда ему хотелось моей крови и он хлестал меня плетью, слизывая потом капли крови с моей спины...

Но мне было уже все равно... когда, меня привязывали к дыбе в первый раз, я поняла, что не выживу в любом случае, но я не хотела терять рассудок, я не хотела просить его, я знала, что сломаюсь, что буду умолять, чтобы получить передышку, но я не хотела этого. Когда я умирала там, я поняла, что они могут вернуть только мое тело к жизни, они, хоть и маги, но не всемогущи. Мой разум, я нашла для себя укромное местечко, в самом дальнем уголке моей души, куда не могли добраться ни раскаленные клещи, ни крысы, ни он... это была та самая, заснеженная поляна, там был Кален, там он целовал меня, там я была в безопасности. Очень скоро я научилась туда прятаться, как только начинались пытки, я переносилась туда и все происходящее со мной, происходило уже не со мной. Меня больше не было. Да там кричало и извивалось под пытками мое тело, но что-то другое, что-то более важное, было надежно укрыто, спрятано, до этого чего-то никто не мог дотянуться...

Озарение

— Мастер, прошло уже почти две недели. Что ты можешь сказать нам?

— Ничего, лорд, она умирает, теряет сознание, мы ее возвращаем, но она ничего не говорит, о том, что вас интересует. Когда ее возвращают, она шепчет только имена: в основном одни и те же: Кара, Энель, Инариэль, Барри, чаще других повторяет имя Кален, но больше ничего. Мне жаль, милорд.

— Ты сломил ее? Ты заставил ее умолять тебя, ползать на коленях перед тобой?

— Нет, милорд, ни разу. Я запугивал ее, я обещал ей облегчение, но она ни разу не произнесла, ни слова. Я даже после этого дал ей день передышки, чтобы она поняла, чего

она может этим добиться, но даже после этого, она ни разу, не попросила меня ни о чем, милорд. Я еще не сталкивался с таким, милорд, по всем параметрам она должна была уже быть моей тенью, угадывать все мои желания, стремиться мне угодить, любым способом, а она, даже не пытается облегчить себе страдания. Милорд, если бы мне рассказали это, и я не видел всего своими глазами, я бы не поверил, я бы решил, что либо не старался пытавший, либо там не просто женщина, а воительница, какая-то. Но в этой щуплой девчонке, заподозрить такую стойкость, я бы никогда не смог.

— Что же нам с ней делать? Как сломить ее? Нам не нужна ее жизнь, я говорил тебе, нам нужно ее отречение от жизни. Так что прекрати ее постоянно доводить до черты.

— Милорд, в отличие от ее духа, ее тело слабо, я иногда просто не успеваю остановить пытку, потому что не знаю, ее предела.

— Говоришь... только имена... быть может... имена — это и есть ответ. Быть может источник это не что-то, а кто-то?

— Но, милорд. Как мы сможем это использовать? Как использовать имена в пытках?

— Пока не знаю. Быть может, самая первая наша мысль была самой верной? Пытать ее друзей... но ее друзья сбежали, как же нам пытать тех, кто сбежал? А что если... Скажи-ка мне, нам известно что-нибудь о этих людях? Внешность? Манера разговора? Нам нужно узнать о каждом из этого списка как можно больше, это должно помочь нашим магам.

— Если она говорит о Ищущей Каре, то ее все хорошо знают, и внешность и манеру сражаться, многие смогут нам помочь, гнома Барри и эльфа Инариэля мы могли наблюдать несколько дней... Вот кто такие Энель и Кален... нам не известно... Но что нам это даст, милорд?

— Больше никаких пыток. Мы не то делаем. Физическая боль не может ее сломить, так пусть же ее убивает боль душевная. Она осталась здесь, но друзей спасла. Как там она сказала — ценна каждая жизнь. В ней нужно убить именно это. Зови магов. Я знаю, что делать.

Освободители.

Кален проснулся среди ночи. Он позволил себе короткий сон второй раз за неделю. Он просто не мог заставить себя закрыть глаза, боль терзала его, он опасался последствий, а еще и переживания за нее. Он не мог спать, он давал передышку лошадям, менял их на каждой заставе вдоль дороги. Он очень устал, на последнем перегоне он едва не загнал лошадей. Нужно было вставать и отправляться в путь. Но что разбудило его? Он не мог понять. Кошмаров не было, он не слышал криков умирающих, у него не выступил холодный пот, значит, то что его разбудило не имело отношения к обычным кошмарам. Но что это было?

Он седлал лошадь, когда в его мозгу, словно вспышка яркого света, зазвучал голос:

«Кален. Кален. Кален»

Он замер. Сердце начало биться в груди так часто, что грозило вырваться.

«Кален. Я люблю тебя. Милый, я так хочу быть рядом с тобой. Спрячь меня, утешь меня, спаси меня... спаси... спаси...»

Он не мог пошевелиться, в голове звучал ее голос. Нежный, настойчивый. Он был готов клясться чем угодно, это была она.

«Кален, мне больно... нет, уже не больно. Теперь я с тобой. Не отпускай меня к нему... он... плохой»

Кален не мог понять, что происходит, он вскочил в седло, и начал мысленно отвечать ей, подгоняя лошадь, переводя ее в галоп.

«Мирра, девочка моя. Я спешу к тебе. Я скоро приеду. Я вытащу тебя. Держись, любовь моя. Я спешу. Я буду загонять лошадей, я буду... я скоро буду с тобой!»

«Кален, поторопись. Я не смогу долго... ждать... Кален, поговори со мной. Расскажи, почему ты тогда так поступил?»

«Мирра, я был глупцом, я не понимал, что я делаю. Я хотел убереечь тебя, защитить... Я хотел лучшей жизни для тебя. Прости меня! Я так хочу сказать это тебе, сам, глядя в твои глаза. Я хочу сказать, как сильно я люблю тебя»

«И я люблю тебя, Кален»

И голос пропал. Он пришпорил лошадь. Как такое может быть? Она еще так далеко, у него впереди еще такой долгий путь. Но теперь он знал, он был уверен, что она жива. Он не мог предположить, что именно в тот момент, когда ее голос зазвучал у него в голове, она умерла первый раз. И когда ее тело вернули к жизни, голос пропал. Для него этот ментальный диалог быть свидетельством жизни.

Она всегда появлялась внезапно и так же внезапно исчезала, разговоры были не долгими, но это вселяло в него надежду, и он ждал следующего разговора, он просил ее не исчезать, он просил хоть раз в день, появляться, она отвечала, что это зависит не от нее, и она будет приходить, как только ТОТ будет ее отпускать. Он спрашивал кто такой ТОТ? Она не отвечала, никогда.

Иногда ее не было весь день, иногда она появлялась несколько раз.

Он менял лошадей при каждом случае, он старался сократить время отдыха. Но все равно ему казалось, что он не двигается, что он не может приблизиться к ней, что он слишком медленно спешит ей на помощь.

К концу третьей недели она исчезла совсем. По его подсчетам, ему оставалось не больше двух дней пути, но ее больше не было. Он больше не слышал ее голоса.

Через день, когда солнце едва, приблизилось к центру небосвода он влетел на укромную полянку в лесу. Там был разбит лагерь. Он увидел Инариэля и спрыгнул с лошади. Лошадь пала, сделав еще несколько шагов.

— Кален! Я не сомневался, что приедешь именно ты, — Инариэль подошел и подал ему воду.

Кален с благодарностью осушил протянутую плошку. Тут же появился Барри.

— Командор, рад, что ты так быстро — гном посмотрел на загнанную лошадь и спросил. — Это которая по счету загнанная тобой скотина, командор?

— Я не считал их, Барри. Я спешил. Было не до лошадей.

И тут на поляне появился Дарк. Статный смуглолицый с черными уложенными волосами и аккуратной бородкой. Он смотрел на командора веселыми глазами.

— Итак, все-таки три недели и несколько павших лошадей... Ты действительно спешил.

— Когда твой человек сможет нас отвести к ней?

— Командор, можно я так буду тебя называть? Ты только что загнал лошадь, думаю не первую. Ты когда спал-то в последний раз? А ел?

— Это не важно. Мы должны немедленно отправляться. Я не слышу ее уже несколько дней.

— Ты что??? — широко раскрыл глаза Дарк.

— Я перестал ее слышать. Почти неделю, почти каждый день она... говорила со мной, недолго, всего несколько мгновений, но я был уверен, что она жива. И вот два дня назад она пропала, она перестала говорить со мной, совсем. Мы должны спешить.

Инариэль, стоявший рядом, молча кивнул и пошел складывать вещи и еду в дорогу. Барри тоже не стал медлить. Только Дарк ничего не мог понять.

— Слушай, ты три недели не вылезал из седла, ты ел и спал в седле. Откуда в тебе столько сил?

Кален бросил на него злобный взгляд.

— Ты поймешь. Однажды от тебя может зависеть жизнь очень дорогого тебе человека, и тогда ты поймешь, откуда я черпаю силы.

Дарк ничего не ответил. Они двинулись в путь уже через час. По дороге Дарк вводил Калена в курс дела.

— Мой человек последний раз выходил на связь как раз два дня назад. Он сказал, что она жива. Она искалечена, изувечена, но жива. Они так и не смогли из нее вытянуть то, что им было нужно. пытки прекратили. Сейчас они что-то придумывают, но что, он и сам не смог разузнать. Кроме всего прочего, он рассказал, что ее встреча с Мойрой — предводительницей ваших магов, прошла совсем не так, как предполагал его... лорд. Мойра и маги, ей подчиняющиеся, готовы отказаться от предложения имперцев. Они больше не хотят иметь с ними дел. Все, с кем он говорил, сказали, что выбрали Хранителей. Он не рассказал, как проходила беседа, но видимо, ваша маленькая эльфийка может быть очень убедительна. Кроме магов, к бунту готовы присоединиться наши наемники, вот уж не знаю, как она все это устроила, находясь на цепи в ошейнике...

— ЧТО?? — закричал Кален.

— Ой, прости. Я забыл, что... ты не в курсе... но твоя реакция меня почти не удивила... Инар отреагировал почти так же только чуть менее устрашающе...

— Кален, — вступил в разговор Инариэль. — Они надевают на заключенных ошейники и цепи, чтобы унижить их. Таким образом, они дают понять, кто хозяин положения, а кто... всего лишь игрушка в руках случая.

Кален молчал. Сердце уже разрывалось, он уже оплакивал ее, он понимал, что нежный цветок, каким он всегда ее считал, не выдержит подобных мук.

— Рассказывай дальше, только больше никаких подробностей, я плохо это переношу

— Хорошо, нежный ты наш, — словив взгляд Калена, Дарк едва не подавился словами и решил просто продолжить. — Так вот, когда мы доберемся, мой друг поможет нам переместиться в казематы, он же проводит нас к ее камере. Все... трудности, что мы встретим по пути, мы должны решать сами, его никто не должен видеть. В то время, как мы будем спасать...ее — вспомнив взгляд Калена, Дарк благоразумно решил не упоминать о том, что, скорее всего, она уже не девица — ваши маги и наши наемники отвлекут внимание бунтом и, если у них все получится, уничтожат тот артефакт, который блокирует силу Мирры, создавая волшебный купол. При самом лучшем раскладе, когда... Мирра будет уже с нами, нам нужно будет захватить лорда, тогда все остальные сложат оружие, у нас будет знатный пленник и возможность переманить к себе оставшихся верными империи магов и наемников. Имперцы продажны, и никогда не поступят так, как она... каждый из них будет спасать свою шкуру, подставляя всех остальных. Так что наши шансы неплохи. Кроме того, у вас будет возможность узнать, наконец, кто же за всем этим стоит. Как мне стало известно лорд — лишь пешка в чьей-то игре.

— Я все понял, — коротко кивнул Кален. — Пусть твой друг все организует, мы должны торопиться.

— Потому что ты ее не слышишь? — уточнил Дарк

— Именно!

Разговор больше не клеился, каждый думал о своем. Кален, задал высокий темп ходьбы, легко его поддержать удавалось только эльфу, остальные берегли дыхание, особенно не привычный к таким маршам Дарк. Даже гном умудрялся его обгонять. Но затемно им все равно не удалось добраться до города. Решили заночевать в лесу. Инариэлю долго пришлось уговаривать Калена отдохнуть, тот не хотел ложиться. Тогда Барри пошел на хитрость и подсунул ему вместо фляги с водой свою настойку. Сделав несколько глотков Кален очень быстро захмелел, Дарк уже приготовил зайца, командора накормили и, влив в него еще с пол фляги, уложили спать у костра.

— Он словно машина. После такой скачки, он просто рвется вперед, да с такой скоростью, что я не успеваю за ним. Он вообще-то человек?

— Более или менее, он Видящий. Пройди ты хоть до половины их обучение, сразу бы понял, что был сегодня на волосок от смерти, когда назвал его нежным...

— Точно, а второй раз тебя могли прихлопнуть, когда ты про цепь и ошейник ляпнул, — добавил Барри.

— Что вы меня пугаете? Обычный мужик, просто выносливый и тренированный...

— У вас в империи что про видящих ничего не знают?

— Знаем мы про них. Они чувствуют когда им лгут. И еще их используют против магов.

— И все? — Инариэль был удивлен. — Это все что вам известно об этом ордене и людях, состоящих в нем?

— Ну, да. А что есть еще что-то?

— Ну, вы отсталые, — хохочет Барри.

Инариэль тоже улыбается

— Извини, мы должны были предупредить тебя, как-то разговор не заходил, что ли. Видящие — не просто чувствуют ложь. Они тренируются видеть самые темные уголки твоей души, для того чтобы предотвратить одержимость. Ты ведь маг, Дарк, ты должен понимать какой силой ты обладаешь, а вот теперь я скажу тебе одну вещь. Никогда, ни при каких обстоятельствах, не направляй свою силу против Видящего один на один. Чтобы победить одного из них нужно как минимум два очень могущественных и опытных мага, ни новички, ни слабые маги, не смогут вдвоем одолеть Видящего.

— Почему? Да я его молниями закидаю еще на подходе, и есть у меня в запасе еще пара хороших боевых заклинаний, он и мечом-то махнуть не успеет.

Барри фыркнул. Инариэль покачал головой.

— Да, вовремя мы об этом заговорили, а то натворил бы ты бед, Дарк. Видящие отличные бойцы, они годами оттачивают свое мастерство владения мечом, для того чтобы выйти победителем из схватки с одержимым или демоном, нужно не просто умение, необходимо мастерство в высшем его проявлении. Ну а против магов, еще не одержимых, но которых нужно по той или иной причине остановить, Видящие используют меч, только чтобы добить жертву. Их сила такова, что они обращают все направленные на них заклинания против того, кто это заклинание создал. А теперь подумай и ответь мне, Дарк, сколько твоих молний и других боевых заклинаний выдержит твой же магический щит?

— Скорее всего, одно-два, обычно я не создаю мощных щитов...

— Вот именно, в этом и суть. Он, — Инариэль указал кивком головы на спящего Калена. — Уничтожит тебя твоей же магией, даже не напрягаясь, не двигая ни одним мускулом, не вынимая меч из ножен, он просто будет на тебя смотреть, а ты будешь умирать

от собственной силы.

Дарк с опаской посмотрел на спящего человека.

— Ты все правильно понимаешь. Наш Кален не просто Видящий, он лучший из них. Лишь его молодость и полное отсутствие тщеславия не сделало его их лидером. Он не любит командовать, он предпочитает действовать самостоятельно, так как подсказывает ему долг и совесть. Иначе, он бы уже давно занимал кресло в главном зале их цитадели, очень давно.

Инариэль тоже посмотрел на спящего Калена. Он был истощен и измучен, но видно это стало только сейчас, когда он крепко спал, до этого, как и прежде по нему нельзя было сказать ничего, кроме того что он молод и полон сил.

— И еще кое-что. Я подозревал это, но когда Кален сегодня рассказал, о том, что говорил с Миррой... Я убедился в своих догадках. Наш командор перешел уже грань обычного мастерства Видящих. Он наступил на нее и не заметил этого, как и многие не заметили, а я заметил. Есть легенды о том, что в древние времена, Видящие, которые прошли уже весь свой путь и достигли самых немыслимых высот, но не остановились, могли становиться Слышащими. Они могли уже не использовать навыки Видящих, потому что те становились просто частью их сущности и использовались телом автоматически, Слышащие могли разговаривать с духами. Им уже не было нужды убивать одержимых, они говорили не с оболочкой, а с тем, кто захватил оболочку. И сражения их проходили уже в другом мире. Мне кажется, что наш Кален становится Слышащим. А это значит, что, когда он разговаривал с Миррой — она была духом. Но как она может быть живым человеком и духом одновременно?

— На этот вопрос я могу тебе ответить. Я побоялся тебе говорить и очень рад, что не сказал этого при нем — Дарк кивнул в сторону Калена. — Мой друг говорил мне, что... она умирала во время пыток, несколько раз... Потом ее магией возвращали к жизни. Я думаю, что командор говорил с ней не в те моменты, когда она была жива, а наоборот, он говорил с ней, пока она была мертва. То, что она перестала с ним говорить, означает, что она перестала умирать.

— И раз он перестал ее слышать... Тут есть два возможных исхода: или она превратилась в духа и покинула наш мир, или она перестала превращаться в духа, а значит ее больше не пытаются и она жива. Зная Мирру, превратись она в духа, она бы не покинула его, она бы была с ним, пытаясь утешить, значит, она жива. И мы должны успеть вырвать ее из лап твоих соплеменников, Дарк.

— Инариэль, это конечно не мое дело, но как я понимаю, ты и командор вы оба любите ее.

— Да, Дарк. Ты прав. Мы оба любим ее. Только вот Кален сделал выбор в пользу долга, он сказал ей, что не может быть с ней, чтобы не причинять боль и продолжать свой путь Видящего. А я... я ничего такого не говорил. Но выбрала она его, а не меня. Я остаюсь другом, а он — возлюбленным.

— И ты ничего не будешь предпринимать по этому поводу? Ты не станешь за нее бороться? Ты не попробуешь ее убедить?

Инариэль мягко улыбнулся.

— Нет, Дарк. Я ничего не стану делать. Я буду просто ждать. Я не стану ей мешать, это бесполезно, чем крепче стена, тем сильнее Мирра будет стремиться ее преодолеть. Она еще дитя. И он еще молод. Я больше знаю о жизни, чем они вместе. Поэтому я буду просто ждать, когда уляжется их страсть, когда они поймут, что на этом все и закончилось, и вот

тогда, друг мой, я буду рядом с ней. Я буду другом, которому она все будет рассказывать, который будет слушать и давать советы, который будет рядом, когда она будет плакать, который сможет ее утешить. Пока что, я не вижу другого выхода. И меня это вполне устраивает.

— Ты хитер, эльф, — заговорил Барри. — Но ты упускаешь из виду один момент, который, лично для меня, яснее дня: между ними не страсть, друг мой, это истинная любовь, она не проходит и не заканчивается. Если они смогут забыть о его словах, вместе, то уже никакая сила не сможет их разлучить. Даже твое терпение, старый друг.

— Возможно, ты прав, Барри. Время рассудит нас.

— Похоже, я ничего не понимаю в любви, — подвел итог Дарк и, укутавшись в плащ, лег спать, его стража была третьей перед самым рассветом.

— Ложись спать, Барри, я разбужу.

Будил утром всех Кален, Дарк уснул на посту.

— Давайте, наседки, просыпайтесь, нас ждет дорога и отличная битва. Хватит спать, Барри, Инариэль, Дарк, с тобой потом серьезно поговорю, новобранец, что это ты себе позволяешь на посту?

— Командор, что за спешка?

— Дарк, мы как бы собирались человека спасать. Забыл? А ну-ка я тебя водичкой холодной умою, сразу вспомнишь.

И командор вылил на Дарка ковш холодной воды. Тот подскочил:

— Мы так не договаривались!

Кален был бодр и свеж, он уже умылся в роднике, закипятит воды и приготовил какой-то травяной сбор, который своим бодрящим ароматом заполнил всю округу. Допив чудесный напиток, они снялись с лагеря. Уже к вечеру они подошли к стенам города. Дарк исчез, создав портал. Пока они ждали его возвращения, каждый занимался своим делом. Разговоров не было, все уже было решено. Они не могли уйти без нее, больше говорить было не о чем, все остальное зависело от тайных союзников Дарка. Прошло некоторое время, прежде чем он появился, вместе с ним был еще один человек, с ног до головы его скрывал плащ. Лишь появившись Дарк махнул рукой, призывая спутников торопиться. Первым в зеленый туман портала шагнул Кален, сменив верный двуручный меч, на более пригодный для небольших пространств одноручный, эльф и гном не заставили себя ждать.

— Мы не можем переместиться прямо в подземелье, нам придется идти с боем, но будьте внимательны, не все, кого мы встретим, нам враги, я буду предупреждать, если появится наш человек.

— Последние вести? — напрягся Кален, сжимая меч.

Дарк кивнул на человека в плаще. Тот тоже ответил кивком.

— Я не знаю, что это может значить. Обычно после...истязаний ее просто запирали в камере, и я мог оказать ей хотя бы небольшую помощь, но в последние два дня, я не смог до нее добраться. Вместо одного верного мне человека на охране стояло около десятка магов и пять-семь наемников. Я не мог рисковать. Я не знаю, что они делают с ней сейчас, но она жива, мой человек говорил, что слышал ее стоны и... плач. Так она никогда не плакала, даже после пыток... мой человек... он все мне рассказывал, говорит, такого он не слышал... она не просто рыдала... это было отчаяние... он не смог мне пояснить, но сказал, что даже его начал бить озноб и сердце ушло в пятки...

— Все, — не выдержал Кален. — Хватит. Мы должны до нее добраться быстрее. Было

бы лучше, если бы ваши люди ушли с нашего пути, я могу... не успеть среагировать на предупреждение...

Он был собран, но яростно сжимал зубы, под легкой туникой напрягались мускулы. На лице застыла маска ярости, казалось, что сейчас он мог убить просто взглядом.

Дарк опасно косился на Калена. Они уже стояли на небольшой площадке, с которой вниз уходила лестница.

— Старайтесь держаться у меня за спиной, в шагах в десяти, чтобы не зацепил. Просто направляйте меня, чтобы я знал куда идти. Если бы у меня был план подземелий, вообще бы вас не брал с собой...

— Кален, не только ты жаждешь крови, — напомнил Инариэль, осматривая свой посох, маг был бледен и напряжен.

— Кален?! Твое имя, воин? Твое имя — Кален? — встрепенулся человек в плаще.

— Да, это мое имя.

— Мой человек... он говорил, что именно это имя она... кричала в отчаянии... И еще какие-то... но это имя... он запомнил... такой...

Человек замолчал, получив удар в бок от Дарка.

— Маги, вам вообще лучше быть подальше от меня... сейчас... Пока я не найду ее... не приближайтесь и, храни вас Создатель, не трогайте меня...

Он закрыл глаза, взывая к своей силе Видящего. Поток энергии внутри освободился и вокруг него образовался невидимый никому магический щит, поглощающий и отражающий магию, этот энергетический щит стал броней.

— А вот теперь, убирай своих людей с моего пути. Инариэль — тебе добивать тех, кого я не размажу по стенам...

— Но Кален, если магов около десятка, ты не справишься с ними один, — попытался возразить Инариэль.

— Я? Сейчас, маг, я справлюсь с сотней! Твое дело, эльф — залатать Мирру, когда я найду ее, — уже рычал Кален. — Береги силы, боюсь, они тебе понадобятся, судя по рассказам этих... Барри ты прикрываешь. Имперец — просто вообще не лезь... Вперед!

Мягкими шагами, стараясь не шуметь, они спускались по лестнице. Идущий сзади человек в плаще, указывал путь.

Первый попавшийся Калену на пути наемник, не успел даже достать оружие, он так и стоял возле стены, а его голова уже катилась по каменному полу, потом тело бесформенным мешком рухнуло на пол. Никто не успел даже заметить движения меча, которым голова была отделена от туловища несчастного. Кален не произнес ни звука. Тишина больше не нарушалась, шаги не отражались от стен, теперь это была охота, не нужно предупреждать жертву о том, что охотник близко. Не сбавляя темпа, Кален остановился у развилки, ожидая, что ему укажут путь, когда в конце коридора мелькнул свет, кто-то шел сюда. Кален слился со стеной, жестом показав спутником повторить за ним. От идущих, его скрывал угол, он спокойно ждал их приближения. Он слышал голоса мужской и женский, впереди, освещая им путь, летел белый шар. Маги... Кален с улыбкой, убрал меч. Так будет даже интереснее. Рядом с ним мелькнула фигура человека в плаще, Кален вытянул руку и остановил его, но тот лишь скинул плащ на пол и прошептал:

— Женщина с нами, ее не трогать.

Он шагнул навстречу магам.

— Ваше сиятельство! Что привело вас в подземелье? — заговорил мужчина. — Сыну

лорда не место в таком месте.

В голосе почувствовалась угроза.

— Вас проводить наверх?

— Я найду путь. Или я его уже нашел.

Кровь Калена кипела. Она где-то там, возможно сейчас умирает, а они тут расшаркиваются и рассыпают любезности... Он не мог ждать. Он покинул свое укрытие и встал рядом с проводником.

— Я сам укажу тебе путь наверх, маг, — процедил он сквозь зубы.

На кончиках пальцев мага начало формироваться яркое облако, подпитываемое энергией, уже через мгновение маг быстро метнул в Калена огненный шар, тот даже не шевельнулся. Впервые все увидели, как работает магия Видящих. Шар, долетев до Калена просто распался на мелкие огни, а маг согнулся, будто получив удар тяжелым сапогом в область живота. Он все еще не смог подняться, когда Кален уже стоял рядом с ним с обнаженным кинжалом в руке. Одним движением Кален поднял голову мага, схватив его за волосы и холодная сталь коснулась горла.

— И все? Это все, ничтожество, на что вы способны? Давай-ка я тебя отпущу, и ты попробуешь еще разочек...

Он отпускает мага, швыряя его на пол. Женщина, уже отбежала от схватки, Кален видел, что она напугана, но не нападает, она просто укрепляла свой магический щит. Но она его и не интересовала, она была с ними, по словам спутника. Спутник тоже стоял в нерешительности, из всех наблюдателей, нечто похожее видели только Инариэль и Барри.

— Кален, он не тот, кто нам нужен, или убей его, и идем, или я его заморожу, чтоб не мешал, — Инариэль стоял рядом, за спиной Калена.

— Не вздумай возле меня использовать атакующие заклятья. Сейчас, это опасно для тебя. Моя сила не разбирает свой-чужой, получишь ответ, как и этот молодчик. Поэтому я и приказал вам не лезть.

Инариэль замер, он не знал, что сила Калена настолько велика.

— Итак, ты сделаешь еще попытку?

Задышавшись, маг пытался что-то сказать, глаза его были полны ужаса, но вместо него заговорила женщина...

— Вы Кален?

— Да что вы все прицепились к моему имени сегодня? Да, я — командор Кален.

Женщина поспешно сделала реверанс.

— Командор, оставьте ему жизнь, он мой ученик. Я... я буду отвечать за него. Я научу его, всему, что узнала от нее.

Рука Калена дрогнула. Он повернулся к женщине.

— От нее??? Ты знаешь, где она?

— Меня не пускают к ней больше. Уже несколько дней, но я была одной из тех, что исцеляли и возвращали ее...

Кален забывает о молодом маге.

— Чему она учила тебя? Чему она могла научить тебя??? Вы пытали ее, вы издевались над ней...

Женщина отступает все дальше от него.

— Командор, я — целитель. Я помогала ей. А Зев, он рассказал нам о ней, рассказал, как она вела себя на первом допросе, мы восхищены ее смелостью. Мы хотим ей помочь. И

помочь вам. Я не знаю где сейчас она, но я знаю, где тот, кто вам нужен.

— Мне нужна она!!!

— Он точно знает, ведь он — мастер пыток.

Кален начинает бить дрожь, он уже представляет, как будет его убивать. Но нет, он должен сначала спасти ее.

— Кален, я предлагаю разделиться, теперь у нас две цели. Выбор за тобой.

— Я иду за ней, надеюсь, Инариэль, что ты сможешь его не убить. Я предпочту вернуться с ним в лагерь, чтобы потом она могла решить его судьбу сама.

— Я не могу тебе этого обещать, Кален. Итак, разделяемся. Дарк, ты со мной, женщина нас проведет. Барри с Каленом и с нашим уже не тайным проводником. От магов Калену пользы не будет, так что арбалетчик как раз то, что нужно. Ну, а мы справимся втроем.

Так и сделали. Женщина наложила заклятье сна на своего ученика, и его заперли в одной из комнатушек, чтобы не мешал.

— Встречаемся у главных ворот, когда закончим со своими делами, надеюсь, твои люди не подведут, проводник, — произнес Кален.

Они ушли в разные стороны.

— Еще твои люди тут будут?

— Больше не должно быть. Ее теперь охраняют только самые приближенные к лорду наемники и маги, среди них нет моих людей.

— Вот и славно, — Кален расправляет плечи. — Разомнусь.

Лестница. Поворот, коридор, поворот, развилка, лестница. Несколько раз им встречаются посты один маг и один наемник. Мага скручивает после первой же попытки атаки, пока он приходит в себя, Кален быстрыми, уверенными движениями справляется с наемником, а потом оканчивает с магом, если болт Барри не успевает пробить магический щит. Больше никакой жалости, он исчерпал ее запас, сейчас все будут платить за ее боль. Некоторые молят о пощаде, Кален лишь смеется, представляя, как молила о пощаде она, когда над ней издевались, но он проявляет благородство и всех убивает быстро.

Его сопровождающий, ничего не говорит, лишь направляет его на развилках и предупреждает о возможных постах. Скорость, с которой они продвигаются, его удивляет, такого имперцам видеть не приходилось. Что делает этот массивный воин с магами? Почему магия на него не действует, как это происходит? Столько всего нужно будет узнать у этих странных людей потом. Все странное, она поразила его сразу, еще тогда в тронном зале. Он видел, как злится отец, из-за того, что не может с ней ничего сделать никакими пытками, он видел ужас в глазах мастера пыток, когда тот шел докладывать отцу об очередном провале. Он заходил к ней после пыток, кормил специальными смесями, которые снимали боль и насыщали, истощенный пытками организм. Немного лечил ее, так чтобы не было заметно мастеру пыток. Но единственное, что шептали ее окровавленные губы, было имя этого воина, который сейчас не идет, просто мчится ей на помощь. И рассказ Дарка об остальных членах их группы, тоже впечатлял, но эти двое... То чувство, что связывало их, его сила... она просто поражала воображение. Его отец, не мог этого понять, но это было поражение, уже тогда, когда он захватил ее и применил к ней пытки, он проиграл уже тогда, после первого ее разговора с Мойрой, после того, как он отказался рискнуть и помочь сыну. Сына он потерял уже тогда.

Они приближались к нижним уровням, света уже не было совсем, но воин продолжал свое стремительное продвижение, словно кошка безошибочно находя путь.

— Еще один спуск вниз и мы будем на нужном уровне. Там основные силы.

Первая стычка произошла прямо на лестнице, уже по знакомому сценарию: попытка мага атаковать, его настигает ответный невидимый удар, маг падает, атакует наемник, Кален быстро его обезоруживает, и просто сбрасывает вниз с лестницы. Маг, корчится от боли и прийти в себя не успевает, когда меч воина выходит из его спины. Быстро и бесшумно, только вот звук падающего тела мог кого-то привлечь, но чем ближе к цели, тем стремительнее становятся движения Калена, это уже не танец с мечом, это просто вихрь точно рассчитанных и выверенных годами схваток ударов.

На следующем посту три мага. Они бьют одновременно, почти, доли секунд между их ударами и Защита Калена отражает все магические воздействия. Двое падают, один остается на ногах, но он не успевает понять, что происходит, Кален разрубает его тело на две части. Барри выпускает несколько болтов и один из магов падает, Кален быстро добивает последнего. Переступает через трупы, вытирая меч об одежду одного из магов.

— Аккуратнее, смотрите, не поскользлись на кишках... — предупреждает он идущих сзади.

Еще один пост, тут уже серьезнее: три мага и пятеро наемников. Наемники бросаются одновременно, один из магов бьет заготовленным заклятьем, и, получив ответный удар, падает, его товарищи еще не понимают в чем дело и плетут общее заклятье на двоих. Кален не обращает на них внимания. Ширина коридора не дает наемникам обойти его и окружить, они могут наступать только по двое и только прямо на него, никакого пространства для маневра. Кален спокойно их ждет, два незаметных глазу движения и один из наемников падает без руки, второй держится за открытую рану на шее. Еще один лихо набрасывается на Калена, стараясь компенсировать умение скоростью, меч рассекает его прямо на бегу. Маги окончили свое заклинание, и наемники отступают им за спины, чтобы не попасть под дружественный огонь. Кален видит их заклинание, и спокойно стоит посреди трупов наемников. Он не делает ничего. Смертельный рой врывается в невидимую стену и, развернувшись, мчится обратно, на сотворивших его магов.

— До вас не долетели? — спрашивает Кален через плечо.

— Нет, ни один.

— Хорошо, я раздвинул щит, но боялся, что могу кого-то упустить.

Маги корчатся от боли, их творения жалят и кусают их, один начинает молить о пощаде, Кален не реагирует на его крики, просто обходя копошащихся на телах насекомых. Остается двое наемников, но вступать в единоборство с этим непонятным существом заляпаным кровью с ног до головы они уже не решаются. Болты Барри догоняют их.

— Молодчина, гном, не нужны нам эти неприятности, когда мы будем возвращаться. Нам еще далеко?

— Нет, еще один поворот и там до тупика.

Кален кивает и поудобнее перехватывает меч. Последний рубеж — у камеры стоит трое магов. Они чем-то заняты, они не видят приближающейся угрозы. Да они колдуют, но это колдовство, не направлено на приближающуюся тройцу, оно направлено на камеру. Что-то очень мощное, но не представляющее прямой угрозы... Морок... Они создают какую-то иллюзию. Нет ни желаний, ни времени разбираться. Одного болтом снимает Барри, двое других падают с задержкой в несколько секунд, живых больше нет. У одного из убитых магов, Кален находит ключ от камеры. Из-за двери раздаются стоны.

Его руки дрожат, он не может попасть в замочную скважину ключом.

— Дай-ка, я, — предлагает Барри.

Кален отдает ему ключ, но не отпускает руку.

— Барри, я... не могу... я... боюсь того что могу там увидеть...

— Мы пришли за ней, это главное, она жива. Все остальное — поправимо, — гном хлопает воина по руке. — Мы все сделаем, друг.

Кален отпускает руку гнома и отходит от двери. За ними с немалым удивлением наблюдает имперец. Они так рвались сюда и вот, когда от цели их отделяет только дверь... они медлят в нерешительности... Этот могучий воин, который словно детей раскидывает личную охрану его отца, признается, что ему страшно, его руки, не дрогнувшие ни при одном ударе, теперь предательски дрожат... Поворачивается ключ.

Перед ними маленькая камера, в лицо бьет запах затхлости, смерти, страха и запекшейся крови. Темная маленькая коморка, посреди нее куча грязной соломы. Едва свет факела пробивает густой сумрак, тело жертвы вздрагивает и сжимается. Рыдания сотрясают щуплое тело, лежащее на соломе кучей грязных тряпок.

Забыв все свои сомнения и опасения Кален бросается к ней. Он аккуратно опускается возле нее на колени, но не может заставить себя дотронуться до нее. Он видит только спину, она сжалась в клубок, пытаясь защититься от холода. На ее теле нет ни одного живого места, все оно покрыто рубцами, свежими и затянутыми корками ранами. Некоторые из них покрыты сочащимся зловонным гноем. Следы от ожогов по всему телу, все тело покрыто запекшейся кровью. Руки и ноги вывернуты под невыносимыми углами, белые обломки костей тут и там торчат из разорванной кожи.

— Мирра, — он склоняется над ней. — Мирра, девочка моя.

Плечи его сотрясаются от сдерживаемых рыданий.

— Милая, я пришел. Я пришел за тобой. Я... — он хочет ее обнять и боится прикоснуться и лишь дотрагивается до головы.

Она поворачивается к нему. В ее глазах безумие.

— Кален! Я знала, я знала, что однажды они не смогут меня вернуть и мои страдания окончатся... ты нашел меня... даже в смерти ты меня нашел... Как хорошо, наконец, умирать...

— Нет, Мирра, я жив, и ты жива

Безумие.

Я в камере. После вчерашних пыток, все еще не могу прийти в себя. Что он там со мной делал? Я уже не помню, кажется клеймо мне поставил, сказал, что я навек его собственность и он как мастер, должен оставить свою подпись... Не помню...

За дверью какой-то шум. Что-то падает, кто-то кричит. В замке поворачивается ключ. Открывается дверь.

— Мирра?! Ты здесь?

— Инариэль?

Я задыхаюсь от счастья, если бы только ноги не были сломаны, я бы бросилась к нему на шею, я бы расцеловала его, но я не могу пошевелиться.

— Я нашел тебя. Я смог. Давай-ка я тебе помогу, — он опускается возле меня на колени и накладывает исцеляющее заклятье.

Очень больно, когда торчащие кости входят назад в кожу и срастаются, терплю. Теперь я как новенькая, меня залатали. Как же замечательно. Они все-таки пришли за мной... но где остальные? Наверное, на подходе. Инариэль помогает мне встать. И накидывает что-то

мне на плечи.

— Идем, Мирра, нам надо уходить, времени мало...

— Постой-ка, а где все?

Но он не слушает меня, он тащит меня за руку прочь по коридору. Что-то изменилось в моем друге, что-то не так...

— Инариэль, — я резко останавливаюсь, вынуждая его посмотреть на меня.

Его глаза, вот что изменилось. Они больше не фиалковые... они красные... В ужасе выдираю свою руку из его рук.

— Что с тобой?

— Мирра, это долго рассказывать, правда. Очень долго. Идем. Нам надо спешить.

— Куда?

— В прошлое Мирра. Я нашел древнее заклятие, оно поможет вернуться тебе в прошлое и все исправить, это можешь сделать только ты. Ты не должна отправляться на встречу с Мойрой, ты не должна подходить к Сиону, не должна попадать в плен, иначе случится то, что случилось...

— Что случилось, Инариэль? Сколько времени я здесь?

— Больше года.

— Год?! — шепчу я. — Я была здесь целый год? Куда мы идем?

— Нам нужно найти остальных. Они все здесь, я это знаю. Мы должны их освободить, чтобы они помогли нам отправить тебя назад.

Мы пробегаем мимо какой-то клетки, там лежат человеческие останки... все они покрыты красным минералом.

— Что это?

— Это сад, они его так называют, красный лириум... они нашли способ не просто его добывать, они его выращивают, но для этого... им нужны люди, живые люди. Человека заражают, красный лириум питается энергией жизни и постепенно пожирает человеческое тело, превращая его в кусок красного лириума, он как будто растет внутри тебя... Мирра, все... Все кого ты увидишь заражены. Поэтому у нас красные глаза. Мы все умираем, весь мир... поэтому ты и должна вернуться... ты должна это предотвратить... Так вот здесь.

Я не успеваю понять как, но Инариэль убивает двух стражников и забирает у них ключи.

Инариэль подходит к очередной клетке, там Барри, его глаза тоже красные.

— Ну, чего ждешь, эльф, открывай, пока я еще могу бегать... помогу тебе в твоей затее. Мирра, я так рад снова тебя увидеть.

Дверь распаивается, и Барри уже шарит в сундуке стражи, в поисках своего арбалета.

— Эх, гады, выпили всю мою настойку... А так хотелось хлебнуть...

Мы спешим дальше. Натыкаемся еще на один патруль, Барри стреляет в одного из них...

Инариэль справляется с другим.

— Вот, тут твои вещи, Мирра.

Инариэль открывает комнатку стражи. Там действительно на стене висят все мои вещи, быстро одеваюсь и вооружаюсь: «близнецы» и ножи на месте, а вот катар пропал, его нет...

Бежим длинными темными коридорами, то и дело нарываемся на красноглазых имперцев, всех убиваем. Они все равно уже мертвы все... А я могу все остановить, мне только нужно вернуться. Бегаем долго, наконец, в одной из камер находим Кару.

— Кара!

— Мирра, — она не улыбается, она не рада мне.

— Кара, что случилось, ну кроме, всего этого безумия, которое здесь происходит?

— Что случилось? Ты еще спрашиваешь, что случилось? Это ты, ты виновата в том, что все это случилось, если бы ты не пошла в Сион, ничего бы не случилось!!! Он был бы жив!!!

Сердце падает, такой боли мне не причиняла ни одна пытка.

— Кто, Кара? — но я уже знаю ответ. Ноги уже не держат меня, я опираюсь на стену... в голове только одна мысль «Только не он, Создатель, только не он, я не смогу без него... я не знаю, как мне жить без него...»

Но реальность неумолима...

— Кто? Она еще спрашивает кто.. — Кара пышет яростью мне в лицо. — Кален... Конечно Кален, дура! Он бросился тебя спасать, как только мы узнали, он собрал всех наших людей и повел сюда, в Сион, на верную смерть. Он не мог допустить твоей смерти и вел их сам. Я была в арьергарде. Он дрался... — Кара запнулась. — Он был отличным воином и очень дорого продал свою жизнь.

Я ничего не слышу... кровь стучит в голове словно колокол, набат... Он умер, умер из-за меня... это я, я убила его, если бы не моя самоуверенность... Он был бы жив, ничего бы этого не произошло... Из груди вырывается стон отчаяния: «Кален, Кален». Зачем все это? Зачем??? Лучше умереть, чем жить так... понимая, что... это я... Я...Я... Никто другой... Все это из-за меня... Почему, почему я не могла просто умереть тогда, на совете, вместе со всеми теми, кто там погиб... Зачем я выжила??? Зачем??? Кален!! Из бездны страданий меня вырывают пощечины Кары, она пытается привести меня в чувства, но меня разрывают рыдания, я не могу встать... Я могу думать только о том... что он умер... его больше нет... я никогда его не вижу... никогда уже не смогу ему сказать, что он значит для меня... Это боль... она заполняет меня, она вырывается стонами и рыданиями, она разрывает и уничтожает меня... Что может сравниться с этой болью? Ничего... Никакие пытки не приносили мне больших страданий... Создатель...

— Вставай! Нам еще нужно найти Энель. Ей хуже, чем нам всем, по каким-то причинам, они так и не смогли ее заразить, теперь они ставят опыты на ней, режут по кусочку и смотрят, что из этого выйдет.

Кален...

Я заставляю себя встать. Надежда еще есть, Инариэль сможет отправить меня в прошлое, я смогу все изменить, если надо я убью ту себя и займу ее место, но я не допущу того что произошло...

Кален... сердце рвется на части!!

Мы долго бегаем по каким-то коридорам, я не могу понять, где я нахожусь, но маг хорошо ориентируется. Он знает, куда нас вести. Мы то и дело натыкаемся на кого-то: маги, наемники, солдаты, Видящие... убиваем всех, без разбора... они все мертвы, он мертв, я тоже умерла... Но я могу вернуться... надежда еще есть... Мы находим одну из пыточных комнат, и все внутри меня сжимается. Бедная Энель, я могу представить какого ей... я была в этих комнатах... Мы находим ее и вырываем из рук какого-то безумного мага... Но понять, что это Энель мы можем лишь потому, что она знает нас всех... Ее изуродовали, с нее срезали кожу... я не могу представить, что еще они с ней делали, но у нее нет лица... Она жива... Инариэль пытается ей помочь, но раны не заживают. Она открывает глаза и говорит, что все нормально и она может идти с нами, ее внешний вид уже не важен, если я не вернусь... погибнет весь мир..

Мы идем дальше. Нам нужен тронный зал, только там достаточно сильный

энергетический поток, чтобы открыть переход между временами. Мы прорываемся туда с боем. Путь свободен. Инариэль начинает творить заклинание перехода.

И тогда случается страшное. Барри подходит ко мне обнимает и говорит, что они с Карой решили остаться охранять подходы. Они будут снаружи. Я прошу их не делать этого. Но он лишь улыбается себе в бороду и говорит:

— Девочка, если ты не сможешь вернуться, мы все равно все умрем, так что ты уж постарайся, чтобы наши смерти не стали напрасными.

Он целует меня в щеку и уходит, заряжая арбалет на ходу. Потом ко мне подходит Кара.

— Вот, — она вкладывает мне в ладонь монетку. — Кален... просил, перед смертью, чтобы, если я смогу, я отдала это тебе, как напоминание о нем... Исправь все, когда вернешься. И мы еще напьемся все вместе... вместе с ним... Ты ведь знаешь, что я его любила? Знаешь, что я хотела убить тебя после его смерти... а сейчас, ты опять единственная надежда... Вернись и исправь все. Мы с гномом сделаем все, что зависит от нас. А ты сделай все, что зависит от тебя.

Она тоже уходит, за ними запирает дверь Энель. Она нашла лук и стрелы. И сказала:

— Я буду здесь, никто не сможет пройти пока у меня в колчане есть стрелы. Поторопитесь. Похоже, что они привели великана. Инариэль, поторопись!

Снаружи раздавались звуки боя. Я слышала боевой клич Кары, я слышала... как он резко оборвался, это могла означать только одно... Кален, Кара... Потом начали ломать дверь, я слышала это. Я видела как под могучими ударами сотрясаются створки... Энель наложила стрелу на тетиву.

— У вас почти не осталось времени! Я постараюсь их задержать!

Дверь вздрогнула и упала. Смертельным ураганом полетели стрелы Энель.

На пороге появился великан, рядом с ним отряд Видящих. Сделав первые шаги, они швырнули что-то в нашу сторону...

Кара... Барри... по полу, оставляя за собой кровавый след, катились две головы... Кален, Кара, Барри... я должна вернуться... я должна все исправить...

Я вижу как Энель выпускает последнюю стрелу. Вижу, как в отчаянной попытке остановить продвижение врагов к нам, она бросается к ним... Я вижу, как великан хватается за нее и разрывает ее тело на части... Энель...

Я поворачиваюсь к Инариэлю, чтобы его поторопить... но... я успеваю увидеть лишь как лорд Каст пронзает его сердце ударом в спину и потом достает свой клинок, разрубая тело эльфа от груди до плеча...

Инариэль... Барри... Кара... Энель... Кален...

Их больше нет... никого нет... и надежды нет... так и не оконченный магический портал гаснет... больше нет надежды, я не смогу вернуться, никогда... я не смогу ничего исправить...

— Какая удача, что твои друзья вывели тебя на прогулку и даже подремонтировали, вот обрадуется мастер, узнав, что с его любимой игрушкой все в порядке. А у меня есть шанс показать тебе, чего мы достигли благодаря тебе!!! Ведь не попадись ты тогда в нашу ловушку, ваш Кален не бросился бы сломя голову тебя спасать и мы не смогли бы уничтожить ваше хоть и многочисленное, но еще слабо подготовленное воинство... Какая удача для нас... Пойдем, я тебе все покажу...

Я пытаюсь сопротивляться, но трое Видящих для меня — слишком много, они вырывают мои клинки и заламывают руки, связывая их за спиной. Лорд Каст хватается за

волосы и на шею застегивает ошейник, но не простой, а с шипами внутрь, и так же тащит меня на цепи, как когда-то мастер вел в тронный зал. Он подводит меня к окну.

— Любишься, это все сделала ты!

На сколько хватает взгляда все покрывает серый пепел, в пределах моего осмотра я вижу около десятка разломов, повсюду снуют демоны, они рвут останки человеческих тел. Дым и пожары — вот и весь пейзаж, до самого горизонта. Живых людей я не вижу. Но я вижу стену копий с надетыми на них человеческими головами...

— Это моя стена славы. Все ваши — там. Где-то там гниет и голова твоего Калена, но чтобы ему не было одиноко, остальных мы тоже отправим туда.

Воины обезглавливают тела Энель и Инариэля и, подхватив головы Кары и Барри выходят...

Ноги меня не держат... Надежды больше нет... нет больше никого и ничего на этом свете... Как же я мечтаю умереть, и быть вместе с ними всеми, там... в свете... в смерти... все равно... только бы не одна... Кален... Кара, Барри, Энель, Инариэль... Все в пустую... не обращая внимание на впивающиеся в шею шипы и связанные за спиной руки я падаю на колени и захожусь в рыданиях...

— Ты хочешь умереть? Ты, надежда всего мира, которая этот мир погубила? Ты хочешь умереть?

— Да, я хочу умереть. Убей!

Он смеется мне в лицо! И бьет меня.

— Нет, ты не умрешь. Ты будешь жить... Твой мастер скучал по тебе. Сейчас он придет и заберет тебя назад. Ты снова будешь только его... его собственностью, его произведением, он опять будет тебя истязать, а маги будут тебя лечить и теперь... это будет продолжаться вечно...

Он передает цепь подошедшему мастеру. Тот подтягивает меня к себе и схватив за ягодицы прижимает к низу своего живота.

— Ах, какая хорошая работа. Ты совсем как новенькая. Сколько удовольствия я получу... Сколько сладких минут я проведу с тобой... И на сей раз... ты станешь мне подчиняться... ты будешь меня молить, ты будешь делать все, выполняя любые мои прихоти...

...Барри протягивает мне впервые свою настойку, как давно это было? Мы тогда впервые встретились. А потом, у костра он рассказывает разные истории, и я смеюсь, и он довольно крикает в свою рыжую бороду.

Инариэль рассказывает мне что-то сидя за кубком вина в таверне, он улыбается мне, он всегда мне улыбался, и его фиалковые глаза всегда смотрели на меня с нежностью.

Заснеженная поляна на опушке леса, где-то неподалеку наш лагерь... Кален смотрит на меня, в его голубых глазах пылает огонь страсти. Он прижимает меня к себе и целует...

Где-то в Лоринге отдыхает после дружеского боя с Каленом Кара, наверняка, рядом с ней сейчас Энель, они смеются и подшучивают друг над другом.

— Нет, — отвечаю я мастеру пыток. — Вы уже отобрали у меня все, чем я дорожила, все кого я любила, уже мертвы, вы больше не сможете причинить мне боль, никакие страдания, не сравнятся с этим. Но я никогда, слышите, никогда не предаю их память. Все они будут жить, пока жива я. Кален, Энель, Кара, Барри, Инариэль... все они живы, потому что я помню о них.

Я рвусь с цепи, шипы вонзаются мне в шею, я знаю, они не убьют меня, они лишь рвут

кожу. Из последних сил, задыхаясь, я смотрю в глаза лорду.

— Как ваш сын, лорд? Умер? Вы ведь так и не дали мне ему помочь! Мои друзья умерли свободными, сделав свой выбор, отдав свои жизни ради спасения мира, а вы, лорд, вы умрете рабом, так же как жили! А я буду свободна, так же как все те, кого уже не вернуть!

Я плюю ему в лицо. И улыбаюсь, когда мастер пыток бьет меня по лицу. Повернувшись к нему, я опять бью его между широко расставленных ног, пока могу, я буду сопротивляться. Теперь уже мне ничего не страшно. Меня тащат в пыточную. Но мне уже все равно. Я смеюсь, когда не кричу от боли. Он насилует меня, а я смеюсь над ним, последними словами оскорбляя его мужское достоинство. Я смеюсь.

Мой разум может больше никогда не возвращаться в это тело, здесь не осталось ничего ценного для меня. Я навек останусь на заснеженной поляне со своим любимым и в воспоминаниях о друзьях.

Холод пронизывает до костей. Я опять в камере, кто-то возится с замком... мастер пыток открывает камеру сразу, не давая мне возможности опомниться, значит это не он.. Кто бы это мог быть?

Нет... только не это... я не хочу переживать это еще раз, пожалуйста, пускай это будет не Инариэль...

Кто-то склоняется надо мной, я слышу его дыхание.

— Мирра, — произносит такой любимый голос, но почему-то он дрожит. — Мирра, девочка моя.

— Милая, я пришел. Я пришел за тобой. Я...

Нежное прикосновение к моей голове.

Я не могу не посмотреть, поворачиваю голову, это он. Это действительно он. Мой Кален. Наконец-то. Все окончилось. Я умерла. Теперь можно отдыхать. Теперь мы снова будем вместе. Все вместе.

— Кален! Я знала, я знала, что однажды они не смогут меня вернуть и мои страдания окончатся... ты нашел меня... даже в смерти ты меня нашел... Как хорошо, наконец, умирать...

Пленные.

— Это здесь, прошептала женщина. У них была назначена встреча, после того как они закончат с ней... Сейчас и лорд и мастер здесь. Больше никого нет. Это какой-то секрет. Нам никогда ничего не говорили, просто мы должны были ее возвращать, когда она умирала, больше мы ничего не знали.

Инариэля терзали и муки совести и муки ревности и в большей степени, его терзало желание отомстить. Нельзя было этого так оставлять, она мучилась, все это время ее терзали, она страдала, еще не известно в каком состоянии ее найдет Кален. Он хотел их убить, но в то же время он понимал, что Кален прав, и самым жестоким приговором для них станет ее приговор.

— С чем мы можем столкнуться?

— Лорд — один из могущественнейших магов. Мастер пыток — просто раб, который получает удовольствие от боли других. Вне пыточных камер он просто жестокий человек.

— Значит нам предстоит справиться с одним магом и одним... — Инариэль не может подобрать слова, его переполняет ненависть и презрение.

— Есть один способ, если мы не хотим их убивать, — Дарк стоит, облокотившись на

стену. — Заклинание паралича. Если кто-то из нас сможет объединить силы все троих, этого будет достаточно, мы сможем взять их, а они смогут лишь смотреть на нас.

— Так и сделаем, — кивает Инариэль. — Я знаю эту магию. Для меня это несложно. Только продолжительность заклинания такой силы — совсем невелика, нам нужно будет действовать быстро.

Подготовка заняла несколько долгих минут. Инариэль кивнул, говоря, что все готово, Дарк распахнул дверь и магический свет окутал двоих, находящихся в комнате, людей. Краткая секунда и все было окончено. За столом статуей застыл лорд, перед ним неподвижно стоял, полуобнаженный мужчина. Быстрыми уверенными шагами нападавшие вошли в комнату, заперев за собой дверь. Дарк и Инариэль связали обоим пленникам руки за спиной.

Действие заклинания окончилось. Лорд пошевелился.

— Так вот, кто вывел их из города. Она солгала, все-таки солгала. Как мог ты, сын империи, предать своего лорда?

— А как мог лорд предать своего сына? Не тебе учить меня преданности.

— Я учил тебя магии, я был твоим наставником! Как осмелился ты пойти против меня?

Дарк скривил губы в усмешке.

— Хватит пустой болтовни, — остановил перепалку Инариэль. — Меня больше интересует состояние девушки. Что вы сделали с ней?

Глухо забулькал мастер пыток, оскалив желтые пеньки зубов.

— Я делал с ней все, что хотел. О, эльф, ты удивишься, увидев ее. Она — мое лучшее творение. Никак я не ожидал от нее такого упорства. Каким наслаждением было причинять ей боль, и не только это, эльф. Она стала моей рабыней, послушной игрушкой в моих руках, как прекрасно было ее убивать и не давать перейти черту...

Глаза эльфа налились кровью. Лишь одно краткое слово и мощный энергетический удар свалил мастера пыток на спину, когда спина мастера коснулась пола, кинжал эльфа уже был у его горла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я смогу ей помочь, а потом. Потом будет суд. Она сама решит твою судьбу, жалкий червь!

— Ничего у вас не выйдет, — спокойно говорит лорд. — Вы не сможете ее вернуть. Она не перенесла последней пытки. Она сошла с ума. Ее больше нет. Ты сможешь залечить ее раны на теле, но то, что мы сделали с ее разумом, тебе уже не исправить. Это уже не она. Два дня она не говорит ни слова, она только смеется своим безумным смехом, даже когда ее пытаются, она смеется. Ты сможешь вернуть ей рассудок, эльф? Вам будет проще ее просто убить. От нее больше не будет никакого толку. Мы выполнили поручение. Вы опоздали, страшно признаться, но опоздали всего на пару дней. Три недели пыток не принесли такого результата, как несложная, но хорошо созданная иллюзия. И вот, она навек заперта, в своем кошмаре. Теперь ее пытки будут длиться вечно, потому что для нее реальна, та реальность, а не эта. Все это будет для нее сном, в который она впала после очередной пытки.

— Что вы ей показали? Какую реальность вы нарисовали для нее?

Лорд смеется.

— Нет, эльф, я не стану тебе помогать. Скажу лишь одно — там очень страшно для нее, конечно. Все было сделано специально для нее. Вы можете делать с нами, что хотите, мы выполнили нашу задачу.

— Для кого? Кому нужны были ее страдания? Кто стоит за всем этим?

— Этого я тебе тоже не скажу. Вы ведь не звери, не станете нас пытаться? — он смеется. — Она бы этого не одобрила.

Яростно рыча, эльф убирает кинжал от горла мастера пыток.

— Я смогу все исправить. Когда ее магия вернется к ней, я все исправлю. Надеюсь, ваш сын, лорд, все сделал правильно и наши маги уже ищут тот самый артефакт, который создал этот магический купол, лишаящий ее силы....

— Мой сын? При чем тут мой сын?

— Все просто, лорд. Зев не захотел смириться со своей неминуемой смертью, он и прежде сомневался в ваших... методах и целях, а после разговора с ней, он стал нам помогать, — Дарк наслаждался созерцанием изменений в лице лорда. — Он помогал нам во всем. И, думаю, сейчас он уже помог Калену ее найти, и они возвращаются.

— Кален??? Тот самый Кален, за имя которого, она цеплялась во время истязаний... Я очень хочу увидеть этого человека, кто смог так покорить ее сердце, что одно имя его было для нее оберегом.

— Он не совсем человек, он Видящий, — Инариэль спокойно спутывал ноги пленных, чтобы пресечь любые попытки к бегству. — Тебе не понравится, лорд, то, что сделает с тобой этот Видящий. Если твой мастер умеет пытаться людей, то Видящие мастера развязывать языки магам, а наш Кален — лучший, в своем деле.

По лицу лорда пробежала тень страха, но лишь на секунду, затем он взял себя в руки.

— Вам не выйти отсюда. Весь город заполнен верными мне людьми.

— Так ли они верны тебе, лорд, мы уже скоро увидим, — погладил бородку Дарк. — А вот тем, кто останется тебе верен, ты сам прикажешь сложить оружие... Мы позаботимся об этом.

Закончив связывать пленных, они двинулись к месту встречи.

Несколько раз по дороге им приходилось переступать через трупы. Но боев нигде уже не было. В тронном зале стояло около двух десятков человек, магов и наемников. Когда они ввели в зал пленных, раздались торжествующие крики.

— Дарк, брат, все исполнено, в замке не осталось лишних людей, никто нам не помешает. Только наши.

— Зев и его спутники еще не появлялись?

— Нет, мы ждали, как и условлено здесь, быть может им помощь нужна? Так мы...

— Нет, им точно не потребуется помощь, во всяком случае, магов, я бы туда не рискнул посылать точно. Будем ждать их здесь, это единственный выход, располагайтесь, — Дарк сел на удобный стул, заставив лорда встать на колени.

Шло время, возвращались разведчики с докладом, что беспорядки в городе уже закончились, больше никто не сопротивляется, самые рьяные — убиты, те, кто смог понять, что сопротивление бесполезно, взяты в плен. Горожан выпустили из их домов. Город мог возвращаться к привычной жизни. Сейчас все верные люди занимались поиском артефакта, скоро его найдут, и проклятое заклятие закрытия будет снято.

Первым в тронный зал вошел Барри, за ним шел Зев. Кален появился через несколько минут, он аккуратно нес на руках что-то полностью укутанное в плащ. Инариэль не мог поверить, что это было тело Мирры. Это не могла быть она. Он бросился на встречу. За руку его остановил Зев.

— Постой, я пока усыпил ее и снял, на сколько, это возможно боль, чтобы он мог хотя

бы укутать ее в плащ и нести, но... Тебе, не стоит пока на это смотреть. Даже Барри не смог... Да и Калену было очень... тяжело...

— Я представляю, — он сбросил руку Зева и решительно подошел к Калену.

Он хотел спросить что-то у командора, но одного взгляда хватило, чтобы понять, что все очень плохо. Grimаса боли исказила лицо Калена.

— Я не мог даже дотронуться до нее, Инариэль. Она... я не мог взять ее на руки... Мне кажется, у нее не осталось ни одной целой кости, маг, они все сломаны и... нам нужно выбираться отсюда. Ей нужна твоя помощь.

— Кален, я не смогу мгновенно срастить ее кости, и излечить ее раны, ты же понимаешь? Это будет очень долгий путь назад. Я могу только облегчать ее боль и давать лечебные мази и делать припарки. Но все это мы обсудим потом, сейчас, нам нужно выбраться и решить, как ее... доставить в Лоринг. Я буду с ней все время, но как только будет уничтожен артефакт, лишаящий ее силы, прикасаться к ней сможешь только ты, Кален. Тебе придется все делать самому, я буду только помогать... Ты готов к этому? Мы можем остановить тех, кто ищет артефакт, пока он действует, я могу справиться сам, тебе не придется проходить через это.

— Я готов, — спокойно сказал Кален. — Я все сделаю. Пойдем.

Когда они вышли из замка на площади уже собралась толпа. Впереди они толкали лорда и мастера пыток, за ними взявшись за руки, шли Зев и Дарк. Толпа встретила их ликованием, потом шли все имперцы, присоединившиеся к восстанию в замке, замыкали процессию Инариэль, Барри и Кален, несущий на руках, ее тело. Радостное ликование толпы сменилось траурным молчанием, когда они увидели шедших последними победителей. Женщины закрывали глаза руками и плакали, мужчины опускали головы, никто не мог смотреть без боли на эту троицу. Печаль постепенно сменилась ненавистью и в пленников полетели предметы, подвернувшиеся под руку. Пришлось останавливать бушевание толпы.

— Мирра, эти люди, даже не знают тебя, — шептал Кален, склонившись к телу, завернутому в плащ. — Но даже они уже готовы идти за тобой! Ты уже их герой. Держись, девочка, ты так нам нужна. Ты так нужна мне...

К ним подошел хозяин того самого постоянного двора, где они останавливались.

— Господа, я взял на себя смелость оставить ваши комнаты за вами, я найду еще одну комнату, вы можете оставаться моими гостями, сколько вам будет угодно. Я не мог ничего сделать раньше, господин, эльф, у них были мои дети и жена, они приказали мне молчать и я трусливо молчал.

— Ты не мог ничего сделать, добрый человек, мы знали об опасности, как только вошли в город, — Успокоил его Инариэль. — Мы воспользуемся твоим предложением, нам нужно некоторое время, чтобы я мог... Хотя бы что-то сделать, для того чтобы ее можно было увезти. Нам понадобится много всего...

— Да, конечно, господин, я все достану, жена и дочь, они... помогут ее... обмыть...

Инариэль покачал головой.

— Не думаю, что твоей дочери стоит смотреть, на то... что они сделали с ней... Да и они не смогут помочь. Никто, кроме командора не сможет к ней прикоснуться, когда будет разрушена магия... Они смогут помочь только ему... И мне... Кален, пойдем за человеком, у нас там комнаты, там мы сможем... все обдумать.

Кален лишь кивнул, он нес ее так бережно, как только мог и, все равно, понимал, что каждое его движение причиняет ей боль, он чувствовал, как вздрагивает ее тело от каждого

шага.

Добравшись до таверны и поднявшись в комнаты Кален аккуратно опустил ее тело на кровать. Инариэль чуть дышал... Он боялся того, что может увидеть. Кален освободил ее тело от укрывавшего его плаща.

Инариэль прикусил язык, чтобы не застонать.

— Нужна вода, — крикнул Инариэль хозяину. — Много воды, много чистой ткани... Кален, нам придется... смыть это все с нее, чтобы я мог... приступить к лечению...

— Так давай сделаем это...

— Ты понимаешь, что мне придется прикасаться к ней, Кален. Ты понимаешь, что я буду касаться ее обнаженного тела?

— Инариэль, ты за кого меня принимаешь? Ты, действительно, считаешь, что я буду ревновать тебя к ней? Ты считаешь, что сейчас меня заботит ее целомудрие, мне ее жизнь сейчас важна, все остальное не имеет значения. Ты должен ей помочь, пока артефакт еще не уничтожен.

— Я должен был уточнить, чтобы потом не попасть под твою горячую руку, друг. Но есть еще кое-что. Для нее это будет очень болезненно, все, что мы будем делать, будет причинять ей очень сильную боль. Она еще спит, я буду поддерживать ее в таком состоянии, но... этого будет мало... Я просто предупреждаю, Кален.

Кален стиснул зубы и кивнул. Хозяин принес воды, но лишь кинув взгляд на кровать, отвел глаза и произнес:

— Я сейчас еще принесу, жену не пущу, не надо ей... я все сам принесу...

Кален и Инариэль принялись ее омыwać. Она стонала и кричала от каждого прикосновения. Они смыли запекшуюся кровь с ее лица: половина лица — просто сплошной отек, глаза не видно, щека разорвана из раны сочится гной, на виске рваная рана. Губы искусаны так, что невозможно понять где губы, где раны. Содрогаясь, они продолжают смывать кровь с шеи: все шея в рваных ранах, неглубоких, но они повсюду, словно она рвала себе шею ногтями или кто-то рвал. Они смывают плечи. Инариэль дрожит всем телом... нежная мягкость матовой кожи сохранилась только у него в воспоминаниях, сплошные раны, новые раны поверх старых ран, кое-как подлеченных целителями, нет ни клочка той кожи, только рваное месиво. Он поворачивается на гневный стон Калена. Тот молча указывает ему на выжженное на плече клеймо. Они стараются не смотреть друг на друга, но смотреть на нее — еще мучительнее. Обе руки ниже локтя сломаны в нескольких местах, пальцы рук раздроблены, ногтей нет. Кален не выдерживает, вскакивает, хватаясь за меч.

— Стой, — останавливает его Инариэль. — Что ты собрался делать?

— Я убью их, убью их обоих, я буду резать их на мелкие кусочки, долго, очень долго... Я буду отрезать от них по чуть-чуть каждые несколько минут... Я буду... Я

— Успокойся, это не поможет ей. Мне сейчас нужна твоя помощь, ей нужна твоя собранность, ей нужна наша помощь, а не месть. Оставь свой меч, для праведной битвы и помощи мне. Помоги ей. Я должен видеть все повреждения, чтобы... лечить...

Кален со стоном опускается на колени рядом с ней, продолжает смывать кровь.

— Ты сможешь это... соединить, вернуть ей руки, пальцы?

— Это сложно, Кален. Я соединю кости, зафиксирую их, но срастаться они будут сами... и, если они срастутся не так... тебе придется их ломать, Кален. Уже тебе...

— Ломать??? Я должен буду ломать ей кости? Ты в своем уме?

— Я постараюсь не допустить такого, Кален. Но... все может случиться...

Они продолжают очищать ее раны, содрогаясь, от уже увиденного, они больше не разговаривают, новые и новые ужасные раны, все тело покрыто ими. Сжимаются кулаки Калена, вспышки ярости блестят в глазах Инариэля, но они продолжают.

Омывая ее грудь, Инариэль останавливается, отворачивается к небольшому окну, впивается пальцами в раму.

— Он... — шепчет Инариэль. — Кален, он...

Кален смотрит на то, что заставило эльфа, бледнеть. Вся ее грудь покрыта следами от человеческих зубов. Кален закрывает глаза, глубоко вдыхает, медленно сквозь зубы цедит:

— Инариэль, мы догадывались, что он мог с ней делать. Она не перестала быть собой от этого. Ее не изменило это. Это все еще она. Он ответит за все, но наше отношение к ней... не должно измениться, она не заслуживает нашего порицания.

— Я знаю, Кален. Знаю. Он сказал, что...

— Не надо. Давай просто все сделаем. Давай не будем говорить об этом.

Инариэль возвращается к ее телу. К тому, что осталось от ее тела. Они очищают все новые раны, и все больше становится жажда мщения. Укусы животных, огонь, лед, насилие, все это в ее ранах, каждая рана говорит о способе ее нанесения. Сжимая зубы, они вдвоем смывают кровавые следы с ее бедер. Ноги в таком же состоянии, как и руки. Смыв все с живота Инариэль поворачивает ее, давая Калену возможность обмыть спину. Все сделано. Они укрывают ее тело мягким теплым покрывалом. Инариэль начинает накладывать повязки на пальцы, руки, ноги, перед этим аккуратно соединяя разломанные кости. Она стонет при каждом прикосновении, по ее щекам катятся слезы, а потом она начинает смеяться. Она стонет и смеется одновременно, совершенно сводя с ума и без того подавленных спасителей.

— Это пока все, что я могу сделать. Сейчас хозяин принесет травы, я сделаю мазь, которая поможет залечить мелкие раны и еще нужно будет на ожоги сделать специальные припарки. Не сразу, но они смогут убрать их следы. Мы больше не можем ничего сделать, Кален. Ей сейчас лучше просто поспать, а нам надо бы выпить и поговорить. Тот, что пытал ее, сказал еще кое-что. Я не хочу хранить эту тайну. Ты тоже должен знать.

Кален молча собирает окровавленные куски ткани.

— Иди, Инариэль, закажи еды и выпивки, я хочу побыть с ней. Немного.

Эльф выходит, закрывает за собой дверь и останавливается. Голова кружится, горло пересохло, сердце упало в пятки. Он не помнил, когда с ним было что-то такое. Такой боли он не испытывал никогда. Он спускается в обеденную залу. За столом мрачнее тучи сидит Барри. Перед ним кувшин вина. Не произнося ни слова, Инариэль, осушает кувшин без остатка. Молча рядом со столом, появляется хозяин и ставит еще два кувшина. Он видел ее. Он видел, как они омывали ее. Он понимает, каково сейчас этим двоим. Он не говорит ни слова, просто приносит еще две порции еды и ставит на стол.

Инариэль садится и осушает еще один кувшин. Барри молча смотрит на него.

— Кален?

— Сейчас придет, он... пока не может прийти в себя, попросил дать ему время, немного.

— Я видел, что все плохо, друг, но, насколько все плохо, ты же маг, целитель, ты сможешь...

— Я сделаю все, что смогу, но я не обладаю ее способностью, я не могу исцелить ее энергией жизни, как делала она. Я могу только ускорить немного ее выздоровление.

У стола появляется Кален. Как и эльф без разговоров он осушает кувшин вина. На столе

тут же появляются еще три кувшина. Перед ними дымятся кушанья, но кусок не лезет им в рот, пока они только молча разливают вино по кубкам и пьют. В таверну входит Зев вместе с Дарком. Так же молча садятся за стол и наполняют кубки. Никто не начинает разговор, всех одолевают тяжелые мысли. Каждый предпочитает бороться с ними сам, не делится с остальными. Первым нарушает молчание Кален.

— Вы нашли артефакт?

— Да, командор. Мы пока не решились его уничтожать, решили дать вам время, ведь потом оказание помощи ей сильно усложнится, — отвечает Зев. — Как только вы дадите разрешение, мы все сделаем.

— Спасибо. Предусмотрительно. Инариэль скажет, я не смыслю в этом ничего, да и для меня, в отличие от вас всех, ничего не изменится.

— Мне надо еще несколько дней. За это время нужно будет нанять повозку, все обустроить для того чтобы можно было ее везти в лагерь. Путь неблизкий, я думаю, ее тело уже... излечится, если и не полностью, то по большей части. Меня тревожит другое...

— Вас тревожат слова о том, что хуже телесных ран? — уточнил Дарк.

— Д-а. Но наших друзей не было с нами, когда мы это услышали, ты не мог бы... им рассказать... я отойду... Хозяин принес мази, я пойду к ней...

— Рассказывай, имперец, что может быть хуже того, что я уже видел? — Кален был уже отстранен, спокоен, даже безразличен.

Таких мук ему не доставлял даже отказ от обата. Он был подавлен, просто уничтожен. Перед мысленным взором все еще было истерзанное тело Мирры. Это не оставляло его. Мысль о том, что он не должен был ее отпускать, ведь если бы он тогда... Эта мысль терзала его, она не давала ему покоя...

— Когда мы захватили их. Мастер пыток наговорил много всего, но то, что сказал лорд, было куда как более полезно. Он сказал, что она не вынесла последней пытки и обезумела. Он сказал, что недели пыток тела не сделали того, что иллюзия. Он сказал, что мы опоздали всего на пару дней, но для нее теперь вся оставшаяся жизнь будет чередой пыток. Еще он сказал, что выполнили чьи-то указания, выполнили приказ. Инариэль не смог заставить его сказать, что за иллюзию они создали для нее, и мы не знаем кто отдал приказ. Вот, кажется, все.

— Им мало было ее искалечить, они еще и свели ее с ума... Что им было нужно от нее? Зачем? Зачем я отпустил ее? — Кален осушил кубок. — Мы вернем ее. Чего бы это не стоило мне, мы вернем ее.

Он не злился, он не кричал, он был в отчаянии. Он говорил, но сам не верил своим словам, он слышал ее безумный смех, он видел безумие в ее глазах, когда нашел ее. Он не знал способа, но хотел верить, что они найдут этот способ. Не могло все закончиться так... Не могло... Не должно было...

— Я пойду, помогу магу. А вы, пока отдыхайте. У нас есть несколько дней, чтобы каждый мог решить, что ему делать дальше.

Он встал из-за стола и отправился наверх. Инариэль аккуратно накладывал повязки на ее раны.

— Ты вовремя, мне не мешает помощь, да и очень... больно быть здесь одному.

Кален выслушал указания и преступил. Они наносили целебные бальзамы на каждую рану, какие-то раны Инариэль еще и заколдовывал. Оба они осунулись. Огонь в глазах пропал, они делали то, что должны были делать и каждый молча винил во всем себя.

— Дарк рассказал вам?

— Да, он сказал, что она безумна, но я понял это еще раньше, понял, когда она посмотрела на меня и сказала, что, наконец, ей дали умереть и что, я нашел ее в смерти...

— Ты нашел ее в смерти?

— Да, так она и сказала... Это что-то тебе объясняет?

— Я не уверен, — покачал головой Инариэль. — Это может значить, лишь, что они убедили ее в том, что ты мертв. Но я не думаю, что это могло бы свести ее с ума, скорее ее охватила бы жажда мести. Нам нужно узнать, что они ей показали, чтобы мы могли думать, о том, как ей помочь...

— Они знают, что делали с ней... Нам нужно лишь заставить их говорить...

— Пытки?

— Я не знаю. Мы должны узнать, в чем дело. Мы должны ей помочь.

В обратный путь.

Через день было решено, уничтожить артефакт. Горожане хотели вырваться из этого замкнутого круга, их жизнь возвращалась к своему нормальному ритму. Некоторые имперцы, решили примкнуть к рядам Хранителей, все остальные решили вернуться в Империю и продолжить там распространять идею о ценности каждой жизни и рассказывать истории о молодой эльфийке и могучем воине, о Хранителях и их целях, о тех, кто остался с ними о тех, кто погиб во имя высших целей. Это была новая идея для имперцев, всегда озабоченных лишь своей собственной персоной. Эти истории стали плотком свежего воздуха для загнивающего болота империи.

Как только был разрушен артефакт, на ее груди вновь заблестал голубой кристалл. Ее хранитель вернулся, теперь только Кален мог заботиться о ней. Повозка была готова, хозяин таверны помогал им грузить вещи, ее оружие, он спрятал, как только они пропали и сейчас аккуратно отдавал в руки Калена парные кинжалы, метательные ножи и еще что-то непонятное, а так же небольшой мешок, хозяин сказал, что нашел это у нее в комнате, было хорошо спрятано, и потому он не решился открывать. Кален заглянул в мешок: там лежала ткань, цвета морской волны и сверху заколка с камушками. Он закрыл мешок, решив, что когда придет время, она сама все расскажет, он не станет срывать завесу таинственности с этого свертка.

Кален аккуратно уложил ее в повозку, Инариэль не давал ей просыпаться, чтобы облегчить боль. Дарк и Зев, решили остаться, чтобы проследить за отправкой имперцев. Они собирались нагнать Хранителей через пару тройку дней, оба приняли решение вступить в орден. Еще одну повозку приготовили для пленных. Хотя Барри и предлагал гнать их перед лошадьми, или тянуть за лошадьми, но Кален отверг такое предложение, решив ограничиться просто клеткой, прикрепленной на телеге. С ними следовали желающие присоединиться к Хранителям, что обеспечивало достаточную охрану. Инариэль и Барри оседлали своих лошадей, о которых заботился хозяин постоянного двора, Кален сел на ее лошадь, так как своих он просто загнал по дороге сюда. Вороная кобыла, сперва, опасно косилась на него, но после угощения, позволила себя оседлать. Они двинулись в путь. Опасаясь тряски, чтобы не навредить больной Инариэль задал спокойный темп, это

удлиняло время в пути, но так же давало возможность ей окончательно оправиться, пока они достигнут лагеря, хотя бы физически. Разговорить лорда или мастера пыток пока не получалось, никто кроме них так и не знал, что за морок на нее наведен и от чего она так вскрикивает, и заходится в слезах. Когда останавливались на ночлег, Кален расставлял охрану лагеря, назначал смены и сам следил за исполнением, он не спал, все ночи он проводил у нее в повозке, меняя под присмотром Инариэля повязки и смазывая раны. Когда утомленный маг уходил, Кален просто сидел рядом с ней и нежно глядя по голове рассказывал, как он спешил к ней, как они спасали ее. Он говорил, что все будет хорошо, говорил, что они найдут способ, он просто говорил с ней.

Едва выйдя из города Инариэль отправил воронов в лагерь, сообщая, что они выдвигаются. Что Мирра с ними, но продвигаться они будут медленно, поскольку она серьезно ранена. Через несколько дней прилетел ворон Энель, она говорила, что они все подготовят к их возвращению, что они очень рады и с нетерпением ждут их назад.

Через пять дней от начала пути на привале их нагнал Дарк. Он был один. Второй конь вез тело Зева, тот умер по дороге. Имперца кремировали, по их древнему обычаю. Дарк рассказал, что Зев чувствовал себя все хуже, но ни разу он не пожалел о решении противостоять своему отцу. Он был счастлив, что они смогли сделать то, что сделали. Он был рад, что, хотя бы в конце жизни, он поступал правильно, а не так как от него ожидал отец. Он умирал счастливым. Когда Дарк рассказывал это и подготавливал погребальный костер, голос его дрожал, так же, как и руки. И всем вокруг становилось понятно, что он потерял не просто друга... было что-то еще... Лорду позволили проститься с сыном перед церемонией сожжения, Калену, пришлось отнимать у Дарка отравленный кинжал, которым тот собирался убить лорда. Дарк винил лорда в смерти друга, ведь если бы ей только дали возможность, быть может, она смогла бы вылечить его. Дарк был безутешен, и, собрав пепел, он поместил его в подвеску на груди, приговаривая, что так они все равно будут вместе. После этого Дарк затих, его редко видели у общего костра, он все больше времени проводил один.

Они уже преодолели половину пути, прошло чуть больше трех недель. Жизнь возвращалась в ее тело, лицо приобретало нормальный цвет, многие раны затянулись, по словам Инариэля, хорошо заживали самые сложные раны. Она несколько раз приходила в себя, но ничего не говорила, она просто смотрела на Калена, который сидел рядом с ней и беззвучно шевелила губами, огонь безумия в ее глазах не погас. Он пытался с ней говорить, убеждал в том, что он жив, что она жива. Но она не отвечала, она отвернулась от него и смотрела в стенку повозки.

— Мирра, — в отчаянии он припал губами к ее руке. — Мирра, вернись, вернись, любовь моя, вернись ко мне. Что бы там не было в твоей голове — это все не правда, Мирра. Вернись. Я здесь. Я с тобой, я не оставлю тебя. Вернись. Вернись, вернись...

Но она не отвечала. Она не видела его, она смотрела сквозь него. Калена охватило отчаяние. Вспоминая, все известные ему молитвы он закрыл глаза и обратился к Создателю. Он молил вернуть ее, он вспоминал годы своего служения Создателю и просил в награду всего лишь вернуть ее. Слова молитвы, которые он шептал, сидя рядом с ней, шли прямо от сердца, он все еще верил, он все еще уповал. Он просил хотя бы знака, он говорил о готовности отдать все, он говорил о готовности пройти любые испытания и доказать свою веру, только бы она вернулась. Но ему никто не отвечал. Знака не было. Но он продолжал молиться. Когда слова иссякли, Кален открыл глаза. Рядом с ней, любовно приглаживая ее

волосы, сидел эльф. Почувствовав взгляд на себе, он поднял голову и посмотрел Калену в глаза. На красивых губах его застыла легкая улыбка.

— Итак, она сделала выбор, и ты сделал выбор, Видящий. Я немного удивлен, вам потребовалось больше времени, чем я мог предполагать... Мирра всегда была непредсказуемой, я никогда не знал, чего от нее ждать.

— Кто ты?

Эльф рассмеялся.

— Я тот, кого вы назвали ее хранителем, тот чей дух был рядом с ней, тот кого ты уже видел однажды, но тогда, равновесие было еще сильно, и я не мог показаться тебе в своем истинном обличье, вы видели лишь голубое сияние, окутывавшее меня, но сейчас... Сейчас все изменилось, — на Калена внимательно смотрели такие же яркие голубые глаза, как и его.

— Почему тебя не было с ней?

— Я не мог ей помочь, то, что блокировало ее способность к самозащите, блокировало и меня, полностью. Твое отчаяние мне понятно, воин, но ты не можешь себе представить бездну моего отчаяния. Ты видишь, лишь последствия, воин. А я был там, все время, и ничего не мог сделать. Но я видел все, я слышал все... А теперь, представь, что ты там был, все это видел, но ничего не мог сделать...

— Ты здесь. Ты можешь помочь? — Кален все еще держал ее руку в своей руке. — Ты можешь хотя бы натолкнуть нас на мысль, как ее спасти. Ее раны затягиваются, но она... не здесь... как они и сказали, она... Где она?

— Там, где ее не могли достать пытки. Там, где она прятала себя от них. Они решили, что она очень стойкая, но это не так, — дух покачал головой. — Она боялась, очень боялась. Она смогла перенести часть своей души, в спрятанный от всех мир, в мир своих добрых воспоминаний. Не все потерянно, она все еще там, нам нужно лишь... рассказать ей, показать, доказать, что здесь она уже в безопасности, среди любящих людей. Ей было так страшно, что она готова была отвечать на все их вопросы, но они не могли задать вопрос правильно, поэтому она не могла ответить. Я все еще чувствую ее боль. Я не видел того, что они показали ей, это происходило только у нее в голове, что бы они не делали, здесь в этом мире с ней ничего не происходило. Я могу лишь догадываться...

— Ты сможешь вернуть ее?

— Я? Нет, я не смогу. Я не существую для нее. Она не поверит мне... Но это сможешь сделать ты. Я могу тебе сказать, что она слышит тебя, каждое твое слово, продолжай с ней говорить. Даже звук твоего голоса, находит отклик в ее душе, я вижу это, ведь я дух... Но пришел я не только за этим. Вы в большой опасности, я не могу сказать, когда грянет буря, но она уже очень близко.

— Что за буря?

— Собран, выдержан, силен, настойчив, добр, умен, и умеешь задавать правильные вопросы, даже когда в голове только мысли о ней... Ну, и конечно, глаза, — дух смотрел на Калена. — Я понимаю ее. В тебя сложно не влюбиться, особенно, когда любя отвергают, это сильный удар, но не думаю, что ты сделал это, чтобы заинтриговать ее, скорее всего, ты действительно считал, что так будет правильно. Сложно спорить с мирозданием, оно всегда побеждает. Видимо, именно союз эльфа и человека, возвещает о начале большой войны. Ты же помнишь недавнюю войну, победа в которой дала нового короля и героиню, видимо именно такие союзы побеждают самые великие угрозы. Видимо два эльфа не смогли бы

справиться с угрозой... Да еще и твоя вера в Создателя, играет в этой битве не последнюю роль.

— Хватит говорить загадками и хвалить меня. Ты ни слова не сказал о буре.

— Горяч, — эльф опять улыбнулся. — Инариэлю мне было бы проще объяснить... Она — избрана для удержания равновесия. Ее жизнь — залог того, что равновесие между светом и тьмой не будет нарушено. Все ее навыки даны ей для того, чтобы она справилась с этим. Но вселенная разумна, и если умирает один избранный, его место занимает другой. Так случилось, когда умер я. Моя роль была исполнена и, мироздание выбрало ее, для продолжения, если бы она умерла, ее место занял бы кто-то еще, наверняка — это был бы эльф, потому что только те, в чьих жилах течет кровь древних, могут стать противовесом в войне с орками, нашими древними врагами.

— Орки? Но ведь они уже давно исчезли, после падения великого красного дракона о них никто и ничего не слышал...

— Именно так, друг мой. Но ваша раса еще молода и неразумна, не сердись, но это так. Вы все еще не понимаете значения равновесия. Дело в том, мой горячий друг, что оба мира могут существовать только если соблюден баланс сил, нарушение Равновесия приведет к уничтожению обоих миров. Как только орки обретают силу — это приводит к тому, что эльфы тоже возрождаются. В великой войне, стремясь вернуть равновесие, древние эльфы принесли огромную жертву, чтобы заточить красного дракона в другом мире, они пожертвовали не только свои жизни. Они пожертвовали бессмертием своих потомков, ради будущего. И вот... эта жертва... потеряла свой смысл, красный дракон нашел способ вернуть себе свободу. Вселенная... всеведуща, а мы ее первые воинства. У орков появился лидер, сильный умный, способный вернуть красного дракона, и вселенная ответила на этот вызов Миррой. Если бы она умерла, ее место бы занял другой, но она не умерла, ее свели с ума, ее роль не изменилась — она все еще основная надежда исконного добра, но она не может исполнять эту роль. Этим воспользовалось зло, в этом и состоял их план. Баланс не нарушен: есть воин света, но он беспомощен, а их воин ждет во всеоружии... Красный дракон освободится. Скоро. Он найдет вас. Остановить его сможет только она, но она...

— Ты меня совсем запутал. Ты хочешь сказать, что ее свели с ума по приказу орков? И сейчас нам угрожает сам красный дракон, ведущий смертоносную орду к нашим границам? А мы беспомощны, потому, что Мирра... не в себе. Нам уготовано поражение и смерть.

— Почти так, воин. Но не совсем. Есть кое-что еще. Вы создали орден Хранителей не просто так, он стал противовесом, против обернувшихся ко злу ордена Видящих, имперцев и магов. Теперь вы восстановили равновесие: маги присоединились к вашей борьбе, так же как и многие имперцы, и верные Создателю Видящие тоже с вами. Все урегулировано. Оркам нет нужды самим идти к вашим границам, у них достаточно помощников в ваших землях, они и представляют сейчас угрозу для вас. Но нам нужно вернуть Мирру. Ты так истово молился, воин, о ее возвращении, что готов ты сделать, чтобы вернуть ее? Готов ли ты отдать свою жизнь? Я... помогу тебе... чтобы ты мог помочь ей.

— Ты знаешь, как вернуть ее?

— Я понимаю, что произошло, но только в общих чертах. Они создали для нее другую реальность. В этой другой реальности, она все еще в плену и ей необходимо прятаться в светлых воспоминаниях. Если я смогу провести тебя в ту, в ее реальность, тебе придется найти ее и спасти еще раз. Объяснить, что ей ничего не угрожает, вывести ее оттуда, тогда она перестанет бояться и все вернется. Но та реальность, так же реальна, как и эта и я не

знаю, с чем ты можешь там столкнуться, что будет тебя там ожидать. Какими кошмарами они населили тот мир. Ты можешь застрять там, так же, как и она или погибнуть и тогда... Мне придется просить Инариэля ее убить. Только так мы сможем вернуть равновесие.

— Я немного понял из твоих исторических уроков, эльф. Но ради нее, я готов рискнуть жизнью. Я готов идти за ней на край вселенной. Не потому что она надежда мироздания и воин света, а потому, что без нее... Ни свет, ни тьма, ни победа, ни поражение, ни добро, ни зло не имеют значения для меня. Я не вернусь оттуда без нее, я погибну там, если не смогу ее спасти, и мне будет уже безразлично убьет ее Инариэль или нет, хотя уговорить его тебе будет непросто, я готов. Когда скажешь, я отправлюсь в ее кошмар.

— Ты еще и храбр, тебе знакома жертвенность и любовь. Что же... Если ты сможешь вернуть ее, вскоре я смогу покинуть этот мир. У нее будешь ты. Ты станешь ее хранителем. Нарушение равновесия, позволило мне вернуться, но я с удовольствием отправлюсь в мир вечной весны, передав свои заботы о ней тебе. Предупреди спутников, чтобы они не снимались с лагеря, до твоего возвращения, твое тело будет здесь, но душа твоя будет в мире ее кошмаров. Тебе будет нужна помощь Инариэля. Я не могу сказать, сколько времени тебе потребуется, для ее возвращения, он должен будет принять на себе командование. И, если ты не вернешься, принять последнее решение. Пока ты будешь отдавать приказы, я поговорю с ним. Пусть он придет.

Кален коротко кивнул и вышел. Через несколько минут в повозке появился Инариэль, увидев духа он приклонил колени.

— Наследный принц, Раирнаил.

— Встань. Я уже не являюсь носителем этого титула, с того момента, как отдал свою жизнь, ради ее спасения, — эльф с нежностью смотрел на Мирру.

— Так это были вы? Она принесла древнюю клятву верности вам, принц?

Принц кивнул.

— Да, это так. Мы были так самонадеяны, когда решили связать себя этой клятвой. Потом я сотню раз жалел об этом. Не потому, что не любил ее, наоборот, я не хотел для нее такой судьбы. Мне пришлось искать выход, чтобы заставить ее жить дальше. Я его нашел. Но пусть это все останется нашим с тобой секретом, друг. Я даже не уверен, что мне стоит возвращать ей воспоминания, пусть она не помнит ничего, так, наверное, будет лучше. Но сейчас я здесь по другой причине. Я отправлю Калена в ее кошмар, чтобы он мог ее вытащить. Тебе предстоит наблюдать за его телом здесь. Если его тело умрет, значит, надежды не осталось и тебе, друг мой, придется ее убить, чтобы равновесие было восстановлено. Ты же понимаешь, что это значит. Мне очень жаль, что приходится просить об этом тебя, но ты понимаешь, что только эльф может убить избранного и принять его силу. Ты единственный потомок древних, который сейчас способен этой силой управлять.

— Убить ее? — фиалковые глаза Инариэля широко распахнулись. — Принц, я боюсь, что не смогу этого сделать. Я люблю ее, я...

— Я знаю. Я все знаю... Ты принесешь в жертву не свою жизнь, как сделал я, ты принесешь в жертву свою любовь, но жертва должна быть принесена, иначе мир падет и воцарится хаос. Мы древние хранители порядка не можем этого допустить. Ведь так? Какова бы не была жертва, она должна быть принесена. Могу лишь сказать тебе, что твои чаяния не напрасны, нарушение баланса, освобождение красного дракона, вернут эльфам, то, что было принесено в жертву.

— И обретут, те что утеряли.... - вспомнил Инариэль древний документ найденный

Карой.

Принц кивнул.

— Именно так все и будет. Теперь ты понимаешь, что если Кален не справится, ты должен будешь... завершить ее путь в этом мире. Я могу тебя утешить лишь тем, что в мире вечной весны, они будут вместе... и будут счастливы. Прости, мой друг, но я уверен, что ты уже понял, что она не будет твоей никогда, не ты предназначен ей судьбой... так же как и не я...

— Я сделаю все, — дрогнувшим голосом произнес Инариэль. — Я все понял. Я все исполню. Равновесие будет восстановлено.

Дух кивнул.

— Я буду здесь все время. Мы о многом сможем поговорить с тобой, пока Кален будет ее искать. У тебя ведь масса вопросов ко мне, не так ли?

— Да, принц.

В этот момент в повозку вернулся Кален.

— Все распоряжения отданы. Мы будем стоять лагерем, столько сколько потребуется. Я готов отправляться, — Кален сел рядом с ней и нежно прикоснулся губами к ее щеке.

— Да будет так, воин. Пройди достойно свой путь! — произнес дух древнее напутствие и приложил ладонь ко лбу воина.

Глаза Калена закрылись. Его путь начался.

Воплощение мечты.

— Я обещал ответить на твои вопросы, брат. Пока мы не можем им помочь ничем, кроме постоянного присмотра, а это позволит нам поговорить, — дух устроился в ногах у спящих. — Спрашивай.

— Я задавал этот вопрос всем духам в тени, но ни один не смог мне ответить: как вернуть бессмертие эльфам? — Инариэль тоже устроился поудобнее, разговор обещал быть долгим.

— Вот в чем твоя мечта? — дух хитро улыбается. — Не это сейчас тебя заботит, больше всего, но на этот вопрос ответить проще. Эльфы пожертвовали своим бессмертием ради заточения Красного дракона, когда Дракон вновь обретет свободу, эльфы смогут вернуть себе свою жертву. Источник силы, вернет эльфам бессмертие. Все началось с Зеленого дракона. Сила этого могущественного существа заключена в некоем источнике. Для битвы с Красным драконом эльфы зачерпнули той силы и поплатились бессмертием, значит, чтобы вернуть все на свои места нужно опять найти и использовать Источник, нужно вернуть ему, одолженную силу и он вернет бессмертие.

— Кажется, что все просто, — пожал плечами Инариэль.

— Кажется, да. Сложность лишь в том, что никто не знает, где сокрыт источник, даже мы, духи, не можем его отыскать. Да и что он из себя представляет, тоже никто не знает. Что было на уме Зеленого дракона, когда он создавал этот источник, как он воплотил свои мысли река ли это, ручей, или может бурлящий огненный поток, или дерево или просто ничем не примечательное место... Никто не знает... Это может быть все что угодно. Так что поиски неизвестно чего в этом мире могут очень затянуться. Даже она, не смогла ответить своим мучителям, где его искать, хотя и пользуется его силой, по праву избранной. Но надежда есть, есть шанс найти его, освободившись, Красный Дракон тоже приступит к поискам, чтобы уничтожить этот источник, нужно идти за ним, и ждать когда он приведет к

источнику, а потом, каким-то образом в последний момент опередить соперника и первым добраться до силы источника. Как видишь, я не смог придумать ничего умнее, чем слежка за самым опасным и могущественным существом со злобным характером, склонным к полному уничтожению всего живого. Но, на мой взгляд, это единственный шанс.

— Нда... Это даже и планом-то назвать сложно, набор совершенно невыполнимых действий, — Инариэль покачал головой. — Но ответ на свой вопрос «Как?» я получил. А что случится, когда вернут силу источнику? Зеленый Дракон вернется во всей своей мощи и эльфы, обрета своего покровителя, станут бессмертными? А как же годы унижений, что переживает мой народ? Не мне тебе рассказывать, что немного осталось достойных наследников вечной жизни: стремясь приспособиться эльфы выживают как могут, женщины высоко ценятся в борделях, а мужчины славятся, как барды и лучники, лишь единицы чтут древние обычаи и законы, что случится с детьми, которые родятся в этот переходный период от обычной жизни к бессмертию?

— Последствия, друг мой, непредсказуемы. Боюсь, что бессмертие вернется лишь к достойным наследникам, все прочие будут доживать свои жизни, как и жили, и лишь так наша раса сможет вновь обрести былое могущество, но на это, как ты сам понимаешь, потребуется немало времени, и это будут темные времена. Те, кому не суждено вернуть бессмертие не будут рады такому распределению сил, боюсь, начнется междоусобица, гражданская война, где брат пойдет на брата, но такова цена, которую нам придется заплатить за очищение собственной крови от скверны.

— Да, уж, безрадостная картинка. Начинаю задумываться стоит ли оно того...

— Всею свое время, брат мой. Колесо жизни не останавливается, мы не можем предсказать что принесет нам его следующий оборот, возможно, я ошибаюсь и все будет совсем по-другому, но узнаем мы это только тогда, когда придет время. Даже если предположить, что я знаю больше, то рассказать тебе всего, я все равно не смогу, Равновесие должно быть соблюдено. Каждый раз совершая шаг, мы должны думать о том, к каким последствиям может этот шаг привести. Да-да, Инариэль, я сейчас говорю о том, о чем ты не решился спросить в первую очередь, но что мучает тебя гораздо сильнее, чем вопрос бессмертия нашего народа.

— Сложно иметь дело с духами. Все-то они знают.

— Итак, ты задашь свой вопрос? Или мне отвечать только на твои мысли?

— Почему она выбрала его? Что будет, если все изменится, и потом я окажусь в фаворитах? Как все сложится тогда?

— На вопрос «Почему» я не дам тебе ответа, это нарушит Равновесие. Могу лишь сказать, что они предназначены друг другу, и по-другому, без внешних воздействий, быть не может. Они должны быть вместе. Это их судьба. Сколько бы не прошло времени и какие бы расстояния их не разделяли, они будут идти друг другу на встречу, самыми разными путями, преодолевая все преграды на пути, они будут искать и найдут. Не она твоя судьба, брат мой. Она принадлежит только ему, — дух нежно смотрел на девушку без сознания. — Я должен признать, что завидую ему, тому, что у них еще впереди все то, что мне уже не суждено пережить никогда, но не жалею ни о чем, выпади мне второй раз прожить все то что было, я бы ничего не изменил, кроме глупой клятвы, которая связала меня с ней. Но я отвлекся на свои воспоминания. Ты спрашивал, что случилось бы? Давай подумаем вместе: разрушить связь между ними обычными средствами нельзя, остается магия. Но на нее магия не действует, а применить магию против Видящего — невозможно. Что остается?

— Зелья, это не магия, это определенное физическое, но не магическое воздействие трав на любой организм.

— Вижу ты много думал об этом. И что надумал?

— Приворотные и отворотные тут не помогут. Единственное что приходит на ум — зелье подавляющее волю.

— Именно так, друг мой, именно так. Единственный шанс быть с ней — это лишить ее воли. Но кем станет она, если ты станешь ее господином? Если все твои желания она будет выполнять с покорностью рабыни. Да она будет улаживать тебя всеми возможными способами, да ты будешь иметь над ней полную власть, но останется ли она сама собой? Будет ли она столь же желанна, как сейчас? Закрой глаза, я покажу тебе, как все случится, и чем все скорее всего закончится.

«Медленно кружатся и падают снежинки. Лоринг занесло снегом. Опять. Весна весной, но в этих горах она еще не вступила в свои права. Здесь все еще снежно и холодно. Я иду знакомой дорожкой к домику Мирры. Она недавно вернулась из очередной вылазки и мне очень нужно с ней поговорить. Я решил. Сегодня я признаюсь ей, что люблю ее, что не могу без нее жить, я скажу ей правду. Я больше не могу держать это в себе. Они с Каленом то ссорятся, то мирятся, а я дам ей себя без остатка, ей больше не нужно будет слышать вечные разговоры о долге и выборе. Я свой выбор уже давно сделал, я выбрал ее. Нужно только пригласить ее в уже устроенную для приятного ужина пещерку, недалеко от деревни, и там все обсудить. А что будет дальше? А если она откажет? Об этом всегда было тяжело думать, но... Во вторую бутылку вина подмешано зелье, лишаящее воли, отнимающее память, я не могу просто так с ней проститься, я хочу хотя бы одну ночь на память, а потом я уйду, она не вспомнит ни о чем, а для меня это будет утешительным призом, я не могу уйти просто так, так и не узнав, чего я лишился. Это не честно и подло, кричит мне что-то внутри, но я так устал бороться со своей страстью, что будет проще один раз ее удовлетворить, хотя бы таким образом, а потом... просто вспоминать, оставляя между нами все большее расстояние. Вот и домик. В маленьком окошке горит свет. Прислушиваюсь у двери, вроде бы разговора не слышу, надеюсь она одна. Стучу в дверь.

— Да, — раздается ее звонкий голос. — Входи, Инариэль.

Отбросив все сомнения открываю дверь, не время сомневаться, время действовать.

— Как ты узнала, что это я?

Она смеется. Ее чудесные глаза излучают столько тепла, что меня бросает в жар.

— Я уже давно научилась определять по стуку, кто стучит. Тем более, Инариэль, только твои шаги я не могу услышать, все остальные топают так что я слышу их еще когда они только думают завернуть ко мне. Как дела в Лоринге?

— Все как обычно. Да и что могло случиться, за те пару дней, что тебя не было?

— Ну, случится могло многое. Мы же на пороге войны. Как тут...

— Командор? Мирра, я не нянька ему, я не могу за ним следить постоянно. У него свои дела у меня свои, я не вхож в их совет, да и вздумай я шпионить, боюсь Энель будет не в восторге от такой моей инициативы, и очень быстро даст мне об этом знать. А что случилось? Вы опять поссорились?

Она смотрит на меня своими огромными грустными глазами. На лице читается скорбь и печаль.

— Я не знаю, что происходит. Мы все время ссоримся. Когда мы вернулись, казалось, что все теперь будет хорошо, но... Я ревную... Инар, мы же друзья?

— Конечно, Мирра, ты можешь рассказывать мне все. Только я предлагаю прогуляться, метель как раз улеглась, а прогулка перед сном будет полезна и тебе и мне. Составишь мне компанию?

— С удовольствием, друг. Сейчас накину теплый плащ.

Она быстро завязывает теплый меховой плащ и набрасывает на голову капюшон. Мы выходим на свежий морозный воздух. В лагере, как обычно суета и шум, потрескивают солдатские костры, торговцы привлекают клиентов кричалками, вальяжно прохаживаются маги, кутаются в теплые плащи имперцы, не занятые на тренировках и постах. Крестьяне обмениваются последними новостями стоя у колодца и просто перекрикиваясь. Суету дополняют снующую повсюду дети, мальчишки сражаются на деревянных мечах, девочки кормят своих кукол и потом все вместе бегут кататься по замерзшим лужам. В лагере разговаривать не хочется, мы уходим за стены, патруль вытягивается по стойке смирно, Мирру уже неофициально признали главой ордена Хранителей, военная дисциплина соблюдается неукоснительно Кален и Карра строго за этим следят. Мирриэль лишь коротко кивает, проходя мимо стражи, позволяя им расслабиться, она сейчас не на обходе, доклады выслушивать не станет. Лишь ступив за стены, мы окунаемся в тишину морозного вечера. Мы с легкостью проходим там, где человек провалился бы в сугробы по пояс. Нам не нужны дороги. Я уже давно понял какое место любит моя избранница, мы часто с ней гуляем вот так запросто, за воротами, по праву друзей, делимся новостями, обмениваемся мнениями и всегда оказываемся на небольшом плато, с которого открывается прекрасный вид на равнину, древние горы защищают это место от ветра, там можно сбросить капюшон и спокойно разговаривать. Туда мы и направляемся. Путь не близкий, я в последний раз пытаюсь выстроить нашу беседу так чтобы были понятны все мои мысли и чувства, чтобы не пришлось потом краснеть, как юнец, подбирая слова. Нужно четко выразить свои мысли. Быстрым шагом, иногда даже переходя на бег, мы достигаем места уже минут через двадцать и замираем на краю обрыва, любуясь красотой ландшафта, распростертого под нашими ногами.

— Все так сложно, Инар, — тихо начинает она, скинув плащ, она расстилает его на снегу и садится на него. — У нас столько дел, мы даже не можем найти время, чтобы просто погулять. Мы чаще встречаемся на военных и прочих советах, чем наедине. Он больше времени проводит с Энель и Карой, чем со мной. У меня ощущение, что мы отдаляемся друг от друга, я всего лишь лидер-на-показ, а на самом деле всем заправляют они, мне кажется, что даже наша дипломатша решает больше, чем я. Я могу лишь выбрать за что я возьмусь в следующий раз, но не более того. Он до сих пор так и не решился ни разу поцеловать меня на людях, или признать само существование каких-либо отношений между нами, не говоря уже о... большем. А я так не могу, Инар, понимаешь, меня... мне так хочется чтобы он принадлежал только мне, чтобы он был только со мной, а он сидит вечерами в кабаке с Энель, а потом они вместе идут к Каре и сидят там по полночи, что-то обсуждая. А для меня у него не остается времени совсем.

Она водит пальцем по белому снегу, оставляя на мягкой поверхности замысловатые узоры из плетения цветов и изогнутых линий.

— Сейчас такое время, Мирра, все мы озабочены будущим, для того чтобы оно наступило. Сейчас мы прилагаем огромные усилия. Но что я говорю тебе? Ты и сама знаешь об этом все, лучше меня.

— Ты прав, Инар, безусловно прав. Но... там, где начинается любовь заканчивается

понимание, мне хочется быть с ним, хочется, наконец... да, я хочу почувствовать себя женщиной, а он меня избегает, говорит, что мы должны следовать правилам, а ему сложно себя контролировать, когда мы наедине. А сейчас не самое подходящее время для свадьбы и всего такого прочего. Ох... это просто невыносимо... Меня терзают такие откровенные сны, что... тебе просто не описать, а он при этом остается недостижимым. Я не знаю долго ли я смогу еще продержаться в таком ритме. Казалось бы, счастье так близко, вот протяни руку и оно уже твое... ан, нет... оно остается столь же недостижимым, как и когда нас разделяло время и расстояние. Я схожу с ума, Инар, я ревную и бешусь, он любезничает с женщинами, я вижу какие взгляды на него бросают девицы, но, когда я пытаюсь ему это сказать, он лишь смеется и говорит, что так было всегда, чтобы я не обращала на это внимание, что это мелочи и ерунда и его сердце принадлежит только мне. Сердце может быть, а вот все остальное? Ты не знаешь? — она с надеждой смотрит на меня.

— Ты сейчас хочешь, чтобы я тебе что-то сказал? Что он хранит тебе верность пока тебя нет? Я не могу утверждать этого, как не могу утверждать и обратного, я не страж ему, и не такой близкий друг, чтобы он со мной это обсуждал, я думаю, Энель больше в курсе этих дел, чем я, но она вряд ли станет с тобой об этом секретничать. Я знаю лишь, что Кара, бывает, выходит из его палатки, но ты сама понимаешь, у него может случиться очередной приступ ярости, осложнения после отказа от обата все еще дают о себе знать, в такие минуты и часы ему необходимо, чтобы рядом кто-то находился, кто-то на кого он может положиться, кто-то кто сможет его сдержать, она вполне может просто оказывать ему посильную помощь, не стоит их сразу подозревать во всех смертных грехах.

— Ох, Инар, ты совсем не помогаешь. Теперь меня будут терзать сомнения и кошмары в которых он будет с Карой, — она опускает голову, приглаживая мех на плаще. — Почему все так?

И тут я решаюсь, решаю, что сейчас самое время.

— Быть может потому, что он — это не тот, кто тебе нужен? Быть может потому, что есть кто-то кто готов отдать тебе все и сразу, без доли сомнения, стоит тебе лишь согласно опустить ресницы? Кто-то кто не будет говорить о долге и чести, кто-то кто чувствует не так, как люди. Все-таки их эмоции примитивны, они не умеют дарить все без остатка. Мирриэль, я долго ждал, я долго пытался скрывать все от тебя, от друзей, даже от себя, я думал, что ты будешь счастлива с ним, и не хотел вмешиваться, но теперь я вижу, что ты страдаешь и не могу больше быть сторонним наблюдателем, — я присаживаюсь рядом с ней, подвигаюсь так близко, что слышу стук ее сердца, беру ее руки в свои ладони и согреваю их дыханием. — Мирра, я люблю тебя, люблю с первого дня, с первого момента, как увидел. Я больше не хочу видеть твоих страданий, я хочу подарить тебе счастье, любовь и все то, чего ты достойна, все то в чем отказывает тебе он. Мы сможем быть вместе всегда, мы вернем эльфам бессмертие и станем для них новыми королем и королевой, вечно молодыми.

Она смотрит прямо мне в глаза. В ее глазах я читаю удивление, и сомнение. Я начинаю читать ей написанные мною стихи, в которых рассказываю о моих чувствах, о моей любви, о том, счастье что ждет нас стоит ей лишь согласиться. Она слушает меня, и я вижу, что в груди ее разгорается огонь. Я без стеснений описываю как буду с ней нежен, всегда, как буду любить и почитать ее, как буду ее превозносить и оберегать. Некоторые моменты моей поэмы заставляют вспыхивать румянцем ее нежные щеки. Я смелею и прикасаюсь ладонью к ее коже, тут же вставляю строки про испытываемые сейчас эмоции, она улыбается, понимая, что это было только что придумано. Она не отстраняется, и я продолжаю. Лазурь

ее глаз, я тону в ней и понимаю, что уже никакие запреты не смогут меня сдержать. Я приближаю свое лицо к ее, и вот я уже ловлю ее дыхание своими губами. Она может меня оттолкнуть, и я, совершенно забывая, что делаю, вплетаю эти строки в стих. Понимая, что я только что наделал я отстраняюсь от нее и отворачиваюсь, стремясь скрыть смущение и неловкость, но ее прохладная ладонь вдруг касается моей щеки, она поворачивает мою голову к своему лицу и нежные губы прикасаются к моей щеке. Такой робкий поцелуй, словно сорванный украдкой цветок. Она прижимается щекой к моей щеке.

— Я слышу, как стучит твое сердце, Инар, — очень тихо шепчет она. — Я не могла даже представить, что ты испытываешь подобные чувства.

Я не могу слушать ее слова, припадаю губами к ее щеке, покрываю ее поцелуями, беру ее лицо в свои ладони и стремлюсь прикоснуться губами к ее губам. Она не противится, она позволяет себя поцеловать, я вижу, как опускаются ее ресницы, и она сперва несмело, а после, все более страстно отвечает на мой поцелуй. Меня уносит сладкая волна удовольствия, даже такая малость, приносит облегчение, быть может и дальше все пойдет так же просто и приятно. Быть может она поймет все и сделает, наконец-то, верный выбор. Я с трудом нахожу в себе силы остановиться.

— Мирра, я не хочу, чтобы ты простудилась из-за меня, пойдем, у меня есть сюрприз для тебя.

Она смущенно улыбается, когда я помогаю ей подняться и она оказывается в моих объятиях. Как не хочется ее отпускать, как не хочется... Набросив плащ ей на плечи, я веду ее в небольшую пещерку, неподалеку, несколько раз мы укрывались там от дождя, но тогда там были лишь камни, сейчас же я постарался все устроить как нужно. Несколько ароматных свечей расставлены по углам, жесткие камни пола, я застлал мягкими коврами, рассыпал массу подушек и кое-где лепестки цветов. На небольшом столике стоит две бутылки вина и пара хрустальных бокалов тончайшей работы, в тонких гранях которых переливаются и отражаются сотней огоньков блики свечей, свежайшие фрукты и сладости. Я знаю, что она любит, я старался для нее. Когда мы входим внутрь, тяжелая меховая завеса закрывается за нами, отрезая наш маленький идеальный мирок от внешнего мира. Я вижу, как восхищенно она смотрит на все это убранство, я даже испытываю гордость за то, что смог так все устроить и угодить ей.

— Здесь нам не нужны плащи, Мирра, — я помогаю ей развязать завязку и снимаю с ее тонких плеч плащ. — Это все для нас, устраивайся поудобнее. Здесь, конечно, нет того чудесного вида, зато тут тепло и можно выпить вина и спокойно поговорить, не прозябая от ледяного, пронизывающего до костей ветра.

— Это все ты устроил ради меня, Инар? Как тебе удалось достать свежие фрукты?

— Ты меня обижаешь, я же все-таки маг.

— Ты их заколдовал? Они не настоящие? — она разочарованно смотрит на прекрасный персик.

Я беру персик и подношу к ее губам.

— А ты попробуй.

Она зажмуривает глаза от удовольствия, когда сладкий сок начинает стекать по ее подбородку.

— Какая вкуснотища!

— Мирра, все это даже близко не может отразить моих чувств к тебе. Для меня, нет ничего слаще твоего поцелуя.

И я нежно слизываю сладкий сок с ее лица. И припадаю к тонким губам. Она опять отвечает на мой поцелуй. Несколько минут я не могу оторваться от нее, но потом вспоминаю о приличиях и понимая, что если все так пойдет, то впереди у нас еще масса блаженства, я отрываюсь и разливаю вино по бокалам. Приятный пряно-сладкий запах наполняет наше укрытие. Она с удовольствием берет предложенное вино и, удобно раскинувшись на подушках, мы наслаждаемся моментом. Когда мы осушили по несколько бокалов, я решил возможным сказать.

— Вот видишь, Мирра, вовсе не обязательно все время себя ограничивать и страдать, я не позволю тебе грустить, со мной ты всегда сможешь побыть наедине: поговорить, выпить вина, построить планы на будущее и... — я смотрю ей прямо в глаза, выдерживая многозначительную паузу, провожу пальцами по ее щеке. — И ты никогда не будешь знать отказа, ни в чем, Мирра. Ты же понимаешь, о чем я?

Она не сводит с меня глаз. Несколько бокалов вина и приятная обстановка, завершают, то что началось с длительного воздержания, ее дыхание учащается, но она все еще пытается бороться со своими физическими потребностями. Я понимаю, что подгонять ее не стоит, и отступаю, даю ей возможность еще раз подумать, принять решение. Я боюсь ее спугнуть своей настойчивостью. Я убираю руку и немного отодвигаюсь, чтобы не давить над ней. Завожу разговор о прекрасном, рисую ей в воздухе картины эльфийских лесов и безбрежных океанов, рассказываю старые истории и легенды. Она выпивает еще два бокала. И вот ее голова уже лежит на моем плече, и мы смотрим в нарисованное на своде пещеры небо, я постарался воспроизвести все созвездия со скрупулёзной точностью. Ее близость завораживает меня, в горле все пересыхает, из-за чего приходится регулярно прикладываться к бокалу. Приятный хмель уже вскружил мне голову, но его действие ничтожно по сравнению с тем, как действует на меня она, ее близость. Я в очередной раз забываю, о чем говорил и теряю мысль, она смеется...

— Ты совсем пьян, Инар...

— Да, — отвечаю я. — Я пьян твоим присутствием, твоей близостью, запахом твоего тела, манящей сладостью твоих губ, непознанным блаженством твоего тела. Я не могу себе представить, как можно сдержаться и не прикоснуться губами к тебе, когда ты так близко...

Я приподнимаюсь на локте и смотрю на нее, сдерживаться я больше не могу и припадаю губами к ее шее, покрывая ее поцелуями. Теряя контроль над разумом, я отдаюсь во власть страсти. Она не противится, я чувствую, что ее влечение тоже растет с каждой минутой, с каждым поцелуем, с каждым прикосновением. Но стоит мне прикоснуться к ее груди, как вместо вдоха наслаждения я слышу тихий, но очень злой шепот.

— Остановись, Инар. Достаточно! Не заставляй меня доставать нож.

Я отступаю в растерянности, сажусь на мягкий ковер. Она тоже поднимается и поправляет рубашку.

— Это не должно было так далеко зайти, Инариэль, ты же понимаешь, мы друзья, но люблю я Калена, и я не стану делить ложе с кем-то другим, даже если мне придется ждать моего командора еще тысячу лет. Я принадлежу только ему. Мое тело, моя душа, мой разум, все мое существо, принадлежит лишь ему. И никогда больше не пытайся... это подло с твоей стороны. Я должна идти.

— Постой, — говорю я. — Прости, я сам не знаю, что нашло на меня, видимо, я все еще питал иллюзии, что ты можешь выбрать меня. Но... ты четко дала мне понять, что этого никогда не случится, обещаю, больше не пытаться. Я буду держать себя в руках. Мир?

Она делает несколько глубоких вдохов, видимо возвращая себе самообладание, а потом улыбается.

— Хорошо, Инар. Мир. Только больше никогда...

— Я все понял, — согласно киваю я, открывая бутылку с вином смешанным с зельем забвения. — Выпьем за примирение!

Я наливаю ей полный бокал, такой дозы должно хватить на день так точно. Весь день она будет в моем распоряжении, в моей полной власти, а если мне не хватит дня, то следующую дозу, она выпьет безропотно, пока еще будет действовать прошлая доза, главное не упустить время. Главное, чтобы она осушила этот бокал.

Она принимает вино с улыбкой.

— Инариэль, я люблю тебя как брата, пускай же все так и остается.

— Пускай, — соглашаюсь я.

Она выпивает бокал без тени сомнения. И сразу же, едва она допила последний глоток, начинает действовать зелье. Бокал выпадает из ее рук, я едва успеваю его подхватить одной рукой, другой рукой я уже держу ее обмякшее тело, и нежно укладываю ее на подушки. Дело сделано, через несколько минут она придет в себя, но будет уже другой, не строптивой, а послушной, каждому моему слову. Я жду несколько минут с нетерпением. И когда она открывает глаза все еще боюсь, что зелье может не подействовать, но мои опасения напрасны. Она изменилась. В ее глазах уже погас огонь, вместо двух бездонных озер на меня смотрят другие серые и пустые глаза.

— Любовь моя, — шепчу я. — Иди же ко мне, я так долго ждал этого.

Она безропотно принимает мои ласки и отвечает на них, так, как и должна отвечать истосковавшаяся по нежности женщина. Я снимаю с себя рубашку.

— Раздевайся, любовь моя, больше нет препятствий, мы можем любить друг друга до изнеможения, а когда устанем, уснем в объятиях друг друга, чтобы, проснувшись, продолжить.

Нежная, покорная, отзывчивая, мягкая и податливая, такая о которой можно только мечтать. Моя мечта воплощается здесь и сейчас. Несколько часов я наслаждаюсь обладанием той, о которой мечтал столько времени. О, какие это были часы! Она засыпает в моих объятиях. А мне в голову лезут мысли о том, что говорят, плохо, когда твоя возлюбленная становится лишь твоей тенью, видимо, те кто это говорил, никогда не пробовали какого это на самом деле. А это чудесно, стоит лишь намекнуть, и она спешит исполнить все твои самые потаенные желания, без споров и излишних разговоров, стоит только высказать пожелание, и оно исполняется. Это блаженство.

Нет, теперь-то я не откажусь от этого, никогда. Я мечтал лишь о ночи, если бы она подарила мне ее по доброй воле, я бы потом просто исчез, но она заупрямилась, как обычно, решила проявить свой характер, так вот это тебе, моя дорогая, расплата, теперь ты будешь моей, пока я сам не решу, что с меня довольно. А заполучив безграничную власть над тобой, я получаю и доступ к власти реальной, теперь ты введешь меня в совет, и все будут вынуждены прислушиваться к моему мнению, слетающему с твоих губ. Это чудесно! Теперь все будет по-другому. Я засыпаю совершенно счастливый.

Шли дни, все происходило именно так, как я и запланировал, я уже входил в совет и принимал участие во всех решениях. Мирра послушно диктовала всем мою волю, а никто так и не догадался, что происходит. В ее поведении на людях не изменилось почти ничего, она и до этого была достаточно нелюдима, так что абсолютное большинство ничего и не заметило.

Что-то заподозрила Энель, но после того как Мирра поговорила с Каленом и сказала, что решила расстаться с ним, так как устала ждать, и полюбила другого, даже шпионка оставила попытки разобраться и приняла все как должное. Командор переживал некоторое время, я видел это. Но шло время. Дни складывались в недели, недели в месяцы, и он смирился. Все чаще я видел его в обществе Ищущей, все меньше они таились.

Шло время. Я никогда не думал, что слепое повинование может так раздражать. Я не могу с ней разговаривать, она лишь кивает и со всем соглашается. Это уже просто бесит. Не могу ее видеть! А она никак не уgomониться все лезет ко мне со своей навязчивой лаской и потаканием любым моим капризам. Стараюсь поменьше находиться рядом с ней, уж слишком это все, раздражает. Несколько дней назад я даже ударил ее по щеке, когда она хотела меня поцеловать, а она лишь отодвинулась и сказала, что подождет, раз я сейчас занят. Бесит все. Нет, я не мог так бездумно любить такую женщину, это не та женщина, совсем не та. А где та? Ах, да, она осталась в пещере на плато, пригубив вина смешанного с зельем. Вот ту женщину я любил, она готова была дать отпор, сопротивляться, отстаивать свое мнение, драться и цепляться за жизнь даже зубами, если потребуется, а эта что? Ее жалкое подобие, кукла, безвольная и безропотная игрушка в чужих руках, о, демоны, в моих руках. Что же я наделал? Кален не выдержал таких испытаний и вновь стал принимать обат, Кара воспользовалась его слабостью и теперь они все ночи проводят вместе, но утром, командора не узнать, его будто иссушили изнутри, он опустошен и подавлен. Все замечают, что он теряет здравый смысл, Кара уже говорит о неизбежном финале. Скоро они уйдут. Уйдут вдвоем, а вернется только она. Одна. И все это из-за меня? Из-за моего желания обладать женщиной, которая выбрала другого? Кто я после этого? Из-за меня мир лишился отличного полководца и единственной Хранительницы, которая была способна спасти его. Каким же я был дураком. Моя слепая страсть, погубила не только Мирриэль, но и Калена, да и что там греха таить, весь этот мир, ведь без них... Никто не сможет противостоять Красному дракону, который уже вырвался из своих оков и совсем скоро будет здесь, под Лорингом. Мы собираемся дать решающий бой, но без моих четких команд Мирра не будет способна ни на что, а я... боюсь я не готов к схватке с древнейшим злом. Что же делать? Я получил, все чего хотел, так может просто ее отпустить? Такая она, мне совсем неприятна, пусть возвращается, становится прежней, а я просто уйду. Она не должна ничего помнить, так что... все должно пройти тихо и гладко. Решено. Действие этой дозы должно окончится ближе к рассвету, нужно отвести ее в старый домик лекаря, пусть проснется там, словно и не было ничего, а дальше... Дальше все как-нибудь тоже сложится, так или иначе... Да, пусть так и будет.

Я прощаюсь со своей игрушкой, когда утром она проснется, она будет прежней, я уже начал забывать, какой она была и почему я ее любил, но она не будет помнить ничего, начиная с первой дозы зелья, так что никаких претензий ко мне не будет. Я укладываю ее в постель и приказываю засыпать. Она в последний раз послушно закрывает глаза. Все закончилось. И я тоже отправляюсь спать. Завтра будет новый, другой день, день в котором все встанет на свои места.

Еще до рассвета затрубили рога. Тревожно, громко. Что-то случилось. Выбегаю на улицу вместе с остальными. Люди толпятся у одной из вышек, голоса и причитают селянки, хмуро смотрят по сторонам солдаты. Что там еще случилось, неужели наступление? Но нет, никто не командует построение, не слышны горны, призывающие к обороне. Пробиваюсь сквозь толпу лоя бессвязные слова: «Она сама» «Не было никого рядом» «Так ее и нашли».

Почему-то становится дурно, замирает сердце в предчувствии непоправимой беды. Выбиваюсь вперед и замираю. Снег растаял от пролившейся на него крови. Много крови. Очень много крови. В этом алом месиве лежит тело, до боли знакомое тело. Тело, которое я знаю, лучше, чем свое, тело, которое я ласкал тысячи раз. Это она, то что осталось от нее. Но что случилось? Над телом, припав на колени, склонился командор. Рядом стоит Кара.

— Что случилось? — не выдерживаю я.

— Она, сбросилась с вышки. Сперва разрешила себе вены, а потом бросилась вниз, истекая кровью, чтобы уж наверняка не выжить. Она все рассчитала, спасти ее было невозможно. Когда нашли тело, она уже была холодной, — командор говорит спокойно, но я слышу боль в его голосе, в каждом слове — отчаяние. — Когда она выбрала тебя, я смирился, решил, что так будет лучше для нее, я пытался забыть... забыться, но теперь... теперь все кончено. Не только для нее, для меня. Осознание, что она живет, дышит, что она счастлива, давало мне сил, но теперь... ее нет... не имеет значения больше ничего... пустота в душе, боль в сердце... невыносимо больно... я сходил с ума, но надеялся, что она продолжит наше дело, что она будет жить... Теперь я бы хотел, чтобы мой рассудок был затуманен, но как назло, я все вижу и все понимаю, четче, чем в последние месяцы. Ее больше нет... Прости, Кара. Я никогда не любил тебя, я никого не любил кроме нее... Я просто пытался забыться... это плохо получалось...

Он поднимает печальные глаза к небу.

— Так странно, в последнее время ее глаза были серого цвета, а сейчас, когда она умерла, к ним вернулась их былая яркость, они снова цвета морской волны... Не останавливай меня, Кара, ты не сможешь. Прости, я не могу оставить ее одну в этой белой пустыне, я должен быть с ней.

Кара метнулась быстрее молнии, но она не успела, коротким уверенным движением, он пронзил свое сердце ее же кинжалом, кинжалом, на котором уже замерзла и запеклась ее кровь. Они снова были вместе, теперь уже навсегда.

Кара что-то кричала, раздавала команды, рядом с ней уже стояла Энель. Я склонился над телами. Его кровь все еще вытекала из раны пульсирующими толчками, но о спасении не могло быть и речи, он был слишком опытным воином, чтобы промахнуться, он не собирался промахиваться. В ее руке я увидел зажатый кусочек бумаги, с трудом разжав окоченевшие пальцы я смог разобрать свое имя. Спрятав записку в рукаве, я пошел в сторону своего дома. Здесь мне больше делать нечего. Дома дрожащими руками я развернул письмо. Оно было совсем коротким, всего несколько строк.

«Инариэль, я прощаю тебя. Твое зелье... ты где-то ошибся, я все помню. Мало того, Инар, я все видела и чувствовала, как будто все это происходило со мной, но я никак не могла повлиять на происходящее, я была узницей в собственном разуме. Это было ужасно. Я не могу жить с осознанием того, что я наделала, что ты наделал. Мне противно даже думать об этом. Но я прощаю тебя. Ты был ослеплен любовью и, я уверена, не хотел зла. Скажи Калену, что я всегда любила его, и не могу перенести позора своего предательства, даже вынужденного. Только моя кровь сможет смыть всю грязь с моей души, много крови. Прощай! Любящая тебя сестра, Мирриэль.»

На этом видение, посланное духом прервалось. Они были в повозке, у ног Мирры и Калена, который должен был вырвать ее из кошмара и вернуть в действительность. Тяжелые капли пота катились по лицу Инариэля или это были слезы?

— Вот так-то, друг мой. Вот такой эффект ты мог произвести своим стремлением

вмешаться в предначертанное. На этом вся борьба, как ты понимаешь была бы закончена, и Красный дракон воцарился над миром.

— В этом видении, все было таким реальным, я чувствовал запах крови на своих руках...

— Это всего лишь видение, но я решил, что лучше тебе один раз увидеть, как бы все окончилось, чем несколько раз услышать предупреждения. Так гораздо нагляднее. Разве нет?

— Да уж, умеешь ты убеждать, дух. Я теперь даже и думать не посмею ни о чем таком... Хотя начиналось все так хорошо...

— Но продолжалось недолго и окончилось трагично...

— Я понял, понял. Я буду им другом, всегда, и никогда не подумаю об ином.

— Вот и замечательно. У тебя есть еще вопросы?

— Есть, но я хочу немного передохнуть и выпить, а то это твоё видение, никак не даёт мне покоя... Давай я схожу за выпивкой, а ты пока присмотри за ними, если что, зови меня.

— Договорились, — с улыбкой ответил дух. — Не торопись. Пока что, это просто твой кошмар.

Возвращение.

Я уже давно не пыталась считать дни и ночи. Было уже все равно. Все окончилось, не имеет значения сколько еще я пробуду в плену, надежды уже нет. К обычным терзаниям добивалось еще одно: меня водили смотреть на стену. Я видела, как вороны выклевывали глаза людей, пришедших меня спасти, я видела, как разлагались сваленные в кучу тела. Я видела этот мир, мир без радости и надежды, где все отравлено гниением и распадом. Иногда между пытками мне чудился голос Калена. Он звал меня, просил вернуться. О! Если бы я только могла. Если бы тот краткий миг смерти не прервало очередное возвращение. Он говорил со мной, но я уже начинала думать, что это просто еще одна пытка изощренная, убивающая, причиняющая боль, ведь я знала, что он умер, а его голос твердил, что он жив, что я жива, что я должна вернуться. Ничего не было хуже этого, пытки огнем, холодом, водой, простые издевательства, мой дивный уголок все еще оставался моим спасением, но он не мог спасти меня от пыток знанием, что уже ничего не изменить. Это было кошмарно. Я сжимала в руке монетку, переданную Карой и тихо плакала, когда никто не мог меня видеть, им не удастся меня сломить, во мне не осталось больше ничего, что можно ломать. Я буду просто их помнить, всех, живыми веселыми, такими близкими и родными. Они всегда будут со мной.

— Мирра, милая, вернись. Это все обман, ты жива, я жив. Вернись ко мне! — твердит голос Калена.

Я слышу грусть в его голосе, я представляю, как бы он это говорил. Наверное, он бы сидел рядом со мной и сжимал мою руку в своей теплой ладони. О! Если бы я только могла умереть вот так, просто по одному моему желанию, если бы они дали мне умереть. Но они следят за мной.

Проходит еще время. Пытки стали им уже не интересны, мне заживили раны, срастили кости. Теперь они просто держат меня в темнице, иногда мастер развлекается со мной... но и это ему уже надоедает. Меня просто кормят и водят на осмотр нового мира. На этом все заканчивается, меня возвращают назад и запирают.

Идет время. В камере появляется еда и вода, но больше никто не приходит, ни лорд, ни мастер. Они добились своего, я больше не нужна им. Они наслаждаются победой, или

умирают где-то в этом мире ужаса. Я одна, всегда одна, только мой маленький спасительный мирок, не дает мне впасть в безумие.

А потом все повторяется, повторяется с самого начала, с того момента как я попадаю в руки Мастера: пытка тишиной, разговор в тронном зале, все унижения и истязания, а потом Инариэль опять меня спасает, я опять вижу, как они умирают за меня, Кара опять отдает мне монетку. Все снова, все по кругу. Я словно проживаю свою жизнь момент за моментом, а заканчивая всегда этой камерой, когда про меня все забыли и я держу в руках монетку. По кругу снова и снова и только грустный голос Калена просит меня вернуться.

Как мучительно больно оказывается жить.

Вихрь моих воспоминаний подходит к моему заточению. Опять пытки, все снова, опять я прячусь в своих мыслях. Еще пройдет какое-то время, и дверь моей камеры откроет Инариэль. И я опять их потеряю...

Что-то сбивается в уже отлаженном ритме. Еще рано. Инариэль должен появиться через несколько дней, но кто-то возится с замком.

Слабый свет падает в мою темную камеру. На пороге, закрывая своим телом свет, стоит воин. Это не мастер и не лорд. Этот выше и плечи его шире и какие-то узнаваемые черты заставляют трепетать мое сердце.

— Мирра! Девочка, я пришел за тобой. Идем. Мы должны выбраться отсюда из этого кошмара, я выведу тебя.

— Кален! Это невыносимо! Оставьте его!!! — кричу я своим мучителям. — Оставьте мне память о нем, не смейте трогать... Я не отдам вам этого, никогда не отдам. Это все, что у меня осталось после его смерти, лишь память... Руки прочь!!!

— Мирра, здесь нет никого, милая, только я. Я здесь. Я живой. Я не умер. Ты жива. Мы вырвали тебя из их рук. Сейчас мы уже движемся в Лоринг, твои раны уже практически зажили, Инариэль постарался. Это просто дурной сон, Мирра, морок, которым они тебя мучают, ты просто тут заблудилась и не можешь выйти, но я смогу тебя вывести. Верь мне, девочка, — он протягивает мне руку. — Все, что ты тут видишь — не настоящее, это мир твоих кошмаров. Вернись со мной.

— Но как же стена? Как же все это вокруг? Может это ты не настоящий? Может быть это ты мой сон? Как мне узнать, где правда?

— Стена — вымысел, все что тебя окружает — морок, я видел все, что видишь ты. Мы все живы и Кара, и Барри и Инариэль, и Энель... мы все живы. Кара и Энель остались в лагере, а я загнал десяток лошадей и пришел за тобой. Имперец, Дарк и его друг Зев, они помогли нам тебя спасти. Твои мучители у нас в плену. Ничего этого не случилось в действительности, Мирра.

— Сколько времени прошло в твоей реальности?

— Около двух месяцев, чуть больше. Месяц мы уже в пути. Ты пробыла в плену около трех недель.

— Но они сказали мне, что прошел год. Что все это — последствия моей глупости, моей самоуверенности, если бы я не пошла в Сион — ничего бы не случилось...

— Мирра, ничего и не случилось, мы спасли тебя. Я выносил тебя на руках из этого подземелья. Сейчас мы на полпути к лагерю. Тебе только нужно мне поверить. Пойдем со мной. Тебе нельзя тут оставаться — это твоя дорога в бездну, Мирра. Давай я помогу тебе с нее сойти! Дай мне руку, прошу тебя...

— Я не верю вам, Кален умер, хватит издеваться надо мной, хватит терзать меня

ложными надеждами...

Кален глубоко вздыхает.

— Как он прав... ты упряма, просто до безобразия. Но я не позволю тебе здесь остаться. Я вытащу тебя, слышишь? Он сказал, что ты прячешься в своих светлых воспоминаниях, я надеюсь, среди твоих светлых воспоминаний есть это...

Он подходит ко мне, обнимает и целует. Нежные горячие губы прикасаются к моим губам, в голубых глазах бушует пламя страсти... Обжигающие руки гладят мою спину, прижимают меня к нему... Все как тогда на поляне, точь в точь, но откуда они узнали об этом? Неужели... это правда Кален, я страстно впиваюсь в его губы, обнимаю его за шею. Но меня все еще терзает сомнение...

Я вырываюсь из его объятий, задыхаясь от волнения и возбуждения, я решаю задать последний вопрос:

— Если это и правда ты, ты знаешь, что было потом. Почему?

Он качает головой, а потом смотрит мне в глаза и отвечает:

— Потом я сказал, что я выбираю долг. И что единственное слово для нас — Никогда. А помнишь, как ты пришла ко мне в палатку, и я порезал тебе шею, вот здесь, — он проводит пальцем по месту где когда-то выступила всего одна капелька крови. — А потом ты сама приготовила мне обат и заставила его выпить, ты сидела со мной пока меня мучали воспоминания и кошмары. Никто не может этого знать, Мирра. Только я и ты.

Я падаю на колени и плачу.

— Почему? Почему ты это сделал?

Он опускается на колени рядом со мной, берет мои руки в свои и заглядывая в глаза говорит:

— Потому что, я испугался. Я никогда не любил никого, Мирра. И когда я полюбил, я не смог сразу этого понять. А потом ты ушла. Я не успел тебе объяснить. Я ничего не успел сделать, я даже не попытался тебя остановить, я просто смотрел, как вы уходите и ненавидел себя, за то, что сделал. Мирра, я должен сказать тебе, я отказался от обата, сейчас мне уже немного лучше, но я боюсь, что самое страшное еще впереди, просто пока, у меня в голове была только ты, и моя боль отступала на второй план, но потом она вернется. Но мне уже все равно. Я сделал это ради тебя, я хотел добиться твоего прощения. Теперь ты веришь мне, Мирра?

— Я... не знаю... чему верить...

— Верь своему сердцу, девочка. Верь моим словам. И моим губам.

Он наклоняется ко мне и целует меня снова, его губы прижимаются к моему лицу, к моей шее, к моим рукам. Он поднимает меня ставит на ноги, но все еще целует...

— Ты готова мне поверить, любовь моя? Ты готова уйти из этого места со мной? Ты готова повторить наши поцелуи, только уже в нормальном мире, там, где все настоящее?

Какой чудесный мне снится сон. Что я потеряю, если поверю ему? Ничего, в этом мире я уже все потеряла...

— Ты помнишь, что я сказала про поцелуи?

Он улыбается и убирает прядь моих волос за ухо.

— Да, я помню. Ты сказала, что поцелуешь меня, только если тебе будет угрожать смерть. Ты не находишь, что задолжала мне пару десятков поцелуев за все это время?

Я смеюсь, я не могу вспомнить, сколько раз я умирала...

— Боюсь, что мы можем сбиться со счета... — отвечаю я ему.

Он берет меня за руку.

— Значит, мы найдем, другой способ, который компенсирует нам все утраченное... И покроет с лихвой все наши потерянные поцелуи. У нас впереди жизнь, Мирра, вся жизнь...

Он подмигивает мне и выводит из камеры.

Я вижу на полу останки побежденных им врагов. Он шел словно ураган, теперь на свету я вижу, что он весь в крови, кровь на стенах и полу, всех подземелий, что мы проходим. Он держит меня за руку.

— Держись за мной, Мирра. Если что, я справлюсь, не волнуйся, — теплая ладонь прикасается к моей щеке. — Ты прекрасна, я люблю тебя...

Он целует меня. Я видела в его глазах счастье, я видела в них надежду, я видела в них любовь. Нет, я точно ничего не потеряю, даже если это всего лишь еще один сон, я не хочу, чтобы он закончился.

В замке мы так никого и не встретили, мы выходим на улицу, я смотрю на стену, и у меня отнимаются ноги.

— Мирра, этого нет, это не правда, это морок. Если тебе страшно, милая, закрой глаза. Я выведу тебя, если потребуется, я буду нести тебя на руках, только верь мне, мы должны вернуться, Инариэль там, наверное, с ума сходит. В этом месте не понятно сколько прошло времени.

На стене головы Кары и Барри. Кален закрывает мне глаза своей теплой ладонью и шепчет, что это морок, что этого нет, что Барри сейчас готовит свою настойку, чтобы мы могли отметить мое возвращение, а Кара, наверное, тренирует очередных новобранцев в лагере.

— Ничего этого нет, милая, это просто твой кошмар. Мы с тобой в безопасности, на привале, в фургоне, на котором мы тебя перевозим. Твои мучители в клетке, они ждут твоего суда. С нами множество имперцев, которые решили присоединиться к Хранителям и маги, их возглавляет Мойра. Не знаю, родная, что ты ей сказала, но они помогли тебя освободить. Ничего этого нет. Это все иллюзия. Все это только в твоей голове.

Открываю глаза. Кален не исчезает, он все еще стоит рядом и смотрит на меня. Я вспоминаю свое видение, когда-то там, где были учителя, я видела как на балу болтали Кара и Энель, а потом появился мужчина, он закрывал мне глаза и вот так же, как сейчас Кален шептал, что хочет чтобы я провела время с ним. Да! Теперь я вспомнила этот голос. Это был он! Тогда учитель сказал, что я видела возможное будущее, значит он не погиб, значит... это все... действительно всего лишь мой кошмар. Я больше не боюсь. Теперь я знаю где правда. Я смело иду за Каленом, встречающихся нам демонов он убивает, это точно нереально, так быстро свалить демона не смог бы даже Кален. Меня обманули, меня вынудили поверить в ложь. Но больше я не позволю. Мы выберемся. Я вернусь. Вернусь к тебе, мой Кален. Вернусь к жизни. Вернусь!

— Мирра, вернись, уже пора, — шепчет голос Калена.

Я открываю глаза и пытаюсь сесть. Нежная теплая рука удерживает меня.

— Не так быстро, Мирра. Не надо спешить.

Кален! Я хочу обхватить его за шею, но мои руки очень тяжелые. Смотрю и понимаю, что на них повязки.

— Мирра, ты вернулась, — это уже голос Инариэля.

Зрение еще не вернулось полностью, пока вижу только размытые тени, но голос, точно его. Он жив, он тоже жив. Моей радости нет предела. Это действительно был сон,

кошмарный сон. И он закончился.

— Тебе придется снова учиться ходить, кости уже срослись, и снова владеть оружием, да и просто руками. Но это все уже не важно, Мирра. Главное, что ты вернулась. Скажи что-нибудь, — Инариэль совсем рядом, голос его взволнован, я еще не вижу его, но знаю, что он улыбается, он всегда улыбается, когда смотрит на меня.

— Это был сон... Это действительно был лишь сон... Вы живы? Вы оба живы? А Барри? Кара? Энель?

— С ними тоже все в порядке. Сейчас Барри услышит твой голос и тут же появится здесь, скоро тут станет мало места... Все желающие просто не поместятся в этом фургоне, — это голос Калена.

— Какое счастье, — счастье меня переполняет.

— Мирра, я сейчас дам тебе сонное зелье, магия опять не действует на тебя. Ты немного отдохнешь, а мы с Каленом, пока заменим тебе повязки и посмотрим, как там все. Я усыплю тебя, чтобы тебе не было больно. Хорошо, Мирра?

— Инариэль, я так рада, можно я еще немножко порадуюсь? Дай мне еще чуть-чуть времени, осознать, что это правда, я так боюсь, снова очнуться в камере, мне так страшно...

— Милая, — Теплая рука ложится мне на голову, приглаживая волосы. — Это правда. Все правда. Мы все живы. Я буду с тобой, все время пока ты спишь, я не буду от тебя отходить, хорошо? Но сейчас надо поспать. Не упрямься.

Нежные губы целуют меня в лоб. Меня обволакивает мягкая нега. Я засыпаю, и слышу как Кален шепчет:

— Теперь у тебя будут только хорошие сны, я буду с тобой.

— Она спит, Кален.

Дух эльфа появился снова.

— Я не хотел, ее пугать, поэтому предпочел спрятаться. Ты справился, Кален. Вот и все. Выбор был сделан. Прости меня, Инариэль, тебе не стоило... но ты все равно уже знал, мы говорили с тобой об этом.

Инариэль лишь пожал плечами. Он смирился с выбором судьбы. Развязка чуть затянулась, но той боли, что он ожидал, не было. Просто неприятно щемило в груди. Временное неудобство, пройдет.

— Кален, нам не терпится услышать твой рассказ, — дух смотрел на воина изучающе.

Воин не мог оторвать от нее глаз. Он видел весь ее кошмар, он понимал, что пришлось ей пережить, он понимал, что свело ее с ума. Из забвения его вывели настойчивые вопросы, и ему пришлось пересказывать все, что он видел в ее сне.

Пришло время.

Вот и пришло мое время. Одиноким мятежный бессмертный дух обреченный жить вечно в пустоте бесконечности. Зачем мне это? Я не знаю ответа. Было все: воспитатели, сестры, братья. Меня баловали и растили. Но я всегда понимала, что этому придет конец. Рано или поздно, моя безмятежность окончится, и я останусь одна, одна, как и все мои старшие братья и сестры. Одна в бескрайнем безжизненном мире, который я должна буду сделать своим миром. Собственный мир. Когда-то это казалось таким заманчивым, а теперь... Прошло уже столько времени, я вдоль и поперек изучила отведенный мне кусок бесконечности, но что делать дальше, так и не понимаю. Беспечный дух, летающий между мирами, способный на все, но не представляющий, чего же он хочет в действительности. Мне не хватает чего-то... Почему меня не подготовили к этому, почему мне не объясняли,

что важно, а что второстепенно, почему умилились любым моим поступкам от создания странных существ, до разрушения целых миров? Я могу все, но я не знаю, чего хочу. А ведь стоит мне просто это понять, и я смогу это получить. Но я не понимаю. Мои воспитатели решили, что я уже достаточно взрослая для самостоятельности и просто отпустили меня, бросили в какую-то далекую реальность, которая еще никому не принадлежит. И теперь я одна. Многие сотни населенных осколков реальности все в моем распоряжении, я могу стать для любого этого осколка Богом, Демоном, да кем угодно, но все это уже надоедает. Моя озлобленность уже разрушила несколько миров, я их просто расплыла, когда они вышли из повиновения, но теперь я понимаю, что я не хочу быть воплощением зла, для живущих. Но еще я понимаю, что и воплощение совершенства и добра — тоже не для меня, слишком скучно и уныло становится в мире, когда все получают, то чего хотят. Какая вселенская несправедливость! В мою честь строили прекрасные здания, моим именем называли народы, меня боялись вспоминать, мною пугали детенышей. Я могу все. Я и есть — все. Начало и конец. Свет и тьма. Разум и безумие. Но зачем??? Что мне делать с этим? Бессмыслица и нелепость — вот какими словами можно описать мое существование. Жалкие метания. Как же это все надоедает, просто сводит с ума... Интересно, другие тоже испытывают такие чувства или я единственная, не знаю, как применить свои безграничные возможности? Глупые мысли. Я никогда не узнаю ответа на них я никогда не встречу подобных себе на отведенном мне пространстве. Это — закон. Каждому всемогущему — своя бесконечная часть реальности. А что если забыть об этом? Что если покинуть свою реальность, свою бесконечность? Мои миры существуют и без меня, в конце концов, я уже сделала для них все, что могла. А теперь, я хочу сделать что-то и для себя. Я хочу вырваться отсюда. Хочу покинуть этот мир, эту реальность. Не хочу больше быть богом, хочу в чужом мире, просто прожить чужую жизнь, жизнь одного из тех существ... По моим меркам их жизни лишь миг, но, может быть, прожив этот миг, я смогу понять, чего же я все-таки хочу. Кажется, я что-то слышала про тех, кто решался на такое... Старшие их называли Падшими... Говорили, что это очень опасно, обычная жизнь затягивает Всемогущих и они потом не хотят возвращаться к своим обязанностям... Но я всегда была непослушным духом. Зачем иметь всемогущество, если тобой могут управлять, и ты должен всем подчиняться? Решено. Раздвигаем занавес реальности и прочь отсюда, на свободу, в чужой мир, в чужую жизнь, играть по чужим правилам, жить под чужим управлением. Примеряю на себя эту роль. Может быть, так мои мысли придут в норму, и я найду правильное решение?

Тысячи реальностей, бесконечное множество миров. Все такие разные, такие красивые. Я видела вечно скованные льдом горы, вершины которых упираются в самое небо. Я видела метущиеся по всей поверхности вихри, разрушающие и созидающие все вновь. Я видела миры, полностью покрытые водой, я парила над бескрайними океанами и ловила морские брызги губами. Столько всего, такое разнообразие. Сколько прошло времени? А не все ли равно? Я дух, бессмертный и всемогущий. Время — для меня ничего не значит.

Однажды я решила отдохнуть в небольшом мирке, оттуда, из моей бесконечности я видела его зелено-голубым и решила присмотреться. На сей раз я не хотела быть бесплотным духом, я решила принять один из самых распространенных образов, обернуться драконом. Эти величественные могучие существа вызывали почтение у любых аборигенов. Я не знала населен этот мирок или нет, но решила не рисковать и приняла облик зеленого дракона.

Я опустилась с небес на берег лесного озера. Его вода была такой чистой, что, пролетая

над поверхностью, я могла рассмотреть мечущихся в воде рыбок. Безмятежная гладь лесного озера была на столько привлекательна, что я не удержалась и сложив крылья, нырнула в прозрачную прохладу.

Остудившись, наплескавшись, устав от такого отдыха я взлетела к яркому желтому солнцу. Наслаждаясь переливом моих чешуек в его свете, я летала некоторое время, а потом, я просто опустилась на мягкую травку на берегу и разложив могучие крылья, принимала солнечные ванны. Тогда-то я и увидела их впервые. На опушке леса, опираясь на длинные луки стояли высокие создания. У них были тонкие черты лица, немного заостренные кверху уши и очень живые миндалевидные глаза. Они стояли и смотрели на меня. Они не боялись меня, они не охотились на меня, они любовались. Я не знала, как долго они там стояли, но их глаза радостно блестели, а на губах играли добродушные улыбки. Я встала и повернулась им на встречу, но они не испугались, не бросились убежать, не перехватили луки в боевое положение, они все так же мною любовались. Я решила проверить их храбрость и выбросила в воздух струю яркого огня. Они не вздрогнули, они были в восторге и радостно загомонили. Их смелость поразила меня, внезапно для себя самой, я решила, что нашла нужный мне мир, мир в котором я хочу остаться. Я не решилась сразу стать Падшей, для начала, я стану их Духом-хранителем, я буду учиться у них, я буду за ними наблюдать, а потом... Не важно, сейчас я хочу остаться здесь. Все остальное, я решу потом.

В пути.

Боюсь открывать глаза, вдруг мне все привиделось, и я опять в сырой холодной камере. Боюсь опять все это переживать. Лучше не открывать глаза, лучше еще немного побыть в неведенье.

— Мирриэль, я знаю, что ты очнулась. Не бойся, я же сказал, что буду рядом, что никуда не исчезну, — горячая ладонь прикасается к моей щеке. — Я здесь. Ты вернулась. Вернулась ко мне.

Я резко распахиваю глаза на звук его голоса. Солнечный свет пробивается через грубую ткань повозки.

— Кален, — на глазах выступают слезы, я так давно его считала погибшим, что не могу прийти в себя от счастья. — Кален...

Он склоняется ко мне, теплая ладонь треплет меня по щеке, горячие губы прикасаются к моему лбу.

— Я должен тебе сказать кое-что, Мирра. Это важно, очень важно. Я уже говорил тебе, но не знаю, помнишь ли ты. Я отказался от обата. Я перестал его принимать. Излечение еще не окончено, за мной присматривали Кара и Вейт, пока я был в Лоринге, пока я мчался к тебе, я не думал ни о чем другом, поэтому не нуждался в присмотре. Но боюсь, когда мы вернемся, все еще может обернуться плохо.

— Кален, но как же твой долг? Зачем ты... — я пытаюсь приподняться на руке, но он удерживает меня.

— Тебе еще не стоит опираться на руки, Мирра. Инариэль успел тебя подлечить, пока мы еще находились в Сионе и не был обезврежен артефакт, пока на тебя действовала магия, но без его прямого разрешения, я не рискну принимать какие-либо решения. Так что лучше полежи. Он сейчас придет, и спросим можно ли тебе подниматься.

— Зачем, Кален? Зачем ты изменил свое решение?

Он нежно смотрит на меня, его голубые глаза сияют счастьем, на губах мягкая улыбка.

— Я подумал, что никогда — это слишком долго. Я не выдержу столько, без тебя.

Он склоняется надо мной, хочет прикоснуться губами к моим губам, но нас прерывают.

— О, я не вовремя, но мне плевать! — Инариэль ураганом влетает в фургон. — Как ты могла, Мирра? Как ты могла отправить нас с Дарком и остаться там совсем одна? Если бы ты не была ранена, я бы сам тебя проучил, отстегал бы тебя лозовым прутом по твоей очаровательной попе.

Я улыбаюсь ему, на меня опять смотрят фиалковые глаза, он опять мне улыбается. Все как прежде. Все вернулось, все нормально. Даже боль настоящая. Болит все тело.

— Как же я рада вас видеть, как же я счастлива... Инариэль, я могу встать?

— О, узнаю тебя, сестренка, еще только глаза открыла и быстрее с головой в дела? Ладно, вставать понемногу можешь, сейчас Кален снимет твои повязки. Магия и мои припарки уже совершили чудо. Теперь остается только напомнить твоему телу как пользоваться всем этим...

— Инариэль, мое оружие? Катар? Близнецы? Ножи? И... дорожная сумка.

— Хозяин все сохранил и передал нам, когда мы отправлялись. Как только сможешь

ходить, все вернем, будешь опять тренироваться, благо, есть кому об этом позаботиться, — маг кивнул в сторону командора. — На него теперь весь груз ляжет, кроме него никто не может тебя поддерживать.

— Я не могу поверить... Это сон... Ущипните меня, я не верю... Ой, прекрати щипаться, Инариэль, — вскрикиваю я, ощущая, как волна боли накатывает на меня, и я уже давно привычным усилием воли, ее сдерживаю, чтобы не причинить боли тому, кто до меня дотронулся.

Да все вернулось и хорошее, и плохое. Теперь я опять опасная спутница для всех, кроме Калена. Ответа почему так происходит, я все еще не нашла.

— Ты сама попросила тебя ущипнуть. Я исполнил твою просьбу, — он улыбается

— Но там, все было таким настоящим, таким реальным, вы все... все были там... Я...

— Мирра, это был обман, этого никогда не случалось, ничего не случалось из того, что они тебе показали. Я был там с тобой, помнишь, я пришел за тобой. Я видел все это... Проверь мне, этого всего не случалось, по крайней мере пока не случалось, быть может мы и проиграем эту войну, но пока что у нас еще есть шанс на победу, — Кален аккуратно снимал повязки под чутким руководством Инариэля. — Так что прекрати себя корить, успокойся. Ты все сделала правильно, теперь Мойра, вместе с магами присоединилась к Хранителям. Ты представляешь, это же просто чудесно. Еще несколько десятков имперцев и магов и наемников. Так что мы не просто тебя вытащили, Мирриэль, мы серьезно укрепили нашу боевую мощь. Я, как командующий, не могу этому не радоваться....

— Да, ладно тебе тут соловьем заливаться, Кален, ты тут себе места не находил, пока она в себя не пришла, сомневаюсь, что ты даже заметил все то, о чем говоришь до сегодняшнего утра.

Кален грозно посмотрел на мага.

— Эй, прекрати на меня так смотреть, я на твоей стороне, просто скажи ей правду, ведь ты с десятков лошадей загнал, чтобы быстрее добраться сюда, когда мы отправили Дарка к вам с посланием. Почему бы ей не знать о том, что она для тебя значит? Хватит прятаться, командор. Хотя бы с ней, будь честен. Ты летел спасать не надежду мира, а саму Мирриэль. Я уверен, ей это будет приятно услышать не от меня. Она ведь тоже только тобой и бредила, все время что мы путешествовали, мы с Барри уже даже перестали обращать внимания, на то, что одного из нас называли Каленом, по паре раз в день.

— Что??? Инариэль, прекрати! — я чувствую, как румянец заливает щеки. — Я не могла... перепутать...

— ООО, да, вам определенно надо поговорить. Мирра, мы с Барри уже даже не поправляли тебя, ты просто не замечала, как то и дело вспоминала о нем. Так, друзья мои, все повязки сняты. Командор, можешь выносить ее на свет, только, Мирра, глаза прикрой, отвыкли твои глаза от яркого света за время заточения. И вперед, на первую прогулку. Берегитесь гнома, он всерьез намерен ее задушить или в объятиях на радостях или от негодования, что она нас справила... Все, идите, гуляйте, разговаривайте.

Инариэль вылезает из повозки, оставляя нас наедине.

— Ты загнал десятков лошадей? Ты...

Голубые глаза командора смотрят на меня с такой нежностью

— Болтливый эльф, — он растерянно проводит рукой по своим волосам. — Я не мог себе представить, что... больше тебя не увижу. Не мог... Я знаю впереди еще много битв, и ты все время будешь в опасности, а я, должен буду эти битвы планировать, я должен буду

сам отправлять тебя в пекло... Но я не мог, допустить, я не... я не знаю, что это, Мирра, но я должен был тебе обязательно сказать, что...

Я смотрю на него широко открытыми глазами. Я не могу поверить своим ушам, я не верю своим глазам, я не могла даже мечтать... Нет, я конечно мечтала, но я никак не думала, что я на столько ему небезразлична. У него путаются мысли, путаются слова, он перескакивает и начинает сначала, он не может сказать главного... но это уже не важно, я уже все поняла... Я улыбаюсь ему, ловлю его взгляд и прижимаю палец к его губам

— Не надо. Я поняла, но... Это слишком неожиданно, я боюсь, что умру от радости, если ты сейчас скажешь еще хоть что-то...

Он целует мой палец, прикрывающий его губы. Потом берет мою руку и просто прижимает ее к своей щеке.

— Спасибо. Я не знаю, как это сказать... лучше я тысячи раз буду одерживать победы в твою честь, это проще для меня. Я же говорил, я — воин, я не умею красиво говорить...

Он берет меня на руки и, прикрывая ладонью мои глаза, выносит на яркий белый свет. После тьмы камеры, после сумраков несуществующего мира, яркое солнце больно бьет мне по глазам даже через его ладонь. Несколько минут он просто стоит, давая мне привыкнуть к свету, не опускает, крепко прижимает к своей груди. Я слышу его дыхание, я слышу стук его сердца, совсем рядом, я чувствую жар его тела, совсем как тогда на поляне, но теперь все изменилось, больше не надо бояться, он — мой. Осознание этого делает меня такой легкой, такой счастливой... Все мои попытки, все мои страдания, все это забывается, отступает в прошлое, исчезает, когда он вот так запросто держит меня на руках, прижимает к себе, обнимает меня. Все остальное уже неважно.

— Готова? Убирать руку? Ставить тебя?

У меня все пересохло во рту, от накативших эмоций. Я не могу сказать и только киваю головой. Он аккуратно отводит руку. Яркая вспышка света ослепляет меня, но уже через несколько минут я начинаю видеть смутные силуэты, еще через некоторое время зрение приобретает четкость, я уже могу различать цвета. Он поворачивает меня к себе лицом и аккуратно очень медленно опускает на ноги, поддерживая за талию, не ставит, а просто дает прикоснуться ногами к поверхности.

— Мирра, я боюсь тебя отпускать, — шепчет он. — Я помню, какими были твои ноги, когда я... нашел тебя там, я боюсь причинить тебе боль.

Я вижу неясный овал его лица совсем рядом с моим. Он боится за меня... Когда я шла закрывать свой первый разлом, я готова была отдать жизнь, за то чтобы они мне поверили, просто поверили, а сейчас, он за меня боится... он загонял лошадей спеша мне на выручку, он нашел меня в том ужасном месте, сначала в одном, потом во втором, он спас меня... Он делал все это ради меня... Создатель, какое же это удивительное чувство... Как замечательно понимать, что твои чувства взаимны, что тот, в кого ты влюбилась с первого взгляда, все-таки вопреки долгу и всему прочему, все равно любит тебя, боится за тебя, готов спасать тебя и идти за тобой на край света, большего счастья, наверное, и быть не может.

— Не отпускай меня, просто дай возможность поставить ноги, я обещаю быть аккуратной, — я прижимаюсь щекой к его колючей щеке.

Меня наполняет нежность, признательность. А потом водопадом на меня обрушиваются запахи. Свежей травы, хвойного леса, готовящейся еды. Где-то заржала лошадь. Теперь я слышу не только частое дыхание человека рядом со мной, я слышу гул голосов, слышу звон мечей, слышу брань, слышу смех. От такого шума начинает закладывать уши, я уже отвыкла

от нормальных звуков, в последнее время я слышала только тишину, собственные крики и невнятные вопросы моих дознавателей. А теперь... Если бы меня не поддерживали крепкие руки я бы просто упала, ноги подкосились.

— Мирра, что такое?

Обеспокоенный голос.

— Нет-нет, все нормально, я просто... отвыкла от...жизни. Там я уже простилась с жизнью, и никак не думала, что смогу еще раз все это испытать, столько всего: шума, звуков, запахов, света, эмоций, — мне страшно. Инариэль прав, мы должны научиться разговаривать с ним, прекратить прикрываться бравадой, силой, долгом, делами, мы должны быть честны. — Я простилась со всем этим, там. Я думала, что умру там, Кален. И единственное, что поддерживало меня — это мысль, что я смогла их спасти, что я..., что они не умирают из-за меня. А потом они мне показали тот, другой мир, и я... я отчаялась, я потеряла все. Я потеряла вас всех, я потеряла смысл, все уже не имело смысла, я... тогда я уже жаждала пыток, я хотела умереть, чтобы снова быть с вами, тот страх, что я испытывала при допросах возвращал меня в мои воспоминания о вас. О тебе, Барри, Каре, Инариэле, Энель, о вас всех... Худшей пыткой стала его стена, я старалась не плакать, я старалась быть сильной, но...

Он садиться на траву и усаживает меня рядом. Нежно гладит по голове, вытирает катящиеся слезы.

— Тише, милая, тише. Все закончилось. Я не смог тебя защитить, но больше я никогда не оставлю тебя, я не позволю больше никому...

А я уже не могу сдержаться, я уже просто рыдаю, прижимаясь к его груди.

— Я не сильная, Кален, не смелая, не добрая и не хорошая... Я так боялась, я готова была им все рассказать, все... если бы они только сказали, что им нужно... но я не понимала, ничего не понимала... А потом, потом он, — я всхлипываю и сильнее прижимаюсь к широкой груди, — как тебе не противно меня обнимать? Как тебе не мерзко? Как ты терпишь меня? Я... я... плохая

— Прекрати, прекрати говорить ерунду, Мирра. Мне очень приятно тебя обнимать, я очень рад, что могу тебя обнять. И, девочка моя, ты смелая, сильная, добрая... ты самая лучшая и все остальное не имеет для меня значения. Ты слышишь меня, Мирриэль, ни для кого из нас. И тем более для меня. Тебе не нужно об этом вспоминать, совсем. Я... Это я виноват, я не должен был тебя отпускать, не должен был тебе говорить все те глупости, что я наговорил тебе. Я должен был все тебе рассказать еще тем вечером, ведь я решил все для себя еще накануне вашего ухода, но ты уже спала, когда я пришел и я... не стал тебя будить, решил, что одних слов будет мало, я решил сначала сделать все, а потом уже сказать тебе. Доказать тебе, доказать себе, что я способен на это. Мирра, ты делаешь нас всех лучше, все мы стараемся стать лучше, чтобы быть хотя бы немного похожими на тебя. Все эти люди, которые сейчас нас сопровождают, они здесь благодаря тебе, они здесь потому, что ты смогла их воодушевить, ты смогла, даже находясь в заточении, поразить этих людей, всех их. Ты бы слышала, как они о тебе говорили... Ты еще услышишь. Мойра и маги, имперцы, все они говорили лишь о том, что ты смогла их научить чему-то, что ты смогла открыть им глаза. Они идут не за Хранителями, Мирра, они идут за тобой. Ты, стала их лидером, находясь в заточении. И ты сомневаешься в себе? Милая, ты самый замечательное и удивительное существо из всех ныне живущих.

Он продолжает меня гладить по вздрагивающим плечам. Он все шепчет очень тихо,

прямо мне в ухо, он так старается меня успокоить, утешить, что это даже смешно, у него совсем не получается, мне становится только хуже. Перед глазами проплывают дни заточения, череда пыток. О чем он говорит, как могла я кого-то вдохновлять, если я сама чуть не умирала от страха каждую минуту? Но он такой милый.

— Кален, мне не кажется это? Это не бред? Я так боюсь, что все это лишь... мое воображение, и если я открою глаза, все это пропадет, исчезнет и я снова окажусь в пыточной или в камере с ошейником и цепью и он снова придет за мной... И я снова ничего не смогу поделать... только кричать, если он мне позволит...

— Мирриэль. Это не сон. Как мне доказать тебе это? Как мне убедить тебя, что все закончилось? Как мне помочь тебе, ты только скажи, я сделаю все... Твой кошмар окончился, ты с друзьями, в относительной безопасности. Открой глаза, посмотри на меня. Я с тобой.

Слезы помогли глазам приспособиться к свету. Теперь я уже могу видеть. Поднимаю глаза и встречаю его нежный взгляд. Он все еще держит меня в объятиях, укачивает, как ребенка, гладит по голове.

— Поцелуй меня, — всхлипываю я. — Как тогда, в лесу...

Он улыбается и прикасается губами к моим губам. Это не тот жадный поцелуй, это уже что-то совсем другое, наполненное нежностью, а не всепоглощающей страстью. Но так даже приятнее, мы не крадем этот поцелуй, мы его заслужили, нам больше не нужно бороться с чувствами, теперь это естественно.

— Мирра, может быть этого достаточно для доказательства моей реальности — он отрывается от моих губ, нежно заглядывая мне в глаза. — Мы в лагере, тут вокруг люди, мне кажется немного поспешно вот так демонстрировать всем... Это как-то неправильно...

Я улыбаюсь. Какой же он все-таки... смешной... Он вытирает мои слезы, приглаживает волосы.

— Ну что? Ты готова встать и пойти со всеми поздороваться?

Я неуверенно киваю головой. Сомневаюсь, что я смогу встать..., но нужно попробовать. Он встает и подает мне руку.

— Опирайся, я помогу. Можешь навалиться на меня всем своим телом, я даже не почувствую.

Я беру его за руку, и он приподнимает меня. Ноги плохо слушаются, едва стою, по ногам бегают колючие мурашки, сотни иголок впиваются в ступни. Впервые стою после освобождения. Очень больно, но так приятно. Пока привыкают ноги, смотрю на свои руки. У меня уже отросли ногти..., надо же..., как же приятно. Все суставы целые, не торчат кости, не кровоточит ни одна рана, ран совсем нет, остались только розовые шрамы... Инариэль действительно чудотворец.

— Это так... замечательно. Я уже забыла, как выглядят мои руки без... в нормальном состоянии. Давай я попробую сделать пару шагов.

С трудом поднимаю ногу. Мои ноги, они тоже целые... только я босиком. Но это так приятно, ощущать мягкие прикосновения и легкие покалывания травы. По всему телу бежит дрожь. Это так волнительно.

— Вот ты где, негодница!

— Барри!!!

— Ну и заставила же ты нас всех поволноваться, милая! Мы же, — он заметил предупреждающий взгляд Калена, и быстро сообразил, что это не лучшая тема для

разговора. — Я знаю, что тебе сейчас нужно, девочка, моя лучшая настойка. Я только сегодня ее разлил в бутылки, одну оставил для тебя.

Он с улыбкой протягивает мне бутылку. А у меня перед глазами совсем другая картинка... Я вспоминаю, как они с Карой уходили защищать тронный зал, вспоминаю, что случилось потом и снова начинаю рыдать.

— Барри, ты жив, пройдоха-гном. Как же я рада, я просто счастлива. Давай свою настойку сюда, иначе я сейчас чувств лишусь от радости.

Он протягивает мне бутылку, я не обращаю внимания на бутылку и обнимаю гнома, с удовольствием утыкаюсь лицом в его рыжую шевелюру, уже почти забытые ощущения от сдерживания боли напоминают, что я уже в обычном мире, все вернулось на свои места. Отпускаю гнома и размазывая слезы по щекам беру бутылку у него из рук, с радостью делаю несколько глотков. Да, это тот самый вкус, это та самая настойка, это тот самый Барри. Они все живы. Ничего не кончено, я еще могу все изменить.

— Ну, вы тут вроде вышли на прогулку, не буду вам мешать, я просто хотел... сказать тебе, девочка, что мы все очень-очень рады снова быть с тобой, — гном отступает, хитро подмигивая Калену. — Наслаждайтесь.

Барри удаляется. Он смущен моей реакцией, ну да, это же только Кален видел мой кошмар, он понимает, о чем я говорю.

— Ну что, еще пару шагов?

— Да, командор. Смотри, с таким рвением, я уже завтра вечером смогу начать учить тебя танцам...

— Это было бы замечательно, Мирра. Не танцы, а твое возвращение. С танцами придется подождать немного, — он мне улыбается, и прикасается губами к моим волосам. — Ты чудесно пахнешь, Мирра, полевыми цветами, весной, жизнью.

Я делаю еще несколько несмелых шагов. Покалывание в ногах уже проходит, и я отпускаю руку Калена. Стою сама. Осматриваюсь по сторонам. Большая лесная поляна, вокруг деревья хвойные, лиственные. Цветы на опушке, невысокий кустарник. Впервые после долгого перерыва перехожу на энергетический взгляд. Как же это чудесно снова видеть энергию жизни, ее голубое свечение пронизывает все вокруг, как ее много.

— Кален, — внезапно вспоминаю я. — Зев. Сын лорда... Он болен, я обещала ему помочь, он здесь? Я хочу попробовать, хочу его увидеть, вы ведь не... обидели его, когда спасали меня? Он хороший, он...

Кален отводит глаза, закусывает губу. Я не понимаю, что это значит, но точно ничего хорошего.

— Он, не здесь, Мирра. Он хотел присоединиться к нам, но... Он был хорошим человеком, это он привел меня к тебе, там, в подземелье, без него я бы долго тебя искал. Но... он умер, Дарк привез его тело. Мы все сделали, как принято у них, он...

— Умер. Я его обманула, я подвела его, я обещала ему помочь...

— Мирра, ты ничего не могла сделать, ты сама была без сознания. Не вини себя. Дарк говорит, что Зев был счастлив, что познакомился с тобой.

Я делаю несколько неуверенных шагов и замираю от внезапного острого приступа боли. Это не из-за ног, эта боль другая, я ее помню, я ее чувствовала уже... Со стоном падаю... Кален опускается на колени рядом со мной...

— Демон, Кален, я чувствую демона... здесь... очень близко.

— Демон? Здесь разлом? Что ты видишь? Твой медальон, он светится.

Я закрываю глаза, преодолевая боль, пытаюсь сосредоточиться. Сливаюсь с природой, ищу разлом, нарушение баланса, но его нет. Отрицательно качаю головой.

— Разлома нет, это другое. Помоги мне встать.

Он поддерживает меня за локоть. Я знаю направление, но не могу идти сама. Медленно продвигаемся к опушке леса, не надо волновать наших спутников, пока мы сами не поняли в чем дело. Ощущение опасности возрастает с каждым шагом. Я медленно двигаюсь по направлению к клетке, установленной на телеге. Там внутри двое, нет, не двое... трое... два человека и демон. Я вижу его энергию, вижу золотое марево.

— Мирра, подожди, тебе не надо туда идти, — Кален останавливает меня. — Не надо, милая.

— Он там, Кален. Там, два человека, я вижу их энергию жизни, но у одного из них... у него связь с миром демонов, словно его связали с демоном какими-то узлами, словно их сковали цепью, они не одно целое, но они связаны, Кален. Кто эти люди?

— Мирра, — он тяжело вздыхает, как обычно, когда он не знает, что делать, он трет свой подбородок. — Там лорд и...

Меня бьет холодный пот, мой мучитель, мастер, он там.

— Почему? Кален, почему ты... почему они живы??? Он... он... а ты...

— Мирра, мы не знали, что с ними делать. Нам казалось, что чтобы мы не сделали, этого будет мало. Мы решили, что ты сама захочешь их осудить и приговорить, Мирра. Мы не должны были, сейчас я понимаю, как это было глупо с нашей стороны, с моей стороны. Прости. Я думал, что только ты сможешь наказать их достаточно, я решил, что тебе это будет нужно. Я думал, что месть сможет тебе помочь.

Страх... животный ужас, наполняет меня. Сковывает меня по рукам и ногам. Я не могу пошевелиться, я не могу даже думать, все, что сейчас мною руководит — это ужас, я готова бежать, как можно дальше от этого страшного места, готова прятаться и скрываться, только бы не видеть его снова. Я снова чувствую, как ломаются мои кости, снова меня топят и заживо скармливают крысам, снова насилуют и вырывают ногти, снова клеймят и пытаются огнем. Я снова беспомощна, я снова одна. И снова он мне говорит, что я смогу это все остановить, мне стоит лишь попросить..., и я снова отказываюсь, и он не останавливается. Я все это опять переживаю, я снова там, в его руках, в его власти. Я глубоко вдыхаю, стараясь унять страх, разливающийся свинцом по всему телу. Я должна победить свой страх. Я должна посмотреть ему в глаза и показать, что я выжила, что все его попытки сломить меня были напрасны, я должна продемонстрировать ему свою победу. Теперь он заключенный, теперь он в моей власти, именно поэтому он все еще жив, чтобы я могла его судить... И я сделаю это. Спасибо, друзья мои.

— Ты, все сделал правильно, Кален. Я должна посмотреть в глаза своему страху, я должна его победить. Но сейчас даже не это важно, один из них, находится под влиянием демона. Я должна разобраться, что происходит. Идем туда. Я... постараюсь не бояться, ты же будешь со мной? Будешь держать меня. Когда ты рядом, мне почти не страшно... ну, не так страшно.

Делаю шаг, ноги дрожат, колени подгибаются. Дыба... холодная вода, огонь... насилие... Стараюсь гнать все эти видения. Сейчас, я не должна об этом думать. Сейчас надо сосредоточиться на другом. Подходим к клетке, но они нас еще не видят, мы у них за спиной. Демон привязан к высокому темноволосому человеку. Лорд Каст. Но это уже не тот человек, что допрашивал меня в тронном зале, не осталось в нем высокомерия, нет больше

уверенности в своих силах, нет самонадеянности, не осталось того человека, только его оболочка, а внутри? Так не вижу, надо взглянуть в глаза, я все пойму.

«Как это интересно. Опять вселенная пытается исправить ошибки. Не ожидал этого увидеть, не ожидал, что моим спасением станешь именно ты. Не мог и представить, что снова тебя встречу. Наследница древних, освободи, ты моя единственная надежда!» — рокошет голос у меня в голове.

Рядом со мной замирает Кален. Он оглядывается по сторонам.

— Мирра, ты слышала что-нибудь?

Теперь моя очередь удивляться.

— Да, я слышала. А ты? Ты тоже слышал?

— Кто-то назвал тебя наследницей древних и просил освободить его, — он все еще ищет источник этого голоса, но увидеть его он конечно не может.

А вот я могу. Демон, привязанный к лорду, это он говорил со мной. Он смотрит прямо на меня, сейчас я вижу его даже обычным зрением.

— Кален, я не знаю, как его слышишь ты, но это демон, тот самый демон, который связан с лордом, это он просит о помощи. Как ты слышишь его?

Он лишь пожимает плечами.

— Если лорд одержим, я должен его убить, ты же понимаешь, это мой долг...

«Остановись, Воин. Я не владею им. Он и я — мы жертвы. Никто из нас не хотел этого. Это не наша воля. Я прошу освободить меня, я уйду, а человек, снова станет собой. Больше нами не смогут управлять, если вы сможете разрушить связь между нами, мы будем свободны. Освободи нас, наследница!»

Я лишь киваю. Я знаю, что не позволю Калену убить демона, потому что... это не демон, я не знаю, откуда приходит понимание, но я знаю, что это не злой дух. Его пленили и связали с лордом, каким-то могущественным заклятием и лишь из-за влияния лорда, светлый дух, превращается в демона, но он еще не демон. Я подхожу к клетке.

— Мое творение!!! — кричит мастер. — Что вы сделали? Как посмели вы? Она была идеальна, а вы??? Моя девочка, моя любимая игрушка, моя дорогая любовница. Выпусти меня и мы все повторим: ты снова будешь биться в агонии в моих руках и я снова буду твоим хозяином, хозяином твоей жизни и смерти!

Я бросаю на него лишь один взгляд. Этого достаточно для появления красной пелены перед глазами. Я снова среди своих древних предков, все они настаивают, что эльфийская гордость не может стерпеть подобного. Обидчик должен быть наказан, тем более, когда рядом Демон, через которого можно черпать энергию смерти не меньше, чем из разлома. Я не должна упустить такого шанса, иначе я не буду достойна их уважения, их покровительства. Они единогласны, у меня есть причина его ненавидеть, есть причина его унижить прямо сейчас, показать, что все его пытки не смогли ничего со мной сделать, что я осталась сильной, и теперь я должна сделать так, чтобы он не смел взглянуть на меня. Он издевался надо мной лишенной сил и ничтожной, теперь мой черед. Я чувствую, как энергия смерти, исходящая от духа, наполняет меня силами. Злость, страх, ненависть, презрение — все самые черные эмоции рекой хлынули в мою голову, в мое тело, заполняя меня до краев. Закипает кровь от ощущения собственного могущества. Я могу все. Теперь он в моей власти. Больше мне не нужна поддержка, наполнившая меня ненависть, придает силы, а страх, превращается в уверенность. На моих губах появляется горделивая улыбка, я отпускаю руку Калена и твердыми шагами приближаюсь к клетке вплотную. Я улыбаюсь, весь мир

замирает в ужасе, наверное, сейчас я воплощение этого самого ужаса. Как там говорил мой учитель: с энергией смерти я смогу причинять любую боль, лишь мое воображение будет меня ограничивать, или как-то так. О, в данный момент я не стану его убивать, нет, еще слишком рано, он просто не должен больше мне мешать. Сейчас я не чувствую смрада и горечи энергии смерти, нет, теперь я чувствую только ее холод, только ее мощь, только ее разрушительные возможности. Я упиваюсь своей властью, я могу делать с ним все, что только придумаю, я могу, не прикасаясь к нему, ломать ему кости, одна за другой, наслаждаясь их хрустом, я могу рвать его плоть, я могу... я могу все... и он даже не поймет, что с ним происходит. Меня начинает бить нервная дрожь, я хочу попробовать, хочу испытать эту силу, я хочу стать частью этой силы, хочу, чтобы она стала частью меня. Я слышу, как кричит у меня над ухом Кален, но не слышу слов, их смывает и уносит поток невообразимой энергии. Отойди, любимый, я хочу этим насладиться. Нет, я не буду тебя убивать сейчас, жалкий червь, сейчас я хочу, чтобы ты просто замолчал и не мешал мне думать и разговаривать с духом. Я закрываю глаза, представляя, как срастаются губы мастера, как навсегда закрывается его мерзкий рот, сейчас ты замолчишь. Самым простым способом я навсегда сотру с твоего лица ту гаденькую ухмылку, с которой ты меня насиловал, у тебя больше не будет, чем ухмыляться. Я представляю, как это все происходит, я хочу видеть ужас в его глазах, хочу его криков. Открываю глаза и вижу, как мастер бросается из одного угла клетки в другой, стараясь разорвать срастающуюся кожу на месте рта. Он кричит, как он кричит... Это даже не музыка, это услада для моих ушей. Я стою и смотрю, как моя безумная идея воплощается в жизнь. Я вижу его страх. Как же это... приятно. Когда новая кожа образовалась, я прерываю поток энергии, теперь он не сможет произнести ни слова. Волна энергии смерти проходит сквозь меня, устремляясь в мир породивший ее. Это не больно и не страшно, зря меня пугал учитель. Но он говорил об убийствах, а я еще никого не убила, и вызвала я ее не из разлома, а лишь пользуясь находящимся рядом порождением того мира. Значит и так я могу... учитель об этом не говорил.

— Мирриэль! — орет Кален, трясет меня за плечо. — Мирра!!!

Я самое могущественное существо в этом мире, мне подвластна невероятная, невиданная, никем никогда не покоренная энергия. Да я одним взглядом могу сравнять гору с землей, вызвать или потушить пожар, обрушить свой гнев на любого и каждого. Но я должна остановиться, сейчас. Это просто моя злость ищет выход, мой страх, моя ненависть, но это не я. Я обрываю связь с демоном и закрываю поток энергии смерти.

Теперь я уже все вижу и слышу, я поворачиваюсь лицом к Калену, рядом с ним уже стоит Инариэль. Они одновременно делают шаг назад, увеличивая дистанцию между мной и собой.

— Мирриэль, — вкрадчиво шепчет Инариэль. — Мирра, это ты?

Я встряхиваю головой, прогоняя наваждение. Я была в другом мире, в мире демонов, меня унес туда поток энергии смерти, но я уже вернулась. Им я улыбаюсь, но уже не так кровожадно, просто улыбаюсь, пытаюсь их успокоить.

— Мирра? — неуверенно спрашивает Инариэль, как-будто не видит меня перед собой.

— Что вы так смотрите на меня вдвоем?

— Мирриэль, что ты сделала? И как ты это сделала? — Кален смотрит на меня широко открытыми глазами.

— А что я сделала? — с самой невинной улыбкой спрашиваю я.

Они оба указывают мне на клетку, в которой катается по полу безмолвный мастер пыток. На том месте, где был его рот, нет ничего, совершенно ровная гладкая кожа. Он царапает свое лицо ногтями, разрывая плоть. Его глаза наполнены ужасом, нечеловеческим страхом.

— Ах, вы про это, — будто удивляюсь я. — Он мешал мне думать. Я просто решила убедить его замолчать. Вот и все. Теперь мы сможем спокойно разговаривать, без его гнусной болтовни. Кален, ты же сказал, что вы специально оставили их в живых, чтобы я могла вершить свою месть, вот я и начала, извини, что не предупредила, это как-то само собой получилось, нечаянно.

— Нечаянно? — вздрагивает Инариэль. — Ты хочешь сказать, что это еще не все на что ты способна? Ты пугаешь меня, Мирра. Ты бы видела себя несколько минут назад. То, что я видел на приеме, по сравнению с этим было просто детским баловством, Мирра, ты была воплощенным духом мщения, от тебя просто веяло смертью.

— Конечно, а чем от меня должно было веять, когда я использовала энергию смерти? Нежностью, добротой и фиалками?

— Ты использовала что?

— Энергию смерти, чистую силу зла. То чем пользуются маги-люди это... это даже не капля, это капля разведенная в целом озере... А я использовала источник этой силы. Я была всемогуща... Я...

— Ты была рукой смерти, но ты не убила его. Ведь ты же могла это сделать? Почему ты его просто не убила? — Кален обеспокоен, видимо мое поведение его расстраивает.

Я качаю головой. Как им объяснить?

— Не знаю, я не могу ответить. Мне этого очень хотелось, но я не могла решить каким же способом его убить, поэтому и не убила. Его время еще не пришло, он просто мне мешал. Ну, а теперь, лорд Каст, я хочу поговорить с вами.

— Чудовище, — бросает он мне в лицо.

— Чудовище? Я? Вы ничего не путаете? Разве это я пытаю и лишаю рассудка мирных путников? Разве это я раболепствую перед темной силой? Разве это я, лорд, стала виновницей смерти вашего сына? Разве это я?

Он бросается к прутьям клетки, пытаюсь дотянуться до меня.

— Не смей! Не смей говорить о моем сыне, тварь! Это ты, ты виновата во всем, если бы я только смог удержать тебя в твоём безумии, если бы только они пришли за тобой всего лишь чуточку попозже, еще бы один день, и тебя бы уже нельзя было вернуть, и он был бы жив. Это ты!!! Ты его убила!!!

— Нет, лорд, я предлагала свою помощь, но вы..., вы отвергли ее. Вы только что видели обратную сторону моей силы, вы все еще считаете, что я не смогла бы его излечить? Вы все еще будете утешать себя тем, что будете обвинять меня, ведь это ваша вина, скоро придет осознание и настоящая боль, лорд. О, вы прочувствуете всю ту боль, которую вы причинили мне, вот только ваша боль и ваша утрата будет настоящей, а не вымышленной, как моя. Я должна признаться, я вам благодарна, ведь если бы не моя ненависть, не мой страх, я бы никогда не решилась применить эту силу, но благодаря вам и этому скулящему псу, я уже не боялась ее, это получилось так легко и естественно, словно я только это всегда и делала. И, лорд, это было... потрясающе. Благодаря вам, я открыла новые способности в себе. Спасибо, лорд Каст! И мне жаль вашего сына, он был хорошим человеком, я была бы рада его спасти, но вы не дали мне шанса. А теперь, с тобой, дух. Можешь говорить нормально? Мне не

нравится, когда кто-то шепчет у меня в голове. И называй меня Мирра, это мое имя. Кто связал тебя с этим человеком? С какой целью? Как мне освободить тебя? Есть идеи?

«Я не могу говорить с тобой иначе, наследница Древних. Я не могу называть тебя иначе. Наследница древних — это твое имя в нашем мире. Ты единственная, — он внезапно улыбается, — она сама себя обманула, она считала, что ты самая слабая из оставшихся, что ты лучше прочих подойдешь на роль жертвы, как же она не разглядела в тебе этого? Да, многие поколения стерли силу из твоей крови, но она вернется, уже возвращается, это удивительно. И он снова рядом, еще одна попытка, коих было бессчётное множество, но на этот раз, все по другому. Она ошиблась. Она сама разбудила дремавшее в тебе могущество, сама уничтожила, того, кто связывал тебя узами обета, сама дала тебе в руки власть над обоими мирами, она еще не знает этого, она еще не понимает, что выбрала в жертву, самого могущественного, самого подходящего из живущих. Ни один другой не смог бы сделать того, что делаешь ты. Ты сама еще не понимаешь, насколько велика твоя сила, ты сама еще не осознаешь, кто ты, продолжением чего ты являешься. Ты единственная, связанная с источником. Я поражен. Даже я не мог себе этого представить, не мог вообразить такую возможность. Ты желаешь знать кто ты, наследница? Ты истинное дитя Равновесия, ты его наследница. Тебе ничего это не говорит, ведь так? Но ты поймешь. Для этого надо время. Что касается пленившего меня, это Красный дракон. Ей удалось привязать меня к этому человеку, чтобы управлять его эмоциями, его делами, его помыслами, я заменил его дух собой. Она управляла мной, а я им, но, когда твои друзья, взяли его в плен, она потеряла контроль, связь с ней была разорвана твоим другом магом, случайно, ее магия просто не выдержала столкновения с его эльфийской магией, с его энергией, теперь я свободен от нее, но не от связи с этим человеком. Освободи меня! Если бы ты только могла... вернуть меня..., я бы все тебе объяснил, но я уже не дух, я не могу вернуться, я уже полудемон, тебе просто надо разорвать связь с помощью которой меня подчинили и я вернусь в свой мир, в мир духов, а он будет свободен. Ты видишь ее? Видишь нить, ведущую в никуда? Уничтожь ее. Больше я не могу тебе рассказать, это нарушит Равновесие, тебе же говорили, ты все будешь узнавать постепенно, в этом твоя сила».

Я кивнула. Перейдя на энергетический взгляд, я нашла нить, о которой говорил дух. Она была такого же золотистого цвета, как любая энергия смерти. Я уже пробовала бороться с энергией смерти, с Каленом это не сработало, а вот здесь, все должно получиться, надо просто нарушить ровный поток энергии, несущейся по этому тонкому соединению, стереть эту неестественную связь, стереть ее из этого мира, как разломы, энергией жизни. Закипает в груди голубой огонь. Какая легкость, какая нежность, совсем другие ощущения, не те, что с энергией смерти. Нет холода, только нежное тепло, только доброта и жизнь. Аккуратно направляю поток на тонкую связь. Голубые искры вспыхивают ярким огнем на золоте, разрушая, уничтожая смерть в мире жизни, восстанавливая Равновесие.

— Я все сделала, — говорю духу, уничтожив связь, — Ты сказал, что духа можно вернуть? Что это значит? Расскажи, я не понимаю.

«Да, Наследница. Но я еще не могу уйти. Я не могу просто так уйти. Я стал свидетелем необычайного. Как же так вышло? Твой другу, Воин. Он еще не понимает, как и ты... что он уже не тот, кем был прежде. Страшное нарушение баланса, вынуждает вас, детей равновесия, вспоминать древнейшие, давно забытые навыки. Он уже не просто Видящий, теперь он может говорить с духами, как маги, может путешествовать по миру демонов, может влиять на происходящее, каждый из вас обретет те знания и умения, что будут необходимы в борьбе

с ней, каждый из вас уникален. Возрастающее могущество Красного дракона, пробуждает в вас те силы, что получили вы от Зеленого и Белого драконов, провидение свело вас вместе. Воплощения двух драконов... Вера и сила Белого и жертвенность и стремление к равновесию Зеленого... небывалые дела...»

— Что ты там бормочешь? Я не понимаю тебя, дух, что ты хочешь этим сказать? Кален, ты слышишь его?

— Да, я слышу. Но понимаю я не больше твоего...

— О ком вы оба говорите? — Инариэль переводит взгляд с меня на командора и обратно.

— О духе, конечно! Точнее, о полудемоне, которого насильно привязали к человеческому телу лорда Каста, и который просит его освободить. Ты его не видишь? И не слышишь? — это меня удивляет. — Из всех нас ты больше всех знаешь о духах и ты его не видишь?

— Я не могу видеть духов в нашей реальности, Мирра. Я могу общаться с ними только, когда перехожу в их мир. А здесь есть дух?

— Ну, да. И это многое объясняет, но мы расскажем тебе потом. Итак, дух, причем здесь Кален?

Громяющий смех раздается мне в ответ.

«Он. Он вторая часть. О нем она даже не подумала, а вот он стоит передо мной и держит за руку тебя. Она будет в гневе, когда узнает, кто сопровождает тебя. Ей не видно это из мира духов, но его сила растет и скоро, она будет искать его, чтобы все повторилось, чтобы не позволить свершится воле Вселенной, чтобы все сломать вновь. Ты в большой опасности, Воин. Когда она узнает в тебе Его, ее уже ничто не остановит. Сотни поколений, тысячи встреч и всегда один конец: черное дерево на берегу океана получает очередную жертву. Берегись, Воин, ибо она не остановится не перед чем, чтобы не дать свершиться предначертанному, ибо свершится Оно, и она будет повержена. Берегись, Воин. Не пытки огнем и железом ждут тебя, но муки горшие, чем, те, что вынесла держащая тебя за руку.»

— Отлично, все стало намного понятнее. Кален, ты понимаешь, о чем он?

— Нет, не понимаю, совсем. Но мне это не нравится. Все его слова..., но он же демон, нельзя слушать демонов.

«Ты можешь не слушать меня, Воин, но ты все поймешь, ты тоже все вспомнишь, вспомнишь черное древо и первую жертву, вспомнишь красные наряды, вспомнишь... Иначе и быть не может, но вот что ты будешь делать, когда вспомнишь, вот в чем интрига, никто не знает, какую сторону твой мятежный дух выберет на сей раз... А сейчас, Воин, вспомни свое ремесло. Нить, которой управляли мною разорвана, верни же мне мою силу, разорвав связь с этим смертным. Обрати свой дар на меня, я ведь маг, и сейчас, я нападую на тебя...»

Я смотрю на командора, он смотрит на лорда, видимо, своим взглядом Видящего. Ничего не отражается на его лице, голубые яркие глаза, просто внимательно изучают человека. Ничего не изменяется, все так же, даже энергии не меняются, не меняется ничего в реальности. Только очень непонятное ощущение возникает в груди, словно где-то далеко, разбивается какой-то стеклянный сосуд, и это отдается гулким звоном во мне, я не слышу этого, только чувствую. Внезапно взгляд лорда проясняется, что-то кардинально меняется в его поведении. Он опускается на колени и закрывает лицо руками.

«Вот теперь, я свободен. Его дух вернулся, больше я не связан с ним, больше я не нужен ему, теперь я могу уходить. Благодарю вас. Ты спрашивала наследница, как можно вернуть

дух? Все просто, если дух желает вернуться, ты должна найти его в мире духов и привести в этот мир, чтобы он обрел вторую жизнь, в момент, когда ты выведешь его рядом должно быть еще живое существо, готовое пожертвовать своим телом или принужденное к этому. Тогда эти два духа смогут поменяться. Но это лишь теория, ни разу мне не удалось этого проверить на практике, хотя ходит слух, что один из духов, смог это повернуть и теперь он живет почти обычной жизнью в теле смертного, проживая свою жизнь еще раз, но я сам этого не видел. Еще раз спасибо. Берегитесь Красного дракона, она очень сильна. Не позволяйте ей уничтожить все, именно в этом ее цель. Вы должны ей помешать. Прощай, Наследница, прощай, Воин. Пройдите свой путь достойно!»

— Лорд Каст.

— Да? Я должен благодарить вас... наверное... — он тяжело вздыхает, вытирая выступивший на широком лбу пот. — Мой любимый сын, я даже не смог с ним проститься. Как бы я хотел вернуть тот день в тронном зале, если бы только я мог... Тогда... я кричал, чтобы тебя отпустили, но меня никто не слышал, я умолял, я обещал вечное рабство, но... вместо меня с тобой говорил покорный ей дух. Я не мог ничего изменить, и из всех магов, лишь мой сын понял, что со мной что-то не так и обратился против меня. Зев... он был... единственным смыслом моей жизни. Она знала это и потому, он был обречен. Мое повиновение должно было быть полным, а добиться этого можно было лишь угрожая его жизни. И она пошла на это. Когда вы захватили меня, она перестала поддерживать в нем жизнь. И мой милый мальчик умер, презирая меня, не зная, что я не мог ничего сделать. Все кончено для меня. Мне безразлично, что вы сделаете со мной. Но я прошу вас рассказать все Дарку. Он мой лучший ученик. Никто не мог понять причины, но он и Зев догадывались, понимали... Я в вашей власти, Хранители.

Он покорно склонил голову передо мной. Но я уже не жаждала мести, в тот момент, когда я увидела их связь с демоном, я уже поняла, что его тело просто использовали, использовали чтобы обезвредить меня. У меня уже не было злости. Появилось сочувствие и сожаление.

— Лорд Каст. Пока что вы останетесь нашим пленником. Я не могу решить вашу судьбу прямо сейчас, мне нужно время, чтобы все обдумать. Но я обещаю вам достойное обращение, при вашем достойном поведении.

Неожиданно у меня заканчиваются силы, на меня камнем наваливается тяжесть всего произошедшего. Отвращение к самой себе, злость за несдержанность, за мстительность за использование своей силы не во имя добра, а во имя мести. Стынет сердце в груди, словно холодная змея обвивается вокруг него, сжимая в своих мерзких объятиях. Меня пробивает озноб, я начинаю дрожать. Я не могу пошевелиться, не могу произнести ни слова, но Кален стоит рядом и его теплая рука обнимает меня за талию.

— Идем.

— Постой, Кален, — я заставляю себя взглянуть на мастера, испытываю одновременно и отвращение и сожаление, не надо было так, я была не права, никто не заслуживает такого, даже он. Мне нужен меч или кинжал. Я должна облегчить... я была не права, так нельзя поступать с людьми, его надо убить, чтобы он не страдал. Но сейчас вокруг слишком много переживающих за меня людей, они не позволят мне. Но я должна это сделать, сама, никто не должен исправлять мои ошибки, я должна отвечать за каждый свой поступок. Я обладаю невероятной силой, и мне нужно научиться нести ответственность за все мои поступки плохие или хорошие. Я бросаю еще один взгляд на обезумевшего от боли и страха человека.

Он довел до безумия меня, я ему отомстила, но на этом надо поставить точку. Приняв это решение, позволяю Калену увести меня от клетки.

Мы идем к костру, нас встречают радостными возгласами. Похоже, что все наши спутники в курсе всех событий и искренне радуются моему возвращению. Мне подают жареную на костре птицу. Какой восхитительный запах. Рот наполняется слюной. Мягкое сочное мясо обжигает губы. Как же это чудесно, снова быть в кругу друзей, снова кушать вкусную еду, пить свежую родниковую воду и крепкую настойку от гнома. Я вспоминаю, как облизывала камни, чтобы хоть немного промочить горло. Надо переставать об этом думать, все это в прошлом, теперь все наладится, все будет хорошо. Ко мне подходит Мойра.

— Я очень рада, тебя видеть, Хранительница. Рада, что твоим друзьям удалось исправить мои ошибки. Все маги, оставшиеся со мной, готовы присоединиться к ордену Хранителей и делать все зависящее от нас, для спасения этого мира. Мы еще не знаем, на каких условиях вы примите нас, но не думаю, что любые условия будут хуже того, что предлагали нам Имперцы или круги. Мы готовы исправлять сложившуюся ситуацию.

Я хотела бы ей ответить, но сладкий сок жареного мяса совершенно не способствует мыслительным процессам, все, что я могу сейчас — это просто кивнуть. Но ей и этого достаточно, она улыбается и отходит, оставляя меня наслаждаться едой. Чудесно. У меня прибавляется сил, я полна энергии, и, хотя мне все еще болит все тело, я готова получить свое оружие назад и приступить к тренировкам, о чем незамедлительно сообщаю Калену. Он улыбается, удовлетворенно кивает и уходит за моим оружием. А я окидываю взглядом лагерь: несколько костров, звенят мечами имперцы, маги их сторонятся, только между собой общаются, нашу стоянку вообще все стороной обходят, вижу Инариэля и Барри, они сидят у своего костра, нахожу взглядом Мойру, она мне улыбается. Да уж, с ними надо что-то решать: то ли прощать им все их ошибки, то ли все-таки наказать как-то... Даже не знаю... потом решу. Кого-то не хватает... Не могу найти Дарка. Где же он? Поднимаюсь, тело уже свывается с вновь обретенной свободой, шаги становятся все увереннее, уже не так больно двигаться. Лагерь небольшой, Кален меня без труда отыщет, а мне нужно найти Дарка и поблагодарить его. Пока ищу имперца, разминаю руки и плечи, восстанавливаю чувствительность в пальцах. На самом краю лагеря одинокий костер, возле него сидит человек, отвернувшись от основного лагеря. Наверняка это он. Смерть друга на него сильно повлияла. Подхожу к костру и тихо усаживаюсь напротив человека. Я помню его другим. Дарк осунулся, темные круги под глазами, в черных волосах я замечаю серебро седины, всего несколько волосков, но в основной массе черных волос эти белые нити четко видны. Он поднимает на меня глаза, видимо, он не привык, что к нему так просто кто-то подходит, и нарушает его одиночество.

— А, это ты. Рад, что тебе уже лучше. Я тут...

— Дарк, мне очень жаль. Я хотела поблагодарить тебя за спасение моих друзей, но сейчас... Мне кажется важнее, извиниться, за то, что я не успела ему помочь. Он был хорошим другом и добрым человеком, мне жаль, что я не смогла узнать его поближе, жаль, что не смогла помочь ему и тебе. Он много значил для тебя?

Он молчит. Лишь сжимает висящую на груди подвеску, не поднимает на меня глаза, я права... он потерял не просто друга... Его растерянность, его печаль... я понимаю ее, там в моем кошмаре, я... испытала все то же самое, когда Кара сказала, что Кален погиб, тогда... я потеряла... любовь. В глазах, в жестах, в молчании этого человека, я видела все то же самое...

— Дарк, когда, они... когда они сводили меня с ума, они показали мне другой мир. В том мире, наше дело уже было проиграно, мы потеряли все, я потеряла все. Моему отчаянию не было предела, я не хотела жить, но я поняла только одно, Дарк, чтобы не случилось, кого бы мы ни потеряли на этой войне, все они будут с нами, в наших сердцах, в наших душах, в наших воспоминаниях. Они будут живы, пока живут те, кто помнит их, кто их любил, пока живы мы, Дарк. Мы не забудем его, ни ты, ни я, ни Кален. Он будет жить в наших воспоминаниях. Нам не нужно думать о том, что его больше нет, нужно просто помнить его. Расскажи мне о нем, Дарк. Расскажи, каким он был. Расскажи о своем друге, о своем любимом человеке. Мне будет приятно его узнать, а тебе станет немного легче, наверное, мне это помогало, там... меня спасали только мои воспоминания, только за них я держалась, только они придавали мне мужества.

Имперец поднимает на меня глубокие карие глаза. Я вижу слезы, скупые мужские слезы. В порыве сострадания, подсаживаюсь к нему и обнимаю его за плечи.

— Ты не один, тебе не нужно быть сильным со мной, Дарк, я всего лишь... друг. Иногда, когда мы думаем, что проявляем свою слабость, на самом деле мы показываем свою силу, я знаю, ты сильный, добрый и хороший человек. И я очень ценю это. Расскажи мне о Зеве, расскажи, как вы познакомились, как вы проводили время, о чем вы мечтали? И еще кое-что, не знаю даже, обрадует тебя это или нет, но... твой учитель, лорд Каст, это все делал не он. Его телом распорядился подневольный дух, он подчинился напрямую Красному дракону. Лорд, не мог ничего сделать, он мог лишь смотреть на все происходящее, но его воли в этом не было. Он просил сказать тебе, что благодарен, за то, что вы с Зевом, единственные, кто догадались, что с ним что-то не так. Он скорбит, так же, как и ты, Дарк. Я... он просто просил, чтобы я тебе это передала.

— Ты ходила к клетке? В первый же день, как пришла в себя ты отважилась к ним приблизиться? Да кто ты, демоны тебя дери? С виду хрупкая эльфийка, а внутри? Ты из камня? Эти люди несколько недель тебя истязали, да на тебе живого места не было. Мы с Инаром по очереди тебя лечили, пока магия действовала на тебя, я видел, что они сделали с тобой, они свели тебя с ума, а ты так спокойно мне говоришь, что была у клетки и говорила с лордом? Я еще раз спрошу, кто ты? Может ты еще и мастера помиловала? Ты не хочешь ему отомстить? Ты не хочешь его мучений?

— Нет, — тихо говорю я, вспоминая, как я поступила с мастером. — Ему я отомстила. Я не горжусь тем, что я сделала, Дарк, я просто не сдержалась, я была... мне было очень страшно, и я поддалась порыву мести, ненависть охватила меня, и теперь, я сожалею об этом. Я отомстила, Дарк, но это не принесло облегчения, совсем, только сожаление, теперь я чувствую себя... грязной, я боюсь, что я стала такой же как он... но... я это исправлю... Я еще могу все исправить.

— А вот теперь я заинтригован. Я бы даже сходил посмотреть, что же ты такого сделала, но боюсь, что не сдержусь и пырну все-таки лорда ножом, и твой друг, Видящий, не успеет меня остановить, как в прошлый раз. Так из какого камня сделана ты? Обсидиан? Твоя кожа такая же прохладная, как этот черный камень, и по стойкости этому камню нет равных, ты из обсидиана, Хранительница?

— Нет, маг, в моей груди бьется сердце, в моих жилах бежит кровь, я вполне живое существо. И раз уж мы заговорили об этом, друг мой, камень не сможет всего выдержать, даже обсидиан будет огранен волнами, или испещрен ветрами, да для этого потребуется много времени, но это все равно случится, а я не могу позволить себе быть разрушенной,

больше никогда. Значит, я должна стать тем, что способно ограничить камень и источить его. Я должна быть, ветром, несущим дождь на поля, и в то же время, бурей, уничтожающей все на своем пути. Я должна быть водой, дарящей живительную влагу, питающей все живое, и в то же время, обтачивающей камни, губящей корабли. Моя роль сложна, Дарк, но я не перестану быть обычным эльфом. Я дитя равновесия, мой удел — это соблюдать и восстанавливать равновесие. И для этого я должна быть всем и ничем, все зависит от того, в какую сторону качнулись великие весы. Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Прощение и Наказание, Вечность и Миг, Начало и конец, Жертва или Самопожертвование. Все это я маг. Азлин гоб юдарин. Эйтелин ораб тсанидлин.

— Что? Хранительница, ты о чем? — забеспокоился маг.

— Не трогай, — успел крикнуть Кален. — Не трогай ее, она не сможет сдержать сейчас боль, и ты получишь удар.

Воин подхватил медленно оседающее тело.

— Ну и что ты опять натворила, Мирриэль? Куда опять тебя унесло? — Кален аккуратно поднес к губам флягу с настойкой.

Один глоток, и я снова увидела свет дня, Дарк стоял рядом совершенно ничего не понимая, Кален сидел рядом со мной на траве.

— Что тут случилось? Я опять что-то пропустил? Мирра, может, ты как-то будешь дозировать свои приступы, иначе мне придется неотлучно за тобой следовать?

— Я бы хотела это контролировать, но у меня не получается, это как попасть в водоворот, я даже не понимаю, что происходит, я не могу ничего сделать. Эти видения... У меня перед глазами встают ровные ряды эльфов в блестящих доспехах, все они похожи на меня или я на них, а один... одна она вообще моя копия или я ее, я знаю, что они мои предки... я знаю, что эта которая моя копия — принимала участие в великой битве. Они говорят и когда они начинают говорить, то они говорят вместе со мной, а потом вместо меня, они... будто хотят мне что-то пояснить, таким странным способом, они не причиняют мне боли, просто я не могу выдержать их присутствия долго. Что я говорила? Это может быть важно. Дарк, ты запомнил?

— Ну, ты сказала, что ты не камень, потому что камень может источить вода или ветер. Ты сказала, что ты и есть вода и ветер. А потом ты начала говорить совсем странные вещи, что ты дитя равновесия и что твой удел следить за тем, чтобы равновесие было соблюдено. Ты говорила, что ты жизнь и смерть, добро и зло и много еще всего такого, а потом ты вообще по-эльфийски заговорила.

— Скорее всего, это был даже не эльфийский, а язык древних. Ты запомнил, Дарк? Может быть, Инариэль хоть что-то разберет в моих словах. Надо бы с ним это обсудить, но не сейчас, — я вижу, что Кален принес катар и близнецов, руки сами тянутся к оружию, словно это не смертельно опасные ножи, а дорогая игрушка.

Привычными движениями надеваю катар на правую руку, пристраиваю ножны с близнецами на поясе. Больше я не позволю никому застать меня врасплох, больше никогда я не расстанусь со своими игрушками. Кален смотрит на меня с улыбкой.

— Вот мне все было интересно, что это за перчатка. Барри сказал только, что это подарок отличного мастера, а Инариэль хитро улыбался. Что же это за оружие? Покажешь?

Я киваю и, щелкнув рычажком, перевожу катар в боевую готовность и сжимаю кулак, демонстрируя, как медленно и плавно появляется лезвие ножа. Воин с интересом смотрит на катар в боевой готовности. Одобрительно кивает головой.

— Отличная штука. Очень подходит для скрытых атак. Как быстро появляется лезвие?

— Зависит от силы сжатия рукояти. Чем больше сила, тем быстрее. При достаточной тренировке — моментально.

— Очень удобно и совсем незаметно, даже я не понял, как это может быть оружием, а ведь я немало повидал всевозможного холодного оружия. Одобряю. Отличный подарок.

Я только киваю.

— Командор. Я хочу побыть одна. Не хочу позориться у тебя на глазах. Я немного пройдуся.

— Ты уверена, что тебе не нужно сопровождение? Мне кажется — это не самая лучшая идея.

— Все со мной будет нормально. Просто нужно собраться и заставить себя думать в нужном направлении, а в твоём присутствии я не могу думать, — я дотрагиваюсь до его руки, наслаждаясь теплом его взгляда. — Я не долго, обещаю.

Бессмертные

По воздушным коридорам радужного замка спешил Вестник. Войдя в великолепные покои общего зала, он скромно встал у стены, ожидая, когда окончится беседа. Сколько бы раз он не входил в ажурные створки, его охватывало почтение и трепет. Высокий потолок был прозрачным, сквозь него всегда было видно безупречно голубую даль. Легкие ажурные колонны поддерживали хрустальный навес над престолом, где удобно разместился Великий. Множество балкончиков и окон пропускали свежий воздух в это помещение. Картины, статуи, вазы и ларцы служили дополнительным украшением. Скамьи и стулья, столы и шкафы, заполненные книгами, казалось, что здесь есть все. Всем этим можно было любоваться бесконечно, каждый раз открывая для себя что-то новое. И он любовался, хотя бывал здесь бесчисленное количество раз.

Беседа была окончена и Великий распустил учеников. Склонив головы, они удалились из зала.

— Подойди, Вестник. Я долго ждал тебя. Итак, какие вести сегодня ты принес мне?

Седовласый старец повелительным жестом пригласил гостя подойти к ступеням престола. Внимательные зеленые глаза следили за каждым движением. От этих глаз не могла бы укрыться даже самая искусная ложь, даже если бы кто-то решился на такую глупость.

— Возникли сложности, Великий.

Старец изучающе смотрел на гостя, но не перебивал, предоставляя возможность тому исполнить свои обязанности.

— Падшие, Великий.

Руки старца сжались на резных рукоятках.

— Ты сказал «Падшие». Значит их несколько...

— Трое, Ваше Святейшество.

— Трое, — старец нахмурился и быстро поднялся, покинув удобное кресло он легкими шагами начал мерять пространство зала. — Я не понимаю... Я учу их всему, наставляю, я даю им безграничные возможности, но вместо того, чтобы этим наслаждаться, то и дело мои ученики предпочитают пасть и жить среди смертных. Что не так? Почему они делают такой странный выбор? Тысячи лет я совершенствую свою методику и все равно, она дает осечки. Я не понимаю... Трое...

— Да Ваше Совершенство. Трое. Но это еще не все...

— Еще не все? Неужели есть вести хуже этой?

— Да, Великий. Эти трое... они все в одном мире...

— Трое бессмертных духов в одном мире? Но это ведь... противоречит всему, что я им внушал... Сотни лет обучения... И все зря... Что за мир они избрали?

— Кардун, Всеведущий. Они все там.

— Я помню этот мир, — старец улыбнулся. — Прекрасная работа. Чистый, красивый... Что ж... Я бы тоже хотел там побывать еще разок, но столько дел... Вот бы устроить себе отдых и навестить все когда-то созданные мною миры... Вот это было бы путешествие. Но я размечтался. Сколько времени они там находятся?

— Около тысячелетия или чуть больше того. Но, Великий, там что-то произошло. Мы не можем сказать точно, в тех местах нет наших агентов, способных разобраться в ситуации и предоставить полный отчет, есть лишь смутное понимание и туманные намеки.

— Мы знаем кто из Юных пал?

— Нет. Не знаем, Великий.

— Мы должны их осудить, — он тяжело вздохнул. — Хватит с них пряников, пора браться за кнут. Процесс должен быть показательным и всеобщим, нужно преподать урок моим ученикам. Все трое павших должны предстать перед судом. И не медли с исполнением. Сотни лет тебе хватит на исполнение этого поручения?

— Вполне, ваша милость. Думаю, управлюсь и быстрее.

— Отправляйся. И верни их сюда, всех троих.

Вестник склонился в почтительном поклоне и удалился из зала.

— Нужно их вернуть... и наказать... пока они не уничтожили весь мир... Юные... нет они не юные, они просто дети, непослушные и упрямые. Сколько я не пытался вырастить идеальных богов, у меня так ничего и не вышло... Где же я опять ошибся, что упустил... Нужно будет с ними поговорить... быть может я смогу понять...

Сон в лесу.

Оставляю лагерь позади, углубляясь в редколесье.

Что происходит со мной? Радость исчезла, в душе только пустота, а в голове мысли о неминуемом столкновении. Кого с кем? Я тут при чем? Ответов опять нет, только вопросы. Почему у меня все так сложно? Почему нельзя просто четко сформулировать для меня цели? Я как в темноте иду наощупь, а от моих действий зависит будущее. Как можно принимать решения, если я не знаю исходных данных? Какие тут тактики и стратегии. Основная задача прожить еще один день и найти хотя бы какие-то отправные точки для размышлений. Я так радовалась тому, что Кален рядом, что я ему нужна, но что это меняет в картине мира? Ничего! Все только усложняется... Теперь он будет меня оберегать вопреки здравому смыслу, а я буду вздрагивать от одной мысли, что могу это потерять... Ни мне, ни ему от этого не станет легче, все только усложняется. Лагерь уже укрыт зелеными ветвями леса, его не видно, но звуки его все еще нарушают тишину леса. Дитя равновесия. Что же это может значить? Что мне хотят сказать мои предки? К чему они меня готовят? Этот полудемон, все намекают на мою исключительность, но что мне с ней делать, в чем она заключается, как мне использовать это? Как мне все это закончить, чтобы наступило то самое равновесие? Красный дракон рвется на свободу, она хочет уничтожить наш мир. Зачем это ей? Да и вообще, выходит, что древние легенды — это не просто приукрашенные истории, но если все

это было... тогда... получается, что мой враг — красный дракон, в битве с которым не устояли два других дракона..., они не устояли, а я значит, должна не только устоять, но и победить? Несуразица какая-то..., как я могу победить древнейшее существо, которое является одним из творцов мира, в котором мы все живем? Как я должна победить легендарного красного дракона? Это невозможно..., а может быть прямого столкновения не будет, может быть, я смогу просто предотвратить освобождение дракона и это и будет моей победой? Из одного кошмара, я попала в другой, и еще не известно, какой из них более кошмарный. Ответов нет, спросить не у кого. Предки появляются, когда им вздумается и, что они хотят мне сказать, я не понимаю. Жить здесь и сейчас? Делать то, что могу и не думать о том, что придется делать потом и к чему могут привести мои действия. А что я могу? Ну, я могу закрывать разломы. Больше этого не может никто. А еще я могу стрелять из лука и арбалета, метать ножи и неплохо когда-то управлялась с холодным оружием.

Без сил опускаюсь на мягкую траву. Весна пришла. Пока я путешествовала с друзьями и томилась в темнице, весна вступила в свои права. Свежая трава, молоденькая листва на деревьях. Где-то выводит дивные трели соловей. Мир и покой. Но это лишь обман. Нет ни мира, ни покоя. Есть красный обат, есть отравленные им люди. Есть нарушение равновесия, есть угроза уничтожения, а я радуюсь, как безумная поцелуюм мужчины, которого любовь ко мне делает слабее и уязвимее. Я радуюсь сросшимся костям и отросшим ногтям, а мир проваливается в пропасть. Это безумие.

— Вы не того выбрали, слышите меня! Не знаю, кто там делал этот выбор, но я — не подхожу вам. Я не могу быть лидером, я не тот человек, не тот эльф, я не могу... Это не для меня! Я... просто жить хочу... Я не хочу вести войска, не хочу видеть смерти людей, не хочу принимать в этом участия... Я хочу просто жить... Почему я?

Это невыносимо. Опираюсь спиной на старый ствол дерева. Закрываю глаза. Пытаюсь найти силу внутри себя, но там нет силы, только страх и безысходность. Я опустошена, я подавлена. Почему я?

«Потому что ты — наследница древних. Ты истинное дитя Равновесия. Твоя сила безгранична. Ты — лидер. Ты — воин. Ты — надежда. Ты принесешь мир, пройдя войну. Ты обретишь, потеряв. Это твой путь. В тебе сокрыта связь. Только ты найдешь источник. Только ты сможешь, только тебе это под силу».

Открываю глаза. Рядом со мной никого нет. Не удивительно, длительное заточение и истощение, помutilи мой разум. Теперь я слышу голоса. Хотя я и прежде их слышала. Такие ответы ничем не хуже, чем вообще никаких ответов.

— Я не воин, я не лидер, надеждой меня называют, но это лишь слова.

«Твои сомнения понятны. Но не сомневайся. Всему свое время. Ты все узнаешь, все поймешь, а пока что, просто поверь, Мирриэль. Ты хочешь убедиться в своей исключительности? Отправляйся в эльфийские леса. Найди короля. Сделай, то, что должно быть сделано».

Отлично, к эльфам. Почему бы и нет? Наверное, когда-то я жила в эльфийских лесах. Почему я не помню ничего из прошлого только чьи-то голубые глаза, такие же, удивительные, как глаза Калена, особенно когда он смотрит на меня. Опять закрываю глаза. Наверное, наш лагерь сейчас недалеко от эльфийских лесов, это редколесье, но я чувствую, что если, пойти на запад, всего в нескольких днях пути, начнутся исконные эльфийские леса. Глухомань. Непроходимый лес. Темный и устрашающий для людей, родной для эльфов. Одну меня не отпустят..., кто-то обязательно вызовется сопровождать, хотя я бы предпочла

сходить туда одна.

Медленно на редколесье спускается вечер. Более насыщенными становятся тени, блекнут на угасающем небе кроны деревьев. Становится прохладнее. Все тише голос соловья, скоро он совсем смолкнет. Как мягким темным покрывалом укутывается лес, готовясь ко сну. Ночью он будет совсем другим, в непроглядной тьме будут ухать совы, едва заметными тенями между стволов будут скользить ночные хищники, лес будет спать, но сон его будет тревожным, жизнь не остановится с наступлением ночи, лишь поменяются исполнители, и декорации станут чуть мрачнее.

«Ночной океан. Лунная дорожка на прохладной глади воды. Двое плещутся в воде. Мужчина и женщина. Она дразнит его, вырывается из нежных объятий. Он улыбается и ловит ее за лодыжку, когда она пытается проскользнуть мимо него. Голубые глаза... Его мокрые темные длинные волосы прилипают к ее белой коже... Нежность и страсть. А над всем этим возвышается вековой лес, скрывая влюбленных от всего мира»

Я вздрагиваю, когда понимаю, что знаю это место. Знаю эту пару, знаю их историю... Знаю, но вспомнить не могу. Голубы глаза, да, но не человеческие глаза... Это эльф. Я точно знаю, что я вижу глаза темноволосого эльфа. Что это за видения? Прошое? Настоящее? Будущее? Я ли плаваю с ним в океане? Или мне показывают, почему его нет со мной? Или мне подсказывают, что Кален, станет лишь воспоминанием, а я буду искать расположения этого темноволосого красавца? А что если, именно поэтому я и хочу идти к эльфам одна? Что если меня ждет там встреча с этим эльфом? Но сердце болезненно сжимается, мне не нужен никто, тем более сейчас, когда... Кален признался, когда он спас меня, когда он... Голубые глаза эльфа растворяются, исчезают в сгущающихся лесных сумерках. Ладонь обжигает воспоминание о прощальном подарке, который мне передала Кара, о монетке на память, замирает сердце от нахлынувших воспоминаний... Нет, никто другой... Больше нет никого... только он, только его голубые глаза, только его обжигающе горячие руки, только его едва заметная улыбка, когда улыбаются только уголки губ, только его светлые взъерошенные волосы, только его медвежьи объятия, только он... Сон уносит меня в страну грез...

«На высокой опушке леса, подставляя тонкое лицо льющемуся с океанских просторов соленому ветру стоит эльфийка. Зеленая охотничья курка лежит у ее ног, крепкий боевой лук прислонен к дереву вместе с колчаном, наполненным стрелами с белоснежным опереньем. Она встает на колени, раскапывая руками небольшую ямку. Аккуратно, она опускает в ямку саженец: совершенно черный ствол молодого деревца и присыпает его землей.

— Выходи, сестра, я знаю, что ты здесь, я чувствую тебя, как и всегда, — она устало отбрасывает с лица прядь пепельных волос и переводит взгляд невероятных глаз цвета морской волны на приближающуюся женскую фигуру, облаченную плащом.

Поднимаясь с колен, она легко оттряхивает землю с зеленой ткани штанов. Шелковая яркая рубашка, словно свежая зелень весенней травы, надувается морским бризом.

— Я рада, сестра, что ты пришла. Я хотела с тобой проститься.

— Ты уходишь?

— Да, я уйду, — мягкая грустная улыбка играет на губах эльфийки. — Ты пришла проститься или опять хочешь меня пленить, как в прошлый раз, сестра?

— Мне незачем больше тебя неволить, тем более, когда ты собираешься покинуть нас. Я получила все чего хотела, больше мне не надо, — лицо незнакомки скрывает капюшон из-

под него видны лишь полные губы.

Эльфийка горестно кивает.

— Это так. Я прощаю тебя за все, сестра. Ты получила Его. Теперь я должна уйти, я не могу видеть вас вместе, это причиняет мне боль, но я уважаю и принимаю его выбор, я смирилась с ним. Это — она указала головой на только что посаженный росток, — мой последний подарок этому Миру. Черное дерево скорби. Оно единственное, больше таких не будет. Как печаль в моей душе. Оно будет очищать этот мир от скверны, впитывая ее в себя, запирая ее на веки внутри своего ствола, в своих листьях. Оно будет расти, как и моя боль. В самом начале я думала, что обрела сестру и друга, я надеялась, что Вселенная в своей бесконечной благоразумности поделится с нами мудростью, позволит процветать сосуществуя, но я ошибалась. Мое одиночество было нестерпимо, я жаждала познания. Я не могла предполагать какую цену мне придется платить за это. Я познала дружбу и любовь, я испытывала восторг и счастье, но сменилось все разочарованием и предательством. И вновь я обретаю свободу выбора, потеряв все, что было дорого моему сердцу, все, что заставляло мой дух пребывать здесь. Но я не сержусь, сестра. Равновесие — превыше всего. Три бога — слишком много для одного небольшого мира. Двух будет вполне достаточно. Не будь строга к своим твореньям, хоть ты пыталась выжечь из их сути доброту и сострадание, они не стали подобно тебе черствыми и бездушными, они живые существа, у них есть право выбора, не отнимай у них этого. За своих детей я не тревожусь, у эльфов достанет мудрости не связываться с Вами, новыми богами, а гномов, — она улыбнулась, вспоминая низкорослых широкоплечих горняков, — в их пещерах они короли, твоим зеленокожим их не достать. Да и эльфы будут присматривать за ними.

— Ты так уверена в своих лесных бродягах? Они же ничтожны, они не стремятся к власти и, следовательно, никогда не будут ее иметь. Мои дети лучше твоих, они свирепее, агрессивнее, честолюбивее, они лучше во всем. Они сильнее, — порыв ветра сбросил капюшон с головы говорившей.

Черная грива волос разметалась по плечам, освободившись из-под сковывающего капюшона. Яркие красные губы искривились в презрительной насмешке. Холодные глаза смотрели на собеседницу с издевкой и едва скрываемой ненавистью.

— Ты, сестра, все еще не понимаешь. Ты — камень. Всего лишь камень. Вся твоя ненависть и презрение — это лишь булыжники. А я, сестра, моя вера в добро, справедливость, мое стремление к равновесию — это ветер, это вода. И то и другое — необходимы для жизни, но они же могут и убивать, вода точит камень, сестра. Долго, медленно, но верно стесывает с него все шероховатости, превращая в совершенно гладкий материал. Ты все еще не можешь понять, что ты не должна быть камнем, твоя стихия — огонь. Он тоже дарит тепло и жизнь и тоже может убивать, но ты упорно идешь по пути камня. Мне жаль, что я так и не смогла научить тебя, объяснить тебе, доказать, что путь камня — это путь в пустоту.

— Я ненавижу твои пустые разговоры! Ты сводила меня ими с ума тысячелетия!!! Ты просто... брюзга, за своими пустыми беседами ты скрываешь свою трусость, ты даже не захотела драться за свою так называемую любовь, ты просто решила все бросить и уйти! Ты слаба и ничтожна!

Эльфийка с горечью смотрела в лицо прекрасной женщины в черном плаще.

— Кали, успокойся. Ты можешь считать меня слабой и безвольной, но поверь, что это не так. Я знаю, что пройдет немного времени и пресытившись твоей страстью, он будет

искать меня. И найдет. И тогда мы будем вместе, но уже вдали от тебя, вдали от твоих интриг и ревности. Нужно немного времени и все вернется на круги своя, все, что ты разрушила своим вмешательством, будет восстановлено мудростью вселенной. Время не имеет значения для нас, духов бытия, богов. Просто я не хочу больше находиться рядом с тобой, я хочу оставить тебя наедине с твоей ненавистью и злобой. А Он вернется ко мне. Ты — просто наваждение, я — его судьба.

— Не надейся, сестра, я не отпущу его от себя ни на шаг, он никогда не вернется к тебе, ты больше никогда не почувствуешь нежности его поцелуев и страсти его объятий. Он останется моим, навсегда. Ты слышишь?

Эльфийка лишь улыбается в ответ.

— Я слышу, как гроза раскатываем грома вдали, но это не значит, что она останется навсегда. Я знаю, как бушует ветер, срывая крыши с домов и унося скарб, но и он найдет покой и все вернется к обычной жизни. Ты сильна, Калисто, очень сильна, но ты лишь буйство природы, а любое буйство временно, оно проходит, и возвращается тишина и покой. Что ж, пожалуй, мне пора, отправляться. Обнимемся же на прощание, названная сестра?

Эльфийка с улыбкой раскрыла объятия. Женщина в плаще сделала несколько быстрых шагов ей на встречу, и они обнялись.

— Я не могу позволить тебе уйти, Лири, — женщина в капюшоне достала из широкого рукава плаща тонкий черный стилет и вонзила его в спину эльфийки, погрузив в тело по самую рукоять. — Ты права, Орлен будет тебя искать, и обязательно найдет, ведь даже сейчас мне пришлось его опоить, чтобы он остался со мной, а я не могу этого допустить. Он будет моим, только если будет знать, что тебя уже не вернуть. Прости, Лири, но я не вижу другого выхода, ты должна умереть, он будет оплакивать тебя долгие годы, я подожду, но потом... потом он будет только моим, я залечу его боль своими поцелуями, я заставлю его забыть тебя, он будет счастлив.

— Калисто... — широко раскрытые глаза эльфийки смотрели прямо на убийцу. — Мы же сестры... мы же бессмертные духи, как ты могла???

Не было ненависти в ее взгляде, не было злости, было только разочарование и боль.

— Ну, я давно думала над тем, как можно убить бога, мои изыскания показали, что пока мы в облике смертных, мы так же смертны, как и они, лишь в облике Драконов мы неуязвимы. Твоя любовь к эльфам тебя подвела, сестра.

Калисто опустила тело эльфийки на землю.

— Посмотри-ка Лири, твоему дереву скорби пришлась по вкусу твоя кровь, оно просто упивается ею.

Кровь, вытекающая из смертельной раны, стекала как раз в углубление возле черного деревца и маленький росточек, напитываясь кровью высшего существа, рос прямо на глазах.

— О, Калисто! — мягкая улыбка опять коснулась уже бледнеющих губ эльфийки. — Как же ты не поняла. У тебя ничего бы не вышло, нельзя убить бессмертного духа, но я поподарила свое могущество этому миру. Я создала источник... Магия... теперь она будет повсюду... будут рождаться маги среди людей, теперь не только эльфы... они объединяться... будет битва... ты...

На губах эльфийки выступила кровь.

— Я не умру, Калисто! Ты оказала мне услугу, теперь, я вернусь в колесо жизни и буду вечно возрождаться в разных обликах, вечно... Калисто! Ты не убила меня, глупышка, ты подарила мне то, о чем я даже не смела мечтать!!!! Теперь, я буду искать Орлена, а он будет

искать меня, в каждой реинкарнации, и когда мы найдем друг друга, мы найдем источник, и тогда, Калисто, я все вспомню и верну свое могущество, а ты...это уже не важно... До встреч, сестра! Поверь, у нас их будет много...

Заглушая в тысячи раз звук прибое с неба раздался громогласный крик:

— Лири!!!

В несколько взмахов огромных белых крыльев, преодолев остававшееся расстояние до берега, на землю опустился белый дракон. Лишь коснувшись земли, он обернулся светловолосым мужчиной средних лет.

— Лири! — он бросился к лежащей на земле эльфийке.

— Орлен, — она открыла глаза, когда он опустился рядом с ней на землю, и коснулся губами ее щеки.

— Лири, нет, ты не можешь, не можешь меня оставить, Лири. Прости, я... — голубые глаза мужчины неотрывно смотрели в лицо эльфийки.

Она улыбнулась и прикоснулась рукой к его щеке.

— Все не важно, Орлен. Мы всегда будем вместе, я всегда буду искать тебя, а ты меня... и никогда никто не сможет нас остановить в наших поисках...

Она закашлялась, и алая капля крови скатилась из уголка ее губ, давая понять, что времени у них уже не осталось.

— Помни, Орлен, источник вернет нам память, мы вспомним все. Прощай любимый, до встречи в следующей жизни.

Глаза цвета морской волны потускнели, но все так же нежно смотрели на коленопреклоненного мужчину. Сдерживая, разрывающие грудь рыдания, он опустил теплую ладонь на нежно любимое лицо и прощальным жестом закрыл ее глаза, своей рукой. Прикоснувшись к ее лбу, вдохнув все еще исходивший от нее запах полевых цветов и весны, он опустил ее тело на землю.

— Калисто, — тихо прошептал он. — Зачем? Почему, Калисто?

Он повернулся к замершей в нерешительности женщине.

— Орлен, как... как ты вырвался? Ты не должен был здесь появиться, я приказала тебя охранять...

— Разве это важно, Калисто? Разве мое освобождение важнее, чем кровь сестры на твоих руках?

Он сделал несколько размашистых шагов в ее сторону. На его белых одеждах остались кровавые следы прощания с возлюбленной.

— Тебе было мало опохмелить меня и показать Лири то, чего на самом деле не было. Тебе мало было обесчестить меня в ее глазах, когда ты поняла, что даже это не сможет нас разлучить ты решила просто убить ее? Может быть и меня тоже ты хочешь убить, Калисто? Ведь теперь все твои мечты пойдут прахом, или ты думаешь, что я смогу забыть и простить тебе смерть Лири? Ты действительно думала, что, убив ее, ты заставишь меня ее забыть? Если и так, Калисто, ты ошиблась! Теперь, я тебе не брат, Калисто. Я говорил Лири, что она слишком добра с тобой, что нужно проявить жесткость, но она твердила, что ты лишь запутавшийся ребенок, что мы сможем научить тебя как быть лучше... Она верила в это... Вот только эта вера — ее погубила. Я убью тебя, Калисто, убью с наслаждением. Лири будет отмщена, — пока он говорил все это, виновница уже стояла совсем рядом с ним, он протянул руку и схватил ее за плечо.

Женщина вскрикнула, пытаясь вырваться из крепкой хватки.

— Орлен, отпусти меня! Ты не посмеешь... — испуг в ее глазах сменился на уверенность, глаза сузились и стали жесткими. — Ты же сам был в восторге от наших ночных игр, тебе же было хорошо со мной, милый, ты был так страстен, так пылок, ты сам не хотел останавливаться...

Коротким движением, он, недолго думая, ударил ее по щеке, оставив след на нежной коже.

— Змея, замолчи! Ты опоила меня, ты знала, что я вижу не тебя, ты знала, что для меня ты сейчас Лири, ты использовала меня и ее... Ты ничтожество, — он рванул плащ на себя, стремясь покрепче сжать руки на плече отбивающейся женщины.

Но она смогла вывернуться и в его руках остался только плащ. Калисто упала на землю в нескольких шагах от него. Ярко-красное откровенное платье подчеркивало всю ее женственность, но сейчас это не произвело должного эффекта на мужчину, ему было все равно кто перед ним. Его затуманенный горем разум взывал тело к действию, к отмщению, все остальные эмоции были забыты. Сейчас была только жажда мести. Осознав это, Калисто пришла в ужас. Весь ее план пошел прахом. Теперь уже можно было и не мечтать, что Орлен, сможет забыть Лири в ее объятиях, теперь он стал врагом. Он жаждал мести. Нужно было спасаться. Вскочив на ноги, она бросилась бежать. Через несколько шагов набрав достаточно энергии, она обернулась величественным красным драконом и взмыла в облака, спасая свою жизнь. Он не стал ее догонять, проводив красную молнию в небесах, он перевел скорбный взгляд на лежащее на земле тело.

— Беги, Калисто, беги. Я все равно найду тебя и отомщу, я убью тебя, Калисто, но не сейчас. Сейчас убирайся. Я хочу оплакать свою возлюбленную, хочу похоронить ее, и не хочу видеть тебя, не хочу, чтобы ты своим присутствием осквернила этот момент прощания. Сейчас время скорби, время мщения придет потом.

Тяжкой была не ноша, тяжелыми были мысли, когда он опустил тело возлюбленной в холодную землю. Теперь он мог себе позволить скорбеть, никого не было в этом месте, он был наедине со своим горем. Он оплакал возлюбленную, он молил ее о прощении, он рассказывал, как был обманут их сестрой, он не мог с ней проститься, он не мог отдать ее тело земле. Он прижимал ее голову к своей груди, покрывал ее лицо поцелуями, он понимал, что это уже ничего не изменит, но не мог решиться на последний шаг. Когда ночь уже укутала мир своим темным покрывалом он в последний раз взглянул на Лири. Бледное ее лицо в свете луны казалось почти живым, как же он хотел, чтобы она просто спала, и проснулась едва он коснется губами ее губ. Но этот поцелуй ничего не изменил, как и сотни таких же горячих поцелуев до него. Он опустил ее в могилу. Простившись с ней еще раз, он обернулся драконом.

— Ты, была моей возлюбленной, ты была моей жизнью. Ты всегда говорила, что нужно быть водой и ветром, что ж пусть могилой твоей станет огонь. Ты станешь его частью, и вечно будешь гореть для меня, в моем сердце. Ты мечтала о любви и обычной жизни, но была великим зеленым драконом Равновесия. Обрети же, любовь моя, покой. Я буду искать тебя, в каждой твоей реинкарнации, я буду проживать с тобой, тысячи жизней вместо одной, ты будешь для меня всегда единственной, хоть и в тысячи обликах. Прости, любовь моя, что не смог тебя сберечь. Я буду ждать нашей встречи, Элирия! До скорой встречи!

Закрыв глаза, он застонал и выпустил струю яркого красного пламени в сторону ее могилы. Взмахнув могучими крыльями, белый дракон взлетел над лесом. В темноте ночи разгоралось зарево пожара.

Но ночной пожар, уничтожив всю лесную опушку не причинил вреда черному ростку дерева. Когда пожар утих, черное деревце так и стояло посреди выжженной огнем поляны, черное, скорбное деревце.»

Холод сковывает конечности. Вечерняя прохлада леса заставляет меня открыть глаза. Что это было? Сон? Наваждение? Или, может быть воспоминание? Элирия, Калисто Орлен... кто они? Плод моего больного воображения или это именно та правда, которой нет в легендах. Неужели причина войны между богами была столь банальна? Две женщины не смогли поделить одного мужчину? Черное дерево, о нем говорил демон, а еще он говорил о воплощениях двух драконов и говоил он это глядя на нее и Калена. Наверное, если найти это дерево, я смогу узнать правда ли привиделась мне в этом странном сне. Орлен... в моем сне он был как две капли воды похож на Калена, а Лири... Что если я действительно реинкарнация великого зеленого дракона, если это все правда... тогда многое становится на свои места. Даже первые мои учителя не могли знать этого, наверное, ведь тогда я еще не обрела своей силы, я просто могла закрывать разломы и путешествовать без вреда по миру духов. Неужели в этом и заключается секрет? Я не просто дитя Равновесия, я и есть Равновесие... Надо вернуться в лагерь, закончить дела и уходить в лес, к эльфам... быть может они смогут мне еще что-то рассказать и объяснить. Я должна идти, но я должна улизнуть от пристальных взглядов моих друзей, я должна отправиться туда одна. Демон что-то говорил о сотнях жертв и сомневался сможем ли мы миновать их участи... Я должна быть подальше от Калена, я не хочу подвергать его опасности, сперва нужно во всем разобраться, а потом уже можно будет наслаждаться его близостью, его нежностью, полностью отдаться нашей страсти. Мелкая дрожь пробегает по телу, от одной мысли об этом. Но нет, не сейчас. Нужно идти.

Встаю на ноги, опять мелкие мурашки бегают по ногам, возвращая кровь в затекшие ноги. Дорогу к лагерю нахожу легко, зрение меня не подводит уже даже в сумерках лесах. Выхожу к одинокому костру Дарка. Он так и сидит один, глядя в огонь. Так даже лучше, мне нужно кого-то предупредить, чтобы мои друзья не бросились на поиски, кто-то должен им передать послание от меня, пусть это будет он. Он единственный, кто не станет меня отговаривать от путешествия в одиночестве и напрашиваться в попутчики. К тому же он сможет противостоять их натиску и его упрямство даст мне значительное преимущество в расстоянии.

— Дарк

— Хранительница!? Тут уже все изволновались, собирались идти тебя искать, если вскоре не появишься.

— Со мной все в порядке. Где все?

— Инар пьянствует с гномом, эта парочка до сих пор всех удивляет, как им удастся преодолеть родовую ненависть друг другу, остается загадкой даже для меня. Командор, вроде как, на совещании с магами, обсуждают условия их присоединения к хранителям. Так что все при деле, пытаются делать вид, что никто не тревожится за тебя.

— Дарк, я хочу, чтобы ты им сказал, что я обязательно вернусь. Вернусь, когда все пойму. Сейчас у меня есть дело, но я должна сделать это одна, сама, без их помощи. Пусть возвращаются в Лоринг. Я приду туда, как только... — я опускаюсь у костра и протягиваю ладони к огню. — Я не знаю, когда... Я должна понять, что происходит, во что я оказалась замешана, помимо моей воли, и что мне со всем этим делать. Я... скажи Калену, что я...

— Э, нет, сестренка, я не стану ничего говорить этому громиле... Он же меня просто

прихлопнет взглядом своих голубых глаз...

Я улыбаюсь, это так. Кален будет в бешенстве.

— Хорошо, скажи, что я иду за новыми союзниками. Нам не повредит никакая помощь, но эльфы не слишком жалуют чужаков, поэтому я отправляюсь в одиночестве.

— Ты пойдешь к остроухим??

— Не забывайся, Дарк, я тоже эльф.

— Ах, ну да... прости. Но это, по-моему, не лучшая твоя идея... Может все-таки стоит взять кого-то с собой, ну, чтоб не скучно было хотя бы...

Внимательно изучаю лицо мага. Он все понимает, но не мог не спросить, устало качая головой (совсем как Лири, в разговоре с Калисто)

— Нет, Дарк. Я должна с этим разобраться сама. Это слишком опасно. Я хотела тебя попросить присматривать за командором, он горяч и несдержан, пожалуйста, стань ему помощником. К Инариэлю он ревнует, Барри не воспринимает всерьез, а вот ты... сможешь с этим справиться?

Смотрю ему в глаза. В темных глазах мага отражается колеблющееся на ветру пламя походного костра, в уголках глаз собираются мелкие морщинки, он смотрит мне в глаза. Долго изучаем друг друга без слов, вижу промелькнувшее сомнение на его лице, но вот он принял решение и продолжая буравить меня взглядом, произносит только одно слово:

— Зачем?

— Ему нужен помощник, опытный стратег сведущий в магии, — начинаю с облегчением пояснять я.

— Не это меня интересует, зачем ты просишь меня присматривать за командором, я понимаю. Я не могу понять другого: зачем вы оба все так усложняете? Вы страстно любите друг друга, но при этом, вы делаете все, чтобы вас разделяло огромное расстояние. Сперва он, ссылаясь на безумную идею долга, отталкивает тебя, а потом мчится через пол мира, забыв обо всем на свете чтобы если не спасти, то отомстить за тебя. Теперь ты, спасавшаяся в плену его именем от безумия, убегаешь от него, словно... боишься. Но это ведь не про тебя, ты не можешь бояться. Зачем вы так усложняете себе жизнь? Почему бы вам просто не быть вместе как этого требует ваше чувство? Как вы можете им пренебрегать? Ведь все просто: ты хочешь быть с ним, он только и мечтает о том, чтобы быть с тобой, зачем убежать, прятаться, отрицать?

Я опускаю голову изучая траву под ногами. Он прав, зачем мне это? Я могу остаться и все станет на свои места, все будет правильно, все будет как предначертано... черное дерево, первая жертва... Это сон, всего лишь глупый сон, навеянный словами полоумного демона. Не может быть ничего такого, это бред...

— Дарк, ты же имперец, ваши легенды отличаются от писаний в Священной книге. Скажи мне в ваших легендах есть упоминания о черном дереве?

При моих последних словах маг вздрогнул всем телом и посмотрел на меня с удивлением.

— Откуда ты знаешь о священном жертвенном древе? Эта тайна известна лишь высшей касте в нашем обществе, ты слышала упоминания о нем в плену?

— Нет, Дарк, я видела сон. Очень странный сон. В этом сне я видела, как эльфийка посадила черное дерево, назвав его деревом скорби, а потом она умерла под этим деревом...

Дарк оказался совсем рядом со мной и приложил палец к моим губам, призывая к молчанию.

— Ты не можешь этого знать, никто в этой части света не может знать эту легенду, ведь в вашей священной книге ее нет, она противоречит многим канонам этой вашей книги... эта легенда говорит о том, что великие драконы были столь же людьми сколь и богами, они совершали ошибки, влюблялись и ненавидели, как мы, люди... Это противоречит их божественности и непогрешимости, никогда не говори о наших, имперских легендах в этих краях, тебя точно казнят за богохульство...

— Не в первый раз, Дарк, прошлое подобное обвинение с меня сняли не так давно, как раз перед моим попаданием в эту ловушку, так что мне не привыкать, — Я нервно улыбаюсь. — Так значит в ваших легендах это все есть, и я не удивлю тебя именами Лири, Калисто и Орлен?

— О, всемогущие духи, ты точно двинулась умом от пыток. Никто не смеет произносить сокрытые имена вслух, это же тайна тайн. Откуда у тебя тайные знания? Кто их поведал тебе?

— Дарк, это все было в моем сне. Значит это был не сон... а воспоминание, первая жертва. Дарк, были и другие жертвы? Рассказывай, наверняка в ваших тайных знаниях это все записано, мне нужно знать, что за жертвы?

— Да, продолжение легенды гласит о том, что многие века Белый дракон оставался мудрым наставником и другом для людей, гномов и эльфов, но он так и не смог смириться со своей утратой. Он создал орден Хранителей, чтобы поддерживать так необходимое миру Равновесие, он возглавил этот орден. Именно он создал Видящих, показав им путь к знаниям через употребление обата, он не мог больше переносить ложь и научил людей, некоторых избранных Видеть и чувствовать ложь, чтобы их не могли обмануть. Прошли тысячелетия, но он так и не смог ни разу воссоединиться с Лири, она возрождалась простым эльфом, а он был бессмертным духом. Он мог лишь наблюдать за ней, он мог быть лишь почитаемым духом, но не возлюбленным, когда его муки стали непереносимы, он принял решение и отказался от бессмертия, отдавая свою силу этому миру, он смешал ее с силой, которую подарила смертным Элирия, сила и бессмертие двух драконов и есть наша магия, магия, которой мы пользуемся. Приближалась Великая битва, тогда маги людей, пытались одолеть дракона, но их сил было недостаточно и тогда эльфы, использовали запретные знания, они использовали магию Крови, чем осквернили себя и лишили своих потомков бессмертия, отступив от законов Зеленого дракона, но они пошли на это чтобы помочь людям. Пока маги обеих рас пытались найти решение, воины объединенного войска противостояли воинству орков, сдерживая их яростные атаки, во главе войска стоял уже смертный, Белый дракон, говорят, что рядом с ним сражалась Лири в одном из своих перерождений. Но в тот момент, им обоим было не до объяснений. Орлен сошелся один на один в схватке с Красным драконом, и конечно, без своего могущества, он проиграл, но времени, что он отвлекал Красного дракона хватило, чтобы маги двух народов смогли объединить усилия и заключить Красного дракона в темницу в мире духов, лишив сил, и возможности освободиться. Они думали, что навсегда, но мы теперь видим, что все происходящее — это лишь начало освобождения Красного дракона из темницы.

— Ты отвлекся, Дарк, что про жертвы...

— Слишком много нужно тебе рассказывать, Хранительница, ты словно дитя, ничего не понимаешь и обо все бьешься головой, пытаешься понять, ну да ладно, про жертвы ты спросила... По записям наших древнейших магов, иногда появляются воплощения древних богов: мужчина и женщина, обязательно человек и эльф. Этим двоим было предназначено

быть вместе, но злой рок их разлучил и теперь они стараются восстановить равновесие, вернуть миру порядок, они должны быть вместе, но каждая встреча этих двоих оканчивается смертью одного из них, всегда уже на протяжении многих веков под черным деревом проливается кровь одного из них, и горит прощальный костер унося дух, так и не обретший покой к новому воплощению. Мужчины, женщины, эльфы и люди... погребальный костер у черного дерева. Наши маги пытались отследить их, хотели им помочь наконец соединиться, так как это принесло бы миру окончательную победу над Красным драконом и царство добра и благополучия, наступил бы Золотой век, но каждый раз, мы узнавали их слишком поздно, когда костер уже горел, когда жертва уже была принесена. Каждая жертва ослабляет силы, удерживающие Красного дракона в его темнице. С каждым воплощением слабела их сила, все труднее становилось их находить, они все больше превращались в самых обычных смертных, но Лири могла возродиться лишь в эльфе с древней кровью, в основном — это были королевские семьи, так как там очень важна кровь и эльфы строго следуют заветам беречь эту кровь, не смешивая ее с другой, ну а Орлен, мог возрождаться только среди людей с очень сильной верой, он всегда принадлежал одному из древнейших орденов: Видящий, Ищущий или Нейтрал. Но эти скудные знания не позволяли нам изменить ход истории. Вся нелепость и боль этого мира прослеживается в немногих сохранившихся историях о встречах этих двоих, но исход всегда один — костер у черного дерева и скорбящий влюбленный у костра. Пара никогда не могла....

Внезапно он замолчал и даже вечерний сумрак не скрывал ужаса, без труда читавшегося на его утонченном лице, когда маг посмотрел на меня.

— Хранительница, уж не хочешь ли ты сказать мне, что... ты и командор...

Он в отчаянии хлопнул себя по лбу и закатил глаза с горестным вздохом.

— Вот почему все так сложно... Вы это они... их воплощение... если вы будете вместе — один из вас умрет у черного дерева, еще больше ослабив древнее заклятие и приблизив освобождение страшнейшего зла... О, духи всемогущие, не может этого быть... Но, если вы не будете вместе, вы оба умрете от тоски, вы не можете быть вместе и не можете вместе не быть. Я в самом центре древней легенды, вот бы порадовался Зев, узнав во что мы вляпались... По самые уши. Что же делать. В наших легендах не говорится о причинах, только рассказывается, чем все окончилось, но каким образом все эти пары всегда оказывались у черного дерева, что влекло их туда, и как этого избежать, я не знаю, Хранительница. Я не могу тебе помочь в этом... хотя мне и очень хочется, когда я смотрю на тебя с ним, я вспоминаю Зева и мне становится легче, вы воплощение нашей мечты, свободные любить друг друга... О чем это я???? Да у вас свободы еще меньше, чем было у нас... Мало того, что вы оба обличены властью, оба являетесь влиятельными личностями, за каждым шагом которых пристально следит как высшее общество, так и низший свет, так еще одному из вас предначертано стать жертвой...

— Меня уже пытались сделать жертвой, Дарк, ничего не вышло, но в тот раз ради меня погиб... — холодный пот выступает у меня на лбу. Медленно собирается на спине ледяная капля и так же медленно, практически вальяжно она катится по внезапно совершенно сухой спине, обжигая кожу своим холодом. В теплом вечернем воздухе образуется ледяное облако от моего выдоха, я замерзаю, протягиваю руки к огню. Чтобы их согреть, но чувствую лишь как плавится кожа на ладонях, стекая, словно воск, к локтям. Жертвенный камень. Голос говорил, что привел им жертву. Холодное железо уже впивалось мне в руки, когда появился он... Темноволосый, стремительный словно порыв ветра, он освободил меня, он укрыл меня,

он спас меня, он умер за меня.

— Мирра, — обеспокоенный маг уже собирается ко мне прикоснуться, но я лишь уворачиваюсь от его руки.

— Со мной все в порядке, — рассеянно шепчу я, восстанавливая в памяти картинки из прошлого, одна за одной, они возвращаются, я вспоминаю. — Дарк, все еще хуже, чем я могла представить, это невыносимо...

— Что случилось, Хранительница, что за голубое свечение тебя окружает?

— Это он, — нежно улыбаюсь я. — Это дух того, кто умер за меня, дух, с которым меня связывает клятва вечной любви...

— Что? — почти срываясь на крик восклицает обескураженный маг.

Голубое свечение вокруг меня пульсирует и при моих словах, горьким стоном отзывается ветер в кроне деревьев. Но я больше не боюсь, я вспомнила, ночные купания, вспомнила лунную дорожку, вспомнила бешеный бег сквозь мир призраков, холодным водопадом на меня обрушились все мои воспоминания этой жизни. Отец, который учил меня метать ножи и разбираться в звериных следах. Другие отшельники, которые при редких встречах в Глуши сперва неохотно, но к ужину все приветливее относились к маленькой эльфийке путешествующей с отцом, и делились своими премудростями и хитростями. Я вспомнила, обжигающий взгляд его голубых глаз, когда он молил меня оставить его и бежать.

— Раир, я все вспомнила, больше нет смысла скрываться, ты можешь показаться, я же чувствую, что ты здесь.

— Что, — удивленный маг не может даже закончить предложение, на его глазах голубая дымка отделяется от кулона на моей груди и принимает сперва размытые, но с течением времени все более четкие очертания. На поляне рядом с нами стоит молодой темноволосый и голубоглазый эльф. Он нежно смотрит на меня, но глаза его печальны.

— Мирриэль, твое упрямство... ты просто несносная девчонка! — в голосе духа слышатся раздражение, смешанное с восхищением.

— Раир, я вспомнила.

— Я не хотел, чтобы ты вспоминала, ты не должна была вспомнить, ничего, особенно нашу клятву, ты же теперь уже понимаешь, что эта клятва ничего не значит? Ты же понимаешь это?

— Что здесь происходит, разрази меня гром?!

— О, Дарк, прости. Я не представила тебя моему... — я запнулась, думая, как назвать мужчину, которому я поклялась в верности и любви до гроба, как назвать мужчину, отдавшего за меня жизнь, как назвать того, кто и был смыслом моей жизни, еще совсем недавно... недавно... но не сейчас, в груди больно кольнуло осознание, что двоих голубоглазых красавцев в моем сердце быть не может, оно просто не выдержит такой нагрузки, я стану еще одной жертвой черного дерева, а кто зажжет погребальный костер? Кален или Раирнаил? Раир — дух, значит все-таки командор... Или Раир и стал жертвой, и погребальный костер по нему должна буду зажечь у черного дерева я? Но мы оба эльфы, а воплощение белого дракона — всегда человек... Все совсем запуталось у меня в голове... Пытаясь не растерять остатки здравого смысла я крепко обхватила голову руками, не давая ей распасться на тысячи бесполезных кусков...

— Другу, я твой друг, Мирриэль.

Я начинаю смеяться в припадке истерики. Точно... друг... ага... очень-очень близкий

друг... какая чушь!!! Какой кошмар!!! Какой...я даже не знаю, как это назвать... Это хуже горячечного бреда. Я помню, у меня как-то был такой бред... О чем это я... я умирала десятки раз на день в пыточных камерах, конечно я знаю, что такое горячечный бред... Пока я пытаюсь найти тонкую нить реальности в опутавшем меня клубке воспоминаний и переживаний, дух начинает мило беседовать с магом.

— Мое имя Раирнаил, я друг Мирриэль, точнее я был ее другом, до того, как умер.

— Ты забыл сказать, Раир, что кроме того, что нас связывала клятва вечной любви, ты еще и единственный наследник последнего эльфийского короля Лето. А говоря проще — наследный принц эльфов, — я начиная рвать волосы на голове, осознавая весь ужас ситуации. — Я собиралась идти к твоему батюшке, просить его о вступление в союз с людьми, в то время как сама являюсь причиной смерти его единственного любимого сына, о, Духи, да на его месте я бы не то что слушать себя не стала, я бы повесила себя за ноги на первом же дереве, на потеху людям и поживу зверям... Не стесняйся, говори, всю правду, нашему другу магу...

Раир и Дарк вместе посмотрели на меня как на умалишённую, хотя, в их глазах я таковой и являлась, а ничего удивительного, вспомнить в один момент всю свою жизнь... тут сложно умом не тронуться...

— Дарк, налейте-ка ей чего-нибудь покрепче, а то она так весь лагерь переполошит, а нам не нужны лишние свидетели, а я всего лишь бесплотный дух.

Это заявление вызвала у меня очередной приступ нездорового смеха. Дарк поднес мне к губам чашу с теплым напитком, от питья пахло травами и сладостью. Я сделала с десяток жадных глотков и обжигающая сладкая жидкость, разливаясь по моему телу вызвала необычайное спокойствие и умиротворение. Мне больше не хотелось дико хохотать, мне хотелось только созерцать мерцание пламени и прислушиваться к взмахам крыльев бабочки, то и дело подлетающей к открытому огню и думать о бренности всего сущего и скоротечности жизни мелких тварей сродни той бабочки.

Внимательно изучив мое состояние, Раир одобрительно склонил голову.

— Отлично, судя по действию очень сильный успокоительный отвар.

— Обычно, я для себя развожу ложку отвара на чашу горячего питья, но с ней боялся разведенный не подействует, так что дал концентрат.

— Как долго будет действовать?

— Ну, на нее??? Я бы не рассчитывал, что действие продлится больше часа, уж слишком она...

— Необычна, — улыбаясь подсказал нужное слово принц эльфов.

— В точку, Ваше высочество! Я вижу ее в сознании третий или четвертый раз и каждый раз я готов поспорить, что ничего не понимаю.

Дух улыбнулся.

— Ты не одинок в этом, наследник трона.

Дарк чуть не поперхнулся глотком воды.

— Что???

— Не называй меня титулом, и я не стану называть тебя твоим. Или ты думал, что от духа можно угадать происхождение? Но ты молодец, даже твой учитель лорд Каст, не знает, кого он учил под видом простого великосветского повесы, — эльф хитро улыбнулся. — Так давай же забудем про титулы и про то, кто начал восстание в осажденном городе, кто был тем самым тайным сообщником, которому легко было подчинить себе всех наемников и

имперских магов, кто стоял за всеми планами по освобождению Мирриэль, кто повлиял на исход восстания и кто, с присущей ему грацией и легкостью, играет роль ведомого среди Хранителей, хотя его долг возглавлять армии и народы.

— Все, хватит, я понял, что ты все знаешь. Но нашим друзьям об этом знать не стоит, ведь так, дух?

Дух согласно кивнул.

— Лишь один вопрос, если позволишь, Дарк? Почему ты решил примкнуть к ним и укрепить их своими силами, ведь... официально империя решила не вмешиваться в дела Хранителей.

— В отличии от наших древних мудрецов, которые в силу своего возраста подслеповаты и трусоваты, я понимаю, к чему приведет освобождение Калисто из ее темницы, и участь империи в этом случае будет столь же незавидна, как и всех остальных. Единственные кто осознает эту угрозу наравне со мной стали Хранители и Мирриэль в их главе. Решение было просто принять: в непростом деле нужно объединяться, а не дробить силы, и вот Дарк здесь, вместе со всеми верными делу людьми.

— Более чем разумно. Ну чтож... Дарк, — дух опять хитро, но беззлобно улыбнулся. — Я все понял.

— А вот я ничего не понимаю. Что тут произошло, что на нее нашло?

— Хмм, ну, начну с того, что все, что она сказала — чистейшая правда. Видимо под воздействием обстоятельств, память к ней начала возвращаться очень стремительно, когда я ставил блокировку я еще и понятия не имел, кто она и какой силой обладает. Да даже знай я, сдержать ее силу, мне бы не удалось. Я действительно был ее... возлюбленным, некоторое время назад... и в своей нежной глупости мы принесли друг другу клятву вечной любви, на тот момент она была просто Изгнанницей, дикаркой, живущей вне кланов, очень глубоко в ней дремала эта сила, что сейчас захватывает ее, но я не мог этого рассмотреть, я был влюблен и немного безумен. О, она сводила меня с ума, без всякой магии, не обладая даже зачатками нынешнего могущества. Мы хотели быть вместе всегда. Я самонадеянно думал, что она — предназначена мне. Я ошибался. Но понял я это лишь когда умер, когда я стал духом и увидел связь между ней и Каленом. Если мою любовь к ней назвать паутинкой, то между ней и командором — это даже не канат, я не знаю с чем это можно сравнить, это что-то огромное, непоколебимое и неизменное. Когда я увидел его, то понял, что она и он — воплощения. Но им об этом знать было не положено, но я как мог старался уберечь их, пока они набираются силы. Она слышит нас сейчас, Дарк?

— Нет, дух, на некоторое время мы ее не интересуем. Ее разум чист и спокоен, она отдыхает, ничего не слышит и не понимает.

— Это хорошо, ей не нужно этого знать, все знания должны приходить постепенно, чтобы не сводить ее с ума. Так вот, Дарк, я узнал кое-что еще. Это их последний шанс все исправить. Калисто уже разорвала сковывающую ее цепь, еще немного и она вырвется на свободу. А ты понимаешь, что произойдет с ней, — он кивнул в сторону неподвижно сидящей у костра Мирры, — и с командором, когда мстительная Калисто узнает кто они? Когда она узнает, что смерть всего-то двоих простых смертных сможет положить конец всем реинкарнациям, ведь если они умрут вместе... круг замкнется. Они будут вместе, но не в жизни, а в смерти, все закончится, их душам больше не суждено будет вернуться в новое тело. Калисто победит.

— Я не думал прежде об этом в таком контексте. Смерть этих двоих — будет означать

смерть всего мира, и наш мир поглотит тьма злобы Красного дракона и нашествие зеленых ее приспешников, орков. Они не должны умереть... хотя бы вместе...

— Ты все еще не понял... если они не смогут замкнуть круг в этой жизни, то даже если они умрут не вместе, Калисто будет знать где и когда они родятся вновь и другого шанса вырасти и встретиться у них просто не будет. Его она пощадит, а вот ее... она будет убивать всегда, и всегда будет наслаждаться этим. Они должны победить сейчас, в этой реинкарнации, в этой войне, больше шансов у них не будет. А сейчас, все еще больше осложняется... она не должна была вспоминать меня, не должна была вспоминать свое прошлое.

— Ее чувство ответственности, — подхватил имперец, — она не может позволить себе нарушить клятву, ведь в ее понимании — это предательство, а если она предаст тебя, то не будет достойна счастья и покоя, она не сможет стать частью равновесного мира, если будет нести этот груз, бремя принятия твоей жертвы и отречения от своей любви. В ее сердце и уме будет рождаться все больше сомнений, если она смогла отказаться от своей клятвы тебе, что остановит ее так же предавать в будущем, ее духовные терзания рано или поздно выльются в серьезную болезнь и она просто не сможет с этим жить, выбирая смерть...

— Ты все правильно понимаешь, ты видел с какой легкостью она пошла на смерть, чтобы спасти своих друзей, просто друзей... Перед выбором она или Кален она не задумается вообще ни на секунду, даже если такого выбора и не будет, но будет ситуация близкая к подобному выбору, она все равно предпочтет принять удар на себя, спасая, защищая и оберегая его. Если бы она могла повлиять на его решение броситься к ней на помощь, она бы запретила ему, сделала бы все, чтобы его оградить, несмотря на то, что он вполне способен со всем этим справиться. А он, ты видел когда-нибудь такое? Да он безусловно сильнейший из воинов, но его магическая энергия растет вместе с его принятием себя и ее, и их чувств, он вспоминает так же, как и она. Когда он вспомнит кто он, кем он был, когда он поймет, все изменится, но изменится не только его могущество, изменится он сам, он вспомнит. Не только Лири, он вспомнит причину, по которой она собиралась уходить, он вспомнит Калисто, он вспомнит, неудержимое влечение к ней, вспомнит свое предательство и к чему это привело. И вот что будет потом... это уже самое сложное, ты же понимаешь, она всегда выбирала его, жизнь и Равновесие, а вот он... вера и доброта могут быть обмануты, он доверчив и немного наивен, все уже происходило. Но основное противостояние начнется, когда Кали его узнает, вот это и станет началом настоящей войны. Грядут темные времена, друг мой, и страшнее всего — неизвестность, слишком многое зависит от стечения обстоятельств. Поэтому ты должен выполнить просьбу Мирры, ты должен быть рядом с Каленом, ты один из немногих живущих, знающий о его истинном назначении, ты должен беречь его от лазутчиков Кали, чем позже она его узнает, тем будет лучше для всех нас. Он должен вернуть свою силу, все вспомнить и успеть сделать правильный выбор, до момента, когда Калисто сможет как-то на это повлиять. Он не должен больше привлекать к себе внимание, он должен исчезнуть. Ты должен занять его место, он должен оставаться на вторых ролях, ты должен быть в центре внимания.

Имперец не сводил глаз с духа.

— Вот теперь я тебе даже завидую, дух. Ты уже мертв. Тебе уже ничего не страшно, весь кошмар сложившейся ситуации тебе нипочем. А нам предстоит переживать эти темные времена, так мало этого еще и принимать во всем этом участие, находиться так сказать, в самом центре событий, влиять на все происходящее. Это угнетает, особенно когда известна

цена поражения.

— Не стоит мне завидовать, маг, я уже выполнил свой долг, исполнил свое предназначение, я должен был спасти ее тогда, и привести к нему. Теперь могу наслаждаться этой пьесой, в качестве зрителя, — засмеялся дух, но потом он помрачнел горестно опустил голову. — Но я бы многое отдал, чтобы принять участие в этой игре еще раз, только вот отдавать мне уже нечего.

— Я все понимаю, дух, моя роль уже вырисовывается. Оберегать тайну и людей, имеющих к ней отношение. Все веселее и веселее становится. Жизнь обретает новый смысл и начинает играть новыми красками. Послушай, дух, а там, в вашем мире, ты видел...

— Твоего друга? Да, видел, он там. Он тревожится о тебе, ты не даешь ему успокоиться, твоя печаль, это неправильно... Ты делаешь ему больно.

Имперец опустил голову, стараясь скрыть, нахлынувшие волной эмоции, когда она начала говорить.

— Все неправильно. Ты, дух, не должен ничего рассказывать смертным, о том мире, тебя вообще не должно здесь быть, не для того мы создавали мир духов, отделяли его непроницаемой завесой, чтобы вы спокойно могли переходить из мира в мир, только высшим существам позволены такие перемещения, но не вам, — она подняла затуманенные глаза от костра всматриваясь в притихших слушателей. — Твое место за завесой, дух. Участь смертных — неведение, о состоянии дел в том мире. Ее стремление освободиться, ее непонимание, ее вмешательство, все разрушает основы этого мира. Но и вы, смертные, ошибаетесь во многом. Слишком много обмана, лжи, догадок и необоснованных обвинений. Вы не можете охватить общую картину своим пониманием всего и, поэтому, домысливаете и искажаете реальные факты, чтобы было удобно вам. Как все усложнилось и запуталось.

Она сокрушенно покачала головой и подняла глаза к небу, рассматривая что-то в темной бесконечности.

— Кто ты? Кто говорит сейчас с нами? — преодолевая животный страх задал свой вопрос имперец. В том, что это была не их Хранительница, он был уверен: голос был другим, затуманенные глаза, смотрели сквозь них, да и действие его отвара еще не могло пройти, она должна была быть в мире грез.

Существо захватившее ее тело посмотрело на него, но на лице не отразилось презрения или гнева, она просто рассматривала его, как в первый раз с любопытством и даже толикой восхищения, а потом, вдруг, улыбнулась, показав аккуратные белые зубки.

— Вы изменились, люди, я помню вас другими. Он был прав, вы станете достойным творением по мере развития. Как интересно сейчас за всем этим наблюдать. — она задумалась на несколько секунд, осматриваясь по сторонам и поцокала языком. — Но ты же знаешь ответ на свой вопрос, человек. Зачем ты переспрашиваешь? Боишься ошибиться? Ты не ошибся, ты сделал верный вывод. Пока сознание вашей Мирриэль отдыхает, я смогла воспользоваться моментом и вернуть свое сознание, когда она придет в себя, я исчезну, как мне и положено, я ведь всего лишь часть ее, малая часть, как оказалось. Бедное дитя, ей столько предстоит свершить, ей столько предстоит познать, ей столько предстоит найти... Вам не понять... Но я попробую хотя бы открыть вам глаза на то, что происходит с ней... Она... Представь. Человек. Что вся твоя жизнь — это путь по острию ножа, ты не можешь свернуть, малейшее неверное движение и пучина безумия тебя поглотит, ты не можешь просто жить, потому что это не для тебя, но и умереть ты тоже не можешь. И вот ты идешь, понимая, что ты — никто, разменная монета, нет ничего своего, нет своего мнения, нет

собственного выбора, нет даже собственного разума, потому что то и дело тебя охватывают воспоминания прошлых жизней. Заставляя вспоминать все подробности их жизней и смертей. Каждый день — новое воспоминание, каждый шаг — боль, тебе нет места среди живых, тебя не примут в мир духов. И в то же самое время ты воплощение бескрайнего могущества, ты не просто живешь, ты несешь жизнь и смерть, ты их часть, они часть тебя, ты их воплощение. Ты идешь между жизнью и смертью и каждый шаг — это выбор. Выбор между добром и злом, и это пограничное состояние, когда ты уже не живое существо, но и высшим духом ты стать еще не можешь, миссия не завершена, перерождение еще не может свершиться, ты не понимаешь где воспоминания твоих воплощений, где твои воспоминания, ты не можешь отделить себя от них, ты путаешь места, лица, людей, жизни, для тебя реально все. Для нее предательство Калисто столь же реально, как и пытки, что пережила она сама. Можете ли вы понять? Она не принадлежит себе, она — избранница случая, именно она была выбрана, чтобы завершить все это... Ты понимаешь, человек? А ты, дух, понимаешь? Ты понимаешь, что она должна будет сделать, когда доберется до твоего отца? Нет, не так... ты понимаешь, что она решит предпринять, когда доберется до твоего отца? Ты понимаешь, чем окончится это для тебя?

Дух внимательно смотрел ей в глаза.

— Я не знаю, что она может сделать. Она всегда была загадкой для меня, наверное, поэтому я и был так к ней привязан.

Она тихо засмеялась.

— В ваших легендах столько же лжи, сколько и правды. Впрочем, на данный момент есть лишь очень малый круг тех, кто знает истину, о том, что вы назвали предательством и изменой Орлена, но их вряд ли кто-то спросит, они научились прятаться у всех на виду, у них не было другого выбора. Ведь ваша ненависть к оркам так сильна, что вы и слушать-то их не захотите, — она загадочно улыбнулась. — А между тем, возлюбленный не предавал меня, он был обманут и его использовали, но он не делал ничего плохого по собственной воле. Бедная моя сестра, она так запуталась...

— Подожди, — потирая виски, простонал Дарк. — Слишком много информации, слишком быстро... Ты хочешь сказать, что наши легенды неверны и измены Белого дракона просто не было и какие-то орки могут подтвердить это?

— Измена была, но не по доброй воле, Калисто обманула его, он свято верил в то что в это время находится со мной, а не с ней, она всегда была мастерицей любовной магии, приворотов и смены обличий, а еще она всегда была чуть более распутной, чем я, чем отлично умела пользоваться, — женщина смущенно улыбнулась. — Видимо, мое нынешнее воплощение желает исправить мою прошлую ошибку, и дать фору сестрице, хотя бы в любовном мастерстве... — она бросила хитрый взгляд на духа. — Она преуспевает, как я понимаю?

Дух ничего не ответил. Наверное, если бы духи могли испытывать смущение, он бы покраснел, но духам это не свойственно. Поэтому он лишь смело смотрел ей в глаза. Она кивнула и улыбнулась.

— Стоп. Теперь ты вообще сводишь меня с ума. Ты хочешь сказать, что связь между вами была... то есть не была...

— Раньше я думала, что это не важно для бессмертных духов, но произошедшее заставило меня усомниться в моей правоте.

— Бедный мужик... Немудрено, что он с удовольствием обманулся...

Дарк едва не подавился языком перехватив ее злобный взгляд, но она очень быстро смогла совладать с собой и сменить гневный взгляд на тихий смешок.

— Мы бессмертные духи, понимаешь ли... у нас все немного сложнее, чем у вас смертных. Все это произошло из-за того, что мы решили, что мы достаточно сделали для этого мира, мы хотели уйти, оставить все как есть и просто наслаждаться обществом друг друга в бесконечности вселенной, но не наша сестра. Она считала, что мы не можем оставлять все на самотек, она очень любила активно вмешиваться во все происходящее. Но мы потеряли к этому интерес, ведь для нас свершилось главное — мы обрели друг друга. Она не могла с этим смириться и потому... первым ее желанием было просто задержать нас. Она считала, что сможет удержать меня, вызвав ревность, и потому обманула его. Но я не изменила решения, лишь утвердилась в нем, я знала, что, когда ее чары рассеются, он последует за мной. Я не сомневалась в этом. А вот она об этом не подумала, и поэтому убила меня, чтобы остаться здесь, в этом мире. Ведь она понимала, что, когда уйдем мы, ей станет скучно одной, и однажды, заигравшись, без нашего контроля, она разрушит этот мир до основания, ей придется уйти, чтобы где-то начать все с начала, а ей так не хотелось переставать играть... Вот вам и еще одна причина происходящего, помимо обычной ревности и эгоизма. Кали всегда хотела быть первой во всем, ей было неприятно, что, встав между выбором я или она, Орлен выбрал меня, хотя она была... ммм... привлекательнее и стремилась так сказать привлечь его внимание гораздо больше, чем я...

Она устало опустила голову, покачала ею, предаваясь воспоминаниям.

— А черное древо?

— Это все было. Даже находясь в заточении она понимала, что не может допустить нашего единения, ведь если мы сможем быть вместе достаточно долго, память вернется к нам и перерождение будет окончено, мы вновь обретем бессмертие, станем бессмертными, всемогущими духами и покинем этот мир, доверив его нашим творениям. Но на сей раз, покидая этот мир мы прихватим ее с собой, мы не позволим ей разрушить все, мы слишком привязались к этому миру. Поэтому она стремилась это предотвратить, всеми силами. Чаще всего ее приспешники заманивали на черную поляну одного из воплощенных и там убивали, там завеса очень слаба, слишком сильные связи между двумя мирами, слишком сильно на это место влияли события там происходившие. Прорыв скорее всего тоже произойдет именно там. И времени осталось совсем немного. Ваша Хранительница уже почти готова к встрече с прошлым, а вот ее друг... боюсь ему еще нужно время, для осознания и принятия. А пока им бы лучше не быть вместе... Кто она такая, боюсь, Кали уже поняла, но вот выводить ее на след Орлена — не следует. Все еще больше осложнится. Но вы не сможете на это повлиять, их взаимное притяжение слишком сильно, они не могут друг без друга и такое положение вещей естественно сразу натолкнет Кали на мысль о том, кто он. Нелегкая им предстоит схватка, Источник поможет им все вспомнить и обрести силу, необходимую для решающей битвы....

— А когда все это случится, Мирра останется собой или она...? — Дарк смотрел прямо в глаза собеседнице.

Она задумалась.

— Я не знаю, что будет потом. Скорее всего решение останется за ней. Равновесие... Что было, того не вернуть, я останусь частью ее памяти, но не стану ею. А она будет решать сама, захочет ли она стать духом бессмертным или предпочтет остаться... Выбор будет сложным, как и многие еще ей предстоящие... Сложностей впереди много. Но она молодец,

она справится. Хорошая она девочка, я рада, что у меня такие потомки, — она улыбнулась. — А еще я рада, что у нее есть друзья, такие, как вы, это ей очень пригодится. Ну, а сейчас мне пора оставлять ее, она очень упрямая и сопротивляется не только мне, но и воздействию твоих расслабляющих трав, имперец. Ей о нашем разговоре знать не обязательно, вы же понимаете?!

Пелена тумана спала с глаз Хранительницы, ее сознание возвращалось медленно и неуклонно.

— Все сложно. Я не знаю, что мне делать, как поступать. Верные решения не приходят. Все мои поступки ведут только к осложнению ситуации, все происходящее... я не успеваю осознать, не успеваю понимать, как поступить... я все время на несколько шагов отстаю от происходящего. Как мне быть, Дарк? Только что, вернувшись из леса, я была полна решимости отправиться к эльфам, а теперь... Я вспомнила о своей вине перед ними, перед всем их родом, и что мне делать сейчас? Просить их помощи, зная о моей вине... Дарк... Как я могу жить с этим, как могу смотреть в глаза людям, зная, что все это началось с предательства и смерти? Разве могу я что-то изменить?

— Мирра, твой путь сложен, но никто не может пройти его вместо тебя, — имперец подсел к девушке у костра и дружески обнял ее за плечи. — Я не могу решить за тебя, а тебя ведет вперед высшее стремление, стремление установить справедливость и вернуть Равновесие нашему миру. Мы все теряем что-то на этом пути, все принимаем сложные решения. Никто из нас не отступится, Хранительница, мы все будем рядом с тобой, исполняя наше предназначение. Ты не можешь отступить. Мы не можем позволить себе проиграть в этой битве. Ты должна сплотить народы для битвы, ты должна быть примером мужества и стойкости, все мы смотрим на тех, кто ведет нас к победе, и так уже вышло, что ты и командор стоите во главе всего этого. Вы — пример для нас всех.

— Но как? Как мне все это совершить? Я же не обучалась таким вещам, Дарк. Я просто эльф-изгнанник, живущий вне клана. Меня обучали охоте и распознаванию следов, я неплохо обращаюсь с луком и холодным оружием, но я не лидер... меня не учили возглавлять войска и воодушевлять тысячи ни в чем неповинных людей отдавать свои жизни с радостью за мои цели...

— Этому обучали Калена, хотя он тоже всего лишь часть своего ордена, не очень многочисленного, к слову, но военной тактике и стратегии он обучен, тебе не стоит примерять на себя чужие обязанности. Будь собой и делай то, что считаешь должным.

— Делать то, что считаю должным... — я задумалась на несколько секунд и внезапное решение пришло само. — Да, есть кое-что что я должна сделать незамедлительно. А потом я сама поговорю с командором и скажу, что должна отправиться к эльфам, не должна я вмешивать в это тебя или кого-то еще. Раир, ты здесь?

— Конечно, Мирриэль. Я здесь.

— Хорошо, не показывайся. И когда я попрошу ты сможешь... оставить меня, не на долго, просто я... боюсь, что не смогу говорить с Каленом, когда осознаю, что ты рядом...

— Я вернусь в мир духов, Мирриэль, когда ты скажешь. И вернусь на твой зов.

— Отлично. А теперь, Дарк, я должна идти. Есть одно дело... незавершенное...

Кивнув магу в знак признательности, я поднялась от теплого костра и направилась в темноту лагеря. Я знала, что это будет непросто, но нельзя оставлять незавершенные дела. Я должна все сделать сама.

Густые сумерки охватывали лагерь, непроглядную тьму спустившейся ночи нарушали

горящие тут и там походные костры. Наемники выпивали и громко рассказывали о своих подвигах, то и дело раздавался смех или затягивали разудалую песню. Маги вели себя тише, видимо обсуждая таинства своей профессии. Где-то раздавался гулкий храп из палатки. Пахло кострами, жареным мясом и лошадьми, а еще свежестью, навеваемой ночным спокойствием лесной поляны. Сквозь высокие кроны деревьев на затихающую равнину проливал свой белый свет одинокая луна, лениво перемигивались в бескрайности неба редкие звездочки. Отличная ночь.

Меня охватило такое же спокойствие и умиротворенность. Видимо, волшебный отвар Дарка все еще продолжал на меня действовать, но уже не загуманивал сознание, а позволял сосредоточиться на определенных мыслях, на принятии определенных решений. Я знала куда иду. Я уже приняла решение и ноги несли меня в нужном направлении. Очень скоро я оказалась рядом с клеткой. С ужасом я вспомнила все, что пришлось мне испытать в плену, но воспоминания прошлых жизней были куда хуже, теперь пытки не казались мне такими уж ужасными, они не смогли лишиться меня главного, я осталась собой, и кроме того, я приобрела массу полезных новых знаний, благодаря моему пленению, теперь мне уже не было страшно смотреть на них, я была спокойна. Лорд Каст смотрел в небо, изучая звезды безразличным взглядом. Палач глухо выл, забившись в угол. Я могла бы все исправить, я могла обернуть вспять свои действия, и просто вернуть все как было до моего приступа паники, но я не хотела этого. Это я, такая особенная, я — избранная, я — другая. Но ведь я не была его единственной жертвой, скольких других он замучал до смерти или довел до безумия. Он заслуживал смерти — это не вызывало во мне никакого сомнения. Равновесие должно быть соблюдено. Тот, кто отбирал жизни с такой жестокостью, да еще и получал удовольствие от этого, не мог жить в моем мире. Но и мучительной смерти он тоже не заслуживал, иначе я стану такой же, как и он. Пусть его смерть будет быстрой.

— Мастер, я вернулась к тебе.

Он в ужасе распахнул глаза и откатился в центр клетки, подальше от того места, где стояла я. Я лишь улыбнулась. Теперь он боялся меня, это было так... правильно.

— Я вернулась, чтобы подарить тебе то, о чем, сама молила тебя тысячи раз. Я решила подарить тебе смерть, в благодарность за то, что ты мне ее не подарил. Прими же мою благодарность с почтением, Мастер. Ты умрешь от руки, которую ты ломал в десятках мест, но все же ты умрешь. Это мой приговор, мой суд, но я не стану вершить его, я дам тебе шанс, умереть достойно, — ловким движением я отстегнула один из метательных ножей и бросила его под ноги Мастеру. — Я знаю, что твои руки связаны, так что подойди, я разрежу веревку и дам тебе возможность выбирать, как ты хочешь умереть: в муках от голода и жажды, или перерезав себе горло или вены, или, возможно, ты предпочтешь, вскрыть свой живот... Пусть это будет твоим выбором.

Словно зачарованный Мастер смотрел мне в глаза и, кивнув, сделал шаг мне на встречу, протягивая связанные веревкой руки. Я опять улыбнулась. Не правильно, кричали мне мои прошлые воплощения, он должен мучаться и умирать десятки раз, как и ты. Но я не слушала их, в какой-то момент я поняла, что они не могут мной руководить, я могу слушать их советы, но поступать я буду так, как подсказывает мне мой здравый смысл, мое сердце. Я просто посоветовала им заткнуться и наблюдать. Очень аккуратным движением, чтобы не задеть его кожу, я разрежала путы на руках моего мучителя. Он судорожно схватился за метательный нож, валявшийся в центре клетки. Я стояла очень близко, я не хотела пропустить этого момента, я должна была видеть своими глазами все, что произойдет

дальше. Он поднял нож, проверил его остроту, длину лезвия, несколько раз покрутил его в руке примеряясь... не могу сказать, что его бросок стал для меня полнейшей неожиданностью, я отдавала себе отчет, что такая крыса, как он захочет прихватить меня с собой в мир духов, но я естественно, не собиралась сдаваться сейчас, как и прежде, я была готова к выпаду. И когда он стремительно ринулся ко мне стремясь зацепить меня ножом я лишь сжала кулак, отпуская лезвие катара на встречу с его жертвой. Он лишь оцарапал мне плечо, а мой клинок вошел в его шею по самые костяшки моих пальцев, теплая кровь брызнула мне в лицо, оставляя металлический привкус на губах.

— Я прощаю тебя, Мастер. И отпускаю твой дух. Пусть суд предков станет тебе наказанием. И спасибо тебе за твою слабость, мне хотелось почувствовать вкус твоей крови.

Я резко вырвала лезвие катара из его плоти. Безвольным тряпьем тело моего мучителя упало на пол клетки. Я спокойно подобрала свой нож, и вытерев лезвие о траву вернула его на место.

— Что касается вас, лорд Каст...

Смуглый имперец гордо выпрямился в центре клетки.

— Я готов к твоему суду, Хранительница. Мне нечего терять больше. Я могу лишь просить тебя о той же милости, что ты оказала моему палачу. Позволь мне умереть быстро.

Он подошел к прутьям клетки протягивая связанные руки ко мне. Я задумалась, горе этого человека было неподдельно, он потерял сына, из-за своей одержимости, потерял власть и уважение своих людей, но... что-то в его словах и поступке пробудило во мне жалость. Равновесие... он уже расплатился за свои поступки, он не должен умереть, он может искупить свои грехи служением общему благу, в нем нет той безудержной жестокости и всепоглощающей ненависти...

— Простите, лорд Каст, но я не могу даровать вам смерть. Ваши поступки могут быть истолкованы двояко, но я считаю, что все заслуживают второй шанс. Вы выступили против Хранителей, но не по доброй воле. Я дам вам шанс завершить дело вашего сына в память о нем. Наш мастер-шпион будет рада узнать, что в рядах имперцев есть верные Хранителям люди. Вы согласны помогать нам, использовать свой опыт и знания во благо нашего ордена?

Луна осветила его лицо резко очертив недоуменное выражение на нем. Он задумался на некоторое время.

— Что ты предлагаешь, Хранительница?

— Мое имя Мирриэль. Называйте меня так, лорд Каст. Я предлагаю вам вернуться в империю и занять положенное вам место в совете. Мы будем признательны вам за достоверную и своевременную информацию обо всем, что там происходит. Энель найдет способ, как с вами поддерживать связь. Смерть вашего сына не станет напрасной, вы станете частью той борьбы, за которую он отдал жизнь, лорд Каст, разве это не достойное продолжение?

— Твое предложение неожиданно. Твое великодушие ни с чем не сравнимо. Мой сын был прав, решив поддержать столь... неординарную личность... Я с гордостью приму твое предложение, Мирриэль-хранительница. Моя жизнь принадлежит тебе.

Я сбила замок с двери и, разрезав его путы, помогла ему выйти.

— Я бы советовала вам, лорд, отправиться вон к тому костру. Не опасайтесь Дарка, он, конечно, эмоционален, но вам есть, о чем поговорить с ним. Если вы придете с миром и моим именем попросите его не хвататься за оружие, возможно, у вас будет шанс дожить до утра и начать свое служение нашему ордену. Я дам вам в проводники кое-кого... Раир, я

прошу тебя оставить меня сейчас. Сопроводи лорда к костру нашего мага, пока я пойду разговаривать с командором.

Сущность эльфа сразу проявилась рядом со мной.

— Конечно, Мирра. Я сопровожу нашего нового друга к костру и прослежу, чтобы... Дарк не наделал глупостей. Позови меня, когда... хотя, я сам все пойму и вернусь.

Лорд в недоумении наблюдал за нашим разговором. Не каждый день тебе в сопровождающие достается дух эльфа.

— Не опасайтесь ничего, лорд. Раир, хоть и бесплотен, но достаточно красноречив, чтобы смягчить гнев нашего общего знакомого. Лучшего защитника и помощника для вас, мне просто не отыскать. Для вас троих — эта ночь пролетит незаметно, ну а утром, вы в сопровождении конвоя, как и положено, отправитесь в обратный путь.

— Благодарю тебя, Мирриэль.

Лорд склонился в поклоне.

Странное ощущение. Я принимала благодарность от человека, заковавшего меня в кандалы, одевшего на меня ошейник раба, но я не испытывала ненависти к нему, не испытывала ничего, меня наполняло только осознание правильности поступка. Равновесие...

Орк

Очнувшись в своей хижине, орк чувствовал, как на него все еще давит связь с миром духов. Каждое перемещение давалось ему все с большим трудом. Возвращаться становилось все труднее. Духи не хотели его отпускать. В последнее время они все чаще говорили с шаманом, говорили в его голове, когда он был в их мире. Это было так странно. Многие поколения шаманов и обычные воины, он мог слышать их всех. Он старался отгонять странный шепоток, но тот все настойчивее звучал в его голове. Они призывали его, уговаривали его остаться, стать духом, как и они. Так было всегда, но в последнее время все стало совсем невыносимо, спасал только один голос. Он назвался Марыком. Когда появлялся Марык, все остальные замолкали, Марык говорил, что не позволит им влиять на разум Рыдгара и все остальные голоса просто исчезали. Марык был неразговорчив, Рыдгар просто знал, что если его не зовут и не призывают, то Марык защищает его. Когда Рыдгар захотел узнать кто его заступник и почему он в отличии от других не призывает его остаться, Марык расхохотался.

— Равновесие, сын мой. Она учила что каждый должен исполнить свою миссию, и только лишь завершив ее может вернуться к духам предков. Твоя миссия еще не завершена. Другие хотят нарушить Равновесие, я его чту.

На этом разговор был окончен. Кто такая она? Красная госпожа никогда не говорила о Равновесии с таким почтением, но орки не почитают никого, кроме Красного Дракона и не прислушиваются ни к чьим словам, кроме ее. Размышляя над этим Рыдгар провел несколько дней, но ответа не нашел. В следующий раз, ощутив присутствие своего покровителя, Рыдгар задал главный вопрос мучавший его. Марык снова рассмеялся.

— Она не Красный Дракон. Она другая. Мудрая, добрая, честная, строгая, заботливая. Она была пленницей. Я был ее сторожем. Каждый день Красная приходила к ней, чтобы пить ее жизнь, ее силу, но она не противилась. Она лишь разговаривала, просила Красную

опомниться, называла ее сестрой. Красная очень злилась, а она не злилась, она лишь грустила. На пятый день я смог рассмотреть неясные очертания ее лица. Ее губы потрескались, она была истощена, но ни разу не взмолилась она о пощаде, ни разу она не просила даже воды. Она сильная. Когда я подал ей чашку воды, сквозь прутья она поблагодарила, но не взяла, сказала, что боится за меня, боится, что Красная мне не простит такого вмешательства и не желает стать причиной моей гибели, потому что мой путь еще не пройден, мое предназначение еще не исполнено. Я сказал, что Красная не страшит меня, ибо я воин, и мне не ведом страх. Она лишь грустно улыбнулась и попросила меня быть осторожнее в словах, ведь даже стены могут слышать. Мне стоило больших трудов уговорить ее выпить. Потом мы много разговаривали, всегда очень тихо, она с благодарностью принимала и жесткие краяхи, оставшиеся от шикарных обедов, и простую воду и всегда отвечала добрым словом. Она рассказывала мне о людях и эльфах, и о горных мастерах. Она рассказывала о лугах с зеленой травой. Которые простираются на сколько хватает глаз, она рассказывала о великанах-деревьях, которые не смогут обхватить даже десяток воинов взявшись за руки, рассказывала о величественных подземных пещерах, украшенных мастерами-гномами, где вместо солнца светят искусно ограненные драгоценные камни. Рассказывала о эльфийских обрядах, об охоте, о выращивании полезных трав. Она читала мне стихи, написанные людьми и, для сравнения, читала эльфийские баллады, и даже я заслушивался их мелодичным языком, не понимая ни слова. Она пела мне песни ритмичные веселые и мелодичные печальные. Она рассказала мне так много о том, чего я никогда бы не узнал без нее. Я начал понимать, что госпожа не всегда говорила нам правду о тех народах, что живут за рекой, они не были глупыми и жестокими варварами, они были другими, не такими, как мы, но от того они не становились хуже. Они умели записывать свои сказания, а не просто передавали их из уст в уста, как наши старцы. Тогда в моей душе зародилось сомнение. В ее словах я слышал восхищение и гордость, а еще она говорила мне о свободе выбора, о доброй воле о том, что не все всемогущие похожи на Красную, не все требуют кровавых жертв и боев на смерть. Я ей не верил, как это может быть, чтобы в честь богини не проводились кровавые поединки лучших, как она сможет тогда узнать, кто из воинов достоин ее ласк. Она улыбалась и говорила, что достойного можно определить разными путями и не всегда наградой должно быть ложе. Мы спорили, но она никогда не сердилась, она лишь улыбалась.

Марык замолчал. Его рассказ был столь необычен, что Рыдгар, хотел услышать его окончание.

— Однажды, Красная привела в темницу высокого светловолосого мужчину человеческой расы. Он стоял у клетки пленницы, обнимая Красную за талию, прижимая ее к себе шепча непристойности. Красная ликовала, когда увидела, как побелели костяшки на руках пленницы, которыми она схватилась за решетку. Красная хохотала, а пленница стала белее снега, что выпадает на вершинах гор и по щекам ее катились слезы. Она лишь шептала, что не верит в это, что этого не может быть. В ту ночь нам приказали доставить пленницу под дверь опочевальни, чтобы она смогла сама все увидеть. Мы впервые увидели ее при свете факелов, то была эльфийка. Исхудавшая, она и стоять-то сама не могла, я почти тащил ее на себе. Дверь была открыта: на широкой кровати Красная резвилась с тем самым мужчиной. Эльфийка увидела все. Она закусил губу, так что пошла кровь, но не произнесла ни слова. Утром Красная пришла за ней. Больше я ее не видел, никогда. Но ночью, после того, как я вернул ее в камеру, она, сдерживая слезы, поблагодарила меня за доброту и

рассказала, о месте в эльфийских лесах, где могут укрыться от гнева и жестокого правления Красной, те, кому не нравится такая жизнь. А через несколько дней после ее исчезновения, мы всем караулом получили необычное задание, в покоях был кто-то заперт, дверь была запечатана магией, мы должны были охранять того, кто там был. Несколько часов прошли спокойно, а потом, из-за двери начал доноситься шум, кто-то там видимо ломал мебель и искал выход. Я окрикнул охраняемого, призвал его успокоиться. Мне ответил мужской голос, и единственное что он спросил было: где я? Я ему сказал, что он в покоях прекрасной Красной богини. Он долго ругался на непонятном языке, а потом вдруг совсем рядом с дверью раздался его голос: Сколько я здесь? Я ответил, что не знаю, кто он, поэтому не могу ему ответить, но охраняю его я первый день. Он опять поругался, но уже не так сердито. Он сел, видимо, у двери и мы начали разговор, чтобы скоротать время. Он расспрашивал о госпоже, о нашей жизни, а потом, как любой мужчина завел разговор о женщинах. Он рассказал, что любит одну женщину, любит больше жизни, любит вопреки всему, а наша госпожа, очень хочет их разлучить. Когда он сказал, что его возлюбленная эльфийка с добрым нравом и необыкновенными глазами, я понял кто заперт в покоях госпожи, я понял, почему текли слезы по щекам пленницы и я уточнил, цвет ее глаз, когда он ответил мне, что они похожи на морские волны под ярким солнцем, сомнений не осталось. Это был он, тот самый мужчина, с которым развлекалась хозяйка в последние дни, развлекалась на глазах у бедной пленницы. Тогда я сказал ему, что понял сколько он здесь и рассказал и про пленницу, и про то, что делала с ней хозяйка и про то, что он делал с хозяйкой. Он взбесился. Кричал, что убьет хозяйку с удовольствием ее задушит, а потом он затих. Я несколько раз окликнул его, но ответа не было. Потом совсем рядом с дверью он простонал, что это причинит боль его возлюбленной и должно быть она сейчас в огромной опасности. Потом он обратился ко мне с просьбой выпустить его, чтобы он смог все объяснить своей любимой, чтобы она не решила, будто он забыл ее в объятиях другой. Он был настойчив и убедителен. Мне было жаль несчастных влюбленных с которыми госпожа обошлась так жестоко, в моей душе уже проснулось что-то, что потом я определю, как сострадание. Я, воспользовался тем, что был начальником караула и отослал всех, а когда они ушли, отпер закрытую магией дверь, но магия была только против пленника, мне это ничего не стоило. Он стоял рядом и в глазах его светилась благодарность. Чтобы меня не наказали за такой поступок, было решено инсценировать его силовой прорыв. Тот светловолосый человек оказался отличным бойцом, я был бы рад встретиться с ним в дружеском поединке. Он мастерски меня поколотил, да так, что никто бы не усомнился в том, что я яростно сопротивлялся. Когда он покинул дворец, я видел, как взмыл в небо огромный Белый Дракон. С того дня я стал искать способ пересечь великую реку, и уйти из пустошей. Спустя много лет, я нашел способ. Тогда я стал уже главой небольшого клана, я нашел таких же как я, недовольных и увел их в те места о которых помнил с молодости по рассказам пленницы. Там мы основали небольшое поселение, и прожил я остаток своих дней, так, как завещала она, без жертвоприношений и кровавых боев, охотясь на зверей и с благодарностью принимая их жертву нашему поселению. Там я поверил ее словам. Можно жить по-другому. Нас не беспокоили люди, и лишь редкие эльфы-путешественники заходили в наше поселение, сперва они нас опасались, но потом поняли, что мы отличаемся от своих братьев и стали приходить к нам без опаски. Они приносили нам последние вести из далеких земель и всегда находили в наших краях приют, кров и пропитание. Мы научились жить в мире с эльфами, не мешать друг другу, и принимать как данность, что мы разные. И

мои потомки продолжают свою мирную жизнь в том тихом месте, без ненависти и злобы и служения Кровавой богине. Я так и не узнал, кем была та эльфийка, она так и осталась просто неизвестной пленницей. И моей богиней. Такова моя история, Рыдгар. Ты не такую хотел услышать? Но в моей истории не будет славных подробностей схваток и кровавых развязок. Она научила нас доброте и почтению к Равновесию. Теперь я лишь дух, но ты один из моих потомков, и когда я увидел, как докучают тебе другие духи, я пришел к тебе на помощь, ради добра и справедливости. А теперь, я замолкаю, сын мой, Рыдгар. Возможно мои слова, дадут росток, и однажды именно ты, вернешь своим братьям свободу, ту, которую я принес своим людям.

Больше он не отвечал ни на какие вопросы, но появлялся, оберегая Рыдгара.

Его слова, его рассказ были столь необычны, что Рыдгар вызвав старцев-сказителей начал выспрашивать у них о страже Марыке. Один из старцев долго морщил лоб, пытаясь вспомнить что-то, а когда вспомнил, сказал, что был такой славный воин, получивший право правления небольшим кланом, но исчезнувший в один день, все решили, что он вместе с кланом отправился разграблять поселения людей, и просто не смогли вернуться. Скорее всего они пали смертью храбрых, в неравных схватках с людьми. Других Марыков-стражей в истории никто не вспомнил.

Странная история, но духи предков не лгут. Марык, эльфийка... Надо бы спросить у госпожи в следующее посещение. Но тогда можно лишиться защиты Марыка. Нужно еще раз все обдумать.

Но на разговор с госпожой Рыдгар так и не решился. И в очередной раз он стоял, приклонив колено у красного трона госпожи. Она вновь была в гневе. Последние донесения опять не радовали. Пленница опять смогла сбежать. Приносить дурные вести госпоже было очень сложно, она возвращала себе все больше могущества с ослаблением завесы и каждое слово посланника могло стать последним. Приходилось быть все осторожнее, выбирая слова и все больше раболепствовать перед ней.

— Я понимаю теперь кто был у нас в руках, но от этого мне не становится легче, Рыдгар! Как я могла быть на столько слепой??? Она была в моих руках и вместо того чтобы просто ее убить, я приказываю своим подданным сохранять ей жизнь и выпытывать теперь уже совершенно лишнюю информацию, зачем мне местоположение Источника, если у меня в плену была та, единственная, кто может этим источником воспользоваться... Насколько все стало бы проще... Но я же не могла даже представить себе...

— Госпожа, имперцы строго следовали вашим указаниям...

— Я знаю, Рыдгар, не смей мне напоминать о моей ошибке. А теперь... Я потеряла контроль над Кастом, да еще и часть имперцев присоединилась к Хранителям, но что еще хуже, маги людей... влияние на них тоже потеряно, и они тоже присоединяются к Хранителям. Это провал, просто ошеломительный провал. Все рушится, но это меня не остановит, я все равно вырвусь из этой проклятой темницы. Осталось совсем немного времени... немного времени и немного крови...

— Госпожа?

— Рыдгар, мне нужна жертва. Я укажу место, в котором должна пролиться кровь эльфа, лучше эльфийки и я смогу вернуться к вам, мои верные воины.

Она стояла совсем рядом с воином. Такая хрупкая, такая манящая, даже стоя на одном колене он был почти такого же роста, как и она, ее лицо чуть возвышалось над его преклоненной головой, ему нужно было лишь поднять голову, схватить ее, заключив в

стальные объятия и она ничего бы уже не смогла с этим поделать, ей было бы уже проще согласиться, чем сопротивляться его настойчивым ласкам. Рыдгар с трудом сдерживался, когда она обошла его сзади и облокотилась на его могучую спину. Он чувствовал ее близость каждой клеткой своего тела, каждый мускул напрягался, чтобы стать чуть ближе к ней. Ее упругая грудь касалась его спины, вызывая прилив крови и помутнение разума. Нежные руки обвили его могучую шею и совсем рядом с его ухом зашелестел тихий голос.

— Рыдгар, ты такой сильный, такой желанный, как бы мне хотелось выбрать тебя, но пока я не вернусь, не может быть боев за мое ложе, но я уверена, ты бы одержал верх над всеми, и заключил меня в свои объятия, по праву сильнейшего и пользовался бы этим правом, пока его бы у тебя не оспорили. Мне бы этого так хотелось, мой верный гигант, — ее нога обвилась вокруг его торса. — Но пока я не вернусь, ты не можешь мною обладать, ведь здесь, в этом смраде мира духов, даже любовь с тобой будет совсем другой, а вот там в реальном мире... Ты же хочешь этого, мой славный воин?

Он зарычал. Отбросив все опасения, он развернулся к ней и огромные его руки обхватили тонкий стан. В одно мгновение легкий красный шелк на ее теле был разорван и бесполезным лоскутком валялся у стройных ног. Она даже не пыталась его остановить, она позволила ему любоваться собой, своим телом. Она прильнула к его могучему торсу, тонкие ногти десятком стилетов вонзились в широкие плечи, когда он покрывал ее шею поцелуями. Но стоило ему прикоснуться руками к ее ягодицам, чтобы усадить ее на себя, как она резко оборвала его ласки.

— Остановись, Рыдгар! Ты получил свой задаток, все остальное ты получишь, когда я буду свободна. А сейчас, ступай. Принеси в жертву юную эльфийку древней крови на поляне где растет черное дерево, когда дерево напьется ее крови, я смогу покинуть свою темницу. И еще кое-что. Эти Хранители мне уже порядком надоели, я не рассчитывала на появление какой бы то ни было силы способной мне противостоять. Они должны быть уничтожены. Прикажи верным нам людям, готовиться к походу. Где там они обосновались?

— В деревушке с названием Лоринг, моя повелительница, — ответил орк все еще пытаясь восстановить дыхание, сбившееся во время любовных игр.

— Лоринг... это там ведь проходил совет земель? Очень символично, еще одна надежда человечества будет погребена в тех местах. Скажи людям, пусть готовятся к нападению, я сама встану во главе нашего воинства, как только я буду свободна с твоей помощью, мой храбрый спаситель. Освободи меня, мы разгромим Хранителей и вопреки всем правилам я буду твоей даже без турнира, чтобы ты имел представление за что ты будешь биться насмерть.

Она стояла совершенно обнаженная перед своим покорным слугой. Ничуть не смутившись она подошла к нему и поцеловала в широкие губы, оглаживая в то же время его клыки. Он страстно ответил на поцелуй.

— А теперь поспеши меня освободить, пока не угас твой пыл.

— О, госпожа, я никогда не...

— Не надо таких обещаний, Рыдгар. Ты всего лишь мужчина... Ступай, выполни мои указания.

Он вышел из покоев все еще испытывая страстное желание. Но идти против ее воли он не смел. В голове стоял туман и пробиваясь сквозь его густые пары зазвучал голос Марыка:

— Сын мой, она использует тебя, она не хочет тебя, она мечтает лишь о мести и разрушении, это не то, о чем думаешь ты!

Рыдгар злобно выругался. Какой-то древний дух вздумал ему рассказывать, чего он хочет на самом деле, он хочет ее тело, хочет ее ласк, хочет ее стонов. Да, он хочет именно этого, и, если для этого нужно лишь убить одну эльфийку, так тому и быть.

Но голос предка не смолкал.

— Освободив ее, ты погубишь весь мир, Рыдгар. Завеса будет нарушена и в мир сможет вернуться не только она, но и все, кто населяет мир духов... Сперва это будут единицы, но чем тоньше будет становиться завеса, тем больше будет поток духов и демонов в мир живых и вскоре они из единиц превратятся в поток, в шквал, сметающий все на своем пути, подумай, сын мой, стоит ли постель одной женщины, таких бед?

— Этой женщины? Стоит! — решил для себя орк и закончив заклятие вернулся в мир живых, оставив слова своего предка без внимания.

Ночные переговоры

Окончив с неотложным делом, я направилась к палатке командования для разговора с Каленом. Определить ее было не сложно, основной лагерь уже впал в безмятежный сон, в жилых палатках не горел свет, а на белом фоне одной из самых больших палаток все еще играли тени стоящих и сидящих людей, оттуда доносились приглушенные голоса, иногда призывал к порядку строгий бас командора. Я не стала сразу входить, остановившись неподалеку я прислушалась к разговору внутри. Мойра настаивала на свободе для магов, без присмотра со стороны Видящих и церкви, Кален возражал, говорил о слишком большом риске такого исхода. Каждый стоял на своем и не собирался отступить. Я присела у палатки пытаюсь вникнуть в суть споров и выработать какое-то свое мнение, ведь стоит мне войти, и я стану не просто наблюдателем, но я участником этих обсуждений. Темное небо над головой. Белоликая луна скупно дарит свой свет. Мерцают звезды. Разве не в этом магия? Разве не это чудо из чудес? Прислушиваюсь к своим ощущениям. Как много нарушений в целостности мироздания, Разломы, которые еще предстоит закрывать, теперь я их чувствую, не только приближаясь к ним, я могу рисовать их на карте, просто закрыв глаза и прислушавшись к своим ощущениям, но что в этом проку? Закрывать их могу только я, а я везде не успею. Но и это еще не все, что-то неотвратимо нависает над небольшим поселением у подножия гор. Лоринг. Там что-то происходит, очень плохое, очень страшное. Мне надо взглянуть на карту, мы должны там оказаться быстрее, чем придет эта беда, и я и Кален нужны там, это из-за нас угроза нависла над всем поселением. Там же люди, дети, простые селяне. Мы не должны были рисковать их жизнями устраивая в их поселении свой лагерь, мы немедленно должны покинуть эти места вместе со всеми солдатами, но вместе с отчаянием приходит и осознание, что это ничего не изменит, что даже если бы мы и остановились в другом месте, опасности бы подверглись другие люди, другие дети, другие поселки и города. Нам нужен собственный замок, что-то подходящее для наших высоких целей. Где же его найти? Старый форт — разрушен. Что сможет противостоять той черной силе, что вот-вот выплеснется на этот мир? Только светлая эльфийская магия, нужен старый замок эльфов, от кого-то я слышала, что такой есть в нескольких неделях пути от Лоринга, только он давно заброшен, и чтобы войти в него нужно знать эльфийское заклятие, на счастье у нас есть Инариэль, он эльф и маг, возможно он сможет открыть ворота замка, ну а иначе, придется мне искать ответы в своих прошлых жизнях. Но из Лоринга надо всех

уводить. Чернота в том месте становится просто непроглядной, чем больше я пытаюсь ее рассмотреть, тем отчетливее вижу красные прожилки в этой тьме. Неужели она уже освободилась? Нет, пока я не вижу ее следов в мире живых, но прорыв случится уже совсем скоро. Голова идет кругом от полученной информации, нам нельзя больше медлить, нужно нестись со всех ног, чтобы успеть увести всех жителей в безопасное место. Отбросив видения решительно подхожу ко входу, двое стражей почтительно опускают головы при моем приближении и откидывают полог. В палатке душно от коптящей лампы и дыхания собравшихся. Я не спешу привлекать внимание, тихонечко становлюсь в уголке. Кален стоит, склонившись над столом, по правую руку от него, стоит Мойра. Она меня видит, он — нет.

— Командор, согласитесь, что вам необходима помощь магов, вы не можете просто отмахнуться от наших требований. Среди нас есть не только боевые маги, но и целители, заклинатели, призывающие — мы представляем огромную силу, и все чего мы просим, снять с нас повсеместный контроль и прекратить нас запирают в башнях, словно преступников.

Кален устало встряхивет головой.

— Ты опять о своем, Мойра. Это необходимый контроль. Я знаю на что способны маги без контроля. Все эти призыватели и заклинатели, получив полную свободу тут же сочтут остальных людей второсортными, а значит, никчемными, мы все это уже видели на примере Империи. Я не могу пойти на такой риск, если за магами никто не будет присматривать, они просто перестанут подчиняться. Вот скажи мне, Мойра, получите вы требуемое и кто из всех твоих боевых магов и заклинателей останется в наших рядах? За скольких ты лично можешь поручиться, что они не предадут и не сбегут? Единственный шанс использовать вашу силу, это держать вас под контролем.

Мойра задумалась, но сдаваться не собиралась.

— Я не могу поручиться за всех, но...

— Вот, Мойра, ты не можешь поручиться даже за сотню магов, а за тысячу? А чьи приказы они будут исполнять? Твои? Или мои? Или того, кого сочтут достойным командовать собой, и как доказывать им свое превосходство, уж не с помощью ли той же самой силы?

— Командор, вы все не так понимаете.

— Ха, я понимаю не так, ну так объясни мне так...

— Магия — это дар, мы не преступники, мы получаем этот дар не по собственной воле, но по собственной воле его развиваем...

— Для чего, Мойра? Для ощущения собственного превосходства?

— Да, мы не такие, как люди, лишены способностей, но мы не хуже их, мы лучше.

Кален не выдержал и стукнул раскрытой ладонью по столу.

— Мойра, ты могущественный союзник, но ты так же опасна как дикий зверь, выращенный в неволе. Как и любой из магов. Нет, я не могу дать вам свободу, о которой вы просите, к тому же это не мне решать, я всего лишь часть совета Хранителей, но не думаю, что Карра или Энель поддержат такие начинания, есть конечно еще Мирра и Жасмина, но даже если они встанут на твою сторону, все равно перевес будет в один голос против. Поэтому дальнейшие прения считаю необходимым отложить до возвращения в Лоринг.

Тут я решила вмешаться, хотя Кален все еще не заметил моего присутствия, я просто спряталась за спинами стоявших магов.

— Позвольте мне слово.

Кален поднял глаза услышав мой голос и улыбнулся уголками губ, как улыбался, когда стремился скрыть свою радость.

— Мирриэль, я рад тебя видеть на нашем собрании. Конечно, мы выслушаем тебя, ведь без тебя мы бы и не собрались здесь.

Я улыбнулась ему, и склонила голову поприветствовав всех остальных присутствующих.

— Я считаю, что, решая подобный вопрос мы должны найти первопричины всего происходящего и в первую очередь, как появилась магия у людей, для чего она была людям дана. Как знают некоторые из вас, у меня потеря памяти, я не знаю текстов Священной книги и не помню эльфийских сказаний, поэтому я с удовольствием выслушаю все версии, а потом продолжу. Итак, основным источником знания является Священная книга, что написано там по этому поводу?

— Что магия дана людям, чтобы служить и помогать. Маги наделены силой, лишь для сотворения добра и сохранения порядка.

Я многозначительно поджимаю губы. Я знаю гораздо больше чем могут поведать все ваши легенды, но не могу же я вот так вам в лоб заявить, что я воплощение вашего древнего бога, которому было всегда не наплевать на вас и ваши дела, который всегда поддерживал вас, меня опять сочтут безумной, нужно так повернуть разговор, чтобы, не раскрывая себя, открыть им глаза на верное решение, направить их всех на нужный путь.

— В этих словах есть истина, на мой взгляд. Для этого людям и была дана магия. Что говорят легенды эльфов? Как эльфы обрели волшебные силы?

Заговорил пожилой эльф.

— У эльфов нет таких легенд и предписаний, в наших сказаниях не говорится о появлении магии, она просто принимается как данность.

— И это судя по всему правда, — киваю я. — Со мной произошло много странного, друзья мои, очень много. И все, что я поняла, я поняла наблюдая и делая выводы. Итак, эльфы обладают магией испокон веков, их магия извечна, они наделены ею от рождения мира, в то время как у людей есть предписания к тому, что есть магия, кто есть маги и что они должны делать. Значит были времена, когда люди магией не обладали и некто, кто наделил их этим даром, дал им точные указания, как его подарок должен использоваться. Кален, прошу вас вспомнить из вашей практики Видящего, скольких вам пришлось усмирять одержимых эльфов?

Кален нахмурил брови и сложил руки на груди, копаясь в своих воспоминаниях. Прошло несколько долгих минут. Потом взгляд его просветлел.

— Это удивительно, но я не могу вспомнить ни одного одержимого эльфа, только люди.

Я улыбнулась и кивнула ему.

— Спасибо, командор, ваш опыт бесценен. Итак, эльфы обладают магией дольше, чем люди, и при этом не имеют никаких указаний как ей пользоваться, однако они не подвержены одержимости. Люди же в свою очередь, подвержены одержимости, а следовательно, специально для наблюдения за людьми-магами и был создан орден Видящих. Я предлагаю исходить из опыта старшей расы и в остальных вопросах, касающихся этого щекотливого вопроса. Уважаемый эльф, как и когда вы определяете способности юных магов?

— В каждом клане есть маги, они видят дар в детях и наблюдают за их становлением и развитием, помогают осваивать основы, учат не бояться своего дара и контролировать его.

— Благодарю вас, почтенный. Итак, в каждом клане есть свой маг, который

контролирует развитие дара в детях и обучает их, но как относятся окружающие к дару и к ребенку им обладающему?

— Это не является чем-то предосудительным, к таким детям относятся так же, как и к другим, только строго наказывают за использование магии вне программы обучения. За ними не присматривают отдельно, просто если их обычные проказы носят на себя отпечаток магии, то наказывает провинившегося не родители, а учитель, в этом вся разница. Если в клане несколько одаренных детей, то остаются двое, остальные должны покинуть клан, или перейти в другой, где не хватает мага, или идти своим путем, который они выберут сами. Но все это происходит без принуждения, каждый сам решает, что ему больше по душе и только после того как обучение будет окончено.

— А что же происходит с детьми-людьми, когда они обнаруживают у себя способности к магии? Среди вас есть те, кто еще помнит, как это было?

Голос подала молоденькая девушка.

— Я помню, Хранительница. Это было ужасно. Когда я первый раз исцелила маме головную боль, она расплакалась и наказала мне никогда этого никому не говорить и скрывать свой дар, иначе люди побьют всю нашу семью камнями, ведь в деревне считали, что дар может быть только у ребенка, рожденного от демона. Я долго скрывалась, это было очень сложно, со временем я начала чувствовать чужую боль, но помочь людям я не могла. А потом пришел Ищущий. Он увел меня из деревни потихоньку, чтобы никто не узнал кто я, и не причинил вред моей семье. К тому времени как меня привели в круг, головные боли у меня стали просто невыносимы, я не могла есть уже неделю, как сказал потом наставник, это случилось из-за того, что мой дар не находил выхода и никто не обучал меня его контролировать. Если бы рядом был маг, он смог бы меня научить как жить с моим даром и не страдать от него, но маги были только в Башнях.

— Спасибо, за ваш рассказ, — перебила я ее. — Я думаю мы услышали достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Итак, кроме ордена Видящих, защищающих магов от одержимости, был создан еще и орден Ищущих, призванных приводить вновьявленных магов для обучения в башни, но не для того чтобы оградить мир от них, а чтобы спасти их от гонений в миру. Ведь первая реакция обывателя на открывшийся дар — это страх, а страх — вызывает ненависть и озлобленность. Так что все что делается, делается для спасения детей не только от последствий проявления дара, но и от своих сородичей.

Мойра нахмурила тонкие брови.

— К чему вы клоните, Хранительница?

— К тому, дорогая Мойра, что не являясь естественным состоянием, людская магия вызывает страх у окружающих и подвергает самих магов риску одержимости, что вызывает еще больший страх у тех, кто этим даром не обладает, для защиты магов от людей был создан орден Ищущих и башни магов, а для успокоения и безопасности людей был создан орден Видящих. Их роль снижать напряжения, демонстрируя, что маги все-таки под контролем и никто не пострадает от их одержимости или злого умысла. Итак, используя все рассмотренные факты мы видим, что предоставить магам полную свободу не представляется возможным. В целях их же безопасности они должны, как и прежде, находиться под контролем Видящих. А чтобы предоставить вам, дорогие маги, те свободы, о коих вы так мечтаете, сперва нам всем нужно заработать для магов такой кредит доверия у простых граждан всех стран, чтобы они перестали бояться магов и начали вас не только уважать, но и доверять вам. Это большая работа, дорогие друзья, и пока она не будет завершена, я не вижу

возможности для исполнения ваших требований. У нас впереди будет много возможностей доказать простым людям, что вы не звери, вас не стоит бояться. Лучшим показателем станет помощь всем нуждающимся, и добровольное регулярное обследование всех магов Видящими, для предупреждения возможностей одержимости. Это станет первым шагом к сотрудничеству, которое сможет породить доверие. Друзья мои мне искренне жаль, но я не могу предложить вам, пока что, других условий, в целях вашей и общественной безопасности. Я очень надеюсь, что наша совместная борьба сможет все изменить и вскоре, люди смогут перенять замечательный опыт старшей расы в вопросах магии и магов, и все вы сможете получить назначение в свой «клан» где вас не будут преследовать и бояться, где вас будут ценить, и уважать ваш дар.

Маги, стоявшие в палатке, неожиданно захлопали в ладоши, выражая свое одобрение моим словам. Даже Мойра улыбнулась. Дело сделано, я смогла указать им путь.

— Спасибо, Хранительница, никто из нас никогда не рассматривал эту проблему с такой точки зрения, вы безусловно правы, мы должны доказать обывателям, что мы не есть зло и тогда все получают желаемое. Спасибо, за предоставленную возможность, Мирриэль. Спасибо, командор.

— Кстати об обследованиях, — внезапно меня посетила страшная мысль. — Командор, я должна проверить всех наших новых друзей на... искренность так сказать, возможно не все они присоединились к нам из благих побуждений.

Кален нахмурился.

— Я не подумал об этом прежде. Завтра утром мы вместе проведем смотр, Хранительница.

— Если никто из вас, уважаемые маги не возражает, я предпочту начать с присутствующих. Это не больно, я просто проверю не заразился ли кто опасной... болезнью, очаги которой мы не так давно обнаружили в некоторых связанных с магией существах. Я не хочу вас обидеть, но это необходимо, для нашего общего блага.

Никто не стал возражать, и я переключилась на энергетический взгляд, со страхом обнаружить в ком-то из присутствующих следы красного яда. Я смотрела их энергии одного за другим, и в одном из магов я увидела слабый след, спутать его было нельзя ни с чем, это был красный обат. Я устало опустилась на стул.

— Все, кроме юноши в зеленом плаще с золотыми пуговицами могут быть свободны, желаю вам доброго сна, друзья. К сожалению, мой друг, вас я вынуждена просить остаться.

Юноша побледнел, остальные лишь искоса на него посмотрели и начали выходить из палатки с пожеланиями и нам доброй ночи. В палатке остались лишь пятеро: я, Кален, Мойра, старец эльф и юноша, на которого я указала. Я вопросительно посмотрела на эльфа.

— Госпожа...

— Не называйте меня так, друг мой, я просто Мирра, — оборвала я его речь.

Он кивнул и улыбнулся.

— Мирра, я пришел к людям по доброй воле, и не знаю ваших порядков, но мне кажется, что происходит что-то, о чем я должен сообщить своему народу, предупредить их о чем-то, поэтому я счел возможным остаться, чтобы разобраться во всем.

Я устало кивнула, конечно, эльфы еще не знают об угрозе, впрочем, как и люди. Так что присутствие Мойры нам тоже на руку, а сейчас перед нами или жертва обстоятельств, или же... шпион. Тяжким грузом на мои плечи упало все произошедшее за сегодняшний день, слишком много, а ведь впереди еще и разговор с командором, как бы мне это пережить? Я

вдруг почувствовала недельную усталость, все-таки я сегодня первый день, как очнулась, хотя нет, это было уже вчера, когда я подходила к командирской палатке луна была уже близка к своей наивысшей точке, значит теперь уже перевалило за полночь. Глаза мои потяжелели, но я решила отложить проявление своей слабости для беседы наедине с Каленом, сейчас рядом с нами есть другие люди, которым не стоит демонстрировать слабость и усталость.

— Мирриэль, почему он? Я не вижу в нем лжи или склонности к одержимости, — нарушил молчание Кален.

— Присядьте, друзья. Это хорошо, что он не лжет, я боялась, что он шпион, теперь мне понятно, что он просто жертва. Итак, я хочу вам поведать кое-что. Командор мы писали вам в лагерь о страшной находке — красном обате, я думаю, вы помните, — я дождалась его утвердительного кивка. — Мойра, тебе придется внимательно следить за своими сородниками, появилась новая скрытая опасность — красный обат.

— Красный? — удивленно вскинула брови Мойра. — Но такого не бывает, обат имеет только голубые оттенки.

— К моему сожалению — это не так. Подтвердите, юноша. Ведь именно следы этого вещества в вашей крови я увидела.

Я внимательно наблюдала за реакцией молодого человека. Он занервничал, обвел всех присутствующих жалобным взглядом и в конце концов беспомощно кивнул.

— Торговец сказал, что этот обат сильнее голубого. Я слабый маг, но я хотел быть полезным, я хотел помогать...

Парень едва не плакал. На него было жалко смотреть.

— Я не знаю смогу ли я тебе помочь. Ты заражен. Красный обат действительно увеличивает силы, принимающего его человека, но цена за это страшная, он убивает тебя, высасывая из тебя жизнь по крупице. Скорее всего ты, не так давно решился его принять, я еще не вижу кристаллизации в крови, но я не знаю, сможем ли мы обратить процесс, удастся ли нам остановить или хотя бы замедлить его. Я не могу ничего тебе обещать, но мы будем очень надеяться, что найдем выход. К сожалению, носитель, не может свободно перемещаться, так как против твоей воли тебя могут использовать наши враги, мы вынуждены тебя изолировать, чтобы ты не мог нехотя причинить кому-то вред. Только присутствующие здесь будут иметь возможность с тобой контактировать, и я вас молю, будьте бдительны, если, не приведи Создатель, все пойдет на ухудшение, мы будем вынуждены принять радикальные меры, даже прикосновение к этим кристаллам вызывает заражение и смерть. Мой юный друг, у тебя еще остались эти кристаллы? Ты давал их кому-то, показывал, кто-то еще прикасался к ним?

Парень вытер рукавом нос, совсем еще мальчишка, нужно как-то ему помочь... вот только как?

— Нет, хранительница, никому не давал и не показывал, у меня в палатке, под лежанкой, сумка, там в белой коробочке еще три кристалла. Я умру, да?

Я поджала губы. Я не могу сказать правду — это лишит его надежды, но и соврать я тоже не могу.

— Мы постараемся сделать все, чтобы этого не случилось.

Мойра и эльф хранили напряженное молчание.

— Кто из вас, друзья, возьмется присматривать за нашим... другом? — вовремя я заменила слово несчастный.

— Я, Мирра, буду присматривать за парнем, — вызвался эльф. — В моем обществе ему будет безопаснее, чем в любом другом, да и мне будет с кем беседовать, путь-то еще неблизкий. Пойдем. Дружок, заберем твои вещи и перенесем ко мне, а коробочку, отдадим Хранителям, теперь — это их забота будет.

Эльф взял паренька за плечи и вывел из палатки.

— Я не понимаю. Крансый обат? — Мойра смотрела на нас словно впервые видела.

И вновь я понимала, что страх магов перед Видящим, слишком силен, и вести разъяснение придется мне.

— Мойра, это только начало, к сожалению. Боюсь, что завтра на смотре, мы найдем еще ни одного такого несчастного, наш враг пользуется нашими слабостями, оборачивая их в свою пользу. Нам придется искоренить это зло в наших рядах, потому что потом может быть просто поздно. Но давай мы не будем спешить с выводами, давай мы продолжим беседу завтра, после смотра, чтобы мне не повторяться несколько раз. А сейчас уже достаточно поздно, я думаю, нам пора расходиться. До утра уже не так далеко.

— Да-да, конечно, — Мойра поспешила к выходу. — Доброй ночи вам, Хранители.

Полог палатки закрылся за ней, мы остались вдвоем.

— Ты выглядишь усталой, Мирра. Иди-ка сюда, — он хлопнул ладошкой по раскинутому в углу палатки меховому плащу, на который сам только что переместился.

Я лишь слабо улыбнулась, все мои конечности будто свинцом налиты, я должна с ним проститься, я должна, ради него, избегать его внимания, я должна исчезнуть, пока он не вернет свою силу, чтобы один из нас не стал жертвой у черного дерева. В глазах предательски защипало, а еще Раирнаил и клятва... Я не могу нарушить клятву... Я должна последовать за возлюбленным...

— Кален, — я избегала его взгляда. — Я... я все вспомнила, всю свою жизнь. Я вспомнила Раирнаила, я вспомнила нашу клятву, я надеюсь, ты понимаешь, что я не могу нарушить данный ему обет...

Он резко поднялся. И оказался совсем рядом со мной.

— Ты, не можешь, так поступить, Мирра. Это неправильно! Ты принадлежишь только мне, Мирриэль, он умер, ты не должна держать слово, данное ныне покойному. Что бы вас не связывало в прошлом, оно осталось в прошлом, я не могу смириться с таким положением вещей ты же понимаешь?

Я молча смотрю в его голубые глаза и понимаю, что моя решимость тает как воск на зажжённой свече. Разве можно устоять перед его напором. Он смотрит на меня и, видя мою нерешительность, улыбается, теперь уже не только уголками губ. Он подхватывает меня на руки и несет на расстеленный в углу плащ.

— Тебя нужно отдохнуть, — шепчут его губы. — Я никому больше тебя не отдам, слышишь? Ты только моя, я готов это признать, только моя.

Его рука нашаривает лампу и гасит ее неровный свет. Он усаживает меня на шкуру и уже собирается отстраняться, когда я понимаю, что не готова его отпускать. К демонам все, столько горя и боли мы пережили, столько незавершенных любовных романов у нас было в прошлом, я не хочу его опять отпускать, я не могу его опять потерять. Мои руки обвивают крепкую шею и губы прикасаются к горячим губам. Я пользуюсь его неустойчивым положением и просто откидываюсь на спину, увлекая его за собой. Я не перестаю его целовать и чувствую, как учащается его дыхание, ему уже не хватает воздуха, я отпускаю его губы и начинаю целовать щеки и шею. Он держится, опираясь на локти и колено, я чувствую

жар его ноги у меня между ног. Я схожу с ума, но я не могу его отпустить, нет. Мы так долго искали друг друга, мы столько прошли, мы заслужили это. Его пальцы путаются в моих волосах, он запрокидывает мою голову покрывая шею горячими поцелуями. Я тянусь к нему всем телом. Не нужно больше откладывать, пусть все случится здесь и сейчас. Я обнимаю его, ощущая каждый мускул напряженного тела под тонкой уже пропитывающейся потом тканью. Жадные поцелуи покрывают мое лицо. Вопреки всему мое тело жаждет его ласки и с удовольствием на нее отвечает. Закипает вулкан где-то внизу моего живота, сладкая истома заставляет меня закрывать глаза и первый тихий стон срывается с губ. Да, я хочу продолжения, не останавливайся, молю, только не останавливайся. Но как на зло, он прекращает свои ласки и освободившись от моих объятий ложиться рядом со мной на спину. Нет, я не отпущу тебя так просто... Забыв об усталости, я сажусь на него сверху и склоняюсь к его шее. Его уверенность в собственной правоте испаряется и вот уже крепкие руки шарят по моим бедрам и ягодицам, медленно поднимаясь к спине и прижимая меня все крепче. Я открываю глаза и встречаю безумную страсть голубых глаз, смотрящих прямо на меня.

— Мирра, там снаружи пост, солдаты, — он захлебывается тихим шепотом. — Надо их отпустить, это...

Я не даю ему закончить, припадая к его губам. Мне все равно, пусть все знают, пусть все слышат, меня больше это не волнует... Они будут слышать только стоны наслаждения, но не крики боли или отчаяния, это их приободрит, это знак того, что даже на войне есть место любви, мне все равно. Я нежно покусываю его губы.

— Мне все равно, Кален, все равно... Я не могу больше откладывать... Я хочу...

Он с легкостью сбрасывает меня с себя и уложив на спину опять нависает надо мной. Несколько секунд он просто восстанавливает дыхание, удерживая мои руки над головой, не давая мне пошевелиться.

— Конвой, — наконец совершенно ровным голосом говорит он. — Свободны. Идите отдыхать, солдаты.

Из-за полога раздается четкий ответ и слышится звук удаляющихся шагов. Едва шаги затихают его губы вновь впиваются в мои. Он все еще удерживает мои руки одной рукой, а другой уже ласково гладит мое тело. Я вырываюсь, он, словно опомнившись, отпускает меня и выпрямляется сидя на мне, удерживая вес на своих ногах, чтобы не причинить мне боли. Он разглядывает меня в темноте. Я вижу, как жаждущий взгляд блуждает по моему телу, запоминая все изгибы и выпуклости. Но нет, я не дам тебе просто так любоваться, тоже сажусь, прижимаясь своим телом к его торсу. Руки немеют от охватывающего меня желания. Теперь горит уже все тело, не только живот, каждое его движение находит отклик, каждое прикосновение вызывает дрожь. О, так не может продолжаться, надо переходить к следующему этапу, иначе я просто взорвусь от растущего внутри меня желания принадлежать только ему... Дрожащими руками я пытаюсь стянуть его прилипшую к телу рубашку. Я вижу его улыбку, он тоже рад будет избавиться от этой преграды между нами. Его руки тоже жадно обшаривают мое тело, еще немного и страсть получит выход, мы совсем забудем о приличиях и просто разорвем одежду друг на друге в клочья... Он начинает тихонько рычать, и я слышу, как трескаются нитки неподдающейся рубахи...

— Командор, срочное сообщение от леди Энель. Сверхсрочное, командор! — у полога в нерешительности топчется кто-то, мы не услышали его шагов, за нашей любовной возней.

Он шумно выдыхает.

— Да, сейчас, выйду. Поспать не дадите, — ворчит он, заговорщицки прикладывая

палец к губам. — Не уходи никуда, я сейчас разберусь со всем и вернусь, мы продолжим с того места, где остановились, дай мне пару минут.

— Кален, — раздается раздраженный голос Инариэля у самого входа. — Я очень надеюсь, что она с тобой. Иначе я найду эту девчонку и надеру ее острые ушки.

Я вздыхаю, понимая, что мне придется тоже показаться, иначе Инар не отстанет. Кален подает мне руку, помогая поняться и припадает губами к моим губам.

— Знаешь, так даже лучше, — шепчет он мне на ухо. — Мы с тобой не просто сельские влюбленные, мы должны быть примером для наших людей во всем, даже в любви, Мирра. Поэтому будет лучше, если мы все будем делать правильно. Я хочу не просто любить тебя, Мирра, — он на секунду замолкает, а потом шепчет мне в самое ухо, — я хочу любить тебя в первый раз только тогда, когда при всех назову тебя женой, а ты сможешь называть меня мужем.

И он нежно поцеловал меня в мочку уха.

— Тогда все будет по-другому, — он улыбнулся мне, и отвернувшись вышел из палатки, а я так и стояла в оцепенении, пытаюсь осознать только что сказанное мне.

— Ну, что за срочность такая, чтобы будить меня среди ночи? Я только уснул, — слышу его ворчание у входа. — Гонец, свободен.

Слышу, как удаляются шаги гонца.

— Ага, точно уснул он, — ехидно замечает Инариэль. — Хоть бы соврал что-нибудь правдоподобное, ну проснулся только и зарядку делал, потому вся рубаша и мокрая, ну или еще что, правда вот разорванные нитки будет объяснить сложнее, но суть не в этом. Мирра, ты там это... Мы можем войти? Тут разговор назревает секретный.

Опускаюсь на табурет, закрывая рот руками, едва сдерживая хихиканье, вот же... одно слово — эльф.

— Да, входите уже, — отвечаю, зажигая лампу.

— То-то же, — самодовольно констатирует эльф. — А то спал он, хм... надеюсь мы не очень помешали? Хотя, судя по тому, что одежда лишь надорвана, а не валяется обрывками по всей палатке, до самого интересного вы еще не дошли...

— Еще одно слово, Инар, — грозно зашептал Кален, — и я за себя не ручаюсь.

— Молчу-молчу, — игриво хихикнул эльф. — А теперь к делу. Шпионы Энель докладывают о странных перемещениях неопознанных групп недалеко от Лоринга.

Сердце упало в пятки. Вот оно, начинается, значит все-таки они решили напасть на наш лагерь.

— Не могут определить кто это, шпионы пропадают, не возвращаются, донесений не поступает, похоже их берут в кольцо, лишая связи с нами. Только ворон смог долететь. Поэтому я здесь стою среди ночи. Нам нужно срочно выдвигаться туда и пробиваться к своим с боем, если потребуется. Знать бы еще с кем нам предстоит встретиться.

Кален трет подбородок.

— Орки?

Я тяжело вздыхаю. Пора раскрывать карты, не все, но кое-что мне нужно им рассказать.

— Нет, Кален это не орки, но я знаю кто это может быть. Вопрос только в том, кто встанет во главе войска.

Оба смотрят на меня вопросительно. Я тяжело вздыхаю.

— Инар, все плохо, плохо потому, что я вспомнила всю свою жизнь, сегодня, после прогулки в лесу, на меня обрушился весь поток знаний, я вспомнила, кто хотел принести

меня в жертву, я вспомнила кто спас меня, я вспомнила все, что связывало меня с ним. Теперь я помню все. И все знаю. Нас ждут там не орки, а кое-что похуже: нейтралы все попали под влияние Красного дракона, так же как и Видящие, принявшие красный обат. Боюсь, что там нас поджидают именно они. Лучшие воины и твои братья, Кален.

— Мы должны отстоять деревню, — упрямо мотнул головой командор.

— И каковы наши шансы? Сколько у нас обученных и проверенных воинов? Сотня, две? А сколько было нейтралов, сколько твоих братьев встало под чужие знамена? Нам это не известно. В драке с Видящими на магов надежды мало, только мечи против мечей, и сколько мы протянем, Кален, — я уже знала, что должна сказать, знала к какому пути я должна их подтолкнуть. — Мы не выдержим их натиска. Нам нужно спасти жителей деревни и свои силы. Мы должны отступить и укрепиться в другом, более защищенном месте, стараясь спасти как можно больше жизней. Другого выхода на данный момент у нас просто нет.

— Мирра, второй раз за вечер, ты меня просто поражаешь, — заговорил Кален. — То ты находишь правильные слова, чтобы убедить магов в том, с чем они еще несколько минут назад горячо спорили и готовы были меня разорвать на части, когда я отказывался принимать их условия, то теперь, ты обнаруживаешь в себе странное знание о том, что ждет нас впереди, и кто, будет нашим врагом. С чего ты взяла что там нейтралы и Видящие? Энель про это ничего не пишет.

Я смотрю на него, испытывая бурю чувств, я помню каждую нашу встречу, помню все наши воплощения, я помню, как встретила его впервые, когда он решил стать покровителем людей в этом мире. Он всегда был таким: настойчивым, стремительным правдолюбом, но в его душе я всегда чувствовала нежность и любовь. Я улыбаюсь, не замечая этого, меня уносит бурный поток нахлынувшей нежности всего к одному созданию.

— Мирра, ты меня опять пугаешь, — встревоженно он дотрагивается до моего плеча.

— О, прости, я замечталась. Ты спрашивал откуда я знаю... Именно нейтралы были теми людьми, которые захватили меня впервые и собирались принести в жертву, чтобы уничтожить совет земель, я помню их всех, каждое лицо, теперь помню. Что касается Видящих, Кален, поверь, мне очень-очень жаль, но все что я видела во время путешествия с Инаром и Барри говорит о том, что Видящие попали под влияние красного обата, а, следовательно, они полностью подчинены воле Красного дракона. Да и если подумать, орки не могут покинуть свои земли, пока что не могут, значит она будет использовать то, что есть у нее по эту сторону реки. Силы Видящих нам известны, значит маги в этом бою нам не помогут, только как целители, ну а меч против меча, мы не выстоим, Кален, у них огромное превосходство в численности и опыте ведения боя, ведь в основном наши солдаты — это зеленые новобранцы, бывшие пахари и пастухи. Но больше всего меня тревожит еще одно дурное предчувствие... Они не просто ждут удобного момента или нашего возвращения, они ждут того, кто встанет во главе их воинства, меня терзает мысль, что мы уже опоздали, друзья мои, мы не сможем предотвратить освобождение Красного дракона, потому что она уже нашла путь на свободу, и она уже совсем скоро будет свободна, а мы еще не готовы к такой встрече. Я боюсь, что ждут они именно ее. А на данный момент мы даже не можем себе представить, как хотя бы сдержать ее мощь, не говоря уже о победе.

Инариэль и Кален переглянулись и задумались.

— Если все так, как ты говоришь, Мирра, нам действительно не выстоять в этой схватке. Но какие стены смогут устоять перед огнем дракона? Где мы сможем найти убежище?

— Если я правильно все понимаю, — вступил в разговор молчавший прежде маг. — Перед изначальным злом может устоять лишь изначальное добро. Нас укроют древние эльфийские постройки, времен правления Зеленого дракона, то есть очень древние. В те времена все бастионы были окружены магией самого дракона Равновесия, а значит, они непроницаемы для Красного дракона и ее приспешников. За такими стенами мы сможем укрыть людей и обосновать постоянный штаб Хранителей. Но где есть такие стены, не превратились ли они за века в простую магическую пыль?

— Держащий небо, — вспомнила я название древнего замка. — Там должно быть достаточно места для размещения и штатских и военных, подступы к крепости хорошо оборонять, к тому же там собирали отличные урожаи и близость горных рек никогда не заставляла обитателей замка испытывать жажду.

Инариэль посмотрел на меня не скрывая удивления.

— Но, Мирра, замок давно покинут, никто не входил в него со времен столь древних, что и сказать нельзя, скорее всего там просто развалины. Если этот замок и существовал, то в каком состоянии он будет сейчас? И откуда тебе вообще известно про этот древний форт?

Я лишь улыбаюсь, не могу же я ему сказать, что в первом своем воплощении, я вливала свою магию в каждый камень этого строения, не могу я ему сказать и что жила в этом месте в одном из перерождений задолго до Великой войны..

— Ты забываешь, Инар, что теперь не только ты способен говорить с духами, поверь меня уже знают на той стороне, у меня там тоже есть друзья. Они и подсказали. Скорее всего замок придется ремонтировать, но не сами стены, не ворота. Остается лишь одно: узнать, как открыть ворота, ведь они запечатаны древней эльфийской магией. Но, Инар, я думаю ты справишься с этим. Я считаю, что нам нет нужды тащиться всем обозом в Лоринг, от магов там не будет проку, а имперцам еще придется привыкать к холодному климату, боюсь, что на некоторое время они тоже утратят свою боеспособность, пока не свыкнутся с холодами и снегом, к тому же их нужно подобающе снабдить. В Лоринге ждут меня и Калена, все остальные могут выдвигаться напрямик к замку и начинать его обустройство. А нам еще предстоит решить, как спасти жителей Лоринга, не вызывая подозрений у окружающей их армии.

— Там есть тайный проход, как раз недалеко от Лоринга он начинается, в горах. Путь лежит через пещеры и через два-три дня пути в темноте, выходит на снежное плато в неделю пешего перехода стоит сам замок. Учитывая, что в обозе будут все пожитки селян, женщины и дети путь займет дней 10–15, - Инариэль уже смирился с тем, что в этой экспедиции ему придется быть отдельно от друзей. — Я смогу нарисовать карту. Кален сможет ее прочитать и привести людей туда, куда нужно, мы будем вас ждать.

— Это замечательно, Инар. Правда. Карта будет очень кстати. И спасибо, что согласился со мной без споров, я же знаю, что тебе не нравится идея оставить нас. Спасибо. Сейчас это важнее, чем что-либо еще. И рассказывайте по дороге о надвигающейся угрозе, предлагайте людям защиту за стенами замка. Если мы хотим начать достойную деятельность нам потребуются не только сильные воины, но и хорошие мастера: плотники, кузнецы, кожевники, лекари и бродобреи, да и простой народ, который сможет обеспечивать крепость провиантом пастухи, охотники, земледельцы. Чем меньше крепость будет зависеть от внешнего мира, тем лучше будет для всех. Пусть держащий небо станет оплотом нашей надежды.

— Подождите, — вмешался Кален. — Я согласен со всем, что вы говорите, но Мирра,

как мы вдвоем сможем прорваться через кольцо, обступившее Лоринг?

— Командор, я думаю, что у них приказ никого не выпускать, но впускать всех желающих. Мы пройдем беспрепятственно. Они считают, что все жители и находящиеся в Лоринге — в западне, что у них нет выхода, они не ожидают нашего отхода. Они рассчитывают на единственный бой, в котором одержат блистательную победу. Они ведь такие же как ты, Кален, горячие вояки, непривыкшие отступить, наше отступление будет для них неожиданностью, я надеюсь, что, когда они пойдут в атаку, Лоринг уже опустеет, как и все близлежащие деревни и стоянки. Мы их обманем, дорогой, просто обведем вокруг пальца, а потом они уже не смогут нас нагнать. Без карты Инариэля они будут годами искать путь к нашей крепости, но могут так никогда его и не отыскать. Верь мне.

Разговор окончен, в палатке повисает тишина.

— Скоро рассвет, — шепчу я. — Нам пора отдыхать. Без обозов, вдвоем верхом, мы доберемся до Лоринга очень быстро, командор, но это будет утомительная скачка, нам нужно хорошенько отдохнуть. Так что я предлагаю сейчас расходиться и набираться сил, немного поспать не помешает никому из нас. Завтра Инар дорисует карту и передаст ее тебе, а уже к вечеру, нам нужно выехать, Кален, чтобы успеть вовремя. Боюсь нам предстоит опережать не столько ветер, сколько само время. Доброй ночи.

Чтобы не затягивать прощание, я не жду ответов, просто выхожу из командирской палатки, направляясь к своему фургону и даже не снимая одежды падаю спать. Это был тяжелый день, а сколько таких еще впереди. Но теперь, я уже другая, я не просто вспомнила всю свою жизнь, я вспомнила все свои прошлые жизни, и теперь я уже не та, что была даже утром, очнувшись от страшного кошмара, теперь этот кошмар всего лишь прошлое, такое же, как и тысячи моих прошлых жизней. Теперь я не задаю вопросов, я знаю ответы. Я засыпаю, когда мягкие лучи восходящего солнца уже пробиваются сквозь плотную ткань. Засыпаю с улыбкой на губах, вспоминая жаркие объятия, в которых я таяла ночью, вспоминая слова Калена, что он хочет назвать меня женой при всех, такого странного предложения я не ожидала. Какая милая приятная неожиданность. Ну что же, наверное, он прав, тогда действительно все будет по-другому. Только вот, когда это случится, в нашей жизни так много поворотов и неожиданностей и за каждым поворотом может быть смертельно опасный враг. Но идея замечательная. В своем первом сне я видела себя в белом, как снег платье, в тронном зале Держащего небеса, рядом со мной, держа меня за руку в парадной форме стоял он, мой возлюбленный и священник произносил слова обряда, а мы смотрели друг на друга и не могла оторвать влюбленных глаз. А потом был громкий пир и когда спустилась ночь, Кален нес меня на руках в нашу супружескую опочивальню, там была большая кровать, тихо потрескивали дрова в камине и на полу были мягкие ковры и никаких палаток, плащей и шкур, и никто нас не побеспокоит, мы знали это, ведь все наши друзья понимают, как нам нужно просто побыть наедине. Я не хотела, чтобы это сон оканчивался тем более, что мы приближались к самому важному и желанному моменту, но похоже слова Калена были пророческими и мы не могли насладиться друг другом даже во сне, пока не станем мужем и женой, потому что как только он начал снимать с меня дорогие шелка, мой сон нарушил гневный оклик Инариэля.

— Мирра, что ты натворила опять? Просыпайся, негодница! Нет вы только представьте, в первый же день пришла в себя и натворила столько бед! Вставай!

— Инар, что ты кричишь, — застонала я с трудом раскрывая глаза. — Я же только прилегла.

— Прилегла она только! Сознawайся, это ты выпустила лорда из клетки и зарезала, как свинью, пыточника?

Я попыталась сесть и осознать, что же вызвало такой гнев у моего друга.

— Ну, да. Я. А что? Вы же сказали, что оставили их в живых чтобы я могла вершить свой суд, вот я его и свершила. Что не так? Неужели Дарк его все-таки зарезал? Раир, ты здесь? Ты же обещал проследить!

«Я здесь, Мирра. С лордом все в порядке. Сперва пришлось немного потрудиться, но потом, они сидели у костра и просто болтали. Ничего страшного не произошло. Оба живы и здоровы, отсыпаются после немалой доли принятого алкоголя.»

Я улыбнулась, расчет был верным, все случилось так, как и должно было случиться, больше никакой вражды в наших рядах. Но крики Инариэля... Нужно вставать и идти разбираться, о, духи, когда же я досмотрю свой дивный сон...

— Ладно, ладно, Инар, не кричи, я уже выхожу.

Спать во всеоружии, доложу я вам, очень неприятно. Просыпаться с кучей железа нацепленных на тебя, то еще удовольствие. Все болело и немело, отекло и просто ныло.

Но когда я выпрыгнула из фургона по мне нельзя было ничего сказать, так должно быть чувствует себя Кален, каждый раз проходя перед строем солдат, чтобы не случилось, как бы командир не провел ночь, его солдаты не должны ничего заподозрить. Я свежа, словно весенний бриз и полна сил словно осенняя гроза. Фу, вместе с памятью ко мне, похоже, вернулась эльфийская склонность к витиеватым выражениям. С этим надо что-то делать, так я тоску нагоню даже на неунывающего гнома.

— Ну, вот она, я. Теперь можешь мне все сказать, только, прошу, не кричи, я все-таки надежда этого мира, а не простая сельская девчонка, а ты тут меня негодницей называешь, это как-то... фамильярно что ли...

— Что?! — эльф даже онемел от моей наглости. — Пошли, сама будешь с командором объясняться. Мне его ругательства уже порядком надоело выслушивать.

Бодро шагаю по лагерю, хотя при каждом шаге боль отдает во все кости. Весело отвечаю на приветствия, даже улыбаюсь.

Кален меряет шагами уже изрядно вытоптанную площадку у клетки. По нему тоже сложно сказать, что он лег спать только час назад, можно с уверенностью заявить только одно — он очень зол.

— Мирра, что за выходки? Где лорд Каст? Как ты... — но только встретившись со мной взглядом он начинает говорить тише и заметно успокаивается. — Ты не очень-то выспалась судя по всему, — сменив гнев на милость тихо шепчет он мне на ухо. — Мне снился чудесный сон, Мирриэль, там нам никто не мешал...

Он мягко улыбается, глядя мне в глаза.

— Мне тоже снилось что нам никто не мешал, Кален, но потом начал кричать Инар у входа и мне пришлось проснуться, хотя и очень-очень не хотелось этого делать...

Я беру его за руку и сжимаю его крепкую ладонь в своей руке. Как бы мне хотелось, чтобы сейчас он просто ласково меня потрепал по щеке и поцеловал, но... Мы должны быть примером... опять что-то кому-то должны... Я тяжело вздыхаю, понимая, что придется еще какое-то время подождать.

— Лорд спит, в платке у Дарка, они вчера здорово напились по моим данным, теперь отсыпаются. Я выпустила его не просто так, ми... командор, теперь у Энель будут глаза и уши в совете Империи, он согласился стать нашим агентом. Я думаю, что это был очень

выгодный обмен, моя месть, имеет исчезающе малое значение в сравнении с теми сведениями, которые смогут получить Хранители от такого агента. Разве я в чем-то не права, командор?

— Ты завербовала лорда Каста? — удивлению его нет предела. — Ты... Блистательный вербовщик, Мирра. Я не мог даже предположить, что ты сможешь совершить такое.

— Ооо, командор, вы еще плохо меня знаете, я еще и не на такое способна.

Я хитро ему подмигиваю и незаметно для всех остальных, совершенно по-детски показываю ему кончик языка. Он смотрит на меня с восхищением, и вожделением... Слова, что он хотел сказать, так и не срываются с языка, он просто улыбается и тихонько шепчет:

— Прекрати меня дразнить, я едва могу сдерживаться, когда ты так близко... А когда я представляю, о чем ты говоришь... Видишь, я уже задыхаться начинаю?

Его голос действительно дрожит. Я улыбаюсь.

— Я не могу тебя не дразнить... Хотя бы так невинно? — я несколько раз хлопаю длинными ресницами, потупив глаза.

— Безумие какое-то. Эй, вы двое, может хватит? Я все-таки тут стою... рядом и все слышу, — Инариэль не злится, он просто пытается нас образумить. — Оставьте свои любовные игры хотя бы до ночи, ну не при людях же?!

Его беззлобная речь, возымела свое действие, и мы разжимаем наши руки.

— Значит у нас есть шпион, — продолжает Кален деловую беседу. — Энель будет рада. Но сейчас нам нужно подготовиться к спешному передвижению, Мирра, собрать провизию и подготовить лошадей. Половину пути мы преодолели неспешно, теперь время поджимает. Берем по две лошади, одну вьючную, другую верховую, загонять их не будем. Идем быстрым маршем, но не до упаду. Привалы и отдых как положено, лошади нам еще пригодятся. Что там с картой, Инар?

— Готова почти твоя карта, командор. А кто встанет во главе второго обоза? Я не мастер командовать магами и наемниками.

Я закусываю губу. Инар действительно не полководец, он лишь проводник. Мойра? Нет, вряд ли имперцы будут подчиняться ей, а нам нужен порядок. Ответ пришел сам, на самом деле пришел. К поляне неровной походкой все еще пьяного человека ковылял Дарк. Я улыбаюсь. Все просто, имперцев должен вести имперец.

— А вот и наш предводитель второго отряда пожаловал, — делюсь я своим умозаключением с друзьями. — Ты будешь их проводником, Инар, ну а командовать ими будет Дарк, конечно после того, как придет в себя и, снабдив нашего агента всем необходимым, отправит его в обратный путь в Империю.

— Что вы тут опять замышляете? — стараясь говорить членораздельно спрашивает взъерошенный имперец.

Кален довольно кивает, Инариэль лишь пожимает плечами, мол делайте что хотите, мое дело их привести.

— Есть еще кое-что срочное, Кален, — напоминаю я. — Смотр нашего небольшого отряда. Мы должны убедиться, что больше нет зараженных и рассказать об опасности, чтобы предотвратить возможные последствия.

Он согласно кивает и уже через несколько десятков минут все наши новобранцы собрались вместе. Я быстро осматриваю энергетику каждого: первым делом отпускаю наемников, им обат не нужен, они простые рубаки. Остаются наши и имперские маги. Среди имперцев никто не попал под подозрение, энергетика чистая, никаких изъянов. Кален

смотрит на меня вопросительно, но я отрицательно качаю головой, он удовлетворенно кивает. Осмотр энергии магов Мойры принес еще большее удовлетворение, судя по всему, своих подданных пока было решено не травить, все они чисты. Итак, заражен у нас только несчастный парнишка. Закончив с этим делом, я быстро рассказала всем магам об опасности, которую несет в себе употребление красного обата и настоятельно порекомендовала избегать этих кристаллов, а в случае, если они наткнутся на них в продаже просила незамедлительно сообщать лично Инариэлю или Барри, которые потом получили четкие указания, что делать с торговцами и веществом. Парнишка должен был оставаться под постоянным наблюдением эльфа, когда мы разберемся с угрозой для Лоринга будет возможность заняться и его здоровьем, но пока что... Целое поселение людей было важнее, чем один юный маг. Выбор сделан.

Итак, все решено. Мы отправляемся собирать вещи, Инариэль пытается привести в чувства Дарка. На ближайшее время план составлен, остается его лишь воплотить.

Дорога в Лоринг.

Вечером того же дня, мы простились с попутчиками и вдвоем отправились в путь. Уже через несколько часов все мои травмы и ушибы дали о себе знать, и я взмолилась о привале. Слезть с лошади сама я уже не смогла, Кален помог мне, аккуратно поставил на землю и печально заметил, что я совсем никудышный теперь наездник. Я не стала с ним спорить, это было очевидно, но оправдывало меня лишь то, что я была в плену и подвергалась пыткам, после чего еще не до конца восстановилась. Решено было несколько часов передохнуть и проехать еще хотя бы немного, чтобы совсем не выбиваться из ритма. Кален развел небольшой костер и разогрел еду. Когда мы выдвигались я мечтала, что теперь то мы, наконец, будем одни и никто не сможет нам помешать, но уже первый переход показал, что все романтические настроения во мне исчезают с появлением боли. Кален лишь улыбался мне и придвинувшись ближе набросил на плечи теплый плащ, немного приобняв меня. Так мы просидели несколько часов, болтая о пустяках, но даже само его присутствие рядом придавало мне сил, вселяло надежду и преодолевая боль, через несколько часов мы вновь сели в седла и неспешным ходом отправились дальше. Следующий привал мы сделали, когда луна уже прошла большую часть небосвода и ночная прохлада сковывала движения, а противный внезапно застлавший все туман, ограничивал видимость. Кален опять помог мне спуститься с лошади, быстро разбил походный шалаш и гостеприимно приоткрыв полог, предложил мне немного поспать, пока он будет на страже. Он обещал меня разбудить, когда придет время, но, конечно, этого не сделал, давая возможность мне хорошо отдохнуть. Я проснулась сама, когда солнечный луч пощекотав мой нос, настырно уперся прямо в закрытые веки. Понимая, что уже давно пора выдвигаться я хотела наругаться на моего спутника, но он встретил меня все той же ободряющей улыбкой и сказал, что в следующий раз я буду дежурить всю ночь, пока он будет отсыпаться и таким образом мы будем квиты. Мы уже покинули лес и теперь наш путь лежал по достаточно хорошей дороге, вдоль бескрайних полей, покрытых молодыми ростками. Кален протянул мне теплый напиток, приговаривая, что это специальный сбор трав, придающий сил. Пахло это замечательно. Когда наши руки соприкоснулись, он лишь кончиками пальцев дотронулся до моих рук, нежно провел почти до локтя и, в порыве нежности коснулся губами моих волос. Я смотрела ему в глаза и видела все его чувства, всю заботу и нежность, всю любовь что питал он ко мне, всю боль, что он боялся мне причинить, всю теплоту, что мечтал он дарить только мне.

Я улыбнулась и потянулась губами к его губам, оставив горячую чашку в сторону. Я не помнила, какими были все прошлые поцелуи, в прошлых жизнях, но в этой, каждый его поцелуй окрылял меня, каждый был таким как первый, или как последний. Он страстно прижимал меня к груди, сдавливая в своих могучих объятиях, он не хотел меня отпускать, я видела это в глазах, но поцелуй опять был прерван.

— Мирра, — шептал он, прижимая мою голову к своей груди. — Я никому не отдам тебя, ты только моя, моя любовь. Я не могу без тебя сейчас, я не могу даже представить, что станет со мной без тебя. Я... Ты так нужна мне...

Он прикасается к моим волос, убирая непослушные пряди, а я смотрю как он судорожно пытается от меня отстраниться, чтобы соблюсти приличия, чтобы все было правильно.

— Я не хочу, чтобы ты подумала... О, духи, я хочу проявить терпение, чтобы доказать свое уважение к тебе, ты не трактирная девка, Мирра, ты достойна большего, я хочу дать тебе это большее, чего бы мне это не стоило, поверь, мне это не просто, каждый раз, когда я вижу тебя, когда я прикасаюсь к тебе, я хочу...

Я улыбаюсь ему, и нежно провожу ладонью по щеке.

— Ты хочешь сорвать с меня все и просто уволочь в укромное место, где сможешь воплотить все свои грязные мысли по многу раз?

— Ты несносная девчонка, но да, именно этого я и хочу, хочу целовать тебя, хочу слышать твои страстные стоны, хочу... я... Мирра, я менял все повязки, я делал все припарки я знаю каждый шрам на твоём теле, я... хочу покрывать их поцелуями без остановки, до полного изнеможения, когда мы тебя вытащили, когда мы смывали кровь и очищали раны, Мирра, я видел перед собой другое тело, не твое, не то, что однажды тайком я увидел в твоём домике в Лоринге...

— Ты негодяй, ты подсматривал за мной...

— Нет, я пришел поговорить, но ты уже спала, и я просто был ослеплен, я не мог пошевелиться, просто не мог отвернуться, ты была прекрасна во сне, я не решился тебя будить и просто любовался... И потом я вспоминал то, что увидел тогда и мечтал, что все вернется, что все твои раны останутся в прошлом, станут просто воспоминанием... Прости, я несущу чепуху, но твоя близость сводит меня с ума...

Он отодвигает волосы и горячие губы припадают к моей шее.

— Так может этой ночью мы не станем выставлять стражу, — заговорщицки шепчу я, нежась в его объятиях, словно на солнце, с удовольствием принимая его робкие ласки. — Кален, здесь никого нет, об этом никто не узнает, никто не будет осуждать нас, да даже если и будут, мне все равно...

Горячее дыхание на моей шее, объятия становятся все крепче, все настойчивее. Я понимаю, что он ждет ответной ласки и, в то же время боится получить желаемое.

— Пойдем, — тяну я его в шалаш. — Его тонкие стены укроют нас от любопытных глаз.

Он встает, но не делает больше ни шагу. Усилием воли восстанавливает дыхание, успокаивается.

— Нет, Мирра, нам надо выдвигаться, там люди, их жизнь зависит от нашей расторопности, у нас еще будет время, много времени, когда все это закончится, а сейчас нам пора в путь. Седлай лошадей, я сверну лагерь.

Опять, долг превыше всего. Но на сей раз я готова с ним согласиться. Хотя... впереди еще много стоянок, он не устоит рано или поздно...

Мы садимся верхом и вновь отправляемся в путь. Коротаем дорогу за разговорами, я

рассказываю ему о наших похождениях с Инаром и Барри. Рассказываю о встрече с бандиткой-эльфийкой в городе, о происшествии на площади, смеясь рассказываю о происшествии на приеме, умалчиваю лишь о платье — это пусть остается сюрпризом. Он смеется вместе со мной. Рассказывает о нашем дипломате Жасмине. Я изображаю ревность, на что он заливается громким смехом.

— Поверь мне, Мирра, если ты и можешь к кому-то ревновать, то только к Каре. Я не люблю изнеженных женщин, завоевать любовь воительницы гораздо сложнее и почетнее, чем добиться любви кисейной барышни...

— О, командор, так у вас богатый опыт, — поддразниваю я его.

Он смущенно опускает глаза.

— Достаточный, и однажды я весь его подарю только одной, тебе, надеюсь моего мастерства хватит, чтобы быть достойным твоей любви.

— Тебе не нужно мне ничего доказывать, тебе достаточно просто быть рядом со мной и любить только меня. О большем я и мечтать не смею.

Он лишь хитро на меня взглянул и улыбнулся.

— Ну, а ты, вольная эльфийка? Что расскажешь мне ты?

— Мне нечего тебе рассказать, воин.

— Так уж и нечего? Я должен быть готов, если вдруг всплывет прошлый избранник и предъявит свои права на тебя.

— Этого не случится, Кален. Единственный кто мог это сделать, стал духом, оберегающим меня.

— Прости, Мирра, этот шуточный разговор как-то сразу перестал быть шуточным...

— Все в порядке. Я еще и сама не знаю, как мне быть с этим, этот вопрос пока я не решила. По всем древним поверьям, принесенная нами клятва должна привести меня к смерти. Но Раир сам отказался от клятвы и ее исполнения, а я... Столько раз уже умирала, — я невесело усмехаюсь. — Что любая из моих смертей может считаться исполнением клятвы. К тому же... Такие клятвы приносили бессмертные эльфы в стародавние времена, а они не менялись с течением времени, я же... стала совсем другой. Я уже совсем не та дикарка, которая внезапно влюбилась в принца.

— В принца?

— Ты не знал? Впрочем, чему я удивляюсь, Раир никогда не бравировал своим титулом, даже я не знала, что он наследник трона эльфов, когда влюбилась в него. Но с той поры столько всего произошло, все так переменилось, и в первую очередь изменилась я... Я даже не знаю, как эта клятва может быть соотнесена со мной... Ведь теперь, когда я изменилась в моей жизни есть лишь один мужчина... Ты...

— А как же Инар? Он тоже страстно любит тебя и я не поверю, что за все время странствий вы с ним..

— Кален, какой ты... ужас... Ты и правду так думал, ты думал, что я и Инар?

— А что прикажешь мне думать? Вы странствовали вместе многие месяцы, я знаю, что он будет лишь счастлив, тем более, что я наговорил тебе такого напоследок и сам сказал, что мы никогда не будем вместе.

— И все это время ты тайно меня ревновал к Инариэлю. Чудак ты, человек. Инариэль добрый друг, но не более того, правда один раз мне приснился сон, который я не стану тебе рассказывать, но даже в этом сне, я выбрала тебя. Я всегда выбирала тебя. Я знала, что придет время, когда закончится твое «никогда», ну или мне очень хотелось в это верить.

Мы прервали разговор, когда увидели приближающихся всадников. Кален проверил как выходит меч из ножен и пустил коня помедленнее.

— Постараемся разобраться миром с этими лихачами. Если что, держись за мной.

Я лишь хмыкнула и достала один из ножей.

— Ты забываешься, командор. Я все-таки женщина, расположения которой ты так долго искал, а значит, я воительница.

Он улыбнулся. Через несколько минут всадники поравнялись с нами.

— Кто такие? — не слишком дружелюбно начали они разговор.

Кален расправил широкие плечи.

— Мое имя Кален, я командор Видящих. И в данный момент сопровождаю даму к месту ее назначения, — ответил он спокойно и с должным пафосом, чем вызвал у меня скрытую усмешку.

— Видящий, а по символике похоже, что принадлежит твоя дама к ордену Хранителей, — сменив грубый тон на заискивающий вновь заговорил всадник. — Нам бы тут Хранители пригодились, но и от помощи Видящего мы не откажемся. Беда в деревне, что дальше по большаку, демоны одолевают, лезут сквозь эту дыру, кучу народу уже положили, вот мы и рванули в поисках помощи, но где ее искать, у всех одни и те же беды, а как справляться с ними... только вроде Хранители могут помочь.

— Разлом? — встряла я в разговор. — Веди, да только держись поодаль как подъедем. Поможем мы тебе.

Кален лишь вздохнул и покачал головой, но перечить не стал. Наши проводники развернули коней и помчались во весь опор. Мы тоже пришпорили своих скакунов.

— Мирра, это безрассудство, там может быть засада.

— Я проверила, Кален, впереди действительно разлом. Мы не можем их бросить, они тоже люди, тем более, что нам все равно по дороге.

Он согласно кивнул. Когда мы уже приблизились, и я почувствовала разлом, я спешила. Лошади бояться демонов, не хватало мне погибнуть из-за взбрыкнувшей лошади. Кален последовал моему примеру и обнажил свой огромный меч. На секунду у меня в мозгу вспыхнула мысль совершенно не о демонах, но я взяла себя в руки и тоже обнажила близнецов. Наши проводники остались за спиной, понимая, что дальше им делать нечего. Меня начало трясти от боевого азарта, я с улыбкой подумала, что это будет мой первый разлом, после того, как все изменилось. Мы медленно приближались, когда на нас из кустов налетел первый демон. Один из низших, видимо не рассмотрел, что в руках у нас далеко не вилы и топоры. Реакция Калена была мгновенной, несколько широких взмахов и демон растворился, словно и не было его никогда. Я услышала завывания демона гнева. Опять огонь...

— Кален, там Гневный, пока больше никого не различила, скорее всего из высших он там один. Тебе мелочевка, я с большуном сама справлюсь.

Он хотел возразить, но потом кивнул в знак согласия. Он все-таки признал во мне воительницу. Разлом был совсем рядом с деревней, я видела дома за расплывчатым маревом энергии смерти. Осторожно продвигаясь мы наткнулись еще на несколько мелких демонов и справившись с ними пошли дальше. Демон гнева был уже виден во всей красе. Тогда я окликнула его.

«Эй, ты. Что надо тебе в этом мире?»

«Кровь!» — пророкотал он у меня в голове.

«Убирайся, или мне придется тебя убить. Ты же не хочешь умереть еще раз»

Он лишь засмеялся. Демон, что с него возьмешь. Совсем не соображает с кем разговаривает. Никаких манер. Вспоминая все прошлые тренировки и полученные знания, несколько метательных ножей находят слабые места, впиваясь в сущность демона. Меня окружают мелкие противные твари, но это не моя забота, спину прикрывает Кален, более надежной защиты, просто не придумать. Прорываюсь к старшему демону, буквально перелетаю через эту мелкую пакость. Несколько точных ударов и демон взывает сильнее, чем вызывает у меня лишь улыбку. Бой не продолжался долго, мое мастерство не уменьшилось, даже наоборот, ведь теперь я помнила все, весь свой боевой опыт из прошлых жизней. Все просто. Быстрое движение вперед, укол, отступление, разворот, уход, нападение и решающий удар. Демон осыпается кучкой пепла к моим ногам. Даже дыхание не сбилось. Еще несколько живых тварей пытаются удрать от Калена, быстро вступаю в эту игру и заканчиваю их беготню. Осматриваюсь, все тихо. Энергия разлома говорит, что больше никого нет, второй волны не будет, можно закрывать. Чистая энергия жизни вливается в меня потоком, который я с легкостью направляю на благое дело. Золотистая рябь покрывается голубым заревом, и рана на теле мироздания затягивается. Разлома больше нет. Но я знаю, что есть раненные, те кому я еще могу помочь. А значит это еще не конец. Спешным шагом иду к деревеньке, вот в кустах кто-то стонет. Молодой парень все еще держит топор одной рукой, другой, пытается свести вместе рваные края раны на животе.

— Я помогу, — говорю я. — Отпусти руку.

Энергия жизни. Как же приятно снова помогать людям, лечить их. Жаль, что не всем я могу помочь. Рана затягивается прямо на глазах у изумленного парня. Остается лишь тонкий розовый след, я не слушаю благодарностей, иду дальше. Рядом тяжело вышагивает Кален.

— Найди проводников, пусть помогут собрать всех раненных в одном месте, я больше времени потеряю пока буду их искать по закоулкам.

Его шаги удаляются, даже спорить не стал. На одном дворе вижу, женщину, прижимающую к себе ребенка, у того пробита голова, но еще жив, я еще могу спасти. Женщина рыдает. Только с толку меня сбивает своими воплями, но я могу ее понять. Аккуратно прикладываю руки к ране. Живительный голубой поток, все исправляет в мгновение ока. Убираю руки. На меня удивленно смотрят большущие карие глаза девочки лет четырех-пяти. Только что она умирала, вот и кровь на руках и одежде матери говорят об этом, а теперь ей даже не больно. Ободряюще улыбаюсь малышке и легким прикосновением энергии жизни успокаиваю ее мать. Теперь все будет хорошо. Спешу дальше, пока онемевшая от удивления женщина еще не нашла нужных слов и не начала цепляться за меня с благодарностями. Когда возвращается Кален, я успеваю залатать еще человек пять-шесть.

— Мирра, всех собрали, некоторые еще осматривают дома, но ты можешь уже идти, всех найдут и принесут туда.

Киваю и иду следом за ним. Чувствую уже легкую слабость, слишком много всего и сразу, я лишь третий день на ногах после нескольких месяцев плена и пыток, но останавливаться нельзя. Кален, словно чувствует меня, аккуратно поддерживает меня за локоть, помогая идти. На главной деревенской площади толпа людей, кто-то стоит, кого-то уже принесли на носилках, кто-то цел, пришел просто поглазеть. Сперва тяжелые. Их человек пятнадцать. Один-два, три. Этим я уже не помогу. Остальных поставлю на ноги. Голубое свечение наполняет меня. Аккуратно расходую силы, чтобы совсем не свалиться. Ноги, руки, животы, плечи, головы, ожоги и переломы. Начинает кружиться голова, но

останавливаться нельзя. С тяжелыми все. Показываю на троих, с сожалением говорю, что им уже не помочь. Теперь остальные. Мужчины, женщины, подростки и совсем маленькие дети, бесконечная череда увечий. Все они умерли бы в ближайшее время не окажись я поблизости. Не время гордиться собой, еще многое нужно сделать. Подносят еще нескольких тяжелых. Всем помогая, глаза уже не видят, прошу Калена подсказывать у кого какие раны и прикладывать мои руки к нужным местам. Еще немного такого напряжения и я сама стану духом, добрым, но мертвым.

— Мирра, девочка, все. Ты все сделала. Возвращайся, — слышу тихий шепот над ухом. Только вот это мне кажется шепотом, на самом деле он крепко сжимает мои плечи и трясет, крича при этом.

Я не могу вернуться, не получается. Как и энергия смерти потоком тянула меня в мир духов, так теперь утягивает энергия жизни, я уже не различаю где я, а где источники энергии. Я везде и меня нигде нет. Надо отдыхать. Очень медленно начинаю отличать реальность от энергетических потоков, выбираю нужные направления и мысли, чтобы вернуться. Я не знаю сколько прошло времени. Когда у меня получается открыть глаза, мои глаза, Кален все так же держит меня в объятиях и что-то бормочет. Зрение вернулось, слух пока нет. Темнеет уже. Кажется, вся деревня стоит вокруг нас толпой, наблюдая и сопереживая. Слабо сжимаю руку Калена давая понять, что самое страшное уже позади. Я возвращаюсь. Он улавливает мое движение и припадает губами к моим волосам.

— Слава Создателю, ты вернулась.

Смешно, могла бы засмеяться бы. Создатель, которого ты благодаришь, любимый, это ты и есть. Бывает же. Ну вот, уже могу дышать и даже чувствую, как наполняются вечерним воздухом мои легкие. Все могло быть и хуже, наверное. Но проверять я бы не рискнула.

— Скольких я смогла спасти?

— Несколько десятков, Мирра. Не выжили человек шесть. Ну и те, кто умер до нашего появления. Ты почти всю деревню на ноги поставила. Ты молодец. Только вот меня ты напугала в очередной раз. Встать сможешь-то?

— Только если с твоей помощью.

Он помогает мне подняться на ноги, точнее ставит меня. Ноги подгибаются, под тяжестью моего тела, он поддерживает меня за талию, забрасывает мою руку себе на плечо.

— Давай-ка, я лучше тебя понесу. Так мне спокойнее будет.

К нам подходят человек пять отделившиеся от толпы.

— Господа, уважаемые, мы так вам признательны, вы спасли нас, да еще и залатали всех, да так, что как новенькие, вот чудо из чудес-то. Так не побрезгуйте гостеприимством, госпоже-то отдых нужен. А мы все предоставим и кров, и стол, и чистую постель, всем постараемся угодить, спасители вы наши.

— Будем вам признательны, добрые люди, ей действительно сегодня в седло уж не сесть, — спокойно отвечает Кален. — Да и от славного ужина мы не откажемся, а за вино так и еще раз спасибо скажем.

— Все будет, — засуетился пожилой человек. — Все сделаем как положено, господин, добро пожаловать в мой дом. Я-то старостой буду, мой дом самый большой во всем селе. Сейчас жена на стол соберет, а я за вином к соседу сбегая. Пожалуйте за мной.

И он засеменял прочь. Кален улыбнулся.

— Какой забавный. Так ведь у него на языке и крутилось в одной нам комнате стелить или в разных, но спросить не решился.

— А что бы ты ответил? Я надеюсь заслужила твою благосклонность и ты бы не оставил меня одну в чужом доме?

— Конечно мы будем спать в одной комнате, я с тебя теперь глаз не спущу. Просто ты на кровати устроишься, а я на полу растянусь.

— Ты, нехороший, — констатировала я. — Такой момент, и ты опять все портишь.

Он не ответил, лишь глубоко втянул носом воздух, прижавшись к моим волосам.

Дом старосты не поражал убранством, но был добротный и просторный. Хозяйка уже накрывала на стол, когда Кален попросил принести ему воды, чтобы обмыть мне руки, на которых уже запекалась чужая кровь, кровь десятков людей, которым я сегодня помогла.

Заторопилась хозяйка, и пока хозяин проводил нас в комнату, и сказал, что они ожидают нас к столу, там стоял полный таз теплой воды. Дверь за хозяином закрылась. Кален опустил мои руки в теплую воду.

— Вот бы сейчас ванну, да с душистыми травами, — мечтательно заметила я.

— Меня возьмешь с собой? Я бы тоже не отказался.

— В твоей компании я бы согласилась и на прохладный горный источник, только вдвоем, в прозрачной, холодной воде. Совершенно голые и никого вокруг... что бы мы там делали?

— Точно не плескались, ну или не только плескались.

Пока мы болтаем он моет мои руки. Я уже могу это сделать и сама, но не признаюсь, наслаждаясь его вниманием и заботой.

— Ну, все. Можем идти к столу. Я что-то проголодался и не откажусь от мяса и вина. Тебе помочь?

— Не стоит, я уже и сама справлюсь.

Поднимаюсь на ноги, голова уже не кружится, ноги уже держат. Делаю несколько шагов. Да, уже все в порядке. Только вот на одежде кровь, надо бы переодеться, чтоб людей добрых не пугать. Кален все понимает и достает из седельных сумок сменную одежду.

— Ты переодевайся, а я за дверью тебя подожду.

Он просто невыносим в своей тактичности. Нет чтобы мне помочь, так нет ведь. Быстро сбрасываю с себя все и замираю, рассматривая свое тело. Это только я могу лечить, почти не оставляя шрамов, остальным это не под силу. Меня словно разорвали на куски, а потом опять сложили и кое как сшили. Шрам на шраме, след на следе. Не осталось и следа от той нежной, бархатистости, что была когда-то.

«Для него это не важно, Мирра. Он не заметит этих следов, а они постепенно пройдут. Инариэль, конечно не может управлять энергиями и залечивать быстро и незаметно, но его мази все равно подействуют и через некоторое время шрамы заживут, все вернется, и станет почти таким, как было.»

«Раир, подсматривать и подслушивать чужие мысли — нехорошо»

«Ничего такого я не делал, Мирриэль, к тому же ничего нового для себя я не увидел. Должен заметить, что за вами очень интересно наблюдать, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не хохотать в голос. Вы такие забавные, когда пытаетесь перешучиваться на такую серьезную тему. Готов поспорить, что его порядочность не уступит твоему натиску и впервые он овладеет тобой, только когда над вами произведут эту высокопарную церемонию. Но это все равно, очень забавно.»

«Да уж, готова с тобой согласиться. Эх, бедная я несчастная. Но тебя-то я смогла соблазнить, может и с ним получится?»

«Не хочу тебя расстраивать, но я был рад тебе уступить, а вот он... Не мужчина — скала. Даже не знаю завидовать такой стойкости или сочувствовать. Могу тебя утешить, он просто еще не может себе представить от чего отказывается.»

«Хватит уже потешаться, дух. Мне пора идти кушать и пить вкусное вино. Я это заслужила.»

«Безусловно, дорогая, наслаждайся. За спасение всей деревни ты заслужила даже больше, но не думаю, что его этот аргумент убедит. Хи-хи-хи»

— Эй, вы там, напоминаю, что я стою за дверью и сам не знаю какого демона, но слышу ваш разговор! — раздался приглушенный и раздраженный шепот за дверью. — А вы болтаете как две подружки, никакого стыда!

«Ой-ей! Я и забыл про это. Прости, дружище. Замолкаю»

Я, сдерживая смех, продолжаю одеваться. Уже надев рубашку, начинаю ее завязывать и замечаю ожог на плече, отодвигая ткань закусываю губу, сдерживая стон, не ожог это, совсем не ожог, клеймо у меня на плече. Значит это мне не привиделось, это действительно было. В ужасе от обнаруженного застываю и медленно сажусь на кровать. Да уж, не надеть мне единственного платья, которое у меня есть, с такими следами по всему телу. Лицо, шея, руки и плечи все это покрыто шрамами и рубцами, ожогами, да еще и на плече клеймо. Красотища... «Усталость дает о себе знать, не могу сдерживаться, быть беспристрастной, начинаю совсем по-детски хлюпать носом, пытаюсь удержать льющиеся слезы.

За своими эмоциями не замечаю, как тихо приоткрывается дверь, Кален заглядывает внутрь.

— Мирра, ты... Ты что?

Он подходит ко мне, опускается на колени, приподнимает мне подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

— Что случилось?

— Ты еще спрашиваешь? Что случилось? Это случилось, — в ярости я закатываю рукава, указывая на шрамы. — Это случилось, — я поднимаю рубашку, указывая на рубцы. — А еще и вот это, — я отодвигаю рубашку и указываю на клеймо. — А больше ничего не случилось... Ничего, я просто... заклеямена, как рабыня, как животное какое-то...

Кален ловит мои руки, прижимает их к своим губам.

— Перестань, Мирра, дух правду сказал, мне это безразлично, это не имеет значения, слышишь? Для меня... ты... самая красивая, самая лучшая, — в порыве нежности он обнимает меня за шею и притягивает к себе, целует мои дрожащие губы, ловит горячими губами катящиеся по щекам слезы, заглядывает мне в глаза. — Тебе нужны доказательства, кроме моих слов?

Уверенным движением он отодвигает ворот моей рубашки, обнажая плечо, и припадает губами к рубцам. Горячее дыхание обжигает мою кожу, слезы сами высыхают на щеках, мое дыхание срывается, сердце бешено колотится в груди. А обжигающе горячие руки мужчины уже ласкают мою спину, нарушив собственные запреты, он запустил руки мне под рубашку и ласкает обнаженное тело. Голубой огонь его глаз лишь на секунду задерживается на моем лице, потом сильные руки подхватывают меня под мышки и укладывают на кровать. Он склоняется надо мной, медленно поднимает рубашку покрывая поцелуями каждую частицу моего тела. Все выше поднимается рубашка, все более страстными становятся поцелуи. Мои пальцы впиваются в его плечи, я прижимаю его голову к своему животу, запускаю пальцы в его густые волосы. Жар его рук обжигает, огромная ладонь ложится на мой живот вызывая

мгновенную остановку сердца. Он приподнимается и заглядывает мне в глаза.

— Ты..., - шепчет он, все еще лаская меня. — Ты просто обворожительна.

Но, видимо, слова не могут выразить всех его чувств, он недовольно качает головой, глаза его горят страстью, и он вновь склоняется надо мной. Движения его становятся все более порывисты, он уже не медлит, не застывает при каждом прикосновении, приподнимая меня одной рукой, другой он стаскивает уже лишнюю рубашку с моего тела. Страстный огонь голубых глаз сжигает меня, пожирает своим пламенем. От теплого дыхания и нежных прикосновений мгновенно твердеют соски, мой любовник нежно припадает к одному из сосков влажными губами. Все происходит так внезапно, никак я не ожидала такой бурной реакции на свои сомнения, но он не собирается останавливаться, вулкан страстей, что бушует внутри меня уже ищет выход: я всем телом откликаюсь на каждое его прикосновение, каждая клеточка стремится быть ближе к нему, стать частью его, я так боюсь, что он вновь решит отступить, что впиваюсь пальцами в матрац, комкая простыни в попытках вырваться из его объятий, чтобы взять инициативу в свои руки и не позволить этому прекратиться. Но мне не совладать с этой медвежьей хваткой, он лишь смеется, наблюдая за моими тщетными попытками уголками глаз. А каждое прикосновение отзывается взрывом эмоций в голове, голова словно в тумане и глухим набатом стучит где-то в животе сердце, замирая через раз. Я пытаюсь сорвать рубашку с него, но руки немеют и опускаются, когда меня уносит волна экстаза. Он замирает на несколько секунд, давая мне перевести дыхание, но лишь я начинаю дышать, он продолжает мои сладкие муки. Уверенный рассчитанным движением, он освобождает меня от пояса и медленно, неуклонно и очень нежно, двигаясь все ниже и ниже, освобождает мои ноги от одежды. И вот я лежу перед ним совершенно обнаженная, и понимаю, что сама не смогла стянуть с него даже рубашку, он полностью одет и совершенно неприступен. Он смотрит на меня и улыбается, а потом нежно опускается к моим ногам и начинает целовать пальцы, ступни и лодыжки. Горячая рука обжигает мне бедро, нежные поцелуи покрывают все тело. Я забываю дышать, еще совсем немного, чуть-чуть выше и я... я не знаю, что со мной станет, если только он решится... Я боюсь спугнуть такую нежданную решимость и сдерживая стоны, кусаю свои губы. Как бы мне хотелось сейчас забросить ноги ему на шею, но он не позволяет, он крепко держит мои лодыжки сжимая их своими ногами. Он играет со мной, конечно он знает, чего мне хочется, но не станет потыкать моим желанием, так быстро... Все размеренно, все продуманно, он хочет, чтобы я сорвала голос, к тому моменту, когда он позволит мне раздвинуть ноги, хочет просто наблюдать за моим телом бьющемся в экстазе, чтобы, когда придет время, доказать, что это было только начало, только подножие, той горы, на которую он собирает меня вознести. Нежные губы обжигают мои бедра, а единственное что я могу сделать это вцепиться в его плечи... Веки опускаются сами собой, со стоном шепчу его имя, умоляя продолжать... В ответ доносится гадкий смешок, я уже слышала такие, но... такого не может быть, в ужасе распахиваю глаза. Гаденько улыбаясь, показывая пеньки своих желтых зубов на меня смотрит Мастер. Нет никакого дома старосты, никакой комнаты, никакой постели со смятыми простынями и мягким матрасом, меня окружает полумрак подземелий, каменные стен увешаны орудиями пыток, а сама я прикована к пыточному столу и истекаю кровью.

— Что такое, ты наконец то решила меня попросить? Ты все-таки хочешь меня? Ты сдалась.

— Нет, нет, Кален...

— Ты забыла? Еще вчера мы с тобой были у стены, ну чтож, значит сегодня сходим еще разок, посмотрим, что осталось от голов твоих спасителей, раз у тебя такая короткая память...»

Нет-нет, нет, этого не может быть, это все не правда... я не могла... неужели мне все привиделось, они все были живы и Кален говорил, что любит меня, мы спешили в Лоринг, я сама убила Мастера, а Инар, повел имперцев и магов в новую крепость... Неужели это все мне лишь почудилось? О, Боги, как я хочу умереть!!!»

Теплая ладонь коснулась моего плеча.

— Мирра, очнись! Это кошмар!

С криком открываю глаза. Мягкий свет в маленькой комнатке, смятая простынь на постели, куча грязной одежды на полу. И Кален... смотрит на меня встревоженно. Забыв о всех приличиях бросаюсь к нему на шею.

— Сон, мне приснился сон...

Он улыбается и гладит меня по растрепанным волосам.

— Я так и понял, ты очень устала. Но, видимо, сперва сон был хорошим, и лишь потом превратился в кошмар. Я вошел, когда услышал твой крик, ты звала меня...

— Долго я спала?

— Несколько минут...

— Я видела клеймо у меня на плече и... Очень расстроилась...

Он смотрит на меня очень серьезно.

— Я слышал ваш разговор с духом, Мирра. И могу лишь подтвердить его слова. Инар сделал все, что было в его силах. Все постепенно перестанет казаться таким ужасным, а теперь, закрой глаза, — он прикрывает своей ладонью мои глаза. — Видишь ли, Мирра, я не совсем человек.

Я лишь улыбаюсь, нашел чем удивить, я тебе больше бы сказала, мой дорогой, ты совсем не человек, просто пока еще ты сам этого не знаешь. Но он, конечно, не слышит моих мыслей и продолжает.

— Когда мы проходим обучение, каждый из нас воспринимает это по-разному, у каждого открывается свои способности, но есть кое-что общее: мы Видим суть человека, а не внешнюю оболочку. Наверное, это похоже на твою способность видеть энергии. Мы все видим истину, поэтому, так же как ты сейчас не видишь своих шрамов их не замечаю я, — он опускает руку и садится на кровать. — Со мной в последнее время тоже творится что-то неладное, если раньше, мне требовалось сосредоточиться и вызвать эту возможность, то с недавнего времени, я... мне нужно постараться, чтобы видеть оболочку, для меня все вокруг превратилось в сгустки энергий, чувств, эмоций, я не различаю лиц, я вижу только сущности, наверное, церковь назвала бы это душами, но я не знаю, что это, я знаю только, что это индивидуально и я уже научился различать всех близких и знакомых по таким образам. Помнишь я говорил, что не вижу тебя... Теперь я могу тебя Видеть, раньше, я просто не мог... Как бы это сказать... Я не был, видимо, готов, Видеть такое... Твой образ, Мирриэль, самый чистый, из всех что я видел, ослепительно белый, иногда мне сложно смотреть на тебя, так ты сияешь, а иногда я не могу оторвать от тебя глаз. Когда ты переживаешь или волнуешься я вижу рябь на твоей сущности, но даже она, хоть и приглушает сияние, не изменяет его цвета, ты просто... особенная. Даже самые черные мысли, воспоминания и чувства не делают тебя хуже, это как... минутная слабость, просто порыв ветра... Я не знаю, как это описать, я воин, а не поэт. Я все это к тому говорю, что все

твои шрамы, для меня лишь иллюзия, я их не вижу, и прикасаясь к тебе, — он аккуратно проводит рукой по моему плечу, его ладонь останавливается как раз в месте где стоит клеймо. — Я чувствую только исходящую от тебя нежную прохладу, я вдыхаю запах твоего тела, когда ты рядом, ты словно поток свежего воздуха, после смрада затхлого подвала, поток родниковой воды, в испепеленной пустыне, я не представляю, почему ты переживаешь, потому что для меня ты... смысл жизни, наверное, я не могу подобрать других слов. А шрамы на твоём теле постепенно пропадут и тогда все будут видеть в тебе только то же самое, что вижу я. Просто я вижу это уже сейчас, а всем остальным потребуется некоторое время. Вот...

Я смотрю на него удивленно, он всегда утверждал, что воин не может говорить красиво, а тут столько всего в одной речи. И я понимаю, что он ничуть не кривит душой, не успокаивает меня, он действительно все видит именно так, как описал, он видит души, бессмертные души, поэтому он стал лучшим в своем ремесле, невозможно обмануть человека, который видит тебя насквозь. Но это закономерно, я вижу энергии, потому что это моя стихия, а его стезей всегда были человеческие души и сердца...

— Нас уже давно ждут у стола, Мирриэль, все хотят тебя отблагодарить, так что давай-ка заканчивать с этим всем, а то я несколько неловко себя чувствую, и пойдем принимать благодарности, пить вино и кушать.

— Конечно, — я поспешно оканчиваю одеваться. — Прости, что напугала тебя, но этот кошмар...

— Ты можешь мне не рассказывать, Мирра, я представляю в какой ситуации ты могла выкрикивать мое имя таким образом, с такой надеждой... Ничего не говори — это просто сон. Идем уже.

Он берет меня за руку, и мы спускаемся вниз. У камина в углу накрыт стол, теплые яркие язычки пламени создают неповторимый уют и дарят свет и тепло всему помещению. На стенах висят охотничьи и рыболовецкий трофеи, видимо, хозяин любит принимать здесь гостей и рассказывать им истории про каждый экспонат, а теперь, благодаря нашей помощи, он сможет делать это и дальше. Этот гостеприимный дом не опустел, в нем опять горит свет и очаг, за дверью слышен детский смех, в сенцах топчутся люди, желающие высказать нам свою признательность. Это так удивительно, я сама поражаюсь, как все взаимосвязано, ведь задержись мы в пути на несколько часов, или пройди мы несколькими днями раньше, и эта деревня вымерла бы вся все эти люди... Равновесие?! Или судьба?! Как это назвать, почему я должна была оказаться именно здесь и сейчас, чтобы спасти именно этих людей? Или может быть я должна была спасти кого-то одного? А разве это имеет значение? Главное, что я сделала свое дело, а почему должно было случиться именно так... наверное, мы не узнаем никогда, или узнаем, но гораздо позже и сможем ли мы связать два события — еще неизвестно.

Наш любезный хозяин уже встречает нас, его жена хлопчет, у стола.

— Вы покушать сперва хотите, наверное, так я люду скажу, чтоб во дворе подождали, а то вы с битвы, да с дороги, вам бы дух перевести...

— Ничего, — говорю я. — Мы с радостью разделим стол и кров со всеми желающими, если твой дом их вместит.

— Дом-то не вместит точно, а вот ежели на двор выйти, там и свадьбы гуляли всей деревней не раз, всем места хватит.

— Вот и славно, повод-то не хуже, чем не свадьба?

Народ загомонил и высыпал на двор, уже через несколько минут закипела бурная деятельность, появились столы и скамьи, женщины бросились по домам за снедью и выпивкой, пока мужчины устраивали место для пиршества. Мы не принимали в этом участия, лишь наблюдали со стороны. Тогда ко мне и подошла женщина с девочкой, той самой, которую я исцелила. Я улыбнулась и присела рядом с малышкой, когда она несмело дотронулась до моей ноги.

— Ну, здравствуй, как ты себя чувствуешь?

Девочка робко улыбнулась и посмотрела на мать, та лишь кивнула. Девочка обняла меня за шею и поцеловала в щеку.

— Ты спасла меня, мама больше не плачет, мне совсем не больно. Ты очень добрая и хорошая. А еще ты очень красивая. Я хочу стать такой же хорошей, как ты, когда вырасту, я тоже буду учиться сражаться мечом с монстрами, чтобы спасти людей.

Я обнимаю ее в ответ, на глазах стоят слезы.

— Не нужно тебе это, спасти людей можно по-разному, не только мечом, но и словами и добрыми делами, и с меньшим риском, чтобы твоя мама не волновалась...

— Ты очень смелая и сильная, мама говорит, что таких как ты еще не встречала, — она проводит ручкой по моему лицу, мягкая пухлая ладошка оставляет приятное ощущение тепла. — Я принесла тебе подарок. На, это моя любимая кукла, но мне совсем, ни грамочки не жалко подарить ее тебе, у тебя, наверное, нет никакой куклы...

Она протягивает мне игрушку в ярком платье, видимо, ее мать ни одну ночь провела за работой, чтобы сделать такую красоту для дочери. Я беру куклу и, рассматривая ее собираюсь отказаться, но в глазах девочки читается такая решимость и еще радость, что я, взрослый человек, воин, а не отказалась от ее нехитрого подарка, что слова застревают у меня в глотке.

— Спасибо, детка, ты права, у меня нет ни одной куклы, и я даже не помню были ли когда-то. Она очень красивая, я буду хранить ее, как память о тебе. Хорошо?

Девочка задумывается на минуту, а потом говорит очень тихо.

— Куклы нужны, чтобы с ними играли, поэтому ты ее побереги, пока у тебя с твоим мужем, — и она совершенно серьезно смотрит на Калена. — не появится дочка, а потом пускай она с ней играет. У вас же будут дети? Правда? Вы оба такие красивые и так любите друг друга, а мама говорит, что дети только от любви и появляются.

Я смущенно смотрю на Калена. Он перехватывает мой взгляд и улыбается, тоже опускаясь на колени рядом с девочкой.

— Конечно у нас будут дети, но немного попозже, когда мы закончим помогать другим людям, которые попали в беду. Но, я тебе обещаю, что обязательно передам эту куклу нашей дочери, и я надеюсь, что она станет такой же хорошей, доброй девочкой, как ты.

Он треплет девочку по щечке и улыбается ей. Мать стоя в сторонке наблюдает за всем сквозь слезы. И когда девочка отходит от нас, приближается она.

— Я так вам благодарна, вы простите ребенка, коль она что-то не то сказала. Я не знаю, как мне выразить свою благодарность, денег у меня немного, но вот, — она протягивает несколько медяков, — примите, пожалуйста, это все, что есть.

Кален лишь качает головой.

— Нам не нужны деньги, женщина. Мы делаем это не за награду. Самой большой наградой для нас будет улыбка твоей дочери и твоя. Осознание, что мы спасаем жизни, выше любых денег. Так что оставь эти деньги себе и вот еще, — он достает из-за пояса несколько

золотых монет. — Ты их сбереги, и когда придет время, подари своей дочери от нашего имени, с пожеланиями любви и счастья.

Женщина расплакалась, начала отказываться, но Кален положил монеты ей в ладонь и сжал ее с улыбкой.

— Подарок твоей дочери гораздо ценнее всех монет, которые я когда-либо держал в руках. Так что бери.

Женщина благодарит и отходит от нас.

— А ты говоришь, что не умеешь красиво объясняться, — толкаю я его в бок. — Теперь ты станешь героем для всего этого семейства на несколько поколений вперед.

— Мирра, — очень серьезно отвечает он. — Если мы не выстоим в этой войне, если мы не одолеем нашего врага, ни у этой семьи, ни у какой другой не будет поколений. Ты же понимаешь это? Осознание этого постоянно меня преследует.

— Мы должны торопиться, — киваю я, — передохнем, всего одну ночь, и отправимся. Мы справимся, Кален, мы сможем. Ради них всех, ради тысяч таких же как они, которые уповают на нас. Мы не можем отступить.

Люди подходили к нам по одному, парами, семьями, все несли благодарственные дары, но мы отказывались от всего, кроме провизии, которую можно было взять в дорогу, и одежды для меня, поскольку у меня постоянно был недостаток в этом. Всех остальных мы благодарили и объясняли, что не ради выгоды мы помогаем людям.

Потом все сели за столы. Лилось рекой вино, похоже, что деревенские опустошили все свои закрома ради такого случая, столы ломились от простой, но вкусной еды. Это не было похоже на пир знатного рода, здесь все были одной семьей, шутили, смеялись. Потом начались песни и танцы. Я так и не смогла уговорить Калена потанцевать, зато со мной танцевали все мужчины деревеньки от прыщавых юнцов, у которых еще только пробивались первые усы, до седых старцев, путавшихся в своей бороде. Когда все уже достаточно много выпили, я спросила есть ли лютня, внезапно я вспомнила, как умела на ней играть, как отец заслушивался моим пением. Один из старцев вспомнил, что есть у него такой инструмент, через несколько минут его внук принес старую лютню, на ней давно никто не играл, но инструмент был исправен. Я с трудом настроила инструмент и пальцы мягко легли на струны. Я запела эльфийскую балладу о любви. Как и все эльфийские песни она была очень длинной и очень мелодичной и хоть они не понимали ни слова из произнесенного мной, все уловили эмоции, передаваемые песней. Даже Кален сидел, подперев голову рукой и смотрел на разгорающиеся звезды с мечтательным выражением на лице.

— Надо же, — заговорил староста, когда смолкли последние ноты. — Как красиво-то, а мы хоть и живем совсем недалеко от эльфийских владений, но никогда не слышали их песен, мы боялись эльфов, не считали их врагами, но и в дом не спешили звать, а они вон какую красоту могут творить, заслушаешься. Надо бы с ихним старшиной поговорить, наладить связь, рассказать про вашу милость, про то, что мы поняли, как сильно были не правы, если они только захотят нас слушать...

Я улыбнулась.

— Мои родичи — гордый народ, это правда. Но они умеют мыслить здраво. Скорее всего, они откажутся от любой вашей помощи, но вот от взаимовыгодного сотрудничества — вряд ли, в лесах много дичи, но мало тканей, торговля — поможет вам наладить сотрудничество, а где сотрудничество, там и до дружбы недалеко. Вам нужно будет рассказать им о нападении на вашу деревню, рассказать о нас, и сказать, что в рядах

Хранителей раса не имеет значения, там встречаются и встают плечом к плечу, те, кому важен этот мир, кто готов его защищать.

— Да и вообще, люди. Через несколько дней, этой же дорогой будет идти наш отряд. Очень странный отряд во всех отношениях. Возглавляют отряд маг-эльф и имперец. Они отправляются в новую крепость Хранителей, я бы рекомендовал тем из вас кто изъявит желание помочь в нашем деле присоединиться к ним. Берите пожитки, семьи и присоединяйтесь к ним. Древние эльфийские стены станут надежным укрытием, дадут приют всем, кто будет его искать. Юноши и мужчины смогут вступить в воинские ряды и проходить обучение под руководством лучших воинов Видящих и Ищущих, если пожелают, но кроме воинов нам нужны будут и портные, и землепашцы, и прочие мирные поселенцы, которые будут обеспечивать крепость. Женщины найдут надежное убежище для себя и своих детей, а у девушек, будет выбор среди достойных женихов. Мы начинаем новую жизнь, с новыми правилами на новом месте, мы будем рады видеть каждого из вас, в наших рядах. Вот.

Уже изрядно захмелевший Кален поднял кубок в очередной раз.

— За Хранителей!

Дружное эхо подхватило тост, загрели кубки, словно растревоженный улей загомонили за столами мужики, обсуждая возможные перспективы, кто-то решился сразу, особенно среди молодежи нашлось много желающих, кто-то решил все обдумать и рассудить, когда голова прояснится от хмеля. Кален же поставил кубок на стол и тяжело опустился рядом со мной.

— Кажется, нам пора спать. Еще немного и я просто упаду и захраплю прямо на столе.

— Ну, для хозяев, это будет наивысшей похвалой, но вот лицо Хранителей, боюсь, пострадает. Так что давай-ка мы отправимся наверх.

— Мирра, я не буду делить с тобой ложе, — прямо посмотрел он мне в глаза. — Сейчас это совсем не... ик... лучшее решение... я немного не в себе...

— По-моему сейчас, ты совсем не в себе, и даже если мы будем делить ложе... то только ради крепкого, здорового сна на удобном матрасе...

Совершенно ничего не смыслящие голубые глаза смотрели на меня, но внезапно взгляд прояснился:

— Ты считаешь себя в безопасности рядом со мной, если я выпил лишнего вина? Абсолютно напрасно! Это состояние у меня пройдет так же быстро, как высыхают слезы на глазах ребенка или ты залечиваешь раны и тогда...

— Я буду только рада, Кален, чтобы не случилось, и уж точно я не позволю тебе спать на полу, когда сама буду нежиться в постели. Так что идем, мой герой. Нас ждет неравный бой со сладким сном.

— Боюсь, я его уже проиграл, — сладко зевая проговорил грозный воин.

Мы ушли незаметно, селяне продолжали споры и разговоры. Мягкая постель раскрыла перед нами свои объятия, обещая незабываемое блаженство, и мы с удовольствием отдались в ее власть. Стоило нашим головам лишь коснуться мягкой подушки, а усталым телам занять удобное положение на перине, как крепкий сон человека, выполнившего свой долг, безраздельно завладел нами. Я положила голову на широкое плечо воина, он обнял меня, и прикоснувшись губами к волосам, уже сквозь сон прошептал:

— Ты так чудесно пахнешь, любимая...

Дальше или он не смог ничего сказать или я уже ничего не слышала, мы уснули.

Утро так нас и застало. Мы провели ночь в объятиях друг друга, но это были самые невинные объятия за всю мою жизнь, мои жизни. Эта ночь напоминала те старые времена, когда мы были духами, именно так мы проводили ночи, нам не нужно было большего, так соединялись наши души. А потом Кали доказала какую силу может иметь влечение плоти, эти воспоминания заставили меня вздрогнуть. Кален приоткрыл глаза и улыбнулся.

— Неужели даже в моих объятиях тебя настигли кошмары?

— Нет, Кален, спала я чудесно. Просто... как-то не по себе стало. Нам спешить нужно, впереди нас ждет серьезный бой, да и не один. Это немного пугает. Я боюсь не справиться. Эти люди, они все готовы отдать последнее и самое дорогое нам, за спасение, но, Кален, а если я не оправдаю их ожидания? Я необычная, да, но хватит ли этого, при встрече с красным драконом? Как мне одолеть того, кому проиграли двое древних богов?

— Ты слишком много думаешь, Мирриэль, ты не будешь одна, мы все будем стоять рядом с тобой, вместе мы справимся, не можем не справиться.

— Значит в путь.

Мы покидали еще спящую деревню. Провожать нас вышел лишь староста. Он пожелал нам доброго пути и на прощание добавил:

— Я жену с детьми с вашим отрядом отправлю, а сам помогу тут оставшимся собраться, да и вместо себя кого назначу, если будет кто оставаться, да и нагоним их в пути. Подумал я и решил, что под вашей защитой-то надежней будет, чем с дозорами баронов, да и пригодимся мы там, и лесники неплохие и плотники. Работы не чураемся, а когда семья в безопасности, так и самому на душе спокойней. Так что свидимся еще, милсдарь.

Мы лишь кивнули и поблагодарив за кров и угощение, пришпорили коней. Путь еще впереди был неблизкий.

Кален.

Мы третий день в пути. Эйфория от осознания, что Мирра сейчас здесь со мной, что с ней все в порядке и она вернулась к нормальной жизни, постепенно проходит, уже даже не так радуется ее прощание. Возвращается боль. Пока еще это только начало, я знаю, что дальше будет лишь хуже. Пока еще это просто отголоски воспоминаний, но скоро... скоро по вечерам я не смогу сдерживаться, придется уходить. Надеюсь, что Мирриэль уже свыклась с мыслью, что я не оставляю ее на дежурства по ночам. Мне так будет проще. Пока еще меня поддерживает мысль, что она нуждается в моей помощи, но скоро все мои темные воспоминания обретут новую жизнь, каждое из них станет для меня явью, я вспомню каждое слово и каждое движение, вновь подарит тепло каждая капля крови, попавшая на мою кожу, из ран моих жертв... А потом, потом я буду во власти их духов, они будут меня пытаться, они будут требовать ответа за все мои поступки, они будут иметь надо мной безграничную власть, но это будет только в моей голове... никто ничего не узнает. Наверное, именно так представляют себе муки совести, только в моем случае, совести у меня нет, ее выжгли в молодости, вместе с состраданием и жалостью. Выжгли заменив чувством долга и принятием ответственности, выжгли, заменив на возможность Видеть человеческие души, выжгли, оставив взамен голубые кристаллы и нестерпимую боль...

Я смотрю на Мирру, она едет, чуть опережая меня, мне видна лишь ее спина. Как грациозно она покачивается в седле, как легко бежит под ней лошадь, моя коняжка с трудом тащит возложенный на нее груз. Я улыбаюсь. Мне нравится радоваться таким простым

вещам, скоро я совсем перестану их замечать. Я был прав, беспокойство за нее, боязнь ее потерять, было моим спасением от боли, сейчас она в безопасности, пока могу, я хочу просто наслаждаться ее присутствием. Физическое влечение уже ослабевает, годы тренировок в самоконтроле не прошли даром. И хотя ее манящие формы все еще порождают самые неприличные мысли в моей голове, я уже могу это контролировать. Похоже, что ей это не очень нравится, она сердится, но меня это уже только забавляет, она так мило морщит кончик носа, когда сердится, и нервно начинают подрагивать кончики ее удлиненных ушей. Я не хочу ее злить, но сейчас я не могу позволить себе еще больше с ней сблизиться. Сперва я должен победить своих призраков, одолеть свою пагубную привычку, снова стать человеком, собрать себя из тех осколков, на которые разрывается моя душа и рвется мое тело, испепеляя сознание, а уж потом, я смогу в полной мере отдать всего себя в ее нежные маленькие руки, и наоборот, спрятать ее милое личико на своей груди, обнимая ее, оберегая от всего на свете и больше никогда не отпускать. Но это будет потом, после того как я смогу преодолеть свою боль, когда смогу преодолеть... если смогу преодолеть...

— Эй, ты там не уснул? Может поторопимся?

Ее звонкий голос вырывает меня из потока моих грустных мыслей. После того, как мы помогли селянам, хотя «мы» — это слишком сильно сказано, всю помощь им оказала она, настроение у нее было приподнятое. Я все еще видел в ее глазах мечущиеся огоньки азарта, появившиеся там в первый момент схватки. Еще несколько дней назад я лишь мечтал, чтобы она пришла в себя, представлял, как буду помогать ей восстанавливаться, как буду снова учить ее держать оружие, как будут проходить наши тренировки, но видимо память тела у их народа сильнее нашей, мне не довелось всего этого пережить, она лишь только взяв в руки свои ножи вспомнила все тренировки, и мне кажется, ее умение не только не пострадало, она владела оружием на уровне хорошего мастера. Когда я наблюдал за ней во время боя, я видел, сложные комбинации ударов и уходов, в ее руках парные кинжалы, были не просто опасны, они были смертоносны. Даже я уже вряд ли смог бы с достоинством ей противостоять, когда у нее в руках «близнецы». Быстрая, ловкая, умелая — я просто любовался каждым ее движением и с трудом мог поверить, как когда-то именно эту опасную бестию я нес на руках без сознания и укрывал своим плащом в камере. Тогда она была такой беспомощной, такой слабой, такой незащитной... скучаю ли я по той Мирриэль, которая ничего не помнила и ничего не знала? Наверное, да! Я бы хотел, все вернуть и оставить именно в том месте, где она еще не могла пользоваться своей силой и закрывать разломы, где она еще не была мастером ножевого боя и стрельбы из лука, где она была просто собой... Где она была только моей... И ее не преследовал призрак бывшего любовника-принца...

— Ты сегодня что-то неразговорчив, командор? Что за мысли тебя терзают? — она поравнялась со мной и теперь ехала рядом.

Я лишь искоса бросил на нее взгляд. Чистый поток ее жизненной энергии больно бил мне по глазам, я не мог долго смотреть на него, а, чтобы его не видеть, теперь приходилось прилагать немалые усилия, так в начале обучения я вызывал это Виденье, теперь, мне нужно было от него так избавляться. Виденье заменило мне обычное зрение... в какой момент это случилось? Когда я спускался за ней в казематы, я все еще видел вокруг людей, и когда мы выходили из города с нашим обозом, я тоже еще видел людей... А, вот когда я вернулся с ней из ее кошмара, вот тогда я перестал видеть людей... Она была первой чью энергетику я увидел, даже не задумываясь о том, что хочу этого... увидел и зажмурился... Я и раньше смотрел на нее глазами Видящего, но единственной особенностью было то, что я не Видел

ничего, ее словно не существовало, а теперь... это невозможно описать. После возвращения она изменилась, словно... нет, я не знаю с чем это можно сравнить... я не видел такого прежде... Теперь я привыкал к ней такой. Она уже не была той робкой эльфийкой, которая просила лишь о поцелуи, она уже не была той благородной особой, которая предпочла опасное путешествие, поверив моим словам, приняв мой выбор и отступив без боя. Теперь она стала другой. Она умело играла моими желаниями, она заманивала и намекала, она пользовалась своей женственностью и моей страстью... Я должен признаться хотя бы себе, меня это пугает... Меня преследует ощущение, что что-то не так, не правильно... я не могу понять почему, но... это не она... Все было верно на заснеженной поляне, там она была собой, а сейчас... если бы не ее безупречно белое сияние, я бы решил, что она одержима духом плотских удовольствий. Но это не так, просто она вспомнила все... и теперь использует полученный опыт.

— Прости, Мирра, задумался, пытаюсь продумать слова, которыми мне придется убеждать Кару и Энель, что нам необходимо покинуть Лоринг и почему именно в Держащем небеса мы должны остановиться. Да и вообще, обдумываю как в двух словах рассказать все то, что с нами произошло. Я никогда не умел уговаривать и объяснять, мое дело — отдавать приказы, а не убеждать в своей правоте.

— Ты их боишься? Кару и Энель? — она сощурила прекрасные миндалевидные глаза, словно стараясь заглянуть мне в душу. — Нет, не боишься. Но тебя что-то терзает... Не расскажешь?

Как же надоело это все. Теперь я понимаю Кару и Энель, которые уже на протяжении многих лет мне говорят, как сложно быть моим другом. Теперь Мирра ведет себя как я, чувствует эмоции других и бессовестно этим пользуется. Соврать ей я не могу, она увидит, а сказать правду... так я и сам еще не могу понять почему изменения в ее поведении меня так пугают.

— Их — нет, — наконец отвечаю я. — Я боюсь их подвести.

— Ты? Подвести? Да ты просто оплот надежности, командор, — ее легкая ладонь ложится на мою ногу, вызывая ощущение теплоты, даже сквозь плотную ткань дорожных штанов.

В голове опять мелькает шальная мысль отбросив все сомнения воспользоваться моментом... ускоряется сердцебиение, и фантазия услужливо рисует возможности и варианты. Даже если это не совсем она, даже если она так изменилась, мое влечение к ней... оно неизменно. Глубокий вдох, и откровенные картинке в голове испаряются, а игривое настроение проходит, его заменяет тупая боль в области живота, начинают болеть старые шрамы. Нужно торопиться.

— Давай-ка немного ускоримся, дорога впереди долгая, а время не ждет, — я прищипываю коня, оставляя ее позади. Она опять недовольна, я видел, как она разочаровано отдернула руку, лежавшую у меня на ноге. Только вот этого мне еще не хватало — обиды отвергнутой женщины, но я же не отвергаю, я же четко определил свои желания, вопрос только в том понимает ли это она.

С каждым днем ей становится лучше, и чем лучше становится ей, тем больше ухудшается мое состояние. Но мы уже можем проводить в седле по пять-шесть часов. За этот день мы почти не останавливались, выехав с рассветом из спасенной деревеньки, мы сделали лишь короткий привал, когда солнце было в зените. Мирра пытается со мной разговаривать, но я, списывая все на спешку, стараюсь не отвечать, к ночи мне станет совсем

плохо, уже сейчас меня мучает тупая боль во всем теле, выворачивая кости из суставов, приходится вспоминать все чему учили, для сдерживания боли, для ее подавления, но к вечеру воспоминания начнут приобретать реальность, теперь я долго не буду в одиночестве, рядом со мной всегда будут те, кого уже не вернуть: друзья, враги, виновные и безвинные, все они будут требовать расплаты. Никогда прежде я не задумывался что же дает нам обат, теперь я понимаю это, очень-очень ясно. Зелье не просто дает возможности нам исполнять свой долг, оно дает чувство безнаказанности и даже помогает тебе верить в справедливость вершимого суда, а вот его отсутствие... сейчас, когда мое сознание не затуманено этим наркотиком я все вижу по-другому, все вспоминается по-другому. И это причиняет боль, теперь я вижу другие пути, кроме кровопролития, но уже слишком поздно... Я не в силах ничего изменить...

— Командор, — окликает меня звонкий голос. — Ты сегодня сам не свой. Что случилось?

Она опять поравнялась с моей лошастью и едет рядом, пытаюсь заглянуть в мои глаза. Мне страшно смотреть на нее, страшно встречаться с ней взглядом, она необычная, она все чувствует и понимает по-другому, что она будет испытывать ко мне, если она узнает правду, если она поймет, что я не герой, который спас ее, что я безжалостный убийца, на счету которого сотни жертв... Что если она увидит все мое малодушие, когда сам я был пленен и единственное, что мог делать, видя муки моих братьев, слыша их предсмертные крики — это закрывать глаза и молиться, молиться, чтобы я стал следующим и мне больше не пришлось этого видеть и слышать, что если она поймет, как я изменился после того дня, решив для себя, что даже малейший намек на возможность одержимости, должен приводить к смерти... Что тогда станет с ее чувствами? Но отмалчиваться — это тоже не выход, она должна знать. Должна ли? Или это просто очередное малодушие, и я хочу разделить с ней свои проблемы в надежде, что мне станет легче?

— Кален?

— Мирра, — я решаюсь сказать, быть может не все, но чтобы успокоить ее. — Я не знаю, как тебе это сказать. Отказ от обата — долгий процесс, возможно, я никогда не смогу оправиться от этого. Сейчас ко мне возвращается боль физическая, пока я могу сидеть в седле, мы должны торопиться, с каждым разом приступы будут все сильнее, пока не превратятся в сплошную агонию. К этому моменту мы должны достигнуть Лоринга, иначе, я не смогу сидеть верхом.

Она смотрит на меня очень внимательно. Не перебивает, но я не знаю, что еще ей сказать...

— Почему ты не говорил? Я управляю энергиями, быть может я смогу помочь тебе? Снять эту боль.

Она замолкает, и я вижу, что она приступает к делу, я вижу это в ее глазах, они сразу становятся ярко-голубыми, когда она взывает к энергии жизни, а когда она обратилась к энергии смерти ее глаза изменили цвет и стали почти черными, интересно, это заметил кто-то еще? Я не стану ей мешать, мне сейчас любая помощь будет кстати. Но спустя несколько минут ее взгляд проясняется. Она отрицательно качает головой.

— Я не понимаю ничего. Энергетика в полном порядке, я не вижу той боли, о которой ты говоришь. На том уровне не происходит ничего. Быть может, это... похоже на мой морок? Все происходит лишь у тебя в голове? Но с этим я ничего не могу поделать... только стать твоим слушателем, Кален. У нас впереди еще долгий путь, рассказывай мне обо всем,

разговаривай со мной.

— Я не знаю, что тебе говорить, Мирриэль. Это сложно для меня...

— Давай начнем с простого, — примирительно улыбается она. — Расскажи, о чем ты думал все утро?

— О тебе, — не успеваю я придумать другого ответа.

Она опять улыбается, от ее улыбки становится так светло и тепло. Я уже заметил, что не могу не улыбаться ей в ответ. Когда она улыбается, ее милый курносый носик немножко приподнимается и тонкие бледно-розовые губы, сложившись в милую улыбку, становятся еще тоньше, а на бледных щеках появляются маленькие ямочки, больше похожие на полумесяцы, а глаза начинают озорно блестеть, будто она задумала какую-то проказу. Совсем как ребенок. И вдруг я понимаю, что даже не знаю сколько же ей лет, до недавнего времени она ничего не могла вспомнить о себе, а с того момента, как к ней вернулись ее воспоминания, я как-то не удосужился спросить. Но она не дает мне опомниться.

— Это очень приятно, что твои мысли заняты мной, командор. И что же ты думал? Только не смей мне врать, Инариэль прав. Мы должны быть честны друг с другом, Кален. Здесь и сейчас нет никого. Только мы, так давай, наконец разберемся во всем, чтобы больше не было никаких недосказанностей, чтобы не было поводов для ревности и пространства для фантазий. Давай начнем с самого начала. И будем честно отвечать на вопросы друг друга, так мы сможем скоротать время в пути и стать... ближе... чтобы лучше понимать... Не знаю, как ты, а я хочу тебя понимать...

— Это опасная игра, Мирра. Может лучше оставить все так, как есть? — но я уже знаю ее ответ, конечно она не согласится.

Она упрямо мотает головой, вызывая мою улыбку.

— Нет, нам нужно разобраться. Я готова ответить на любой твой вопрос, но в ответ потребую того же.

— Хмм, — может быть она и права, если мы сможем лучше понять друг друга, все станет проще. — Хорошо. Расскажи мне о своей жизни до нашей встречи.

Она закусывает нижнюю губу, обдумывая ответ.

— Мне особо нечего рассказывать, Кален. Я росла с отцом. Он был отшельником, мы много путешествовали по лесам, но никогда не покидали Глухомани, точнее той ее части где живут все Бродяги, эльфы, отрекшиеся от кланов, которые не признают власти короля эльфов, для которых единственный закон — это закон природы и равновесия. Как я теперь понимаю, мой отец был наследником древнейшей магии, он знал и учил меня таким вещам, о которых забыли эльфы в кланах. Мы охотились, разбивали стоянки и отправлялись в путь по зову сердца или природы... я уже теперь не уверена. Я знаю язык древних, потому что разговаривали мы только на нем. Я вспомнила, что значит быть единой с мирозданием, что теперь мне непременно пригодится, теперь я знаю, чувствую гораздо больше, потому что понимаю, как этого достичь и что я могу увидеть. Мне больше не нужно идти наугад, теперь я точно знаю где нарушено равновесие и разорвана завеса между мирами. В моей жизни не было ничего примечательного, пока я не встретила Раирнаила у ручья и не поняла, что должна его сопровождать, такого было веление моего отца. Я могла разговаривать с отцом, хотя он уже несколько лет, как отправился в мир вечной весны. И я все еще слушала его, так как слушала его всегда.

Она замолчала, но я не нарушал тишины. Она хитро на меня посмотрела.

— Это все.

— Нет, — теперь уже я улыбнулся. — Расскажи мне о Раире. О том, как вы были вместе, как расстались и как он оказался на совете земель, а ты...

— А я на жертвенном камне? Это не слишком длинная история, мы были вместе несколько месяцев. Я влюбилась в него почти с первого взгляда, но... Мне потребовалось время, чтобы это осознать... Наверное, мироздание хотело чтобы я... — она запнулась, опустила глаза, перебирая поводья, и легкий румянец покрыл ее щеки. — Теперь я не знаю, Кален. Тогда, мне казалось, что близость с ним — это именно то, что было бы правильно. Но теперь, я не уверена, возможно... правильнее было бы... Чтобы именно ты стал первым моим мужчиной...

Она густо покраснела, чем вызвала мое недоумение, и я решился на вопрос, который терзал меня.

— Раир был твоим...

Я не успел закончить. Она спрятала пылающие щеки в своих ладонях.

— Да, Кален, он был первым... и единственным, пока... с кем я... была близка по собственной воле...

В последних словах проскользнула боль, ничем не прикрытая горечь, и я даже различил отчаяние. Бедное дитя.

— Теперь моя очередь спрашивать, Кален, — перебила она мои мысли. — Ты поэтому меня сторонишься и не хочешь близости со мной? Потому что... мастер... потому что я...

Сперва я даже не понял ее вопрос, но когда я смог понять его смысл, я испугался за нее, неужели она все так понимает, она думает, что я отвергаю ее из-за того, что с ней произошло в плену...

— О, Мирриэль, нет конечно! — меня переполняют эмоции, я ловлю ее руку и прижимаю к своим губам, стремясь перехватить ее взгляд. — Нет, Мирра! Я не...

Как все запуталось. Я не могу понять, что происходит с ней, почему она вдруг так настойчиво намекает на близость, все эти заигрывания, полунамекы, развязные разговоры, а она просто настолько испугана тем, что с ней произошло, что стремится любыми путями как-то доказать себе, что для остальных это не имеет значения. Она просто хотела убедиться, себя убедить... бедное дитя.

— Мирриэль, — мне приходится захватить вперед и преградить путь ее лошади, чтобы наконец взглянуть ей в глаза. — Мирра, выбрось эти мысли из головы, все не так... Это никак не может повлиять на мое отношение к тебе. Поверь мне, каждую минуту, я...

Теперь уже я отвожу взгляд. Никогда и ни с кем я не был так откровенен, оказывается, это непросто.

— Кален? Тогда объясни мне, почему? Почему ты отвергаешь мои попытки? Я понимаю, что я неумелая и неловкая, но неужели все настолько плохо?

Ее недоумение вызывает у меня улыбку, но как я могу объяснить, что именно так и должно быть, что это будет правильно...

— Каждую минуту, рядом с тобой, Мирра, я мечтаю заключить тебя в свои объятия, каждую ночь я вижу тебя во сне, я хочу, чтобы каждое утро, лишь открыв глаза я видел твое лицо, я прилагаю немалые усилия, чтобы сдерживаться... Как однажды я тебе сказал, у меня было чуть больше опыта... и я прекрасно могу себе представить от чего я ежеминутно отказываюсь. Но я хочу чтобы поняла ты, любовь моя, что твоя настойчивость... Честно говоря, я решил, что это просто дает о себе знать твое прошлое, в котором, возможно, было больше всего... и это меня пугало, ты так изменилась, что я даже не мог решить, что мне с

этим делать, как вести себя с тобой. Но теперь все стало на свои места, милая. Я не отвергаю тебя, я мечтаю о тебе, я грежу тобой, но я... Я действительно считаю, что нам нужно подождать, хотя бы до того момента, когда... когда я окончательно освобожусь от той боли, которую облегчал обат, когда окончится мое выздоровление, когда я смогу спокойно уснуть рядом с тобой, зная, что ночью я не начну метать в бреду и не...

— Что, Кален? Договаривай!

Я тяжело вздохнул, вспоминая как несколько раз, засыпая с Карой я оставался без дозы обата и просыпался от того, что Кара сопротивлялась и кричала мое имя. Я пытался ее душисть, в моем кошмаре, она стала воплощением боли, и я едва не убил ее. Я боялся этого. Кара была сильной, всегда, а вот Мирра, она бы просто не смогла меня остановить, как Кара, я мог ее убить. Поэтому я никогда не засыпал рядом с женщинами, я всегда возвращался к себе.

— Мирра, мой кошмар, мой сон, он может стать для меня явью и я не смогу отличить сон от реальности, я могу причинить тебе боль, но я не хочу этого, поэтому я сперва должен убедиться, что ты будешь в безопасности оставаясь со мной. Понимаешь? Я не смогу себя простить... если наврежу тебе... Мне нужно время, чтобы справиться с этим и как я теперь понимаю, мне нужна твоя поддержка, твое согласие, твое понимание. Я затеял это все только ради того, чтобы быть с тобой, так прояви милосердие и дай мне время... Не сомневайся во мне, в моих чувствах, в моих желаниях, но и не торопи события, когда придет время, поверь, я не стану ждать ни одной минуты. Просто пока что, когда я не контролирую себя, а в такие моменты я не могу себя контролировать, я представляю для тебя и для всех остальных опасность. Но это ничуть не значит, что я... не хочу быть с тобой, дитя леса. Только ты в моих мыслях, только ты в моих снах, только с тобой я готов засыпать и просыпаться до скончания времен. Только твои губы я хочу целовать, только в твоих глазах я хочу тонуть, только ты можешь сделать меня счастливым... Ты веришь мне?

Я опять искал ее взгляд, прикладывая усилия я смотрел в ее лицо, а не в душу, я хотел видеть ее глаза, когда она ответит. Несколько розовых шрамов все еще не исчезли с нежной кожи, один рассекал правый висок, почти до глаза; другой застыл над тонкой бровью, рассекая ее на две части у внешнего угла глаза, третий шрам остался на левой щеке, он почти доходил до подбородка. Шрамы украшают мужчину, но на ее милом личике, они выглядят пугающе, сразу возникает ощущение, что этот мир летит вверх тормашками, так не должно быть. А она видимо испытывала страшные муки глядя на свое отражение в зеркале. Бедная девочка, сколько ей пришлось пережить, а сколько еще впереди... Эти шрамы скоро исчезнут по заверениям Дарка и Инариэля, а шрамы на ее душе? Здесь бессильна их магия, как они мне сказали, шрамы на ее душе, смогу залечить только я, своей любовью. Наконец она подняла на меня свои изумительные глаза.

— Я поняла, Кален. Прости мою глупость. Я так хотела...

Я снова вижу такую милую мне робость, она даже не знает, как закончить фразу, и вновь смущается говорить на эту тему. Но то, что толкало ее прежде, чем были вызваны те изменения, что напугали меня, это все еще не высказано до конца...

— Я думала, что для вас людей... физическая близость — это очень важный момент, — она опускает глаза, подбирая слова, чем вызывает мою улыбку. — Я думала, что вы не можете без этого... А для меня мучительна даже мысль, что ты можешь... искать... расположения других женщин... Как это сказать... более... смелых или опытных что ли...

Вот теперь я уже не выдерживаю и начинаю смеяться. Потом ловлю ее руку: нежная,

тонкая, хрупкая, прохладная ладошка прячется в моей руке. Мне гораздо привычнее держать в руках меч, чем такие нежные ручки. Я целую ее руку, и, глядя ей в глаза, произношу:

— Мирриэль, никогда не меняйся, оставайся собой. Ты просто восхитительна, а то что я видел последние несколько дней — это была не ты, а кто-то другой, а мне не нужен никто другой. Только ты, дитя лесов, только ты, эльфийский цветок, только ты, воплощение нежности и чистоты.

Ее глаза сияют счастьем, наверное, я нашел нужные слова и теперь все встанет на свои места. Эта откровенная беседа приносит мне облегчение на некоторое время, боль отступает, на душе снова становится теплее. Она кивает мне в знак того, что согласна со мной и мы продолжаем путь.

— Ты прервала свой рассказ, Мирра. Итак, вы провели вместе несколько месяцев, а что случилось потом? Извини, ты возможно не хочешь об этом говорить, но это может быть важно, возможно у тебя есть какие-то сведения, которым ты не придаешь значения, но на мой взгляд...

— Я понимаю, Кален. А потом, в один день, отец сказал мне, что Раиру, пора отправляться, что его ждет важное безотлагательное дело. Тем же утром мы отправились в путь. Мы простились у ручья, там же, где и встретились, он поехал к отцу, а я обещала его ждать там, и не сходить с того места, пока его не дождусь... Что было с ним, я не знаю... Но ко мне во сне начала являться женщина в плаще, она говорила о том, что ему нужна моя помощь, что он нуждается во мне и что я должна немедленно отправляться в путь, чтобы успеть ему помочь. Отец предупреждал меня, он тоже являлся и говорил, что это ловушка, чтобы я не смела двигаться с места, но... я впервые его не послушала, я оседлала коня и помчалась в то место, которое мне указывала женщина.

— Подожди-ка. Женщина в плаще... Быть может ты сможешь описать ее подробнее: рост, цвет волос, глаз, голос... что-нибудь...

Она печально на меня посмотрела и отрицательно покачала головой

— Я видела ее словно в тумане, в серой дымке, будто она стояла за костром... Голос... Я не смогу его узнать, наверное, он был тихим, мне приходилось прислушиваться к каждому слову, она словно шептала... Я помню только серый плащ укрывающий ее с головой и острые носки туфель, выглядывающие из-под плаща. Такие бальные туфельки очень тонкой работы, мне показалось, что они атласные или шелковые... Ярко-красные туфельки... Но это все что я помню. Через несколько дней скачки я оказалась на поляне, на которую она меня звала, но там не было Раира, там были люди... Они были в доспехах и с мечами, я соскочила с коня, решив, что они отведут меня к нему, но стоило лишь мне приблизиться, как один из них меня разоружил, а другой, уже связывал руки мне за спиной... Потом... открылся проход в завесе. Люди втолкнули меня туда, там меня подхватил орк. Он тащил меня некоторое время за собой, но я упиралась и пыталась сопротивляться, тогда он просто забросил меня на плечо и понес. Мы были в мире духов, Кален, тогда я впервые увидела тот мир. Мне было очень страшно, я задыхалась там. Я умирала. А ему было все нипочем. Потом мы подошли к другому разлому, и он меня просто выбросил в него. Там меня поймали еще несколько людей. Я уже плохо видела, я была почти без сознания, они волоком потащили меня куда-то, а потом я почувствовала, что меня уложили на что-то твердое и холодное, в запястья врезался холодный металл. Но мне было уже все равно, я уже была почти мертва. Они проводили какой-то ритуал, но, видимо, что-то пошло не так... Внезапно моя слабость прошла, и я пришла в себя, мир духов больше не вытягивал из меня энергию жизни, он

признал меня своей частью, тогда и появился Раир. Он выполз из разлома, когда приставили нож к моему горлу. Видимо, он тоже умирал, как и я после путешествия по миру за Завесой. Из последних сил, он использовал энергию смерти и, по-моему, магию крови и уничтожил моих захватчиков и оковы. Я вскочила и бросилась к нему, ведомая каким-то непонятным чувством я понимала, что оставлять его тело там — нельзя, я рванула в разлом, увлекая его за собой. Он умер на моих руках. Меня охватила паника и... скорбь, я не могла пошевелиться... Тогда и появился его дух, упрашивающий меня бежать, спастись... Он тогда уже понял, что я получила какой-то особый дар и только я могу помочь всем остальным живущим... Но я не могла его оставить, мне было очень больно, страшно и я искала смерти, чтобы воссоединиться с ним, как того требовала наша клятва и тогда... он заблокировал мою память, чтобы я могла продолжать свой путь... Я бежала сквозь мир духов, а дух Раира вел меня, указывая путь к разлому, у которого ты меня и нашел... Что было дальше, ты знаешь лучше меня, потрясение, видимо было слишком сильное, да и силы просто так не даются, и я лишилась сознания... Помню только, что когда ты меня подобрал и нас окружили демоны, я умоляла ту силу, управлять которой я еще не могла, спасти тебя...

Я молчал некоторое время, пытаюсь представить, что она могла чувствовать. Все-таки она не человек, эльфы, чтобы про них не говорили гораздо более ранимые и нежные существа, у них совсем другая душевная организация, то что у человека вызовет лишь улыбку, эльфа может повергнуть в шок. В шоковом состоянии она вряд ли могла что-то еще запомнить, но мне важно было знать, и я решил спросить:

— Мирра, люди, которые тебя пленили... Кто они были? Ты рассмотрела знаки на их доспехах?

Она угрюмо кивнула, не поднимая головы, видимо, пыталась сдержать чувства, вызванные воспоминаниями.

— Да, Кален, я помню их. И мы должны спешить. Это были нейтралы...

Орден нейтралитета принял сторону темных сил? Это совсем уж плохо, но это объясняет почему их нет у разломов, почему они не выполняют свои функции. Но что могло самый стойкий орден заставить в полном составе перейти на сторону зла, с которым они боролись все время, ради чего они и были созданы...

— Ты думаешь у Лоринга...

Она не дает мне договорить.

— Да. Командор. И я уже говорила тебе об этом. Там нас ждет схватка с ними и с твоими братьями... Поэтому мы и не выдержим, поэтому мы и должны спастись, поэтому мы должны спешить... Они безумны, все... И твои братья и воины-нейтралы, я не знаю как, Красный дракон это сделала, но... теперь они наши враги...

— Еще один вопрос, Мирра. Почему ты говоришь о красном драконе, как о женщине?

Она отвернулась от меня, чтобы я не видел ее лица

— Потому что она — женщина, Кален. Коварная, жестокая, порочная и...

Я не отвожу от нее глаз, ожидая продолжения фразы. Она отвечает на мой взгляд и тяжело вздыхает

— Ты все равно узнаешь рано или поздно...

Но опять смолкает

— Мирра, мы договорились, только правда. «И» что?

Она мотнула головой словно отгоняя дурные воспоминания и очень тихо добавила.

— И очень красивая женщина, Кален. Необычайно красивая...

— Ты видела ее? — удивляюсь я. В ее рассказе не было встречи с Красным драконом.

— Нет, Кален, я ее не видела. Я просто знаю. И еще я знаю, что... — она опять тяжело вздыхает. — Кален, ты...

Она опять замолкает. Я вижу, как она нервно покусывает губы, обдумывая как бы сформулировать то, что она хочет сказать. Словно она боится сказать лишнего, но считает необходимостью сказать хоть что-то.

— Мирра?

Она начинает говорить, но очень тихо, немного печально.

— Ты необычный человек, Кален. Ты... Я..., - она опять закусывает губы. — Ты очень привлекательный, командор. Очень. Женщины не могут устоять перед тобой... Перед твоим... очарованием... Я опасаясь, что она не станет исключением, а соревноваться с ней... Я боюсь, я не смогу... Я боюсь ее, но больше я боюсь, что потеряю тебя, если она решит завоевать твоё расположение...

Вот так откровение. Этого даже я не ожидал. Я улыбаюсь ей, чтобы приободрить, потому что вижу, как она переживает.

— Мирра, ты ревнуешь меня к нашему общему, изначальному врагу? Ты боишься, что я могу забыть все то, ради чего мы вступили в борьбу и предать это? Ты боишься, что женщина, пусть даже и красивая, сможет вот так просто завоевать мое внимание, оттеснив тебя? Ты не веришь мне, Мирриэль? Я проскакал полсвета, чтобы вырвать тебя из рук мучителей, я пошел за тобой в твой кошмар, ради тебя я отказался от обата, и ты все еще мне не веришь?

— Слишком много вопросов, Кален. Я верю тебе, но боюсь, что она сможет заставить тебя забыть все это... Но... я надеюсь, что ты сможешь устоять перед ее... чарами. Теперь мой черед задавать вопросы. Но мне нужно время, чтобы обдумать первый вопрос, давай просто пришпорим коней, нас ждут в Лоринге...

И она пускает свою лошадь в галоп. Мне ничего не остается, как последовать ее примеру. Теперь я спокоен, эта все та же спасенная мной нерешительная эльфийка, подарившая мне самые сладкие поцелуи в моей жизни, заставившая меня мечтать о ней, это не изменилось. И я рад этому.

Несколько раз нам на встречу попадаются патрули местных лордов. Некоторым достаточно знаков Хранителей на нашей одежде, других убеждает нас не препятствовать моему прошлому ремеслу: Видящим никто не преграждает пути, обычно все стараются обходить нас стороной, даже те, у кого нет ни грамма магической силы. Назначение ордена открывает нам все двери. Мы продолжаем путь, без разговоров, пока совсем рядом над нашими головами не раздаются раскаты грома. Приближается гроза. Перебросившись несколькими фразами, мы решаем остановиться, продолжать путь под дождем, совсем не хочется. Место под стоянку находим быстро. Дорога проходит берегом тихой, мелкой речушки и мы замечаем старый перекосившийся домик. Пока поторапливаем коней, с неба начинают падать тяжелые первые капли дождя, прибывая мелкую дорожную пыль. Воздух наполняется влагой. Очень быстро мир окутывает дождевой полумрак. Мы останавливаемся у домика и привязав лошадей, заходим внутрь, разводим огонь, чтобы согреться и перекусить. Пока я вожусь у огня, Мирра выходит, чтобы позаботиться о лошадях.

Едва я остаюсь один мое сознание заполняют воспоминания: поле битвы, соратники, противники.

Раннее утро, солнце едва показывается над землей путаясь в темных тучах, а сотни,

тысячи, многие тысячи людей сжимают в руках оружие, готовятся к битве, шепчут молитвы, настраиваются на бой, кто-то притупляет страх крепкими напитками и дурманными травами, кто-то заводит бравые песни, кто-то пишет последние письма родным и близким, готовясь к самому худшему. Рассвет. Парламентеры должны вернуться в ближайшее время, их неясные силуэты маячат в рассеивающихся сумерках. В смутном свете зарождающегося дня видны лишь силуэты, только тени тех, на кого возложена последняя надежда договорится, разойтись миром. Я стою в первых рядах. Я один из многих, еще не командор, еще не опытный воин, просто один из многих, кого долг призвал в этот день в ряды защитников. Я был в одной из башен, когда пришел призыв, все маги должны были прибыть на поле боя, я последовал за ними. Сколько же лет прошло? Сейчас это не имело значения, это было моим воспоминанием, моим кошмаром, очередным опустошающим душу кошмаром. Это было в последнюю войну, когда из темных шахт, заброшенных штолен, стали выходить на свет проклятые... Кошмарные твари. Не люди, не демоны, что-то жуткое, невысказанное, страшное... Не живые, не мертвые, смертные, но умершие уже один раз и вернувшиеся из мира мертвых. Это был последний бой. Неимоверными усилиями в тот раз удалось их остановить. И вот теперь, перед моими глазами вновь начиналась та битва. Там погиб каждый второй, многие тысячи доблестных воинов и простых крестьян, вставших на защиту своих домов, остались на том поле... И теперь... У меня перед глазами вновь все начиналось сначала. Мы думали с ними можно договориться... Мы ошибались... Но поняли мы это лишь когда увидели, как падает белый стяг парламентеров... Окончательное осознание того, что битвы не избежать, пришло, когда в нашу сторону полетели головы наших парламентеров, выпущенные из простейших метательных машин. Я Видел эмоции людей стоящих рядом со мной... Ужас, нерешительность, смятение, горечь, боль, ненависть... Все завершила ненависть... Меня, как и многих в наших рядах начала охватывать боевая ярость. Дрожь предвкушения охватывает все тело. Тогда я еще не мог бояться, по-настоящему, я еще не умел ценить жизнь, я просто машина для убийства... Я — это то, что из меня делали, я — то чем должен был стать в результате тренировок, я — недочеловек, существо, лишённое эмоций и переживаний, только разум, только рассудок, только долг, только назначение... Тогда было так просто это принимать, считать, что это и есть единственный смысл... Это было тогда, но не сейчас... Тогда... Восход солнца, предрассветный туман, сгущающиеся над головами тучи, близость дождя, влажный воздух, тягучая сладость цветущих в поле трав, разлитая в воздухе. Тяжелое ожидание битвы. Прилипающее к душе ощущение грядущей беды. Становится тяжело дышать, слова застывают в горле, немеют руки и ноги, отказывают все органы чувств. Остается лишь боевой азарт и нестерпимое, неестественное, нечеловеческое желание убивать, крушить, рвать на части и купаться в крови врагов, кем бы они не были, чем бы не была их кровь. В таких битвах уже нет высших целей, никто из стоящих в строю не думает о свободе, независимости или родине, нет, единственная мысль пронизывающая мозг, словно раскаленное до бела железо — убить, убить, чтобы не быть убитым. Вот и все, больше ничего нет в воспаленном мозгу смыкающих ряды воинов. Мы не видим ряды врагов, их скрывает от нас предрассветный туман, но мы слышим их, мы знаем, что они там и что они так же смыкают ряды, готовясь убивать. Вместе с первыми каплями дождя, падающими на землю, раздаются последние ободряющие слова командиров и над полем разносится звонкий голос множества рогов, объявляющих о начале наступления с нашей стороны и отвечает нам глухое рычание вражеских инструментов. Вот и начинается. Шаг за шагом мы

идем на встречу с нашей судьбой, кто-то найдет славу в этой битве, кто-то вечный покой, каждый получит свое. Я помню многие битвы и крупные многотысячные столкновения и мелкие стычки, нет в них ничего возвышенного, нет ничего воспеваемого менестрелями, нет ничего... Тебя окружает море страха, захлестывают волны ненависти и отчаяния, а потом тебя начинает кружить в водоворотах боли, не только и не столько своей, сколько окружающей тебя со всех сторон. А потом мы увидели врагов. Нам на встречу неслись тысячи темных тварей. Клыкастых, хвостатых или бесхвостых, высоких и низкорослых, разных, но одинаково безобразных. Они оглушительно орали, стараясь перекричать наши вопли и отзвуки пока еще далекого грома. Капли падали на землю, но мне уже было не до любования красотами, схлестнулись первые ряды. Уже через несколько мгновений вокруг кипела битва. Руки, ноги, головы, подбадривающие выкрики и предсмертные вопли, кровь смешивалась с темной дурнопахнувшей жижой из тел наших врагов и на поверхности образовавшихся луж, оставляли круги, падающие с неба, капли дождя. Все смешалось, не осталось ровных рядов, все бились там, где сталкивались с врагом, сеча была повсюду, каждый раз поднимая меч, я знал, что когда движение будет закончено, мой меч соберет свою кровавую дань. Не было возможности парировать и защищаться, на это не было ни времени, ни сил, только атака, только нападение. Многие недели тренировок позволяют мне даже не задумываться о том, что я делаю, тело выполняет все финты и пируэты само, я могу осматриваться, выбирая цели или выискивая слабые места, где мой меч будет полезнее, и следить за сражающимися рядом, чтобы прийти к ним на помощь в критической ситуации. Я покрыт кровью и грязью с ног до головы, один из ударов сбил шлем с моей головы, оставив на лице небольшую рану и теперь, жгучая жидкость, заменяющая врагам кровь, стекает по щекам, смываемая дождем. В той битве уже через несколько часов мы сражались стоя в этом смешении жидкостей по колено, сложно было передвигаться, каждый шаг давался с трудом. Но мы не отступали, рядом со мной раз за разом погибали собратья по оружию и на место одних тут же приходили другие, все они и погибшие и рвущиеся в бой одинаково храбро сражались и погибали, я не видел их лиц, не знал их имен, но каждый из них был готов прикрывать мою спину, каждый из них был готов умереть, но не сойти с этого проклятого места. В воздухе не стихал звон стали, мечи сталкивались с молотами, топоры с глефами, штыки, алебарды, косы, трезубцы, сабли, палаши и мачете, шестоперы и кистени. Ежесекундно сходились и расходились, сталкивались друг с другом, с доспехами, щитами и плотью, калечили, убивали, ранили и отрубали, ломались и выпадали из мертвых рук. А поверх этой бойни свистели арбалетные болты, находили свои цели длинные эльфийские стрелы и превращали плоть в клочья гномьи разрывные снаряды. Яркими вспышками в небе летали пущенные магами фаерболы, маги атаковали, как всегда зрелищно, и их заклинания были исключительно продуктивны, сметая сотни противников в одно попадание, но магов было так мало, всего несколько опытных магов, остальные — просто новички, ученики, многие из них учились только целительству, боевые заклинания были им не по силам. Архимаги и члены совета должны были укрепить их ряды в ближайшее время, но битва началась, а их все не было. Шум битвы оглушал, но даже сквозь этот шум, я слышал, как рядом равномерно работает своими мечами Гранд, то и дело его могучая фигура появлялась в поле моего зрения. Враги набрасывались на него и по одному и группами. Но даже десяток черных тварей не могли совладать с мастером меча. Их жалкие попытки вызывали у меня лишь улыбку. Чуть правее и впереди шагах в десять, я видел яркие доспехи Астера, он уверенно отбивался от наваливающихся на него тварей. Его победные крики то и дело

оглашают поле боя, заглушая шум битвы и даже раскаты грома. Астер, Гранд — с такими соратниками не страшно выступать и против целой армии, каждый сотни стоит, но ведь и их силы не бесконечны, втроем мы не выстоим против этой орды, даже с поддержкой Элрины и ее эльфов. Отгоняю грустные мысли, нельзя думать о поражении, даже если оно кажется неизбежным. Замах, удар, руки по локоть в черной жиже, весь доспех заляпан кровью и грязью, с каждым разом все сложнее поднимать меч, ноют мышцы, коченеют пальцы, я начинаю пропускать удары, моя кровь смешивается с грязью на доспехах. Долго так продолжаться не может, вокруг меня кучи трупов, я дорого продам свою жизнь... Дождь все не заканчивается... А потом, внезапно наступил перелом в ситуации, к маленькой группе эльфов, которую возглавляла Элрина пришло подкрепление, и какое подкрепление... Тысячи эльфов вступили в бой, вселяя надежду в оставшихся в живых воинов. Я не заметил, как рядом со мной оказались Гранд и Астер, вдохновленные таким поворотом событий мы усилили натиск, и наши враги начали отступать к горам, к тем пещерам, которые их породили. А там их ждал еще один сюрприз. Гномья вольница... Смельчаки, отважившиеся нарушить запрет своего короля, и присоединившиеся к нам... Таков и был изначальный план, мы должны были сдержать лобовое столкновение и обратить их в бегство и тогда в бой вступали гномы. Невысокие бородачи с гиканьем и улюлюканьем рванули в бой смешивая и разрушая ряды отступавших, кроша всех на своем пути, ломая своими секирами доспехи и кости. Отличные воины эти подземные мастера. А потом в бой вступили подоспевшие архимаги, окончательно разметав наших врагов по полю боя. Битва была окончена, а вместе с ней и война. Мы не могли придать земле всех павших, но оставить их тела непогребенными мы тоже не могли... Огонь... Волшебный огонь, созданный магами, пылал несколько дней, запах тлена разносился ветром на огромные расстояния. А дождь все продолжался...

Я встряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. В очаге потрескивали дрова, создавая уют и согревая не только тело, но и душу. Ныли старые шрамы, напоминая о пережитой боли. А по крыше старой хижины барабанил дождь. Я выглянул на улицу. Мирриэль стояла под дождем, подставляя крупным прохладным каплям свое тонкое лицо. Вода стекала по ее мокрым волосам, а она наслаждалась, ее лицо светилось счастьем, а на губах застыла блаженная улыбка. Мне стало неловко, словно я подсматривал за ней, и я вернулся к очагу, вспоминая еще один дождь...

Я тогда возвращался в цитадель Видящих после долгого отсутствия. С нетерпением я ждал встречи со своими друзьями и учителем, он заменил мне отца. В юношеском порыве я хотел рассказать ему все, что пришлось мне увидеть за последний год, рассказать ему что я достойный ученик и теперь уже сам могу брать учеников. Но когда я вошел в главный зал, в душе родился липкий страх, я не знал еще, что чувствую, но что-то было не так. Мой дар еще не был развит так, как сейчас, я мог Видеть только магов, но предчувствие было угнетающее. Я окончательно убедился, что прав, когда задал вопрос об учителе и никто мне не ответил, все отводили взгляд и уходили от ответа. Я понял все без слов. Холодные пальцы отчаяния забрались под намокшую под дождем одежду и крепко сжали мое горло. Пришло время прощания с учителем. Командор вызвал меня в свой кабинет.

— Кален, — он не стал отводить взгляд. — Мы все проходим через это. Пришло время Моргана, твой учитель был одним из лучших, но даже лучших не щадит время. Поверь, мне жаль. Жаль, что Морган... вернулся. Лучшей для любого из нас судьбой является смерть в бою, но ему не повезло... Его вернул Ищущий он успел призвать Ларго. Могу облегчить твои

муки, лишь сказав, что последние свои дни, когда это было для него еще важно, он провел в обществе друга, он был не один. Он один из сильнейших, даже сейчас рассудок иногда возвращается к нему.

— Я могу увидеть его? — едва сдерживаясь проговорил я.

— Конечно, Кален. Это твой дом, ты можешь делать здесь все что сочтешь нужным, мальчик мой, — он подошел ко мне и положил руки на мои плечи. — Но я бы не рекомендовал тебе спускаться туда. Эта встреча не принесет облегчения, лишь причинит боль. Помни его таким каким он был, когда воспитывал тебя, когда обучал. Иначе в твоей памяти останется совсем другой образ, он бы этого не хотел. Но ты волен выбирать сам. А теперь ступай, мне нечего больше добавить.

Я вышел из его кабинета с осознанием, что сегодняшней день никогда не сотрется из моей памяти, сегодня моя жизнь опять изменилась, я потерял еще одного очень близкого и дорого мне человека и, боюсь, что это не первая, но далеко и не последняя моя потеря в жизни. Непривычная, совсем другая боль сковала мое тело и захватила разум. Стремясь сбежать от этой боли, я вышел на улицу, под проливной дождь. Холодный осенний дождь, я надеялся сможет остудить меня, унять грустные мысли, вернуть к реальности, но даже стоя под проливным дождем, промокнувший до нитки я вспоминал всю прошедшую жизнь с момента, когда Морган забрал меня из дома. Мы столько вместе пережили, мы прошли столько дорог, он столькому меня научил, неужели я не осмелюсь отдать последнюю дань этому человеку, моему названному отцу. Стекающие по лицу капли говорили мне, что для меня ничего не изменится, в каком бы состоянии я его не застал, я должен его увидеть, должен с ним проститься. Он научил меня, что долг превыше всего, и я должен отдать ему этот долг, иначе, я предаю его память. Я посмотрел на хмурое небо. Из низко висящих туч шел дождь, но совсем скоро эти прозрачные капли станут белым снегом. Зима уже близко. Замерзнут лужи, белый снег покроет шпиль и вышки нашей цитадели. Кто знает, когда меня отправят на следующее задание, кто знает сколько времени я буду в пути, кто знает сколько времени отвел безжалостный рок моему учителю, другой возможности может и не быть, нужно решаться сейчас. Тяжело шагая по разбухающим от дождя лужам, я направился ко входу в подземелье. Едва за мной закрылась тяжелая дверь холод и мрак окутали меня. Я много раз здесь бывал, это обязательный момент в обучении, тренировка, но никогда эти стены так не давили на меня, никогда прежде я не чувствовал себя здесь, словно заживо погребенный, а вот теперь... Теперь эти подземные коридоры создают именно такое ощущение, словно выхода уже нет, да и не было никогда, с самого того момента, как я встал на путь Видящего, у меня никогда больше не было другого выхода, только эти промерзшие и осклизкие стены, только этот запах безнадежной затхлости, я сам выбрал свой путь и моя дорога ведет меня именно сюда. Другого исхода нет, бывших Видящих не бывает... Только один путь позволит мне избежать этих стен — смерть в бою. Когда придет мое время я буду ее искать, только бы не возвращаться сюда, только не в этот подземный город живых мертвецов и оживших кошмаров. Дежурный не обратил на меня внимания, лишь коротко поприветствовал. Я шел по коридору по обеим сторонам которого располагались двери, каждая вела в небольшую комнату где было все необходимое для жизни. Стены и полы в них закрыты самыми мягкими коврами. Наш орден заботился как мог о том, чтобы последние дни его последователей проходили в комфорте, мы можем себе это позволить. Всех их хорошо кормили, ухаживали, облегчая боль и страдания, им, как и прежде требовался обат и дежурные исправно выполняли свой долг, зная, что когда придет их время, о них будут

заботиться точно так же. В этом мрачном месте становилось не по себе. То и дело сквозь небольшие окошки в дверях доносились стоны и крики людей, обретших здесь последний приют. Свободные комнаты оставались открытыми. Закрытых дверей было немного, чуть больше дюжины. Я быстро нашел нужную мне дверь. Сначала я просто смотрел на то, как мечется в закрытом пространстве человек, который не раз спасал мне жизнь, которому я был обязан всем. Он кричал, бросался на стены, падал на ковер и катался по нему, словно силясь погасить на себе несуществующий огонь. Потом он начинал плакать и стонать. Он был еще достаточно молод по обычным людским меркам, ему было чуть больше сорока, но в зеленых когда-то глазах теперь не теплилось ни грамма разума, они были блеклыми и холодными. Он смотрел на меня, но не видел. А я смотрел на него и тихо шептал молитву Создателю, чтобы тот не продлевал его мучений, чтобы он обрел покой как можно быстрее, ведь он достоин покоя, он был хорошим человеком, и верным своим обетам служителем. Я потерял счет времени отдаваясь молитве всей душой. Когда я окончил молиться он успокоился и будто уснул. Я решил войти и проститься с ним. Двери открывались только снаружи, чтобы несчастные не смогли выйти и покалечиться. Я тихо открыл дверь и вошел внутрь. Опустившись рядом с ним на колени, я взял его руку и сжал в своей.

— Прощай, учитель. Я буду помнить все твои уроки. Ты заменил мне отца. Обрети же покой, пусть в мире пройдут отведенные тебе дни.

Он открыл глаза и посмотрел на меня совсем так же, как когда-то, когда я был мальчишкой. В его взгляде была забота, нежность, доброта и понимание.

— Кален, мальчик мой. Что ты здесь делаешь. Тебе не место здесь. Твое время еще не пришло, ты еще совсем молод. Или это опять воспоминание... Мальчик мой, — в глазах его стояли слезы, — ты — самое светлое мое воспоминание. Прости меня, за то, что я обрек тебя на такую жизнь, ты не заслужил этого. Я отобрал у тебя жизнь... Прости меня, сынок.

— Морган, я не видение. Я здесь, я пришел проститься.

Он сморгнул слезы и сел.

— Тебе не стоило сюда приходить, ученик.

— Я уже вырос, Морган, я сам уже могу быть учителем. Теперь я сам решаю, когда и куда мне идти.

— Я знаю, Кален, знаю. И мне больно от этого знания. Мне не следовало забирать тебя из дома, не следовало, это моя вина, но мне так хотелось... иметь сына, — он смотрел мне прямо в глаза. — Прости мне эту мою прихоть, я принес твою жизнь в жертву своей мечте. Прости меня

— Мне не за что тебя прощать, Морган... — глядя на него я понял, что он ждет не своего имени, что он ждет от меня другого и улыбнувшись поправил сам себя. — Отец.

Слезы потекли по его щекам, и он крепко обнял меня. Я тоже обнял его за плечи стараясь сдерживать свои чувства, чтобы он мог мной гордиться, чтобы он увидел, как хорошо он меня воспитал.

— Ты вырос, сынок. Я очень рад, что ты зашел проститься со мной. Я хочу чтобы ты знал как я горжусь тобой, как я счастлив, что мне выпала радость быть твоим наставником. Я взял тебя мальчиком, а теперь ты уже мужчина. Это наполняет мое сердце радостью. Запомни, сынок мое последнее наставление: не верь рассказням, что иного выхода нет, что все мы оканчиваем так, как я. Сынок, я знаю тебя, я растил тебя, я видел твою силу, ты сможешь совладать с этим, ты справишься, ты должен вернуть свою жизнь, которую я похитил у тебя. Найди ее и отрекись от ордена. Это все в твоих руках. Выполни же мок

последнюю волю, Кален. Я не хочу так умирать. Я знаю, что твой кинжал при тебе, окажи мне честь, сынок, прерви эти страдания. Я бы не просил тебя, но боюсь, что мне уже не справиться с тобой, и отобрать кинжал силой у меня не получится поэтому просто дай мне его, сынок...

На этом период его ясного мышления окончился, взгляд помутнел, исчезла доброта из глаз, в них заплясал огонь безумия. Он начал нечленораздельно кричать и вырываться из моих рук. Он выкрикивал имена и проклятия, а потом осел на пол и из уголка его рта потекла слюна. Жалость переполняла меня, но я встал и вышел из камеры, закрыв за собой дверь. Я уже сделал несколько шагов в сторону выхода, когда услышал за спиной его окрик.

— Кален, не бросай меня здесь.

Я быстро вернулся к окошку.

— Спаси меня, сынок. Подари мне покой...

На этом рассудок опять его покинул. Я колебался некоторое время. Но это была его воля, он просил меня. Он никогда не просил меня ни о чем, лишь учил и наставлял, исполняя при этом мои просьбы без раздумий. Это была та малость, которой я мог ему отплатить за все добро, что он сделал для меня. Я распахнул дверь. Несчастный безумец, заменявший долгие годы мне отца, ползал по полу пачкая ковер слюной и рвотой. Когда я подошел он встал мне на встречу и хотел прыгнуть на меня, но я увернулся, он сам меня учил, но теперь уже не помнил об этом. С легким шелестом кинжал вышел из ножен. Я смотрел на него и понимал, что так будет лучше. Легким обманным выпадом я его спровоцировал и когда он приблизился я ударил его в грудь, в самое сердце, прерывая жалкое теперь существование, даря ему легкую смерть... и вечный покой. В последний момент взгляд его прояснился и он, улыбнувшись, едва заметно кивнул, в знак благодарности. Потом жизнь покинула его тело. Я уложил его на кровать. По моим рукам текла его кровь, согревая их в этом холодном безжизненном подземелье. Я вышел и больше не оглядывался. Дежурный даже не повернулся, когда я проходил мимо. Я вышел на свежий воздух. Холодный осенний ветер гулко завывая в каменных стенах цитадели заглушил мой крик. Я упал на колени и предоставил возможность косым потоком дождя, низвергающимся с небес смывать кровь с моих рук, с моей одежды, унося ее бурным потоком.

На следующий день во дворе цитадели полыхал погребальный костер. Никто не сказал мне ни слова, хотя мой кинжал так и остался в груди учителя. После церемонии, командор отдал мне кинжал.

— Морган воспитал достойного приемника. Не многие решаются на такой шаг, Кален. Он верил в тебя, и ты его не подвел, пусть же так будет и в будущем. Я бы посоветовал тебе забыть обо всем, но знаю по себе, что это невозможно. Сейчас ты заменяешь нам Моргана, но однажды, Кален, я уверен, ты сможешь заменить меня и возглавить наш орден.

Он похлопал меня по плечу. На следующий день выпал снег и я уехал из цитадели. Больше я туда не возвращался. Я предпочел, получая распоряжения, сразу отправляться к новому месту назначения, не заглядывая в старый замок на острове.

Спустя какое-то время Мирра вошла в хижину. Она подошла к очагу, погрела руки у огня и укуталась в теплый плащ. Согревшись она вновь подошла к двери и открыла ее. Облокотившись на косяк, она наблюдает за набирающим силу дождем.

— Ты любишь дождь, командор?

Такой простой вопрос, но ответ на него совсем не прост. Во время дождя начинают сильнее болеть старые раны, но в то же время обновление природы вызывает радость в душе,

дает надежду, что еще не все потеряно, что все еще можно исправить и изменить. Так хочет думать взрослый мужчина, но в памяти упрямо всплывает бой во время дождя, бурый поток, смывающий кровь с моих рук и еще один дождь во время которого я простился со своим домом, со всеми родными... дождь, после которого я отрекся от всего и отправился в первый поход со своим будущим наставником... Да, тогда тоже пошел дождь, совсем такой же... А еще я помню, как шлепала по лужам босыми ногами моя младшая сестренка, она еще не понимала, что я уйду навсегда, для нее это была лишь веселая прогулка под дождем...

— Не знаю, Мирра. Слишком много воспоминаний у меня связано с дождем... Не очень приятных воспоминаний, причиняющих боль...

— А я люблю дождь, хотя и вспомнила об этом совсем недавно. А знаешь почему, Кален?

— Я могу лишь догадываться. Но ты ведь мне расскажешь?

Она поворачивается ко мне лицом, на ее лице блестят капли воды, глаза ее печальны, и она очень грустно улыбается.

— Потому что в дождь, командор, можно плакать, и никто не поймет, что это слезы... Все решат, что ты просто попал под дождь...

Она начинает напевать очень тихую грустную песню. А я не знаю, что мне делать с этим признанием, то ли бросаться к ней, чтобы утешить, то ли сделать вид, что я, как и многие, решил, что это просто капли дождя на ее щеках. Эльфы... иногда так сложно понять какой реакции они ждут от тебя, какая будет правильной... я решаю остаться на месте и продолжаю заниматься огнем и едой. Наверное, так правильнее... не знаю. Она продолжает петь. Хрустальный голос, нежнейшие слова, тихая грусть — все это совсем не подходит к обстановке покосившегося домика у дороги, такие песни должны звучать на эльфийских праздниках в глухих лесах или в величественных замках, пропитанных эльфийским наследием. Я подхожу к девушке, все еще любующейся непогодой и протягиваю скромный ужин: еще свежий хлеб и солонина с овощами. Она принимает мой дар с улыбкой и мелодичное пение смолкает. Мы садимся на порог и думаем каждый о своем, наблюдая как падают капли.

— Какая грустная песня. О чем она? — нарушаю я затянувшуюся паузу.

— Это песня о любви, командор. Красивый рассказ с грустным концом.

— Почему конец у этой песни грустный?

Она смотрит на меня с улыбкой.

— Эльфы, ведь тоже умеют грустить, командор. И не всегда любовь среди бессмертных эльфов была взаимной, эта песня о том, как девушке приходится скрывать свою любовь, наблюдая со стороны за своим избранником... она находит в себе силы ему признаться, но он лишь указывает ей, что они не могут быть вместе, ведь она обещана другому, его брату. Так решилась ее судьба и она обречена на вечную жизнь рядом с любимым, но без возможности быть с ним.

— У вечной жизни есть свои минусы, как я понимаю, — пытаюсь пошутить я, но она не улыбается.

— Эльфы очень трепетно относятся к своей крови, браки для поддержания силы крови были очень редки, но случались, особенно когда дело касалось венценосных особ. Так что я думаю, что эта песня написана не на пустом месте. А что за воспоминания у тебя связаны с дождем? Расскажи мне.

— Пожалуй мои воспоминания не на столько грустные, если сравнивать их с твоей

песней. Просто, я никому этого не рассказывал, — грустно улыбаюсь я. — Это было так давно, Мирра, но, когда идет дождь я всегда вспоминаю свой дом.

— Ты мне рассказывал, что покинул дом еще ребенком, я помню, — она подсаживается ближе ко мне. — Расскажи подробнее.

— Когда я уходил из дома, когда я прощался со всеми своими родными, шел вот такой же дождь. С одной стороны, когда идет дождь я вспоминаю о них, с другой... меня терзает мысль, что я исчез из их жизни, а они из моей, но дождь, он остался таким же... и возможно, когда я вот так мокну под дождем, моя сестренка тоже меня вспоминает, глядя на капли дождя за своим окном.

— Ты же знатного рода?

— Можно и так сказать, Мирра. Я был вторым наследником. Я помню, как однажды подслушал разговор отца с каким-то послом. Посол говорил, что отец не должен делить наследство и титул между мной и братом, но отец сказал, что не допустит возвышения одного из нас за счет другого. Наверное, тогда я и понял, каким непростым была его жизнь и решил ее облегчить по-своему, еще детскому разумению, я решил уйти и стать Видящим, чтобы моему отцу не пришлось делать выбор. Мама... она плакала, когда я уходил, но в моих воспоминаниях... она кружится с отцом в вальсе на одном из балов при каком-то из дворов, а мы с сестренкой наблюдаем за ними с балкона, потому что вниз нас еще не пускали. На ней салатовое платье с оборками, дома она таких не носила и на балу ей было неуютно, поэтому отец и позвал ее танцевать, она любила кружиться в танце. Она смеется, ее серые глаза искрятся радостью, и отец... он смотрит на нее с такой любовью. Когда я вырос я искренне им завидовал, они были такими счастливыми вместе. Я же для себя решил, что мне не суждено такое счастье, я решил, что моя судьба предрешена и изменить ее нельзя, но появилась ты... и все изменилось в моем мире... Я тоже понял, что могу быть счастливым, — я нежно обнимаю ее за плечи привлекая к себе. — Ты дала мне надежду. А еще я помню, как шлепала босиком по лужам моя маленькая сестренка, когда провожала меня, она думала, что дядя просто идет со мной на охоту и просила принести ей белку, если я смогу ее поймать. Больше я ее не видел и так и не принес ей белку. Сейчас она замужняя женщина, у нее есть дети, она писала, что назвала сынишку Каленом и всегда его прячет, если рядом с их домом оказываются представители орденов. Сейчас ему, наверное, уже лет пять... Когда идет дождь... Я так хочу бросить все и увидеться с ними, но я так боюсь, что даже когда я их увижу, я не стану прежним, я останусь тем, кем меня сделали во имя служения свету, я боюсь, что я могу увидеть что-то, что заставит меня забыть о том, что они моя семья и просто исполнять свой долг. Поэтому, друг мой, я не люблю дождь. Но я всегда могу быть рядом с тобой, если тебе вдруг захочется погрустить под дождем.

Она прижимается ко мне, совсем как моя сестренка в детстве и тихонечко говорит.

— Напиши ей, Кален. Расскажи все то, что рассказал сейчас мне, или не все, а только то, что сможет ее порадовать. Напиши обо мне, о том, что ты нашел меня. Напиши, что ты скучаешь по ним и очень хочешь встретиться с ней и с племянниками, пообещай, что обязательно заедешь, когда... когда закончишь свое служение. Дай ей надежду. И приложи к письму белку... Хотя бы нарисованную, я думаю, ей будет приятно.

— Но, Мирра, это же ложь. Я никогда не смогу к ним приехать.

— Нет, Кален, это не ложь. Мы обязательно к ним съездим, когда этот мир будет в безопасности, когда им не будет ничего угрожать, когда ты перестанешь быть Видящим и сможешь быть просто мужем, отцом, сыном и братом. Однажды это случится. Я знаю,

Кален. Я видела это в одном из видений будущего. У нас еще долгий путь до этого, но если мы все сделаем правильно, то это случится, верь мне.

А дальше мы просто смотрели на дождь. Тяжелые грозовые тучи затянули все небо. Порывистый ветер ничего не мог с этим поделаться сколько не бился, его усилий хватало лишь на то, чтобы дождевые капли, подхваченные его порывами летели нам в лица. Начинало смеркаться, а мы все наблюдали за тем, как пузырится вода в растущих лужах. И хотя вечерняя прохлада уже давно гнала нас к приветливому огоньку, мы не торопились, наслаждаясь моментом. Моментом единения наших душ, когда были не нужны ни поцелуи, ни жаркие объятия, когда было достаточно просто быть рядом и молчать, становясь просто ближе.

Потом я уговорил ее идти спать, а сам, преодолевая боль сидел у огня, стараясь даже не смотреть в ту сторону, где, положив голову на дорожный мешок, завернувшись в походный плащ спала женщина, изменившая мою жизнь, изменившая меня, сделавшая меня сильнее и смелее. Показавшая мне, как близко порой рядом с нами ходит любовь, возвышенная и прекрасная. И сумевшая доказать, что ни один запрет и никакой самоконтроль не смогут нас однажды уберечь от ее нежных прикосновений, после которых наступает совершенно другая жизнь, жизнь, которой я не знал.

Тяжелый сон сморил меня к утру, когда дождь перестал барабанить по худой крыше нашего укрытия. Опасаясь за безопасность Мирры, я убрал подальше от себя все оружие, выработанная годами привычка хвататься за меч, здесь была просто опасна. Меня одолевали кошмары, наверное, я кричал во сне, потому что, открыв глаза я увидел ее, она трясла меня за плечо.

— Проснись, Кален, проснись. Это сон, только сон. Здесь никого нет, только я. Я с тобой. Я всегда буду с тобой...

— Мирра... — прошептал я.

В ее глазах стояли слезы, услышав мой голос она постаралась их вытереть, но поняла, что опоздала и просто прижалась к моей щеке своей щекой, обхватив меня за шею. Я обнял ее, боль не отступала, но нежная прохлада ее лица у моей щеки принесла минутное облегчение.

— Я напугал тебя? Прости. Я же предупреждал, что могу быть опасен, ты в порядке?

— Все в порядке, Кален. Я просто за тебя испугалась. Ты так кричал.

— Прости. Во сне не могу это контролировать. Это просто кошмар...

— Из прошлого? — она прикасается ладонью к моей щеке.

— Наверное... Я же не знаю, что я кричал...

Я прижимаю ее ладонь к своему лицу.

— Кто такая Ная? Ты кричал о ней...

Я опускаю глаза, это одно из самых страшных воспоминаний, наверное, потому, что оно самое первое из моего сонма ужасов.

— Ная... Это мой самый первый урок. Давай собираться в дорогу, по пути расскажу.

Мы быстро перекусываем и выходим на свежий утренний воздух. Умытый ночной грозой мир встречает нас ласковым солнцем. Пока седлаем лошадей, храним молчание. В пути будет время для разговоров, для трудных разговоров. Ндаа, это неудачно, что в первую очередь мне придется рассказывать именно про Наю. Мне бы не хотелось об этом вспоминать вообще, а тем более рассказывать, но... Мирра теперь точно не оставит меня, пока этот вопрос не будет для нее решен.

— Итак, — ее терпения хватило ровно на столько, чтобы сесть верхом и выехать обратно на дорогу. — Ная...

Напомнила она мне, о чем я должен рассказывать.

— Это было очень давно, Мирриэлль. Сразу по окончании обучения Видящих направляют в круг, так сказать для практики. Это было мое первое самостоятельное задание, — я смолкаю, вспоминаю как это происходило, свои чувства, свои ощущения, свои переживания. — Круг располагался в небольшом городке. Маги расположились в старом здании, больше походившем на форт, но совсем небольшой. Там всегда было сыро, стены обильно покрывал мох, солнечные лучи не проникали в узкие окна. Там было мрачно, но именно там я должен был провести несколько месяцев, пока получу новое назначение. Ах, да, ты же не знаешь. Видящие не задерживаются в одном круге, обычно мы проводим на одном месте не более нескольких месяцев, потом нас сменяют братья, так специально делается, чтобы мы не успевали привыкать к людям, не начинали испытывать к магам дружеских чувств или еще каких-то там... Но это не всегда срабатывает, что и послужило мне уроком. Я был еще совсем молод, мне еще и двадцати не было — это был большой риск, обычно таких молодых всегда сопровождает наставник, но моего наставника призвали в тот момент на какую-то более важную службу, и я остался один. Ная... была магичкой, очень сильной и совсем юной. Она первая встретила меня в том унылом дворе. Она была в тот момент такой яркой, солнечной. Рыжие распущенные волосы почти до бедра, яркая желтая туника, веселые зеленые глаза. Она приветливо мне улыбнулась, так словно я не был Видящим, так словно она не была магом, так как улыбаются девушки симпатичным парням. Она представилась и проводила меня к главе круга. На этом наша встреча закончилась, но она была первой, как бы мне хотелось, чтобы она была и последней... Но так не случилось... случилось наоборот. Из всех магов, а было в тот момент в круге двое учеников, пятеро опытных магов и глава круга, только Ная общалась со мной запросто, мы сидели вместе за обедами, ходили на прогулки, она любила наблюдать за моими тренировками, — я опустил глаза, все, о чем я говорил стояло передо мной цветными картинками, я помнил все, каждый миг и от этого становилось еще большее. — Совсем скоро мы стали друзьями, а потом я нарушил главный завет Видящих, я сблизился с Наей на столько, что... мы перестали расставаться даже вечерами, все свободное время я проводил с ней. Она мне много рассказывала о магах. Она была очень сильным магом огня, еще немного и она стала бы руководить собственным кругом. Еще немного... но этого не случилось. Самое страшное для меня, именно в том, что, находясь все время рядом с ней я не заметил, не обратил внимания на изменения... я доверял ей, я любил ее, лишь гораздо позже я узнал, почему был переведен прошлый Видящий, почему было решено назначить молодого... На меня рассчитывали, но я не справился, я подвел своего учителя, подвел весь орден, я провалил свое первое назначение. Могу сказать в свое оправдание, что это был единственный раз, когда я не справился с заданием. Но исправлять мою оплошность в тот раз, пришлось тоже мне самому. Через несколько месяцев я стал замечать изменения в магах, это не была одержимость, нет... Это было что-то совсем другое. Когда я рассказал о своих наблюдениях Нае, она лишь улыбнулась и сказала, что мне привиделось, она головой ручается за всех и каждого из своих братьев. Ее слова меня успокоили, но я не перестал наблюдать. Прошло еще несколько дней, и я отправился к главе круга, Родерику, чтобы рассказать ему о своих сомнениях. Родерик выслушал меня и печально кивнул головой, я помню его слова до сих пор: «Юный Видящий, ты опоздал. Сейчас ни ты, ни я уже не можем ничего сделать. Все зашло слишком далеко.

Если мы открыто выступим против них, они сотрут нас в порошок, они сильнее меня, и уж точно сильнее тебя. Как она смогла тебя обмануть, ведь тебя же учили видеть это в магах?» Он сокрушенно покачал головой. «Ная, убьет тебя в тот же миг, как поймет, что ты можешь стать препятствием на ее пути, а потом она убьет меня, чтобы я не смог вызвать очередного Видящего. Этот кабинет, юноша, моя тюрьма, уже достаточно долгое время, за мной пристально следят, а теперь они будут следить и за тобой. Под крепкими стенами этого форта уже покоятся несколько твоих братьев по ордену, если сможешь — беги отсюда, возможно, они позволят тебе уйти, ты же был ее любимчиком, а вот для меня выхода уже нет.» На этом он замолчал. Я вышел от него в недоумении. Что я такого мог пропустить. Все оказалось просто, когда любовный туман рассеялся я Увидел все. Ная не просто была сильным магом, она обратилась к запретной магии, к магии крови, и все, кто был в круге, теперь черпали энергию именно в этой стихии. Это был их притон. Я решил проследить за ними, чтобы убедиться во всем, и случай мне представился уже этой же ночью. Когда Ная решила, что я безмятежно уснул, она выскользнула из комнаты, где мы ночевали, а я последовал за ней. В одном из подвалов форта собрались все члены этого кровавого пиршества, я не успел к самому началу, но застал последствия... В ту ночь они принесли в жертву молодого парня, все стояли вокруг распостёртого на полу тела и питались его энергией, все семеро, включая мою Наю. Их руки были измазаны его кровью, они творили какое-то заклятье. В тот момент, я пожалел обо всем на свете, я пожалел, что родился, что стал Видящим, что попал в этот круг, что стал близок с ней... Она была демонически красива, и могущественна, но я понимал, что если я не смогу этого остановить, то никто не сможет, я должен был убить их всех... Магия крови — запрещена, маги крови — хуже одержимых, ими не управляют демоны, они сами становятся демонами во плоти. Но нападать на магов крови, да еще сразу после ритуала — это самоубийство, поэтому я вернулся в нашу комнату и притворился спящим. Ная вернулась ко мне, после ритуала в ней кипела страсть, она разбудила меня и не давала мне уснуть до утра. Я играл по ее правилам, в этом страшно признаться, Мирра, но я надеялся, что смогу ей помочь, смогу заставить ее измениться. Поэтому я начал не с нее. Утром, когда она спала в изнеможении, я проник в комнату одного из магов и убил его прямо в постели, во сне. А потом вернулся к ней, как ни в чем не бывало. Но я не знал, что смерть не остановит магов крови... День прошел как обычно, никто не подавал виду, что что-то не так. А ночью, они оживили его, и он им все рассказал. Я следил за ней, и видел, как оживало его тело и как оно шевелило мертвыми губами произнося мое имя. Они были в бешенстве, она бросилась в комнату, но меня там не было, я обратился за помощью к единственному возможному союзнику, кроме Создателя, я отправился в кабинет Родерика. Там они нас и нашли. Родерик научил меня за то краткое время, что у нас было, как раздвигать защитную магию Видящих и прикрывать стоящего рядом. Но в битве он не мог участвовать, он мог только лечить нанесенные мне раны, иначе, моя сила обратилась бы и против него. Я встретил их в дверях, прикрыв Родерика, перед этим он успел соорудить несколько защитных ловушек, в которые попались ученики, итак их осталось четверо. Она стояла последней, она питалась кровью своих братьев и становилась сильнее, а моя сила иссякала. Когда я убил двоих, разделявших нас, у меня уже туман стоял в глазах, я едва мог держать меч. А она стояла в дверях такая красивая, такая могущественная, такая... ужасная. Последнего убил Родерик, осталась только она. Я не мог причинить ей вреда и опустил меч, и взмолился, упав на колени, я просил ее ради нашей любви остановиться, я надеялся ее убедить, я не мог ей противостоять. Но она лишь смеялась. Ее

первый удар отбросил меня на несколько шагов, так девочка отбрасывает надоевшую куклу, а когда я упал, она склонилась надо мной и губы, что шептали по ночам о любви прошептали, что я ничтожество и все испортил, ведь я должен был стать последней их общей жертвой, после чего она сама убила бы своих братьев ради их силы, а в ее руках, что ласкали меня сотни раз я увидел кинжал, направленный мне в сердце. Я не мог сопротивляться, я был полностью в ее власти... Кинжал уже опускался, когда вмешался Родерик и она промахнулась... совсем чуть-чуть... на память о ней у меня остался шрам, возле самого сердца, согласись, очень символично. Родерик отвлек ее всего на несколько мгновений, она убила его буквально взглядом, но этих мгновений мне хватило, чтобы вонзить кинжал в ее грудь, с тех пор я не расстаюсь с этим кинжалом. Она смотрела на меня своими большими зелеными глазами, а я так и не мог отпустить рукоять. Этот момент навсегда останется в моих кошмарах, Мирра, я убил женщину, которую любил, убил... потому что таков был мой долг, убил, потому что не смог спасти, убил потому что был ослеплен любовью. В кошмарах я все вижу и чувствую, я помню запах ее тела, помню ее горячие поцелуи, помню ее томные стоны, а еще я помню, как ее горячая кровь брызнула на мою кожу, я помню, как стекленели ее глаза, помню, как окровавленными губами она шептала проклятья. Это были ее последние слова, она предрекала мне вечное одиночество... А потом я увидел все это со стороны, она была похожа на бабочку, которую хулиган-мальчишка насадил на острую веточку, ее крылья-аура медленно потухала, но и я тоже уже умирал. Меня спас случай, мой наставник вернулся с задания и отправился за мной в этот круг. Он открыл дверь в кабинет Родерика, когда я уже простился с жизнью. Он опоздал на схватку, о, если бы он пришел несколькими минутами раньше, Родерик был бы жив, но он успел спасти меня. Я выжил, как видишь. И стал умнее, после этого я никогда больше не смотрел на магичек, как на женщин. В любой из них, в каждой из них, я видел Наю.

Я окончил свой рассказ и теперь мы ехали молча. Мирра думала о своем, а я вновь захлебывался переживаниями той ночи. Щемило в груди и ныл шрам... возле самого сердца. Но молчание не длилось долго, переведя взгляд с горизонта она смотрела прямо на меня.

— Я не знаю, обрадует тебя это или огорчит, Кален, но... ты действовал рационально. Обдумав ситуацию, в которой ты оказался, должна тебе заметить, что я поступила бы также. Единственное, я бы все-таки начала с нее. Обезглавив змея, мы лишаем его возможности укусить, возможно, если бы она умерла первой, все остальные или успокоились, или не оказали такого сопротивления, ведь их лидером была она. Это было единственное с твоей стороны безрассудное решение. Все остальное — это просто учебное пособие о том, как себя вести в критической ситуации. Ты не должен из-за этого переживать или винить себя в чем-то. Все было сделано правильно. И для меня совершенно понятно, что ты смог справиться там, где сплеховали твои более опытные товарищи. Так что, это скорее повод для гордости, чем для отчаяния.

— Мирра, — я смотрел на нее и удивлялся ее словам. — Но я убил человека, которого любил...

— Любил ли? Подумай сам. Разве то чувство, что испытывал ты к ней, похоже на то, что сейчас между нами? Или там было все совсем по-другому. На сколько я услышала в твоём голосе. В том, как ты подбирал слова, ты не любил ее, ты делил с ней ложе... но не более того. Или я ошибаюсь? Поправь меня, если я не права. Она просто была первой женщиной, с которой ты... проводил ночи... Но как вчера мы с тобой выяснили, физическая близость не является доказательством любви, или неотъемлемой ее частью, ведь мы с тобой

пока обходимся и без этого... Может быть я и не права, опыта у меня маловато, даже спорить не стану, но понимание процесса уже появилось, — она ехидно мне улыбнулась и подмигнула. — Так что ты можешь забыть об этом кошмаре. Это просто урок, как ты правильно заметил, просто получил ты его дорогой ценой. Кроме того, командор, если ты захочешь, мы можем с ней поговорить, Инар, сможет призвать ее дух, а ты теперь можешь говорить с духами, ты сможешь сказать ей все, что не успел сказать тогда, сможешь даже посмеяться ей в лицо, рассказав, что ее проклятие — тебя уже не преследует, что ты уже не одинок, и больше никогда не будешь. Но, знаешь, думается мне, что она сама уже осознает свою ошибку, ведь духи видят все.

Ее рука прикоснулась к моей, в подтверждение ее слов и она улыбнулась мне самой теплой из своих улыбок. Я слушаю ее и понимаю, что она говорит совершенно серьезно. Ее слова странно на меня воздействуют, я все теперь вижу в другом свете, я не любил Наю, я был к ней привязан, она мне нравилась, но это была не любовь. Женщина, которую я люблю не сможет стать магом крови, у нее нет магических сил, кроме управления энергиями и она жива и здорова, едет совсем рядом со мной, иногда наши колени соприкасаются. А с Наей все было не так. Почему же я раньше никогда не понимал этого? Я сам терзал себя, хотя причин для этого не было. Это даже странно, как я не понимал этого раньше. Или же дело совсем в другом. Дело не в том, что она мне сказала, а в том, что это мне это сказала именно она. Мирриэль... Похоже у нее есть еще один скрытый талант, она может убеждать людей в своей правоте. Тогда становится понятно, почему маги, знающие все то, что она им говорила и противящиеся этому, с радостью встретили ее выступление, она просто их убедила, с помощью своего дара...

— Как ты это делаешь, Мирра?

Она подняла одну бровь выказывая удивление.

— Как я делаю что, Кален?

— Я понял. Дело не в том, какие слова ты говоришь, а в том, что они исходят именно от тебя. Это еще одна грань твоих талантов? Ты можешь влиять на разум людей, подчиняя их мысли своей воле?

Она надула губки, как делала всегда, когда пыталась сложить в своей голове правильные слова в ответ, чем опять вызвала мою усмешку. Она ведет себя совсем, как ребенок. Но это очень опасный ребенок с такими-то возможностями.

— Я не думала об этом. Но... наверное, ты прав. Со мной сложно спорить, — она хитро мне подмигивает, и очень тихо добавляет. — Только ты сопротивляешься.

Она закусывает губу, опускает глаза и легким ударом пяток, отправляет коня вперед, оставляя меня позади. Как только я остаюсь один, начинает напоминать о себе боль, острым стилетом она пронзает мозг. Яркие вспышки воспоминаний, ощущений, переживаний, не связанные между собой, просто череда причиняющих боль, заставляющих стискивать зубы и закрывать глаза. Рядом с Миррой это не так чувствуется, а вот без нее все осложняется. Как я продержался все то время, что она путешествовала по миру? Быть может меня спасало то, что я думал о ней, думал постоянно, думал о том, что ждет нас, надо занять свои мысли, нельзя расслабляться и позволять слабости захватить меня. Тогда я думал о том, как буду ей признаваться ей в любви, я хотел сделать это как-то так, чтобы произвести на нее впечатление, чтобы она все сразу поняла, а так получается... А что получается? Я не целовал ее руки, не приглашал на верховую прогулку или охоту, не просил менестрелей петь у ее окна, разве так должно все быть??? Что у нас в прошлом? Разломы, демоны, схватки, карцер,

беспамятство, единственный поцелуй, глупые слова... осознание потери, страх, боль... Разве на таком основании строится любовь? А может быть я ничего не понимаю в любви? Может быть все баллады о ней — выдумки, и все происходит именно так? Когда совсем не ждешь, когда не готов к таким переживаниям, когда ты ждешь чего-то необычного, а любовь вырастает как обычная травинка под домом. Просто, из ниоткуда... Вчера еще не было ничего, а сегодня все изменилось и нет ничего важнее для тебя, чем простое счастье быть рядом с человеком, который еще вчера был тебе не знаком... Так что же такое любовь? Дар богов, волшебство или тяжкий труд, когда тебе приходится, забывая о себе, думать о другом, стараться стать лучше, чем ты есть, лишь для того чтобы заслужить одобрение любимого, меняться самому и незримо менять того, другого, который тоже не был готов к такому повороту или нет? Или не надо никому меняться, а нужно просто научиться принимать любимого таким, какой он есть? Таким каким ты его полюбил, помогать и поддерживать, быть рядом, когда тяжело, делить на двоих тяготы пути и радости встреч, оставаться собой и беречь это в друге? Что такое любовь? Принятие, уважение, вера... Мы используем столько разных слов, не задумываясь о их происхождении, ведь каждый вкладывает свой смысл во все эти понятия, так может любовь — это и есть встреча тех, кто все понимают одинаково, для кого не нужны долгие объяснения, с кем можно просто сидеть на крыльце, наблюдая за падающими каплями дождя. Когда не нужны слова... Никогда и ни с кем я не мог позволить себе такого, это совсем другая близость, такой близости я не видел никогда, только у родителей, да... вот оно, вот к чему я стремился, и не понимал, пока не нашел... именно такого единения, именно такого единства, когда двое становятся одним целым. И теперь, оно у меня есть, я нашел ее. Вот она едет впереди, легкая и воздушная, нежная и строгая, близкая и недостижимая. Я нашел ее. Но теперь все осложняется и чем дальше, тем больше. Что ждет нас впереди? У нас есть долг, который мы должны исполнить, любой ценой, даже ценой своих жизней. Она — не просто моя любовь, она — надежда для всего мира. Как же сложно с этим смириться... Смириться с тем, что не от моего меча и умения зависит ее благополучие, что не я, а она принимает на себя самый грозный удар, а я могу лишь быть рядом, лишь подстраховать. Лишь я знаю ее нежность, для остальных она — мудрый лидер, умеющий находить нужные слова, принимать решения, для всех — она сильная и смелая, даже со мной она прячет слезы, скрывая их за каплями дождя. Я должен быть рядом, но весь груз ложится на хрупкие плечи, а в воздушных тонких ладошка сосредоточена такая сила, рядом с которой все мои навыки просто меркнут. А теперь нужно сосредоточиться на деле. Как все пойдет? Успеем ли мы увести людей из Лоринга, смогу ли я убедить Кару и остальных, в необходимости спасаться бегством, не сложим ли мы свои головы защищая эту деревушку? И что будет дальше? Ну спасемся мы, выведем мы людей, но если права Мирриэль, и преследовать нас будут мои братья и Нейтралы, под предводительством Красного дракона, сможем ли мы с обозами, женщинами и детьми добраться до безопасных стен Держащего небеса, и откуда Мирра знает, что его стены смогут нас защитить от Дракона?

Мы едем молча, я пытаюсь себе представить, как мы будем уводить паникующих людей из окруженной деревушки. А Мирра просто едет рядом со мной.

— Ты опять задумался, командор.

Она говорит тихо, стараясь не нарушать звенящей тишины нарушаемой только ритмичным постукиванием копыт наших лошадей по еще не обсохшей после ночного дождя земле.

— Тебя опять тревожат мысли о прошлом?

— Нет, Мирриэль, я думаю о том, как спасти людей, как избежать паники и еще меня терзает мысль о том, откуда ты черпаешь знания. Откуда ты знаешь, что стены Держащего небеса станут надежной защитой? Откуда ты знаешь, что Красный дракон — красивая женщина? Иногда я смотрю в твои глаза и вижу древнюю старуху, умудренную опытом, но в основном я вижу в тебе беззаботного ребенка. Я стараюсь разобраться в тебе, но мне словно мешает что-то, словно... ты что-то скрываешь, словно... знаешь ты гораздо больше, чем говоришь. Если наша игра в правдивые ответы продолжается, я хотел бы понять, что это за тайна, с чем она связана?

Она пронзила меня негодующим взглядом.

— Кален, есть вещи, о которых я не готова говорить, эта тайна, она... Это не моя тайна, Кален, поэтому я не могу ее разглашать, поверь, когда придет время, я тебе все расскажу, но не сейчас. По поводу того, что ты видишь во мне старуху, это меня не удивляет, Кален, я получила необычный дар, чтобы его использовать правильно, мне пришлось очень быстро стать старше. Ведь что есть возраст, как не ответственность и понимание. А на мне лежит огромная ответственность. Но, — она улыбнулась, подмигнув мне. — внешность обманчива, особенно внешность эльфов. Я встретила не так много весен в своей жизни, Кален, убила совсем немного врагов, мне еще многое предстоит познавать на собственном опыте, так что твои ощущения тебя не подводят, в сравнении с тобой я — дитя.

Она опять смешно морщит носик и игриво на меня посматривает. Я улыбаюсь ей, и благодарно склоняю голову.

— А по поводу надежности стен Держащего небеса. Это древний эльфийский форт, Кален, который был построен еще во времена Драконов. Поверь мне, надежность этих стен я не подвергаю ни малейшему сомнению. Этот форт станет надежным оплотом для Хранителей. До него сложно добраться, особенно если не знаешь куда идти, а учитывая сколько у нас магов, способных влиять на погоду, скрывая цитадель в буранах и заматывая дороги к ней снегами, нам нечего бояться людей и орков. Безусловно, Красный дракон сможет нас найти, но... сама она не станет ничего делать, она слишком любит повелевать и одерживать победы чужими руками.

Я слушал ее с улыбкой, продолжая путь рядом с ней. Если чтобы полюбить женщину в ней должна быть загадка, то Мирра — идеальный вариант, в ней не просто есть загадка, она — сама таинственность. Резкая боль в области сердца заставляет меня сильнее сжать поводья в руке, левая рука немеет почти до плеча, но это всего лишь физическая боль, с этим я справлюсь. Опять напоминает о себе Ная. Но, в этот раз все по-другому, ощущения совсем другие, это не тот случай, это что-то другое, я не помню этого... Вокруг кипит битва, я рублю и режу врагов, продвигаясь вперед, но я пришел не побеждать, не в этой битве, в этот раз я ищу смерти. И я нахожу ее... Битва продолжается, но я уже не учувствую в ней. Я стою напротив неясного силуэта, не могу различить лица, все в тумане, пелена ярости, ненависти застилает мои глаза, я хочу убить этого человека, но пришел я за другим, если я поддаюсь ненависти — я потеряю нечто большее, я должен проиграть, я должен умереть... Тошнотворно сладкий, ненавистный запах клубники наполняет мои легкие... Я снимаю доспех, чтобы облегчить задачу своему противнику... Схватка не была долгой, вот уже я смотрю в глаза смерти... Ее несет тонкий стилет, зажатый в руке, одетой в ярко-красную перчатку... Рука дрожит, останавливаясь, не дотрагиваясь до моего тела, но я сам хватаю руку и направляю в свое сердце острую сталь... Теперь уже моя кровь обагрят руку в

перчатке, и я умираю через несколько долгих ударов пронзенного сердца, умираю с улыбкой на губах, умираю с осознанием, правильности решения, умираю, чтобы обрести, то, что иначе обрести никогда не смогу...

Боль отступает вместе с видением, Мирра ничего не заметила, она все так же спокойно едет рядом со мной. Я встряхиваю головой отгоняя остатки морока, мне в лицо снова дует прохладный ветерок, развевая аромат сладкой клубники, окружавший меня в видении... Странно, этого точно со мной не происходило, и этот аромат... Новый виток моего безумства или пророческое видение? Лучше забыть об этом, не думать...

Как из глубокого колодца доносится голос моей спутницы:

— Сколько их было, Кален?

Я не могу понять к чему относится ее вопрос и молчу, медленно приходя в себя. Она, видимо понимает мое замешательство и уточняет:

— Меня интересует не количество твоих любовных романов, командор, их было много, я понимаю, — она смущенно улыбается. — мне интересно скольких убитых тобой ты видишь в своих кошмарах? Сколько духов терзают тебя ежечасно?

— А, ты про это... — наконец нахожу я в себе силы для ответа, облизывая внезапно высохшие губы, в горле совсем пересохло, наверное, это нормально для того, кто только что увидел свою смерть. — Много, Мирра, очень много. Я никогда не считал, и не помнил об этом, пока... Пока не решился на отчаянный шаг, чтобы вернуть себе человечность... Видимо с возвращением человечности, возвращаются и человеческие эмоции, переживания, сожаления, все то, чего я был лишен долгие годы, все то, что заменяла мне обыкновенная физическая боль... Сейчас это все возвращается, это очень... неприятно

— Расскажи мне... Расскажи все.

— Нет, Мирра, не надо. Это слишком долгий и неприятный рассказ для меня. Это не то, что я хотел бы с кем-то разделить... Давай лучше поторопимся, нас ждут.

Она кивает и тихо добавляет:

— Нас очень ждут, Кален. Ты даже себе не можешь представить как нас ждут.

Мы прищпориваем коней.

День проходит спокойно, один раз разбойники попытались собрать с нас дань за проезд по «их территории», но стоило мне лишь взяться за рукоять меча, они сразу исчезли с нашего пути, конечно, нужно было их нагнать и проучить, но мы решили не останавливаться. Несколько дней в пути прошли без происшествий, мы просто ехали, останавливались на отдых и продолжали путь. Чтобы не засыпать на ходу, я стал понемногу спать во время дневного отдыха, пока Мирра занималась лошадьми. Так к ночи я был свеж и совершенно не нуждался в отдыхе. Несколько раз ей приходилось меня будить, прерывая кошмары, но пока что я неплохо справлялся и все обходилось без неприятностей. После пробуждения Мирра просила рассказывать ей кошмары, я понимаю, что она старается помочь мне, но после пятого рассказа я отказался отвечать на ее вопросы. Все рассказы были одинаковы, я кого-то убил и этот факт меня теперь преследует в виде кошмара, имена, лица, подробности не имеют большого значения. Это просто воспоминания. Но к моему удивлению все чаще по пробуждении я чувствовал сладкий запах клубники, и никак не мог понять, что этот запах значит и почему он меня преследует, так настойчиво всплывая в моем подсознании. Несколько раз Мирра сворачивает с дороги, чтобы закрыть ближайшие разломы. Ничего нового, ничего необычного, все так, как и должно быть. Должно быть? О чем я? Нежная эльфийка должна расправляться с демонами, закрывая проходы в их мир?

Неужели все должно быть именно так? Почему она должна сжимать в руках кинжалы, орудуя ими с ловкостью наемника? Почему все это становится так повседневно и обычно, ведь это противоестественно!!! Все должно быть не так! Но я не имею власти над мирозданием, я не могу ничего изменить! Я могу лишь быть рядом с ней, прикрывать ее спину и мечтать о том, что однажды все изменится. Но не будь она собой, не катись наш мир в тартарары разве наши дороги пересеклись бы? Разве мы смогли бы найти друг друга в других обстоятельствах? Скорее всего нет... Она бы стала женой принца эльфов, а я бы так и не решился менять свою жизнь, и окончил дни в безумии в холодном подземелье замка Видящих... Пусть все идет, как идет, мы будем лишь следовать своим путем, исполняя свое предназначение.

Еще несколько обычных дней пути. Вечером разбиваем лагерь недалеко у дороги, Мирра занимается лошадьми, пока я развожу огонь. Потом мы сидим у огня, она полупшепотом рассказывает мне какую-то эльфийскую легенду, мирные посиделки у костра, не хватает только хорошего вина. Одинокая верховая фигура на дороге привлекает наше внимание. Мирра тянется к кинжалам, я придвигаю меч поближе. Спешившись, и ведя коня в поводу, к костру подходит мужчина.

— Вечер добрый вам, путешественники. Позвольте ли разделить с вами тепло огня?

Он откинул капюшон, давая нам возможность рассмотреть его лицо. Альбинос. Почти прозрачная кожа, кажется, что сквозь нее можно разглядеть как течет кровь в его жилах, тонкие, лишенные цвета волосы выбриты на висках, а по центру головы словно гребень топорщится короткий «еж». Нас внимательно изучали странные глаза, почти бесцветные глаза, если бы он был нормальным, глаза были бы серыми и голубыми, но у него радужки почти нет и из-за этого, кажется, что у него нет глаз, только белки и черная точка зрачков в этой пугающей белизне. Несколько глубоких шрамов навек застыли на его лице, при этом не уродуя его, а придавая ему мужественности. Высокий и все еще статный, хотя он был таким всегда, он почти не изменился с нашей последней встречи, ну может только чуть заострились черты лица. Я и позволил себе расслабиться, протягивая ему руку для пожатия.

— Все в порядке, Мирра, это друг. Я знаю его.

Мужчина с улыбкой протянул мне руку, не переставая изучающе рассматривать мою спутницу.

— Командор, рад встрече. Вот уж действительно приятный сюрприз, никак не ожидал встретить в дороге именно тебя, Видящий. Да еще и в такой необычной компании. Представишь меня своей прекрасной спутнице?

— Гранд, не суди о девушке лишь по внешности, поверь, она не менее опасна, чем прекрасна. Мирриэль, это Гранд. Гранд — это Мирриэль.

Мирра, тоже не сводила с него глаз, смело отвечая на его вызов.

— Приятно познакомиться. Люди, которых Кален называет друзьями, мои друзья. А друзья называют меня просто Мирра.

— Мирра, — Гранд склонил голову в неловком поклоне, было сразу заметно, что он не привык гнуть спину. — Очень приятно.

Аккуратно сняв с седла кожаный сверток, он любовно уложил его рядом с собой, и заняв место у костра, протянул руки к огню.

— Опасное время для одинокого путешествия вы выбрали, Гранд, — завела светскую беседу Мирра, протягивая ему все еще теплую еду.

Гранд усмехнулся.

— Благодарю, за заботу. В моем ремесле бывает более или менее опасных времен, все времена одинаковые, пока есть спрос на мастера меча, пока люди готовы платить за мои навыки, я всегда в пути, иначе на пропитание не заработаешь.

— Мастер меча? — Мирра удивленно приподняла бровь, внимательнее вглядываясь в его лицо.

Я увидел, как окрасились голубым огнем ее глаза, она рассматривала его, используя энергию жизни. Результаты осмотра, видимо, остались ей непонятны, так как она нахмурила бровь и закусил губу.

Гранд спокойно ел, не обращая внимания на мою не в меру любопытную спутницу.

— Итак, Кален, что ты тут делаешь? — спросил он, покончив с ужином.

— Это долгая история, друг.

— У нас впереди вся ночь, Кален, я надеюсь ее услышать. Девочка, прекрати меня сверлить взглядом, я не знаю, что ты пытаешься высмотреть, но лучше просто спроси. Не люблю, когда меня так пристально изучают малознакомые симпатичные девушки. Кален, она случаем не из ваших? Никогда не слышал о женщинах-видящих, но сейчас такие времена, что меня уже ничем не удивить.

Я засмеялся и отрицательно мотнул головой.

— Нет, Гранд, она не Видящая. Но у нее множество других недостатков.

Мирра ничуть не смутилась.

— Это заметно даже без твоих возможностей, друг мой. Так что привело тебя в эти края? Очередной бунт магов или же просто новое назначение? Твоя спутница точно не магичка, этих я сразу отличу, могу предположить, что твое путешествие как-то связано с этой настырной барышней, так что я готов слушать тебя всю ночь...

Молниеносно быстрым движением Мирра выхватила метательный нож и замерла, всматриваясь в темноту за спиной Гранда, она прислушивалась к нависшей у костра тишине, она щурилась глазами, будто силясь что-то рассмотреть, ее настороженность передалась и мне и Гранду, я взялся за меч, и Гранд, раскрывая секрет свертка, снятого с седла, обнажил один из своих мечей. Но ничего не происходило, переступали с ноги на ногу лошади, звенели удила, тихо гудели ночные насекомые в воздухе, потрескивало пламя костра, обычные вечерние звуки, ничего необычного. Еще некоторое время Мирра насторожено смотрела в темноту, но потом так же внезапно как напряглась, она расслабилась и спокойно села у костра, спрятав нож. Мы последовали ее примеру, но разговор не заводили. Она долго смотрела себе под ноги, потом, перевела взгляд на огонь и сквозь огонь смотрела на Гранда, стараясь, чтобы ее взгляд не пересекался со взглядом мастера меча.

— Итак, Мирриэль, что это было? — не выдержал я.

Она бросила на меня странный взгляд, словно только что меня увидела, а потом перевела взгляд на Гранда.

— Ты странный, — заговорила Мирра. — Я такого еще не видела. Ты полон жизни и силы, но она странно переплетается со смертью, ничего не могу понять...

Гранд едва не подавился глотком воды.

— Да, Кален, ты всегда умел находить достойную компанию. Ты откуда, дитя? Что за тайные знания умещаются в твоей милой головке?

— Ты не Видящий. Ты не принимаешь обат, как Кален и его братья. Но смерть в тебе...

— Смерть, дитя, мое ремесло. Я живу смертью... Я несу смерть тем, кто ее заслуживает и мне платят именно за это.

— Ты наемник? Просто наемник?

— Нет, Мирриэль, Гранд не просто наемник, — вмешиваюсь в беседу я. — Гранд — мастер меча. Он продает свое мастерство, охотясь на тех тварей, от которых бегут и простые люди, и стражники, и умелые наемники. Гранд дорого берет за свои услуги, но всегда отработывает плату.

— Ты охотишься на монстров?

— Не всегда, те кого мы считаем монстрами, таковыми являются. Иногда, в облике отвратительных монстров скрываются разумные и вполне миролюбивые существа, которые отличаются от нас, но не стремятся причинить вреда, они просто хотят жить, и пытаются приспособиться. Я стараюсь им помогать, если они не представляют опасности и убиваю, если договориться не получается.

— Значит мастер меча не просто убивает монстров, а помогает им.

— Люди зачастую страшнее монстров, дитя, они более жестоки и, как ни ужасно это звучит, бездушны. Они потеряли связь со своим прошлым, немногие еще хранят в себе ту чистоту, которой одарил их Белый дракон. Они оторвались от своих корней, и за это они должны платить, высокую цену. С каждым поколением все больше нарушается связь и нарушаются извечные законы, что и приводит к таким последствиям, которые приходится решать мечом и огнем. Но я увлекся своими грустными мыслями.

— Одиночество... всегда настраивает на размышления... обычно грустные, — Мирра опустила глаза. — Но дело не в этом, совсем не в этом.

Она склонила голову набок, но уже несколько мгновений спустя, она расслабилась, напряжение прошло, и она продолжила обычную беседу.

— Мастер меча... Интересная работа.

— Это не просто работа, не ремесло, Мирра, это призвание, это смысл жизни. Мастер — это не просто красивое слово, в случае Гранда — это факт. Я не знаю никого равного ему мастерством.

Она мило улыбается, игриво посматривая на нашего гостя.

— Мастер окажет мне честь парой уроков? Мне еще многому нужно научиться.

Гранд улыбается и кивает.

— С удовольствием, только давай не сегодня. В темноте, у меня преимущество. А мне тоже хотелось бы посмотреть на что способна ученица моего лучшего ученика.

— Кален? Гранд — твой учитель? — она приподнимает тонкую бровь.

Я киваю. Действительно. Мастер меча — один из моих учителей, это под его присмотром, попав под его влияние, я махал мечом на тренировочном поле стирая руки в кровавые мозоли, стараясь уподобиться ему, я видел куда должен стремиться, видел, чего хочу достигнуть, но смог лишь приблизиться, не смог с ним сравниться. Я учился, я тренировался и даже считал, что смог добиться результатов, но я ошибался. Только понял я это много лет спустя, когда случай свел нас на поле брани, когда я стоял рядом с ним и понимал, что все мое умение, лишь слабый отблеск того мастерства, которым владеет он и мне никогда не стать таким, как он. Почему? Сложно ответить. Каждому дано свое, видимо. Я могу останавливать магов желанием воли, а он... он всю свою жизнь отдал совершенствованию боевых навыков. Он отдал этому свою жизнь, свою волю, посвятил этому всего себя. Я же не смог пойти так далеко, я лишь его ученик, который никогда не сможет сравниться с учителем.

Я посмотрел в пугающие глаза странника. Он смотрел на меня, кажется, понимая меня

без слов.

Мирра опять напряглась, опять голубым огнем блеснули глаза. Опять во что-то всматривается в темноте, но за нож уже не хватается. Потом непонимающе встряхивает головой словно отгоняя какие-то видения или мысли. Гранд не замечает ее странного поведения.

— Итак, Кален, ты здесь из-за этой юной красотки. Судя по еще свежим шрамам, она попала в какие-то неприятности, и ты отправился ей на выручку. Но ты один, а в прошлый раз, на поле брани, с тобой была темноволосая воительница, кажется ее звали Карой, тогда мне показалось, что вы отлично ладите и ты нашел себе попутчицу подстать.

— Кара занята другими делами, слышал о Хранителях, Гранд?

— Да, доходили до меня такие вести. Хорошее дело затеяли люди, поговаривают, что обосновались они в какой-то деревушке в горах, недалеко от места где должен был состояться совет земель, присоединился бы к ним, но пока дорога лежит другую сторону. В такое время людям нужна надежда, а эти хранители, дают людям и надежду, и цель.

— Гранд, Хранители — это мы. Я, Энель и Карра — основали орден, точнее воссоздали его. Кара и Энель в лагере, а я вынужден был отправиться за нашей единственной надеждой, за той, которая может закрывать разломы, за той, в жилах, которой течет древняя кровь, за той... без которой орден перестанет существовать, за той, которая нас объединила, вопреки всему, за той, которая пожертвовала собой, чтобы спасти других, за той, которая даже в плену смогла вдохнуть надежду в людей...

Гранд молча смотрел на меня.

— Я понял, Кален. Я понял даже больше, чем ты хотел сказать...

— Ну, а ты, Гранд, — прервала нас Мирра. — Ты как оказался на этой пустынной дороге, что гонит тебя вперед?

— Очередное задание. Люди увидели что-то пугающее, завеса все тоньше, появляется все больше странных существ, для меня — это прибыль. Вот меня и наняли. Правда, ничего я так и не нашел. Обыватели... ничего не понимают. Но опасности больше нет. Так что я готов сопровождать вас к вашему лагерю. И стать одним из Хранителем, если вы сочтете меня достойным, конечно.

— Но ты, бежишь, — глаза Мирры пылали голубым огнем. — Бежишь от того, что не можешь изменить, бежишь от того, что внутри тебя. Обагрив себя кровью других существ, ты пытаешься очиститься, но это не тот путь, так ничего ты не добьешься, Одинокий волк.

«Останови его» — раздался в моей голове голос Раирнаила.

Я успел среагировать и встал между ним и девушкой. Его прыжок был слишком быстр, для обычного человека, но я не был человеком, я Видел его порыв за секунду до того, как раздался голос духа в моей голове, за несколько мгновений до того, как он сам его осознал, и даже сам я не мог понять, как мне это удалось увидеть, раньше за мной такого не водилось...

— Успокойся, Гранд. Не трогай ее сейчас. С ней такое бывает. Это не она говорит. Сейчас она без сознания. Она...

Я склонился над девушкой. Она бормотала что-то на древнем языке. Сквозь закрытые века пробивался голубой огонь. Я взял ее за плечи и опустил на землю возле костра. Гранд внимательно наблюдал за каждым моим движением.

— Что с ней не так, Кален? Я видал много чудесного на своем веку, но она... я не могу понять, что она такое. Она не...

— Она необычная, Гранд, — я убрал выбившуюся у нее прядь волос, заложив за ее

острое ушко. — Как только ее не называли. Для одних — она глас и перст, для других — наследница древних, для третьих — она надежда мира, для четвертых — отступница и преступница, но для меня, Гранд, она та, ради которой я открываю глаза, та, ради которой я отказался от обата, от своего призвания, для меня — она единственная...

— Ты отказался от обата? Ты решился на это?

— Да, Гранд, решился, ради нее. Ради того, чтобы быть с ней.

— Больно?

— Не так больно, Гранд, как было, когда я нашел ее в тех казематах, с теми чувствами ничего не сравнится, все мои муки, все мои воспоминания, переживания — лишь жалкое подобие той боли, которую я испытал, увидев ее в той камере. Но ей не нужно знать об этом. — Я укрываю все еще бормочущую девушку теплым плащом. — Больно и тяжело, но я смогу это пережить. Будь осторожен с ней, она обладает удивительным даром и не одним, она умеет влиять на людей, умеет им передавать свои эмоции, она...

Добродушная улыбка коснулась губ моего собеседника, что было большой редкостью.

— Я уже понял, что ты влюблен, друг мой. Прости за мои неосторожные слова, про Кару, я не сразу разобрал твои чувства к этой девушке, ты хорошо их скрываешь. Я рад за тебя, друг мой, ты один из немногих людей, которые воистину достойны такого светлого и доброго взаимного чувства.

— Ну, а ты, Гранд. Как твои дела? Ты смог наконец определиться? На сколько я помню, обе соблазнительные чародейки отвечали тебе взаимностью, и ты был рад такому положению вещей.

— Да, так все и было, но это было давно. Все изменилось, — он грустно усмехнулся. — Мои красотки решили, что не следует двум опытным чародейкам спорить из-за обычного человека, в этой битве я не мог выиграть, они объединились, посмеялись надо мной и исчезли из моей жизни, навсегда. И вот я опять в пути, но теперь дороги назад нет, только вперед, никто меня не ждет, никому я не нужен, одинокий волк... Кажется так и сказала твоя подруга.

— Чародейки, — Мирра резко села, потирая виски. — Теперь я все поняла. Ну, или я думаю, что поняла... Это одна из них привязала к тебе что-то, она так боялась, что другая не пойдет на разрыв с тобой, что готова была убить тебя, но не отдать сопернице. Она так любит тебя, что готова убить, но не потерять опять... Или же она хотела, чтобы это давление, так или иначе привело тебя к ней, уповая, на то, что твои навыки помогут тебе выжить. О, женщины, безумие какое... Вот почему я вижу энергию смерти, смешанную с энергией жизни в тебе. Это ее неразумное воздействие. Но теперь, когда я все поняла, я смогу все исправить. Гранд, скажи мне, ты готов расстаться с любыми надеждами вернуть их вместе или одну из них? Ты готов оставить их в прошлом, ведь призванная ею сущность питается твоими воспоминаниями, твоими сожалениями, каждый раз вспоминая о любой из них, ты питаешь эту сущность, эта сущность впрыскивает в тебя капельку энергии смерти, как... ядовитая змея, которая кусает тебя только тогда, когда ты думаешь о своих прошлых любовницах, воспоминания рано или поздно, убьют тебя, вернее мечта. Я не смогу обратить ее заклятье, но я смогу удалить его последствия, и, если ты перестанешь думать о прошлом и сделаешь шаг в будущее, то все останется будет исправлено, и не будет больше на тебя иметь никакого влияния. Но пока ты сам не сделаешь решительный шаг, я смогу лишь облегчать твою боль и оттягивать твою смерть.

Гранд смотрел на нее, спокойно, его, кажется, даже не удивляли ее слова.

— Я чувствовал, чей-то взгляд, чье-то присутствие, но не мог понять, что это. Теперь мне все понятно.

— Ты должен простить их и забыть. Забыть навсегда, как они того и хотели. Ты исполнишь свою часть договора, и я помогу тебе. Если ты готов, я могу начать.

Гранд молча кивнул. Глаза Мирры снова засветились голубым огнем, она заговорила на древнем языке, связывая слова в сложные предложения. Я молча наблюдал. Еще одна особенность моей возлюбленной? Ну, что же, с такой спутницей жизни я точно не заскучаю. Я внимательно наблюдал за Грандом и Миррой, но кроме неясного бормотания, ничего не происходило. Мирра, встала и подошла к Гранду. Ее рука легла ему на плечо, а потом аккуратно провела рукой по его спине. Она продолжала бормотать, но ее шепот становился все неразборчивее, глаза закрылись, и я понял, что она оседает на землю. Я подхватил ее на руки и уложил у костра, опять укрывая теплым плащом. Гранд смотрел на меня спокойно, из его взгляда исчезла тревога и озабоченность, в них вновь светился огонь, молодой и озорной.

— Не знаю, что она сделала, но мне стало как-то спокойнее. Она не владеет магией, но что-то в ней есть, завораживающее. Если бы я не видел, как горят твои глаза, как ты к ней относишься, я бы попытал счастья. Но не стану... вы прекрасная пара, Кален, и я искренне рад, за тебя, мой лучший ученик.

— Давай присядем к костру, она еще не раз тебя удивит, друг, если ты решил остаться с нами, придется сталкиваться с удивительным постоянно. Например, могу тебе рассказать, что мы очень спешим, потому что Мирра увидела, что нашему лагерю, угрожает опасность. Я не знаю откуда она все это знает, как получается, что она видит, то что происходит, но она знает, и я ей верю, во всем. А мне будет спокойнее, если ты будешь с нами, временами мне кажется, что я могу причинить ей вред, в те минуты, когда не могу контролировать себя, она неплохо владеет оружием, но боюсь, что противостоять мне она не сможет, а так, ты сможешь если что ее защитить от меня. Ты понимаешь?

— Понимаю, видел ваши подземелья в цитадели, видел, людей там... Я все понимаю. За нее можешь не переживать, как за сестрой буду присматривать. За младшей, очень странной, но любимой сестрой.

Наш разговор прервал внезапный крик ворона. Мирра опять проснулась. Черный ворон сделал несколько кругов у нашего костра и опустился рядом со мной. Мирра прильнула ко мне и вздрогнула.

— Это из Лоринга, — тихо прошептала она.

Это действительно был ворон от Вейта. Тревожные новости принесла ночная птица. Вейт писал о том, что кольцо вокруг деревни сжимается, нужно торопиться. Каждый день они видят все больше костров, каждый день прибывают новые люди, каждый день, они слышат звуки горнов и барабанов. Он просил нас поторопиться. Вороны от Инариэля уже оповестили их о нашем плане, он был принят без рассуждений. Население оповещено и уже подготавливаются к отходу, ждут только нас. Энель и Кара, одобрили план отхода.

— Нужно торопиться, — вздрогнула Мирра. — Времени совсем мало осталось. Всего несколько дней, Кален, несколько дней. Нам нужно торопиться.

— Не волнуйся, ложись отдыхай, Мирра, с самого утра отправимся в путь, мы успеем.

— Ты не понимаешь, Кален, жертва... она уже найдена, ее уже ведут... Черное дерево напьется крови, не той, но ей хватит и этого, это будет началом конца... разлом... освободит ее, даст ей силы... она не сможет обращаться, пока... все-таки кровь не та... но в скором времени... она наберется сил, напьется крови и красным укутает мир... реки окрасятся

багрянцем, небеса взорвутся алым, снег перестанет быть белым... ветер разнесет крупницы ненависти и охватит хаос все дома и дворы, красной пеленой глаза закроет... время уходит... не вернулась к зеленому мощи, не возродилось белого пламени... без них нет пути к спасению... А они еще не готовы, слишком быстро, надо спешить...

Она стояла у огня, бледная и растрепанная, ветер подхватывал обрывки ее фраз и уносил в темную даль.

— Да, Кален... Эта ноша не по моим плечам, стар я уже с такими странностями мириться. Уж больно твоя Мирра... не от мира сего, не по мне, — помогая мне в третий раз за вечер укрывать ее, приговаривал Гранд. — Мне бы обычную женщину найти...

Я рассмеялся.

— С обычной, ты заскучаешь и сбежишь, искать приключений. Тебе нужна женщина, которая сможет покорить тебя своим умом, соблазнить своей красотой и удержать хитростью... Так что обычной и простой, такую женщину вряд ли можно назвать.

— И главное, никакой магии, устал я уже от этих необъяснимых явлений, а в остальном ты прав. Но пока, нас ожидает путь, как я понял, с самого утра берем хороший темп и торопимся на выручку к вашим людям в Лоринге, — он задумался на несколько секунд. — Если поторопиться тут осталось дней шесть пути, не больше, а если менять лошадей, то и быстрее доберемся. Мы-то с тобой наездники справные, выдержим, а девочка? Сможет в седле столько продержаться-то?

Любовно глядя ее по голове, отгоняя от ее сонного разума кошмары и дурные сны, я посмотрел ему в глаза.

— Она сильная, Гранд, она выдержит. Теперь, надеюсь ее уже ничто не потревожит и я могу тебе рассказать, откуда мы едем, и, думаю ты будешь удивлен, всем что услышишь и поймешь на сколько Мирриэль необычная... Раир, ты здесь?

«Конечно, Кален. Я присмотрю чтобы ей ничего не снилось и предупрежу, если что-то будет не так, можешь отдохнуть и поговорить с другом. Кстати, его. ммм... преследователь, тоже здесь, так что не напоминай ему о прошлом, иначе Мирре придется все повторять, а ей силы потребуются для другого...»

— Хорошо, Раир, я понял. Проследи за ней в мире снов.

«Не волнуйся, все будет в порядке...»

Гранд наблюдал за мной с нескрываемым интересом, но не мешал.

— Итак, мы здесь не одни, есть еще Раир... Путешествие с вами, хранители, становится все более запутанным и увлекательным, как я прежде без этого обходился?

— О, прости, забыл тебя предупредить, я уже на столько свыкся, что Раир всегда с ней, что забываю, как это может дико выглядеть для сторонних наблюдателей. Раир — дух, он ее... оберегает.

— Дух, значит. Это многое объясняет. Многое, но не то, почему ты с ним разговариваешь?

Я потер подбородок, изложить сокращенную версию не получится, придется начинать с самого начала и рассказывать со всеми подробностями. Чтобы не вызывать дополнительный вопросов и все пояснить. Я почесал затылок.

— Ну, если коротко, то это видимо один из побочных эффектов отказа от обата, я не только не перестал быть Видящим, не только не потерял все свои навыки, но вопреки всему, обрел новые, в частности, теперь я могу слышать духов и разговаривать с ними. Сейчас бы выпить чего-нибудь, рассказ будет долгим...

Гранд достал из седельной сумки большой бурдюк и самодовольно улыбнулся.

— Как знал, запасаю и берег, рассчитывал, что пригодится и вот выпал случай. Начинай с самого начала и ничего не пропускай... Вина тут много, и пусть оно не самого лучшего качества, но нам до утра хватит... Как ты ее нашел?

— Я был в рейде, после трагедии на собрании земель, я и Кара выдвинулись с поисковыми группами, в надежде найти выживших, и я нашел, единственного выжившего при довольно странных обстоятельствах... Это была она...

Мы просидели у костра всю ночь, под тихие порывы ветра я медленно вел свой рассказ. Внимательно слушая меня, Гранд не торопясь, аккуратно, почти любовно занимался своими мечами, вынутыми из того самого кожаного свертка. Тихий шелест точила, ровняющего и без того идеально острую сталь, создавал почти домашний уют, намекая на безопасность и уверенность. Бескрайний звездный купол висел над нашими головами и, казалось, каждая звездочка прислушивалась к моей тихой речи, и луна жадно ловила каждое мое слово. Гранд был благодарным слушателем, он не перебивал, иногда задавал уточняющие вопросы, и с нескрываемым удивлением посматривал на мирно посапывающую рядом со мной девушку. А я уложил ее голову к себе на колени, чтобы чувствовать каждый ее вдох и выдох, тепло ее дыхания дарило мне спокойствие и уверенность, что ради этого стоит продолжать жить, стоит продолжать бороться. Воспоминания захватили меня и даже ежевечерняя боль отступила, давая мне возможность продолжать свой рассказ, не стискивая ежечасно зубы, сдерживая стоны. Когда солнце уже сменила свою белолицую подругу на небосклоне мой рассказ был окончен, все наши приключения и переживания, были известны Гранду. Я рассказал ему все, что было известно мне.

Он встал, разминая ноги, затекшие от сидения в одной позе, и сладко потянулся.

— Тебе нужно рассказать эту историю менестрелю, выйдет отличная баллада. И хотя я пока не знаком со всеми действующими лицами, я понимаю, что многие из них далеки от заурядных личностей. Компания как раз по мне. Я очень рад, что ночная дорога привела меня к вашему костру. Это будет славное дело, гораздо более крупное, чем мои обычные дела и, не менее достойное.

Мирра открыла глаза и улыбнулась Гранду.

— Вы меня так и не разбудили, я опять проспала всю ночь, а вы так и не сомкнули глаз. Я улыбнулся.

— Тебе нужно было отдохнуть, нам нужно торопиться, ты помнишь?

— Да, — она зевнула и почесала щеку. — Ворон от Вейта. Я помню, но вот дальше...

— А дальше, ты опять впала в транс, за вчерашний вечер в третий раз, многовато, для пары часов, даже по твоим меркам, поэтому мы и решили дать тебе выспаться, — я тоже встал, разминая ноги. — Давайте перекусим и отправимся, лошадей придется менять, нам нужно поторапливаться.

— Гранд обещал со мной потренироваться, — она подмигнула нашему спутнику.

— И я сдержу слово, девочка, но давай сперва, мы сладим неотложные дела, спасем ваших людей, а потом, когда доберемся до безопасного места, у нас будет масса времени на тренировки и, обещаю, я не стану тебя щадить.

Она звонко рассмеялась и довольно кивнула в знак согласия. Мы не стали задерживаться, свернув лагерь и наспех перекусив мы оседлали лошадей и сразу пустили их во весь опор, нам нужно было торопиться.

Подгоняя лошадей, не останавливаясь без лишней надобности, мы неслись вперед.

Мирра шипела и бурчала, но темпа не сбавляла, хотя было видно, что она очень устала, она не жаловалась. Мы нигде не задерживались дольше необходимого для смены лошадей иногда даже ели, не спускаясь с седла. За четыре дня, мы покрыли весь оставшийся путь и оказались у подножия гор, до Лоринга оставался всего день пути. Осматривая местность, мы находили следы пребывания здесь больших скоплений людей. Наши опасения были не напрасны, но мы так никого и не встретили, нас пропускали в ловушку, как и было запланировано, никто нам не преграждал пути, никто не останавливал, мы видели следы стоянок, но не сами стоянки и не встретили людей, которые окружали горную деревеньку. Наткнувшись на первые следы стоянок, мы больше не решились на ночевки и продолжали путь. Уставшие и измотанные, мы все-таки заметили наших разведчиков и остановились, давая им возможность узнать нас.

— Командор, — рядом с нами появился человек и с усердием стукнул себя в грудь, приветствуя. — Рады вас видеть. Мы уж и не чаяли. Они все ближе. Кто такие — не знаем. Разведчики не возвращаются, потеряли уже больше двадцати человек, поэтому по приказу Ищущей, контролируем только условную границу, дальше не заходим.

— Все правильно, — спокойно ответил я. — Давайте вернемся в поселение. Там мне доложат всю обстановку, ну а мы расскажем наш план действий.

Мы валились с ног от усталости, но об отдыхе не могло быть и речи, как только за нами закрылись ворота, и смолкло ликование толпы, я отправился в командный пункт.

Там нас встретили радостные объятия друзей и дружеские похлопывания по плечу, но краткий миг приветствия и всеобщей радости сменился напряженными часами выслушивания докладов и рапортов. Гранд сразу отправился изучать местную кухню и наслаждаться выпивкой, поскольку к командному составу в данный момент он не относился, то его мучения окончились, и он мог расслабиться. Вместе с нами в палатку вошла Кара и Энель, их сопровождал Вейт, все остальные входили и выходили, окончив свой доклад. Мирриэль присутствовала в палатке, но откровенно скучала и в конце концов, тихонько уснула сидя в углу, прислонившись к стенке. Ее разбудили и отправили кушать и отдыхать. А меня засыпали информацией, и вопросами, требующими немедленного решения. Уже через час, голова моя гудела, так же, как и все остальное тело. Но мы не расходились почти до полуночи. Слава Создателю, Кара догадалась захватить из таверны еды, и я смог подкрепиться в процессе обсуждения.

Все были готовы выдвинуться в путь, по первому приказу. Я отдал Вейту карту, нарисованную Инариэлем и приказал, сделав еще три копии с карты, собирать женщин и детей. Выдвигаться, судя по докладам нужно было незамедлительно. Вейт вышел из палатки отдавать приказы и вернувшись через час доложил о готовности. Первые поселенцы были готовы выдвинуться в путь в любую минуту. Мы не стали откладывать и под покровом ночи, не зажигая факелов, в полной тишине, к тайному ходу двинулись первые люди, нагруженные пожитками женщины с детьми. Вел первый отряд Вейт, вместе с ним, были отправлены три десятка солдат из ополчения, которые помогали с поклажей и успокаивали особо взволнованных женщин.

— Итак, — подвел я итог. — Первая сотня в пути. По их следам, к утру, должна отправиться вторая. Последними будут уходить опытные воины, они должны будут сдерживать натиск, до последнего, если вдруг, наши враги решат пойти в атаку. Стоять насмерть прикрывая отход мирных жителей. И взорвать вход в пещеру, если возникнет такая необходимость, чтобы отсечь преследователей.

— Нам нужны добровольцы, которые согласятся остаться, Кален, — твердо сказала Кара. — Это должно быть сделано в любом случае. Кто-то должен пожертвовать собой, чтобы спасти остальных. Я могу остаться.

— Нет, Кара, это даже не рассматривается, мы никого не оставим, — так же твердо сказал я. — Тем более тебя. Ты поведешь вторую группу, Энель третью. Я уйду с последними, мы должны спасти всех.

— Но, Кален, — возразила Энель. — Снег такой мягкий, прочитав по нему следы сможет даже ребенок, тем более, когда уходит столько людей.

— Вместе со мной, пойдут самые опытные воины, если мы успеем вывести всех мирных жителей, то наш отряд, будет прикрывать тыл, поверь в пещерах, они потеряют след, без карты, они не пройдут, наш отряд, постарается скрыть все следы, чтобы не облегчать им задачу. Взрывать вход, будем только в том случае, если не успеем всех вывести, в этом случае, решения я буду принимать на месте, но, очень надеюсь, мы успеем.

Кара неодобрительно покачала головой, ей не нравился такой план, но другого у меня не было. Мирра сказала, что нам не выстоять, я склонен был с ней согласиться и поэтому мои решения должны были спасти жизни, а не склонять кого-то к героизму. Заметив мою усталость, Энель поднялась.

— Тебе нужно отдохнуть, Кален. Хотя бы несколько часов. Иди поспи. А когда мы все будем в безопасности, ты нам все расскажешь, что происходило с вами там.

Я устало кивнул. Мы вышли из палатки, и я отправился к себе, простившись с подругами. С трудом переставляя ноги я подходил к своему ночлегу. За время моего отсутствия лагерь разросся. Прибывали все новые люди. И новобранцы, и простые селяне, ищущие убежища. Костры горели повсеместно, но это и к лучшему, без них я бы не смог отыскать свою палатку, или даже пройти, не спотыкаясь на каждом шагу о вездесущие веревки поддерживающие хлипкие укрытия солдат и переселенцев. Вот она... Ноги налились свинцом, остро кольнуло в груди... Там на обычном месте, под моей лежанкой все еще лежит шкатулка, обитая черным бархатом, в ней есть пузырек и много голубых кристаллов... Внезапно свалившаяся на меня боль, едва не заставила меня закричать. Стискивая зубы, пытаюсь восстановить дыхание и перетерпеть внезапный обжигающий и одновременно леденящий, разрушающий, укол боли я остановился, не решаясь поднять полог. Боль ослепляла, разрывала голову, обжигала внутренности и холодила конечности... Несколько минут я не мог даже пошевелиться. Мне чудилось, что я слышу призывный голос голубых кристаллов, они обещали облегчение, они сулили покой и расслабление, они звали меня... Я слышал их зов. Всего один раз, облегчить свои страдания... Одна спокойная ночь, ночь без кошмаров, без сновидений, без воспоминаний... О, это будет так чудесно... Я смогу выспаться. Мне хватит даже несколько часов такого блаженного сна... Я стиснул зубы, вытер едкий пот, катящийся мне прямо в глаза... Я не уступлю, не сдамся... Мирриэль, я делаю это для того, чтобы быть с ней... Это всего лишь боль... Я справлюсь с этим наваждением. Ее имя, даже просто мелькнувшее в голове, заглушило зов обата. Он растворился в тихом мелодичном журчании весеннего ручья, в шепоте трав, в едва слышном шуршании зеленых ветвей. Все это было в моей голове, именно такие звуки возникли в моей душе, в моем мозгу, когда я вспомнил о ней. Сжимая кулаки, я сделал решительный шаг и отодвинул полог. Я знал, что шкатулка все еще на месте, но теперь, я не слышал зова... теперь я мог сдержать этот необъяснимый порыв, я мог побороть эту слабость. Не зажигая свет, я отстегнул меч и растянулся на своей лежанке, тяжелый сон одолел меня, едва голова

коснулась подушки. Меня окружали демоны моего прошлого, но я не думал о них. С каждым ударом сердце в моей голове пронеслась лишь одна мысль — мы успели.

Жертва.

Почти не оставляя следов в осенней грязи, по холодным лужам бежала эльфийка. Подол нарядного платья был забрызган грязью и изорван. Как она не пыталась оторваться от погони, ей это не удавалось. Проклятые люди! Видимо среди них были хорошие следопыты, знакомые с местностью не хуже ее. Она все еще бежала, но силы уже были на исходе. Она кляла себя последними словами, за то, что когда-то давно отказалась от физических тренировок и посвятила всю себе светским развлечениям. Теперь умение красиво говорить и модно одеваться совсем ей не могло помочь, а вот навыки бега и самообороны, ох, как пригодились бы. Чего им надо от нее? К чему все это? Они могли бы выстрелить ей в спину, но они упорно продолжали преследование. Быть может шанс еще есть и ей удастся... Шальная мысль погасла так же быстро, как и родилась, и эльфийка упала лицом в грязь, щиколотки были спутаны веревкой, грузы по краям больно ударили по ногам. Она все еще пыталась освободиться, когда к ней приблизился воин в легких доспехах.

— Добегалась... Лучше не сопротивляйся, — он уже связывал ее запястья. — И... начинай молиться, во что бы ты не верила... Спасения не будет, ты уже мертва. Прости, но... им нельзя отказать, они умеют... убеждать...

Он резко потянул за концы веревки, путы впились в нежную кожу, эльфийка вскрикнула и по щекам ее потекли слезы, она поняла, что он прав лишь взглянув в холодные глаза приблизившихся солдат, увидев их сопровождение, она потеряла сознание.

Ее никто не трогал, с ней никто не говорил, ее тепло одели и хорошо кормили. Над ней не издевались, никто даже не пытался учинить над ней насилие. Но она понимала, что это конец. Они путешествовали верхом, ее везли на смирной кобыле, поводья которой держал в руках один из них. Но она даже и не мыслила о побеге, она уже смирилась со своей судьбой. Когда-то она была горячкой, она охлаждала пыл молодых дыхателей одним лишь взглядом, блистала великолепными нарядами затмевая многих соперниц своей красотой, а теперь она словно послушная служанка тихая и молчаливая, даже взгляд боялась поднять. Она не смотрела по сторонам, все что она видела всю дорогу была дорога, изрытая ямами и ухабами, и лошадиные копыта. Их путь не был долгим. Всего шесть дней. Правда иногда, она понимала, что утром они оказывались совершенно не в том месте, в котором останавливались на ночевку. В конце концов, она совсем потерялась. Их все еще окружал лес, но теперь это уже был не тот лес, в котором она выросла. Она не знала местности, в которой они оказались. Удивляло ее, что они не разговаривают не только с ней, но и между собой. Не было посиделок у костра и дорожных историй. Они не перекинулись даже парой слов. Следопыт, заговоривший с ней, с ними не путешествовал, он остался там же, где ее словили. Ее сопровождали три человека, орк и демон. Демон был частью команды, если не командиром. Она не услышала ни звука, но стоило демону посмотреть на кого-то из людей, как тот немедленно поворачивался к нему. Это было странно и жутко.

Теперь они удалялись от леса. Безрадостный пейзаж окружал их. Безжизненные песчаные пустоши. Ветер с каждым порывом бросал в лицо колючий песок, который забивался в нос и резал глаза. Днем было невыносимо жарко, а по ночам очень холодно. На горизонт виднелась горная гряда. Их путь лежал туда.

Она не помнила, как они оказались в этой пещере. Замшелые стены, низкий потолок, но больше всего ее поразил камень. Совершенно черная глыба, отполированная до блеска и

бурые пятна, у основания, происхождение которых не вызывало никакого сомнения. Черная блестящая тысячей огней поверхность не давала взгляду оторваться, притягивая его. Она не могла отвести глаз от этого необычного камня, и с каждой минутой наблюдения в ее душе росла боль, заставляя сердце сжиматься и замирать. Ей хотелось плакать. И появилось еще кое-что... Она потерялась, смятение наполнило ее душу и в какой-то момент она поняла, что не хочет больше жить, не хочет жить в этом мире...

Она знала, что ее желание смерти скоро исполнится. Ее уж никто не держал, она не была связана, но она даже и помыслить не могла о побеге, в этом не было смысла. Ее жизнь должна закончиться здесь. Она смирилась с этой мыслью.

Когда ее подвели к этому камню, у нее было лишь одно желание: дотронуться до него. Ее ладонь легла на гладкую поверхность. Она почувствовала ледяной холод, который в миг превратился во всепожирающий жар. Она отдернула руку. И покойно повернулась к своим убийцам. Огромный орк стоял рядом, уже обнажив кинжал. После обжигающего холода исходящего от дерева, холодная сталь клинка, пронзающая ее тело, показалась блаженством. Она даже не вскрикнула.

На последних ударах сердца она увидела, золотую дымку. Она становилась все плотнее и когда ее веки уже опускались, она увидела, как из золотого марева, появилась женщина. Словно королева, она ступила на белый снег, подставляя свежему осеннему ветру свое безупречно красивое лицо. Черные, словно крыло векового ворона волосы развевались, как знамя... Знамя смерти... И платье... Прекрасное платье цвета крови...

Бессмертные

Дрогнула бесконечная гладь реальности и рядом с Вестником, раздвигая границы реальности, появился Всемогуший.

— Что за спешность такая? Ты зачем меня вызвал сюда? Дал тебе задание, прощай куда, так ты за мной посылаешь?

— Прошу вашего милосердия, Всемогуший. Тут все осложнилось.

— Осложнилось? У тебя достаточно и сил, и полномочий чтобы доставить провинившихся Юных в Вечный дворец, что тут может осложниться?

Вестник покорно опустил голову, выказывая свое почтение негодующему Старейшине.

— Не тьяни, рассказывай. Я уж понял, по твоему донесению, что дело приобрело такой оборот, что твоей компетенции недостаточно.

— Да, Всемогуший. Дело в том, что я, как и любой другой бессмертный дух, не достигший Вашего уровня, не имею права вмешиваться в дела смертных.

— Я и не просил тебя об этом, ты должен был доставить мне троих бессмертных духов.

— Да, Всемогуший, таково и было мое задание, но видите ли... дело в том, что двое из них больше не являются бессмертными. Их души принадлежат колесу жизни, они потеряли свое могущество и бессмертие.

— Потеряли?

— Ну, первую лишили бессмертия силой, а вот второй пошел на это добровольно. Следовательно, я могу Вам доставить лишь одну из виновных. Но это не будет выполнением Вашего задания, а я никак не могу себе позволить Вас разочаровать.

— Двое бессмертных духов в одночасье отказались от бессмертия?

— Я не видел всей картины, всемогуший, но... теперь они лишь реинкарнации тех бессмертных духов, которые вас интересуют, их бессмертие аннулировано, они умирают и возрождаются.

Всемогущий нахмурил кустистые брови.

— Небывалые дела. С таким даже я не сталкивался. Ну что же, придется ждать их следующей смерти, чтобы перехватить их, пока они не вернулись в колесо жизни.

— Но тут еще такое дело, Всемогущий, — Вестник запинаясь поведал Учителю историю Орлена, Калисто и Лири. — К моему сожалению, когда я прибыл за ними, их история была уже завершена, я не успел вмешаться.

— Калисто... Я помню ее. Очень своенравная девица, жестокая, напористая, целеустремленная... Я надеялся, что из нее выйдет пусть и жестокий, но справедливый Бог. Я опять ошибся. Орлен... ммм... милый мальчик с очень ясными голубыми глазами, он стал бы отличным духом развития, его страсть докапываться до самой сути... Из него вышел бы чудесный наставник... А Лири... она была моей любимицей, чего ей-то не хватало, зачем нужно было Падать? Совсем не понимаю, никогда, ни в ком из них, я не чувствовал этой слабости. Что же нам остается, Вестник?

Вопрос был риторическим, ответить на него Вестник, естественно не мог.

— Мы не многое можем. Я так понимаю, что случилось все рассказанное тобой уже давно?

— Да, Всемогущий. Прошло уже больше сотни перевоплощений Орлена и Лири.

— Значит, чтобы я смог их осудить, они должны вернуть свое бессмертие. Вернуть его сами себе, а уж потом, я смогу что-то делать, чтобы не вмешиваться в ход Колеса Жизни. Ммм... Задача... Но ответ у этой задачи лишь один, друг мой, Вестник. Мы будем наблюдать и ждать.

Всемогущий довольно потер ладони. Это грозило стать тем самым долгожданным отпуском, о котором он мечтал столько миллионов лет. Никаких лекций и занятий, никаких учеников... Только покой и уединение.

— Ты останешься со мной. Вестник, посмотрим, что натворят мои ученики. Возможно, наблюдая за ними я смогу понять в чем моя ошибка и исправить ее. Это будет интересная история.

Весело напевая себе под нос, он принялся внимательно изучать мерцающий в бесконечной реальности мирок. Ему все равно было сколько придется ожидать развязки. Они бессмертные духи, им не понятно ограничение во времени.

Заговорщики.

— У нас нет другого выхода. Необходимо остановить это безумие. Мир катится в бездну, а все, что интересует королеву — это новые наряд и ремонт в оранжерее... Это невыносимо!!! Нужно собирать войска, обучать солдат, искать слабые места у противника, а не устраивать очередной бал, пытаясь перещеголять какую-то там выскочку герцогиню!

Темноволосый мужчина стукнул кулаком по столу, от его удара упало все, что находилось на столешнице. Стекланный фужер не удержался на своей тонкой ножке и звонко упал, оставив на каменном полу бесформенную кучу мелких осколков.

— Прости, Лоренцо, что разбил твой стакан, но я просто в бешенстве!

— Принц, вы пытались разговаривать с вашей сестрой?

— О, да, Лоренцо, я записался на пять ее аудиенций, подряд, ежедневно, преследую глупую надежду образумить ее, но все тщетно. Она не желает ничего знать и понимать, женщина, одним словом. Если бы был жив ее покойный супруг, он бы смог принять верное решение, но не моя сестра. Балы, шмотки, стекляшки и придворный треп — это все ее

интересы. Она готова опять поднимать налоги, ни на секунду не задумываясь о том, что люди и так отдают последнее, скоро начнется голод, потом, естественно, бунт... Нам не избежать силового метода решения проблем, так уж лучше этот бунт начну я, законный наследник... Потом проще будет управлять народом, за спасителем они пойдут с удовольствием, да и больших потерь удастся избежать...

— А ваша венценосная сестра, Милорд?

— Миранда... Я не знаю, что с ней делать, могу лишь надеяться, что она будет достаточно благоразумна, чтобы не оказывать сопротивления и быстро прикажет своим верным слугам сложить оружие, очень не хотелось бы причинять ей вред, — он отбросил с лица прядь темных волос, и устремил холодный взгляд карих глаз на своего соратника. — Но если она не одумается... Выживание целого народа важнее жизни одного человека, даже если этот человек их монарх...

— Фредерик, ты понимаешь, что завтра начнется гражданская война? У Миранды достаточно верных солдат...

— Отвыкших держать оружие и заплывших жиром на ее балах? Их не следует опасаться, а вот магичка, что теперь повсюду следует за моей сестрой, она может быть опасна.

— Пока она в замке, нам не следует о ней беспокоиться. Но нашими стараниями братья или сын с отцом могут оказаться по разные стороны этого конфликта.

— Я понимаю, что жертв избежать не удастся, Лоренцо. Но большие дела, требуют большой смелости. Не будет забыто ни одно имя... На чьей бы стороне не погиб воин, их семьи не будут ни в чем нуждаться, никто не забудет их имен.

Принц сжал кулак.

— Все решено, Лоренцо! Завтра приступаем. И пусть простит нас Создатель, мы делаем это ради общего блага!

Ожидание.

Долго тянулись дни пути. Пленница не доставляла хлопот, после того, как ловчий ее связал, она будто смирилась со своей судьбой, а говорят эльфы — гордецы. Да он бы зубами горло грыз, попытайся кто-то так обойтись с ним, а это покорно опускает голову и принимает пищу из их рук. Слабаки! Они не воины, не умеют сражаться, даже за свою жизнь. Это не соперники представителям его племени. Да и людишки тоже. Этих троих, что были в отряде, называли искусными воинами, а они, словно заяц в силки попали под власть демона. Даже не самого могущественного. Они глупцы, считали, что покорили себе демонов, а вот теперь их покоренные слуги показали свое истинное лицо и открыли свои намерения. Демоны знали, что рано или поздно, госпожа освободиться и тогда-то они смогут отомстить за все годы униженного служения людям. И теперь эти трое были лишь тенью, тенью своего господина. Тьфу. Мерзость! Госпожа права, все эти слабаки должны быть стерты с лица земли, нужно разрушить их города до основания, нужно дать свободу природе, ведь они возомнили себя богами и безжалостно многие века уничтожали все вокруг. Очищающий огонь на их головы. Он презирал их всех. По ночам он представлял волнующий миг, когда госпожа будет свободна, он получит свою награду за верную службу. Это будет легко, нужно просто пустить кровь эльфийке. Уже скоро это случится. Он не доверял людям и потому не спал на стоянках, он предпочитал упражняться, чтобы держать себя в форме, чтобы не опозориться перед госпожой. Во время ночных стоянок, они с демоном то и дело переносили их лагерь все ближе к цели. Но для этого им нужна была

кровь, а братъ ее было неоткуда, только от троих людей. К концу их путешествия эти трое точно умрут. Но Рыдгар не сожалел о них, он не сожалел ни о чем. Он делал то, что было угодно госпоже, то, что было угодно предкам. Хотя Марык и не появлялся, но Рыдгар чувствовал его каждый раз принося кровавую жертву, открывая проход для их отряда через мир духов. Марык молчал и продолжал его оберегать, но орк чувствовал, что в древнем духе крепнет недовольство. Однажды Рыдгар все-таки решился вызвать его на разговор.

— Марык, я знаю что ты здесь, я чувствую тебя, дух предков. Чем ты недоволен. Я исполняю свой долг.

Дух не отвечал, но потом Рыдгар услышал его голос в своей голове

— Ты делаешь, что велит тебя безумная женщина, ты не слушаешь свой разум, ты думаешь не о предках, ты мечтаешь лишь о том, что она вознаградит тебя.

— Красная богиня — требует повиновения. Она наша мать. Ее алые крылья давали нам тень, ее красота вызывает желание, ее

— Прекрати, глупец. Она не мать нашему народу! Она лишь воспользовалась нашим доверием тогда. Вы утратили истину. Ваши сказания лгут. Она не принесла нам ничего кроме кровавых схваток во славу себя. Все остальное у нас было и так. Она не учила нас, она не заботилась о нас. Но она заставила нас забыть о том, что мы и так знали без нее, она затмила разум наших вождей, они возжелали ее и племена начали сражаться между собой. Никогда прежде такого не было. Она разрушила все. Она играла ими, так же как теперь играет тобой. Мы должны были бы возненавидеть ее, но тот, кто первый разделил с ней ложе, приказал все забыть, приказал сочинить новые легенды. А знаешь, как она ему отплатила, Рыдгар? Конечно не знаешь. Он делил с ней шатер лишь месяц, потом были объявлены первые кровавые игры и он погиб, пытаясь отстоять свое право быть с Красной. А она лишь посмеялась. Он выполнил ее волю, и она даже не сошла на песок, чтобы закрыть его глаза. Когда побежденных предавали огню, она уже грелась в руках победителя и даже не вспомнила о нем!

— Ты не можешь этого знать, предок!

Марык впервые возвысил голос.

— Я дух. Я встретил здесь его дух и он поведал мне об этом все. Так что я знаю, сын мой. Я был его прямым наследником. Через несколько сотен колен, но я был его кровью и плотью. Мой предок был его сыном от первой жены, пока Красная не затуманила его разум. Ты знаешь, что он сделал со своими детьми? Он принес их в жертву Красной. Всех. Только моего предка его мать уберегла, он был на охоте в тот день, мать сбежала, чтобы успеть его предупредить. Она нашла его, хотя между ее лопаток торчала стрела, ее муж выстрелил ей в спину, когда она пыталась бежать. Но она смогла все передать старшему сыну, и он скрылся в степи и никогда больше не вернулся. Я его потомок, а ты, Рыдгар, ты мой потомок. Ты еще не понял? Ты моя плоть и кровь, и теперь мой черед спасти свою кровь от гибели. Неужели ты жаждешь разделить ложе с той, которая убила твоего предка, с той, которая убила его жену, с той, которая убила их детей?

— Я не верю твоим словам. Это не может быть истиной. Она всегда любила кровавые схватки, но мы с радостью платим ей эту дань, мы можем отплатить ей за ее заботу своей кровью, своей храбростью.

Дух презрительно хмукнул.

— Ты находишь это храбростью? Убивать своих братьев, чтобы она могла искупаться в их крови?

— Это древний обычай. Так мы доказываем свое достоинство, — Рыдгар готов был сорваться в крик.

— Нет в этом достоинства. Так же как в убийстве эльфийки у черного камня. Или этим ты тоже доказываешь свою храбрость?

— Это необходимость. Госпоже нужна ее кровь.

— Да нужна, чтобы тонкая струйка этой древней крови обратилась в багряную реку.

— Почему ты защищаешь эльфов, ведь они наши исконные враги?

— Я защищаю не эльфов, а Равновесие, сын мой. Вырвавшись Красная утопит мир в крови, и поверь, ей все равно чья это будет кровь. Для нее все равны люди, эльфы, орки, гномы, главное, чтобы в их жилах бежала горячая кровь. А теперь подумай, Рыдгар, как долго ты сможешь наслаждаться ее ласками? Ты уже не молод, сын мой. Скоро кровавые игры. Найдется множество молодых и сильных воинов, возжелавших ее так же как ты. Скольких своих соплеменников ты готов убить в ее честь? Ты уверен, что после игр именно ты останешься на ногах? Или твоя кровь вольется в ту реку, о которой я говорю?

Рыдгар чувствовал, как таяла его уверенность. Поклонение предкам — часть их жизни, едва ли не большая, чем поклонение Красному дракону. И вот один из предков, говорит, что он совершает ошибку. Рыдгар не мог ничего решить и лишь пожал могучими плечами.

— Что ты предлагаешь, предок?

— Оставь все и уйди к людям, или найди в эльфийских лесах свободное племя.

— Предать госпожу?

— Это не предательство.

— К людям? К этим мелким и жалким существам не знающим чести и достоинства?

— Ты не знаешь их. Ты встретил лишь тех, кто уже служит твоей госпоже, ты поймешь свою ошибку, когда встретишь тех, кто ей противостоит, — дух казался улыбнулся. — Всеу свой черед, сын мой. Ты поймешь свою ошибку, уже скоро. Ты не станешь слушать меня сейчас. Ты выполнишь ее приказ, но, получив желаемое, ты не успеешь им насладиться. Она предаст тебя. Она обречет тебя на верную смерть и будет смеяться над твоей глупостью задирая свою красную юбку перед следующим слепцом. Но ты будешь спасен, тебя спасет тот, от кого ты этого не можешь ждать и тогда ты поймешь все, сын мой. Тогда ты вспомнишь мои слова. И поймешь их. Больше мне нечего тебе сказать, шаман. Равновесие. Пройдя сквозь лед и предательство, ты обретешь знания и станешь достойным сыном своей крови, очистив ее от скверны Красного дракона.

Голос исчез из головы орка. Они покинули мир духов, выйдя на очередной привал. Больше Рыдгар не смог вызвать Марыка на разговор. Дух хранил молчание, оберегая его от прочих духов. Отбросив бесполезные попытки Рыдгар решил придерживаться плана госпожи.

И вот они в пещере. Одинокий черный камень посреди старых покрытых мхом стен. Рыдгар дал возможность эльфийке прикоснуться к странному камню, но сам не решился на это, его, могучего орка, пугал этот странный бульжник, а когда он увидел глаза эльфийки, понял почему. Ее глаза ничего не выражали, они стали темными и пустыми, словно глаза того демона, который в стороне допивал последнюю из трех жизней. Он пронзил ее грудь, но, когда ее кровь попала на его руку, он спешно отодвинулся от жертвы. Ее кровь была красной, но холодной, обжигающе холодной. Она была уже мертва, когда он ее пронзил. Он знал это совершенно точно. Он много раз приносил разные жертвы и всегда мог сказать сколько времени прошло со смерти. Эльфийка была мертва уже очень давно. И хотя ее

кровь, как и положено свежей крови толчками изливалась из раны, он знал, что мертва она уже несколько недель. Или это прикосновение к камню сделало с ней это? Он не успел додумать свою мысль, открылась дверь, и он смиренно опустился на колени, приветствуя свою госпожу. Она была великолепна. Еще более прекрасна, чем в тех мрачных чертогах, где он привык ее видеть. И теперь она была живой. Легко наступив на тело жертвы, она шагнула к нему.

— Мой Рыдгар. Ты все сделал, — она прикоснулась к его плечу, приказывая подняться. — Уже этой ночью, я буду твоей, орк. Не разочаруй меня. Я так хочу снова почувствовать тепло мужского тела, жар объятий и страсть поцелуев. Надеюсь, ты будешь неутомим.

А он не мог поднять на нее взгляд, видя, как впитывается в красную атласную туфельку кровь эльфийки. Богиня войны была свободна. Будет битва. Но не сегодня. Сегодня она в его власти. Он победитель, он достоин этого. Он заслужил право обладать богиней. Он резко прижал ее тело к своему и припал губами к тонкой шее, разрывая на ней платье.

Последний день Лоринга.

Порывисто отброшенный полог, впустил в палатку, не только взволнованную Энель, но и утренний здесь в горах уже морозный воздух. Разбуженный таким неприятным образом командор, не открывая глаз схватился за оружие и резко поднялся, одним движением оказавшись рядом с гостьей. Его глаза все еще были закрыты, разум еще не властвовал над телом, он все еще был во власти своих кошмаров. Энель не из тех людей, которых можно застать врасплох она легко увернулась, и оказавшись за спиной у Калена сильно толкнула его в плечо.

— Эй, Кален, очнись! Это я, Энель! Ты что творишь, демон тебя забори?

Он нелепо взмахнул руками, выронив кинжал, несколько раз быстро моргнул, привыкая к свету и открыл глаза.

— Что случилось? Я уже хожу во сне?

— Ты не просто ходишь, дружище, ты на меня напал! Что с тобой происходит?

— Кошмары, они все реальнее, мне все сложнее отличать реальность от сна... — Кален сел на кровать, надевая сапоги. — С каждым днем мне все хуже, я надеялся, что все уже в прошлом, но стоит мне ослабить самоконтроль и все начинается снова... Гранд станет замечательной гарантией того, что я никого не покалечу, надо бы предложить ему место рядом со мной, он единственный, до кого я никогда не смогу дотянуться, даже в трезвом уме, не то что во сне...

Он тяжело вздохнул и посмотрел в глаза подруге.

— Я вчера, едва не сдался, Энель. Мне начинает казаться, что вся моя задумка — просто не осуществима, слишком сильна боль, слишком тяжело, в любой момент я могу сорваться. Ночью... когда я вернулся... Ты не представляешь, чего мне стоило остановиться, руки готовы были сами тянуться туда где лежит это проклятое зелье, а ноги... Энель, я с трудом смог заставить себя не думать об этом... Я боюсь, что однажды, жажда облегчения, станет сильнее моей воли...

Он не смотрел на собеседницу, он, казалось, даже забыл о том, что здесь есть кто-то еще, он просто говорил сам с собой, уговаривая себя, доказывая себе. Глядя на него Энель понимала, что он на грани, и грань эта между окончательным безумием и полной капитуляцией бесконечно тонка, тем сложнее ей было решиться сказать то, зачем она и

ворвалась к нему таким ранним утром, нарушив его и без того тревожный сон.

Он осмысленно посмотрел на Энель.

— Срелочка, я смог побороть себя лишь вспомнив о ней, — он невесело улыбнулся. — Боюсь, я поменял одну зависимость на другую, теперь я не могу жить без нее. Даже простое воспоминание о ней, сразу перебивает все остальные ощущения. Вчера это меня и остановило. Но ты же, не просто так примчалась ко мне словно снежная буря... Что случилось?

— Я не знаю. Как тебе это сказать, Кален, — она поняла, что единственное, что поддерживает его — это звук, звук имени той, ради которой он пошел на все это. Она поняла, что если что-то случится с этой странной эльфийкой, они потеряют его в тот же миг... Так или иначе.

Он прищурился, всматриваясь в ее лицо.

— Говори, как есть. Ты же знаешь, что я почувствую любую ложь с твоей стороны, сейчас даже острее, чем прежде.

— Ее нет, Кален. Я зашла за ней сегодня, хотела позвать на завтрак, послушать ее историю, за завтраком... Постель была расстелена, вещи в порядке, седельная сумка на месте, но ее не было... Мы с Карой обыскали весь лагерь... но не нашли ее

Он резко встал.

— Следы?

Она отрицательно покачала головой.

— В лагере слишком много народа, Кален, даже не будь она эльфийкой, чьи следы достаточно сложно найти если она сама того не захочет, люди все затоптали... Постель была холодной, когда я пришла, ее не было уже достаточно долгое время.

— Да что же не так с этой девчонкой, вечно она куда-то пропадает... Идем, есть у меня пара мыслей...

Энель лишь улыбнулась, она не сомневалась, что он сможет ее отыскать, даже на другом конце планеты, даже не имея ни малейших шансов... Он найдет ее, потому что она стала его частью, частью его жизни, частью его души...

Осень в горах — безупречно красивое зрелище. Яркий утренний свет слепит глаза, отражается от вечной пелены снега под ногами. Яркое небо над головой завораживает своей глубиной. Легкие белые облака, плывут по атласному небу, так вальяжно, спокойно, так высоко. Такое умиротворение и покой. На фоне этой безмятежности, внизу черными муравьями, попирая несравненную белизну нетающего снега своими ногами суетятся люди, собираясь в долгий путь. Всегда непросто покидать свои насиженные места, где все кажется таким родным и знакомым. Покидать ради неизвестности, но неся в своих сердцах надежду, надежду на лучшее завтра, на безопасность для себя и своих потомков, надеясь на защиту и возрождение. Ведь наш дом там, где наше сердце. Упорным трудом можно воссоздать все утраченное, все, что хранится в сердцах, все что нам близко и дорого, главное, чтобы рядом были те, для кого мы готовы все это делать, кому мы готовы все это оставить после того, как нас самих не станет. Люди суетились, собирали вещи, запасались провиантом, разговаривали, шумели, спорили. Суетливая возня... Скоротечная человеческая жизнь и вечная прелесть природного превосходства.

Кален резко остановился посреди площади, идущая быстрым шагом за ним Энель едва не налетела на него. Она слышала, как он едва слышно произнес:

— Раир, где ты? Где она?

Он застыл на некоторое время, словно прислушиваясь. Его поведение настораживало ее, она уже собиралась вмешаться, когда ей на плечо легла тяжелая рука.

— Не стоит сейчас им мешать. Вы, видимо, еще много не знаете. Юная леди, уберите свой кинжал от моего живота, я, безусловно, могу вас обезоружить, но не думаю, что это хорошая мысль устраивать потасовку в таком месте, в такое время, поверьте, этим людям и их проблем довольно, не стоит их нагружать лишними размышлениями о делах им неподвластных. Мое имя Гранд. Я старый друг Калена и имею честь быть знакомым с его странными спутниками, мы вчера вместе с ними вошли в ворота этой гостеприимной деревушки. А до этого проделали хоть и не длинный, но интересный путь. К моему глубокому сожалению, нас не успели познакомить вчера. Считаю, что это необходимо исправить.

Она обернулась, встретившись глазами со странными, глазами незнакомца. Он смотрел на нее со снисходительной улыбкой. Во время его речи Кален, видимо, удовлетворенный ответом неведомого собеседника уверенно зашагал в сторону ворот, он все время что-то бубнил себе под нос, но Гранд не давал Энель прислушиваться, отвлекая ее беседой.

— Гранд. Одиночка, мастер меча. Женский угодник. Я много слышала о тебе.

Он ничем не выдал своего удивления.

— Я польщен. Никогда не мог подумать, что моя персона привлекает чье-то внимание. Я скромный путешественник, продающий свои навыки нуждающимся.

— Ты бывший нейтрал. Ты покинул орден, отказавшись от всех привилегий и регалий. Покинул из-за непримиримой вражды с руководством ордена...

— Я бы назвал это... несовпадением во взглядах, — он хитро улыбнулся. — Но я поражен вашей осведомленности. Даже Кален не смог бы так резюмировать мою жизнь. Вы многое знаете, милая леди.

— Это моя работа, — она горделиво вздернула подбородок и незаметно спрятала кинжал в ножны.

— Итак, вы знаете обо мне все, ну или почти все, а я не знаю даже вашего имени.

— Меня зовут Энель.

— Чудесное имя. И просто удивительные глаза. Вы позволите? — Гранд взял ее руку и поднес к своим губам. — Безмерно счастлив нашему знакомству, Энель.

Она не противилась, хотя уже давно отвыкла от подобных проявлений галантности.

— Что с ним не так, Гранд? Он еще в своем уме? Он разговаривает с собой...

— О, нет, Энель, не с собой. Он разговаривает с... другом. Со странным, незримым духом. В ситуации, когда Мирра выкидывает что-то из ряда вон, Раир — самый надежный источник информации, на сколько я понимаю. Поэтому Кален и советуется с ним. Просто иногда, Кален забывает, что не все могут вот так запросто общаться с духами, как он... Для большинства он выглядит сумасшедшим в такие моменты.

— С духом? Общаться? Кален? Хотя, чему я удивляюсь... В такой компании с кем угодно начнут происходить странные вещи. Непокойные нынче времена, странные...

— О, похоже, вы давно его не видели, ах, да, я позабыл... Вы не говорили с командором с того самого дня, когда он отправился за Мирриэль по зову неизвестного вам чародея. Что же, не буду портить вам ожидающее вас впечатление от прослушивания всей истории от него самого. Только не наседайте на него, поторапливая с рассказом, как бы вас не мучало любопытство. Проявите терпение. Поверьте, этот рассказ нужно слушать не в спешке, а сидя у теплого камина, наблюдая как потрескивают в нем поленья и попивая доброе вино... О, да,

вина потребуется много... Я, в свою очередь, с удовольствием послушаю эту повесть еще раз. Это так захватывающе. Настоящая баллада, осталось лишь найти подходящего стихоплета и положить это все на музыку. Этим произведением будут заслушиваться многие поколения. Странная штука любовь. Все о ней говорят, но редко кто-то сразу ее узнает, когда она приходит, а потом сочиняют баллады воспевая ее и тех, кого она поразила...

— Да вы поэт, вот уж не думала, что бывший полководец и умелый убийца может рассуждать о таких вещах, да еще с таким знанием дела, — она улыбнулась. — Баллады о вас не назовешь возвышенными, но распевают их частенько, правда обычно поет их сброд в дешевых тавернах...

— О, не знал, что есть баллады обо мне, возможно, прекрасная леди, вы ошибаетесь...

— Нет, — упрямо мотнула она головой. — По этим балладам познают науки плотской любви оборванные мальчишки, там много... очень точной информации для новичков...

— Туше, милая. Это совсем не обо мне. Просто у кого-то из певцов богатое воображение...

— Я даже знаю у кого, Гранд. И на вашем месте, я бы ее разыскала, чтобы укоротить длинный язык и переломать пальцы. Ну, в том случае, если вам не льстит такая слава...

Они были вынуждены резко остановиться, Кален вышел за ворота поселения и внимательно всматривался в белоснежную даль.

— Кален, что происходит? Объясни мне, пожалуйста.

— О, Энель, прости, совсем забыл, что я не один. — Он окинул ее невидящим взглядом. — Странное дело, Энель. Раир ее видит, но она не может быть там, где он ее видит, просто не может... Путаницу он объясняет тем, что видит лишь ее дух, не тело... Но если он видит ее дух, а тела рядом нет... Я даже думать не хочу, что это может означать. Негодная девчонка, ни на минуту ее нельзя оставить без присмотра. И ты тоже хорош, Раир. Взял и бросил ее. Что значит она попросила? Ты ее хранитель, ты должен следовать за ней всюду. Вот ответь мне куда она могла пойти? Не знаешь? А кто знает?

— Кален, ты пугаешь меня.

— О, прости, Стрелочка. Раир — дух. Я его не вижу. Но слышу, долгая история...

— А я говорил, что это долгая история, — самодовольно хмыкнул Гранд.

— Друг мой, и ты здесь, что же я рад что вы уже познакомились. Так где же мне ее искать?

— Иди туда, куда ведет тебя сердце, — легонько толкнув его в плечо предложил Гранд.

— Что? Сердце? — на секунду командор кажется задумался над такой возможностью, но потом мотнул головой. — Глупости.

Он закрыл глаза и опустил на колени, его ноги утопали в мягкой белой прохладе, но это его ничуть не смущало и не доставляло никакого неудобства.

— Что...

Договорить она не успела. Крепкая мужская рука прикрыла ей рот.

— Не мешайте ему, леди. Он Видящий. Они все черпают свою силу в вере. И в минуту трудностей, если их меч не может им помочь, они обращаются к молитве. Дай ему время. Просто помолчи.

Энель отбросила руку Гранда и злобно сверкнула на него своими зелеными глазами. Она уже успела позабыть, когда в последний раз кто-либо позволял себе подобные вольности по отношению к ней. Ее уважали и побаивались, и уж точно никто не осмеливался вот так запросто к ней прикоснуться. Но этот старик ничуть не смущался, он

совершенно спокойно смотрел ей в глаза, без следа робости или почтения. Просто неслыханно. Она кипела от ярости, но решила прислушаться к его словам. Скрестив руки на груди, она приготовилась к ожиданию. Но ждать не пришлось долго. Всего несколько минут и Кален встал, уверенно выбрав направление, он зашагал вдоль стены.

— Идемте, — на секунду он повернулся лицом к друзьям. — Я знаю где она.

— Раир ее отыскал? — поравнявшись с ним, спросил Гранд.

— Нет, я знаю где она. — Кален остановился и потер затылок. — Я не могу объяснить. Я просто вижу ее, вижу, что ее окружает, и узнаю место. У меня нет ответов... Надеюсь только, что я не ошибаюсь...

Вдоль стены они шли минут десять, после этого Кален уверенно повернулся спиной к стене и пошел в сторону равнины. Энель все время вглядывалась в снег, пытаясь найти подтверждение предположениям Калена, но снег был совершенно нетронутым.

— Здесь никто не проходил, — раздосадовано сообщила она своим спутникам, опустившись на колени и рассматривая нетронутую гладь снега.

Кален не реагировал, а Гранд лишь улыбнулся и нежно взял ее за локоть помогая подняться.

— Ты хороший следопыт, Энель, но иногда, не нужно смотреть глазами. Я долго этого не понимал, но сейчас, я верю, что сердцем можно увидеть гораздо больше.

Он еще раз неловко улыбнулся. Она отдернула руку и насупилась, это уже переходило всякие границы. Кален тем временем уверенно шагал вперед. Они шли минут десять, когда Кален остановился.

— Пригорок, мы почти на месте, совсем близко.

И действительно они увидели возвышенность. На фоне ослепительно светлого неба темнела фигура. Она стояла на самом краю, раскинув руки, словно птица, пытающаяся взлететь. На ней была только нижняя рубашка, ветер трепал легкую ткань то и дело обнажая ее бедра. Но она словно не чувствовала холодных прикосновений ледяных порывов, она не шевелилась. Кален бегом приблизился к ней и обхватив за талию привлек к себе, пытаясь согреть ее ооченевшее на ветру тело собственным теплом.

— Мирра, девочка! Что же ты опять делаешь?

Она осела в его крепких объятиях. Глаза ее открылись, на щеках заблестели и тут же замерзли на холодном ветру слезы.

— Кален, они нашли ее. Нашли древнюю кровь. Не ту, что им нужна, но тоже древнюю, она свободна. Мы не смогли это остановить. Я чувствую ее силу, ее ненависть. Скоро, совсем скоро она появится здесь и начнется наступление, нужно спасать людей... Так мало времени... — слезы маленькими алмазами горели на ее щеках, но взгляд уже проясняется, состояние транса проходит, бессвязное бормотание сменяет осмысленная речь. — Вы нашли меня по следам?

— Нет, Мирра, тебя нашел Кален, следов не было, нигде, — Гранд все еще осматривает местность настороженно щуря глаза в сторону равнины.

— Это хорошо. Я думала, как нам скрыть наш путь отхода... И вот получилось. Я рада. Я смогу вас прикрыть, всех вас. Только бы у меня хватило сил, только бы я смогла...

Она потеряла сознание. Губы ее посинели от холода, дыхание было неровным и едва ощутимым. Кален подхватил ее на руки и направился назад, к лагерю. Гранд и Энель молча наблюдали за этой сценой, слова были не нужны. Энель ощутила, как к горлу подкатывает ком, глядя на этот эпизод, она внезапно остро ощутила на сколько она одинока, ей вдруг

подумалось, что окажись она в такой ситуации вряд ли нашелся бы хоть кто-то, кто смог бы ее найти, не по следам, а следуя за зовом сердца. Кто подхватит ее вот так на руки, когда она упадет обессиленная или раненая, кто будет согревать ее в своих объятиях? Никто. Нет таких безумцев. Ее уважают и боятся, но этого вдруг стало так мало... Ледяная стена, которой она отгородилась от всего мира, внезапно дала трещину. Она даже и подумать не могла, что способна испытывать такие эмоции, она всегда этого избегала и вот теперь этот поток просто подхватил ее. Ей так хотелось заплакать от горечи, от отчаяния, холодная колючка зависти больно впиалась в ее сердце... Она сделала усилие над собой, стараясь не хлюпать носом... Да что же это происходит?

— Тебе не обязательно всегда быть мастером-шпионом, Энель, теперь ты не просто воспитанница Матри церкви, ты нечто большее, смирись с этим. Но иногда, ты можешь себе позволить быть просто женщиной, — Гранд шепнул это проходя мимо нее, и, не сбавляя шага, не оглядываясь, стал нагонять Калена.

Накатившая слабость отступила так же быстро, как и появилась и под пристальными взглядами воинов и ополченцев в ворота уже входила все та же волевая, холодная, расчетливая, молодая женщина, обладающая незаурядным умом, обширными связями и демонической хитростью. Она не принимала возражений, ей можно было только повиноваться. Все осталось там, за воротами, вдали от посторонних глаз.

Их встречали молча. Селение не вымерло пока, но вторая сотня уже стояла на площади, готовая отправиться в путь, они ожидали только Кару, которая должна была их вести, а Кара ожидала возвращения своих друзей. Когда Кален прошел мимо встречающих, не обратив на них никакого внимания, и направился к домику целителя, спеша отнести Мирру в тепло, Гранд опять затерялся в толпе, Энель остановилась возле подруги.

— Что с ней? — едва скрывая раздражение проговорила Кара.

— Она замерзла, но, думаю, ее это не остановит. Все будет нормально. Вам пора отправляться, Кара. Путь не близкий.

— Твоя группа тоже почти сформирована, Энель. К вечеру сможете выдвинуться и вы.

— Да, Кара. Встретимся на месте. Удачи тебе!

— И тебе!

Они обнялись на прощание. Кара хлопнула подругу по плечу, и повернувшись к толпящимся людям и конвою скомандовала выступление. Люди послушно выстроились в колонну и, стараясь сохранять тишину, двинулись в путь. Энель немного постояла, провожая уходящих взглядом и отправилась в командный пункт, отдавать распоряжения по подготовке третьей группы.

Кален вошел в палатку спустя несколько часов. Энель вопросительно подняла на него глаза.

— С ней все в порядке. Но нам нужно спешить. Она много бредила, в последнее время с ней это происходит все чаще. Мне кажется, что она уже не может отличать свои иллюзии от реальности, но за время нашего путешествия я понял, что ее иллюзии, какими бы бредовыми они не казались... Энель, она всегда угадывает.

— На тебе лица нет. Что она сказала?

Он подошел к столу, опершись на него руками он опустил голову.

— То, что я сейчас скажу, Энель, просто поверь, не требуй объяснений. До вечера нам нужно всех увести. Наступление начнется в ближайшее время, у нас один, максимум два дня, времени совсем не осталось. Их главнокомандующий скоро прибудет...

— Кто он? Кто они? С кем мы вступаем в противоборство?

— Это не он, Энель, это она...

— Женщина во главе войска?

— Не совсем, женщина, Энель. Красный дракон.

— Как?

— В видениях Мирриэль, Энель, завеса в одном месте уже рухнула. Красный дракон освободился из своего заточения и готов принести смерть и горе в наш мир. И начнет она с нас. Мирра видит, что разломы будут появляться все чаще, и только мы можем это остановить, мы — единственная возможность предотвратить гибель всего живого, а для этого, нам нужно закрыть разлом, через который в этот мир вернулся дракон, трудность в том, что мы не знаем где он, где его искать. Мирра, говорит, что сможет его отыскать, но у нее не хватит сил его закрыть, он открыт кровью, а не просто истощением завесы. Для того чтобы его закрыть нужна сила Источника, не спрашивай, я не знаю, что это такое. Ну, а первая наша задача — уничтожение Красного дракона.

Он потер переносицу и развел руками.

— Это ее слова, Энель. Я понимаю, что это невыполнимо, но другого выхода у нас просто нет.

— Кален, она бредит. Драконы — это лишь... метафора, это образ их не существовало никогда...

Он мотнул головой и грустно посмотрел на подругу.

— Ты не понимаешь, Стрелочка. Это не горячечный бред. К моему глубокому сожалению, дорогая подруга, это реальность... Нереальная реальность.

— Но этого не может быть, потому что быть не может... В великой книге нет упоминаний о драконах, только Создатель... Значит все остальное — ересь, ложь, неправда. Кален, ты принадлежишь к ордену Видящих, тебя учили вере в Создателя...

Он не дал ей договорить, просто подняв руку.

— Энель, я не знаю всего, не могу объяснить, но я верю ей. Она говорит, что драконы — реальные, значит так оно и есть.

— Серьезно? Почему же тогда твоя эльфийка не говорит ничего о двух других драконах. Где Зеленый, где Белый? Почему только Красный?

— Белый... — Кален закрыл глаза ладонью. — Он... он еще не может вернуться, он еще слаб, но он вернется, просто ему нужно больше времени. А Зеленый... она уже рядом... Она еще не вернула своего могущества, но она уже вернулась... Все так сложно, Энель. Я сам себе удивляюсь. За столь короткий срок я... я помню все чему меня учили, Энель, я не забыл, но... Мирра, она все видит по-другому и я не могу не верить ей... Ты думаешь, что я сошел с ума? Возможно, я не знаю... Но, Энель, я перестал употреблять обат и все еще жив, прошло уже несколько месяцев, а я все еще жив, кроме того, я не потерял свои навыки, наоборот, Энель. Вопреки всему я остаюсь Видящим и теперь не просто Вижу, Энель, я слышу, я чувствую, я... говорю с духами...

— Мы разберемся со всем, Кален. Разберемся. Просто немного позже. Сейчас нужно спасти людей. Если Мирра права... нужно поторапливаться, не важно будет там Красный дракон или обычный безумец, мы должны сделать все возможное, чтобы предотвратить кровопролитие и людские потери. Моя группа почти готова, я думаю, мы сможем выступить этим вечером и Лоринг опустеет, останутся только воины, которые будут нас прикрывать. Но у меня еще один вопрос, Кален. Мирриэль. Она идет с моим отрядом или с твоим?

— Я не иду ни с одним отрядом, — Мирра стояла в проеме, на бескровных губах играла слабая улыбка. — Она ищет меня. Если она меня найдет... это задержит ее, я смогу выиграть вам время, чтобы все смогли дойти. А потом, потом я вас найду.

— Нет, — тихо прошептал Кален. — Я не оставлю тебя. Это верная смерть. Не для того я проехал полмира, спасая тебя, чтобы сейчас опять потерять...

— Командор, это не тебе решать. Я остаюсь. Я смогу вызвать метель, она скроет все следы.

— Ты не в себе. Я не позволю тебе...

— Кален, перестань. Тут нечего обсуждать. Силы противостоять ей, есть только у меня.

— Силы? Мирра, да ты едва не умерла, заматавая свои следы на снегу. А теперь ты хочешь вызвать бурю, которая сможет замести следы эвакуации целой деревни и достаточно крупного войска?

— Я должна, Кален, пойми, пожалуйста. Мы с тобой так много говорили о долге, не мешай мне его исполнять.

Он подошел к ней и взял за руку.

— Именно этого я и боялся... Боялся потерять тебя... Позволь мне остаться с тобой, быть рядом.

— Нет, Кален, не в этот раз. Когда солнце коснется горизонта ты должен быть как можно дальше отсюда... Тогда у меня еще будет шанс спастись, я постараюсь вас догнать, ну или прийти в новую цитадель. Дайте мне десять дней. Если я не вернусь, — она осеклась, глянув на командора. — Я вернусь, обязательно вернусь. Я всегда буду возвращаться. Энель, если люди готовы, тебе пора их уводить. Передавай от меня привет корчмарю и его семейству...

— Время прощаться, — спокойно сказала Энель, подходя к Калену.

Они обнялись и пожелали друг другу удачи. Потом Энель подошла к Мирре.

— Я не стану с тобой прощаться, Энель, ни с кем не стану, — бросила она быстрый взгляд на Калена. — Вы не успеете дойти до крепости, когда я вас уже нагоню. И там мы сможем поговорить.

— Буду ждать встречи, — с улыбкой на губах ответила Энель и, кивнув, вышла из палатки.

— Тебе тоже пора, Кален. Мне надо отдохнуть. Впереди много трудностей, а я едва стою на ногах.

— Мирра, может быть мы найдем другое решение, и ты сможешь отправиться с нами, в последнее время тебе все чаще становится плохо, ты теряешь сознание, бредишь, я боюсь, что ты просто не сможешь путешествовать одна. Что с тобой происходит?

Она опустила на складной стул и спрятала лицо в ладонях.

— У меня нет ответов, Кален. Я могу тебе рассказать, что я чувствую, но что это значит... я не знаю. Тебя по ночам терзают воспоминания из твоей жизни, меня тоже... Но только это воспоминания не этой жизни... Это воспоминания всех моих прошлых жизней. Я помню все свои рождения, взросления, я помню каждую свою смерть, я вспоминаю все, что знала когда-то, все навыки, все истории, все... Понимаешь, Кален? Все!!! Я не могу сосчитать сколько личностей сейчас разрывает мой разум

— Мирриэль, если я могу помочь, я буду рад.

— Ты ничего не можешь с этим сделать, Кален, никто не может. Я должна все сделать сама, наверное, это моя судьба, мое предназначение...

— Не делай этого, — он поднял на нее печальный взгляд. — Я не смогу пережить это еще раз...

— Я тоже не смогу, Кален, я не смогу тебя потерять, но, поверь, будет лучше, если тебя здесь не будет, когда они начнут наступление. У меня будет хоть какой-то шанс, хоть самый маленький. Если ты останешься, у меня шансов нет. Давай больше не будем об этом. Твой отряд должен выступить как можно быстрее, желательно вечером, в крайнем случае утром, но чем раньше, тем лучше. Костры не гасите перед уходом, наоборот. Со стороны должно быть ощущение, что лагерь готовится к обороне, что его никто не покинул, их разведчики не должны ничего заподозрить. Я смогу поддерживать огонь и заметать ваши следы.

Он неохотно кивнул и перевел разговор в другое русло:

— Мне в голову пришла одна мысль, когда мы проезжали ущелье. Оно очень узкое, это идеальное место для засады.

Она попыталась что-то возразить, но он не обратил внимания на ее попытки, лишь позвал ее к столу, на котором были разложены карты.

— Смотри, вот здесь. Дорога идет между двух склонов. Сегодня, когда мы тебя нашли, ты смотрела как раз в ту сторону, и мне в голову пришла одна мысль. Мы можем завалить проход, а если правильно все сделать, то можно вызвать сход снега с горы, таким образом их победное шествие будет приостановлено, им придется разбирать обвал, и бороться со стихией, это даст тебе время, это даст время нам, уйти всем вместе.

Она задумалась.

— Это отличная идея, командор, но я предлагаю обрушить скалы и снег не перед ними, а на них. Таким образом мы еще и потрепать их сможем, — она невесело улыбнулась. — Это будет забавно... В истории, наверное, еще не было такого, один человек, уничтожит значительную часть войска, даже не вступая в противоборство.

— Один человек? Мирра, для осуществления, задуманного потребуются как минимум три-четыре огромных снаряда, запущенных из разных точек с минимальным разрывом по времени... Один человек не сможет с этим справиться, даже ты. Это невозможно.

Произнося это, он указывал на карте предполагаемые места установки метательных машин. Она внимательно следила за его движениями, негодуя поджимая губы.

— К двум я точно успею. Возможно к трем. Четвертую нужно поставить как можно ближе к тайному проходу, чтобы тот, кто приведет ее в действие успел присоединиться к вашей группе и отступить. Но, Кален, это не должен быть ты, ни в коем случае. Ты будешь ожидать этого человека уже в пещере.

— Я не понимаю твоего упрямства, Мирриэль. Но спорить не стану. Отправлю людей, подготовить орудия и подберу добровольца тебе в помощь. Теперь Лоринг будет ловушкой для них. Мышеловкой. А ты станешь приманкой. Именно этого я и боялся, Мирриэль, именно поэтому я не мог себе позволить думать о тебе, именно поэтому готов был отречься от тебя, теперь мои эмоции мешают мне рационально мыслить, — он дотронулся до своего лба, прикрывая широкой ладонью глаза, чтобы она не смогла увидеть его слабость, тяжело вздохнул и выпрямился, отгоняя минутное помутнение. — Мирра, если ты погибнешь, мы не сможем...

— Я не нужна ей мертвой теперь... теперь она не станет меня убивать, не так, — она слабо улыбнулась. — Я сама не могу понять этого, Кален, я просто знаю... Я вернусь, вы не потеряете меня, ты не потеряешь, я всегда буду возвращаться к тебе. Тебе нужно заняться делом, а мне нужно отдохнуть.

Она встретила его напряженный взгляд. Спокойно его выдержала, наслаждаясь нежностью, которую он излучал, и не произнося ни слова вышла из палатки. В лагере опять кипела работа, люди собирались в дорогу. Но лагерь заметно опустел, теперь не было видно детей, все дети ушли с первой группой; почти не осталось женщин, те что остались ходили вооруженными и были готовы вступить в схватку наравне с мужчинами или бежать, бросив все, что мешает передвигаться. Обозов тоже почти не осталось, вся тягловая сила и даже все домашние животные тоже были уже в пути. В напряженной тишине, обрушившейся на лагерь, лишь иногда был слышен приглушенный расстоянием волчий вой, извечный признак приближающейся беды. Она размеренным шагом прошла по лагерю, скрывая все что было у нее на душе от посторонних глаз. Опять разлука, опять она вынуждена гнать от себя того, кто был ее жизнью, опять она должна остаться одна и принять удар, но сможет ли она выдержать этот удар? Она совсем не была уверена в своих словах о том, что Калисто не захочет ее смерти, она солгала ему, чтобы обезопасить, чтобы успокоить. Ложь во спасение. Как и он лгал ей тогда на поляне. Они лгут друг другу, стремясь защитить. Это так неправильно, так больно. Слезы наворачивались на глаза. Она вошла в маленькую комнатку и едва сдерживая стоны отчаяния упала на кровать. Спрятав лицо в колючем одеяле, она заплакала. Ей было так страшно. Но так будет лучше, они должны расстаться, разойтись, быть как можно дальше друг от друга. Хотя бы пока что. Потом... когда все закончится они смогут быть вместе всегда. Но... смогут ли они дожить до этого потом... «Героям не суждено быть счастливыми» кажется так сказала ей Элрина, она аккуратно нащупала простенькое колечко в потайном кармане. Нужно еще добраться до Астера и передать ему это кольцо, освободить его. Столько всего нужно сделать, так хочется все успеть, так хочется все закончить и так хочется остаться после этого в живых. Мысли путались. Она уже не понимала, где ее мысли, где мыли прошлых воплощений, где ее сомнения, где унаследованные, она теряла нить рассуждений. Ее мысли скакали, словно дикие жеребцы на свежей траве. Не знающие аркана, седла и уделов... Такие сильные... Такие свободные... Она не заметила, как провалилась в тяжелый беспокойный сон. Сон без сновидений, но полный ощущения надвигающейся беды.

Она очнулась, когда уже темнело. Она не отдохнула, голова все еще гудела, как рой лесных пчел, но нужно было вставать, нужно готовиться к битве. Нужно постараться выжить, от этого теперь так много зависит, от нее зависит так много. Она с трудом встала, едва держась на неожиданно ватных ногах. Холодные щупальца страха скользнули под ее рубашу, вызывая приступ животного ужаса. В прохладе маленькой комнатки ее спина покрылась липким холодным потом, руки дрожали так, что расплескивалась вода из кружки. Ей так хотелось спрятаться, зарыться под одеяло и не высовываться оттуда, а еще лучше побежать к нему, броситься в его объятия и спрятаться у него на груди, да, именно рядом с ним она бы ничего не боялась, страх бы отступил. Ее место рядом с ним, но не сейчас... Сейчас нужно быть сильной, нужно заставить его уйти нужно сдержать нападающих, нужно дать время отступающим, нужно... Она с трудом взяла себя в руки. И сделала шаг на улицу. Привычным движением проверила как выходят из ножен «близнецы», сделала несколько глубоких вдохов, насыщая свежей прохладой зимнего вечера свои легкие, и отправилась разыскивать командора, чтобы поторопить его с выходом. Она успела сделать всего несколько шагов, когда по ушам больно ударило звуковой волной. Притронувшись к уху, она увидела кровь на пальцах, голова закружилась и снежной лавиной на нее повалились ощущения ужаса, усиливаемые тысячами ее реинкарнаций, голоса которых она слышала в

своей голове, жизни которых она хотела бы, но не могла забыть, не могла... Потому что она была каждым из них, а они все вместе были ею, наверное, это и есть память крови, успела она невесело подумать, когда в ее голове родились слова. Они звучали в голове оглушительным набатом:

«Никто не вернется, не останется выживших, все будет пылать в огне, ты ничего не изменишь, все они умрут, так или иначе. Смирись! Это не в твоих силах. В этой войне равны все: воин, дитя, женщина, старик, менестрель и конюший. Смерть найдут все. У каждого она будет своей... Огонь, булат, холод, глад, муки, стрела... тебе не спасти их... Ты черный вестник, беда идет по твоим пятам, все чего касаешься ты — проклято, все погибнет, исчезнет, истлеет... ты несешь смерть, ты ее слуга... Все предрешено... Смерть сильнее жизни, все сказки заканчиваются, твоя тоже заканчивается, смирись! Сдавайся...»

Она упала на колени в снег, не отойдя и несколько шагов от своего домика... Затуманенные глаза слепо смотрели в тусклые, ожидающие закат небеса, бескровные губы шевелились без звука...

— Нет... я не могу отступить... Равновесие... должно быть восстановлено... я смогу... Жизнь... Они... вы все изменили... мы все вернем, это наш мир... Мы сами будем решать! Вы... всего лишь Боги... но мы... мы сильнее, у нас есть то, чего нет у вас...

В уголках ее губ собирались капли крови, она боролась сама с собой, невидима борьба кипела в ее мозгу, разрушая его, причиняя боль, лишая рассудка... Она упала, все еще шевеля губами и сжимая в кулаки нежные ладони, она сопротивлялась воздействию... физических сил ее хватило совсем не на долго, тянулись минуты, превращаясь в годы, но дух ее все еще противился внешнему вмешательству...

Для нее прошли десятилетия, прежде чем на нее наткнулся идущий в лагерь Гранд. Ее лицо было окровавлено, стоящие рядом солдаты так и не решились приблизиться к мечущемуся на снегу телу эльфийки. Она царапала свои руки, шею и лицо, завывая, похуже демона...

— Ластерни мартедин равет... Карлин порту дан...

Гранд не отдавал себе отчет, когда бросился к ней. Он знал ее так мало, Кален так и не предупредил его... Упав возле нее он попытался схватить ее за руки, но едва руки коснулись ее, его поразил сильнейший магический удар. Оглушило так, что он ослеп на некоторое время... Это не было обычное магическое воздействие, этого в его жизни хватало, имея любовную связь с магичками он привык терпеть их выходки в пылу страсти, но это было совсем другое... Его обдало волной ледяной безысходности, боль была не физическая, совсем нет, но этот психо удар выбил мастера меча из равновесия на несколько долгих секунд. Такой тоски, такой грусти, такой ярости, такого горя ему не приходилось испытывать уже давно, лишь в подсознании его вспыхнула догадка, подкрепленная каким-то очень старым событием, но то было давно, а к тому что произошло сейчас, он не был готов, все его приключения не могли его подготовить к такому внезапному удару. Мир поблек перед его глазами, исчезли краски, серость и пустота... Ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя:

— Зовите Калена сюда. Живее!!!

Она все еще металась, оставляя на снегу багряные капли крови, когда командор подбежал, раздвигая толпу. Аккуратно орудуя несколькими поясами Гранд и еще двое зевак, перехватили ее руки, стремясь остановить ее самоистязание. Командору хватило мгновения чтобы все понять, он не обратил внимания на окружающих людей и быстро опустившись

рядом с ней на колени крепко прижал ее содрогающееся тело к земле, стремясь обездвижить...

— Мирриэль, — закричал он ей на ухо...

Она посмотрела на него невидящими глазами:

— Орлен, валдир ман кандри. Калисто... мастир дар кан, Орлен. Дарил пол надир Элирия...

Она не говорила она кричала не своим голосом. С ее губ срывались грубые звуки... Капли слюны и крови летели в разные стороны при каждом звуке, глаза то закатывались, то вылезали из орбит, она вырывалась и пыталась биться головой о замерзшую землю.

— Вааарнил кар!!! Карлин порту дан...

— Мирра, — он пытался привести ее в чувства. — Мирра, вернись!!!

Он тряс ее за плечи. Она смотрела на него все таким же замутненным взглядом, но припадок уже шел на спад. Она перестала сотрясаться, веки ее начали опускаться, но губы все еще шептали непонятные слова...

— Карлин порту дан... Карлин порту дан... Карлин порту дан... Карлин порту дан... карлииииннн... ппооооорттттууууу... даааааанннннн

Она замерла. Тело ее обмякло. Из рваных ран медленно, скапливаясь на краях, скатывались крупные пурпурные капли, оставляя красные дорожки на бледной коже. Глаза ее внезапно открылись, она схватила Калена за локти:

— Карлин порту дан, Орлен!

Она вскрикнула и прикусила губы. В изумрудных глазах вспыхнул голубой огонь и глаза медленно закрылись. Он прижал к груди бесчувственное тело, в ее груди едва ощутимо, чувствовалось биение сердца, словно маленькая птичка, из последних сил бьющаяся в силках умелого птицелова.

— Разойдись, — зычно скомандовал Гранд. — Прочь, зеваки. У вас что дел мало? Прочь! Прости, друг! С меня плохой помощник в таких ситуациях...

Обратился он к поднимающемуся на ноги Калену. Тот держал на руках бездвижное тело.

— Тут все бессильны, Гранд. Даже я. Я отнесу ее... Принеси воды, дружище...

В тесной коморке и без того было мало места, а когда в нее втиснулись двое воинов, создалось впечатление, что больше там ничего поместиться и не сможет. Кален смочил тряпицу в теплой воде, смывая кровь с ее лица и рук, Гранд рассеяно смотрел на манипуляции друга.

— Кален, что она сделала со мной? Что это было?

— Ты о чем? — не отрываясь от своего занятия уточнил командор.

— Когда я дотронулся до нее...

Кален лишь бросил короткий взгляд в сторону мастер мечей

— Прости, забыл предупредить. Это ее особенность, которая не распространяется почему-то только на меня, если до нее дотрагиваешься, когда она не контролирует свой разум, получаешь удар... Магия, наверное, у меня к ней иммунитет, у всех остальных — нет. Сильно зацепило? Ну тебе же не в первой получать магический разряд, дружище...

— Это было не то, Кален... Совсем не то... На мне пробовали всякую магию, в том числе и воздействие на разум, но такого... такого мне не приходилось чувствовать уже очень давно... Это было, — он замолчал, подбирая слова. — Словно все самое плохое, вдруг обрушилось на мою душу, такой беспомощности я не испытывал никогда, из меня словно

высосали всю жизнь, словно я стал тенью... тенью смерти

Кален не остановился ни на мгновение, лишь рассеяно пожал плечами...

— Обычно это был просто толчок, но, видимо что-то изменилось... в ней, или просто на каждого это действует по-своему. Дерн варл пройтинатлин ронаитап...

Гранд широко раскрыл глаза, глядя на Калена

— Что ты сказал?

— Говорю, что от этой девчонки можно ожидать всего, она и сама то не может объяснить, что и как она делает, даже осознанно, что говорить о неосознанных деяниях...

— Ты говорил на другом языке, Кален. Это был не общий язык и даже не эльфийский, я знаю их произношение, это что-то совсем другое... Ты говорил на том же языке, что и она, — он кивнул в сторону лежащей девушки. — Готов голову дать на отсечение, это было то же наречие. Что это?

— Не знаю, о чем ты. Я говорил на общем языке, ты просто, видимо, еще не пришел в себя после удара, вот и мерещиться всякое.

Он склонился над ее лицом протирая царапины. Она резко открыла глаза и схватила его за плечи. Острые ногти впились в его кожу, безумные глаза встретились с его глазами.

— Беги! Оставь ее! Сейчас, ваше время вышло! Твое бегство спасет ее! Уходи немедленно! До заакката лагерь должен опустеть... Карлин порту дан... карлин... порту... дан... исправить...надо... все...

Она откинулась на подушку. Ее тело выгнулось дугой, словно кто-то поднимал ее за веревку опутывающую ее талию, она изогнулась так, что постели касались лишь большие пальцы ног и самая макушка головы, так что он испугался, не сломает ли она себе позвоночник, застыв на несколько секунд в такой неестественной позе, она издала душераздирающий крик, еще сильнее выгнулась и упала.

Гранд смотревший со стороны, на эту странную картину вопросительно посмотрел на своего друга.

— Знаешь, я никогда не вспоминаю о прошлых временах, но в битве под исчезнувшим селением, было все куда как понятнее. Враг там, друг рядом, бей одних прикрывай других... твоя подруга — это просто... сумасшествие какое-то. Я ничего не понимаю. Она говорит на непонятном языке, потом на этом же языке начинаешь говорить ты, но мне удалось вырвать из контекста — Карлин порту дан..., думаю, это значит.... Исправить надо все... Во всяком случае эти слова следовали одни за другими, возможно на секунду ее разум прояснился, и она пыталась что-то сказать. Но вот что, все? И почему ты должен бежать чтобы ее спасти?

— Я не знаю, Гранд. Даже не догадываюсь, — Кален отодвинул миску с водой. — Сильно не поранилась, и то славно... Вот же, демон меня забери, ну как ее оставить в таком состоянии? Раир, ты можешь что-то пояснить, что происходит?

«Я здесь, Кален. Но, боюсь помощи от меня будет мало. Я не знаю этого наречия. Не представляю, что она говорила. Я был рядом с ней, но... Это была не она, командор. Ей все хуже. Она путается в жизнях, прошлое прорывается в ее сознание все чаще и все настойчивее. Я разобрал лишь несколько слов, и меня пугает то, что это может означать...»

— Не темни, дух. Что ты понял?

«Лишь имена, Кален. Она назвала три имени.»

— Да, это я тоже различил. Орлен, Калисто и Элирия. Но мне эти имена ничего не говорят, дух. Я не знаю их.

Раир не успел ответить.

— Зато я знаю, Кален. Это скрытые от людей знания, тайные имена богов. Их истинные имена.

— Кого, Гранд? Богов?

Мастер меча внимательно посмотрел на друга.

— Мир катиться в пропасть, пришло, видимо, время вспоминать все то, что должны были забыть все люди... Нейтралы хранили эту тайну с момента разделения орденов. Это имена драконов, Кален. Белый дракон — Орлен, вы его называете Создателем. В какой-то мере — это верно, он был покровителем людей. Вся магия, людская магия — это его дар, каждый маг использует частичку его силы, творя заклятья, именно поэтому люди подвержены обращению и могут быть одержимыми. Мы не магические существа, как эльфы. Орлен... его сила имеет две стороны, и решать какую из сторон примет использующийся силой может только он сам. Одна светлая сторона — использовать ее безопасно, это магия лекарей, целителей, магия жизни и добра. Другая сторона... в ней сокрыта его боль, его ненависть, его презрение — это темная магия, друг мой... И как сложно искоренить ненависть в своей душе, так сложно отказаться от этой магии, лишь единожды ее применив. Элирия, друг мой, это имя Зеленого дракона. Мы мало знаем о ней, нам известно, что она покровительница эльфов и что у ее магии нет другой стороны, это чистейшее добро. Но еще нам известно, что именно Элирия стала причиной того, что у магии Орлена появилась обратная, темная сторона. Но что случилось, как это произошло, мы не знаем, лишь обрывочные намеки на какое-то предательство дошли до нас. Ну и Калисто — красный дракон. Дракон крови, дракон-убийца, воплощение тьмы, как и все, что она принесла в этот мир. Три начала: исконное добро, страшнейшее зло, а между ними, тот кто волен выбирать, у кого есть и те другие задатки и он может играть по своим правилам, он не ограничен условностями, он свободен. И от него зависит в какую сторону качнутся чаши весов.

— Красный дракон — Калисто, — Кален устало прикрыл глаза. — Демон, который был связан с одним из пленных... да, он упоминал это, говорил, что красный дракон скоро освободиться и будет искать нас, он что-то еще говорил, но я не обратил тогда внимания на его слова, мне они показались нелепицей. И Мирра говорила мне об этом, говорила, что я не должен с ней встречаться. О, Создатель, бедная девочка. Все тайные знания мира свалились на ее голову. И продолжают всплывать у нее в мозгу... Я боюсь за нее, боюсь, что она не выдержит этого и эта лавина знаний просто сметет ее истинное «я» и она станет просто безликим, умалишенным пророком...

— Ты не слышишь, Кален? Ты сам говорил, что она всегда права и никогда не ошибается. Если она говорила, что тебе надо бежать, значит так оно и есть. Собирай людей и отступайте.

— Но, Гранд, я не могу оставить ее одну.

— Она не будет одна, друг мой, я буду с ней. Я остаюсь. Постараюсь вернуть ее тебе, хотя бы живой... Доверься мне...

«Он прав, воин. Тебе пора. Не жди пока она придет в сознание, прощание будет невыносимо для вас обоих. Тебе лучше уйти сейчас. Ты помнишь о своем долге? Пришло время выполнять его, уводи людей. Я и громила останемся с ней. Он будет помогать ей физически, я постараюсь удержать ее в сознании, постараюсь прикрыть ее перед ментальной угрозой, возможно, мне удастся оттянуть неминуемый момент осознания»

— Вы оба правы, мне пора уводить людей. Гранд, я благодарен тебе. Я буду ждать тебя в пещере. Когда ты поможешь ей с требушетом, направляйся к нам. Мы будем тебя ожидать

для отступления. Было бы замечательно если бы ты смог увести ее с собой.

— Не ждите меня, Кален. Отступайте, закрывайте проход. Этот путь спасения не для меня и не для нее, мы найдем другой путь, друг, — он положил руку на плечо Калена. — Я буду с ней, я не оставлю ее, доверься мне, я приведу ее к тебе.

Кален понимал, что его бывший учитель прав, им была дорога каждая минута, медлить было нельзя. От этого зависели жизни людей, многих людей. А Мирра уже не раз доказала, что сможет выпутаться даже из самой безнадежной истории. Так будет правильно. Он склонился над девушкой.

— Ты обещала мне поцелуй, если нам будет грозить смерть, — он нежно дотронулся до ее щеки. — Я возьму его, как задаток, рассчитаемся, когда ты вернешься.

Он нежно прикоснулся к ее губам. Она не ответила на поцелуй, ее прохладные губы не шевельнулись, но ему было довольно и этого, их время еще не пришло или уже прошло...

Он отвернулся от нее.

— Я всегда мог тебе доверять, друг. Все. Теперь я доверяю тебе нечто большее, более ценное для меня, чем сама моя жизнь.

Гранд лишь утвердительно кивнул. Дверь тихо закрылась за командором. Не прошло и получаса, как последние люди покинули деревушку в горах. Их вел в горы высокий мужчина, закованный в тяжелый доспех, лицо его скрывал шлем, шаги его были тяжелы, но уверены, он ни разу не оглянулся, не усомнился, не дал повода усомниться своим товарищам. Он спокойно раздавал команды, следил за их исполнением, его голос ни разу не дрогнул. Яркие голубые глаза следили за всем происходящим из-под шлема. Никто не видел, как сжимаются тяжелые латные рукавицы на навершии двуручного меча, никто не видел, как под шлемом искусаны в кровь губы, никто не слышал ежеминутного замиранья его сердца, никто не представлял его боли. Впереди их ждала слабая надежда и неизвестность, позади оставалось привычное существование и опасность. Мир вместе с этим отрядом, делал шаг вперед, никто не знал к чему это приведет, но пути к отступлению не было, все мосты сожжены. Сработал гномий разрывной снаряд, своды пещеры рухнули за их спинами, они прошли до первой развилки и заложили еще один снаряд. Кален сам нажимал на взрыватель. Страх в душе, страх за нее сменился уверенностью. Уверенность пришла с первым взрывом. Яркая вспышка и оглушительный гром обвала вызвали видение.

Он видел себя в белых одеждах на берегу лесного озера, из хрустальных вод которого выходила Мирра, она набросила на обнаженное тело салатовую рубашу. Ткань тут же намокла, впитав влагу, соблазнительно подчеркивая нежные изгибы ее тела. Она улыбнулась ему, опускаясь на изумрудную траву.

— Страшно подумать, мы ведь могли никогда не встретиться, — она положила голову ему на колени.

Он пригладил ее влажные волосы.

— Так могло случиться, но теперь, когда я узнал, что ты существуешь, я всегда найду тебя, даже если нас разведет в разные стороны мироздания, я всегда найду тебя, всегда вернусь к тебе, чего бы мне это не стоило.

— И я всегда буду тебя искать и всегда буду возвращаться, даже оттуда откуда нет возврата, моя любовь будет вести меня к тебе. Ты моя жизнь.

— А ты моя. Это наша судьба.

Их губы слились в поцелуе.

Теперь он не сомневался, она найдет его, она всегда возвращалась, всегда выбирала его.

И какие бы расстояния и трудности не вставали на их пути, они все равно будут идти друг к другу, даже если дороги их будут вести в разные стороны, однажды они пересекутся и тогда уже ни время, ни обрушенные своды пещеры не станут преградой, и они снова будут вместе. Это их судьба.

Второй и третий взрывы вызвали сход лавины с внешней стороны и вход в тайную пещеру был завален огромной массой снега, сошедшего с горы, теперь никто не сможет пройти этим путем, их переход в безопасности, погони не будет. Их ждет новая цитадель. Там будет много дел, много работы, но он всегда будет ее ждать, ждать ее возвращения. Слишком сильно сплетены нити их жизней, слишком многое зависит от них. Он будет ждать и искать и однажды они смогут все исправить и успокоиться. Он верил, что такое время обязательно придет. Такова их судьба.

Она открыла глаза после того как далеко в горах прогремел первый взрыв.

— Они ушли?

— Да, девочка. Он в безопасности. Она не узнает о нем. Теперь нужно подумать, как выбираться из этой ловушки нам.

— Что ты сказал, Гранд? Кто не узнает?

— Она, Мирра. Кали... Мы выиграли еще некоторое время. Но этого мало. Нужно найти источник и вернуть вашу силу, нужно все исправить.

— Гранд? Ты...

— Все знаю... Да. Знаю. Когда мои братья по оружию изнуряли себя тренировками, а потом падали без сил и проваливались в спасительное забытие, я отправлялся в подземную библиотеку ордена и читал древние, тайные эльфийские рукописи, это были чудесные книги. Из них я многое узнал. В самых старых книгах я нашел заметки древних эльфов, я зачитывался ими. Когда ты произнесла тайные имена, я все понял. Я вспомнил описание древних богов, приведенное в книге, когда рассказывал Калену, все что мне удалось вспомнить на тот момент о драконах, и все встало на свои места. Так что я осознанно остался с тобой и отправил его в путь. Я с радостью помогу тебе восстановить равновесие, но для этого вам придется сразиться с Кали, и в этот раз вы должны ее победить, но без вашего могущества вам это вряд ли под силу, так что нам нужно найти источник. И спасти мир.

— А Кален говорит, что я необычная. Как же он ошибается. Я не понимаю, все вокруг, общаясь со мной обнаруживают у себя какие-то знания и умения, которые на данный момент просто необходимы для выполнения определенных заданий. Что это? Случайность?

— Нет, Мирра, это не случайность. Ты притягиваешь нужных людей в нужное время, все происходит так, потому что твоя миссия должна быть выполнена, мироздание помогает тебе, всем, чем может. Ты идешь своей дорогой, а рядом появляются нужные люди, свершаются необходимые поступки, происходят события, которые направляют тебя именно туда, где ты и должна оказаться. Так появился и я. Хотя даже я не сразу понял, что не случайно с вами столкнулся. Сама подумай, какова вероятность такой встречи? Но ведь что-то дернуло меня откликнуться именно на это предложение заработать, вышло так, что заказ оказался липовым, ничего необычного я так и не нашел, именно это стало причиной моего ночного путешествия. И именно на этой дороге, которую я выбрал из сотни других, я встретил вас. Я не верю в случайные совпадения, вся моя жизнь — подтверждение того, что случайностей не бывает. Все закономерно. Все происходит именно тогда, когда должно произойти и именно так, как должно произойти. Я не раз в этом убеждался. Вот и с вами все

было именно так.

Он обращает внимание, что она не слушает его. Ее глаза наполнены голубым светом и смотрит она куда-то вдаль, сквозь стены хижины.

— Мирра?

Она испугано моргает несколько раз, неестественное сияние исчезает, и она переводит взгляд на него.

— Прости, Гранд. Пойдем на улицу. Покажешь мне где установили требушеты и как из них стрелять, я с таким еще не сталкивалась, а сегодня вечером, я не должна промахнуться. Да и пора заметать следы, нужна хорошая буря. Это потребует от меня определенных энергетических потерь. Нужно это сделать до начала наступления, а времени остается все меньше.

Он лишь усмехается. Не нужно больше никаких объяснений, все правильно. Она должна все понимать сама. И она действует правильно, просто она не осознает, причин своих поступков и поведения, но все это направлено на восстановление равновесия. Память должна возвращаться постепенно, чтобы она не сошла с ума. Забывая о недавнем ударе, он подает ей руку, чтобы помочь подняться. Она улыбается и принимает помощь с благодарностью.

— Ты не из пугливых. Совсем недавно ты ощутил удар от меня и все равно подаешь мне руку?

— Работа такая, приходится быстро забывать плохое. Но на сей раз я ничего не почувствовал.

— И не почувствуешь, пока я в сознании, я сдерживаю это, оно прорывается только когда мое сознание затуманено, так что тебе лучше не пытаться мне помогать, если вдруг у меня начнется приступ, просто дай мне упасть, для тебя так безопаснее.

— Я понимаю, приму к сведению.

Они выходят на улицу. Солнце уже давно зашло за горизонт. Мягкая темнота снежной ночи окутывает заброшенное селение. Горят костры, оставленные военными, Кален и его люди постарались, такие костры не погаснут до самого утра. Вот только утром тут уже не будет ничего и никого. Осталось совсем немного времени. Она осматривается.

— Веди к тем трем, которые должна активировать я.

— Не три, Мирра. Две. Две я беру на себя, давай делить поровну.

— Ты должен успеть уйти. У тебя не будет времени...

— Я обещал Калену сопровождать тебя, девочка. Я обещал ему, что верну тебя живой. Так что я никуда не пойду, — он встал, широко расставив ноги, и скрестил руки на груди.

— Это опасно...

— Серьезно? То есть ты считаешь, что я должен испугаться и убежать? Девочка моя, я тебе уже говорил, что смерть — это всего лишь часть моей жизни, я не боюсь смерти, гораздо хуже для меня будет, если я не смогу сдержать слово данное другу. Так что не трать слова понапрасну. Идем.

Она недовольно морщит носик, хочет что-то возразить, но встретив его спокойный уверенный взгляд, лишь кривит губы в недовольной гримасе.

— Я тебе предупредила, воин. Не тебя тягаться с драконом. Она тебя сожрет и выплюнет.

— А тебя? Думаешь она станет с тобой церемониться? Живая ты ей совсем не нужна. Это Калену можешь сказки рассказывать, а мне известно, что ты для нее словно мед для

мухи, она не выпустит тебя из своих цепких объятий. Ей не ты нужна, сама же знаешь... А ты будешь лишь мешать, не дай повториться истории.

— Не указывай мне, эрдан. Сама разберусь, без твоих советов, — она злобно сверкнула на него глазами.

Он сощурил глаза и сжал губы.

— Так. Нужно разобраться. Раир, ты же здесь, пусть я тебя не слышу, но она-то слышит. Так вот, угомони свою подопечную, пока я ее не отшлепал. Она еще не в силах мне что-то противопоставить. Так что получит она на орехи, даже не сомневайся. Вы эльфы со своей гордыней совсем голову теряете. Я пока отойду, как урезонишь эту горячую голову, скажи ей пусть догоняет. Надеюсь она поймет, что мной крутить у нее не выйдет, у меня иммунитет к ее прелестям, она возлюбленная моего друга, для меня это табу. Пусть слушается старших, без разговоров, если хочет одержать верх над Кали в этом столкновении.

Он резко повернулся спиной к девушке и сделал несколько шагов удаляясь от нее. Она бросилась на него, стремясь захватить его за шею, но с мастером меча такой фокус не прошел, он успел перехватить ее руку и резко завернул ей за спину, другой рукой он крепко схватил девушку за шею и прижал к себе спиной.

— Остановись и подумай. Я могу сжать пальцы чуть крепче, и ты не сможешь дышать. Если ты не успокоишься, мне придется это сделать.

Она зашипела и высвободила свою боль, стремясь освободиться, но ничего не произошло. Она была уверена, что он почувствовал боль, но хватку он не ослабил, наоборот, его пальцы крепче сжались на ее горле.

— Прекрати, немедленно, я не хочу причинять тебе боли, девочка. Я Калену обещал присматривать за тобой, а не облегчать задачу Кали. Успокойся.

Она еще некоторое время пыталась вырваться из его крепких рук, извивалась змеей и рычала, словно раненный зверь, но он не отпускал ее. Он только прижал ее к себе ближе, удерживая ее руки и тихо шептал на ухо успокоительные слова, напоминал про Калена, про ее предназначение. Так продолжалось несколько минут. Потом она перестала сопротивляться и обмякла.

— Все, хватит, — взмолилась она. — Я все поняла, прости. У меня как пелена перед глазами. Отпусти.

Он разжал хватку. И развернул ее к себе лицом. Черты его заострились, он выглядел постаревшим и уставшим, глаза его потеряли молодецкий азарт, поблекли, стали почти серыми, зрачки расширились. Явно проступили все морщины и налились кровью шрамы на лице, он тяжело дышал, воздух резко со свистом вырывался из его легких. Глядя на него, она испугалась.

— Прости, Гранд, прости. Я... я не хотела.

— Ой, пакость-то какая. Как ты живешь с этим постоянно? Или на тебя это не так действует?

Она растянула губы в невеселой усмешке.

— Так же. Только я привыкла к этому, научилась это блокировать, не выпускать, не давать этому волю.

— Тяжело тебе, девонька. Я тебе скажу кое-что, ты только не психуй! Есть у меня мысль одна, пойдём-ка. Дай отдышусь только, уж слишком сильно ты меня приложила.

Она заметила, что он прихрамывает на правую ногу.

— Еще раз прости. Я в такие моменты сама не своя. А у тебя что с ногой?

— Да это старые раны. Давно уже зажило, да вот ты со своими фокусами... ничего, пройдет. Я тебе вот что сказать-то хотел, быть может, если ты вернешься туда, где все началось, тебе в голову придет мысль как все исправить...

— Я была в форте, ничего не произошло.

— Началось все не там, девочка. Раньше, гораздо раньше. Ты получила свою способность закрывать разломы находясь в мире демонов, быть может если ты отправишься туда вновь... Кто знает?

Она захихикала.

— Если бы ты только слышал, что о тебе сейчас говорит Раир. Ему повезло, что ты его не слышишь.

Он улыбнулся.

— Представляю, ему повезло, что он уже мертв. Но я и еще кое-что тебе хотел сказать, милая, — он тяжело вздохнул. — Пришло время срывать маски и раскрывать древние тайны. Этого не знает никто, эту тайну оберегают в Ордене так же как Видящие оберегают свою тайну о обате и истязаниях...

— Истязаниях?? — она взяла его за руку. — Каких истязаниях?

— Я не об этом сейчас, про это тебе Кален расскажет, если захочет, когда придет время, если такое время придет. Но сейчас я хотел тебе рассказать страшную тайну своего ордена. Нейтралы не просто так сторонятся всех и вся. Мы убиваем демонов так долго, мы знаем о них так много, мы слишком много времени проводили с ними и в итоге, — он остановился, раздумывая над следующей фразой. — Как же это сложно. Как бы это объяснить, чтобы ты поняла правильно. Наш орден имеет непосредственный контакт с демонами, нет, так ты не поймешь. Мы управляем слабыми демонами, мы умеем их подчинять. Каждый из нейтралов, на посвящении привязывает к себе демона, поэтому никогда нет свидетелей, когда нейтралы сдерживают разломы, люди не должны знать, что защищающие их сами питают демонов своей энергией жизни.

— Нейтралы умеют подчинять себе демонов? Но ведь это значит, что...

— Что мы далеко не милые ребята, девочка. Демоны не станут подчиняться человеку. Мы не совсем люди, — он сжал губы. — Мы пользуемся той самой темной стороной магии Орлена. И пользуемся ею очень часто. Так часто... что мы сами становимся демонами к концу жизни. Какая ирония. Орден Калена страдает от светлой стороны магии Орлена, мы от темной, всех нас ждет смерть в муках и все это мы делаем добровольно, чтобы защитить людей, которые о нас ничего не знают.

— Зачем ты сказал мне это, Гранд?

— Потому что, ты должна знать. То, что ты сдерживаешь, когда к тебе прикасаются, я знаю, что это. Это магия демонов. Я уже испытывал это. Мы не пьем обат, девочка, мы пьем кровь демонов. Так вот то, что я ощутил, когда ты дала волю своей силе... То же самое я испытывал, когда пил кровь этих тварей. Ты сдерживаешь демона в себе...

— Я одержима?

— Нет, Мирра. Это не так. Иначе Видящие перебили бы наш орден. Просто ты часть из мира, тебе подчиняется эта сила, потому что у тебя тоже две стороны, одна из них — демоническая. Поэтому ты и выжила в их мире, поэтому ты их чувствуешь, поэтому ты должна вернуться в их мир и принять себя такой, какая ты есть, ты должна осознать, что ты не становишься хуже от этого, ты просто другая. Ты должна подчинить себе ту, другую, темную силу, но сделать ты это сможешь, только находясь там и тебе еще придется многому

научиться, прежде, чем ты сможешь это сделать. Я научу тебя. Но не это сейчас главное. Я другим хотел закончить, хочу подготовить тебя к тому, что нас ждет совсем скоро. Если ты закроешь глаза и попробуешь сосредоточиться ты почувствуешь это. Нас ожидает не просто встреча с красным драконом, нас ожидает встреча с моими братьями по ордену и их... сопровождающими. Демоны в нас... они были слабы, когда мы их подчиняли, но теперь... Кали свободна и все демоны будут служить только ей, даже те, которых, как нам казалось, мы подчинили себе. Весь орден Нейтралитета, начиная с послушников, заканчивая командорами и серыми рыцарями, они все на ее стороне.

Она напряглась и потянулась к ножам.

— А ты, Гранд? Ты тоже на ее стороне, поэтому ты захотел остаться, ты хочешь передать меня ей лично в руки и стать полководцем ее армии???

Она бросилась на него, не говоря больше ни слова, с едва слышным шелестом близнецы вышли из ножен. Но он был быстрее, выхватив свой меч из-за плеча, он парировал ее выпад.

— Хорошо, очень хорошо, девочка, — он улыбнулся и довольно крикнул. — Но тебе со мной еще рано тягаться. Успокойся. Я уже давно изгнал своего демона. И Кален мне помог в этом. С его помощью я освободился от своего рабства и, как следствие, она не имеет власти надо мной. Это наш маленький секрет с Каленом, спросишь его при встрече, это было нелегко, но мы смогли. Я не представляю угрозы для тебя или вашего ордена, я действительно хочу помочь. А теперь убери свои ножики.

Она кивнула ему в знак, что все поняла и легким движением загнала кинжалы назад в ножны. За таким увлекательным занятием они не заметили, как подошли к первой метательной машине. Гранд хлопнул машину по основанию. Перевел тему разговора и начал ей показывать, как управляться с этой громадиной. В огромном ковше уже лежали внушительные глыбы, даже направление выстрела уже было выверено и катапульта была точно направлена. Нужно было только в нужное время несколько раз крутануть внушительного вида колесо, приводя в действие механизм натяжения, а потом просто обрубить веревку, которой ковш удерживался в положении готовности. На все требовалось несколько секунд, все будет просто. Она пыталась заглянуть в ковш, но он остановил ее.

— Не делай лишних движений, девочка. Среди купцов нашелся любитель необычных товаров, он был так благодарен, что его взяли в первый отряд, что отдал нам несколько ящиков гномьих взрывных снарядов. Мы порешили с Каленом, что нам это будет только на руку, так что там не просто булыжники лежат. Когда эти камушки ударятся вон в ту скалу, сработают гномьи заряды. Так мы точно сможем вызвать сход снега, мы все продумали с моим лучшим учеником, этих четырех зарядов хватит для того, чтобы похоронить эту деревеньку под снегом надолго. Вместе со всеми, кто будет на нее наступать. Смотри-ка...

Он внимательно всматривался во внезапно опустившуюся темноту. В бархатном мраке начали появляться первые факелы наступающих. Словно маленькие падшие звезды, которые все еще не погасли, соприкоснувшись с твердой поверхностью земли. Она как зачарованная смотрела на появляющиеся огоньки. Их становилось все больше. Медленной огненной рекой огоньки текли в их сторону. Все больше и больше. Вот уже их около сотни, а вот уже и тысяча. Они появлялись ровными рядами, наступающие знали военное дело, это была не разрозненная толпа, а ровные ряды. У нее мурашки побежали по коже.

— Сколько же их???

— Очень много, девочка, очень много. Пойдем, я покажу тебе вторую такую игрушку. У нас все получится, мы все рассчитали, Мирра. Ничего не бойся. Как мне ни жаль, но их уже

не спасти. Все они будут сметены великой силой природы. Сегодня будет насыщенная ночь. Отрекшийся от всего одиночка и полоумная эльфийка противостоят целому воинству отчаянных рубак Видящих, мастерски владеющих мечами Нейтралов, сопровождаемых ордой демонов и Красному дракону, — он хохотнул. — Вот это битва по мне, девонька. Всегда знал, что умру с мечом в руках, радуется, что не в уличной потасовке, а спасая мир, сражусь напоследок с серьезным соперником.

Она посмотрела на него и поняла, что он не шутит. Он прощался с жизнью. Вот так легко и озорно, он не собирался спасаться, для него это было просто желанным окончанием долгого, тяжелого, болезненного пути. Но она не собиралась сдаваться, не собиралась умирать в этой забытой на краю света деревеньке.

— Нет, Гранд, не спеши, — она резко дернула его за рукав. — Я не собираюсь тут умирать, у меня грандиозные планы на жизнь! Да и ты обещал меня вернуть Калену. Не спеши нас хоронить, еще повоюем. Даже не смей думать об этом, я еще только начинаю жить! Мы с Каленом еще толком и не целовались даже, я не собираюсь умирать и тебе не позволю, старик.

— Ха, девочка, вижу азарт в твоих глазах. И как же ты планируешь вырваться из окруженного селения, на которое мы собираемся спустить снежную лавину? Я-то Калена уверил, что мы придумаем что-нибудь, но я же понимаю, что выбраться из этой западни невозможно.

— Мне нравится свершать невозможное. Ты меня еще плохо знаешь, — самодовольно улыбнулась она. — Я придумаю что-нибудь, старик.

— Прекрати меня так называть, я между прочим всего на несколько лет старше твоего возлюбленного.

— Несколько? Ты скромничаешь, я бы сказала лет на тридцать-сорок.

— Я так плохо выгляжу? Вот же жизнь бродяги довела, пора уже искать постоянный дом, обзаводиться женой и ребятишками. Это было бы замечательно. Выходить с рассветом в поле и косить траву пока на ней еще не обсохла роса, приходиться на обед в дом, и чтобы на встречу бежали дети, хотя бы двое. Я бы трепал сына по светлым волосам и брал на руки дочку, а жена выносила бы мне воды во двор, чтобы смыть пот с лица. Вокруг мир и благодать. Нет ни демонов, ни страхолюдин никаких, а вся моя прошлая жизнь превратилась в небылицу, которую я рассказываю на ночь своим шалопаям.

Он мечтательно смотрел в темные небеса, будто пытаясь найти среди звезд ответ, как ему попасть в эту мечту, как сделать ее реальностью. Она смотрит на него с улыбкой, ее удивляет, что у такого непростого человека, такие простые мечты. Она видит, что он действительно этого хочет, но вот признаться решился в этом только сейчас, на самом краю гибели. На секунду она закрывает глаза и видит эту картину перед глазами. Широкоплечий Гранд несет на плече рыжеволосую девочку лет трех, рядом с ним бежит мальчуган с совершенно белыми волосами лет семи. Они смеются вместе, и несмотря на то что шрамы не стерлись с его лица, но он выглядит гораздо моложе, и он совершенно счастлив. Они подходят к добротному дому, и он опускает девочку на землю, целуя ее в огненную макушку, а у колодца стоит статная молодая женщина. Лица ее не видно, только разметавшиеся по красивым плечам яркие рыжие волосы. Мирра попыталась удержать внимание на женщине, что-то смутно знакомое ей почудилось в этой фигуре, но видение оборвалось так же внезапно, как и появилось.

— Так и будет, Гранд. Сын и дочь. Сын будет очень похож на тебя, он родится с такими

же неестественно белыми волосами, а у девочки будут рыжие волосы, как и у ее матери и, кажется, зеленые глаза...

— Что?

— Я только что это увидела. Твою жизнь, после того, как все окончится. У тебя будет отличный дом и семья и ты будешь счастлив, друг. Эта война — последнее испытание. Она изменит все. Если мы одержим верх, все твои самые сокровенные мечты сбудутся. Все получают по заслугам своим, а твои заслуги — велики. Только нам нужно сейчас выбраться отсюда, а потом сделать все возможное, чтобы ты смог найти ее и исполнить свою мечту.

Она посмотрела на него. Он не улыбался, глядя на нее. Он внимательно ее изучал, силясь понять лжет она или говорит серьезно. Потом он поднял руки вверх.

— Хорошо, девочка, пусть будет по-твоему! Тогда давай думать, как нам улизнуть от неизбежного.

— Ты говорил, что нейтралы, пользуясь магией демонов остаются живы.

— Да, так и есть.

— У тебя сохранился иммунитет к их магии, Гранд, после того как ты перестал быть Нейтралом?

— Да, Мирра. Поэтому я так спокойно и берусь за любую работу по их уничтожению. Что ты задумала, девочка? Создать иллюзию, притворившись демонами и сместиться с их войсками?

— Не думаю. Что мне это под силу. Значит, выхода нет? — она задумчиво жевала свою нижнюю губу.

На расцарапанном лице в бледном свете луны было видно, как напряженно она что-то обдумывает.

— Демоны говоришь, будут сопровождать Нейтралов?

— Конечно, Мирра.

— Как много их будет? Какого рода демоны? Какой силы?

— Их будет много, Мирра. Разных от простых импов до демонов четвертой-третьей ступени. А если тут будет Кали, значит будут и высшие демоны, но о чем ты думаешь, как наличие демонов нам поможет?? На мой взгляд — это больше проблема, чем удача?

— Смотря как на это посмотреть, друг мой. Демоны питаются энергией жизни в людях, но ведь никто не сказал, что не может быть обратного процесса, — она хитро ему подмигнула — Я знаю, как мы спасемся, Гранд. Когда будут выпущены наши подарки, ветром мчись к центральным воротам. Встретимся там.

— Мне не нравится сумасшедший блеск в твоих глазах, девочка! Что ты придумала? Сомневаюсь, что мне это придется по нраву.

— Точно не придется, Гранд. Но я плевать хотела на твое мнение. Я вытащу нас отсюда. Однажды, один человек мне сказал, что меня боятся, что раз я имею силу закрывать разломы, возможно я смогу их и открывать. Теперь я понимаю. Что я смогу это сделать. А что такое разлом, Гранд? Это дверь, дверь в мир духов, а в мире духов, Гранд, не бывает снегопадов и лавин. И он очень велик, но главное его достоинство в том, что не важно какое расстояние ты преодолел там, важно куда ты хочешь попасть, я смогу вывести нас в любое место, куда мы пожелаем, — она замолчала на несколько секунд, а потом улыбнулась и добавила. — И я знаю куда мы переместимся.

— В новую цитадель я надеюсь?

— Нет, Гранд, тебе придется меня сопровождать в одно место, мне нужно отдать один

должок, а после этого мы вернемся в нашу цитадель и встретимся с нашими друзьями. Но есть еще одно... Мне нельзя приближаться к Калену, пока он не вспомнит, пока мы не будем готовы, я боюсь, что наше путешествие может затянуться.

— Ой, не нравится мне этот план, Мирра. Люди не могут долго находиться по ту сторону завесы.

— Но ведь, Гранд, ты не человек, впрочем, как и я. Нам ничего не угрожает там, поверь. Мы не станем задерживаться. Сейчас мне нужно подготовиться. Я начну, а ты запомни, бегом, как только услышишь первый мой выстрел, начинай палить сам, и как окончишь сразу к костру. Надеюсь, у меня все получится, другого выхода я не вижу.

Он кивнул в знак согласия.

— Еще один вопрос, Мирра... Кого ты увидела, в своем видении? Кто был моей женой?

— Не был, Гранд, будет. Я не видела ее лица, только рыжие волосы, она стояла спиной. Но ведь было бы и не честно, если бы я все тебе рассказала, ты бы перестал быть собой и, возможно этим сам бы изменил свою судьбу. Не думай сейчас об этом. Ты встретишь ее и все у вас будет хорошо. Просто поверь мне. Со мной не пропадешь! А теперь, иди! Мне нужно настроиться.

— Рыжеволосая... таких у меня немного знакомых... Мариса, Ульрика и Зарина... кто же из них... — тихо прошептал он. — Вот теперь эти трое не будут выходить у меня из головы, драконьи яйца...

Он пожелал ей удачи и отправился на свой пост. Она проводила его с улыбкой. Из него выйдет отличный отец и муж. Все у него будет хорошо. Главное, чтобы сейчас они смогли выбраться. Можно сэкономить силы, ведь теперь в создании бури нет никакого смысла, лавина скроет все следы. Быстрым шагом она приближается к центру покинутого лагеря. Тут и там валяются брошенные в спешке вещи, которые сочли лишними или ненужными. Котелки, одежда, мелочи. Иногда попадались детские вещи и игрушки. Она остановилась. В снегу валялся деревянный меч, видимо какой-то парнишка обронил его в спешке, она улыбнулась и подняла детское оружие. Аккуратно сработанный меч, человек сделавший его, работал с любовью, добротой обработал рукоять, чтобы малыш не поранился и не загнал занозу, на эфесе был даже вырезан узор и гарду украшали незатейливые украшения. Просто произведение искусства, такие простые вещи, которые помогали ей утвердиться в мысли, что они все делают правильно, они делают все ради сохранения жизни. А у малыша теперь будет новый меч, наверняка, еще лучше, чем этот, его отец не разочарует своего малыша. Она опустила маленький меч в снег, ей не стоит больше отвлекаться, у нее есть нерешенные вопросы, например, как открыть дверь в мир демонов, быстро и в нужном месте. Как можно это осуществить? Рядом полчища демонов, недостатка в энергии смерти не будет, но быть может, есть и другая возможность, ведь энергией смерти открываются двери с той стороны, быть может, с этой стороны возможно это сделать, используя магию жизни? Нужно попробовать. Итак. Она останавливается в центре заброшенного лагеря с множеством горящих костров. Огонь. Очень хорошо. Это отличная возможность попытаться брать энергию у огня. Раньше такого шанса не представлялось. Тем более, что для открытия двери в мир демонов, в эту огненную бездну, огонь подойдет лучше всего. Она сосредотачивается, начинает собирать, накапливать энергию. Сколько может потребоваться чтобы открыть такую дверь? Неизвестно, ну, больше не меньше, главное ее открыть и укрыться там, в другом мире от того безумия, что они собираются тут устроить. Она достаточно долго накапливала энергию, а потом начала ее высвобождать. Она не разрывала материю

реальности, она создавала безопасный проход, который не пропустит в этот мир демонов, который закроется, когда они войдут в него. Она сама не понимала, как сплеталось в ее разуме сложнейшее заклинание, как срывались с губ забытые слова на неизвестном языке. Она действовала по наитию, она просто знала, что должна сделать, а как она это сделает, ей было невдомек. Она потеряла счет времени, перестала существовать в пространстве. Она растворилась в том заклятье, которое создавала, полностью отдалась своим ощущениям. Вот уже вырисовывается четкая рамка прохода. Нет, она не была золотистой, как рамка прохода, открытого с той стороны, она имела все тот же нежный голубой цвет, как и обычная энергия жизни. От рамки не исходило ощущения ужаса, не было отторжения, неприятия всего происходящего, не было страха. Мирриэль точно знала куда должен вести этот проход. Она знала где они должны выйти, она не просто открывала дверь, она творила безопасный мост, между двумя местами, и двумя дверями. Им не придется испытывать на себе ужасы того мира, не придется сталкиваться с демонами и духами, их путь будет безопасен. Словно тоннель. Дверь открылась окончательно. Она заглянула в нее и увидела именно то, что хотела: огороженную со всех сторон голубым сиянием дорогу. Она не видела, что в конце этой дороги, но знала, что там должно быть и верила, что именно так все и будет. Удовлетворенно улыбнувшись она отвернулась от прохода. Неиспользованная энергия вызывала головокружение, ей пришлось остановиться и сфокусировать расплывающееся зрение.

— Как будто переизбыток свежего воздуха, как первый вдох, после удушья. Ничего страшного, я выдержу, — успокаивала она сама себя.

Приступ не проходил довольно долго, когда она, наконец смогла отдышаться, в воздухе разлился оглушительный, но при этом не громкий, а нежный и вкрадчивый голос, которому нельзя было не повиноваться.

— Кто тут старший? Хотелось бы с вами поговорить. Если вы проявите благоразумие, мы сможем избежать кровопролития. Мне не нужно много, всего лишь найти кое-кого. Если вы мне поможете в этом, мы просто уйдем, уйдем и оставим вас с миром. Я знаю, что ты там, девочка, я чувствую тебя. Отдайте мне эльфийку и мы отступим.

Мирра выпрямилась, преодолевая остаточное чувство слабости. Теперь ее выход. Нужно разыграть эту пьесу. Она отбросила осторожность и со всей скоростью, на которую она была способна бросилась к первому требушету. Разговаривая с врагом, лучше стоять выше него. Она быстро поднялась на возвышенность и остановилась рядом с колесом требушета.

— Я здесь, — крикнула она, стараясь придать голосу уверенность, говорить свысока. — Ты меня искала?

И замерла. Перед ней на равнине стояло огромное войско. В свете внезапно яркой луны, она различала полные доспехи Видящих, видела поблескивающие обнаженные мечи, ей даже чудилось, что она видит, отблески красного огня смертельной магии в их глазах. Их доспехи зловеще мерцали в неровном свете луны. Она видела темные плащи Нейтралов, перемежающиеся с нечеткими силуэтами демонов. Но кроме того, там было много такого к чему она не была готова. Всевозможные ожившие мертвецы самых разных степеней разложения от белоснежных скелетов, вооруженных луками и мечами, облаченных кто в полуистлевшие доспехи, кто и вовсе являл свету весь остов своего брэнного тела ничем не прикрываясь, до совершенно свеженьких, но ужасно дурно пахнущих мертвяков, вооруженных, как и чем попало. Между стройными рядами людей метались завывающие призраки, от их воя судорожно сжимался живот, а сердце замирало в ужасе. Не обошлось тут

и без диких животных: волки, медведи, дикие кабаны, все кто мог нанести хоть какие-то увечья и представлял опасность для человека. Бедные подчиненные злой воле звери метались в разные стороны то и дело вступая в междоусобные схватки. А возглавляли эти разношерстные войска демоны самого высокого уровня. Мирра смогла различить тучного демона праздности, в нескольких местах вздымалось пламя от демонов гнева и ненависти, могильным холодом веяло от демонов отчаяния, она смогла разглядеть демонов гордыни и изящные фигуры демонов желания. Одного взгляда на это войско было достаточно, чтобы сердце дрогнуло и исчезло всякое желание сопротивляться, устоять перед ними было невозможно. Но она и не собиралась этого делать. В ее планы входило лишь потрепать эту силищу и безболезненно для себя уйти, воспользовавшись своим мостом.

Эльфийка сглотнула, стараясь смочить пересохшее горло, чтобы ничем не выдать, охватившего ее страха, когда она увидела женщину, стоящую рядом с зеленокожим гигантом. Ее волосы были чернее ночи, а яркие вспышки пламени отражались в золотых узорах на глянце красной ткани, вызывая подчёркивающим все прелести ее точеной фигуры. Мирриэль не могла разглядеть цвет кожи или глаз, но она и так знала... Знала, что у нее смуглая нежная кожа, знала, что у нее яркие зеленые глаза, знала, что у нее длинные ноги и пышная грудь... Она знала все о своей сопернице, не только о ее внешности. Она знала ее мысли, знала ее злобу, знала ее ненависть, знала ее презрение, знала ее желания, знала ее силу... Но было и еще кое-что, она понимала, что и женщина возглавляющая ужасные войска знала все о ней, знала, наверное, даже больше, чем она сама.

Она не видела улыбки на губах смуглой красотки, но она чувствовала, что та улыбается, произнося следующие слова:

— Ну, здравствуй, незнакомка! Опять эльфийка, ты не оригинальна. Хотя, чему я удивляюсь, все возвращается. Итак, ты сама спустишься ко мне? Или мне придется смести с лица этих гор несчастную деревеньку, которая дала тебе приют, уничтожив все ее население под корень? У тебя есть выбор. Будь же благоразумна и, как обычно, благородна. Я обещаю, что, когда ты будешь рядом со мной, я скомандую отступление и оставлю этих жалких людишек в покое, мне нет до них никакого дела. Ты же сама знаешь это. Так к чему лишние жертвы? Тебе же с этим потом придется жить... — она засмеялась, у нее был низкий, но благозвучный смех.

— Нет, Кали, я не сдамся тебе. В мои планы не входит вновь становится твоей пленницей, мне хватило прошлого раза. Сливхой.

— Не глупи! Как тебя зовут, кстати, ты же не она... Я не могу называть тебя ее именем... Ты лишь несешь ее память, но ты — не она.

— Меня зовут Мирриэль.

— Хм, неплохо. Давай-ка поболтаем, подружка. Я не верю, что ее память уже полностью восстановилась и не верю, что ты смогла вернуть себе былую силу, значит, у тебя нет шансов в борьбе со мной. Сдавайся и я дарую тебе легкую смерть.

— Я вынуждена отклонить твое щедрейшее предложение.

Перед глазами Мирриэль вновь вставали ровные ряды эльфов. Теперь уже она наверняка знала, что под блестящими шлемами чаще скрываются тонкие женские лица, в основном, женские. Это были ее перевоплощения, ее реинкарнации, ее предки. Вся долгая цепочка перерождений, сейчас предстала перед ее глазами. Сейчас они не улыбались, их лица были сосредоточены и насторожены. Все они говорили об осторожности и внимательности, все они умерли для того, чтобы она сейчас могла завершить этот разговор и действовать.

— Ты разочаровываешь меня, Мирриэль. Прежняя ты, никогда бы не стала рисковать жизнями ради призрачной надежды на победу. Но меня это мало волнует сейчас. Больше меня волнует другой вопрос, или два. Ответь мне на них, и я, опять-таки оставлю вас всех в покое. Ты не представляешь опасности для меня, Мирриэль, я смогу убить тебя и в другой раз, используя более подходящий случай, я же хочу сама тебя убить, — она злобно улыбнулась. — Мне понравилось тебя убивать. Итак, меня интересует место положение источника, в котором сокрыта твоя сила и еще... Где он? Ты же знаешь о ком я?

Мирриэль глубоко вздохнула, попыталась успокоить безумно колотящееся сердце, чтобы ничем не выдать себя.

— Я не знаю о чем ты, и о ком ты... Не имею ни малейшего представления.

— Ты лжешь, — зло сощурила красивые глаза Кали. — Он должен был уже найти тебя, ты должна мне сказать. Это же так просто, Мирриэль.

— Я ничего не знаю.

— Ты лжешь, я знаю. Чувствую в тебе ту любовь, которую ты можешь испытывать только к нему... Ты уже встретила его? Можешь не отвечать, я знаю, что это так... Я слышу, как трепыхается твое сердце. Но как он смог оставить тебя, зная, что я не пощажу? Никак. Отсюда вывод, он рядом. Он здесь.

— Не понимаю, о чем ты. Мы не сдадим эту деревеньку, даже не пытайся. Скоро, твои демоны проголодаются и им потребуется подпитка. Что ты будешь делать с ордой демонов, которых призвала ради меня? Да и с людьми — им ведь нужно питание? Поэтому путешествие в окружении такого огромного войска, всегда затруднительно, да и я не вижу у тебя осадных машин, а мы тут все за хорошо укрепленными стенами.

Мирриэль лгала, самым наглым образом, но ей было нужно это, нужно было, чтобы выяснить что известно противнице.

— Ты не похожа на нее, совсем. Она бы даже не задумалась. Не хочешь сдаваться? Ну что же, дело твое. Тогда давай поговорим о нем. Ты должна знать, что я смогу теперь сделать так, чтобы он выбрал меня и забыл про тебя. О да, я долго этого ждала. И знаешь, что, тогда, давно, он был рад делить со мной ложе. О, как он был счастлив. А в этот раз ты успела хотя бы разочек провести с ним ночь? Или опять тебе было не до того, и он вновь сберег всю свою страсть для меня? Молчишь? Значит ты опять совершила ту же ошибку, знаешь, мне даже жаль тебя, ты так никогда и не познала блаженства его любви, а вот я соскучилась по его ласкам, думаю, он по моим тоже истосковался.

Мирриэль не отвечала, лишь сжала кулаки.

— Довольно пора заканчивать этот спектакль. Если ты не хочешь мне больше ничего сказать...

— Он никогда не будет твоим! Ты солгала ему в прошлый раз, в этот раз тебе это не удастся.

— Да что ты? А давай-ка проверим, давай дадим ему возможность выбирать. Сколько времени ты уже с ним провела, дай мне столько же и, если он выберет тебя, я уберусь и не стану тебя преследовать, когда он станет твоим, я признаю свое поражение и удалюсь. А вот если вы с ним снова разбежитесь, и он выберет меня, вы сперва пострадаете, а потом я тебя убью... Как видишь, тысячелетнее заключение пошло мне на пользу, я научилась делать выводы... Все как ты любишь, только вот тебя это не спасет. А знаешь почему, Мирриэль? Потому что в отличии от тебя, такой слабой и беззащитной, я не теряла своего могущества и даже смогла уже вернуть себе прежний облик. Я уже могу обращаться. А ты?

Она взмахнула руками и, прямо на глазах у замершей в нерешительности Мирриэль, обратилась в величественного красного дракона.

— Теперь представление окончено, я сама возьму все, что мне нужно.

Дракон взмахнул крыльями и взвился над полем, красуясь перед своими войсками.

Больше медлить было нельзя, дело принимало наихудший оборот. Мирриэль одним ударом перерубила веревку удерживающую катапульту. В сторону горной вершины вылетело несколько камней, и пока они еще не долетели, до места столкновения, она бегом бросилась к другой катапulte. Где-то с другой стороны, на появление дракона среагировал и Гранд, его цель была поражена раньше и Мирриэль прикрыла на бегу глаза, чтобы не ослепнуть от яркой вспышки. Она чувствовала, как под мощными ударами крыльев вздымается легкий снежный буран. Но сейчас, это не имело значения, ее цель была недалеко, она легко преодолела расстояние до второй катапульты и выхватила на бегу «близнецов». Возле катапульты уже стояло два демона, и трое людей. Она быстро соображала, два демона, значит двое- Нейтралов и один в полном доспехе, Видящий. Она обругала себя за беспечность, вступать в схватку было бы утомительно и долго, даже если удастся их победить, она потеряет слишком много времени. Как они смогли так быстро сюда добраться? Не о том... Она не сбавила скорости, всего на расстоянии вытянутой руки, она изменила направление движения и метнувшись в сторону обогнула Видящего, он не успел среагировать и огромный меч пронзил пустоту в том месте, где только что находилась цель. Оказавшись за его спиной, она упала на колени и, не оборачиваясь, точно рассчитанным движением вонзила оба ножа в место стыка защитных пластин доспеха, ему под колени перерезая сухожилия. В пылу она даже не заметила, что он успел ее ранить. Над ней уже навис один из демонов, она перекатилась через спину, увернувшись от удушливого смрада его дыхания, метнула один из ножей в красную буркалу глаза. Нейтралы стояли возле катапульты, они не переходили в наступление, они ждали ее. Она тихо ругнулась, вступать в противоборство совсем не хотелось, нужно было лишь крутануть колесо и спустить веревку. Оглушительный рев возвестил о том, что Кали раскрыла обман, она пролетела над деревушкой и не увидела защитников, не увидела никого.

— Ты, — рычала Кали, ее истошный вопль заглушил гул начинающегося камнепада. — Ты солгала, тут нет никого!

Мирриэль лишь улыбнулась. Она достала еще один нож и метнула его в одного из Нейтралов. Тот лишь лениво отмахнулся от летящего в него лезвия, но сменил позу, чего она и добивалась. Она уже была совсем рядом и слету парировала выпад одного из мужчин. Где-то далеко грохнул еще один залп, Гранд привел в действие вторую катапульту, она порадовалась за него, но у нее сейчас были другие мысли. Нейтралы, преграждающие ей путь, у каждого из них было гораздо больше опыта, но она была быстрее и ловче, а еще она была достаточно трудной мишенью, стройная, быстрая, легкая. Пока ее соперник ловил равновесие и разворачивался, она оказалась у колеса и успела его повернуть, только один раз и ей пришлось уворачиваться от удара второго Нейтрала. Она слышала, как беснуется Кали, летая над деревней, она огненным дыханием превращала в пепел домишки, но слепая ярость уже спадала с ее глаз, и Красный дракон развернулся, направляясь к месту их стычки. Времени совсем не оставалось. Она еще раз рванулась к катапulte, но так и не смогла дотронуться до колеса, воспользовавшись ее порывом мужчины напали одновременно и спасло ее только неестественное чутье. Они ударили одновременно, один из них метил в корпус, второй в шею. Холодная сталь прошла сквозь охотничью куртку, как горячий нож

сквозь масло, она почувствовала острую боль в боку. На шее тоже появилась рана. Ей пришлось отпрыгнуть. Вторая попытка едва не стоила ей жизни, теперь кровоточило еще две раны, огнем горело предплечье, а в бедре остался кинжал одного из Нейтралов. Она оценивала ситуацию и понимала, что не сможет прорвать их оборону. Она не сможет запустить этот снаряд. А еще где-то рядом ходит один из демонов, она совсем потеряла его из вида. А на помощь к этим, уже рвались новые воины. Она все еще обдумывала свои дальнейшие действия, когда увидела быструю тень. Гранд заявил о своем присутствии, разметая всех на своем пути. Она впервые видела его в деле и не могла оторвать глаз. Она не видела ни одного замаха, не видела никаких известных ей позиций, финтов и выпадов. Он просто шел, а у его ног словно подкошенная трава, падали люди, нелюди и демоны. Она услышала торжествующий крик Кали, она увидела воина, спешащего на помощь и решила, что это именно тот, кого она искала. Мирриэль лишь улыбнулась, Кали ожидало разочарование. Двое у катапульты повернулись на крики своих товарищей. И здраво рассудили, что с раненой эльфийкой справиться и один, второй бросился преграждать дорогу мастеру меча. Она торжествовала, с одним она сможет совладать, она быстро перешла в наступление, запретив себе думать о ранах. Они схлестнулись в быстром поединке, не было времени на честный бой, нужно было все заканчивать. Она позволила ему сделать выпад, выбив у нее из руки кинжал, но не стала от него уходить, а быстрым движением приблизилась к нему и быстро переведя катар в активное положение, сжала кулак и вонзила лезвие тайного ножа прямо ему в шею. Тяжелый запах крови ударил ей в ноздри, теплая влага покрывала ее руку. Она быстро подхватила валяющийся рядом нож и, развернувшись к катапульте, привела ее в действие. Гранд уже стоял рядом с ней.

— Бежим, Мирра. Ты там все сделала?

— Да, все готово, нужно только добраться до портала.

— Ты впереди. Я прикрою, давай, не спорь со мной!

Она и не собиралась спорить, не сейчас и не с ним. Она бежала из последних сил, в бедре все еще торчал кинжал, кровоточили и другие раны. А вот и ее портал, а перед ним стоит Кали, уже в человеческом облике. Теперь в свете горящих костров Мирриэль смогла ее рассмотреть и внутренне сжалась. Ее соперница была... прекрасна и знала это. От нее просто веяло сладострастием. А еще клубникой, такой приторно сладкий запах клубники, он вызывал головокружение.

— Я не ошиблась, он все-таки здесь, — Кали отвернулась от портала, который созерцала до этого и посмотрела прямо в глаза Мирриэль. — Я знала, что он не оставит тебя. Но теперь мой выход, сестренка. Попрошайся с ним.

Мирриэль остановилась. Уже через мгновение рядом с ней возвышалась плотная фигура мастера меча.

— Что встала? Мирра?! Не время спать, бегом в портал, девочка, — кричал он подбегая. И тут он тоже увидел Кали.

— Ох, ты ж, дерьмо демонов. Ничего себе...

Только и смог вымолвить он, столкнувшись с взглядом зеленых глаз прелестной красотки в откровенном красном платье. Вокруг них уже начиналось светопреставление. Камнепад сработал, как и было рассчитано, взрывные снаряды сделали свое дело и с оглушительным ревом с гор катился смертоносный снег, сметая все на своем пути, превращая в щепки вековые деревья.

— Ты, не он. Ты просто человек! — раздосадовано Кали стукнула себя по бедру. — Ты

негодница, сестрица, так ты специально все это устроила, ты... Это и был твой план? Ты хотела лишь уничтожить верных мне людей. А всегда мне говорила, что я злобная тварь! Сама-то не лучше, скольких ты убьешь этой лавиной, а ведь они все живые люди.

— Не взывай к моей совести, — бросила ей Мирра. — Я знаю, что все они уже мертвы. Они просто ходячие мертвецы, как скелеты и зомби, которых ты тоже притянула с собой. Так что прочь с дороги Кали. Нам тут некогда с тобой разговаривать, да и тебе, пора бы обращаться в дракона, иначе, разделишь участь своих людей.

Мирриэль обнажила кинжалы и уверенно шагнула к portalу. Да, Кали ее соперница, да она безусловно, гораздо красивее ее, но она не станет сейчас думать об этом, сейчас важно, что Кали безоружна, а значит они смогут спастись. Сейчас им с Грандом нужно войти в портал. Они были уже в шаге от открытой двери, когда рядом с Кали появился орк, он встал рядом с дверью перехватив в боевое положение огромный лабрис.

— Рыдгар, убей его. Девчонка мне нужна живой. Ты единственный, мой возлюбленный, кто сможет войти с ними в эту дверь и спастись там. Когда выйдешь оттуда, найди способ связаться со мной, и я тут же примчусь к тебе. А теперь мне пора, иначе я могу пострадать...

— Да, госпожа, спасайся я все сделаю, — прорычал орк.

— Мирра, быстро в проход, я задержу этого... — крикнул Гранд и бросился на орка, не давая ему сделать шаг в портал.

Кали взмахнула руками и, обратившись в дракона, поднялась над обреченным селением. Звонко столкнулись с лабрисом оба меча Гранда. Начался бой между равными. Воинственный клич орка разорвал окрестности. Гранд молчал, лишь кружил, вокруг врага. Они сходились, нападая, и расходились отброшенные обороной противника. Мирра следила за этим и понимала, что лавину уже не остановить, еще немного и все здесь превратится в снежную пустыню. Но эти двое не собирались сдаваться. Она видела, как не выдержал прямого удара лабриса, упал на колени Гранд, спасла его только отличная реакция, вместо головы пострадало плечо. Гранд выронил один из мечей, но тут же встал на ноги, а орк опьяненный удачной атакой, продолжил наступление. Тут уже мастер меча исхитрился и оставил на теле зеленого гиганта глубокую рану, и в конце движения подхватил свой второй меч, но рука его не слушалась, орудовать им он все равно бы не смог, поэтому меч просто отправился в заплечные ножны. Мирриэль с замиранием сердца следила за этой битвой.

— Беги же, наконец, треклятая упрямец! Беги пока у меня еще есть силы, пока я могу, я буду его сдерживать! Я обещал тебя спасти, пойми же ты...

В его голосе уже слышалась мольба, краем глаза он уже видел стену снега, сминающую все на своем пути. Но Мирриэль понимала, что если она войдет в портал, Гранд будет обречен. Она вспомнила, как когда-то, кажется так давно, Энель своими кинжалами смогла остановить поединок между Каленом и Карой. Решение пришло само. «Близнецы» скользнули из ножен, и она ждала удобного момента, когда соперники оказались напротив портала всего в одном шаге от него, она ураганом вклинилась между ними, сбивая удары их оружия, вынуждая их для поддержки равновесия, сделать именно этот, такой необходимый шаг. Острая сталь лабриса, разорвало легкую ткань куртки и впилась в нежную кожу на плече, срезая ее с костей. Мирриэль закричала от боли, но не остановилась. Голубое сияние приняло в свои объятия всех троих одновременно и в тот же миг, с другой стороны, портал засыпало сошедшей лавиной. Портал с тихим шелестом закрылся за троицей. Орка отбросило на несколько шагов, а Мирриэль не удержала равновесия и упала на Гранда. Но зеленокожий воин не собирался отступать, и перехватив топор поудобнее, начал

наступление, но тут случилось, нечто чего он никак не мог ожидать от слабой израненной эльфийки, истекающей кровью. Она встала у него на пути, закрывая собой, еще судорожно сжимающегося от боли, вызванной контактом с миром демонов, человека.

— Нет. Я не позволю.

Орк лишь рассмеялся, ее щедушное тело не внушало никаких опасений. Даже одна его рука от локтя до плеча была более массивной, чем ее торс.

— Она сказала не убивать, — он оскалил клыки и как можно более угрожающе прорычал. — Но бить-то можно.

Рыдгар надеялся, что сердце эльфийки дрогнет, она должна была уступить. Но этого не случилось, она перехватила ножи. Ему это оружие показалось игрушечным, и он громко рассмеялся. И внезапно вспомнил слова Марька, о предательстве и о том, что будет дальше. Рыдгар отогнал мысли, госпожа не предала, она дала еще одно задание. Но умом он понимал, что эльфийка вполне могла бросить его там, он бы не успел войти в портал и спастись, но вместо этого, странная девчонка втокнула его в портал, презрев исходящую от него опасность, она спасла его, а госпожа оставила погибать. Ведь его богиня знала, что он не может находиться в мире демонов без должной защиты, он бы погиб, как и любой смертный, если бы эта несуразная мелочь не сделала это место безопасным. Не было больше времени на раздумья, он подумает об этом потом, сейчас его ждет небольшая тренировка и легкая победа, во имя кровавой богини. Но уже после первой атаки, он понял, что ошибся в остроухой. Он остановился, было понятно, что это мелкое недоразумение не собирается облегчать ему задачу и воспользоваться удачным моментом он не сможет.

— Сгинь, и клянусь ее крылом, я буду хорошо с тобой обращаться, когда ты будешь ее пленницей.

Эльфийка лишь улыбнулась, показывая красивые зубы.

— Я не стану ее пленницей, больше никогда.

Она была быстрой и ловкой. Он был силен, массивен, а его топор был грозным оружием, но при этом, она легко уходила от его атак и, преодолевая боль, подбиралась все ближе. Он даже не успел заметить, как она вынудила его повернуться спиной к все еще лежащему человеку. Она стояла всего в нескольких шагах, поигрывая ножами и истекая кровью.

— Остановись, я не хочу тебя убивать. Ты... еще жив. Жив, в отличии от людей, которые были там, — она кивнула в сторону закрывшегося прохода. — Послушай меня...

Он не стал слушать, он собирался броситься к ней, замахиваясь своим страшным топором, но она даже не шевельнулась, а на его голову опустилось что-то тяжелое и мир поплыл у него перед глазами. Эльфийка тяжело вздохнула и опустилась в лужу собственной крови.

— А я предлагала, все решить по-хорошему. Теперь придется так...

Сознание померкло в его глазах. Гранд аккуратно спрятал меч, навершием которого стукнул верзилу по голове, в ножны на спине.

— Отлично, ну что же, пойдём. Нам нужно выбираться. Тебе нужно исцелиться, да и я от помощи не откажусь.

— Я не могу исцелять себя, Гранд, — она тяжело вздохнула. — Да и мы не можем его оставить, Гранд, он живой...

— Брось, ты не серьезно?!

— Вполне серьезно. Я прошу тебя.

— Вот же. Ты потеряла много крови, у тебя бред, — он оторвал от своего плаща кусок ткани и перетянул ее рану на ноге, следующим куском он попытался остановить кровь на плече, но встретившись с ней взглядом, понял, что она не отступит. — Нужно было тебя еще там отшлепать.

Он раздосадовано махнул рукой и сняв с себя ремень, принялся связывать руки орку.

— И что дальше? Куда ведет этот портал?

— Не сомневайся, Гранд. Так будет правильно, друг мой.

— Отлично, только вот он слишком тяжелый, я не смогу его тащить, придется ждать, пока он придет в себя и пойдет сам. А ты за это время истечешь кровью и умрешь? Ты этого хочешь?

— Я не могу здесь использовать свою силу, я не могу помочь ни тебе, ни ему, здесь нет ничего, что могло бы дать мне энергию жизни, нам нужно выбирать, ты прав... Нет источников энергии жизни, кроме... — она улыбнулась. — Сейчас я попробую кое-что, когда увидишь рамку выхода, если у меня все получится, тебе просто нужно будет вытолкнуть туда его и меня. Гранд, тебе будет опять больно, я перемещу выход сюда, к нам, но использовать буду не внешний источник, а свою энергию, это очень... утомительно, я потеряю сознание и не смогу блокировать боль, ты снова получишь удар. В последний раз, для восстановления мне потребовалось несколько дней, обещаю тебе, что не тронешь его, не причинишь ему вреда, обещаю, что окажешь ему посильную помощь... Прошу, Гранд... Я поверю твоему слову... Прошу, быстрее, пока я еще в сознании...

— Ты совсем сумасшедшая. Хорошо! Даю слово, я позабочусь о тебе и о нем.

— Спасибо, Гранд

Ее глаза вспыхнули голубым огнем, голубое сияние охватила ее тело и из груди вырвался крик, отразившийся эхом в пустоте мира демонов. Эхо затихало, а вместе с его угасанием, он видел, как приближается портал выхода. Голубое сияние исчезло, она лежала без чувств. Гранд выругался.

— Проклятье на мою голову! Как же тебя угораздило влюбиться в такую безумную девицу, дружище! А я еще вызвался ее защищать... Болван...

Он оглянулся на орка. Тот сидел со связанными руками и внимательно наблюдал за происходящим.

— Что смотришь? Вот такая она. Твоя всемогущая госпожа бросила тебя погибать, а сама взмыла в небеса и забыла. А эта... вечно всех пытается спасти, забывает о себе... а потом, сама страдает, но она готова к этому, это не первый раз...

— Я знаю, — нахмурился орк. — Я не раз докладывал об этом своей госпоже, если бы могла, она и за первого бы сама умерла, но там она не могла ничего сделать... Но я не мог поверить в это, так не должно быть, это противоестественно. Когда она втолкнула в портал и меня тоже, я списал это на случайность, а потом услышал ваш разговор, это так странно...

Гранд хмыкнул.

— Вот же зараза, а ранил-то ты ее серьезно, а у меня и помочь ей нечем. Ладно, ты пришел в себя, давай к выходу, я ее возьму. Ты уж не обессудь, но топорик твой, придется здесь оставить, тебе я его не дам, а у меня рук не хватит...

— Развяжи меня, я понесу ее. А ты возьмешь мой топор. Не смотри на меня с недоверием, мне знакомо понятие чести, да получше чем многим людям. Я вам жизнью обязан, обоим... Не сделаю я ничего плохого, а помочь смогу. Я — шаман. Подлатаю ее, когда выберемся.

— Это вряди. На нее не действует магия, никакая, только раз получилось применить к ней самую древнюю эльфийскую и это было давно.

— Наша магия отличается от людской, возможно, у меня получится, ты дашь мне попробовать?

— Ты только недавно пытался нас обоих убить! Ты считаешь меня идиотом? Нет, я не стану тебя освобождать, я обещал ей не причинять тебе вреда, но не более того...

Гранд вложил ее ножи в ножны и попытался взять ее на руки. Его пронзила боль, раненная рука повисла плетью, он едва не уронил ее, упал вместе с ней на колени и злобно выругался.

— Вот же!!!! Ну и силища у тебя, ты мне кость раздробил в плече!

Орк стоял над ним поигрывая мускулами.

— Человек, если бы я хотел причинить тебе или ей вред, я бы уже сейчас это сделал. Мне даже мой топор не потребуется и не остановят связанные руки. Она без сознания, ты слаб, не сможешь сопротивляться, ты не сможешь ее защитить. Но я не сделаю ничего плохого вам. Я хочу помочь! Развяжи.

— Ой, чувствую я, беда творится. Орк предлагает помощь, а я не вижу другого выхода, только довериться ему. Конец мира близок, раз такое творится... Давай развяжу.

Неловко орудуя одной рукой, воин снял связывающий запястья орка ремень. Орк расправил огромные плечи и поднял свой лабрис.

— Все, ты свободен. Можешь заканчивать свое дело. Только об одном прошу, ей не причиняй боли, доставь живой к своей госпоже, а там, она, когда очнется, сама решит, что делать, во всяком случае она будет жить.

Орк склонился над ним оскалившись, держа топор наперевес. А потом закинул огромный лабрис за спину и закрепил ремнями и подал руку человеку, помогая ему подняться.

— Ты плохо обо мне подумал, человек, но я заслужил это. Я не в обиде. Для меня честь путешествовать в такой компании. Ты отличный боец, если бы не она, ты бы легко одолел меня. Мы, орки, умеем ценить воинское искусство и доблесть. Мое имя Рыдгар. Я подаю тебе руку и предлагаю мир. Давай забудем о нашей стычки и начнем с начала.

Гранд несколько раз ошарашено моргнул глазами, даже головой помотал, прогоняя морок. Но ничего не изменилось, орк по имени Рыдгар все так же дружелюбно скалился, протягивая ему руку.

— Ну что же. В наши безумные времена, видимо, возможно все. Я рад нашей встрече. Рыдгар. Мое имя Гранд. А это, — он указал на девушку. — Это Мирриэль, для друзей, просто Мирра. Самое необычное, сумасшедшее и в то же время, самое светлое существо с которым мне приходилось сталкиваться во время моих странствий.

— Она твоя возлюбленная? — без обиняков задал вопрос в лоб могучий орк.

— Нет, Рыдгар. Не моя. Она возлюбленная моего друга, тоже могучего воина и доброго человека, и, наверное, такого же сумасшедшего, как и она сама.

Рыдгар лишь удовлетворенно кивнул.

— Давай выдвигаться, Гранд.

Орк склонился над девушкой.

— Пстой, — Гранд остановил его. — Она без сознания. У нее есть несколько особенностей, одна из них в том, что, когда она без сознания, она может причинить боль, не желая этого. Просто будь готов это терпеть, или попытайся защититься своей магией.

Рыдгар кивнул и присел на корточки возле девушки. Он обмакнул палец в ее крови и поднес ее к носу, принюхиваясь, потом облизал палец и закрыл глаза.

— Это странно. Она эльфийка. Я знаю запах и вкус их крови... Но... Ее кровь другая. Примесь, чего-то... Очень знакомого, близкого мне...

Гранд смотрел на него не скрывая отвращения.

— Не кривись, Гранд. Я шаман, основа нашей магии — это кровь. Я знаю все о крови.

— Орки используют магию крови? Это черное ремесло, у нас запрещено, Магов крови уничтожают без права на оправдание.

— Людей эта магия губит, но мы не люди, — орк опять оскалил клыки.

Видимо это была улыбка.

— Светлое существо, говоришь, — орк сплюнул ее кровь, еще раз растер ее между пальцев и понюхал. — Очень сомневаюсь, человек! В ее крови дремлет древнее могущество. Очень большая сила. Но эта сила спит. Когда она осознает свою силу, она будет равно силой моей госпоже, если не станет сильнее. А еще, в ее крови есть частичка этого мира, мира демонов, мира духов, словно, она не совсем эльфийка, словно...

— Она сродни демону... Ага, я тоже уже понял это.

— Странное сочетание. Темный эльф, я только слышал о таком, никогда не сталкивался. Но теперь я смогу это использовать. Мне потребуется немного ее крови.

— Думаю, лужи у ее ног тебе хватит?

— Вполне.

Орк опустил руки в ее кровь и нарисовал на своем теле несколько знаков.

— Теперь ее влияние будет значительно ниже, — он склонился и дотронулся до девушки, и немедля отдернул руку, громко негодуя зарычав. — Не вышло. Странно. Ладно. Я смогу вынести ее преодолевая эту боль. А ты, когда поднимал ее тоже...

— Да, это действует на всех. За исключением одного человека... Но его здесь нет и нам придется с этим смириться.

— Хорошо, я смогу это потерпеть, чтобы вынести ее отсюда.

Гранд кивнул и улыбнулся.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь встречу орка и скажу ему что-то в этом роде, но ты, Рыдгар, хороший парень.

Орк опять показал крупные клыки, изображая улыбку и кивнул в знак готовности. В голове Рыдгара все сложилось. Странное предсказание Марыка, которое тогда показалось нелепицей, теперь обрело смысл. Орк увидел в этом человеке не только храбрость и достоинство, он увидел готовность защищать, готовность умереть за свое дело. Орки всегда это ценили, но Красная всегда внушала им, что такие качества не присущи другим расам, только им, оркам, значит она лгала. А если она лгала в этом, в чем еще? Все было ложью. Ложный бог. Кровавая богиня, которая не является их матерью, а использует их и выбрасывает потом словно мусор. Рыдгар словил себя на мысли, что больше не называет ее госпожой. Теперь он, как и Марык, называл ее просто Красной. Гранд встал прямо у портала, Рыдгар отбросил мысли и подготовился испытывать боль, он зарычал и, подхватив легкое тело на руки, в два шага оказался у рамки портала. Они сделали шаг вместе, оставляя мир демонов за спиной. Они стояли на зеленой поляне на самой опушке бескрайнего леса. Испугавшись их появления, с поляны бежало несколько тонконогих косуль и в разные стороны метнулось семейство зайцев. С веток ближайшего дерева в небесную высь, оглашая округу встревоженным чириканьем, сорвалось несколько птиц. А глубокую синеву неба

пронзил далекий крик сокола.

— Демон меня раздери, — в сердцах выругался Гранд. — Что еще удумала эта девчонка? Ты знаешь где мы?

Рыдгар опустил девушку на изумрудный ковер мягкой травы и пытался перевести дыхание. Он не ответил на вопрос, лишь отрицательно мотнул головой.

— Да и откуда тебе знать, — опомнился Гранд. — Мы на границе эльфийских лесов, стоит войти в этот лес, и мы уже на исконных землях эльфов, вот уж не думаю, что король остроухих обрадуется таким гостям как я, и тем более, ты. Во что она опять хочет ввязаться???

Ему никто не ответил, лишь из чащи леса донеслось тревожное «ку-ку». И кукушке ответил, летящий высоко в небе, за облаками сокол.

Больше книг на сайте - Knigolub.net